П. А. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ

КРИЗИС САМОДЕРЖАВИЯ НА РУБЕЖЕ

1870—1880-х годов

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1964

DK
221
.Z3
1964
c.1

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

THE JOHNS HOPKINS
THE
MILTON S.
EISENHOWER
LIBRARY

gift of Dr. Jeffrey Meeks
Aug 1977

Светлой памяти моего учителя
академика Юрия Владимировича Готье

От автора

Кризис самодержавия, возникший в России в конце 70-х— начале 80-х годов, являлся в конечном счете следствием сохранения в экономике страны феодально-крепостнических пережитков, обусловленных характером крестьянской реформы 1861 года. Крестьянская реформа определила, в свою очередь, направление политических реформ, носивших в основном половинчатый характер.

Данное исследование является логическим продолжением наших книг «Отмена крепостного права», «Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 года» и ставит своей задачей осветить более или менее подробно внутреннюю политику правительства в период кризиса.

Работа основана на изучении широкого круга источников, преимущественно не опубликованных, относящихся в основном к официальным материалам как высших, так и центральных государственных учреждений Российской империи.

Начальная дата исследования — весна 1878 года, конечная — середина 1882 года. Первая дата обусловливается тем, что именно в это время самодержавие в условиях нарастания революционной ситуации оказывается уже неспособным управлять на основе существовавшего законодательства. Вместе с тем наличные государственные учреждения также оказываются недостаточными для борьбы с революционным движением. Отсюда, во-первых, переход от нормального законодательства к исключительным, чрезвычайным законам и, во-вторых, создание специального органа власти — Особых совещаний — «для изыскания мер к лучшей охране спокойствия и безопасности в империи». Все это, на наш взгляд, свидетельствовало о наступавшем кризисе самодержавия.

Конечная дата исследования связывается с увольнением в отставку министра внутренних дел Н. П. Игнатьева и приходом к власти Д. А. Толстого. Назначение Толстого, ярого представителя реакции, министром внутренних дел свидетельствовало о том, что самодержавие в основном преодолело кризис.

Итак, предметом нашего исследования является политический кризис самодержавия. Все остальные стороны общественно-политической жизни рассматриваются нами лишь в той мере, в какой это необходимо для понимания и освещения вопросов внутренней политики.

В приложении публикуются доклады министра внутренних дел Н. П. Игнатьева Александру III. В конце книги помещены библиография вопроса и указатель имен. Приношу глубокую благодарность И. И. Корндорф за редактирование библиографического указателя.

ВВЕДЕНИЕ

(Характеристика исторической обстановки, источники, историография)

В конце 70-х годов XIX века в стране нарастала революционная ситуация. Характеризуя революционную ситуацию, В. И. Ленин указывает три главных ее признака: «1) Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство... Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому. 2) Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов. 3) Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс...» [1].

Все эти признаки в той или иной степени были налицо. Сложившаяся обстановка была вызвана всем ходом социально-экономического и политического развития страны, и в первую очередь характером крестьянской реформы. Борьба против феодально-крепостнических пережитков, сохранившихся после реформы, — таково объективное значение массового и революционного движения этого периода.

Экономическое положение народных масс значительно ухудшилось. Это являлось следствием общего положения, в котором находилось крестьянство в результате грабительского характера крестьянской реформы.

По мнению Особой комиссии, учрежденной Министерством финансов для составления предположений об уменьшении выкупных платежей, причины, вызвавшие тяжелое состояние деревни, коренились в условиях реформы. «Отведенный крестьянам... надел, — говорилось в журнале комиссии, — в весьма многих местностях оказался не обеспечивающим уплаты следующих с него выкупных платежей... Недостаток угодий, особенно лугов и пастбищ, необходимость вследст-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 189—190.

вие того в найме за дорогую цену отрезанных земель, такая же необходимость в найме земель во избежание потрав. Недоброкачественность, иногда совершенная бесплодность наделов, недостаток скота, без которого невозможно вообще прибыльное ведение полевого хозяйства, не дающее урожаев без удобрения, и невозможность пополнить этот недостаток по неимению для того как денежных средств, так и достаточного количества луговых и пастбищных земель, а также вследствие существования круговой поруки, побуждающей зажиточных хозяев держать по возможности меньшее число голов скота во избежание продажи его на пополнение недоимок...» «Весь этот ряд неблагоприятно действовавших на крестьянский быт условий, — говорилось далее, — в весьма многих случаях усиливался отводом крестьянам в счет надела неудобных или удаленных от усадеб земель и лишением права пользования лесным материалом...» «Последствием этих неблагоприятных условий для крестьянских хозяйств, — резюмировала комиссия, — было положение, которое разными органами управления в разных местах очерчено следующим образом: «Полевые земли, оставаясь без удобрения, истощаются с каждым годом более и более, чем объясняются отчасти неурожаи последних пяти лет» [2].

Эту характеристику положения крестьянского хозяйства нельзя не признать правильной. Все это, естественно, приводило к систематическим голодовкам миллионов крестьян, массовым эпидемиям и другим социальным бедствиям.

На протяжении 70-х годов увеличиваются в целом по России недоимки по выкупным платежам. Так, в 1871 году губерний, в которых недоимки превысили 50% оклада, было восемь (из них в пяти они составляли свыше 100%), а в 1880 году их насчитывалось уже 14 (из них в 10 губерниях недоимки были более 100%, а в одной из них — Смоленской — 222,2%) [3].

Война 1877—1878 годов вызвала дополнительные трудности. Во-первых, было призвано в армию из запаса 565 427 человек [4], в подавляющей своей части из сельского населения. Во-вторых, в результате войны сложилось крайне тяжелое

[2] Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, д. 28, 1881 г., лл. 72 — 74.

[3] ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, д. 104, 1881 г., лл. 174—187.

[4] Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. Канцелярии Военного министерства, № 1 (Л), оп. 2, д. 25, стр. 39; д. 26, стр. 16.

финансовое положение, также отражавшееся на народных массах. Война вызвала 1 020 578 489 руб. чрезвычайных расходов[5]. Эти расходы были покрыты новым выпуском кредитных билетов на сумму 500 млн. руб., а также внутренним и внешним займами[6]. Призыв запасных по преимуществу из наиболее трудоспособных слоев деревни, дополнительные финансовые тяготы, рост цен — все это приводит к ухудшению положения народных масс, и в первую очередь сельского населения. Вполне естественно, что это вызывало обострение классовых противоречий. Приведем данные о крестьянском движении за десятилетие с 1875 по 1884 год[7].

По отдельным губерниям крестьянские волнения проходили неравномерно[8]. Несовершенство статистических данных о крестьянских волнениях вообще и приводимых нами в частности заключается и в том, что само понятие «крестьянское волнение» включает в себя и выступление крестьян в масштабе одной деревни или имения, и движение, охватывавшее десятки тысяч крестьян и длившееся несколько лет. В силу этого дадим более подробную характеристику крестьянского движения.

Свои особые черты имели волнения бывших помещичьих

---

[5] См. И. С. Блиох. Финансы России в XIX столетии, т. 2. СПб., 1882, стр. 237.

[6] Там же, стр. 245.

[7] Эти данные основаны на материалах центральных архивов: фондов III отделения с. е. и. в. канцелярии, Министерства внутренних дел (канцелярии министра и Земского отдела), Министерства юстиции; вполне естественно, что они не могут быть исчерпывающими. О многих случаях крестьянских волнений не сообщалось в Петербург, однако это относится лишь к незначительным по своим размерам волнениям, и можно с уверенностью сказать, что все выступления крестьян, вызывавшие в той или иной степени беспокойство властей, находят свое отражение в указанных выше фондах, почему приводимая таблица может дать ясное представление о динамике движения. Указанные данные заимствованы для периода 1875—1880 гг. из документов о крестьянском движении, подобранных для подготовляемого под нашей редакцией сборника «Крестьянское движение 70-х годов XIX столетия». Все архивные дела, на основе которых составлена таблица, указываются нами в конце книги, в примечании 2. Данные о движении за 1881 — 1884 гг. заимствованы из сборника документов «Крестьянское движение в России 1881 — 1889 гг.» (Соцэкгиз, М., 1960). Номера использованных документов приводятся нами также в примечании 2. Надо сказать, что не принимаются во внимание случаи крестьянских волнений, не вызывавшие каких-либо нарушений закона, а ограничивавшиеся только составлением приговоров, прошений и т. д. См., например, «Крестьянское движение в России в 1881 — 1889 гг.», № 83. Нужно также отметить, что волнения, продолжавшиеся несколько лет, учитываются за каждый год в отдельности.

[8] Таблицу о крестьянских волнениях по губерниям см. в примечании 1 в конце книги.

Таблица 1

Крестьянское движение за десятилетие с 1875 по 1884 год

Годы	Число губерний, охваченных движением	Общее число выступлений	Из них					Число волнений, прекращенных войсками
			земельные споры, требования увеличения наделов и т. д.	выступления против местной администрации	размежевание угодий, переселение, выселение	захват земли, урожая, потравы, порубки и т. д.	отказ от уплаты повинностей, от земли и т. д.	
1875	13	17	3	4	4	4	2	4
1876	15	23	5	2	8	3	5	5
1877	8	9	1	1	6	—	1	3
1878	20	31	—	8	9	6	8	5
1879	23	46	3	6	8	12	17	8
1880	10	13	1	—	8	3	1	4
1881	10	17	—	2	11	2	2	4
1882	17	29	8	2	7	5	7	9
1883	29	62	10	6	16	23	7	19
1884	26	81	14	—	8	47	12	19
Всего		328	45	31	85	105	62	80

крестьян, связанные с продолжавшейся реализацией реформы 1861 года (перевод на выкуп, размежевание угодий, переселения и т. д.). Все эти выступления хотя и носили локальный характер, не распространяясь за пределы волости, но отличались активностью, нередко приводили к столкновениям с представителями местной власти и подавлялись с применением вооруженной силы.

Большое место в движении занимали волнения государственных крестьян. Эти выступления возникали в связи с введением владенных записей. Движение государственных крестьян приобретало значительно большие размеры, но, как правило, носило не столь активный характер.

К числу наиболее массовых надо отнести движение государственных крестьян Киевской губернии, продолжавшееся с 1875 по 1878 год. Центром волнения явился Чигиринский уезд. По данным киевского губернского прокурора, в движении принимали участие крестьяне 19 волостей с общим числом до 40 тыс. человек[9]. Крестьяне требовали перехода от подворного к подушному землепользованию. Наиболее активный характер носили волнения 1875 года, когда власти вынуждены были вводить в ряд сел военные команды. В 1875 году происходило волнение около 5000 государственных крестьян Воронежской губернии, подавленное также с помощью военной команды[10].

В 1878 году имели место крупные выступления государственных крестьян Асовской и Тазовской волостей Кунгурского уезда Пермской губернии[11] и в четырех волостях Оренбургской губернии[12]. Эти волнения были связаны с составлением владенных записей. Второе из них было прекращено с помощью войск. В 1878—1879 годах происходит значительное по численности движение крестьян-татар в Казанской губернии, продолжавшееся в течение двух лет. Оно охватило ряд уездов (Казанский, Тетюшский, Чистопольский, Спасский, Лаишевский, Мамадышский) и распространилось на соседние губернии (Вятскую, Самарскую)[13]. Движение

[9] ЦГИАЛ, ф. Министерства юстиции, № 1405, 1878 г., оп. 72, д. 1782, лл. 2—21. По данным Д. П. Пойда, число крестьян, участвовавших в волнении, достигло 50 тыс. человек. См. Д. П. Пойда. Крестьянское движение на Правобережной Украине в пореформенный период. Днепропетровск, 1960, стр. 198.

[10] ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, 1875 г., оп. 53, д. 132, лл. 120 — 125.

[11] ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, 1879 г., оп. 53, д. 130.

[12] ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, 1878 г., оп. 53, д. 119, лл. 9—19.

[13] ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, 1878 г., оп. 53, д. 98. См. также «Аграрный вопрос и крестьянское движение в Татарии в 50—70-е годы XIX века». М. — Л., 1936, стр. 343—436.

было вызвано слухами о насильственном крещении татар, но не отличалось особой активностью и было прекращено в основном без применения военных команд [14].

Серьезные и упорные волнения происходили в 1879 году среди государственных крестьян Ново-Григорьевского уезда Ставропольской губернии. Эти волнения, получившие распространение в Виноделенской, Петровской и Кугультинской волостях указанного уезда и происходившие в связи с выдачей владенных записей, были подавлены воинской силой [15].

В 1880 году продолжаются волнения государственных крестьян в Кунгурском уезде Пермской губернии, а также имеет место среди государственных крестьян 31 селения Орловского уезда Вятской губернии. Эти волнения также были связаны с выдачей владенных записей и проведением межевых работ. В первой половине 80-х годов волнения государственных крестьян, отличавшиеся массовостью, прекращаются, однако общее число крестьянских волнений возрастает.

Обратимся к анализу приводимой нами таблицы. Рассматривая динамику крестьянского движения второй половины 70-х и первой половины 80-х годов, необходимо прежде всего отметить, что общее число крестьянских волнений за десятилетие составляет довольно внушительную цифру — более 300. Из них в 80 случаях волнения были прекращены с помощью войск. Сопоставляя крестьянское движение 60-х годов (после 1863 года) с рассматриваемым периодом, надо отметить известный спад его. Спад этот вполне естествен, так как в 60-е годы реализация Положений 19 февраля была еще далеко не закончена, что и вызывало непрерывные столкновения крестьян с помещиками.

Однако, несмотря на то что проведение в жизнь крестьянской реформы в 70-е и 80-е годы уже в основном завершилось, крестьянские волнения не прекращались. В 1878 и 1879 годах движение усиливается, в начале 80-х годов — спадает. Таким образом, налицо некоторый рост движения тотчас же после окончания войны. К тому же надо сказать, что движение крестьян во второй половине 70-х годов отличается большей массовостью.

---

[14] За исключением вызова воинской команды в Казанский уезд в 1878 г.

[15] Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), ф. III отделения, № 109, 3 экспедиция, д. 51 за 1879 г. См. также статью В. П. Крикунова «Крестьянское движение на Северном Кавказе в период революционной ситуации в России в 1879—1881 годах». «Уч. зап. Кабардинского гос. пед. ин-та», 1955, вып. 7, стр. 57—72.

В начале 80-х годов, после некоторого спада, оно снова усиливается как в отношении количества выступлений, так и их активности [16]. Значительно увеличивается число волнений, подавленных силами войск.

Положение в деревне на рубеже 1870—1880-х годов отнюдь нельзя характеризовать лишь на основе анализа числа крестьянских волнений. Необходимо иметь в виду также и ту напряженную обстановку, которая складывается в деревне в 1878—1879 годы под влиянием массовых слухов о «черном переделе». Эти слухи вызывали у властей бо́льшую тревогу, чем те или иные локальные крестьянские волнения. Слухи о переделе земли, по нашему мнению, выражали наивно монархические надежды крестьян на царские милости, которые должны быть даны крестьянам по окончании войны. Распространителями этих слухов в большинстве случаев были отставные солдаты. Так, летом 1879 года киевский губернатор сообщал министру внутренних дел, что в губернии распространяются слухи о том, что «вернувшиеся домой солдаты за понесенные ими во время войны труды будут наделены землей» [17]. Об этом же сообщает несколько месяцев спустя и симбирский губернатор, указывая, что слухи о переделе земли распространялись «проходившими нижними чинами, уволенными из действительной службы в запас и отставку, и преимущественно теми из них, которые были в Турции» [18].

Как доносил министру внутренних дел келецкий губернатор, в одну из гмин явилась группа отставных солдат «с просьбой выяснить им, когда и в каком виде они получат пособие в награду за труды, понесенные ими во время последней войны, на основании высочайших приказов, объявленных им военным начальником» [19].

Подобного рода надежды на царские милости после войны возникали не впервые. Это наблюдалось и после Отечественной войны 1812 года, и после Крымской войны, свидетель-

---

[16] Мы не анализируем причин роста движения в 80-е годы, так как это выходит за рамки исследования.

[17] ЦГИАЛ, ф. Канцелярии министра внутренних дел, № 1282, оп. 2, д. 1081, л. 75.

[18] Там же, л. 338.

[19] Там же, л, 57. В некоторых случаях эти слухи конкретизировались. Так, по донесению казанского губернатора, один из распространителей слухов, отставной солдат, заявил о том, что «в сражении под Плевной генерал Скобелев согласился дать помощь только тогда, когда ему обещали в награду подарить всех крестьян Казанской губернии... а все прочие крестьяне уже станут помещичьими» (там же, л. 36).

ствуя о вере в «доброго царя», которая все еще сохранялась у крестьян[20].

Распространение подобных слухов, естественно, увеличивало борьбу крестьян против помещиков и приводило к различного рода волнениям. «В последнее время почти во всех уездах Могилевской губернии, — писал могилевский губернатор министру юстиции от 25 июля 1881 года, — возникают дела по захватам со стороны местного крестьянского населения земель и лесов, принадлежащих соседним владельцам»[21].

Наряду со слухами о переделе земли получают большое распространение и самовольные переселения крестьян в Сибирь, о чем министром внутренних дел был в 1879 году разослан губернаторам специальный секретный циркуляр[22].

Отмечая известный рост крестьянского движения в конце 70-х годов, нельзя не сказать, что оно было неизмеримо слабее подъема крестьянского движения в годы отмены крепостного права. Однако положение, сложившееся в деревне, вызывало большое беспокойство в правительственных сферах. В отличие от 1861 года уже существовала партия, выражавшая интересы крестьянства и пытавшаяся, правда безуспешно, вовлечь его в борьбу за социальную революцию. Именно этого больше всего боялось правительство, в силу чего крестьянский вопрос занимал большое, можно сказать центральное место во внутренней политике.

Наряду с крестьянским движением наблюдается известный рост стачечной борьбы в период промышленного подъема в 1878—1879 годах. В 1878 году происходит ряд крупных стачек в Петербурге и в провинции. В Петербурге на Новобумагопрядильной фабрике в стачке принимают участие 2000 человек; в Серпухове Московской губернии — 2500 человек; на фабрике Третьяковых в Московском уезде — 1500 человек; в Тейково Шуйского уезда Владимирской губернии — 3000 человек.

В конце 1878 года в Петербурге возникает «Северный

---

[20] Однако наряду с этим среди крестьян, по-видимому, под влиянием народнической пропаганды обнаруживается и другое отношение к царю. Как сообщал псковский губернатор, крестьянин деревни Городище Островского уезда Василий Семенович Кривой в своем дневнике писал: «Хотя и стреляли в царя, но жалко, что его не убили, ибо он земли нам не дает» (ЦГИАЛ, ф. Канцелярии министра внутренних дел, оп. 2, д. 1081, л. 169). Необходимо сказать, что других примеров подобных настроений мы привести не можем.

[21] ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, № 1291, 1881 г., оп. 53, д. 1, л. 9.

[22] См. главу I, стр. 111.

союз русских рабочих», объединявший несколько сотен человек и ставивший своей задачей ведение борьбы за политические свободы.

В 1879 году происходит 8 крупных стачек с участием в каждой не менее 1000 рабочих. В них всего принимают участие 16 200 рабочих. В 1880 году было 5 крупных стачек, в которых участвовало 13 100 человек. В 1881 и 1882 годах крупных стачек не было. Все эти стачки и волнения носили чисто экономический характер.

Известный подъем рабочего движения также характеризовал собой рост активности масс. Однако самостоятельного значения рабочее движение в этот период все же еще не имело. Им была затронута лишь незначительная часть рабочего класса. Динамика волнений и стачек за десятилетие с 1875 по 1884 год характеризуется следующими данными[23]:

Таблица 2

Годы	Число волнений	Годы	Число волнений
1875	24	1880	26
1876	27	1881	25
1877	16	1882	22
1878	44	1883	29
1879	54	1884	25

Итак, на рубеже 70—80-х годов мы наблюдаем ухудшение положения народных масс и некоторый рост крестьянского, а также рабочего движения.

Война 1877—1878 годов способствовала росту революционного, а также оппозиционного движения; она обнаружила всю никчемность правительства. Бессмысленные потери под Плевной, массовые злоупотребления и хищения, поведение на театре войны самого Александра II и его царственных братьев — главнокомандующих — все это не могло не способствовать падению авторитета императора и всего царствующего дома.

К. Д. Кавелин в анонимной брошюре «Политические призраки», говоря о недостатках правительственной системы, обнаружившихся со всей очевидностью во время войны, писал: «Несостоятельность ее, которую понимали пока все еще

[23] «Рабочее движение в России в XIX веке», т. II, 1861 — 1884, ч. 2 — 1875 — 1884. Госполитиздат, М., 1950, стр. 644 — 676. Данные о крупных стачках заимствованы из того же источника.

немногие, теперь резко представилась даже недавним ее поборникам»[24].

Бесспорно, война многих благонамеренных превратила в людей, способных критически воспринимать действительность.

«Причина наших неудач, — писал офицер штаба главнокомандующего М. А. Газенкамф, — не в частных ошибках, а гораздо глубже. Иначе не случилось бы одно и то же в двух частях света. В Азии — Зивин, здесь — Плевна. Если б у нас был внутренний порядок, то частные поражения послужили бы нам наукой, а не повлекли бы за собой полный застой и общую неурядицу»[25].

Полуудачная война привела в 1878 году к угрозе создания в Европе антироссийской коалиции. Условия Сан-Стефанского мира были значительно изменены решениями Берлинского конгресса.

Еще в дни Берлинского конгресса И. С. Аксаков, рассматривавший происходящее на нем как национальное унижение России, говорил в своей речи в Московском славянском комитете: «Долг верноподданных велит всем нам надеяться и верить, — долг же верноподданных велит нам и не безмолвствовать в эти дни беззакония и неправды, воздвигающих средостение между царем и землей, между царской мыслию и народной думой»[26].

Наконец, освобождение Болгарии и создание в ней конституционного государства порождали надежды на конституцию и в России.

Все это, с одной стороны, революционизировало демократически настроенную часть общества и усиливало оппозиционные настроения — с другой.

Особенностью общественно-политической обстановки конца 70-х годов являлся тот факт, что непосредственно кризис самодержавия был вызван не столько борьбой народных масс, сколько действиями партии, выражавшей интересы этих масс. «Вопреки утопической теории, отрицавшей политическую борьбу, — писал В. И. Ленин, — движение привело к отчаянной схватке с правительством горсти героев, к борьбе за политическую свободу. Благодаря этой борьбе, и только благодаря ей, положение дел еще раз

---

[24] К. Д. Кавелин. Собр. соч., т. II. СПб., 1908, стр. 927.

[25] М. Газенкамф. Мой дневник 1877—1878 гг. СПб., 1908, стр. 122.

[26] И. С. Аксаков. Славянский вопрос 1860—1886 гг. М., 1886, стр. 308.

изменилось, правительство еще раз вынуждено было пойти на уступки...»[27].

Так же оценивал обстановку и Ф. Энгельс[28]. Революционную борьбу народников в этот период возглавляла «Земля и воля». Неудача пропаганды среди крестьян приводит ее к кризису. Террористическая деятельность, носившая первоначально лишь характер расправы с предателями и наиболее ненавистными представителями власти, начинает превращаться в основное орудие революционной борьбы. «Политические убийства — это осуществление революции в настоящем», — писал Н. Морозов в «Листке Земли и воли»[29]. Вместе с тем часть революционных народников начинает понимать необходимость борьбы за политические свободы.

В результате этого происходит раскол «Земли и воли», и создается партия «Народная воля», признававшая необходимость завоевания политических свобод. Народовольцы считали крестьянство «главной народной силой», но вместе с тем придавали огромное значение для победы революции участию в борьбе армии и рабочих. «Городское рабочее население, имеющее особенно важное значение для революции, как по своему положению, так и по своей относительно большей развитости, должно обратить на себя серьезное внимание партии, — говорилось в одном из программных документов «Народной воли» («Подготовительная работа партии»). — Успех первого нападения всецело зависит от поведения рабочих и войска»[30]. В силу этого А. И. Желябовым была составлена «Программа рабочих членов партии «Народной воли». Народовольцы создают специальный орган — «Рабочую газету» и ведут агитационную работу среди столичных рабочих. Желябов создает и военную организацию «Народной воли», состоявшую из офицеров.

Однако основное внимание народовольцев было сосредоточено на террористической деятельности: «Искусно выполненная система террористических предприятий, одновременно уничтожающих 10—15 человек — столпов современного правительства, приведет правительство в панику, лишит его единства действия и в то же время возбудит народные массы, т. е. создаст удобный момент для нападения»[31].

Исполнительный комитет «Народной воли» сосредоточил

---

[27] В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 36.
[28] См. ниже, стр. 45.
[29] «Листок Земли и воли», № 2—3, 22 марта 1879 г.
[30] «Литература партии „Народная воля“». М., 1930, стр. 308.
[31] Там же, стр. 305.

все свои усилия на подготовке убийства Александра II. Таким образом, практическая деятельность народовольцев сводилась к политическому заговору.

Нельзя не отметить, что эта террористическая деятельность вызвала страх и растерянность среди господствующих классов. «Только во время уже разгоревшегося вооруженного восстания, — писал впоследствии помещик и чиновник А. А. Плансон, — бывает такая паника, какая овладела всеми в России в конце 70-х годов и в 80-м. По всей России все замолкли: в клубах, гостиницах, на улицах, на базарах... И как в провинции, так и в Петербурге все ждали чего-то неизвестного, но ужасного. Никто не был уверен в завтрашнем дне» [32].

Эту оценку нельзя не признать несколько преувеличенной, поскольку автор пытается распространить панические настроения чуть ли не на все классы общества, но бесспорно, что правительственный аппарат и верхушка господствующего класса действительно испытывали эти чувства.

Рост оппозиционно-либерального движения также способствовал возникновению кризиса самодержавия. Именно с 1878 года усиливается земское движение, находившее свое выражение в различных адресах на имя царя. Если в большинстве из них содержались верноподданнические излияния, то некоторые земства выступают с критикой правительственной политики, требуя той или иной формы расширения сферы земской деятельности, а также предоставления политических свобод. Наиболее радикальными по своим воззрениям были земцы Черниговской губернии во главе с И. Петрункевичем и А. Линдфорсом. В начале 1879 года по инициативе Петрункевича был созван в Москве съезд земцев, где присутствовали видные либеральные деятели (бр. Бакунины, Гольцов, Родичев, Чупров и др.). Съезд высказался за необходимость введения в России конституции.

Однако либеральное движение оказалось по-прежнему незначительным, неспособным к серьезному давлению на правительство. Причина этого заключалась в слабости российской буржуазии, в прямой ее зависимости от самодержавия. Собственно либеральное движение и в этот период в основном было представлено не буржуазией, а преимущественно дворянской интеллигенцией, не имевшей прочной опоры ни в дворянстве, ни в буржуазии. Такова вкратце обстановка, сложившаяся в России к концу 70-х годов.

[32] А. А. Плансон. Былое и настоящее. СПб., 1905, стр. 261—262.

ИСТОЧНИКИ

Источники данного исследования можно подразделить на четыре группы: 1) официально-документальные материалы, или, как их принято называть, материалы официального делопроизводства, 2) дневники и воспоминания, 3) эпистолярные материалы и 4) публицистика.

Подавляющая часть источников относится к первой группе, которую нам представляется возможным подразделить, в свою очередь, на ряд подгрупп. К первой из них мы относим материалы законодательного характера в широком понятии этого слова, т. е. материалы, относящиеся к подготовке тех или иных законов, рассматривавшихся в Государственном совете, либо в Комитете министров, либо, наконец, в Совете министров. Фонды всех этих трех высших государственных учреждений хранятся в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде.

Как известно, в императорской России не существовало четкого разграничения функций между отдельными высшими учреждениями. Так, если подготовка тех или иных законов должна была проходить через Государственный совет — высший законосовещательный орган, то в действительности ряд важнейших законов рассматривался не в Государственном совете, а в Комитете министров. Это получило особенное распространение в царствование Александра III. Такие, например, важные законодательные акты, как Положение 14 августа 1881 года об усиленной охране, Временные правила о евреях 1882 года и ряд других, обсуждались не в Государственном совете, а в Комитете министров. Обсуждение законопроектов, носящих реакционный характер, правительство считало более целесообразным проводить через Комитет министров, менее многочисленный и более консер-

вативный, нежели Государственный совет. Наконец, ряд законов, преимущественно охранительного характера, обсуждался и в Совете министров. К ним относятся законы 3 апреля 1878 года, принятые после процесса Веры Засулич, а также 8 августа того же года, издание которых было предпринято тотчас же после убийства шефа жандармов Мезенцова. В Совете министров, в заседании 8 марта 1881 года, проходило также и обсуждение предложений гр. Лорис-Меликова, касавшихся созыва представителей цензовой общественности для предварительного обсуждения ряда законодательных предположений.

Степень полноты архивных материалов этой подгруппы находится в прямой зависимости от того учреждения, в котором подготавливался и рассматривался тот или иной закон. Наиболее полно представлены материалы Государственного совета. Здесь содержатся: первоначальное представление соответствующего министра, отзывы на него представителей других ведомств, замечания на эти отзывы сделавшего представление министра и, наконец, журналы или мемории заседаний как соединенных присутствий, так и общего собрания. В некоторых делах сохраняются и протоколы заседаний. Все это дает возможность подробно изучить ход рассмотрения тех или иных законопроектов.

К материалам Государственного совета относятся дела «Об изменении подсудности и порядка производства дел о преступлениях, предусмотренных 263—271, 285 и 393 ст. ст. Уложения о наказаниях, издания 1866 года, а также других наиболее тяжких преступлений против должностных лиц»[33]; «Об изменении некоторых статей закона 7 июня 1872 года, определяющих порядок производства дел по государственным преступлениям»[34]; «Об организации инспекции студентов»[35]; «О понижении выкупных платежей»[36]; «О постепенной замене подушной подати другими налогами»[37] и др.

Более важное значение для изучаемой нами темы имеет фонд Комитета министров. Дела, рассматривавшиеся в Комитете министров, менее полны: здесь имеются лишь представления соответствующего министра или главы того или иного ведомства и журнал заседания, на котором рассматри-

---

[33] ЦГИАЛ, ф. Департамента законов, 1878 г., д. 18.
[34] ЦГИАЛ, ф. Департамента законов, 1878 г., д. 17.
[35] ЦГИАЛ, ф. Департамента законов, 1881 г., д. 40.
[36] ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, 1881 г., оп. т. XV, дд. 28 и 104.
[37] ЦГИАЛ, ф. Департамента государственной экономии, 1882 г., д. 173.

вался данный вопрос. Журнал при этом составлен менее подробно, нежели соответствующие журналы Государственного совета. Протоколов заседаний, на основе которых составлялся журнал, не сохранилось. Наряду с упоминавшимися выше законопроектами (Положение об усиленной охране 14 августа 1881 года[38] и Временные правила о евреях 1882 года[39]) в Комитете министров рассматривались: решения Особого совещания весны 1879 года[40]; отчеты генерал-губернаторов, в частности временного одесского генерал-губернатора Тотлебена[41]; представления министров внутренних дел, например, относительно объявления по поводу слухов о переделе земли в 1879 году[42], о межгубернских земских съездах[43], о деятельности Кахановской комиссии[44], о переселении крестьян на свободные земли[45] и т. д.

Все эти дела, как правило, помещались в «Особых журналах» заседаний Комитета министров и решения по ним, получавшие силу закона после утверждения их царем, неподлежали опубликованию. В Полном собрании законов они отсутствуют.

Вопросы, обсуждавшиеся в Совете министров, не нашли в архивных материалах почти никакого отражения. Фонд Совета министров XIX столетия[46], возникшего в 1857 году (законодательно оформленного в 1861 году), очень невелик и содержит всего 96 дел. Если за время 60-х годов — период наиболее интенсивной деятельности Совета министров — в делах сохранились соответствующие представления и проекты решений, то в более позднее время этого уже нет. В делах, относящихся к концу 70-х — началу 80-х годов, мы находим, как правило, лишь распоряжения о созыве заседания, а также список лиц, присутствовавших на нем. Так, например, в деле 94 «О распоряжениях по объявлениям высочайших повелений о назначении 3 апреля и 8 августа 1878 года заседаний Совета министров» содержатся: а) телеграммы Александра II о созыве заседания на 8 августа, б) записка управляющего делами Совета министров Каханова о выполнении указанного повеления, в) отпуски приглаше-

[38] ЦГИАЛ, ф. Комитета министров, д. 4180, ст. 517.
[39] ЦГИАЛ, ф. Комитета министров, д. 4234, ст. 333.
[40] ЦГИАЛ, ф. Комитета министров, дд. 4041, 4042, ст. 384.
[41] ЦГИАЛ, ф. Комитета министров, дд. 4046, 4047, ст. 505.
[42] ЦГИАЛ, ф. Комитета министров, д. 4036, ст. 643.
[43] ЦГИАЛ, ф. Комитета министров, дд. 4163, 4164, ст. 73.
[44] ЦГИАЛ, ф. Комитета министров, дд. 4234, 4235, ст. 280.
[45] ЦГИАЛ, ф. Комитета министров, д. 4173, ст. 448.
[46] ЦГИАЛ, ф. 1275.

ний на заседание, г) сообщения о невозможности присутствовать на заседании, д) список присутствовавших лиц. То же содержится и в деле 95 «О распоряжениях по объявленному высочайшему повелению о назначенном заседании Совета министров» (8 марта 1881 года). Здесь имеются следующие документы: а) письмо Лорис-Меликова Валуеву о созыве заседания Совета министров, б) отпуски извещений о заседании и в) список присутствовавших лиц. Собственно, уже само наименование дел определяет отсутствие в них журналов заседаний и других аналогичных документов.

Наконец, некоторые законы вовсе нигде не обсуждались и принимались по докладу того или иного министра. Так, например, закон об отмене налога на соль был принят без всякого предварительного обсуждения на основе всеподданнейшего доклада министра финансов.

К этой же подгруппе официальных документов надо отнести материалы Особых совещаний, создававшихся в 1878—1879 годы для изыскания мер по борьбе с революционным движением. Особые совещания не являлись постоянным органом власти и создавались по специальным повелениям царя почти в одном и том же составе, под председательством министра государственных имуществ П. А. Валуева.

Первое Особое совещание, или, как оно первоначально именовалось, Совещательное присутствие, было образовано в конце марта 1878 года для обсуждения мер по борьбе с революционным движением. В составе этого совещания помимо его председателя находились министры внутренних дел, юстиции и народного просвещения, главноуправляющий II отделением с. е. и. в. канцелярии и шеф жандармов. Второе Особое совещание было образовано в конце июня в связи с деятельностью «Подпольного социалистического кружка, избравшего театром своих действий города Киев, Харьков и Одессу, именующегося «Исполнительным Комитетом русской социально-революционной партии». Состав совещания почти тот же: лишь вместо министра народного просвещения и главноуправляющего II отделением был введен военный министр. Третье Особое совещание созывается в том же составе с присутствием в нем бывшего шефа жандармов П. А. Шувалова 15 марта 1879 года, тотчас же после неудачного покушения на шефа жандармов Дрентельна; четвертое — в конце апреля 1879 года, вскоре после покушения Соловьева. Оно должно было «исследовать и выяснить причины быстрого распространения в среде молодого

поколения разрушительных учений» и изыскать меры борьбы с этим. Состав совещания был несколько шире: помимо лиц, находившихся в предыдущем, в него были включены министры народного просвещения, финансов, а также главноуправляющий II отделением. Это же совещание рассматривало в июне того же года предложения в области просвещения харьковского генерал-губернатора Лорис-Меликова[47].

Все эти материалы Особых совещаний по изысканию мер борьбы с революционным движением представляют исключительную ценность для нашей темы.

К сожалению, фонда Особых совещаний не существует, и материалы эти отложились в различных архивах. Так, материалы Особого совещания весны 1878 года (март—май) находятся в фонде III отделения[48]. Сюда входят журналы, точнее протоколы, отдельных заседаний, представляющие собой написанный писарской рукой экземпляр без подписей, а также подлинный общий журнал совещания с пометкой на первом листе рукою Валуева о распоряжениях Александра II по поводу решений совещания. Эти решения не обсуждались ни в Совете, ни в Комитете министров и были просто утверждены царем.

Журнал второго Особого совещания (подлинник) также находится в фонде III отделения[49]. Журнал Особого совещания 22 марта 1879 года (в копии) имеется как в фонде III отделения, так и в личном фонде Милютина[50]. Журнал Особого совещания апреля — мая 1879 года имеется в фонде Комитета министров, черновой экземпляр — в фонде Валуева[51]; печатный же экземпляр обсуждения предложений Лорис-Меликова — в фонде III отделения, а черновой экземпляр — в архиве Валуева[52].

---

[47] Помимо этих совещаний 4 января 1879 г. было создано Особое совещание, посвященное вопросу о влиянии предоставленного Медико-хирургической академии права сходок на другие учебные заведения. Копия журнала хранится в Отделе рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина (ГБЛ) в фонде Д. А. Милютина, папка 41, д. 14.

[48] ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, оп. 163, д. 502, т. 1.

[49] ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, оп. 163, д. 504. На первом листе резолюция Александра II. Опубликован Богучарским в примечаниях к Дневнику П. А. Валуева 1877—1884 гг. (Пг., 1919, стр. 295—301).

[50] ЦГАОР, ф. III отделения, оп. 163, д. 504. Отд. рукописей, ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, папка 39, д. 38.

[51] ЦГИАЛ, ф. Комитета министров, д. 4042, прилож. к ст. 384, а также экземпляр, написанный от руки самим Валуевым, в его фонде (ЦГИАЛ, ф. 908, д. 395).

[52] ЦГАОР, ф. III отделения, оп. 163, д. 502, т. 3 и ЦГИАЛ, ф. Валуева, д. 395.

Сюда же надо отнести и журналы Верховной распорядительной комиссии. Верховная распорядительная комиссия юридически и фактически не являлась коллегиальным органом и представляла собой консультативный, а точнее — исполнительный орган при ее начальнике — по существу диктаторе. Заседания комиссии происходили лишь в первые месяцы после ее создания. Всего Верховная распорядительная комиссия заседала 5 раз: 4, 11, 24 марта, 15 апреля и 1 мая 1880 года. Журналы заседаний сохранились неполностью в печатном виде. Черновые экземпляры всех журналов (рукописные с правкой рукой неизвестного лица) имеются в фонде Лорис-Меликова; печатные экземпляры без правки — в различных фондах, причем ни в одном из них нет полного комплекта[53].

Наконец, к этой же подгруппе, условно именуемой материалами законодательного характера, надо отнести и различного рода законодательные акты за 1878—1882 годы, помещенные в Полном собрании законов[54].

Ко второй подгруппе мы относим всеподданнейшие доклады министров и других руководителей высших государственных учреждений. Прежде всего упомянем, что в изучаемый нами период не сохранилось ни одного погодного всеподданнейшего отчета ни по Министерству внутренних дел, ни по III отделению. Последний из сохранившихся всеподданнейших отчетов по III отделению относится к 1869 году, по Министерству внутренних дел—к 1863 году. В то же время всеподданнейшие годовые доклады по Военному министерству сохранились, включая и начало XX века[55]. То же относится и к погодным отчетам Военного министерства, Государственного совета и государственного контролера[56]. Сохранилась также в рассматриваемый нами период и система погодных всеподданнейших губернаторских отчетов.

Все это, по нашему мнению, свидетельствует о том, что

---

[53] ЦГАОР, ф. Верховной распорядительной комиссии (ф. 94), д. 326; там же, ф. Лорис-Меликова, оп. 569, д. 96; ЦГИАЛ, ф. Валуева, оп. 3, д. 79; Отд. рукописей ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, папка 39, д. 41. Среди этих журналов не имеется журнала заседания за 1 мая, который сохранился лишь в одном экземпляре (черновом) в фонде Лорис-Меликова (ЦГАОР). Три первых журнала опубликованы в «Русском архиве», 1915, кн. 12.

[54] ПСЗ, 2 собр., тт. LIII, LIV, LV; 3 собр., тт. 1—2.

[55] Указанные литографированные всеподданнейшие доклады имеются неполностью в библиотеке Центрального государственного военного исторического архива (ЦГВИА) и полностью с 1861 по 1904 г. в фонде Д. А. Милютина в Отд. рукописей ГБЛ.

[56] Указанные отчеты регулярно публиковались.

погодные всеподданнейшие отчеты по Министерству внутренних дел, а также III отделению должны были существовать и, по-видимому, погибли[57].

Обратимся к всеподданнейшим докладам, представлявшимся по отдельным вопросам. Этот вид источника (в первую очередь доклады министра внутренних дел, главного начальника Верховной распорядительной комиссии и шефа жандармов) также чрезвычайно важен. В докладах содержится анализ существовавшего в стране положения и намечаются некоторые меры в тех или иных областях внутренней политики. На основе помет царя можно нередко судить и о том, как он сам реагировал на события.

К сожалению, мы не можем быть уверены в том, что этот источник использован нами целиком, учитывая далеко неполную сохранность фондов Канцелярии министра внутренних дел, а также Верховной распорядительной комиссии. Так, в фонде Канцелярии министра внутренних дел за 107 лет (с 1811 по 1917 год) сохранилось всего 5074 дела. К изучаемому нами периоду относится буквально не более двух-трех десятков дел. То же надо сказать и о фонде Верховной распорядительной комиссии. В нем в лучшем случае сохранилось не более $^1/_4$ дел[58]. Подавляющее большинство всеподданнейших докладов обнаружено нами в личных фондах. Только два доклада министра внутренних дел отложились в Департаменте общих дел Министерства внутренних дел и один — в Канцелярии министра[59]. Нет вместе с тем уверенности в том, что подобный источник сохранился полностью и в личных фондах. Казалось бы, что наиболее важными в этом отношении являются личные фонды Александра II и Александра III. Действительно, в этих фондах сохранился ряд всеподданнейших докладов, однако число их невелико[60]. По-видимому, по прочтении эти доклады возвра-

---

[57] Можно высказать предположение, что эти документы погибли во время эвакуации архивных фондов из Петрограда в 1918 г. в Ярославль, когда одна из барж с архивными документами затонула.

[58] Сохранилось 377 дел, но многие из них имеют делопроизводственные номера, превышающие одну тысячу. Наивысший номер — 1352.

[59] Доклад «О полном слиянии высшего заведования полиций в одно учреждение Министерства внутренних дел» (ЦГИАЛ, ф. 1289, оп. 241, д. 81) и доклад «Об учреждении Кахановской комиссии» (там же, д. 83); в фонде канцелярии министра — доклад Лорис-Меликова от 3 апреля 1880 г., оп. 1, д. 640.

[60] Так, в фонде Александра II имеются два всеподданнейших доклада Лорис-Меликова от 11 апреля 1880 г., д. 674 и от 28 января 1881 г., д. 693 (оба доклада опубликованы Голицыным в журнале «Былое», кн. 4—5 за 1918 г.). Кроме того, доклад министра финансов Бунге, отно-

щались обратно их авторам[61]. Ряд всеподданнейших докладов министра внутренних дел и шефа жандармов напечатан в журнале «Красный архив». Так, С. Н. Валк опубликовал доклады Лорис-Меликова от 2 и 4 марта 1881 года, касавшиеся организации суда над первомартовцами[62], В. Далаго и С. Ваксман — ряд докладов шефа жандармов за август — декабрь 1878 года о мероприятиях по борьбе с революционным движением[63], и, наконец, П. Е. Щеголевым опубликованы доклады за апрель — ноябрь 1879 года, касавшиеся того же вопроса и, в частности, содержащие сведения о террористической деятельности «Земли и воли»[64].

Третью подгруппу официальных документальных материалов составляют различные циркулярные и иные распоряжения, исходившие от министра внутренних дел и жандармских органов. Этот вид источника представляется не менее важным для изучения конкретных правительственных мер, осуществлявшихся в области внутренней политики. К этой подгруппе в первую очередь относятся циркуляры министра внутренних дел губернаторам, которые освещают правительственную политику в различных отраслях управления. Надо опять-таки сказать, что ни в одном из фондов Министерства внутренних дел и III отделения не сохрани-

---

сящийся также к 1880 г., д. 673. Вообще материалов, освещающих вопросы внутренней политики, в фондах императоров сохранилось немного. Так, в фонде Александра II — 170 ед. хр.; в фонде Александра III — 151.

[61] Значительная часть всеподданнейших докладов хранится в личных фондах большей частью в подлинниках с пометами царя, частью же в черновых вариантах. Так, в фонде Лорис-Меликова имеются следующие доклады: О ликвидации Верховной распорядительной комиссии от 26 ноября 1880 г., д. 64; о назначении сенаторских ревизий от 11 августа 1880 г., д. 87; в фонде Игнатьева — его доклады о деятельности Министерства внутренних дел от 22 декабря 1881 г., д. 1455; от 15 марта 1882 г., д. 1452; черновой экземпляр всеподданнейшего доклада о нецелесообразности подчинения корпуса жандармов и Департамента полиции начальнику императорской охраны, д. 1459; проект доклада о необходимости создания Верховной комиссии по делам печати, д. 1462; подлинный экземпляр всеподданнейшей записки министра внутренних дел о политике в отношении к земству, д. 1642; всеподданнейший доклад министра внутренних дел о пособии помещикам при выкупе от 24 декабря 1881 г. с резолюцией Александра III, д. 1582; записка о необходимости изгнания из государственных учреждений либеральствующих чиновников, также с пометой императора, д. 1489 и др. В фонде Валуева хранится подлинный экземпляр доклада Лорис-Меликова от 2 февраля 1880 года о деятельности его в Харькове, д. 409.

[62] «Красный архив», 1930, кн. 3 (40), стр. 176—184.

[63] «Красный архив», 1931, кн. 6 (49), стр. 112—143.

[64] «Красный архив», 1930, кн. 3(40), стр. 125—175.

лось их полностью. То же надо отметить и о публикации этих циркуляров. Наиболее важные из них, носившие секретный или конфиденциальный характер, не вошли в сборники циркуляров, издававшиеся Министерством внутренних дел. Вместе с тем этот источник представляется чрезвычайно ценным для изучения повседневной правительственной деятельности. В силу этого мы предприняли розыски указанных циркуляров в Центральном историческом архиве Украины, а также в областных архивах — в фондах московского, петербургского, киевского и харьковского генерал-губернаторов. Эти розыски увенчались успехом. Нам удалось обнаружить в этих фондах большое число циркуляров за период 1878—1882 годов[65].

Значительно хуже обстоит дело с официальной перепиской министра внутренних дел, содержащей в себе указания местным представителям власти. Таковой почти не сохранилось. Лишь в некоторых случаях этот пробел удалось восполнить материалами, хранящимися в других фондах. Так, распоряжение Лорис-Меликова об ухудшении режима политических заключенных в Карийской каторге, содержавшееся в официальном письме его генерал-губернатору Восточной Сибири, нам удалось обнаружить в фонде III отделения лишь в виде выписки из указанного письма.

Лучше обстоит дело с циркулярами отдельного корпуса жандармов, полностью представленными в коллекции, хранящейся в библиотеке ЦГИАЛ.

Обратимся к четвертой, последней подгруппе материалов официального делопроизводства. В нее мы включаем различного рода доклады, проекты, сметы, постановления местных органов власти и т. д.

Эти материалы хранятся в фондах Министерства внутренних дел (Канцелярия министра, Департамент общих дел, Департамент полиции), Верховной распорядительной комиссии, Министерства народного просвещения, III отделения, в частности в его секретном архиве, а также личных фондах П. А. Валуева, М. Т. Лорис-Меликова, Н. П. Игнатьева, Д. А. Милютина, В. К. Плеве и др. Так, в фондах Канцелярии министра внутренних дел, Департамента общих дел и III отделения содержатся дела о составе III отделения, его сметах[66], организации секретной агентуры как внутри стра-

[65] Ряд секретных циркуляров опубликован С. Н. Валком в журнале «Красный архив», 1931, кн. 2(45), стр. 147—164.

[66] ЦГИАЛ, ф. канцелярии министра внутренних дел, оп. 1, д. 643; ЦГАОР, ф. III отделения, секретный архив, оп. 3, д. 570.

ны, так и за границей[67]; в фондах Верховной распорядительной комиссии — различные сведения о штатах ее[68], о состоянии петербургской полиции[69], данные о делах по государственным преступлениям[70]. Как уже говорилось выше, фонд Верховной распорядительной комиссии сохранился далеко не полностью. Несколько дел Комиссии отложились в фонде канцелярии министра внутренних дел[71]. В фондах Департамента народного просвещения содержатся материалы, касающиеся разработки правил о студентах[72]. Большое число материалов этой подгруппы хранится, как уже говорилось, в личных архивах. В огромном фонде П. А. Валуева помимо материалов Особых совещаний содержатся различные записки его: о создании Верховной распорядительной комиссии[73], об организации института временных генерал-губернаторов[74], материалы подготовлявшейся цензурной реформы[75] и т. д.

В фонде М. Т. Лорис-Меликова сохранилось 75 дел, относящихся к его деятельности в качестве главного начальника Верховной распорядительной комиссии и министра внутренних дел. Среди них — его записка о преобразовании полиции, датированная 1 августа 1880 года[76], записка Каханова о взаимоотношениях жандармских властей с судебными органами[77], записка сенатора Маркова о производстве дел по государственным преступлениям[78], записка сенатора Ковалевского об административной ссылке[79] и др.

Фонд Н. П. Игнатьева[80] весьма обширен. В нем находятся 322 дела, относящихся к его деятельности в качестве министра внутренних дел. Среди них — различного рода доклады, нередко с пометами Александра III, официальная

---

[67] ЦГАОР, ф. III отделения, секретный архив, оп. 3, д. 711.
[68] ЦГАОР, ф. Верховной распорядительной комиссии, д. 367.
[69] ЦГАОР, ф. Верховной распорядительной комиссии, д. 326.
[70] ЦГАОР, ф. Верховной распорядительной комиссии, д. 340.
[71] ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 1, дд. 640, 641, 643—647.
[72] ЦГИАЛ, ф. Департамента народного просвещения, оп. 200, 1881 г., д. 25.
[73] ЦГИАЛ, ф. Валуева, д. 395.
[74] ЦГИАЛ, ф. Валуева, д. 396. Записка опубликована В. В. Гармизой в журнале «Исторический архив», 1958, № 1. Датирована ошибочно 1862 годом.
[75] ЦГИАЛ, ф. Валуева, д. 168.
[76] ЦГАОР, ф. Лорис-Меликова, д. 65.
[77] ЦГАОР, ф. Лорис-Меликова, д. 44.
[78] ЦГАОР, ф. Лорис-Меликова, д. 71.
[79] ЦГАОР, ф. Лорис-Меликова, д. 60.
[80] ЦГАОР, ф. 730.

переписка, различные записки о необходимости тех или иных реформ и др. Так, здесь находятся: две записки, излагающие программу правительственной деятельности[81], записка о состоянии полиции[82], записка «Главные основания внутренней охраны»[83], проект указа об амнистии революционеров[84], секретные сообщения петербургского полицмейстера об учреждении «Священной дружины»[85], об антиеврейских беспорядках[86] и др. Надо сказать, что большая часть этих записок-проектов представляет собой писарский список без подписи и даты, вследствие чего мы использовали их только в том случае, если находили прямые или косвенные свидетельства о достоверности их.

В фонде Д. А. Милютина и В. К. Плеве также имеются некоторые официальные материалы. Так, в фонде Плеве находится в черновом экземпляре представляющая немалый интерес записка о положении в университетах. На первом листе рукою Плеве написано: «Записка, представленная государю императору в мае 1881 года и послужившая поводом к учреждению Деляновской комиссии»[87].

К этой же подгруппе мы относим две всеподданнейшие записки П. А. Валуева и вел. кн. Константина Николаевича, содержащие в себе проекты государственных преобразований[88]: записка Валуева, поданная им Александру II, о реформе Государственного совета была составлена в 1863 году и обсуждалась снова в январе 1880 года. Записка эта опубликована в журнале «Вестник права» (1905, кн. 9). Подлинный экземпляр в фонде Валуева не сохранился, в других же фондах обнаружить его не удалось.

Аналогичный характер носит записка вел. кн. Константина Николаевича, составленная им с помощью кн. Урусова в 1866 году и содержащая проект образования особого собрания из депутатов, избираемых дворянством и земством, также обсуждавшаяся в начале 1880 года.

Записка вел. кн. Константина Николаевича сохранилась

---

[81] ЦГАОР, ф. 730, дд. 1457 и 1458.
[82] ЦГАОР, ф. 730, д. 1458.
[83] ЦГАОР, ф. 730, д. 1472.
[84] ЦГАОР, ф. 730, д. 1471.
[85] ЦГАОР, ф. 730, д. 1500.
[86] ЦГАОР, ф. 730, д. 1545.
[87] ЦГАОР, ф. Плеве, № 586, д. 22.
[88] Все остальные проекты преобразований, не представленные официально и не являвшиеся предметом официального рассмотрения, мы относим к группе публицистических источников. Подобное деление в известной мере условно, но все же представляется нам наиболее правильным.

в двух вариантах; первый относится к 1866 году, второй — к 1880 году. После обсуждения и отклонения его предложений в январе 1880 года им был написан с помощью Е. А. Перетца новый вариант записки, в котором нашли свое отражение сделанные на совещаниях возражения. Первый вариант излагается целиком Перетцем в той части его воспоминаний, которая сохранилась в машинописной копии (ЦГАОР, фонд Александра III); второй опубликован Берманьским в «Вестнике права» за 1905 г., кн. 9.

Особое место среди этой подгруппы занимают материалы местных архивов, точнее — фонды генерал-губернаторов киевского[89], харьковского[90], московского[91] и петербургского[92]. В этих фондах помимо указанных выше циркуляров содержатся обязательные постановления генерал-губернаторов, различные их донесения и т. д.[93].

Наконец, к этой же подгруппе мы относим и донесения австро-венгерского посла в Петербурге Кальноки министру иностранных дел Гамерлею. Эти донесения любезно предоставлены нам историком К. К. Гринвальдом и сверены в Венском архиве сотрудниками Главного архивного управления при Совете Министров СССР[94]. Они передают в первую очередь настроения и слухи, циркулировавшие в придворной, великосветской среде.

* *
*

Вторую группу источников составляют дневники и воспоминания. Они дают возможность более полно и конкретно представить себе как политическое положение в стране, так и расстановку сил внутри правительственного лагеря. Дневники и воспоминания знакомят нас с целым рядом деталей, касающихся внутренней политики, а также и с закулисной стороной правительственной деятельности, которая никогда

[89] Центр. гос. истор. архив Украины (ЦГИА УССР), ф. 442.
[90] Харьковский обл. истор. архив (ГАХО), ф. 5.
[91] Московский обл. истор. архив (ГИАМО), ф. 16.
[92] Ленинградский обл. истор. архив (ГИАЛО), ф. 2073.
[93] Нами не использован фонд временного одесского генерал-губернатора, однако, на наш взгляд, это компенсируется, во-первых, наличием отчета о деятельности временного одесского генерал-губернатора (см. ниже, стр. 93), во-вторых, наличием в фонде с.-петербургского генерал-губернатора ряда обязательных постановлений ген. Тотлебена и, в-третьих, тем, что деятельность одесского генерал-губернатора наиболее подробно освещалась в революционной прессе.
[94] Wiener Haus Hof und Staatsarhiv. Ministerium des Aussen. P. A. X—76—1, 76—2.

не находит отражения в официальных документах. Вполне естественно, что они рассматривают описываемые события сквозь призму личного восприятия. Это восприятие зависит в первую очередь от положения, занимаемого автором их в обществе, и от его политических воззрений. Вместе с тем необходимо помнить, что как дневники, так и воспоминания носят обычно апологетический характер. Если автор их, несмотря на свою принадлежность к правительственным кругам, способен порой критически относиться к деятельности царя и его приближенных, то лично свою роль он обычно преувеличивает и излагает ее апологетически. Этого не может не учитывать исследователь. Однако дневники и воспоминания представляют для нашей работы огромную важность. Без них буквально мы не смогли бы осветить ряда вопросов темы.

Для освещения рассматриваемых нами событий мы имеем возможность привлечь значительное количество дневников и воспоминаний. К ним относятся дневники П. А. Валуева, Д. А. Милютина, Е. А. Перетца, А. А. Половцова, А. А. Киреева, наследника престола вел. кн. Александра Александровича, вел. кн. Константина Константиновича, памятные книжки Александра II и др. Из воспоминаний следует назвать записки А. В. Головнина «Материалы для будущих историков России», освещающие политику правительства в конце 70-х — начале 80-х годов, воспоминания министра внутренних дел Н. П. Игнатьева и ряд других.

Все эти источники, за небольшим исключением, рассматривают события с позиций либо сановника, либо представителя императорского дома, однако между ними существует некоторое различие. Находясь на одних классовых позициях, авторы их все же отличаются друг от друга, хотя и незначительно, своими взглядами на те или иные вопросы политической жизни. Личные качества также влияют на характер записи и аспект освещения событий. Все это создает большие возможности для проверки достоверности фактов, описываемых в этих дневниках и воспоминаниях.

Рассмотрим подробнее указанные источники.

П. А. Валуев был министром государственных имуществ, а затем председателем Комитета министров; в то же время он являлся и председателем Особых совещаний, создававшихся для борьбы с революционным движением. Это определяет большую ценность его дневника. В нем мы находим сведения об Особых совещаниях, об учреждении института временных генерал-губернаторов, о создании Верховной рас-

порядительной комиссии, о заседаниях Комитета министров и т. д.

Много места уделяет Валуев и характеристике тех или иных государственных деятелей, их взаимоотношениям и т. д. Немало внимания отводит автор и обсуждению «конституционных проектов» в 1880—1881 годах: вел. кн. Константина Николаевича, его собственного и Лорис-Меликова. В записках Валуева содержатся не только факты, но нередко пространные рассуждения о политическом положении. Он критически относится к самому Александру II, а также к своим министерским коллегам. Однако собственную свою роль освещает апологетически.

Политические воззрения Валуева довольно сложны. Он не принадлежал ни к реакционной группировке Победоносцева — Каткова, ни к либеральным бюрократам типа Милютина — Абазы. По ряду вопросов он поддерживал либеральную бюрократию, по другим — занимал отличную от них позицию[95].

Дневник Д. А. Милютина также представляет собой первостепенную важность для изучения нашей темы. События в нем освещаются несколько с иных позиций, нежели в предыдущем. Милютин по своим политическим воззрениям принадлежал к либеральной бюрократии. Он ближайший советник Лорис-Меликова. В изучаемых нами событиях он принимает непосредственное участие, но после манифеста 29 апреля вместе с Лорис-Меликовым и Абазой выходит в отставку. В силу этого события второй половины 1881 и 1882 года описываются уже с чужих слов, и дневник теряет в значительной степени интерес. Записи Милютина более полны, нежели Валуева; он подробно фиксирует события и дает им соответствующую оценку. Здесь мы встречаем много интересных данных, касающихся деятельности Особых совещаний и характеристики правительственных мер во всех

---

[95] Рукопись основной первой редакции «Дневников» хранится в ЦГАОР, в фонде Коллекции Зимнего дворца, № 728, д. 2587; второй вариант — в ЦГИАЛ, в фонде Валуева. Используемый нами Дневник Валуева за 1877—1884 гг. издан в 1919 г. В. Я. Яковлевым-Богучарским и П. Е. Щеголевым. Им же принадлежат и примечания, относящиеся лишь к 1877—1879 гг. Дневник издан с большими пропусками и неточностями. Так, только за январь 1881 г. вовсе опущены записи за 6, 10, 12, 14, 17, 18, 20, 24, 28 января. Многие записи опубликованы со значительными сокращениями. Публикация подготовлена небрежно: в ней допущено немало и смысловых ошибок. Подробнее см. в нашей статье «От редактора». П. А. Валуев. Дневник, т. I, 1861—1864 гг. Изд-во АН СССР, М., 1961, стр. 5—16.

областях внутренней политики. Особенно интересны записи за период борьбы правительственных группировок в марте и апреле 1881 года. Дневник охватывает почти тридцать лет — с 1873 по 1900 год[96].

Третьим дневником, аналогичным по своей значимости с первыми двумя, является дневник государственного секретаря Е. А. Перетца. Правда, служебное положение Перетца несколько иное. Он порой не присутствовал там, где бывали Валуев и Милютин, реже общался с Александром II. Однако это компенсируется в какой-то степени его широкими связями, близостью к вел. кн. Константину Николаевичу, а главное, его добросовестностью как мемуариста. По своим политическим воззрениям Перетц принадлежал также к либеральной бюрократии. Записи его обширны и точны. Примером может служить его рассказ о знаменитом заседании Совета министров 8 марта 1881 года, на котором он присутствовал. Из всех имеющихся свидетельств дневниковые записи Перетца наиболее подробны и точны[97]. Дневник Перетца опубликован А. А. Сергеевым, с предисловием А. Е. Преснякова, в 1927 году. Он охватывает период с 28 сентября 1880 года по 31 декабря 1883 года. Однако это не весь текст дневника. Подтверждением нашего предположения является наличие в фонде Александра III машинописной копии, именуемой «Извлечения из воспоминаний статс-секретаря Перетца, относящиеся к 1880—1881 гг.». Копия эта изготовлена в дореволюционный период и написана по старой орфографии[98]. Извлечения посвящены лишь одному вопросу — обсуждению записок вел. кн. Константина Николаевича и Валуева, а также предложений Лорис-Меликова о привлечении представителей цензовой общественности к обсуждению тех или иных подготовляемых преобразований. Первые 35 листов содержат записи за январь 1880 года и подробно излагают ход совещания, происходившего в конце месяца по обсуждению этих записок; последующие листы посвящены

---

[96] Дневники Милютина хранятся в его фонде в Отделе рукописей ГБЛ. Наиболее интересная часть дневников, относящаяся к периоду государственной деятельности Милютина, опубликована нами в четырех томах (1873—1882). В публикации есть небольшие пропуски, не оговоренные в предисловии и обозначенные четырьмя точками без квадратных скобок. Принципы публикации дневника изложены в нашей статье «От редакции». Дневник Д. А. Милютина, т. 1, стр. 73—74.

[97] Это обнаруживается при сопоставлении их с записками Валуева, Милютина и рассказом К. П. Победоносцева в его письме к. Е. Ф. Тютчевой.

[98] ЦГАОР, ф. Александра III, д. 134.

проекту Лорис-Меликова, включая и рассказ о заседании 8 марта 1881 года.

Таким образом, бесспорно, что дневник Перетца содержал записи и за январь 1880 года. Это дает основание предполагать наличие и более ранних записей.

Бесспорный, но для нас все же меньший интерес представляют дневники сенатора А. А. Половцова. Человек умеренно консервативных воззрений, друг гр. П. А. Шувалова, близкий к вел. кн. Владимиру Александровичу, Половцов вел свои дневники в течение полустолетия[99]. Дневники лишены больших обобщений и ярких мыслей, но отличаются обилием фактических сведений, добросовестно записанных автором. Несмотря на свои консервативные воззрения, Половцов довольно критически воспринимает существующую действительность, отнюдь не лестно отзываясь о самом императоре. «Слабоумный Александр Николаевич», — заносит он в дневник 18 ноября 1880 года[100].

Наибольший интерес представляют дневники, относящиеся к более позднему периоду — ко времени пребывания Половцова на посту государственного секретаря, с 1883 по 1892 год[101]. В изучаемый же нами период Половцов был сенатором Первого департамента Сената и осенью 1880 года был направлен на ревизию Киевской и Черниговской губерний. Большой интерес для нашей темы представляют изложение Половцовым речи Лорис-Меликова, произнесенной им перед отъезжавшими на ревизию сенаторами, и его записи бесед с Александром III и с Лорис-Меликовым в марте 1881 года.

Некоторые сведения, касающиеся преимущественно настроений в высших сферах, мы заимствовали из дневников адъютанта вел. кн. Константина Николаевича, ген. А. А. Киреева. Дневники Киреева[102] нельзя отнести к разряду первостепенных источников. Большинство описываемых им событий передается по крайней мере из вторых уст. Сам он, естественно, не присутствовал на заседаниях ни в Государственном совете, ни в Комитете министров, не получал аудиенций у Александра II или его преемника. Не беседует он и с министрами как равный с равными. Однако настрое-

---

[99] Дневники хранятся в ЦГАОР, ф. Половцова, № 583.

[100] ЦГАОР, ф. Половцова, д. 18, стр. 65. Нам представляется, что император был не столько слабоумным, сколько слабовольным.

[101] В настоящее время эти дневники подготавливаются под нашей редакцией к печати Институтом истории АН СССР.

[102] Дневники хранятся в фонде Киреевых в Отделе рукописей ГБЛ.

ния, царившие в свете, т. е. в придворных сферах, передаются им очень ярко. Описываемые события рассматриваются Киреевым с реакционно-славянофильских позиций.

Дневник 22-летнего вел. кн. Константина Константиновича также представляет для нас интерес лишь с точки зрения настроений, царивших среди верхушки господствующих классов в период кризиса самодержавия. Особенно интересны записи за февраль 1880 года после взрыва в Зимнем дворце [103].

Известный интерес представляют для нашей темы дневники наследника престола, вел. кн. Александра Александровича, а также памятные книжки Александра II.

Дневник наследника престола будущего императора Александра III велся им с юношеских лет до января 1881 года [104]. Дневник этот не представляет самостоятельного научного интереса. Записи посвящены преимущественно описанию повседневной личной жизни: времяпрепровождение, погода, гости и т. д. Порой автор заносит в дневник сугубо интимные переживания, которые обычно не принято фиксировать письменно. Вопросам же политической жизни отводится минимальное внимание. Так, почти ежедневно в дневнике содержится следующая стереотипная фраза: «Был у папа́ за докладом министров». О чем же шла при этом речь — автор умалчивает [105]. Иногда в дневнике встречаются все же записи, представляющие общественный интерес: краткий рассказ о результатах январского совещания 1880 года, обсуждавшего «конституционные» проекты Валуева и вел. кн. Константина Николаевича, скупые записи о взаимоотношениях с Лорис-Меликовым, упоминания о его посещениях и т. д.

Таким образом, все это сообщается в крайне лапидарной форме [106].

---

[103] Дневники вел. кн. Константина Константиновича хранятся в его фонде в ЦГАОР. Они представляют большой интерес для историков литературы и искусств. Так в дневнике за 1880 г. содержатся упоминания о встречах с Ф. М. Достоевским, П. И. Чайковским, Н. Г. Рубинштейном, Н. Н. Дубовским и др.

[104] Дневники эти хранятся в его фонде в ЦГАОР. За период пребывания вел. кн. Александра Александровича на театре военных действий в 1877—1878 гг. дневниковые записи отсутствуют.

[105] Зато в дневнике обязательно освещается вечернее времяпрепровождение, время «отхода ко сну». Нередко подневная запись заканчивается стереотипной фразой: «Закусивши, легли спать».

[106] После вступления на престол Александр III не ведет дневника, делая лишь краткие записи в памятных книжках: погода, температура воздуха, гости и т. д.

На протяжении более полустолетия, с 1829 по 1881 год, Александр II делал ежедневные записи в месяцеслове, помещенном в памятных книжках, издававшихся Военным министерством[107]. На каждой странице памятной книжки, размером 12×8 *см*, Александр II делал своим бисерным почерком записи, значительно сокращая при этом слова. В записях этих наряду с фиксацией времяпрепровождения отмечаются доклады того или иного министра и наиболее важные события дня. Так, здесь мы встречаем сведения о создании Верховной распорядительной комиссии, о казни Млодецкого, аресте Желябова и т. д.

На основе изучения памятных книжек нам удалось установить, как часто посещал Александра II Лорис-Меликов. Прочтение записей в памятных книжках представляет большую трудность и требует соблюдения крайней осторожности, имея в виду сокращение слов, а иногда просто замену слов начальными буквами. Заглавные буквы при этом обычно не выделяются. В этих условиях нередко можно прочесть не то, что написано в действительности, а то, что представлялось бы желательным[108].

Рассмотрим наиболее важные для нашей темы воспоминания. Воспоминания министра внутренних дел Н. П. Игнатьева содержат значительное количество различных фактов, относящихся к изучаемому нами периоду, но, имея в виду непреодолимую страсть их автора ко лжи и невозможность проверить правильность многих сведений, содержащихся в воспоминаниях, к ним надо относиться с крайней осторожностью. Мы привлекли только «Воспоминания о земском соборе»[109], которые можно сопоставить с рядом других источников. Надо сказать, что и в этих «Воспоминаниях»

---

[107] ЦГАОР, ф. Александра II.

[108] В качестве примера подобной ошибки приведем следующий факт. В записи за 28 февраля 1881 г., являющейся последней, имеется следующая фраза: «Завт. УК. с дет.». Приняв предлог «с» за «о», мы прочли ее следующим образом: «Завт[ра] Ук[аз] о дет[ях]». Имея в виду стремление Александра II изменить юридическое положение своих детей от морганатического брака, такая фраза могла иметь место. При более же тщательном анализе текста оказалось, что подобная запись имеется и за другие числа, что и дало возможность прочесть ее совершенно иначе: «Завт[ракал] у К[ати] с дет[ьми]». Некоторые записи не поддаются прочтению. Так, при изучении нами истории отмены крепостного права нам не удалось прочесть запись за 18 февраля 1861 г.

[109] ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 161. Воспоминания Игнатьева представлены частью автографами, частью машинописными экземплярами, порой с авторской правкой.

многое не соответствует действительности. Так, Игнатьев пытается выдать все проекты предполагаемого им Земского собора за свои собственные, не говоря ни слова о роли Д. П. Голохвастова, фактического автора их.

Не лишены интереса записки А. В. Головнина, озаглавленные «Материалы для будущих историков России»[110]. В них содержится характеристика внутренней политики, а также освещается вопрос о привлечении цензовой общественности к рассмотрению законодательных предположений. Однако воспоминания эти, на наш взгляд, не представляют особой ценности. Сам Головнин в этот период был лишь членом Государственного совета и не принимал личного участия в правительственной деятельности. Почти все факты сообщаются Головниным, по-видимому, со слов вел. кн. Константина Николаевича или Д. А. Милютина. К тому же излагаются они с меньшей подробностью, нежели в дневниках того же Милютина, Валуева и Перетца.

Характеристика правительственной политики в отношении прессы, а также деятельности созданного после событий 1 марта 1881 года Временного совета при петербургском градоначальнике («бараньего парламента», как его называли современники) находит свое отражение в воспоминаниях М. И. Семевского[111].

Остановимся на воспоминаниях М. Т. Лорис-Меликова, точнее — его рассказе редактору газеты «Голос» Бильбасову о заседании Совета министров 8 марта 1881 года. Как утверждал Бильбасов, 12 марта он был вызван Лорис-Меликовым, который и рассказал ему о заседании Совета министров. Рассказ этот явно тенденциозен и был, по-видимому, рассчитан на создание определенного общественного мнения в пользу проекта Лорис-Меликова. Не говоря уже о том, что выступления присутствовавших передаются не совсем точно и к тому же недостаточно подробно, сам результат заседания изложен явно неверно. По словам Лорис-Меликова, Александр III принял его предложения. «Итак, господа, — заявил царь закрывая заседание, — большинство высказалось в том смысле, чтоб предложение о созыве подготовительной комиссии из выборных всех сословий было, для блага государства, приведено в исполнение. Я согласен с большинством... Министр внутренних дел изготовит указ,

---

[110] ЦГИАЛ, ф. Головнина, № 851, д. 16. Автограф.
[111] Институт русской литературы (Пушкинский Дом), ф. М. И. Семевского, д. 274.

согласно замечаниям, нами сделанным»[112]. Это, как известно, совсем не соответствовало действительности.

Наконец, необходимо отметить воспоминания, изданные в 1882 году в Париже, Laferté «Alexandre II Details inédits sur la vie intime et sa mort».

Современники приписывают их морганатической жене Александра II кн. Е. В. Юрьевской (Долгорукой). Мемуары эти, хотя и написаны тотчас же после происходивших событий, не имеют, на наш взгляд, ценности, представляя собой апологию Александра II. Так в них говорится о подписании якобы царем 1 марта, перед отъездом на развод, повеления о созыве подготовительных комиссий для обсуждения предполагаемых преобразований. По ее словам, подписанное повеление должно было быть опубликовано 2 марта[113]. В действительности, как известно, это было не так. В день своей смерти Александр II лишь назначил заседание Совета министров на 4 марта для окончательного обсуждения этого вопроса.

* *
*

Обратимся к характеристике третьей группы источников — эпистолярной. Этот вид источников имеет, так же как и мемуары, огромное значение для изучения внутренней политики и закулисных ее сторон. Если мемуары дают более систематическое освещение этой политики, нежели письма, обычно посвященные узкому кругу вопросов, то последние излагают события более непосредственно и по самой своей природе обычно не носят апологетического характера. В силу этого эпистолярный источник имеет ряд преимуществ перед мемуарами с точки зрения своей достоверности.

Использованные нами источники этой группы в подавляющей части опубликованы. Охарактеризуем наиболее значительные из них. Прежде всего необходимо сказать о переписке Лорис-Меликова с наследником престола вел. кн. Александром Александровичем, относящейся к 1880 году[114]. Письма эти представляют большой интерес для уяснения не

[112] «Былое», 1918, кн. 4—5, стр. 193.

[113] Laferté. Alexandre II Details inédits sur la vie intime et sa mort. Paris, 1882, p. 23. См. также Дневник Д. А. Милютина, т. 4, стр. 134. Судя по письмам Юрьевской к Александру III, хранящимся в его фонде, она была человеком неумным и мелочным.

[114] Письма хранятся в фонде Александра III (ЦГАОР, д. 519) и там же в фонде Лорис-Меликова, д. 143а. Опубликованы в «Красном архиве», 1925, кн. 1.

только личных взаимоотношений Лорис-Меликова с наследником престола, но и отношения последнего к мероприятиям, проводимым начальником Верховной распорядительной комиссии и позднее министром внутренних дел.

Еще бо́льшую важность для нашей темы представляет переписка К. П. Победоносцева, хранящаяся либо в его фонде, либо в фондах Александра III и Игнатьева. Эту переписку можно подразделить на несколько частей. Во-первых, 225 писем его к Александру III за период 1878—1882 годы [115]. Письма эти особенно интересны с 1 марта 1881 года, когда Победоносцев оказывал, по крайней мере на протяжении ближайших лет, огромное влияние на молодого царя. Они дают возможность выяснить роль Победоносцева в подготовке заседания Совета министров 8 марта 1881 года, осветить закулисную сторону составления манифеста 29 апреля 1881 года, а также установить лиц, являвшихся креатурами Победоносцева и назначаемых по его рекомендации на те или иные посты.

Во-вторых, это письма Победоносцева к разным лицам и разных лиц к Победоносцеву [116]. Особый интерес, на наш взгляд, представляют здесь письма Александра III и Игнатьева.

В-третьих, письма Победоносцева к Игнатьеву, хранящиеся в фонде последнего и до сих пор не введенные в научный оборот. Письма эти относятся в подавляющей своей части к периоду пребывания Игнатьева на посту министра внутренних дел (79 писем из общего числа 90) [117]. Они дают возможность проследить, насколько велико было влияние Победоносцева на Игнатьева, а следовательно, и на внутреннюю политику этого периода. Игнатьев, почти буквально, не предпринимал ни одного шага без того, чтобы не посоветоваться с Победоносцевым (за исключением, впрочем, попытки созвать Земский собор, где он действовал совершенно самостоятельно).

Наконец, последнюю часть переписки Победоносцева составляют его письма к Е. Ф. Тютчевой, которой он регулярно, примерно раз в неделю, сообщал подробно о политических событиях и своем отношении к ним. Эти письма опять-

---

[115] «Переписка К. П. Победоносцева с Александром III», т. 1, М., 1925.

[116] «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. 1, полутом 1. М., 1925.

[117] ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 3679. Часть писем опубликована в «Былом», 1924, кн. 27—28.

таки вызывают особый интерес за период 1881 года. Он подробно сообщает в них о заседании 8 марта, о своих взаимоотношениях с министрами, в частности с Лорис-Меликовым, описывает заседание 21 апреля в Гатчине, рассказывает о подготовке им манифеста 29 апреля [118].

Для изучения вопроса о попытке Игнатьева созвать Земский собор, точнее о закулисной стороне этого дела, несомненно важна обширная переписка Д. П. Голохвастова с И. С. Аксаковым, хранящаяся в Пушкинском Доме [119].

Такова основная масса эпистолярных источников. Наряду с ними представляют интерес и одиночные письма различных государственных и общественных деятелей: М. Е. Салтыкова-Щедрина [120], Каткова [121], Головнина и Лорис-Меликова к Милютину [122], Лорис-Меликова к Белоголовому [123], его же к Скальковскому, в котором он довольно подробно характеризует свою деятельность в период 1880—1881 годов [124] и др.

* *
*

Последнюю группу источников составляет публицистика. Материалы этой группы мы подразделяем на две подгруппы: 1) различного рода проекты-записки, не имеющие официального характера, о современном состоянии государства и необходимости тех или иных реформ, 2) пресса.

К первой подгруппе мы относим записки-проекты П. П. Шувалова, Д. А. Милютина, Б. Н. Чичерина, А. В. Головнина и др.

Сохранилось две записки Павла Петровича Шувалова, или, как его именовали «в свете», — Боби Шувалова. Пер-

---

[118] Рассказ об этих событиях излагается Победоносцевым с реакционных позиций, однако фактическая сторона их передается точно. Письма эти хранятся в фонде Победоносцева в Отд. рукописей ГБЛ; часть их опубликована в «Русском архиве», 1907, кн. 5.

[119] Фонд И. С. Аксакова. Опубликованы с купюрами в «Русском архиве», 1913, кн. I—II.

[120] М. Е. Салтыков-Щедрин. Полн. собр. соч., т. XIX. Письма А. Н. Островскому, стр. 158 и Лорис-Меликову, стр. 221—222, П. В. Анненкову, стр. 170.

[121] Отд. рукописей ГБЛ, ф. Каткова, д. 48. Письмо Н. М. Баранову от 24/III 1881 г., л. 159; д. 48, л. 26 — Александру III без даты; письма представлены копиями.

[122] Отд. рукописей ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, папка 61, дд. 32, 33, 34.

[123] Отд. рукописей ГБЛ, ф. Белоголового, № 22, папка 6, дд. 3—37.

[124] «Каторга и ссылка», 1925, кн. 2.

вую записку, ставящую вопрос о введении двухпалатного представительства, по своему текстологическому анализу можно отнести к концу 1879 — началу 1881 года, когда правящие классы начинают понимать необходимость определенных политических уступок. Однако благодаря свидетельству Половцова можно датировать ее более точно: 21 февраля 1881 года, он упоминает в своем дневнике о записке «относительно созвания парламента, поданной государю Боби Шуваловым»[125]. Эта фраза дает нам основание отнести первую записку к началу 1881 года. Вторая записка датируется маем 1881 года и содержит более умеренные предложения, однако вопрос об осуществлении их ставится в более конкретной форме[126].

Записки Шувалова не являлись предметом официального обсуждения.

Обратимся к запискам Д. А. Милютина. В фонде его хранится записка «Мысли о необходимых преобразованиях в управлении, в учебной части и в духовенстве», содержащая проект преобразований всех звеньев государственного аппарата. Записка представляет собой наброски с многочисленными зачеркиваниями. На первом листе написано «Ливадия 1879». Имея в виду время пребывания Милютина в Крыму, а также и упоминания в его дневнике, мы датируем эту записку осенью 1879 года. Проект этот не являлся, по-видимому, предметом обсуждения, так как никто из современников об этом не упоминает. Он представлял собой, надо полагать, просто мысли Милютина, зафиксированные на бумаге[127].

Во второй записке, озаглавленной «Мысли, необходимые на случай нового совещания», также излагается перечень необходимых реформ[128]. В начале записки говорится об убийстве Александра II, поэтому она может быть датирована мартом — апрелем 1881 года (после 29 апреля Милютин вышел в отставку). Однако можно датировать ее и более точно. 21 апреля в Гатчине происходило совещание, на котором было достигнуто некоторое примирение боровшихся правительственных группировок. На этом совещании Алек-

---

[125] ЦГАОР, ф. Половцова, д. 18, стр. 185.

[126] Обе записки опубликованы в «Красном архиве», 1928, кн. 6, (31).

[127] Отд. рукописей ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, папка 44, д. 12.

[128] Отд. рукописей ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, папка 39, д. 33. Рукопись составляет 6 листов in folio. Автограф. Карандаш. Имеются зачеркнутые слова. Опубликована с некоторыми погрешностями в «Записках Отдела рукописей ГБЛ», № 2, М., 1939.

сандр III выразил желание, чтобы министры периодически собирались для обсуждения возникавших у них вопросов. При этом царь рекомендовал обсудить ряд вопросов, а для окончательного решения их созвать снова совещание под своим председательством. Таким образом, предполагалось новое совещание. Именно на случай этого нового совещания и была написана Милютиным его записка. Следовательно, она датируется не ранее 22 и не позднее 28 апреля 1881 года.

Обе записки Милютина представляют несомненный интерес для характеристики политической программы одного из наиболее влиятельных министров Александра II.

Не меньшее значение для изучения политических воззрений представителей наиболее умеренной части либеральной общественности после 1 марта 1881 года имеет записка Б. Н. Чичерина «Задачи нового царствования», датированная им 10 марта [129].

Несколько иной характер носят записки, подававшиеся на имя Александра II и Лорис-Меликова после взрыва в Зимнем дворце 5 февраля 1880 года. Это событие вызывает, с одной стороны, консолидацию сил господствующих классов, с другой — понимание необходимости определенных политических уступок. Последнее обусловливает появление целого потока различных записок, содержавших в себе различные рецепты «спасения России». Авторами этих записок были чрезвычайно различные люди — от члена Государственного совета А. В. Головнина и реакционного публициста Р. А. Фадеева до авантюриста ген. Богдановича и различных безвестных «спасителей царя и отечества», рекомендовавших всевозможные меры для борьбы «с крамолой».

К ним в первую очередь надо отнести обширную записку, датированную апрелем 1880 года, без подписи, но представляющую собой автограф А. В. Головнина. Его авторство подтверждается и имеющейся вначале фразой: «Пишущий эти строки, занимаясь специально историческим изучением и современным положением училищ... принимал непосредствен-

---

[129] Записка была написана Чичериным в нескольких экземплярах, из которых два он направил Победоносцеву: один для него, второй для Александра III. «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. 1, полутом 1, стр. 105—120. Аналогичное содержание имеют записки Л. Д. Градовского и маркиза Велепольского. Приводятся в брошюре «Конституция гр. Лорис-Меликова». Лондон, 1893. Сюда же надо отнести и записку гр. Бобринского от 10 марта 1881 г. «Красный архив», 1928, кн. 6 (31).

ное участие почти во всех училищных преобразованиях настоящего царствования»[130].

В записке обстоятельно рассматривается вопрос о причинах роста революционного движения и намечаются преобразования в разных областях как экономических, так и политических (в первую очередь в области народного просвещения).

Р. А. Фадеев, являвшийся в рассматриваемый период одним из советников главного начальника Верховной распорядительной комиссии, представил последнему 7 апреля 1880 года обстоятельную записку о причинах развития революционного движения в России и о необходимых преобразованиях. Написанная с реакционных позиций, она вместе с тем содержит требование реформ, носящих объективно буржуазный характер[131].

Наконец остановимся на записке ген. Е. В. Богдановича, бывшего, несмотря на свою незавидную репутацию, своеобразным «ученым консультантом» Лорис-Меликова. Ее основное содержание заключается в характеристике положения тех групп населения, которые, по его мнению, представляют главную опасность для государства, а именно — люмпен-пролетариата. В записке отсутствуют какие-либо предложения в области политических преобразований, но вместе с тем признается их необходимость[132].

Особое место среди источников этой группы занимает записка группы представителей либеральной общественности Москвы — С. А. Муромцева, А. И. Чупрова, В. Ю. Скалона и других. Эта записка была представлена ими Лорис-Меликову в марте 1880 года. Записка состоит из двух частей. Первая, занимающая подавляющую часть ее, посвящена попытке установить причины развития революционного движения в России; вторая — ставит вопрос о том, что́, по их мнению, необходимо для устранения этих причин[133].

Вторую подгруппу публицистики составляет периодиче-

---

[130] ЦГАОР, ф. Лорис-Меликова, д. 52, л. 12.

[131] ЦГАОР, ф. Лорис-Меликова, д. 58. Записка представляет собой автограф.

[132] ЦГИАЛ, ф. Канцелярии министра внутренних дел, оп. 1, д. 646. Записка написана писарским почерком. Подписана автором. Датирована им 9 марта 1880 г.

[133] См. С. Муромцев. Статьи и речи, вып. V. М., 1910, стр. 11—38. Впервые эта записка была опубликована за границей (в Париже в 1881 г.) в виде брошюры «В первые дни министерства Лорис-Меликова». В этом же году была сделана попытка, впрочем безуспешная, опубликовать ее в апрельской книжке «Вестника Европы».

ская печать. Для характеристики позиций реакционного общественного мнения, выражавшего интересы дворянско-помещичьих кругов, мы использовали «Московские ведомости» М. Н. Каткова. Эта газета выступала решительным противником каких-либо политических уступок, признавая действенным лишь одно средство борьбы «с крамолой» — усиление репрессий.

Отношение либеральной общественности всех оттенков — от «Голоса» А. А. Краевского и «Вестника Европы» М. М. Стасюлевича до стоявших на левом фланге «Отечественных записок» и «Общего дела», издававшегося в Женеве, — достаточно полно прослеживается по страницам этих органов печати. Помимо этого, надо упомянуть и либеральные газеты, начавшие издаваться в конце 1880 или в самом начале 1881 года. К ним следует отнести «Страну», «Порядок», «Земство». Для прессы этого направления, за исключением «Общего дела» и частично «Отечественных записок», характерно упование на правительственную помощь в смысле проведения тех или иных реформ, и в первую очередь на Лорис-Меликова.

Позиция революционно-демократической общественности освещается нами на основе нелегальных органов «Земля и воля», «Народная воля», а также «Листков Земли и воли» и «Народной воли». Революционная пресса обнаруживает свою непримиримость к правительственной политике в целом и к ее деятелям, включая и Лорис-Меликова. На страницах «Народной воли» непрерывно вскрываются двойственная политика и лицемерие этого диктатора. Однако надо отметить, что народовольцы игнорировали такой объективный фактор, как изменение после 5 февраля 1880 года правительственного курса — смягчение системы полицейского террора, вызванное результатами их же героической борьбы.

Такова характеристика использованных нами исторических источников.

* *
*

К. Маркс и Ф. Энгельс, будучи современниками исследуемых нами событий, проявляли живой интерес к положению России. Так, Маркс детально изучал экономическое состояние пореформенной России[134]. Маркс и Энгельс находились в оживленной переписке с русскими революционными и об-

[134] «Архив Маркса и Энгельса», т. XI, М., 1948; т. XII, М., 1952.

щественными деятелями (П. Л. Лавровым, Г. А. Лопатиным, В. И. Засулич, М. М. Ковалевским и др.)[135].

В ряде работ Энгельса имеются прямые высказывания о периоде конца 1870-х — начала 1880-х годов. Так, в статье «Исключительный закон против социалистов в Германии.— Положение в России», опубликованной 21 марта 1879 года в эмигрантской итальянской газете «La plebe», Энгельс писал: «Уже несколько лет я обращаю внимание европейских социалистов на положение в России, где назревают события решающего значения. Борьба между правительством и тайными обществами приняла там настолько острый характер, что долго это продолжаться не может. Движение, кажется, вот вот вспыхнет. Агенты правительства творят там невероятные жестокости. Против таких кровожадных зверей нужно защищаться как только возможно, с помощью пороха и пуль. Политическое убийство в России, — резюмировал он, — единственное средство, которым располагают умные, смелые и уважающие себя люди для защиты против агентов неслыханно деспотического режима»[136].

Через 14 лет в Послесловии к работе «О социальном вопросе в России» Энгельс так же оценивает период кризиса самодержавия, подчеркивая решающую роль народовольцев в борьбе с правительством «этих людей, которых было каких-нибудь несколько сот человек, — писал он, — но которые своей самоотверженностью и отвагой довели царский абсолютизм до того, что ему приходилось уже подумывать о возможности капитуляции и о ее условиях, — этих людей мы не потянем к ответу за то, что они считали свой русский народ избранным народом социальной революции»[137].

Исключительное значение для понимания важнейших вопросов темы имеет работа В. И. Ленина «Гонители земства и аннибалы либерализма».

Здесь дается оценка буржуазных реформ 60—70-х годов, в частности земской, а также последующей правительственной политики этого периода. В. И. Ленин определяет причины, вызвавшие кризис самодержавия, подчеркивая значение героической борьбы народовольцев, характеризует политику Лорис-Меликова и его «конституцию». Здесь же указываются причины, позволившие правительству преодолеть кризис

---

[135] «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями». Госполитиздат, М., 1951.

[136] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 158.

[137] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 451.

после убийства Александра II. «...Революционеры, — говорит Ленин, — исчерпали себя 1-ым марта, в рабочем классе не было ни широкого движения, ни твердой организации, либеральное общество оказалось и на этот раз настолько еще политически неразвитым, что оно ограничилось и после убийства Александра II одними ходатайствами» [138].

Наконец, дается оценка правительственной политики и после 1 марта, характеризуется сущность министерства Н. П. Игнатьева.

Большое значение для нашей работы имеет также статья В. И. Ленина «Крах II Интернационала», написанная в 1915 году. В ней излагаются признаки революционной ситуации.

Историография

Первые работы, освещающие в той или иной мере нашу тему, как это обычно бывает, носили публицистический характер. Авторами их были либо иностранные либеральные публицисты, либо представители русского либерального движения. Первым, посвятившим свои работы изучаемой нами теме, был французский историк-публицист Леруа Болье. Уже в 1881 году в журнале «Revue des deux mondes» от 1 апреля он помещает статью «L'empereur Alexandre II et la mission du nouveaux tsar». Эта статья, написанная на основе информации, получаемой из осведомленных источников [139], посвящена в значительной степени личной характеристике Александра II и политическому положению в России, сложившемуся после события 1 марта. Статья, написанная с либеральных позиций, более или менее верно характеризует личные качества убитого императора, непоследовательность его реформ. Такой знаток Александра II, как Д. А. Милютин, говоря в своем дневнике о статье Болье, пишет: «Статья заслуживает внимания. Автор, очевидно, пользовался хорошими источниками, чтобы так обрисовать личность покойного императора и объяснить многие явления его царствования личными свойствами его. Мне кажется, что объяснения его совершенно верны и должны быть приняты будущим историком императора Александра II» [140].

---

[138] В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 40.

[139] Анализ текста, по нашему мнению, говорит о том, что информация была получена от Лорис-Меликова.

[140] Дневник Д. А. Милютина, т. 4, стр. 90.

Вторая статья того же автора «La Russie sous le tsar Alexandre III»[141] характеризует в основном политическую обстановку в первый год царствования Александра III.

Наконец, на протяжении 80-х годов Леруа Болье создает большую трехтомную работу «L'empire des tsars et les russes», во втором томе которой в книге VI — «L'agitation revolutionaire et les reformes politiques» — четвертая глава посвящена рассматриваемому нами вопросу — последнему периоду царствования Александра II и вступлению на престол Александра III[142]. Надо сказать, что ничего по существу нового по сравнению со статьями в «Revue des deux mondes» здесь не содержится.

Наконец, следует упомянуть статью известного французского писателя и публициста Вогюэ «Le général Loris-Melikow. Derniers mois du règne de l'empereur Alexandre II»[143]. Статья эта, носящая также публицистический характер, представляет интерес тем, что автор ее являлся свидетелем описываемых им событий, находясь в этот период сотрудником французского посольства в Петербурге. Однако нельзя при этом не подчеркнуть необходимость сугубо критического отношения к сведениям, сообщаемым Вогюэ, имея в виду, что информация, получаемая посольством, была далеко не всегда первоклассной.

В 1893 году в издании фонда русской вольной прессы публикуется анонимная брошюра «Конституция гр. Лорис-Меликова»[144]. Эта брошюра, написанная с либеральных позиций, содержит биографические сведения о Лорис-Меликове, касающиеся его участия в русско-турецкой войне, пребывания на посту харьковского временного генерал-губернатора, начальника Верховной распорядительной комиссии и министра внутренних дел. Здесь приводятся подробные данные о плане сенаторских ревизий, полностью публикуется подготовленный Лорис-Меликовым проект правительственного сообщения 6 марта 1881 года, содержащий изложение плана преобразований, предложенного министром внутренних дел Александру II в докладе 28 января 1881 года. Наконец, здесь же приводятся в выдержках записки

[141] «Revue des deux mondes», 1 mai 1882, pp. 375—404.

[142] Leroy-Baulieu. L'empire des tsars et les russes, t. 2. Paris, pp. 587—685.

[143] V-te E. Melhiore de Vögüé. Spectacles contemporains. Paris, [1891], pp. 225—274.

[144] Брошюра эта несколько раз переиздавалась за границей. В берлинском издании 1904 г., в качестве приложения, были помещены частные письма Лорис-Меликова. В 1906 г. она была переиздана в России.

Б. Н. Чичерина, А. Л. Градовского, маркиза Велепольского и парижского префекта полиции Андрие, написанные ими после 1 марта 1881 года. Большой интерес представляет также изложение письма германского императора к Александру III по вопросу о возможности введения конституции в России.

Таким образом, эта брошюра впервые вводит в научный оборот ряд важных исторических источников. Брошюра представляет собой апологию Лорис-Меликова, вплоть до явно неправильного утверждения, будто бы он ходатайствовал о помиловании народовольца Преснякова, и весьма сомнительного рассказа о стремлении Лорис-Меликова сохранить жизнь Млодецкого.

Резюмируя свое повествование, автор пишет: «Так кончилась эта скромная попытка примирения культурных классов с бюрократией и абсолютизмом; так устранен был единственный путь к мирному развитию русского народа, к завершению тех реформ, начало которых было положено 19 февраля 1861 года» [145].

Кто же автор этой брошюры? Как утверждает историк Б. Э. Нольде, она была написана М. М. Ковалевским, который ему об этом лично говорил. Материалы же, публиковавшиеся в ней, предоставлены близким Лорис-Меликову лицом — доктором Н. А. Белоголовым [146].

В следующем, 1894 году тем же фондом русской вольной прессы в Лондоне была издана брошюра Ф. В. Волховского, в прошлом революционера-народника, «Чему учит конституция гр. Лорис-Меликова?». Основная мысль брошюры заключается в стремлении доказать, что в неудаче, постигшей планы Лорис-Меликова, виноваты не революционеры, убившие Александра II, а в первую очередь он сам. «...Совершенно неверно, — пишет Волховский, — что если все это не случилось именно таким образом, то в этом виновата «Народная воля» и ее тактика. Как раз наоборот. Только благодаря своей тактике она стала действенной политической силой и если Лорис-Меликов, представитель иной тактики, не понял значения и роли этой силы, то это не ее вина» [147]. Вместе с тем в брошюре содержится и ряд ошибочных положений.

С точки зрения фактических данных брошюра Волхов-

---

[145] «Конституция гр. Лорис-Меликова», стр. 43.
[146] «Былое», 1918, кн. 4—5, стр. 187.
[147] Ф. В. Волховский. Чему учит конституция гр. Лорис-Меликова?, стр. 16.

ского опирается в основном на источники, введенные в оборот Белоголовым и Ковалевским. В качестве нового источника автор приводит лишь «драгоценный отрывок» из письма Александра III к своему брату Владимиру, из которого следует, что царь был готов принять меры, одобряющие предложения Лорис-Меликова, но никто ему в этом не помог, вследствие чего он и принужден был обратиться к Победоносцеву, изготовившему манифест 29 апреля [148]. Наличие такого письма более чем сомнительно [149]. Не говоря уже о том, что переписка царя со своим братом едва ли могла стать известной кругам русских эмигрантов, подобное заявление Александра III находилось в полном противоречии с действительностью.

В начале XX столетия изучаемой нами темой стали заниматься историки в России.

Так, в 1903 году биограф Александра II, историк С. С. Татищев в своем двухтомном труде «Император Александр II. Его жизнь и царствование» посвящает три главы данному вопросу [150]. Работа Татищева, написанная с официально-монархических позиций, не может, естественно, претендовать на объективное освещение событий, однако с точки зрения фактической истории она заслуживает внимания, вводя в научный оборот ряд важных исторических источников. Татищев широко использует материалы Особых совещаний 1879 года, приводя из них обширные выдержки [151], довольно подробно пересказывает содержание журналов Верховной распорядительной комиссии, а также ряда докладов Лорис-Меликова царю. Доклад от 11 апреля 1880 года, излагающий план мер в области внутренней политики, приводится почти целиком. Так же подробно сообщается содержание доклада от 11 августа об организации сенаторских ревизий, причем обстоятельно излагается программа их.

Таким образом, С. С. Татищевым приводится ряд официальных документов, представляющих исключительную важность для изучения внутренней политики правительства.

Обратимся к работам либеральных историков. В 1909 году в Москве выходят в свет исторические очерки А. А. Кор-

---

[148] Ф. В. Волховский. Чему учит конституция гр. Лорис-Меликова?, стр. 17.

[149] В фонде вел. кн. Владимира Александровича (ЦГАОР) подобного письма не имеется.

[150] Главы 32, 33, 34.

[151] Все цитаты из журналов Особых совещаний и докладов Лорис-Меликова приводятся Татищевым без ссылок на источники.

нилова «Общественное движение при Александре II», в которых одна из глав (XXIV) посвящена изучаемому нами вопросу. Автор не вводит в научный оборот новых фактов по сравнению с Татищевым, но иначе осмысливает их. Так, характеризуя правительственную деятельность Лорис-Меликова и, в частности, ликвидацию им III отделения, Корнилов пишет: «...упраздняя III отделение, он вовсе не думал упразднить тайной полиции, жандармерии и всего с нею связанного, а передал все эти средства, в видах сосредоточения и усиления репрессивной власти, в Министерство внутренних дел. Революционеров он преследовал беспощадно... Временные генерал-губернаторы, военные суды и вся обстановка белого террора — остаются при нем неприкосновенными». Эта характеристика в отдельных ее деталях не совсем точна, но в целом она правильно рисует диктатуру Лорис-Меликова. Говоря об убийстве Александра II, Корнилов отмечает: «Во всяком случае было бы в высшей степени близоруко возлагать ответственность за несчастный исход освободительного движения царствования Александра II на революционеров. Объективная и вдумчивая оценка исторических фактов показывает, что настоящим виновником этого было правительство того времени» [152]. Мысль эта не нова и была, как говорилось выше, высказана Ф. В. Волховским. Однако в целом А. А. Корнилов далек от правильного освещения событий. Он переоценивает значение земско-либерального движения, игнорирует массовое движение и т. д.

В своем курсе лекций по истории России в XIX веке, изданном в 1914 году, Корнилов по сравнению с книгой, рассмотренной выше, несколько эволюционирует вправо. Так, здесь уже не содержится цитировавшегося нами утверждения в отношении ответственности правительства в убийстве Александра II. В курсе лекций мы встречаем также определенную идеализацию Лорис-Меликова. Так, он выступает против оценки политики Лорис-Меликова, данной в свое время Н. К. Михайловским, как политики «лисьего хвоста и волчьей пасти». «Лорис-Меликов, — пишет Корнилов, — едва ли может быть обвинен в двоедушной политике и в лукавстве. Политика его, — утверждает он, — напротив, отличалась в сущности значительной прямотой...» [153].

В 1912 году историк революционного движения В. Я. Бо-

---

[152] А. А. Корнилов. Общественное движение при Александре II (1855—1881). М, 1909, стр. 252 и 257.

[153] «Курс истории России XIX века», ч. III. М., 1914, стр. 234.

гучарский посвящает отдельную главу рассматриваемому нами вопросу в своей книге «Из истории политической борьбы в 70—80-х годах XIX века». В этой главе освещаются вопросы, связанные с обсуждением проектов Валуева и вел. кн. Константина Николаевича в январе 1880 года и предложений Лорис-Меликова в начале 1881 года. Рассматривается также и ход заседания Совета министров 8 марта 1881 года. Автор широко использует дневники Валуева и Перетца.

Богучарский далек от идеализации Лорис-Меликова, однако все же и в его освещении мы встречаем немало либеральных положений. Так, характеризуя обстановку начала 80-х годов, Богучарский пишет: «Можно решительно утверждать, что в то время историческая власть (имеется в виду самодержавие. — *П. З.*), по существу своему, по количеству находившихся в ее распоряжении возможностей вести страну по пути благосостояния и прогресса в качестве движущей и ничем не стесняемой силы России была необыкновенно мощна. Казалось бы, что для прочности исторических устоев власти, равно как и для непрерывного движения вперед по пути реформ сверху, лучших условий и придумать было нельзя»[154].

К либеральному направлению историографии принадлежит также и обширная вводная статья Н. В. Голицына к публикации материалов по истории «конституции» Лорис-Меликова[155].

С точки зрения фактических сведений статья представляет несомненный интерес, излагая историю вопроса, включая и период борьбы правительственных группировок после 1 марта. Статья Н. В. Голицына написана на основе не только публикуемых им документов, но и на широком круге мемуарных источников. Публикация указанных документов и изложение фактической стороны связанных с ними событий бесспорно явились определенным шагом вперед в изучении данного вопроса.

Подводя итог анализу дореволюционной историографии, надо сказать, что в области изучения нашей темы ею было сделано немного. Однако она ввела в научный оборот ряд важных исторических источников: журналы Верховной распорядительной комиссии, важнейшие доклады Лорис-Меликова и др.

---

[154] В. Я. Богучарский. Из истории политической борьбы в 70—80-х годах XIX века. М., 1912, стр. 244.
[155] «Былое», 1918, кн. 4—5, стр. 125—154.

В 20-е и начале 30-х годов советские историки почти не касались нашей темы. Исключение представляют лишь вводные статьи к публикациям документов С. Н. Валка. Эти статьи, несмотря на их небольшой объем, представляют несомненный научный интерес [156].

В 1938 году академиком Ю. В. Готье была опубликована блестящая статья «Борьба правительственных группировок и манифест 29 апреля 1881 года» [157]. Статья написана на основе широкого круга мемуарных и эпистолярных источников. С присущим ему мастерством Ю. В. Готье рисует картину состояния правительственных верхов в период после 1 марта, заседание Совета министров 8 марта, борьбу правительственных группировок, а также подготовку манифеста 29 апреля. Автор вводит в научный оборот ряд новых интересных исторических фактов. Однако задача, поставленная академиком Готье, была несколько узкой: он не ставил своей целью осветить общее положение в стране, а на фоне его изложить борьбу правительственных группировок. Отсутствие этого фона несколько снижает научный интерес этой серьезной и обстоятельной статьи.

В послевоенный период были написаны и защищены две кандидатские диссертации: И. В. Епанешникова «Политический проект Лорис-Меликова» и М. И. Хейфеца «Революционная ситуация в России конца 1870-х годов (Кризис правительственной политики)».

Обе эти работы посвящены вопросам нашего исследования.

Обратимся к работе И. В. Епанешникова. Как следует из названия, исследование посвящено изучению политического проекта Лорис-Меликова, но этот вопрос рассматривается автором в отрыве от внутренней политики правительства в целом. Даже, больше того, политика самого Лорис-Меликова в различных областях управления по существу И. В. Епанешниковым игнорируется. Как ни странно, автор даже не анализирует докладов Лорис-Меликова от 11 апреля 1880 года и 28 января 1881 года в части общей программы внутренней политики. Итак, «политический проект» Ло-

---

[156] См. С. Н. Валк. После 1 марта 1881 г. «Красный архив», 1931, кн. 2 (45), стр. 147—160; его же. Вокруг 1 марта 1881 г. «Красный архив», 1930, кн. 3(40), стр. 176—180.

[157] «Исторические записки», № 2. В 1920 г. Ю. В. Готье опубликовал в сборнике № 2 Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина статью «К. П. Победоносцев и наследник Александр Александрович. 1861—1881». Отдельные страницы этой статьи представляют также несомненный интерес для нашего исследования.

рис-Меликова рассматривается изолированно от общего хода правительственной политики. И это является весьма существенным недостатком.

Второй недостаток, в какой-то степени объясняющий первый, заключается в слабости источниковедческой базы. Автор написал свою работу без привлечения архивов государственных учреждений. Более того, он не привлекает совершенно для него необходимых личных фондов Лорис-Меликова и Валуева [158]. Собственно исследование И. В. Епанешникова написано по преимуществу на основе мемуарных источников. При этом автор широко привлекает такой низкопробный источник, как воспоминания Юрьевской, изданные Лаферте. Все это значительно снижает ценность исследования И. В. Епанешникова. Едва ли можно считать, что автор решил поставленную перед собой задачу.

Более полно и научно обоснованно рассматривает изучаемую нами проблему М. И. Хейфец в обширной диссертации «Революционная ситуация в России конца 1870-х годов (Кризис правительственной политики)» [159]. Говоря о задачах своей темы, он пишет: «Исследовательской темой нашей работы является кризис политики господствующего класса в период восходящего развития революционной ситуации, нашедшей свое наиболее яркое и полное выражение для того времени в так называемом режиме Лорис-Меликова» [160].

Таким образом, хронологические рамки исследования составляют один год — с февраля 1880 по 1 марта 1881 года.

Автор привлекает широкий круг источников и литературы, вводя многое впервые в научный оборот. Большое место занимает историографический обзор, написанный в полемическом плане; подробно характеризуется экономическое положение страны и массовое движение; весьма обстоятельно освещаются и общественные настроения. Характеристике же внутренней политики правительства до начала 1880 года отводится мало места и сообщаются при этом лишь общие сведения.

Центральная часть работы, как об этом говорится в предисловии, относится к периоду диктатуры Лорис-Меликова

---

[158] Из архивных фондов И. В. Епанешников использовал лишь материалы фонда Д. А. Милютина и А. А. Киреева (Отд. рукописей ГБЛ).

[159] Автор издал свою диссертацию в сокращенном и несколько переработанном виде: «Вторая революционная ситуация в России (конец 70-х — начало 80-х годов XIX века). Кризис правительственной политики». Изд-во МГУ, 1963, 240 стр.

[160] М. И. Хейфец. Революционная ситуация в России конца 1870-х годов. М., 1950, стр. 2 (рукопись).

(главы 3, 4, 5). Однако и здесь исследование внутренней политики носит скорее суммарный характер, нежели конкретно-исторический. Так, например, не находим мы здесь конкретной программы и деятельности Лорис-Меликова в области земства, хода рассмотрения университетского вопроса, политики в области цензуры, деятельности Особого совещания о печати, структуры и штатов Верховной распорядительной комиссии и созданного Лорис-Меликовым Департамента государственной полиции и т. д. Даже доклады Лорис-Меликова от 11 апреля 1880 года и 28 января 1881 года анализируются автором недостаточно подробно.

Последняя глава «Период перелома в развитии революционной ситуации конца 70-х годов» (стр. 693—772), освещающая события после 1 марта, также не носит (в плане рассмотрения внутренней политики) исследовательского характера и сведения, сообщаемые в ней в этой части, не выходят за рамки широко известных фактов.

Такова внешняя характеристика диссертации.

Необходимо остановиться и на недостатках в трактовке рассматриваемых М. И. Хейфецем вопросов. Автор пытается утверждать, что кризис самодержавия был непосредственно вызван массовым движением, в первую очередь крестьянским. Роль же народовольцев, имевшая в развитии кризиса первостепенное значение, по меньшей мере принижается. Сведения о размахе крестьянского движения не документированы и представляются значительно преувеличенными. На стр. 215 автор приводит следующие данные о числе губерний, в которых наблюдались крестьянские выступления:

1877 — 11	1880 — 34
1878 — 14	1881 — 12
1879 — 29	

Эти данные сами по себе ничего конкретного не содержат, так как в них не говорится о числе и характере выступлений. К тому же они сильно преувеличены [161], а главное — не имеют под собой никакой документированной основы. На этой же странице М. И. Хейфец указывает, что данные по 1879 год включительно заимствованы им из рукописи «Материалы по истории крестьянского движения в 70-х годах XIX века», подготовленной Институтом истории Академии наук СССР по фондам III отделения и Министерства внут-

[161] См. нашу таблицу о ходе крестьянского движения на стр. 10.

ренних дел; за 1880 же год — из материалов III отделения и Верховной распорядительной комиссии.

Никаких ссылок на конкретные дела, хранящиеся в этих фондах, автор не дает[162]. Между тем указанные «Материалы...» представляют собой перепечатку документов о крестьянских выступлениях и каждый из них, естественно, содержит указание на номер и лист дела. К тому же эта подборка документов, положенная в основу подготовляемого под нашей редакцией тома документов о крестьянском движении, в действительности содержит несколько иные данные. Если в диссертации М. И. Хейфеца крестьянское движение в 1880 году дает значительный рост, то на самом деле, как уже отмечалось выше, оно резко падает. Это подтверждается не только приводимой нами выше (стр. 10) таблицей, но и рядом исследований, в которых 1880 год также характеризуется значительным сокращением числа крестьянских выступлений[163].

Вообще необходимо отметить, что М. И. Хейфецу свойственно несколько вольное обращение с источниками. Известно, что динамика развития того или иного процесса, в частности массового движения, может быть выяснена лишь тогда, когда приводятся данные за определенный отрезок времени, включающий в себя период и «до» и «после» рассматриваемого момента. Только тогда мы можем говорить о росте или спаде движения. М. И. Хейфец же этому не следует. Данные о крестьянском движении он обрывает на 1881 годе, а, как указывалось выше, 1883 и 1884 годы дают наибольшее число крестьянских выступлений.

Данные же о рабочем движении обрываются на 1879 годе, видимо, потому, что 1880 год в связи с наступившим кри-

---

[162] Кстати заметим, что, согласно описи, в фонде Верховной распорядительной комиссии (ЦГАОР, ф. 94) не содержится материалов о крестьянском движении. Там под рубрикой «Крестьянское движение» значится лишь одно дело № 252 о тайном обществе в Чигиринском уезде Киевской губернии. В Верховную распорядительную комиссию дела этого рода и не могли поступать непосредственно. По ведомству губернской администрации они направлялись в Министерство внутренних дел, по жандармскому — в III отделение, по судебному ведомству и прокурорскому надзору — в Министерство юстиции. Таким образом, если таковые и поступали в Верховную распорядительную комиссию, то только параллельно — либо от центральных ведомств, либо от генерал-губернаторов.

[163] См. Д. П. Пойда. Крестьянское движение на Правобережной Украине в пореформенный период. См. также дипломную работу В. Козаростелина «Крестьянское движение 70-х годов по данным III отделения», защищенную в Московском университете в 1958 г.

зисом дает резкое снижение. Кроме того, автор подчас без всяких оговорок, произвольно относит цитаты к другому историческому периоду[164]. В результате создается явно неверная картина.

Второй вопрос касается оценки диктатуры Лорис-Меликова. Автор делает совершенно неверный вывод, что в этот период наблюдается значительное усиление полицейского террора. Об этом он пишет не только в диссертации[165], но и в своей статье «Вторая революционная ситуация в России», где сказано: «Доведя политический террор до крайнего предела, Лорис-Меликов в то же время осуществлял политику заигрывания с либералами (отставка министра просвещения и обер-прокурора синода Д. Толстого, некоторое смягчение цензурного режима, освобождение земства от жестокой опеки и т. д.)»[166].

В действительности же политический террор был в целом значительно ослаблен (наряду с сохранением жестоких репрессий по отношению к революционерам). Об этом говорит не только изучение официальных документальных материалов, но и свидетельства таких авторитетных лиц, как М. Е. Салтыков-Щедрин и В. Н. Фигнер[167]. Политика смягчения террора определялась не «добрыми побуждениями» Лорис-Меликова, а дальнейшим развитием кризиса самодержавия, вызванного непосредственно героической борьбой народовольцев. И дело не столько в заигрывании Лорис-Меликова с либералами, сколько в реальных уступках, на которые принуждено было пойти правительство под влиянием этой борьбы революционеров.

Таковы наиболее крупные недостатки работы М. И. Хейфеца, сохранившиеся и в его книге.

Несмотря на отмеченные серьезные недостатки, указанная работа все же имеет определенную ценность, давая в первую очередь подробную характеристику общественных настроений, царивших в сфере господствующих классов, и позволяя составить довольно ясное представление о «кризисе верхов». Освещение же вопросов внутренней политики в плане конкретного исследования ее, на наш взгляд, дается неудовлетворительно. Важнейшие источники для изучения правительственной политики тех лет остались вне поля зрения М. И. Хейфеца. К ним надо отнести материалы фондов

---

[164] См. означенную диссертацию, стр. 277, 279, 362.
[165] Там же, стр. 545.
[166] «Вопросы истории», 1962, № 2, стр. 54.
[167] См. стр. 297—298 настоящей книги.

Государственного совета, Комитета министров, журналы Особых совещаний и т. д.

В заключение необходимо остановиться на статье С. Н. Валка «Внутренняя политика 80-х — начала 90-х годов», помещенной в макете «Очерков по истории России во второй половине XIX века». Некоторая часть этой главы касается изучаемого нами вопроса[168] — первого периода царствования Александра III до назначения Толстого министром внутренних дел. Глава эта, написанная на базе широкого круга исторических источников, в том числе и архивных, представляет большой интерес как своей методологической стороной, так и богатством фактического материала.

---

[168] Институт истории АН СССР. Материалы к обсуждению. «История СССР. Период победы и утверждения капитализма (1862—1894)», ч. 1. Изд-во АН СССР. М., 1951, стр. 910—937 (на правах рукописи).

Глава I

УСИЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАКЦИИ В КОНЦЕ 70-х ГОДОВ

Уже в первые месяцы 1878 года значительно усиливается деятельность революционных народников. 24 января Вера Ивановна Засулич стреляет в петербургского градоначальника Трепова, 1 февраля в Ростове-на-Дону был убит шпион Никонов, 25 февраля в Киеве произведено неудачное покушение на прокурора Котляревского, 30 января в Одессе при обыске на конспиративной квартире, в которой помещалась тайная типография, группой находившихся там революционеров (Ковальский, Виташевский и др.) было оказано вооруженное сопротивление. Появляются прокламации таинственного «Исполнительного комитета Русской социально-революционной партии», возникшего на юге России.

В начале 1878 года значительно усложняется положение в деревне. Война приводит к ухудшению положения народных масс (мобилизация мужского населения, отсюда расстройство хозяйства и т. д.). Это совпадает с неурожаем в ряде губерний, вызвавшим резкое повышение цен. Под влиянием войны возникают различные слухи о переделе земли. Все это создает напряженную обстановку в стране, на фоне которой революционная борьба народников представляется правящим классам особенно страшной. В январе — феврале в Петербурге происходит ряд стачек и волнений. Наиболее крупной из них была стачка 2000 рабочих на Новой бумагопрядильной и ткацкой фабрике, начавшаяся в конце февраля и продолжавшаяся до двадцатых чисел марта. Имеет

место и увеличение, правда весьма незначительное, крестьянских выступлений.

31 марта в Петербурге перед зданием окружного суда происходит мощная демонстрация по поводу оправдания В. И. Засулич [1].

Все это, а особенно последнее событие, вызывало сильное беспокойство правительства. Буквально в день оправдания Засулич (31 марта вечером) происходит первое заседание Совещательного присутствия, или Особого совещания, как оно стало именоваться несколько позднее.

Как указывалось в журнале присутствия, оно было создано «ввиду постоянно усиливающегося социально-революционного движения, некоторые участники коего в последнее время обнаружили даже попытки к осуществлению крайних положений своей программы». Председателем его был назначен министр государственных имуществ П. А. Валуев. Помимо председателя в состав Совещательного присутствия входили министры: внутренних дел А. Е. Тимашев, юстиции гр. К. И. Пален, народного просвещения гр. Д. А. Толстой, главноуправляющий II отделением с. е. и. в. канцелярии кн. С. Н. Урусов и шеф жандармов Н. В. Мезенцов.

Открывая заседание, Валуев заявил, что присутствию необходимо рассмотреть «в широком объеме значение революционной пропаганды для государственной жизни вообще...» [2].

На этом заседании речь шла о различных вопросах. Министр юстиции говорил о необходимости передачи военно-полевому суду всех преступлений «против жизни и здо-

---

[1] Оправдание В. И. Засулич вызвало сочувствие в широких слоях русского общества.

«Оправдание Веры Засулич, — писал Степняк-Кравчинский, — было торжественным осуждением всей системы произвола, которая заставила эту девушку поднять на палача свою мстительную руку. Печать и общество единодушно приветствовали приговор присяжных» (С. Степняк. Подпольная Россия. СПб., 1906, стр. 29).

Несмотря на далеко не демократический состав присяжных (десять чиновников и купцов, один действительный студент и один свободный художник), они все же вынуждены были оправдать Засулич.

Большое влияние на вынесение приговора оказал председатель суда А. Ф. Кони. Александр II был взбешен оправдательным приговором и предложил министру юстиции немедленно убрать Кони. Однако осуществить это не удалось: действовавшие судебные уставы гарантировали несменяемость судей. От выхода в отставку Кони отказался, а отдать его под суд не было оснований (см. А. Ф. Кони. Воспоминание о деле Веры Засулич. М. — Л., 1933).

[2] ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1878 г., оп. 163, д. 502, т. 1, лл. 1—2.

ровья должностных лиц» и обвиняемых в вооруженном сопротивлении[3]. Гр. Пален указывал также на «неудобства», существующие в порядке судопроизводства по государственным преступлениям, и обращал при этом внимание на значительное число учащейся молодежи, прикосновенной к революционной пропаганде. Он рекомендовал организовать для этой молодежи особое штрафное исправительное учебное заведение. Валуев, развивая мысль Палена, указал на целесообразность создания такого же штрафного заведения для несовершеннолетних рабочих. Шеф жандармов остановился на вопросе административной ссылки, отмечая, что существующая система рассылки поднадзорных по разным губерниям вредна. Он рекомендовал организовать для них колонии в отдаленных местностях. «В число колонизируемых, — указывал Мезенцов, — должны входить и рабочие», по-видимому, причастные либо к революционной пропаганде, либо к стачечному движению.

В конце заседания Валуев, подводя итоги, сформулировал предложения следующим образом: «а) желательно было бы для несовершеннолетних политических преступников учредить особое исправительное заведение в форме интерната, в отдаленной местности, куда направлять воспитанников учебных заведений; б) желательно устройство другого подобного заведения для не достигших совершеннолетия рабочих и в) желательна колонизация в отдаленной местности остальных рабочих и других лиц явно неблагонадежных, с предоставлением им средств к существованию»[4]. На этом заседание закончилось.

Следующее заседание присутствия, 10 апреля, было также посвящено общим вопросам: мерам борьбы с революционным движением в учебных заведениях и предложению об увеличении полицейских сил.

По первому пункту выступал Валуев, обратив внимание присутствовавших на огромное распространение революционных идей среди учащейся молодежи. В целях борьбы с этим он предложил сократить контингент учащихся в высших учебных заведениях и особенно в столицах. «Это уменьшение, — заявил он, — своим естественным последствием возымеет уничтожение беспорядков в заведении». С предложением Валуева полностью солидаризировался и министр

---

[3] Вопрос этот рассматривался Советом министров в заседании 3 апреля. См. ниже, стр. 69.

[4] ЦГАОР, ф. III отделения, 1878 г., оп. 163, д. 502, т. 1, л. 10.

народного просвещения, заявивший, что комиссия по пересмотру университетского устава пришла к тем же выводам.

Министр юстиции гр. Пален остановился на том, что в последнее время особенно усилилось стремление к получению образования и в низших классах «ввиду значительности льгот, предоставленных образованию уставом о воинской повинности» [5].

Вторая часть заседания была посвящена обсуждению вопросов об усилении полиции, переданных Александром II также на рассмотрение присутствия, а именно: 1) об усилении средств полиции и об учреждении в столицах особой стражи, 2) об учреждении в Петербурге полицейских судов, 3) о сосредоточении в одном ведомстве всех полицейских органов (т. е. образовании министерства полиции). Последующие заседания 18, 22, 28 апреля и 9, 20 мая были посвящены конкретному рассмотрению вопросов, поставленных перед присутствием. На первых двух обсуждались меры, касавшиеся учебных заведений. На этих заседаниях помимо членов присутствия был приглашен также и директор Публичной библиотеки И. Д. Делянов. 28 апреля был заслушан доклад товарища министра внутренних дел Макова о реформе полиции (создание института урядников). На последних двух (майских) заседаниях рассматривались частью снова вопросы учебного ведомства (проекты исправительного учебного заведения, положение на врачебных женских курсах при Николаевском военном госпитале), а также состояние прессы, сельского населения и т. д.

12 июня Александру II был представлен общий журнал Особого совещания (так стало именоваться Совещательное присутствие).

«Приступив 31 марта к выполнению возложенной на него задачи, — говорилось в начале журнала, — совещание прежде всего обратилось к уяснению причин тех прискорбных событий, которые в последнее время выразились оправдательным приговором присяжных заседателей по делу дворянки Засулич, уличными беспорядками и демонстрациями политического характера. При этом совещание приняло на вид, что пример оправдания Засулич не есть единственный исключительный, а составляет во многом выражение недостаточного понимания присяжными назначения их как судей и низкого развития государственности в массе народа» [6].

---

[5] ЦГАОР, ф. III отделения, 1878 г., оп. 163, д. 502, т. 1, лл. 12, 14.
[6] Там же, лл. 245—246.

Далее совещание, обсуждая причины успеха революционной пропаганды, отметило, что в последнее время наблюдается ослабление «административной и преимущественно полицейской власти». По мнению членов совещания, это явилось результатом осуществленных реформ, в частности земской, сузивших круг административной деятельности полиции. «Полиция, — указывалось в журнале, — в некоторой мере подчинена власти суда и прокуратуры и сделалась стороною, равною каждому частному лицу».

Совещание единогласно высказалось за усиление состава полиции как в городах, так и в уездах, считая эту меру крайне необходимой. Вместе с тем шеф жандармов поставил вопрос об увеличении жандармской полиции, «в особенности на фабриках и заводах, наиболее подвергаемых революционной пропаганде» [7]. Совещание указывало также на необходимость реорганизовать полицию, придав ей больше прав в отношении подавления различного рода «уличных беспорядков». В частности, рекомендовалось создание точных правил ношения оружия, понимая под этим, с одной стороны, предоставление прав полиции широко пользоваться им и, с другой — запрещение ношения его лицами, не имеющими отношения к властям. «Мера эта (реорганизация полиции. — *П. З.*), — говорилось в журнале, — тем более должна принести пользу, что она может избавлять от необходимости требовать содействия воинской силы, вмешательство которой всегда действует возбуждающим образом на массу и преувеличивает политическое значение подавляемого беспорядка» [8].

Совещание полагало, что наряду с «энергическим уничтожением всякого рода неблагонамеренного скопища» необходима не менее решительная расправа с его участниками. В целях этого оно рекомендовало создать в столицах и крупных городах, в том числе университетских, особые полицейские суды, компетенция которых и должна была распространяться именно «на уличные демонстрации и бесчинства». Решение о создании особых полицейских судов бесспорно свидетельствовало о росте массового движения в городах.

Таков круг вопросов, поставленных Особым совещанием в отношении органов суда и административно-полицейской власти.

---

[7] ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1878 г., оп. 163, д. 502, т. 1, лл. 250—252.

[8] Там же, л. 253.

Следующий раздел журнала, весьма небольшой по объему, посвящен вопросу «о способах обеспечения влияния правительственной власти в среде сельского населения». Совещание при этом отмечало, что оно не призвано к разработке каких-либо мер, направленных к коренной реформе существующей системы управления сельских и волостных органов власти. Однако оно считало возможным «мимоходом» коснуться наиболее важных недостатков этого управления, препятствующих «полезному влиянию правительственной власти». «В настоящее время, — говорилось в журнале, — ничем не обеспечено в среде сельского населения преобладание наиболее благонадежных и разумных элементов этого населения. Добропорядочные домохозяева часто уклоняются от участия в сходах, где под влиянием нескольких крикунов-коноводов может почти бесконтрольно господствовать произвол большинства. Круговая порука ложится всей своей тяжестью на тех крестьян, которые наиболее трудолюбивы, бережливы и предусмотрительны, и обращается в выгоду для нерадивых».

Одной из мер для укрепления правительственного влияния в деревне совещание считало создание территориальных волостей «в видах сближения крестьянских властей с более образованными элементами уездного населения» [9].

Таким образом, Особое совещание усматривало пути к усилению правительственного влияния в деревне, с одной стороны, в опоре на зажиточные слои деревни, а с другой — в усилении влияния поместного дворянства, так как только оно может иметься в виду под «более образованными элементами уездного населения».

Обсуждение вопроса о влиянии на сельское население говорило о боязни распространения среди крестьян антиправительственных идей. Мысли же, высказанные совещанием в отношении сельского населения, по-видимому, принадлежали в первую очередь самому председателю. Именно он выражал эту же точку зрения еще в начале 60-х годов.

Большой раздел журнала посвящен состоянию высших учебных заведений. Особое совещание констатировало, что «главный и по численности самый значительный контингент проводников и последователей социально-революционной пропаганды сосредоточивается в высших учебных заведениях». Руководствуясь этим, совещание пришло к заключе-

---

[9] ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1878 г., оп. 163, д. 502, т. 1, лл. 268—269.

нию принять необходимые меры «к уменьшению наплыва таких учащихся, которые недостаточно подготовлены к поступлению в эти заведения и вообще не представляют в себе задатков к тому, чтобы они могли без крайних лишений и с пользою для самих себя приобрести в них высшее образование» [10]. Смысл этого витиеватого и пространного положения означал не что иное, как стремление не допустить в высшее учебное заведение представителей необеспеченных слоев общества, т. е. его наиболее демократическую часть.

Следующий пункт решения прямо указывал на необходимость сократить число учащихся в Медико-хирургической академии, имея в виду активное участие студентов ее в революционном движении.

Если в одном из заседаний Совещательного присутствия прямо говорилось о закрытии женских врачебных курсов при Николаевском военном госпитале, то после сообщения главного военно-медицинского инспектора Н. И. Козлова, приглашенного на заседание, и посещения курсов Валуевым мнение членов Особого совещания изменилось. «Частный вопрос о высшем медицинском образовании женщин законодательно не разрешенный, — говорилось в журнале, — между тем получил фактическое разрешение в женских врачебных курсах, учрежденных при Николаевском госпитале. Курсы существуют несколько лет. Число слушателей весьма значительно. Успехи обучения несомненны... Совещание полагает представить министрам: военному, внутренних дел и народного просвещения по предварительно взаимном сношении и соглашении внести на рассмотрение Комитета министров свои предположения относительно женских врачебных курсов и общего вопроса о медицинском образовании и правах медицинской практики женщин» [11].

Затем в журнале излагается вопрос о создании исправительного учебного заведения по проекту директора Межевого института А. Л. Апухтина [12]. Этот проект предусматривал создание в отдаленной от столиц и больших городов местности исправительного учебного заведения, в которое должны были определяться «воспитанники и ученики, подлежащие судебному преследованию или по крайней мере

---

[10] ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1878 г., оп. 163, д. 502, т. 1, лл. 274—275.

[11] Там же, л. 280.

[12] Проект Апухтина см. ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1878 г., оп. 163, д. 502, т. 3, л. 278.

исключению из других заведений за участие в делах противоправительственной или социальной пропаганды» [13]. Особое совещание сочло целесообразным дать этому проекту «дальнейшее движение», если при подробном обсуждении он будет признан практически осуществимым. Вместе с предложением о создании исправительного учебного заведения в совещании рассматривался также вопрос об учреждении особых военно-дисциплинарных команд, «куда могли бы поступать молодые люди этого разряда на более или менее продолжительные сроки и где, подлежа строгой военной дисциплине и обучаясь военному строю, они могли бы своим поведением загладить прежнюю вину и впоследствии поступить вновь в высшее учебное заведение или на военную службу на общем основании» [14]. Как говорится далее, мысль об учреждении таких военных команд «возбудила в среде совещания общее сочувствие».

В заключительной части журнала снова говорится об административно-полицейских мерах. Министр внутренних дел и шеф жандармов обратили внимание «на возрастающие неудобства» расселения по разным районам страны поднадзорных политических ссыльных и признали, что более целесообразно было бы «скучить всех ссылаемых в немногих отдаленных пунктах», где было удобнее организовать за ними надзор и противодействовать их попыткам вести дальнейшую пропаганду. Однако совещание пришло к заключению, что решить этот вопрос затруднительно вследствие различия ссыльных по социальному положению, возрасту и полу. Исходя из этих соображений оно сочло возможным на первый раз организовать колонизацию политических ссыльных, принадлежащих к лицам низших сословий, «которых число возрастает и которые могли на местах водворения собственным трудом обеспечить свое существование». В силу этого министру внутренних дел и шефу жандармов было предложено избрать в северной полосе Западной Сибири пригодные для земледелия местности [15].

---

[13] Проект Апухтина см. ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1878 г., оп. 163, д. 502, т. 1, л. 281.

[14] Проект Апухтина см. ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1878 г., оп. 163, д. 502, т. 3, л. 283. Впоследствии проекты исправительного учебного заведения и военно-дисциплинарной команды осуществлены не были.

[15] ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1878 г., оп. 163, д. 502. т. 1, лл. 284—285. Впоследствии было решено образовать три колонии в Восточной Сибири (там же, ч. 3, л. 120).

Ниже в журнале в общей форме констатируется факт нарушения прессой цензурных условий «В кругу так называемых научных статей, — говорится в нем, — преобладает стремление поколебать религиозные верования; в сфере вопросов политического и экономического свойства постоянно проводятся мысли и теории, направленные к поколебанию нынешних основ нашего государственного строя и к возбуждению чувств недоброхотства между разными классами населения...». Однако никаких конкретных решений в отношении этого принято не было.

Наконец, совещание решило пересмотреть законы 19 мая 1871 года и 7 июня 1872 года для устранения «обнаруженных опытом процессуальных недостатков в делах политического свойства» [16].

Таковы решения Особого совещания, принятые в результате более чем двухмесячной деятельности его. Журнал совещания был одобрен Александром II, причем им было предложено ежемесячно, к 15-му числу, сообщать о ходе выполнения принятых решений.

Образование Особого совещания для разработки мер борьбы с революционным движением свидетельствует прежде всего о развитии как революционной пропаганды, так и деятельности самих революционеров. Вместе с тем правительство было обеспокоено и известным ростом массовых выступлений. Все это находит свое отражение в решениях Особого совещания. Наряду с главной опасностью, которая, по мнению правительства, заключалась в деятельности революционных народников, оно было встревожено и выступлениями рабочих. Положение в деревне также вызывало беспокойство в правительстве.

Все решения Особого совещания, за исключением вопроса об образовании всесословной волости, ставили своей целью усиление репрессий.

Тот факт, что императорская власть оказывается неспособной управлять на основе существующих обычных законов, что возникает потребность в принятии мер, нарушающих эти обычные законы, говорил о наступлении кризиса самодержавия, неспособного в данный момент управлять старыми методами.

---

[16] ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1878 г., оп. 163, д. 502, т. I, лл. 286—287.

* *
*

Одной из первых мер, претворенных в жизнь, из числа разработанных Особым совещанием явилось создание института полицейских урядников. В своем представлении по этому поводу министр внутренних дел предлагал учредить должности урядников в сельских местностях 46 губерний, управляемых по Общему положению, и 2000 человек коннополицейской стражи в крупных городах. Полицейские урядники предназначались в помощь становым приставам «для исполнения полицейских обязанностей, а также для надзора за действиями сотских и десятских на местах»[17]. Коннополицейская стража — для того, чтобы «при каких-либо экстренных обстоятельствах в одном пункте можно было бы сосредоточить, с должной быстротой, достаточное количество [вооруженной силы], проникнутой духом дисциплины...»[18]. В каждом крупном городе предполагалось создание этой стражи в числе 30 человек. В представлении министра определялся также и порядок избрания низших представителей полицейской администрации — десятских и сотских. Первые должны были наряжаться сельским сходом на срок не более одного месяца, вторые — избираться волостным сходом. На каждую должность сотского сход должен был избрать двух кандидатов, из числа которых один утверждался исправником, а другой исполнял обязанности его заместителя. Срок службы сотского определялся в три года. «Сотские, оказавшиеся неисполнительными или неблагонадежными, — указывалось в представлении, — удаляются исправником от должности и для замещения вакансий производятся новые выборы»[19]. Таким образом, сотские целиком зависели от полицейских властей.

Представление министра внутренних дел обсуждалось в Комитете министров в конце мая — начале июня и было целиком одобрено. 9 июня решение Комитета министров было утверждено царем[20]. Институт урядников был введен с 1 августа 1878 года. Число урядников в отдельных губерниях было различно: в 20 губерниях — до 100 человек, в 15 — от 100 до 125, в девяти — от 125 до 175, а в двух губерниях,

---

[17] ЦГИАЛ, ф. Комитета министров, приложение к журналам Комитета министров, д. 3972, приложение к ст. 280, л. 79.
[18] Там же, лл. 62—63.
[19] Там же, л. 53.
[20] ПСЗ, 2 собр., т. LIII, № 58610.

Волынской и Подольской, — по 200 человек[21]. В среднем на уезд приходилось по 11 урядников[22].

В инструкции полицейским урядникам, изданной Министерством внутренних дел 19 июля 1878 года, указывалось, что они обязаны «в участках, им вверенных, охранять общественное спокойствие и следить за проявлением каких бы то ни было действий и толков, направленных против правительства, законных властей и общественного порядка, равно и подрыву в обществе добронравственности и прав собственности»[23].

Вполне естественно, что создание института полицейских урядников было вызвано «неблагополучным положением» в деревне[24], так же как учреждение коннополицейской стражи в городах было обусловлено увеличением числа стачек.

Рост революционного движения, находивший свое выражение и в оказании сопротивления властям, нередко вооруженного, вызывает стремление правительства расширить понятие «государственное преступление», включив в него всякое выступление против должностных лиц. Как об этом говорилось уже выше, непосредственным поводом для этого послужило оправдание С.-Петербургским окружным судом

---

[21] ЦГИАЛ, ф. Комитета министров, д. 4024, ст. 83. Отчет министра внутренних дел 13 февраля 1879 г. о реализации закона о полицейских урядниках. Отчет этот произвел на Александра II благоприятное впечатление. На журнале Комитета министров его рукою написано: «Объявляю ст. секр. Макову мое особенное спасибо. Надеюсь, что полезное это учреждение и впредь будет приносить ожидаемую пользу» (там же, л. 143). М. С. Каханов же в записке по поводу плана занятий Особой комиссии по составлению проектов преобразования местного управления, внесенной в Комитет министров в апреле 1882 г., писал: «Новейший институт урядников, органически не связанный с устройством полиции, оказался представляющим весьма серьезные неудобства и невосполнявшим недостаток деятельности становых приставов». ЦГИАЛ, ф. Комитета министров, д. 4234, ст. 280, л. 141.

[22] В сентябре 1879 г. число урядников было увеличено еще на 550 человек. ПСЗ, 2 собр., т. LIV, № 59986.

[23] Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за 1878 г. СПб., 1880, стр. 171.

[24] Однако деятельность полицейских урядников, судя по отчету за 4-месячный период существования этого института, главным образом сосредоточивалась на борьбе с различного рода уголовными преступлениями. Так, согласно ведомости «о преступлениях и проступках, обнаруженных при участии полицейских урядников», из 2251 дела только 151 относилось к «нарушению правил, охраняющих общественную безопасность и спокойствие» (ЦГИАЛ, ф. Департамента полиции исполнительной, оп. 40, д. 4, 1879 г., лл. 98—99). Из числа 2503 лиц, арестованных урядниками за этот же период, только 105 человек были привлечены «за нарушение порядка — буйство, драки и другие преступления против общественного спокойствия и безопасности» (там же, лл. 100—101).

Веры Засулич. 3 апреля по этому поводу Александром II был созван Совет министров [25].

«Предметом совещания, — пишет в дневнике Милютин, — было обсуждение экстренных мер для устранения случаев, подобных делу девицы Засулич, т. е. чтобы не оставались безнаказными преступления против должностных лиц, обязанных по своим должностям ограждать общество от покушений политических пропагандистов. Министр юстиции прочел записку, приготовленную им по предварительному соглашению с другими министрами [26]; гр. Пален не нашел другого средства помочь беде, как взвалить дела подобного рода на военные суды...»

Далее Милютин рассказывает, что он резко выступил против данного предложения и что его поддержали многие из присутствовавших. В результате проект Палена был отвергнут царем. «Казалось, — говорит Милютин, — взяло верх другое мнение, чтобы дела означенного рода изъять из общего порядка судопроизводства с присяжными и производить в особых присутствиях...» [27]. Однако это вызвало опять-таки новые споры, и Александр II в конце концов предложил Палену, Валуеву и Милютину представить по этому вопросу свое предложение.

Как рассказывает далее Милютин, они, собравшись на другой день, пришли к заключению о нецелесообразности передачи дел по преступлениям против должностных лиц военным судам и предложили рассматривать их в судебных палатах, т. е. без присяжных заседателей.

Это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что правительство было еще способно отказаться от меры, прямо нарушавшей существующие законы. В дальнейшем, когда кризис правительственной политики уже созрел, верховная власть оказалась не в состоянии управлять на основе нормального законодательства.

6 апреля министр юстиции Пален сделал в Государст-

---

[25] В состав Совета министров помимо министров входили: наследник престола, вел. кн. Константин, Николай и Михаил Николаевичи, принц Ольденбургский, председатель Комитета министров гр. Игнатьев, главноуправляющий II отделением с. е. и. в. канцелярии кн. Урусов, шеф жандармов Мезенцов. Кроме того, на это заседание были приглашены председатель департамента Государственной экономии Абаза, командир с. е. и. в. конвоя ген. Черевин и член Государственного совета гр. Баранов (ЦГИАЛ, ф. Совета министров, д. 94).

[26] В первоначальном варианте дневника после этого слова написано: «Но без моего ведома».

[27] Дневник Д. А. Милютина, т. 3, стр. 41—42.

венный совет представление «Об изменении подсудности и порядка производства дел о преступлениях, предусмотренных 263—271, 285 и 393 ст.ст. уложения о наказаниях издания 1866 года, а также других наиболее тяжких преступлениях против должностных лиц» [28].

В начале этого представления Пален ссылался на расследования дел по политическим преступлениям, которые говорят, что революционеры используют все средства для борьбы с правительством.

«Но еще важнейшими представляются те случаи, в коих преступная решимость злоумышленников выразилась в наиболее опасной и дерзкой форме — в форме открытого вооруженного сопротивления распоряжениям правительственных органов. В ряду этого рода, — продолжал он, — следует указать на событие 6 декабря 1876 года, происшедшее в Петербурге на Казанской площади, где после чтения возмутительного воззвания к народу и выставления эмблемы социальной революции толпа пропагандистов избила полицейских чинов, предлагавших ей разойтись» [29].

Далее министр юстиции касался событий 31 января 1878 года в Одессе, где во время обыска в квартире Виттен и Мержановой были ранены жандармский штаб-офицер и несколько жандармов, а также демонстрации 31 марта, происшедшей у здания С.-Петербургского окружного суда, после вынесения оправдательного приговора Вере Засулич.

«Очевидно, — писал Пален, — что это чрезмерное, так сказать, развитие зла требует безотлагательного принятия таких мер, с установлением коих строгая по закону наказуемость случаев насилия и сопротивления органам правительства была бы безусловно обеспечена и не зависела бы от случайных причин. Эта цель, — продолжал он, — казалось бы, с полным успехом может быть достигнута путем временного изменения нынешней подсудности означенных преступлений, а именно посредством передачи дел о сем в ведение судебных палат без участия присяжных заседателей, но с присоединением к присутствию палаты сословных представителей» [30].

13 апреля Соединенное присутствие департаментов рассматривало представление министра юстиции. Соединенное присутствие одобрило это представление, внеся в него неко-

---

[28] ЦГИАЛ, ф. Департамента законов Государственного совета, 1878 г., д. 18.

[29] Там же, л. 2.

[30] Там же.

торые изменения. Во-первых, был несколько расширен круг дел, подлежащих передаче судебным палатам. К ним должны были относиться все дела о сопротивлении распоряжениям правительства, неповиновении «установленным от него властям», оскорблении и неуважении «к присутственным местам и чиновникам при отправлении должности», «взломе» тюрем, освобождении и укрывательстве находящихся под стражей, если обвинение влекло за собой лишение или ограничение «прав состояния». Во-вторых, Соединенное присутствие полагало эту меру рассматривать не как временную, а как постоянную.

24 апреля вопрос этот обсуждался в Общем собрании Государственного совета. При обсуждении его произошло разногласие по вопросу привлечения сословных представителей. Меньшинство членов Совета (13) полагало ненужным привлекать к рассмотрению этих дел сословных представителей, полагая, что «ограждение представителей правительственной власти при исполнении ими своих обязанностей может быть предоставлено лишь самому правительству и избранным им непосредственно судьям. Введение сословных представителей в состав суда для решения дел о преступлениях, соединенных с противодействием правительственной власти, — указывало меньшинство, — представляет то важное неудобство, что оно может быть и будет истолковано как уступка возбужденному ныне состоянию умов в некоторых неспокойных слоях общества» [31].

Большинство же членов (32) полагало, что «нельзя простирать опасений столь далеко», чтобы не доверять таким людям, как предводители дворянства, городские головы и волостные старшины, имея особенно в виду, что выбор их фактически зависит от губернатора [32].

9 мая Александр II утвердил мнение большинства [33].

Одновременно с первым представлением Пален внес в Государственный совет и второе — «Об изменении некоторых статей закона 7 июня 1872 года, определяющих порядок производства дел по государственным преступлениям». По этому закону все дела о «государственных преступлениях» подлежали суду Особого присутствия Правительствующего сената. Пален же в своем представлении указывал, что «подчинение сих дел рассмотрению Особого присутствия Сената, как единственного по всей империи высшего судебного

[31] ЦГИАЛ, ф. Департамента законов, 1878 г., д. 18, лл. 16—17.
[32] Там же, л. 28.
[33] ПСЗ, собр. 2, т. LIII, № 58488.

места»[34], вызывает ряд неудобств. Во-первых, это замедляло рассмотрение самих дел; во-вторых, обременяло казну излишними издержками по доставке подсудимых в Петербург. Руководствуясь этим, Пален рекомендовал внести в закон некоторые изменения. Дела о государственных преступлениях он предлагал рассматривать в следующих судебных учреждениях: а) судебных палатах, «когда преступление не влечет за собой по закону наказания, соединенного с лишением или ограничением прав состояния»; б) судебными палатами в усиленном составе при участии сословных представителей или «по высочайшему повелению» в Особом присутствии Сената, если наказание предусматривало лишение или ограничение прав состояния; в) Верховным уголовным судом, «в случае обнаружения в разных краях государства общего заговора против верховной власти или против установленного законами образа правления и порядка наследования престола»[35].

Соединенные департаменты и Общее собрание Государственного совета одобрили предложения Палена, рассматривая их одновременно с предыдущим вопросом. 9 мая Александр II утвердил мнение Государственного совета[36].

Рассмотренные выше меры, принятые правительством весной 1878 года, указывали на обострение в стране классовой борьбы.

* *
*

Обеспокоенный ростом революционного движения, Александр II вскорости вновь создает «Особое совещание для изыскания мер к лучшей охране спокойствия и безопасности в империи» и поручает ему наметить ряд мер для борьбы с деятельностью революционеров.

Об этом мы узнаем из письма шефа жандармов Мезенцова министру внутренних дел Макову о назначении Особого совещания под председательством Валуева в составе министров внутренних дел, военного, юстиции и шефа жандармов в связи с деятельностью «подпольного социалистического кружка, избравшего театром своих действий города Киев, Харьков и Одессу, именующегося «Исполнительным

---

[34] ЦГИАЛ, ф. Департамента законов, 1878 г., д. 17, л. 2.
[35] Там же, л. 3.
[36] ПСЗ, 2 собр., т. LIII, № 58489.

комитетом русской социально-революционной партии»[37]. Об этом совещании, происходившем 28 июля, рассказывает в своем дневнике Милютин.

«Вчера было у меня совещание, по особому высочайшему повелению, для обсуждения вопроса о том, какие меры следует принять для противодействия тайным революционным социалистическим кружкам, группирующимся преимущественно в университетских городах, — заносит в дневник он 29 июля, — ... В этом совещании участвовали Валуев, Мезенцов, Набоков (новый министр юстиции) и Маков (товарищ министра внутренних дел). Результатом нашего совещания было признание совершенной необходимости усилить средства полиции и жандармской части и затем принятие некоторых мер второстепенных»[38].

На совещании был действительно обсужден и намечен ряд мер, направленных на усиление борьбы с революционным движением. Решения, принятые Особым совещанием, излагались во всеподданнейшем докладе, направленном Александру II в Ливадию[39]. На совещании, как указывалось в докладе, шефом жандармов Мезенцовым была прочтена записка, в которой излагались «те обстоятельства, которые представляют главным образом возможность вредной пропаганде действовать с такой полностью, как отличаются последние проявления ее»[40].

По мнению Мезенцова, эти обстоятельства заключались, во-первых, в недостаточности финансовых средств III отделения, преимущественно на агентурную работу. «...Никакое наблюдение в обществе, — писал Мезенцов, — немыслимо без частной агентуры, а между тем имеющиеся в распоряжении III отделения средства слишком ограничены для того, чтобы мера эта могла быть осуществлена до известной возможности. Органы же III отделения в провинциях — губернские жандармские управления — крайне затруднены как

---

[37] ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1878 г., оп. 163, д. 504, л. 3. Письмо это было опубликовано В. Я. Богучарским в книге «Из истории политической борьбы 70-х годов XIX века», стр. 171. Вторично опубликовано Богучарским и Щеголевым в комментариях к дневнику П. А. Валуева 1877—1884 гг., стр. 295.

[38] Дневник Д. А. Милютина, т. 3, стр. 83.

[39] Всеподданнейший доклад был составлен после 4 августа, т. е. после убийства Мезенцова, так как подписан его преемником ген. Селиверстовым. Доклад опубликован в примечаниях к дневнику П. А. Валуева (Дневник 1877 — 1884 гг., стр. 295 — 301). Подлинник его хранится в фонде III отделения, 3 экспедиция, 1878 г., оп. 163, д. 504, лл. 6 — 17.

[40] П. А. Валуев. Дневник 1877 — 1884 гг., стр. 296.

в исполнении возложенных на них III отделением поручений, так и в личном наблюдении в пределах определенных для них районов, так как управления эти не имеют в своем распоряжении никаких источников на покрытие расходов, сопряженных с такого рода деятельностью»[41]. Мезенцов заявил, что, пользуясь «высочайше» разрешенным ему кредитом в сумме 100 тыс. руб., он примет меры для усиления личного состава жандармских управлений, что же касается организации секретной службы, то по этому поводу он представит свои особые соображения.

Особое совещание обсудило также вопрос о состоянии общей полиции и ее роли в борьбе с революционным движением.

На основе обсуждения всех этих вопросов было принято обширное решение, состоящее из восьми пунктов. В первом — указывалось на необходимость выделения шефу жандармов, для усиления состава жандармского корпуса и сыскной полицейской части, дополнительно 300 тыс. руб. (сверх упоминавшихся 100 тыс. руб.)[42]. Второй пункт касался «безотлагательного» усиления полиции в ряде городов; третий — содержания политических заключенных. Особое совещание рекомендовало содержать их отдельно от арестованных по другим делам и «в главных пунктах устроить особые для них помещения с усилением там надзора». В четвертом пункте говорилось о необходимости усиления наблюдения за политическими ссыльными, в целях чего рекомендовалось разработать особые по этому поводу правила. Пятый — был посвящен вопросу о подчинении правительственной инспекции казенных типографий. Особое совещание считало нужным предоставить лицам, уполномочен-

---

[41] П. А. Валуев. Дневник 1877 — 1884 гг., стр. 297.

[42] Однако укомплектование корпуса жандармов, как сообщал царю исполняющий должность шефа жандармов ген. Селиверстов, вызывало большие трудности. «Весьма серьезные затруднения, — писал он в докладе от 4 сентября 1878 г., — встречаются для замещения вакантных мест на должности по корпусу жандармов; к прискорбию моему, желающих вступить на ныне столь тяжелую, ответственную и даже для жизни опасную службу, не представляющую собою достаточного вознаграждения за труды, почти что не находится. Одно из средств, — продолжал он, — привлечь способных деятелей — это значительное увеличение окладов и, памятуя высочайше выраженное указание действовать не теряя времени, я решаюсь из ассигнованных 300 000 рублей на усиление средств жандармского ведомства отдать часть суммы для негласной выдачи прибавочного содержания господам штаб- и обер-офицерам, состоящим на службе в жандармских управлениях и в особенности вновь определяющимся» («Красный архив», 1931, кн. 6, стр. 149).

ным Министерством внутренних дел или шефом жандармов, «право освидетельствования типографий и производства в них обысков и выемок...». Шестой пункт касался вопроса о предоставлении права беспрепятственного прохода в любое время на все фабрики и заводы чинам жандармского корпуса, имея в виду «что усиленная деятельность пропагандистов проявляется в среде фабричных и заводских рабочих, где и имеет успех». В седьмом указывалось на необходимость изменений IV пункта закона 1 июля 1874 года, касавшегося условий и порядка ареста лиц, обвинявшихся в антигосударственной деятельности. Особое совещание рекомендовало министру юстиции рассмотреть это в комиссии, созданной по вопросу о применении ряда аналогичных законов (19 мая 1871 года и 7 июля 1872 года). Наконец, последний пункт рекомендовал управляющему Министерством внутренних дел принять меры «для предупреждения дальнейшего голословного и систематического порицания полицейских учреждений и начальства в наших журналах и газетах» [43].

Таким образом, все пункты решения Особого совещания носили чисто полицейский характер. Важно отметить, что пункт шестой беспорно говорил об известном успехе народнической пропаганды среди рабочих.

Решение Особого совещания рассматривалось в Совете министров уже после события 4 августа — убийства С. М. Степняком-Кравчинским шефа жандармов Мезенцова, являвшегося главным докладчиком на этом совещании [44].

Убийство Мезенцова, как и всякий революционный акт, вызвало консолидацию внутри господствующих классов. «Надо быть справедливым, — писал либеральный «Голос», — даже к злодеям: они избрали своим средством кинжал и револьвер, огнестрельное и холодное оружие, употребляющееся только на войне — пусть же судятся они судом военным!.. Им может быть оказана одна только честь: их, не признающих законностей и провозглашающих произвол, будут судить и только после суда повесят» [45].

8 августа, тотчас же после похорон Мезенцова, в Зимнем дворце в присутствии Александра II был созван Совет министров. «Предметом совещания, — рассказывает Д. А. Милютин, — были опять меры против развития дерзких попы-

---

[43] П. А. Валуев. Дневник 1877 — 1884 гг., стр. 299 — 301.

[44] Убийство явилось ответом на казнь в Одессе народника И. М. Ковальского. По поводу этого события была выпущена нелегальная брошюра «Смерть за смерть».

[45] «Голос», 5 августа 1878 г.

ток тайного революционного кружка. Прочитан был протокол совещания, бывшего у меня 28 июля, потом Валуевым прочитана лично им составленная записка; затем записка, поданная за двойной подписью Макова и Селиверстова (управляющего Министерством внутренних дел и исправляющего должность шефа жандармов); наконец, предложение министра юстиции Набокова. Все изложенное в этих четырех записках было одобрено государем, несмотря на то, что некоторые из затронутых вопросов возбудили продолжительные и горячие прения. Отличился в них преимущественно Валуев, который с несвойственной ему резкостью опрокинулся на нового министра финансов Грейга. Министр юстиции защищал прокуратуру, но произвел довольно жалкий эффект; в конце концов предложен целый ряд разнородных мер, но кто и как выполнит их — это еще вопрос впереди»[46].

Помимо утверждения рассмотренного выше решения Особого совещания Совет министров принял еще другие меры[47]. Наиболее важной из них являлись «высочайше утвержденные правила 1 сентября 1878 года», содержащие «необходимые особые меры к ограждению общественного спокойствия и безопасности»[48]. Эти правила предоставляли чинам жандармского корпуса, а при отсутствии их — полицмейстерам и уездным исправникам, право ареста лиц, «подозреваемых в государственных преступлениях», а также и «лиц, привле-

[46] Дневник Д. А. Милютина, т. 3, стр. 87. К сожалению, материалов указанного заседания в фонде Совета министров не сохранилось. Валуев в своем дневнике задним числом (в записи 6 сентября) также говорит об этом совещании: «Я с величайшей разкостью, — пишет он, — отозвался на странные разглагольствования министра финансов и министра юстиции... Министр юстиции сначала обнаружил замечательную наклонность перещеголять гр. Палена. После убийства шефа жандармов среди белого дня, на Михайловской площади, он как будто думал не о предупреждении или преследовании преступлений, — а исключительно о неприкосновенности прав прокуроров. Благодаря управляющему Министерством внутренних дел ...и временному, как бы случайно из почетных опекунов вылупившемуся шефу жандармов Селиверстову министерство несколько угомонилось...» (П. А. Валуев. Дневник 1877—1884 гг., стр. 29).

[47] Одной из практических мер, принятых для реализации этих решений, был циркуляр, опубликованный в сентябре по отдельному корпусу жандармов, в котором указывалось, что 8 августа «государь император высочайше повелеть соизволил разрешить право свободного прохода в любое время на все фабрики и заводы чинам корпуса жандармов и полиции, а также производства там арестов и обысков» (ЦГИАЛ, библиотека, коллекция циркуляров по Отд. корпусу жандармов, циркуляр № 18 от 6 февраля 1878 г.).

[48] ЦГИАЛ, библиотека, коллекция циркуляров по Отд. корпусу жандармов, приложение к циркуляру № 120 от 20 сентября 1878 г. В Полном собрании законов эти правила не опубликованы.

каемых к ответственности за участие в уличных беспорядках или сходках, имеющих политический характер». При этом не только арест, но и ссылка указанных лиц могла осуществляться без санкции прокуратуры.

«Те из заарестованных на сем основании лиц, относительно коих будут иметься достаточные данные о их политической неблагонадежности, — говорилось в этих правилах, — могут быть подвергаемы административной высылке по соглашению шефа жандармов с министром внутренних дел». В примечании указывалось, что эта мера «принимается без участия чинов прокурорского надзора, которым, впрочем, для сведения препровождается копия постановления о заарестованном лице»[49]. По сравнению с законом 19 мая 1871 года, передававшим ведение следствия по государственным преступлениям чинам корпуса жандармов, которое, однако, должно было производиться под контролем чинов прокурорского надзора, временные правила 1 сентября 1878 года являлись значительным шагом вперед в усилении административного произвола. Имея в виду резкую полемику Валуева на заседании Совета министров с Набоковым, нам представляется, что инициатива этого закона исходила от самого Валуева.

Через несколько дней после циркуляра 20 сентября, 25 сентября, жандармскими властями был направлен новый, совершенно секретный циркуляр, разъясняющий временные правила 1 сентября 1878 года[50]. В начале его говорилось, что «целесообразное применение этих правил на практике несомненно облегчит достижение желаемых результатов». Однако всякие ошибки в этой области, заключающиеся в неправильном толковании «своих прав и обязанностей жандармами... неминуемо возбудят против правительства общественное мнение, увеличат число недовольных и тяжело отзовутся на людях, неосновательно подвергнутых преследованию и лишенных свободы, хотя бы на короткое время».

В силу всего этого шеф жандармов указывал, что «направление дел в административном порядке», т. е. по правилам 1 сентября 1878 года, возможно лишь в следующих случаях:

«1) Когда уличающие сведения добыты путем совершенно секретным и не могут быть подтверждены фактически.

[49] ЦГИАЛ, библиотека, коллекция циркуляров по отд. корпусу жандармов, приложение к циркуляру № 120 от 20 сентября 1878 г.

[50] Там же, циркуляр № 137 от 25 сентября 1878 г.

2) Когда уличающие сведения хотя и не секретны, но, однако, не могут быть точно установлены, ускользая от проверки».

Далее указывалось, что иногда на практике могут быть случаи, «когда вопрос о направлении дела к дознанию или административному производству представляется сомнительным. В подобных случаях, — говорилось в циркуляре, — целесообразнее начинать таковое производство в порядке административном, ибо при обнаружении новых данных, устанавливающих яснее виновность лица в преступлении, всякое административное производство должно быть обращено к дознанию по закону 19 мая 1871 года. Противный же порядок не допускается ни в коем случае»[51].

Издание этого разъяснительного циркуляра само по себе свидетельствовало о понимании правительством того, что «временные правила 1 сентября 1878 года», получив широкое распространение, могут настолько усилить административный произвол, что они способны оказать обратное действие. Однако преподанное разъяснение отнюдь не ограничивало произвола. Более того, оно предлагало применять указанные правила именно в тех случаях, когда обвинение человека в совершённом им преступлении не могло быть доказано законным путем.

Второй важной мерой, принятой Советом министров, явилась передача дел по «государственным преступлениям» военно-окружным судам, что опять-таки находилось в полном противоречии с существовавшими законами. Согласно военно-судебному уставу 15 мая 1867 года, военно-окружные суды создавались для суда над лицами, состоящими на военной службе. Военно-окружной суд состоял из офицеров, подразделявшихся на постоянных (штатных) и временных членов, прикомандированных к суду на шестимесячный срок из частей войск округа[52].

9 августа был издан закон «О временном подчинении дел о государственных преступлениях и некоторых преступлениях против должностных лиц ведению военного суда, установленного для военного времени».

В этом законе указывалось, что «лиц, обвиняемых в вооруженном сопротивлении властям, от правительства установленным, или нападении на чинов войска и полиции и на всех вообще должностных лиц, при исполнении ими

[51] ЦГИАЛ, библиотека, коллекция циркуляров по отд. корпусу жандармов, циркуляр № 137 от 25 сентября 1878 г.
[52] ПСЗ, 2 собр., т. XLII, № 44575.

обязанностей службы, или же вследствие исполнения сих обязанностей, коль скоро преступления эти сопровождались убийством, или покушением на убийство, нанесением ран, увечий, тяжких побоев или поджогов, предавать военному суду для суждения их по законам военного времени и определения виновным наказания, установленного статьей 279 Военного устава о наказаниях изд. 1875 года»[53].

В тот же день был издан второй закон, определявший порядок рассмотрения дел о государственных преступлениях по законам военного времени в военно-окружных судах[54]. В нем говорилось, что предание суду в этих случаях предоставляется командующему войсками округа и ему же принадлежит право утверждения приговоров, присвоенное в военное время главнокомандующему. Временными членами военно-окружного суда, назначенными специально командующим войсками, могли быть только штаб-офицеры — старший офицерский состав, более консервативный по своим воззрениям, нежели молодежь.

Если учесть, что предание военно-окружному суду, определение его состава, конфирмация приговора — все это зависело от одного лица, от командующего войсками округа, то станет понятным, какой произвол мог при этом иметь место. Этот закон давал правительству то, о чем мечтал министр юстиции: суд, который вершил бы дела «по приказанию начальства»[55].

В осуществление решений Совета министров от 8 августа в середине ноября Комитет министров рассмотрел представление министра внутренних дел «Об усилении состава полиции в некоторых губернских и уездных городах»[56]. Ходатайство министра было удовлетворено полностью, и Комитет принял решение, состоящее из двух частей. В первой говорилось о мерах, необходимых к усилению полиции в девяти городах: Одессе, Харькове, Киеве, Казани, Саратове, Самаре, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону и Николаеве. Выбор этих городов объяснялся тем, что они «составляли в последнее время важные центры деятельности агитаторов, представляя для них особые удобства...» На эти цели Комитет

[53] ПСЗ, 2 собр., т. LIII, № 58778. Статья 279 Воинского устава о наказаниях предусматривала смертную казнь.

[54] ПСЗ, 2 собр., т. LIII, № 58779.

[55] По словам Милютина, на заседании Совета министров 3 апреля гр. Пален высказал мнение о необходимости такого суда, который решал бы по «приказанию начальства» (Дневник Д. А. Милютина, т. 3, стр. 42).

[56] ПСЗ, 2 собр., т. LIII, № 59025. Решение Комитета министров было утверждено Александром II 19 ноября.

министров полагал возможным отпустить просимую Тимашевым сумму — единовременно 9795 руб. и ежегодно по 267 400 руб.[57].

Вторая часть решения касалась организации сыскной части при общей полиции 46 губерний, опять-таки для борьбы с революционным движением. Комитет министров также удовлетворил это ходатайство, несмотря на параллельное существование в этом случае двух родов тайной полиции: при жандармском и при полицейском ведомостях. На это отпускалась просимая министром сумма в размере 138 000 руб. ежегодно.

Одной из весьма суровых мер, принятых того же 8 августа в отношении поднадзорных, являлось «высочайшее повеление», на основании которого «каждый из высланных политических преступников судебным или административным порядком под надзор полиции, уличенный в покушении на побег или же за совершение такового, наказуется... ссылкой в Якутскую область»[58].

Наряду с рассмотренными выше административно-полицейскими мерами правительство предпринимает и другой шаг, не свойственный самодержавию, — обращение за содействием к населению. В «Правительственном вестнике» было опубликовано «Правительственное сообщение». В начале его говорилось об убийстве Мезенцова «как крайней степени злодеяния» и при этом указывалось, что «ныне терпение правительства исчерпано до конца». Подчеркивая, что в дальнейшем правительство «с неуклонной твердостью и строгостью будет преследовать тех, которые окажутся

---

[57] ПСЗ, 2 собр., т. LIII, № 59025. Отпуская эти суммы, Комитет министров при этом отмечал: «С финансовой стороны вопроса Комитет не считает себя вправе упускать из виду, что при настоящем положении государственного казначейства всякий новый постоянный расход казны должен иметь непременным последствием увеличение в той или другой форме тяжести налогов, усиление коих неизбежно для покрытия выяснившихся уже многоразличных государственных потребностей по части военной, морской, тюремной и другим. Чрезмерное же бремя налогов может, к сожалению, иметь весьма важное значение в смысле развития политически вредных элементов».

[58] Цит. по циркуляру департамента государственной полиции № 1018 от 19 февраля 1881 г., по экземпляру, хранящемуся в фонде канцелярии киевского генерал-губернатора — Центральный государственный исторический архив Украины (ЦГИА УССР, ф. 442 оп. 831, д. 3). Коллекция циркуляров Министерства внутренних дел за 1881 г., л. 82. В феврале 1881 г. указанным выше циркуляром это отменялось: уличенные в побегах по задержании должны были водворяться на прежние места высылки, с лишением их преимуществ, которыми они пользовались, и продлением срока высылки.

виновными или прикосновенными к злоумышлению против существующего государственного устройства», оно вместе с тем указывало, что русский народ также осуждает деятельность революционеров. Основанием для такого утверждения являлись многочисленные письма и заявления, якобы получаемые правительством от представителей сословных и общественных учреждений и частных лиц. Далее говорилось, что, «как бы ни были тверды и стойки действия правительства», оно должно «найти себе опору в самом обществе и потому считает ныне необходимым призвать к себе на помощь силы всех сословий русского народа для единодушного содействия ему в усилиях вырвать с корнем зло, опирающееся на учение, навязываемое народу при помощи самых превратных понятий и самых ужасных преступлений».

В конце сообщения содержалось специальное обращение к учащейся молодежи с просьбой «зрело обдумать и взвесить прискорбные и тяжкие последствия», которым она себя подвергает, увлекаясь распространяемыми в ее среде «лжеучениями»[59].

Само по себе обращение это характеризовало слабость правительства, стремление его найти опору в консервативных слоях населения, упрочив тем самым свою социальную базу. Это бесспорно указывало на признаки кризиса самодержавия.

На это обращение откликнулся ряд земств, изъявивших готовность «вырвать с корнем зло». Как указывает Б. Б. Веселовский, с соответствующими адресами к царю обратились 14 губернских и 12 уездных земств[60].

В конце 1878 года, 20 ноября, в Москве Александр II обратился к представителям сословий также с призывом оказать содействие правительству, дабы «остановить заблуждающуюся молодежь на том пагубном пути, на который люди неблагонадежные стараются ее завлечь»[61].

Не лишено интереса, что 9 июня того же 1878 года было издано секретное распоряжение по Министерству внутренних дел, в котором указывалось, что все телеграммы, содержащие в себе различные адреса и заявления дворянских организаций, земских и городских органов общественного управления, а также отдельных лиц, адресованные лицам россий-

[59] «Правительственный вестник», 20 августа 1878 г.

[60] См. Б. Б. Веселовский. История земства, т. III. СПб., 1911, стр. 231.

[61] «Московские ведомости», 21 ноября 1878 г.

ского царствующего дома, а также иностранным монархам, «должны представляться на рассмотрение местной высшей административной власти, которая входит в сношение с Министерством внутренних дел и только по получении ответа из министерства подобные телеграммы могут быть направлены по назначению»[62].

Таким образом, правительство боялось не только революционного движения, но и оппозиционных выступлений.

Рассмотрев меры, предпринятые правительством в области внутренней политики в 1878 году, можно высказать ряд соображений. Как известно, любое правительство, будь то феодальное или буржуазное, осуществляет свое господство двумя методами: методом голого насилия и методом уступок, реформ, заигрывания с массами. В реальной действительности оба эти метода функционируют одновременно, переплетаясь один с другим, причем обычно преобладает тот или иной.

В России, как говорилось уже выше, начиная с 1866 года метод насилия и репрессий занимал господствующее положение. Второй же метод применяется мало. 1878 год — год, характеризующийся быстрым нарастанием кризиса самодержавия, — не вносит в правительственную политику чего-либо принципиально нового. Правительство, стремясь подавить революционное движение, действует лишь в направлении репрессий, применяя их в значительно большем размере, нежели в предшествующие годы. Наступающий кризис самодержавия проявляется, во-первых, в переходе от обычных законов к исключительным (временные правила 1 сентября 1878 года, расширение функций военных судов и т. д.). Во-вторых, это находит выражение, правда в весьма еще слабой форме, в стремлении расширить социальную базу власти — в обращении за поддержкой к «благомыслящим» слоям общества.

* *
*

Несмотря на репрессии 1878 года, в новом, 1879 году революционное движение не только не ослабло, а, наоборот, увеличилось. Так, в деревне мы наблюдаем известный рост крестьянских волнений по сравнению с предшествующим

[62] Указанное распоряжение излагается по секретному циркуляру министра внутренних дел № 3046 от 30 мая 1881 г., содержащему отмену этого предложения (ЦГИАЛ УССР, фонд канцелярии киевского генерал-губернатора, оп. 831, д. 3, л. 64).

годом. Напряженное положение в деревне характеризовалось не только крестьянскими волнениями, но и слухами о предстоящем переделе помещичьей земли, получившими большое распространение. Стачечное движение также несколько усилилось.

Террористическая деятельность народников не уменьшалась. 9 февраля в Харькове был убит губернатор кн. Кропоткин, 26 февраля в Москве — полицейский агент Рейнштейн, 13 марта в Петербурге было произведено покушение, впрочем неудачное, на шефа жандармов ген. Дрентельна.

Как рассказывает в своем дневнике Милютин, тотчас же после покушения на шефа жандармов император предложил Валуеву как председателю Особого совещания немедленно обсудить меры, которые необходимо принять против непрерывно повторяющихся террористических актов. «Вопрос этот, — пишет Милютин, — уже столько раз обсуждался, что казалось бы лишним снова терять время на совещания. Но на этот раз поводом к возобновлению суждений послужило присутствие в Петербурге графа Шувалова, который... вызвался предложить некоторые, придуманные им, меры»[63].

Действительно, 15 марта происходило указанное совещание, на котором присутствовал бывший шеф жандармов Шувалов. «Члены совещания, — говорилось в журнале, — единогласно пришли к заключению, что миновала пора всяких полумер и ограничения деятельности правительственных властей постановлениями, изданными для их руководства при обычном течении административных и судебных дел. Обстоятельства, совершенно исключительные у нас, даже беспримерные, требуют исключительных распоряжений». Далее говорилось, что «подавление революционных террористических выступлений требует самых решительных и широких, частными неудобствами не стесняемых, мер»[64].

Предложения, принятые совещанием, носили узкополицейский характер. Первый пункт решения, принятый по предложению гр. Шувалова, касался проведения поголовной проверки живущих в Петербурге (не исключая домов казенного и придворного ведомства) в целях обнаружения лиц, проживающих без прописки. Здесь определялось и наказание за нарушение закона о прописке. Так, домовладельцы, содержатели гостиниц и меблированных комнат должны были подвергаться штрафу в размере от 50 до 500 руб., швейцары

[63] Дневник Д. А. Милютина, т. 3, стр. 128 — 129.

[64] ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1878 г., оп. 163, д. 504, лл. 47 — 48.

и дворники — увольняться без права поступления на эти должности. Действие этой меры распространялось на Петербургскую губернию, Москву, Киев, Харьков, Одессу и Ялту.

Вторым пунктом решения московскому и киевскому генерал-губернаторам предоставлялось право высылки административным путем лиц, «пребывание коих в вышепоименованных городах окажется вредным для общественного спокойствия и безопасности»[65].

Третий — касался вооружения петербургской полиции револьверами и подтверждал право употреблять это оружие в целях самозащиты. В следующем пункте рекомендовалось «в видах предупреждения дальнейших покушений»[66] наряжать двух конных конвойных для сопровождения шефа жандармов, министра внутренних дел и петербургского градоначальника.

Совещание согласилось также с предложениями министра народного просвещения обсудить вопрос об организации коннополицейской стражи в Петербурге и министра юстиции — о передаче полицией городским органам управления функций «по части санитарного благоустройства города».

В заключение Особое совещание отметило, что все принятые им решения «имеют только свойство мер предварительных или паллиативных, направленных к безотлагательному сокращению размеров того зла, которое угрожает поколебать главные основы государственного и общественного порядка, но что для окончательного подавления этого зла необходимо обратиться к его корням, определить почву, в которой оно гнездится, исследовать условия, способствовавшие его гибельному развитию и распространению, и обсудить ряд мер, которые могли бы, при последовательном и настойчивом их применении, обеспечить окончательный успех предпринятой с ним борьбы»[67].

Таким образом, это очередное заседание Особого совещания ограничилось лишь полицейскими мерами и никаких универсальных средств борьбы с революционным движением найдено не было, а через две с лишним недели, 2 апреля, было произведено новое покушение на жизнь самого Алек-

---

[65] ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1878 г., оп. 163, д. 504, л. 50. Это предоставлялось, согласно временным правилам 1 сентября 1878 г., только шефу жандармов по согласованию с министром внутренних дел.

[66] Там же.

[67] Там же, л. 53. 18 марта решение Особого совещания было утверждено Александром II.

сандра II. Это покушение вызвало мощную волну реакции. По словам сенатора Половцова, бывшего днем 2 апреля во дворце, Александр II, принимая представлявшуюся ему депутацию дворянства, прямо сказал ей, что «серьезность положения заставляет его прибегнуть к чрезвычайным мерам, что он видит надобность отступить от строго законных мер и что надеется, что дворянство будет помогать ему, а не критиковать, как это часто случалось»[68].

Узнав о покушении, рассказывает Милютин, он тотчас же поехал во дворец, где застал уже ряд министров, в том числе Валуева и Дрентельна. «Государь, — говорит Милютин, — позвал к себе Валуева, Дрентельна, Макова и меня, чтобы обсудить меры, какие нужно принять по случаю настоящего ненормального положения дел. Государь приказал нам сегодня же собраться и составить предложение об учреждении в обеих столицах и других больших городах временных военных генерал-губернаторов, с применением правил военного положения»[69]. Создается впечатление, что инициатива в вопросе о создании института временных генерал-губернаторов принадлежала лично царю. Однако нам представляется это иначе.

Валуев в своем дневнике прямо говорит, что мысль о создании временных генерал-губернаторов принадлежит ему. «Мысль о генерал-губернаторах, — заносит он в дневник 15 апреля, — моя, — еще до 2 апреля высказанная»[70]. В подтверждение этого имеется одно весьма существенное свидетельство, сохранившееся в его архиве. Мы имеем в виду собственноручную записку Валуева, датированную тем же 2 апрелем, посвященную борьбе «с крамолой», в которой он говорит о необходимости учреждения временных генерал-губернаторов в Петербурге, Харькове, Одессе или Николаеве, а также предоставления аналогичных прав генерал-губернаторам Москвы, Варшавы и Киева.

Определяя права их, Валуев писал: «Подчинить генерал-губернаторам все местные власти по части дел охраны общественного порядка. Подчинить им лиц прокурорского надзора, предоставить генерал-губернаторам право учреж-

[68] ЦГАОР, ф. Половцова, д. 14, стр. 4. В дневниковой записи за то же 2 апреля он передает свой разговор с вел. кн. Владимиром Александровичем, с которым в этот день вечером ехал на охоту. Последний заявил, что «многое в правительственных порядках надо переменить, но прежде всего необходимо принять меры строгости, чтобы, так сказать, террором побороть террор» (там же, стр. 5).

[69] Дневник Д. А. Милютина, т. 3, стр. 134.

[70] П. А. Валуев. Дневник 1877 — 1884 гг., стр. 33.

дать следственные и военно-судные комиссии и конфирмировать их постановления и приговоры. Предоставить генерал-губернаторам право на задержание и удаление с местожительства участников в делах революционной агитации, ныне предоставленные шефу жандармов и министру внутренних дел. Подчинить генерал-губернаторам местные войска и военные начальства. Предоставить им право временного закрытия тех общественных учреждений, в которых явно обнаружилось содействие политическим агитаторам, и право приостановки тех произведений печати, в которых попытки усилить или поддержать противоправительственную агитацию были бы замечены. Предоставить им право издавать и применять все временные полицейские постановления, которые они сочтут необходимыми для ограждения общественной безопасности»[71].

По мнению Валуева, введение временных генерал-губернаторов должно было по существу означать установление военного положения. Это надо было, как указывалось в записке, осуществить внезапно. «В самую ночь, перед объявлением чрезвычайных мер, — замечает он, — произвести важнейшие аресты, чтобы по возможности разбить существующую организацию»[72].

Эта записка была, по-видимому, написана Валуевым перед совещанием по поводу учреждения временных генерал-губернаторов, созванному им в 2 часа дня того же числа. Как рассказывает Милютин, на этом совещании помимо лиц, уже принимавших участие в прежних совещаниях по тому же вопросу, находился и главный военный прокурор Философов. «После трех часов споров и суждений, — говорит Милютин, — пришли к тому заключению, что Философов, вместе с министром юстиции Набоковым, проектировал к завтрашнему дню указ Сенату относительно учреждения временных военных губернаторов и в руководство им инструкцию»[73].

Указ Правительствующему сенату, опубликованный 5 апреля, говорит о том, что в основном совещание приняло предложение Валуева, однако некоторые пункты предложения были отвергнуты. В начале указа содержалась характеристика существующего положения в стране в смысле распространения революционных идей, а также террористиче-

[71] ЦГИАЛ, ф. Валуева, д. 396, лл. 2—3. Записка опубликована в «Историческом архиве», 1958, № 1. Ошибочно датирована 1862 годом.
[72] ЦГИАЛ, ф. Валуева, д. 396, лл. 2—3.
[73] Дневник Д. А. Милютина, т. 3, стр. 134.

ской борьбы, вплоть до покушений на самого царя. Все это, как говорилось в указе, вызвало необходимость «прибегнуть к исключительным временным мерам, как для примерного наказания виновных, так и для предоставления лицам, облеченным правительственной властью, особых прав в видах охранения общественного порядка»[74].

Первый и второй пункты указа 5 апреля касались назначения временных генерал-губернаторов в Петербурге, Харькове и Одессе и предоставления временно соответствующих прав генерал-губернаторам московскому, киевскому и варшавскому. Генерал-губернаторам подчинялись не только губернии, в которых они находились, но и смежные с ними. Эти губернии должны были быть указаны впоследствии[75]. «Во всех названных местностях, — говорилось в третьем пункте указа, — подчинить генерал-губернаторам все те местные гражданские управления в том размере, в каком на основании ст. 46 Положения о полевом управлении войск в военное время[76] подчиняются главнокомандующему армией губернии и области, объявленные на военном положении, а также учебные заведения всех ведомств по предметам, относящимся до охранения государственного порядка и общественного спокойствия[77].

[74] ПСЗ, 2 собр., т. LIV, № 59476.

[75] Указом Правительствующему сенату 23 апреля 1879 г. московскому, варшавскому, киевскому генерал-губернаторам, а также временным — петербургскому, харьковскому и одесскому, предоставлялось право распространить свою власть на все губернии, входившие в состав местного военного округа «в тех случаях, когда это окажется нужным». ПСЗ, 2 собр., т. LIV, № 59531. На протяжении 1879 г. было издано несколько указов о включении ряда губерний в состав генерал-губернаторств. Так, 8 августа московскому генерал-губернатору были подчинены Смоленская губерния (№ 59920), 20 октября — Рязанская, Тульская, Калужская (№ 60095), 12 декабря — Тамбовская (№ 60274); харьковскому 13 ноября — Черниговская, Полтавская, Курская, Орловская, Воронежская (№ 60187). В состав одесского генерал-губернаторства входили Херсонская, Таврическая, Екатеринославская и Бессарабская; с.-петербургского — С.-Петербургская, Псковская, Олонецкая, Новгородская и Архангельская.

[76] Статья 46 Положения о полевом управлении армии в военное время, изданного 17 апреля 1868 г., гласила: «Главнокомандующий, обязанный наблюдать за сохранением общественного спокойствия и порядка в губерниях и областях, состоящих на военном положении, имеет право: удалять в оных должностных лиц, назначать по своему усмотрению других и за преступления, имеющие политический характер, и которые могли бы быть вредны для безопасности армии или общественного спокойствия, предавать военному суду как сих лиц, так и всех жителей этих губерний и областей...» (ПСЗ, 2 собр., т. XLIII, № 45729).

[77] Вскоре была подчинена генерал-губернаторам и почта. Так, в секретном циркуляре по почтовому ведомству, относящемуся к апрелю 1879 г., указывалось, что все почтовые учреждения в местностях, под-

Четвертый и пятый пункты указа касались расширения прав генерал-губернаторов в части предания военному суду лиц, обвиняемых в государственных преступлениях. Так, по закону 9 августа 1878 года преданию военному суду подлежали лица, обвиняемые в вооруженном сопротивлении властям либо в нападении на должностных лиц. В данном указе предусматривалась передача военному суду также и «за другие виды преступлений государственных или против порядка управления, а равно и за совершение других преступлений, общими уголовными законами предусмотренных, когда они признают это необходимым в видах ограждения общественного порядка и спокойствия».

Шестой пункт наделял генерал-губернаторов особыми административными правами: а) административной высылки всех лиц, «дальнейшее пребывание которых в тех местностях они признают вредным»; б) ареста любого лица, «несмотря на звание и состояние», если опять-таки будет признано это необходимым; в) приостановление или запрещение периодических изданий; г) «вообще принимать те меры, которые по местным обстоятельствам они признают необходимыми для охранения спокойствия в вверенном им крае»[78].

Таким образом, шестой пункт указа 5 апреля предоставлял генерал-губернаторам чрезвычайно широкие полномочия, превращая их в своеобразных проконсулов. Введение института временных генерал-губернаторов являлось значительным шагом вперед в деле развития административного произвола. Этот правительственный акт свидетельствовал о дальнейшем углублении кризиса самодержавия, не способного управлять на основе изданных им законов.

Сопоставляя проект Валуева с указом, мы обнаруживаем в нем мало изменений. В указе не говорится прямо о подчинении лиц прокурорского надзора генерал-губернаторам, хотя предоставление им таких широких прав не вызывало сомнения в том, что органы юстиции будут лишены во многом самостоятельности. Более существенно, что совещание отклонило предложение Валуева о своеобразной варфоломеевской ночи, которую он проектировал осуществить накануне опубликования указа.

ведомственных генерал-губернаторам, «должны находиться в совершенном подчинении им и беспрекословно исполнять все требования и распоряжения генерал-губернаторов» (ЦГИА УССР, ф. Канцелярии киевского генерал-губернатора, оп. 828, д. 221, л. 72).

[78] ПСЗ, 2 собр., т. LIV, № 59476.

Через день после опубликования указа о введении временных генерал-губернаторов был издан другой, в котором назначались эти генерал-губернаторы в Петербурге, Харькове и Одессе. Дабы придать, по-видимому, авторитет этой должности, на пост временных генерал-губернаторов назначались генералы, отличившиеся в последнюю войну. Петербургским временным генерал-губернатором назначался ген. Гурко, харьковским — гр. Лорис-Меликов и одесским — Тотлебен[79].

Вопрос об этих назначениях был решен Александром II в результате совещания с военным министром Милютиным и шефом жандармов Дрентельном.

Реакционная и часть либеральной печати отнеслись с восторгом к созданию института генерал-губернаторов. Так, «Московские ведомости» в передовой статье от 7 апреля писали: «Каждый честный человек не только безропотно, но с радостью откажется на время от некоторой доли своих удобств и льгот, если это потребуется в интересе общественной безопасности». Газета вместе с тем выражала беспокойство, как бы назначение наделенных чрезвычайными полномочиями лиц не привело к нарушению единства управления. «Как согласно ни действовали в разных частях империи уполномоченные генерал-губернаторы, — писал Катков, — все же их несколько, и все же действия их будут разрозненны. Может быть, для вполне успешной и желательно быстрой расправы со злом окажется потребность в центральном, специально на тот предмет уполномоченном правительственном лице, которое сосредоточивало бы в своих руках все нити дела, восполняло бы действия генерал-губернаторов»[80].

Либеральный «Голос» также положительно отнесся к учреждению генерал-губернаторов. «Эти чрезвычайные меры, как самое прямое и законное последствие болезненных общественных явлений, посреди которых нам слишком долго пришлось жить, — писала газета, — должны только успокоить взволнованные и встревоженные умы во всех образованных и необразованных общественных слоях»[81]. Месяц

---

[79] ПСЗ, 2 собр., т. LIV, № 59478.

[80] «Московские ведомости», 7 апреля 1879 г. Заметим, что эта мысль Каткова в дальнейшем нашла свое выражение в предложении создать Верховную распорядительную комиссию.

[81] «Голос», 8 апреля 1879 г. Другие либеральные органы («Новое время» и «Вестник Европы») ограничились сухой констатацией факта учреждения временных генерал-губернаторов без каких-либо комментариев.

спустя «Голос» снова возвращается к этому вопросу: «...мы желаем полного успеха усилиям временных генерал-губернаторов, — указывалось в газете. — Мы все чувствуем, что дышать и мыслить спокойно можно будет тогда только, когда все разбойничье гнездо будет открыто и разорено дотла»[82].

Наряду с созданием института генерал-губернаторов были приняты и другие реакционные меры. Министр внутренних дел Маков через день после покушения организовал у себя в министерстве своеобразный «прием» журналистов.

4 апреля он вызвал к себе редакторов столичных журналов и газет и произнес им грубую менторскую речь, к тому же в развязно-хамском тоне[83]. «Я собрал Вас, господа, — начал свое выступление Маков, — для того, чтобы в настоящее время... напомнить и показать Вам, что поведение печати в высшей степени недостойное»[84]. На протяжении своей речи Маков несколько раз обращался к стоявшему тут же начальнику Главного управления печати Григорьеву, предлагая ему дать взыскание тому или иному органу прессы.

«Отныне, — заключил он, — я не потерплю этого, и каждый орган, который только осмелится нарушить отныне мое распоряжение, будет закрываться немедля и без объяснений в силу данной мне власти».

Как рассказывает присутствовавший при этом редактор «Русской старины» М. И. Семевский, эта речь была разнузданна до предела. «Как в старину, — замечает он, — какой-нибудь полупьяный городничий трепал какую-либо непотребную девицу, так и статс-секретарь Маков отвалял в своей непотребной речи русскую печать»[85].

Покушение на Александра II вызвало большую растерянность в среде господствующих классов. «В городе, — заносит в свой дневник 7 апреля Милютин, — только и разговоров, что о преступных замыслах, о новых будто бы попытках против служащих лиц, о бесчисленных арестах. Как будто самый воздух пронизан зловещими ожиданиями чего-то тревожного. Ходят самые неправдоподобные слухи

---

[82] «Голос», 6 мая 1879 г.

[83] На этом «приеме» присутствовали крупнейшие представители русской периодической печати: В. А. Бильбасов, П. А. Гайдебуров, М. Е. Салтыков-Щедрин, М. И. Семевский и др. Общее число приглашенных составляло, по словам Семевского, 18 — 20 человек.

[84] ИРЛИ (Пушкинский Дом), ф. М. И. Семевского, № 274, д. 16, материалы к запискам, л. 417.

[85] Там же, лл. 478—485.

и выдумки. Высшая полиция встревожена получаемыми секретными предостережениями. Одновременно в Москве и здесь были намеки на то, что злоумышленники, видя неудачу одиночных покушений, намереваются произвести новую попытку уже «скопом». Поэтому в прошлую ночь приняты были чрезвычайные меры по войскам Петербургского гарнизона. В разных местах города секретно расположены части войск: полки удержаны в казармах»[86].

Достоверность приводимых фактов не подлежит сомнению. Кому, как не военному министру, было знать о секретных мерах, предпринятых по войскам столичного гарнизона.

Те же настроения пессимизма и какой-то обреченности разделяет в начале лета и Валуев. Под впечатлением посещения Царского Села он заносит 3 июня в дневник: «Видел их императорских величеств. Вокруг них все по-прежнему, но они не прежние. Оба оставили во мне тяжелое впечатление. Государь имеет вид усталый и сам говорил о нервном раздражении, которое он усиливается скрывать. Коронованная полуразвалина. В эпоху, где нужна в нем сила, очевидно, на нее нельзя рассчитывать. Во дворце те же Грот и Голицын, та же фрейлина Пилар, те же метрдотель и пр.. Вокруг дворца, на каждом шагу, полицейские предосторожности; конвойные казаки идут рядом с приготовленным для государя, традиционным в такие дни, шарабаном, чувствуется, что почва зыблется, зданию угрожает падение, но обыватели как будто не замечают этого. Хозяева смутно чуят недоброе, но скрывают внутреннюю тревогу»[87].

* *
*

Деятельность генерал-губернаторов отличалась крайним самоуправством и произволом. Даже весьма невзыскательный к проявлениям административного произвола наследник престола, вел. кн. Александр Александрович, принужден был в январе 1880 года, говоря о деятельности генерал-губернаторов, заметить, что некоторые из них «творят бог весть что»[88].

---

[86] Дневник Д. А. Милютина, т. 3, стр. 136.

[87] ЦГАОР, ф. коллекции библиотеки Зимнего дворца, д. 2587, кн. VI, л. 80. В опубликованном тексте дневника пропущены два слова: «коронованная полуразвалина».

[88] ЦГАОР, ф. Александра III, д. 134, дневник Е. А. Перетца (машинописная копия), л. 17.

За период деятельности генерал-губернаторов — с апреля 1879 по июль 1880 года — было выслано ими на основании указа 5 апреля 575 человек, из них в Сибирь — 130[89]. Только за 8 месяцев 1879 года (с апреля по декабрь) было приговорено военно-окружными судами к смертной казни и казнено 16 человек[90]. Все эти приговоры, естественно, были утверждены генерал-губернаторами.

Мы не имеем возможности проанализировать общие данные о высланных по указу 5 апреля, а потому ограничимся сведениями только по киевскому, одесскому и харьковскому генерал-губернаторствам. Наиболее подробными данными мы располагаем по киевскому. Всего по этому генерал-губернаторству до 1 августа 1880 года было выслано 148 человек, из них в 1879 году — 115 человек, с 1 января по 1 марта 1880 года — 11, с 1 марта по 1 июня — 15 и с 1 июня по 1 августа — 7. Данные генерал-губернатора подразделяют всех высланных на две группы: по политическим мотивам и по мотивам, «не имевшим чисто политического характера». К первым относятся 106 человек, ко вторым—42. Рассматривая обвинения, предъявленные к лицам второй группы, мы видим, что половину их в действительности необходимо отнести к политическим. Так, среди них фигурируют подстрекатели крестьян к захвату помещичьих земель, руководители рабочей стачки и т. п. В силу этого мы полагаем возможным отнести к первой группе еще 22 человека. Таким образом, всего было сослано по политическим мотивам 128 человек[91], из них: в Восточную Сибирь — 17, в отдаленные губернии (Архангельскую, Вологодскую, Вятскую и Олонецкую) — 68, на родину под надзор полиции, вне преде-

---

[89] ЦГАОР, ф. Лорис-Меликова, д. 60, л. 27. Эти цифры приводит С. С. Татищев в своей книге «Император Александр II. Его жизнь и царствование» (т. II, стр. 568). Согласно указанию министра внутренних дел от 19 апреля, высылаемые по указу 5 апреля в отдаленные губернии должны были направиться «применительно к высочайше утвержденным 8 августа 1878 года правилам в Восточную Сибирь» (Гос. истор. архив Московской области — ГИАМО, ф. канцелярии московского генерал-губернатора, оп. 69, д. 29, ч. II, л. 1).

[90] «Народная воля». Социально-революционное обозрение, № 3. Передовая статья.

[91] Остальные 20 человек были сосланы за разные уголовные поступки: разбой, грабеж, «нетрезвую, безобразную жизнь», шулерство и т. д. Один из них, крестьянин Савицкий, был выслан в другой уезд «за неправильное обвинение из личной мести другого в государственном преступлении». ЦГИА УССР, ф. канцелярии киевского генерал-губернатора, 1880 г., оп. 830, д. 250, л. 58.

лов края — 22, под надзор полиции, в одну из местностей края — 18, за границу — 3[92].

Наибольшие бесчинства творились в одесском генерал-губернаторстве не столько самим Тотлебеном, сколько его помощником Панютиным, которому первый передоверил полностью свою власть.

Однако было бы неверным возлагать ответственность за безудержный произвол, царивший в Одессе, только на Панютина. Сам Тотлебен тоже обнаруживал большую склонность к самому беззастенчивому самодурству. Характеризуя деятельность одесского генерал-губернаторства, «Народная воля» писала 1 октября 1879 года: «Аресты и административные высылки не прекращаются и до сих пор. Высылают всех без разбора, кто не попадется под руку... Вообще можно сказать, что главной характеристической чертой «мероприятий» является грубое насилие и бесшабашный произвол»[93]. На протяжении восьми месяцев 1879 года в Одессе и Николаеве было казнено 8 человек, осужденных по приговорам военно-окружного суда[94].

По данным всеподданнейшего доклада Тотлебена от 25 августа 1879 года, им за 4 месяца было выслано административным порядком 104 человека, из них в Восточную Сибирь — 79, в Архангельскую губернию — 11, за границу — 14. За это же время был предан военно-окружному суду 31 человек, из которых пятеро были приговорены к смертной казни, 18 — к каторжным работам и 8 сослано в Сибирь на поселение[95]. Оправдывая все это, Тотлебен указывал, что «принятые меры хотя и кажутся беспощадными, но, будучи направлены исключительно против злонамеренных личностей, служа охраною и спасая весьма многих от

---

[92] ЦГИА УССР, ф. канцелярии киевского генерал-губернатора, 1880 г., оп. 830, д. 250, лл. 1 — 58.

[93] «Народная воля», № 2, стр. 15. Во втором номере газеты в статье «Два слова о генерал-губернаторстве» писалось: «Одесситы убеждены, что, собственно говоря, Тотлебен не более как пешка в руках этого господина, самовольно распоряжающегося судьбами миллионного населения» (стр. 15). Тут же приводился документ «Предложение временного одесского генерал-губернатора Тотлебена тайному советнику Панютину от 7 мая 1879 года за № 152», из которого следовало, что Тотлебен передавал своему помощнику все свои права.

[94] С. Ф. Чубаров, Д. А. Лизогуб, И. Я. Давиденко, С. Я. Виттенберг, И. И. Логовенко, В. А. Малинка, Л. О. Майданский, И. В. Дробязгин.

[95] ЦГИАЛ, ф. Комитета министров, д. 4047, ст. 505, л. 106. Из числа высланных большинство были жителями Одессы (из 104 — 67).

преступных увлечений и, следовательно, от кары закона, в действительности есть не меры строгости, а меры действительной и неотложной необходимости». Таким образом, по мнению Тотлебена, все эти репрессии были направлены «на спасение молодежи от преступных увлечений». В этом докладе Тотлебен сообщал о принятых им мерах, значительно превосходивших даже те широкие полномочия, которые были предоставлены генерал-губернаторам. Так, по его указанию назначения на должности мировых судей должны были утверждаться губернаторами или градоначальниками. Распространение слухов о переделах земли было зачислено им в разряд государственных преступлений. Продажа пороха охотникам могла производиться только по представлении удостоверения о политической благонадежности[96]. Все это было одобрено Александром II. «Все меры эти, — написал он на докладе, — признаю дельными и целесообразными»[97].

«Одним словом, за это короткое время Одесса, по собственному откровенному сознанию местных жителей, — писал Тотлебен в заключительной части своего доклада, — стала неузнаваема»[98]. Для того чтобы представить себе, до какой степени достигал произвол в одесском генерал-губернаторстве, следует остановиться на обязательном постановлении для городов Ялты и Симферополя, изданном Тотлебеном 27 апреля 1879 года, т. е. через 4 дня после своего вступления в должность[99]. Так, первый пункт этого постановления гласил: «Пароходы, кроме военных, должны приставать к городу Ялте не иначе как при дневном свете; с пароходов высаживаются только те пассажиры, которые имеют билеты до Ялты, все же остальные пассажиры должны оставаться на пароходах». Таким образом, пассажиры, следовавшие далее, были лишены права сойти на берег. В этом же пункте говорилось: «На самой пристани должен быть произведен подробный и тщательный осмотр как всех прибывших, так и вещей». При этом указывалось, что те лица, которые не будут иметь при себе паспорта, «или покажутся подозрительными», должны быть немедленно препровождены в городскую полицию, а оттуда, по снятии допроса, «должны быть отправлены под караулом к одесскому градоначаль-

---

[96] ЦГИАЛ, ф. Комитета министров, д. 4047, ст. 505, лл. 107—109.
[97] Там же, л. 105.
[98] Там же, л. 113.
[99] Согласно цитированному докладу, Тотлебен прибыл в Одессу и приступил к должности 23 апреля.

нику»[100]. Эта же участь должна была постигнуть и лиц, у которых были бы обнаружены какие-либо недозволенные предметы (оружие, нелегальная литература и т. д.). Следовательно, каждое лицо, прибывшее в Ялту, должно было подвергаться личному обыску и даже без всяких на то оснований, просто по подозрению, могло быть арестовано и отправлено «бесплатно» в Одессу.

Во втором пункте постановления говорилось, что «лица, прибывшие сухим путем, подвергаются равным образом тщательному осмотру немедленно по прибытии их в гостиницы или частные квартиры»[101].

Последующие пункты касались обязанностей содержателей гостиниц, меблированных комнат, постоялых дворов и частных домовладельцев сообщать полиции о прибывающих к ним лицах, а также «внимательно наблюдать как за своими жильцами и лицами, их посещающими, так и за тем, чтобы у их жильцов не происходило никаких сходок, съездов, сборищ, объявляя о том полиции без малейшего замедления».

Тут же сообщалось, что за невыполнение указанных распоряжений все содержатели гостиниц и домовладельцы подлежат на первый раз денежному штрафу от 100 до 200 руб.[102].

Таким образом, любой прием гостей мог осуществляться только с ведома полиции. Все это достаточно убедительно свидетельствует о самодурстве и произволе Тотлебена и его помощника Панютина.

Деятельность Тотлебена, а также Черткова в Киеве вызывала недовольство широких масс населения, и, как указывал Семевский, эти действия «наводили ужас не на злодеев — социалистов, а на общество мирное, готовое поддерживать разумные мероприятия»[103]. В этом утверждении было немало истины. Действительно, все репрессии обрушивались как на революционеров, так и на обывателей, вызывая недовольство в этих лояльных по отношению правительства слоях общества.

---

[100] Цит. по экземпляру, хранящемуся в фонде канцелярии с.-петербургского временного генерал-губернатора. Государственный исторический архив Ленинградской области (ГИАЛО), ф. 2073, оп. 1, д. 63, л. 2.

[101] ГИАЛО, ф. Канцелярии с.-петербургского временного генерал-губернатора, оп. 1, д. 63, л. 2. От обыска освобождались чины первых четырех классов, предводители дворянства, курьеры и «прибывшие по обязанностям службы и имеющие на то предписания своего начальства».

[102] При повторном случае сумма штрафа удваивалась, в третий раз — утраивалась. Помимо этого полагался арест от 1 до 9 месяцев.

[103] ИРЛИ (Пушкинский Дом), ф. М. И. Семевского, д. 16, л. 164.

Обратимся к деятельности харьковского временного генерал-губернатора гр. Лорис-Меликова.

В Харькове репрессии также имели место. «Если Харьков до сих пор не видел в своих стенах ни одной смертной казни[104], — писала «Народная воля» 1 октября 1879 года, — то тем не менее общие правительственные репрессалии так же сильно дают себя знать здесь, как и в других местах»[105].

Действительно, в Харькове имели место и административная высылка, правда в значительно меньшем масштабе, нежели в других губернаторствах[106], и репрессивные меры, направленные против местного студенчества[107], не говоря уже о том, что Лорис-Меликов являлся, как будет сказано ниже, инициатором ряда подобных мер в области просвещения во всероссийском масштабе.

Одной из первых мер по приезде Лорис-Меликова в Харьков явилось значительное увеличение числа жандармов[108].

Однако при всем этом Лорис-Меликов, в отличие от других генерал-губернаторов, действовал не только методами угроз и репрессий. Наряду с беспощадной борьбой с революционным движением он считал необходимым привлечь на сторону правительства оппозиционную общественность.

Во всеподданнейшем докладе о своей деятельности в Харьков он, характеризуя задачи генерал-губернаторов, писал: «Присвоение генерал-губернаторам исключительно лишь карательной власти, как ни целесообразна она была бы, недостаточно для выполнения всех лежащих на них обязанностей, в ряду которых преобладающее значение должно иметь не только преследование обнаруженного уже зла, но стремление своевременно предупредить его... высше-

---

[104] Действительно, за период генерал-губернаторства Лорис-Меликова в Харькове не было ни одной казни.

[105] «Народная воля», № 1, стр. 18.

[106] Из общего числа в 575 человек, сосланных генерал-губернаторами, им было направлено в административную ссылку, согласно его всеподданнейшему докладу, 37 человек (ЦГИАЛ, ф. Валуева, д. 402, л. 12).

[107] К сожалению, в фонде харьковского временного генерал-губернатора этих материалов не сохранилось и о них мы можем судить лишь на основе предложений Лорис-Меликова Особому совещанию (см. ниже).

[108] К моменту приезда Лорис-Меликова в Харьков штат губернского жандармского управления состоял всего из пяти офицеров, 25 унтер-офицеров и двух писарей. Генерал-губернатор ходатайствовал об увеличении штата на одного офицера и 24 унтер-офицера. Это число жандармских чинов, впредь до разрешения вопроса об увеличении штата, было командировано в Харьков из Ковенской губернии. Харьковский областной исторический архив (ГАХО), ф. временного харьковского генерал-губернатора, оп. 2, д. 5, лл. 3 — 8.

му представителю власти в крае необходимо быть постоянно настороже и иметь возможность проявить свое влияние везде, где в нем встречается необходимость. Такая задача,— писал он, — достижима только, когда генерал-губернаторы приходят в соприкосновение с местными интересами в лице их представителей и, узнавая этим путем об их нуждах, в состоянии дать движение предпринятым ими законным ходатайствам и вообще оказывать требуемую обстоятельствами поддержку... Вообще, по моему мнению, — замечал Лорис-Меликов, — генерал-губернатор должен быть действительным высшим представителем государственной власти в крае и для того в руках его следует не только сосредоточить возникающие из местных условий вопросы... но предоставить ему такое влияние, которым он, не вмешиваясь в частные отправления местных учреждений, мог бы одинаково объединять их действия и создавать из этих учреждений вполне надежный и сильный оплот против врагов правительства»[109]. Лорис-Меликов указывал, что при этих условиях могло бы постепенно уменьшиться применение «суровых карательных мер», «сила и значение которых велики только до тех пор, пока общество не успело с ними свыкнуться; продолжительное же применение этих мер, не достигая положенного в основание их спасительного устрашения, перестает оказывать ожидаемое от них полезное влияние»[110]. Таков взгляд Лорис-Меликова на задачи генерал-губернатора.

Революционная пресса следующим образом характеризовала деятельность харьковского временного генерал-губернатора: «...хитрая, двусмысленная политика Лорис-Меликова и несколько полулиберальных фраз, сказанных им, успокоили взволнованное общество и расположили к нему общественное мнение... Этот граф, как щедринский герой: хочет и невинность соблюсти и капитал приобрести. Политика двусмысленности и заискивания, стремление не идти слишком вразрез с духом времени и, сохраняя свой высокий пост, в то же время возможно менее запятнать себя как представителя крайних реакционных стремлений — вот задушевные мысли лица, претендующего быть вдохновителем современной правительственной системы»[111].

---

[109] ЦГИАЛ, ф. Валуева, д. 402, лл. 28—29. Подлинник доклада датирован 2 февраля 1880 г., на первом листе рукою Валуева: «Передано мне государем императором 6 февраля 1880 г.».

[110] ЦГИАЛ, ф. Валуева, д. 402, л. 30.

[111] «Народная воля», № 3, стр. 17.

Деятельность третьего временного генерал-губернатора (с.-петербургского) Гурко и наделенного этими же правами московского — кн. Долгорукова, полностью соответствовала реакционному политическому курсу, не представляя собой чего-либо индивидуального.

Собственно грубого произвола в столицах было все же меньше [112].

* *
*

Уезжая в середине апреля 1879 года в Крым, Александр II поручил Особому совещанию под председательством Валуева «исследовать и выяснить причины быстрого распространения в среде молодого поколения разрушительных учений и изыскать действительные практические меры, чтобы положить предел их растлевающему влиянию» [113].

Судя по дневнику Валуева, первое заседание Особого совещания происходило 27 апреля. «Сегодня, — записывает он 27 апреля, — у меня заседание Comité de salut public.

Сперва пригласив других высказаться вообще о нашем положении и его причинах и выслушав ряд более или менее заранее известных общих мест (особенно узких и жалких со стороны гр. Толстого...), я изложил подробно мои собственные взгляды, не подарив [?] ничего из наболевшего у меня на сердце, за минувшие 18 или по крайней мере 15 лет, — от лжи на счет общества и народа, дифирамбов в честь 19 февраля и подставления Московского царства вместо Рус-

[112] Одним из первых шагов с.-петербургского генерал-губернатора было издание обязательного постановления о круглосуточных дежурствах дворников у каждого дома в целях оказания содействия полиции в борьбе «с крамолой». За нарушение этого постановления домовладельцами устанавливался огромнейший штраф в 500 руб.; за самовольную отлучку с дежурства дворника — штраф в 25 руб. или недельный арест; при повторном уходе с дежурства — высылка из столицы. (Обязательное постановление с.-петербургского временного генерал-губернатора от 8 апреля 1879 г. СПб., 1879.) Согласно ведомости, приложенной к обязательному постановлению, общее число постов дворников должно было составлять 5473. Аналогичное постановление о дежурствах дворников было издано московским генерал-губернатором («Ведомости московской городской полиции», 19 апреля 1879 г.).

[113] В состав Особого совещания помимо Валуева входили министры: военный — Милютин, просвещения — Толстой, внутренних дел — Маков, финансов — Грейг, шеф жандармов — Дрентельн и главноуправляющий II отделением с. е. и. в. канцелярии — кн. Урусов. Однако военный министр не участвовал в совещании, так как с 12 апреля по 28 мая находился вместе с императорской семьей в Ливадии и журнал совещания им не подписан. С. С. Татищев. Император Александр II. Его жизнь и царствование, т. II, стр. 560.

ской империи, до судебных и других уставов, до систематического принижения и оскорбления всех природно охранительных элементов в государстве, до миража крестьянских масс и храмов науки и, наконец, до дарованного Болгарии прогрессистского Органического статута»[114].

Как рассказывает далее Валуев, он предложил приступить к обсуждению данного вопроса через неделю, т. е. 4 мая. Заседания происходили раз в неделю и закончились к концу мая. 24 мая Валуев представил царю весьма обстоятельный доклад по вопросу о мерах, намеченных Особым совещанием. В начале этого доклада он говорит о работе совещания, указывая, что оно несколько затянулось вследствие занятости тех или иных его членов. Переходя к оценке внутреннего положения в стране, Валуев писал: «Совещание находило, что сколь ни затруднительно положение дел, послужившее поводом к его учреждению, оно не может и не должно признаваться безисходным, но что в такое время нельзя вводить себя в заблуждение насчет действительности, значительности и настоятельности предстоящих затруднений и опасностей. Особого внимания, — указывалось далее, — заслуживает наружное безучастие почти всей более или менее образованной части населения в нынешней борьбе правительственной власти с небольшим сравнительно числом злоумышленников...»[115].

Далее Валуев отмечал, что большинство образованной части общества само встревожено, но как бы сохраняет нейтралитет, не выступая за правительство. Напротив, замечал он, оно критически относится к действиям правительственной власти. Это означало, что большинство образованной части общества, т. е. господствующих классов, настроено по отношению правительства оппозиционно.

Касаясь настроений народных масс, Валуев указывал, что и «в них заметны две противоположные наклонности. Они, — отмечал он, — готовы по первому призыву оказать содействие правительству против его врагов, но содействие беспорядочное, насильственное, всегда граничащее со своеволием, а потому слишком опасное, чтобы на него можно было рассчитывать. В то же самое время, — продолжал Валуев, — эти массы легко доступны всяким злонамеренным толкам, слухам и обещаниям, относящимся до предоставле-

[114] ЦГАОР, ф. коллекции рукописей Зимнего дворца, д. 2587, кн. VI, л. 75. Дневник Валуева. В напечатанном тексте содержится ряд неточностей.

[115] ЦГИАЛ, ф. Валуева, д. 395, л. 28.

ния им каких-нибудь новых льгот или материальных выгод, и под влиянием таких слухов и обещаний способны отказаться от повиновения ближайшей к ним правительственной власти и сами отыскивать врагов в среде, где эта власть их не усматривает»[116]. Далее Валуев отмечал, что в ряде губерний в этом направлении действуют революционеры.

Действительно, в настроении масс наблюдались эти две тенденции: вера в хорошего, доброго, антидворянского царя, которому якобы нужно помочь в борьбе с его врагами, с одной стороны, и недовольство своим положением, что приводило нередко к неповиновению властям, — с другой. Валуев правильно усматривал опасность для правительства как со стороны одной, так и другой тенденции. И та и другая, несмотря на их кажущуюся противоположность, могли привести к одним и тем же результатам: борьбе против существующего государственного порядка. С точки зрения объективного результата этой борьбы совершенно безразлично, чем бы руководствовались при этом борющиеся: желанием помочь доброму «царю» или стремлением его свергнуть.

Давая общую характеристику настроений в стране, Валуев писал: «Вообще во всех слоях населения проявляется какое-то неопределенное, обуявшее всех неудовольствие. Все на что-то жалуются и как будто желают и ждут перемены. Разнообразие сетований и неопределенность ожиданий тем более заслуживают внимания, — заключал он, — что, по заявлению министра внутренних дел, надлежит ожидать к концу года возникновения неудобных ходатайств в среде земских и дворянских собраний»[117].

Далее Валуев излагал мероприятия, которые совещание сочло нужным принять. Они состояли из десяти пунктов. Первые из них были посвящены укреплению авторитета и прав полиции, необходимости предоставления ей большей самостоятельности «при исполнении лежащих на ней трудных и важных обязанностей и для возвышения ее значения и авторитета в общественной среде». В этих целях рекомендовалось: отменить право, предоставленное мировым судьям, делать чинам полиции предостережения «даже без истребования от них объяснений и помимо их ближайшего начальства»; рассмотреть вопрос о предоставлении полиции права приносить жалобы на мировых судей прямо мировым съездам, а не через прокуратуру, в силу чего она находилась в этом отношении в полной зависимости от лиц прокурорского

[116] ЦГИАЛ, ф. Валуева, д. 395, л. 29.
[117] Там же.

надзора; пересмотреть узаконение о мировых судьях в смысле предоставления полицейским показаниям и протоколам «силы полного судебного доказательства» [118]; наконец, исходя из того, что существующий состав полиции не соответствует предъявляемым к нему требованиям, увеличить ассигнования на полицию «для усиления и поднятия нравственного уровня» существующего ее состава.

Пятый пункт касался служащих земств и органов городского общественного управления. Имея в виду, что в числе их «нередко встречаются агенты революционной пропаганды», Особое совещание рекомендовало «распространить действие правил 1866 года о предварительном испрошении согласия губернатора на определение известных должностных лиц по разным административным ведомствам на земские и городские управления». В силу этого предлагалось всех служащих этих органов, включая и врачей, зачислять лишь по предварительному согласию губернатора.

Шестой — относился к прессе, оказывавшей, по мнению совещания, «постоянное и систематическое вредное влияние». В целях борьбы с этим было решено предоставить министру внутренних дел «проектировать новые правила о денежных с периодических изданий взысканиях». Кроме того, совещание сочло целесообразным обсудить поставленный шефом жандармов вопрос об «издании при пособии от правительства новой ежедневной газеты, которая находилась бы под постоянным влиянием и руководством».

Следующий раздел был посвящен вопросу о положении в деревне, точнее — слухам о переделе земли и понижении существующих повинностей. Совещание предложило «принять меры к прекращению агитации, направленной против коренных начал Положений 19 февраля и к опровержению ложных надежд на дополнительный надел» [119].

Подобные слухи, как говорилось уже выше, являлись следствием наивномонархических чаяний крестьян, ожидавших царских милостей по окончании войны. «В весьма нередких случаях, — сообщал министр губернаторам конфиденциально, — слухи эти передаются сельскому населению отставными или даже служащими солдатами» [120].

[118] ЦГИАЛ, ф. Валуева, д. 395, лл. 29 — 30.

[119] Там же, л. 31.

[120] Отношение от 25 июля 1879 г. ЦГИАЛ, ф. Канцелярии министра внутренних дел, оп. 2, д. 1081, л. 213. Из 35 донесений губернаторов министру внутренних дел о распространении ложных слухов в пятнадцати указывается, что они распространялись солдатами (см. указанное выше дело).

Эти слухи появляются уже во второй половине 1877 года. 22 ноября 1877 года губернаторам был направлен циркуляр, в котором предлагалось разъяснять ложность указанных слухов [121]. В августе 1878 года министр внутренних дел снова указывал на это в своем конфиденциальном отношении губернаторам, предлагая им «следить с особенным вниманием за распространением подобных слухов» [122]. В 1879 году слухи о переделе земли особенно усилились.

Особое совещание остановилось также и на вопросе о сплочении всех консервативных элементов для борьбы с революционным движением. Именно этот вопрос и составлял содержание восьмого и девятого пунктов решений совещания. «В настоящее время необходимо ободрить и сплотить для противодействия революционной пропаганде те элементы населения, — писал Валуев, — в которых должны естественно и преемственно заключаться разумные охранительные силы, что такие силы действительно заключаются в частном потомственном землевладении, потому что они возбуждаются и поддерживаются его собственными интересами... другой охранительный элемент в настоящее время, — говорилось далее, — явно обнаруживается в среде раскольников... эта среда до сих пор остается недоступной революционной пропаганде» [123]. Таким образом, эти охранительные силы состояли из поместного дворянства и старообрядцев. Последние были представлены купечеством и другими мелкобуржуазными слоями преимущественно городского населения.

В соответствии с этим совещание считало целесообразным следующее. Во-первых, имея в виду что влияние поместного дворянства парализуется «отсутствием всякой территориальной связи между разными частями населения», возвратиться к предложенному Министерством внутренних дел еще в 60-х годах предложению об организации территориальных волостей. Это предложение означало не что иное, как стремление поставить во главе волостей представителей поместного дворянства, т. е., иными словами, создать институт земских начальников, возникший впоследствии в 1889 году. Вместе с тем говорилось о необходимости «вообще оказать частному землевладению одобрительное со стороны правительства внимание».

---

[121] Этот циркуляр обнаружить нам не удалось. Упоминание о нем содержится в ЦГИАЛе, ф. Канцелярии министра внутренних дел, оп. 2, д. 1081, л. 25.

[122] Там же, л. 50.

[123] ЦГИАЛ, ф. Валуева, д. 395, лл. 31 — 32.

Во-вторых, рекомендовалось прекратить преследование сект, «не признаваемых особенно вредными», что соответствовало одобренному императором еще в 1864 году предложению министра внутренних дел. Особое совещание полагало целесообразным, «чтобы соответствующие меры были приняты административным порядком, без законодательной торжественности» [124]. Одной из этих мер должно было быть и безотлагательное открытие Рогожского молитвенного дома в Москве, т. е. Рогожского кладбища, центра старообрядцев-поповцев, принадлежавших к Белокриницкой иерархии.

Интересно отметить, что, подчеркивая охранительную роль старообрядчества, Особое совещание ничего не говорит о значении официальной церкви в деле борьбы с революционным движением. И это не случайно. За двадцать пореформенных лет положение несколько изменилось. Если в период отмены крепостного права Синод и местное епархиальное начальство обращаются с различными призывами к населению, то теперь подобные обращения отсутствуют. Это, по-видимому, свидетельствовало об известном падении авторитета церкви, носившей откровенно правительственный характер.

Последний (десятый) пункт по существу примыкал к двум предыдущим, так как в нем трактовался вопрос о расширении социальной базы правительства в деле борьбы с революционным движением.

«Во внимание к тому, что революционная агитация не находит удобной для себя почвы в населении, принадлежащем католическому исповеданию и польскому племени», Особое совещание считало целесообразным «приступить к отмене исключительных постановлений и правил, сохраняющих силу в западных губерниях» [125].

Таким образом польское население западных губерний (Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины) признавалось благонамеренным, имея в виду, что народническое движение не получило здесь распространения.

В последнем заседании Особое совещание рассматривало вопросы, касающиеся просвещения, точнее — «о мерах, которые надлежало принять для улучшения нынешнего строя учебных заведений». Как указывалось в журнале, при об-

---

[124] ЦГИАЛ, ф. Валуева, д. 395, л. 32.

[125] За исключением закона 10 декабря 1865 г., воспрещавшего лицам польской национальности приобретать имения в этих губерниях (там же, лл. 18 — 19).

суждении этого «происходил продолжительный обмен мыслей»[126].

Так, министр финансов Грейг считал необходимым преградить доступ в высшие учебные заведения необеспеченной молодежи. «Дешевизна платы за учение, освобождение даже от этой платы, многочисленные стипендии и разные другие воспособления, оказываемые учащимся, — замечал он, — искусственно увеличивают число лиц, стремящихся к перемещению из одного слоя общества в другой. Несмотря на оказываемые им льготы и пособия, — продолжал Грейг, — они подвергаются во время состояния в заведениях ожесточенной нужде и тем легче поддаются влиянию злонамеренных агитаторов, которые заранее уверены в том, что именно на этой почве им всего удобнее искать себе пособников и находить слепые исполнительные орудия». В заключение Грейг отметил, что все это еще усугубляется периодической печатью, всячески восхваляющей систему, «которая переполняет заведения вредным и опасным контингентом»[127].

Гр. Толстой на это заявил, что существующее неудовлетворительное положение в университетах надо приписать, как это и признано членами Совещания, в значительной мере недостаткам университетского устава 1863 года. Именно этот устав, указывал он, устранил попечителей учебных округов от влияния на дела университетов, предоставив профессуре «неудобную во всех отношениях автономию». Министр народного просвещения заявил, что при составлении нового проекта университетского устава на все это обращено серьезное внимание. Так, для предупреждения наплыва студентов в столичные университеты министр считал целесообразным сосредоточить все стипендии в своих руках «и распределять их между различными университетами по своему усмотрению с тем, чтобы дальнейшая разверстка по факультетам была предоставлена попечителям, а не коллегиям или советам». Кроме того, Толстой полагал необходимым восста-

---

[126] По этому вопросу вследствие отсутствия двух членов Совещание не приняло никаких конкретных решений, ограничившись лишь обсуждением. Во всеподданнейшем докладе Валуева этот вопрос изложен в весьма краткой форме. В силу этого мы излагаем его по журналу Совещания (содержание журнала, за исключением указанного вопроса, полностью совпадает с всеподданнейшим докладом Валуева, не считая нескольких вводных фраз в начале его).

[127] ЦГИАЛ, ф. Комитета министров, д. 4042, приложение к ст. 384, л. 353.

новить «более точную учебную дисциплину», а также потребовать соблюдения установленной формы одежды [128].

Касаясь далее народных школ, министр отмечал, что надзор за ними в настоящее время явно недостаточен и что в этом отношении следовало бы позаботиться предводителям дворянства и духовенству, как это предусматривается Положением о начальной школе, разработанным в 1874 году.

Шеф жандармов и министр финансов высказали мнение о политической неблагонадежности учителей начальных школ, подготовляемых в учительских семинариях, полагая, что «задача первоначального обучения не так сложна, чтобы улучшенные педагогические приемы были для нее (начальной школы. — *П. З.*) безусловно необходимы. Она заключается в том, чтобы научить детей читать, писать, считать и молиться богу, и поэтому могла бы преимущественно быть вверена духовенству, при улучшении его материального быта теми средствами, которые теперь предназначены для школ, не состоящих в прямом его заведовании» [129].

Таким образом, Дрентельн и Грейг хотели убить двух зайцев: придать клерикальный характер начальной школе и вместе с тем улучшить материальное положение духовенства.

Однако это архиреакционное предложение встретило отпор от ряда лиц, в том числе и от самого графа Толстого [130]. Так, кн. Урусов и гр. Толстой заявили, что духовенство не сможет преподавать вследствие недостатка времени, а также и других причин. При этом Урусов, Толстой и Маков от-

---

[128] ЦГИАЛ, ф. Комитета министров, д. 4042, приложение к ст. 384, лл. 353 — 354.

[129] Там же, л. 355.

[130] Министр народного просвещения представил по этому поводу «дополнительную записку» к журналу Особого совещания, в которой доказывал неуместность этой меры. Во-первых, он отмечал, что из выпущенных с 1871 по 1879 гг. из 50 учительских семинарий лиц было привлечено к ответственности за политические преступления только три человека. Во-вторых, нецелесообразность этой меры определяется и тем, что материальное положение духовенства едва ли улучшится, так как расходы на подготовку и оплату содержания учителей для 25 000 начальных школ равняются лишь 1 млн. руб. в год. Таким образом, на одну школу эти расходы составляли 40 руб., или 3 руб. в месяц. В заключение своей записки он писал: «Нечего и говорить о том тяжелом впечатлении, которое произвело бы на всех, желающих успехов русской школе, подобное беспримерное в летописях русской и всей европейской цивилизации меры, как отнятие всякого пособия у сельских школ и уничтожение целой категории... учебных заведений, предназначенных для народа...» (цит. по печатному экземпляру, хранящемуся в фонде Д. А. Милютина, Отд. рукописей ГБЛ, папка 39, д. 39, стр. 4).

мечали, что «неудобно было бы отменить или ограничивать предоставленные земству по этой части права»[131].

Председатель совещания Валуев присоединился к точке зрения Дрентельна и Грейга, имея в виду, что по целому ряду причин (скудность денежных средств, обширность территории и т. д.) начальные сельские школы невозможно создать «по какому-нибудь усовершенствованному европейскому образцу», вследствие чего он со своей стороны «признает особенно желательным поручить эти школы прямому попечению приходского духовенства, вверив ему приискание учителей и надзор за ними»[132]. Таким образом, Валуев целиком присоединился к предложению Дрентельна и Грейга. Однако, как уже говорилось выше, никакого решения по вопросам народного образования принято не было.

Анализируя вопросы, дебатировавшиеся на Совещании, и решения их, мы видим, что они коснулись буквально почти всех областей внутренней политики, наметив целую сеть реакционных мер.

Первая часть их, чисто полицейская, относилась к расширению прав административно-полицейских органов. Сюда же мы относим и предложение о предоставлении прав губернаторам утверждать лиц, определившихся на земскую службу, а также и меры, направленные против печати.

Вторая группа намеченных мер относилась к деревне, имея в виду и борьбу со слухами о переделе земли и мысль об усилении дворянского влияния в деревне.

Третья — касается расширения социальной базы самодержания, т. е. опоры на такие охранительные элементы, которые в недавнем прошлом частью были в оппозиции правительству, как старообрядцы, частью боролись с ним с оружием в руках, как польская шляхта. Последнее очень любопытно, иллюстрируя собою потерю польской шляхтой своей революционности.

Наконец, последний круг вопросов связан с мерами, ставившими своей задачей преградить распространение революционной пропаганды среди молодежи.

Журнал Особого совещания был передан Александром II на рассмотрение Комитета министров, который обсуждал этот вопрос в трех заседаниях — 26 июня, 3 и 10 июля.

Комитет полностью согласился с общей оценкой положения в стране, данной Особым совещанием. При обсуждении решений Совещания по вопросу об усилении роли полиции,

[131] ЦГИАЛ, ф. Комитета министров, л. 4042, ст. 384, л. 356.
[132] Там же.

утвержденных Комитетом, возник ряд дополнительных соображений. Так, шеф жандармов Дрентельн предложил «в видах усиления значения полиции отменить право прокурора, под наблюдением коего производится следствие, давать предостережение полицейским чинам за упущения и беспорядки по следственной части или передавать их действия на рассмотрение суда». Комитет министров не отверг этого реакционнейшего предложения. «Комитет, — указывалось в журнале, — хотя и усматривает существенную разницу указанного порядка подчинения по следственной части полицейских чинов прокуратуре, состоящей в полной зависимости [от] министра юстиции [и] подобного же подчинения выборным мировым судьям, но тем не менее, ввиду особого значения возбужденного ген.-ад. Дрентельном вопроса, полагает предоставить министру юстиции войти в надлежащее по соглашению с министром внутренних дел и шефом жандармов соображение, не следует ли изменить ...порядок определения ответственности полицейских чинов за упущения и беспорядки по следственной части» [133].

Итак, Комитет министров отнесся весьма сочувственно к этому предложению Дрентельна, которое создавало широкие возможности для полицейского произвола и предусматривало по существу освобождение полицейских органов от контроля прокурорского надзора.

В связи с обсуждением вопроса о взаимоотношениях полиции и мирового суда министр финансов Грейг внес предложение «об отмене доказавшего на опыте полную свою несостоятельность выборного начала назначения мировых судей...» [134]. Это фактически означало ликвидацию института мировых судей и замену его коронным судом. Кроме того, Грейг рекомендовал предоставить полиции право рассматривать ускоренным порядком «маловажные нарушения постановлений, ограждающих общественное благоустройство и благочиние» [135]. Предложение это знаменовало стремление возвратиться к дореформенным порядкам, предоставлявшим полиции некоторые судебные функции. В ответ на выступление Грейга министр юстиции Набоков заявил, что в настоящее время в министерстве занимаются вопросом пересмотра организации мирового суда.

---

[133] ЦГИАЛ, ф. Комитета министров, д. 4041, ст. 384, Особый журнал Комитета министров, лл. 103—104.
[134] Там же, л. 107.
[135] Там же, лл. 107—108.

Таким образом, решение Особого совещания по вопросу об усилении полиции было полностью подтверждено Комитетом министров и, более того, в него вносился ряд дополнений.

Решение Совещания о согласовании с губернатором вопроса о принимаемых на службу в земство и городские органы управления лицах также получило утверждение [136], причем Комитет согласился распространить это и на служащих частных железных дорог [137]. Полностью согласился Комитет и с предложением в отношении прессы.

Вопрос о мерах против распространения слухов о передаче земли — рассматривался ранее, в связи с представлением, по указанию Александра II, текста «Объявления» по этому поводу на рассмотрение Комитета министров. Данному вопросу были посвящены заседания 5 и 13 июня. Маков в своем представлении писал: «С некоторого времени между жителями сел и деревень начали ходить слухи и толки о предстоящем будто бы в скорости общем переделе земель. Слухи эти разносятся по селениям или людьми злонамеренными, которые имеют в виду лишь дурные и преступные

[136] Вопрос этот получил окончательное разрешение на основе утвержденного Александром II решения Комитета министров от 19 августа 1879 г. согласно представлению министра внутренних дел и шефа жандармов. В этом решении говорилось: «При замещении постоянных должностей по земским и городским учреждениям, как по выборам, так и по найму, предварительно допущения к должности сообщается о предполагаемых к назначению лицах губернатору со всеми документами о личности сих лиц. Губернатору предоставляется изъявлять свое несогласие, если он, по имеющимся у него сведениям, найдет представленного к замещению должности кандидата неблагонадежным в политическом отношении. В случае такого несогласия губернатора допущение в должность не может состояться. Неполучение от губернатора уведомления в течение двухнедельного срока признается за изъявление им согласия на замещение должности» (ЦГИАЛ, ф. Комитета министров, д. 4044, ст. 451, лл. 90—91). Это решение, посягавшее на последние остатки самостоятельности земских и городских органов общественного управления, впоследствии пришлось несколько смягчить по форме, хотя существо его оставалось прежним. Так, в циркулярном разъяснении от 20 октября говорилось, что «лица, выборные в должность членов земских и городских управ, особому утверждению в этих должностях не подлежат, что порядок выборов должен оставаться тот же, который указан в законе. Применение же высочайшего повеления 19 августа должно иметь место к выборным лицам лишь тогда, когда будет обнаружена их несомненная неблагонадежность или вредная деятельность в политическом отношении». Следовательно, губернатор имел право не утвердить в должности то или иное лицо, избранное земским собранием или городской думой.

[137] Этот вопрос получил разрешение в сентябре 1879 г. в связи с обсуждением в Комитете министров всеподданнейшего доклада Тотлебена. ЦГИАЛ, ф. Комитета министров, д. 4046, ст. 505.

цели... или же людьми из среды крестьян, наслушавшихся лживых рассказов и толкующих потом своим односельцам о таких распоряжениях и намерениях правительства, которых оно вовсе не имеет»[138]. Как сообщал министр, донесения о распространении подобных слухов, с августа 1878 по январь 1879 года, поступали из Рязанской, Смоленской, Черниговской, Гродненской, Псковской, а в течение 1879 года из Казанской, Петроковской, Калужской, Новгородской, Херсонской, Киевской, Курской, Орловской, Смоленской, Тульской и Пензенской губерний.

Не лишена интереса динамика распространения этих слухов на протяжении 1878 и 1879 годов. Так, в августе 1878 года сообщение о слухах по поводу передела земли поступило из одной губернии, в сентябре — также из одной, в октябре — из одной, в ноябре — из двух, в декабре — из одной. В 1879 году в январе — из одной, в феврале и марте сведений вовсе не поступало, в апреле — из двух, а в мае — из 11 губерний, причем из двух (Калужской и Киевской) по два раза[139].

Маков сообщал, что слухи о переделе земли получили в некоторых местностях конкретную форму: «Земля от дворян и купцов будет отнята и разделена между крестьянами по числу душ, а в других же местностях говорили, что земля будет отнята у всех без различия звания землевладельцев, имеющих более 100 десятин. К слухам о земле, — продолжал Маков, — присоединились и толки об освобождении от подушной подати, а также и от всех платежей»[140].

Комитет министров одобрил представление министра внутренних дел, предложив отнестись к редакции «Объявления» с крайней осторожностью с тем, чтобы оно само не послужило косвенным поводом для распространения этих слухов. В связи с этим Комитет рекомендовал не оповещать это

---

[138] ЦГИАЛ, ф. Комитета министров, д. 4036, ст. 643, Особый журнал за 5 и 13 июня 1879 г., л. 141.

[139] ЦГИАЛ, ф. Комитета министров, д. 4038, л. 8.

[140] Там же, д. 4036, ст. 331, Особый журнал от 5 и 13 июня 1879 г., лл. 138—139. Слухи среди крестьян касались не только земли. Так, Маков в своем циркуляре губернаторам от 26 июня этого же года писал: «Во второй половине мая между крестьянами Путивльского уезда стали ходить слухи, будто бы существует правительственное распоряжение, запрещающее крестьянам арендовать у помещиков земли исполу, наниматься на работу к помещикам: мужчинам дешевле одного рубля и женщинам менее пятидесяти копеек, и будто бы по селениям разъезжают тайные жандармы, которые записывают всех, кто не исполняет означенного распоряжения» (ГАХО, ф. врем. харьковск. ген-губернатора, оп. 2, д. 2, л. 145).

«Объявление» повсеместно, а лишь там, где в этом возникнет надобность.

В изданном «Объявлении» сообщалось, что «ни теперь, ни в последующее время никаких дополнительных нарезок к крестьянским участкам не будет и быть не может»[141]. Далее в нем говорилось, что передача земли, законно закрепленной за тем или другим лицом, кому-либо иному была бы крайне несправедлива и противоречила бы принципам частной собственности[142].

Слухи о переделе земли получили широкое распространение не только среди крестьян, но затронули даже войска. Так, министр внутренних дел в своем конфиденциальном отношении московскому генерал-губернатору писал, что «слухи о переделе земли перешли, по-видимому, в войска, что усматривается из приказа одного начальника местных войск[143], заметившего, что полезные для службы унтер-офицеры по своему знанию дела отказываются от поступления на вторую службу единственно потому, что надеются получить при общем будто бы делении земельные участки. Так из дошедших до Министерства внутренних дел сведений, слухи эти передаются сельскому населению отставными и даже служащими солдатами»[144]. В связи с этим Маков просил опубликовать упоминавшееся выше «Объявление» по поводу слухов о переделах земли в приказе по войскам Московского военного округа[145].

---

[141] ЦГИАЛ, ф. Канцелярии министра внутренних дел, оп. 2, д. 1081, л. 4.

[142] По-видимому, «Объявление» оказало определенное влияние на крестьян, и слухи о переделах земли значительно уменьшились. После опубликования «Объявления» министром внутренних дел были получены сведения о циркулирующих слухах лишь из четырех губерний: в сентябре 1879 г. из Новгородской, в октябре из Смоленской, в феврале 1880 г. из Воронежской и в марте из Казанской (см. ЦГИАЛ, то же дело). Это оказало влияние на увеличение земельных сделок. «После опубликования Объявления замечено большее стремление крестьян к приобретению земли в собственность, тогда как прежде, даже летом нынешнего года, они опасались приобретать таковую», — сообщал курский губернатор в конце 1879 г. (см. указанное дело, л. 343). Аналогичные сведения поступали из Симбирской губернии (см. то же дело).

[143] Имеется в виду приказ командующего войсками Киевского военного округа от 4 августа 1879 г., № 193.

[144] Государственный исторический архив Московской области (ГИАМО), ф. Канцелярии московского генерал-губернатора, оп. 69, д. 29, ч. 1, л. 310. Письмо от 29 июля 1879 г., № 3637.

[145] Опубликовано в приложении к приказу по войскам Московского военного округа от 9 августа 1879 г., № 220. Вообще правительство всячески стремилось сохранить верноподданный дух в войсках. Так, руководствуясь этими соображениями, в секретном отношении главного воен-

Наряду со слухами о переделе земли, создававшими в деревне напряженную обстановку, в этот период большое распространение получает и самовольное переселение крестьян в Западную Сибирь. По поводу этого в сентябре 1879 года Маковым был издан конфиденциальный циркуляр губернаторам, в котором предлагалось не допускать подобных переселений [146].

Комитет министров полностью согласился и с решением Особого совещания, касавшимся создания территориальных административных единиц, возглавлявшихся помещиками-дворянами. Таким образом, вопрос о создании института земских начальников, поставленный Валуевым еще в 60-е годы, получил в 1879 году полное одобрение со стороны Комитета министров.

Согласился Комитет министров и с изменением законодательства в отношении раскольников. По последнему же пункту решения Особого совещания, об отмене исключительных законов в Польше, Комитет не принял никакого конкретного постановления.

После обсуждения конкретных предложений, внесенных Особым совещанием, Комитет министров рассмотрел ряд дополнительных соображений, высказанных членами Особого совещания. Так, Комитет полностью присоединился к мнению министра финансов Грейга о «крайнем вреде», оказываемом приемом в высшие учебные заведения лиц, материально не обеспеченных. По этому поводу Комитет министров предложил министрам, в ведении которых находились высшие учебные заведения, «принять к руководству изъясненное общее начало о положительном вреде искусственного возбуждения в России стремления к высшему образованию...» [147].

Вторым пунктом решения о высших учебных заведениях являлся вопрос о распределении студенческих стипендий. Министру народного просвещения предлагалось представить проект о сосредоточении стипендиального фонда в руках лица, возглавлявшего это ведомство.

В общей форме Комитет высказал свое единодушное

ного прокурора московскому генерал-губернатору говорилось о необходимости избегать употребления войск для использования смертных приговоров (ГИАМО, ф. Канцелярии московского генерал-губернатора, 1879 г., оп. 69, д. 29, ч. II, д. 17).

[146] ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, 1867 г., оп. 53, д. 25, ч. II, л. 22.

[147] ЦГИАЛ, ф. Комитета министров, д. 4041, ст. 384, Особый журнал Комитета, л. 134.

суждение и о начальной школе. «Духовно нравственное развитие народа, составляющее краеугольный камень всего государственного строя, — говорилось в журнале, — не может быть достигнуто без предоставления духовенству преобладающего участия в заведовании народными школами. Такое участие служителей церкви... необходимо для того, чтобы удовлетворение потребностей народного просвещения не шло путем ложным, а потому вредным для народной нравственности и для общественного порядка» [148]. Это решение должно было определить дальнейшие пути развития начальной школы, придать ей клерикальный характер. Наконец, в конце заседания шеф жандармов обратил внимание членов Комитета на частные случаи неблагонадежности лиц, состоящих на государственной службе, указав на необходимость «иметь самое строгое и неослабное наблюдение за совершенной благонадежностью их подчиненных» [149].

Журнал Комитета министров был утвержден 12 июля императором, при этом он распорядился, чтобы сведения о ходе разработки указанных в решении Комитета вопросов ежемесячно сообщались ему I отделением с. е. и. в. канцелярии [150].

Решения Особого совещания, утвержденные Комитетом министров, говорили о значительном усилении реакции. Они характеризуют единство внутриполитического курса как в конце 70-х годов, в царствование Александра II, так и в 80-е, в эпоху Александра III, прерванное лишь дальнейшим развитием кризиса самодержавия. Здесь нетрудно обнаружить прообраз контрреформ во всех областях государственного управления. Так, мы видим в своей основе и будущее законоположение о земских начальниках, и явное стремление ликвидировать мировой суд, и всемерное усиление административно-полицейской власти, и требование создать клерикальную начальную школу, и многие другие проявления реакции.

---

[148] ЦГИАЛ, ф. Комитета министров, д. 4041, ст. 384, Особый журнал Комитета, лл. 137—138.

[149] Там же, л. 149.

[150] В фонде I отделения с. е. и. в. канцелярии (ЦГИАЛ, ф. 1409) имеется специальное дело, содержащее в себе данные, сообщавшиеся министерствами по этому вопросу (оп. 3, д. 9333). В деле содержатся сведения, присылавшиеся министерствами: юстиции, народного просвещения и путей сообщения. 2 января 1880 г. в заседании Комитета министров был заслушан вопрос о ходе выполнения решений Особого совещания.

* *
*

Генерал-губернаторы чрезвычайно широко пользовались предоставленным им правом изъятия из ведения судебного ведомства различного рода дел. Так, министр юстиции в своем секретном отношении генерал-губернаторам писал: «...общее изъятие из ведения судебных установлений всех без различия дел известной категории (т. е. дел политических. — *П. З.*) выходит из пределов власти, предоставленной генерал-губернаторам, ибо такое распоряжение равносильно изменению определенной законом подсудности уголовных дел» [151]. В силу этого, по представлению министра юстиции, был дан указ Сенату, в котором предлагалось разъяснить генерал-губернаторам, что в случае признания ими необходимости «изъять известные категории дел о преступлениях, общими уголовными законами предусмотренных, из ведения судебных установлений гражданского ведомства, то предположения свои по этому предмету с указанием того направления, которому, по их мнению, подлежали бы означенные дела, они обязаны сообщать министру юстиции». Министр же юстиции по согласованию с министром внутренних дел и шефом жандармов обязан представлять этот вопрос на «высочайшее благоуважение» через Комитет министров [152].

В сентябре Комитет министров рассматривал «по высочайшему повелению» упоминавшийся нами выше доклад одесского генерал-губернатора Тотлебена. В силу того что Тотлебен в ряде областей своей деятельности значительно превысил полномочия, и имея в виду, что все его действия были одобрены императором, Комитет министров должен был рассмотреть эти вопросы и определить пути их решения.

При рассмотрении доклада обнаружилось также отсутствие единства действий генерал-губернаторов. Так, если в Одессе распространение слухов о переделах земли классифицировалось как государственное преступление, то в Харькове это каралось путем административного взыскания.

Рассмотрим решение Комитета министров. Первым пунктом его являлось предоставление права губернаторам «в виде временной меры» утверждать кандидатов на должности по земским учреждениям, исключая мировых судей. В отно-

---

[151] ЦГИА, УССР, ф. Канцелярии киевского генерал-губернатора, оп. 828, д. 221, л. 128.

[152] Там же, л. 109. В полном собрании законов этот указ не помещен.

шении последних утверждение их по-прежнему оставалось прерогативой Сената. Губернатору же давалось право представлять «свои замечания о нравственных качествах и благонадежности лиц, избираемых земскими собраниями и городскими думами на должность мировых судей, Правительствующему сенату» [153]. Таким образом, губернатор имел возможность оказывать решающее влияние на утверждение и мировых судей.

Тем самым самовольные действия в этой области одесского генерал-губернатора приобретали силу закона.

Вместе с тем Комитет министров счел необходимым указать одесскому временному генерал-губернатору, а также и всем прочим на необходимость строго придерживаться «высочайшего повеления» 13 июля и по вопросу изъятия дел из ведения судебных органов гражданского ведомства. Рекомендовалось также принять соответствующие меры к непременному согласованию действий генерал-губернаторов в области судебных дел.

Наконец, генерал-губернаторам было предложено издаваемые ими обязательные постановления, предусматривающие те или иные административные взыскания, согласовывать с соответствующими ведомствами и рассматривать их в Комитете министров [154].

Итак, с одной стороны, решение Комитета министров расширяло права административной власти, подчиняя ей в какой-то степени и органы мировой юстиции, с другой — Комитет пытался ограничить или по крайней мере ввести в известное русло закона деятельность генерал-губернаторов.

Последнее вызвало недовольство. Так, ген. Гурко в декабре 1879 года во всеподданнейшем докладе с возмущением писал: «Таким образом не только на будущее время все распоряжения генерал-губернаторов, касающиеся наложения вне суда административных взысканий... не будут иметь обязательной силы, прежде обсуждения их тремя ведомствами (министрами юстиции, внутренних дел и шефом жандармов. — *П. З.*) и рассмотрения в Комитете министров, но и изданные уже по сему предмету обязательные постановления признаются как бы не имеющими силы впредь до

---

[153] ЦГИАЛ, ф. Комитета министров, д. 4046, ст. 505, л. 143. Далее указывалось, что Правительствующий сенат «при рассмотрении представлений об утверждении в должности мировых судей входит в ближайшую оценку и проверку представленных ему местным губернским начальством отзывов».

[154] В этом отношении на местах имел место полный разнобой.

утверждения их указанным порядком». По его мнению, «ограниченные в своих правах генерал-губернаторы утратят значение лиц, вполне пользующихся высочайшим доверием вашего величества, и авторитет их власти и распоряжений будет поколеблен...» [155].

Попытка ввести в русло закона деятельность генерал-губернаторов не принесла каких-либо ощутимых результатов. В конце 1879 года шеф жандармов и министр внутренних дел принуждены были сделать по этому поводу представление в Комитет министров.

В начале представления они отмечали важность тех задач, которые возложены на генерал-губернаторов указом 5 апреля. «Отсюда, — писали они, — несомненно следует, что насколько широки должны быть полномочия означенных представителей власти в сфере специальной, исключительной задачи их, заключающейся в искоренении развившихся противоправительственных и противообщественных элементов, настолько же должны оставаться неизменными начертанные общими законами условия деятельности местных гражданских управлений в прочих сферах, не соприкасающихся непосредственно с указанной задачей». Руководствуясь этим, они полагали необходимым разъяснить генерал-губернаторам, что «течение дел хозяйственных, судебных и сословных, то есть касающихся круга деятельности местных городских, земских и сословных учреждений, должно быть направляемо надлежащими местными властями и установлениями, указанным в законе порядком» [156], если в действиях этих властей не усматривается каких-либо антиправительственных проявлений. Далее в представлении говорилось о правах генерал-губернаторов в части издания обязательных постановлений и определялся максимум денежного штрафа за их невыполнение.

Это представление обсуждалось в Комитете министров 18 декабря. Как рассказывает Е. М. Феоктистов в своем письме к Каткову, на заседании Комитета министров присутствовал вел. кн. Константин Николаевич, который упорно доказывал, что «нельзя оставлять права генерал-губернаторов неопределенными, что необходимо точнее обозначать их, согласовывать их с существующими узаконениями». Валуев же, наоборот, отстаивал права генерал-губернаторов в том

---

[155] ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1878 г., оп. 163, д. 504, лл. 71—73.

[156] ЦГИАЛ, ф. Комитета министров, д. 4057, ст. 691, лл. 526—532.

виде, в каком они существуют [157]. Представление было целиком одобрено Комитетом министров и 20 декабря было утверждено императором. В соответствии с этим было предложено министру внутренних дел уведомить об этом конфиденциально генерал-губернаторов [158]. Обсуждение вопроса о правах генерал-губернаторов в Комитете министров достаточно убедительно свидетельствовало о том широком произволе, которым характеризовалась их деятельность.

Итак, институт генерал-губернаторов, введенный для укрепления государственной власти на местах в целях борьбы с революционным движением, не оправдал чаяний верховной власти. Произвол и репрессии усиливали общее недовольство. Разногласия между высшей бюрократией и генерал-губернаторами являлись одним из признаков кризиса самодержавия.

* *
*

Предположения в области просвещения в наиболее конкретной форме были рассмотрены на специальных заседаниях Особого совещания, происходивших 17 и 19 июля, в связи с предложениями харьковского временного генерал-губернатора гр. Лорис-Меликова.

Из всеподданнейшего доклада председателя Особого совещания Валуева видно, что Лорис-Меликов наметил целую программу мер борьбы с революционным движением. Как говорит Валуев, харьковский генерал-губернатор, ознакомившись с содержанием Особого журнала Комитета министров, заявил, что «заключающимися в том журнале постановлениями уже разрешена часть вопросов или ходатайств, которые он имел в виду возбудить или представить». Таким образом, решения, принятые Комитетом министров, полностью разделялись Лорис-Меликовым. Вместе с тем он указывал «на существенные недостатки внутреннего строя учебных заведений, недостаток надзора, недостаток ответственности, недостаток всякой дисциплины и недостаток правильного исполнения обязанностей, лежащих на преподавателях» [159], и предложил ряд мер, которые не являлись чем-нибудь принципиально новым по сравнению с сужде-

---

[157] Отд. рукописей ГБЛ, ф. Каткова $\frac{12}{21}$, письмо от 22 декабря 1879 г.

[158] ЦГИА УССР, ф. Канцелярии киевского генерал-губернатора, оп. 828, д. 221, л. 155.

[159] ЦГИАЛ, ф. Валуева, д. 395, л. 36.

ниями по вопросам просвещения в Особом совещании и Комитете министров, а лишь конкретизировали их. Программа Лорис-Меликова в области просвещения предвосхищала то, что было сделано Деляновым на протяжении 80-х годов, она состояла из девяти пунктов, из которых первые три касались высших учебных заведений. В них заключались следующие предложения: «1) Устранить в университетах выборное начало относительно назначения ректоров, инспекторов и субинспекторов. 2) Ввести обязательную форму одежды, и если не мундир, то по крайней мере какие-нибудь внешние отличительные знаки. 3) Обсудить вопрос, нельзя ли в известных случаях не выдавать стипендиатам на руки назначенных им денежных стипендий, или по крайней мере части этих стипендий» [160].

Эти предложения шли значительно далее суждений по данному вопросу в Особом совещании и Комитете министров. Если там в общей форме говорилось о предоставленной профессуре по уставу 1863 года «неудобной во всех отношениях автономии», то здесь требовалось ликвидировать выборное начало в отношении главной университетской администрации. То же самое надо сказать и о предложении предоставить администрации права не выдавать стипендий. Наконец, введение формы даже не проектировалось никем из членов Особого совещания, ни Комитетом министров.

Четвертый, шестой и седьмой пункты касались средних учебных заведений. В четвертом — говорилось о необходимости усиления «воспитательного элемента в гимназиях и прогимназиях», для чего предлагалось увеличить число помощников классных наставников. Шестой пункт предвосхищал деляновскую политику в отношении гимназий, его известный циркуляр 1887 года. «Обсудить вопрос, не способствуют ли гимназические приуготовительные классы, — говорил Лорис-Меликов, — привлечению к гимназиям неудобного контингента учеников, а затем переполнению ими сначала гимназий, а потом университетов» [161].

Таким образом, харьковский генерал-губернатор в осторожной форме прямо ставил вопрос о ликвидации приготовительных классов в целях недопущения в гимназии детей необеспеченных родителей.

Седьмой пункт касался улучшения состояния духовных семинарий и сокращения числа их либо численности учащих-

---

[160] ЦГИАЛ, ф. Валуева, д. 395, лл. 36—37.
[161] Там же, л. 37.

ся в них. Два пункта — пятый и девятый — относились к начальной школе. В первом из них рекомендовалось «учредить усиленный надзор за народными школами и за учителями в этих школах... между этими учителями немало людей неблагонадежных, а ныне приходится в некоторых губерниях по два инспектора на 500 школ»[162]. В девятом пункте говорилось об учителях народных училищ, которые окажутся не у дел в результате придания этим школам клерикального характера. «Иметь в виду неудобства, — указывал он, — которые могут произойти от распущения по России без занятий и без надзора тех учителей народных училищ, которые будут удалены или уволены при преобразовании этих училищ»[163]. Следовательно, Лорис-Меликов фактически присоединялся к предложению Дрентельна и Грейга о превращении начальной школы в клерикальную.

Наконец, одним из пунктов ставился вопрос о том, чтобы административные округа различных ведомств совпадали с границами учебного округа.

Все эти предложения носили весьма реакционный характер и встретили в основном сочувствие членов Особого совещания. Так, Совещание приняло решение о предоставлении министру народного просвещения права, впредь до создания нового университетского устава, подчинить инспекцию в университетах непосредственно попечителям учебных округов, а не выборному ректору и университетским советам. При этом рекомендовалось испросить «высочайшее соизволение» на изменение состава инспекций, если это будет признано целесообразным генерал-губернаторами, а назначение новых инспекторов предоставить попечителям. Совещание одобрило также и другие предложения Лорис-Меликова по высшей школе (о назначении ректоров, форменной одежде, выдаче стипендий). Все эти вопросы было рекомендовано учесть при рассмотрении нового университетского устава.

---

[162] ЦГИАЛ, ф. Валуева, д. 395, л. 37. Позднее в целях обеспечения благонадежности учителей были приняты и другие меры. Так, 10 ноября 1879 г. министр народного просвещения писал: «В видах ограждения средних и низших учебных заведений... от преподавателей, неблагонадежных в политическом и нравственном отношении... предварительно допущения или определения избранных кандидатов на учительские места в... средние и низшие учебные заведения, а равно прежде выдачи желающим свидетельств на право обучения в частных домах или открытия частных учебных заведений, делаемы были сношения с местными губернаторами о нравственности и политической благонадежности лиц» (ГИАМО, ф. Канцелярии московского генерал-губернатора, оп. 69, д. 29, ч. II, л. 1).

[163] Там же.

Также одобрено было предложение об усилении наблюдения за народными школами и надзора за уволенными учителями.

По вопросу же ликвидации приготовительных классов гр. Толстой выступил решительно против, заявив, что «он считает их необходимою педагогической принадлежностью гимназий и что они не увеличивают количества учеников, а только облегчают предварительную дисциплинировку тех, которые имеют одинаковое право поступать как в приготовительный, так и в первый классы» [164]. Таким образом, даже Толстой не согласился с этим предложением Лорис-Меликова.

Помимо вопросов, поставленных Лорис-Меликовым, Совещание обсудило вопрос о женском образовании. Так, было заслушано сообщение министра народного просвещения о высших женских курсах и об «ограничительных мерах и распоряжениях, сделанных с целью более строгого за ними надзора». Совещание одобрило эти меры и «пришло к заключению, что впредь открытие подобных курсов вообще нежелательно и во всяком случае не должно быть допускаемо без предварительного соглашения с министром внутренних дел, шефом жандармов и генерал-губернатором». Такое же суждение было высказано и в отношении среднего женского образования. Инициатором в постановке этого вопроса, по-видимому, был Делянов. «...В совещании, — писал Валуев, — выразилось общее мнение, что дальнейшее умножение женских гимназий не представляется желательным и что, напротив того, согласно с предположением статс-секретаря Делянова, правительство могло бы благосклонно относиться к учреждению в городах элементарных женских училищ, и при них, а иногда отдельно от них, профессиональных школ и курсов для приготовления желающих лиц женского пола к тем профессиям, которые не потребуют ни высшего, ни даже среднего образования» [165]. 23 июля решение Особого совещания было утверждено Александром II.

Итак, Особое совещание весьма решительно определило дальшейшие перспективы женского образования в России. Анализируя предложения Лорис-Меликова, нельзя не обратить внимания на их архиреакционный характер. Они перечеркивали буквально все, что было осуществлено в области народного просвещения с момента отмены крепостного права. Эта программа предвосхищала мероприятия Толстого—Делянова периода реакции 80-х годов.

[164] ЦГИАЛ, ф. Валуева, д. 395, л. 39.
[165] Там же, лл. 40—41.

* *
*

Одной из крупных мер, разработанных в результате предложений Лорис-Меликова, было изменение порядка управления и надзора за студентами. В начале ноября 1879 года были подготовлены «Правила для студентов императорских российских университетов» [166].

Правила эти носили охранительный характер и содержали перечень обязанностей студентов и того, чего им нельзя было делать. В первом параграфе правил говорилось, что студенты обязаны исполнять «общие государственные законы и университетские правила и повиноваться как непосредственному своему начальству, так и прочим властям, на коих возложено охранение порядка и законности в государстве». Второй параграф составлял квинтэссенцию их. «Студенты не составляют особой корпорации, — говорилось в нем, — и потому им строжайше запрещаются какие бы то ни было коллективные действия, как-то подача адресов, жалоб и прошений, посылка депутаций, вывешивание объявлений от имени студентов вообще и т. д.» [167]. В следующих трех параграфах говорилось о запрещении сходок, обсуждений каких-либо дел сообща, произнесения публичных речей, открытия как внутри, так и вне университета не находящихся в ведении университетской администрации столовых, библиотек, читален, касс взаимопомощи и других организаций.

Далее в особом пункте указывалось: «Вне здания университета студенты подлежат полицейским установлениям на общем основании, вместе с тем как учащиеся состоят в особом ведении чинов университетской инспекции и вообще университетского начальства и обязаны им беспрекословным повиновением, так же как и в зданиях университета» [168].

Последующие пункты правил касались обязанностей студентов. Так, каждые полгода, в начале семестра, студент обязан был являться к проректору или инспектору студентов для получения у него вида на жительство и билета на право посещения лекций, а также для сообщения своего домашнего адреса, а при отъезде в отпуск — получения отпускного билета.

---

[166] За исключением С.-Петербургского, для которого аналогичные правила были составлены ранее и утверждены Комитетом министров 2 августа.

[167] ЦГИАЛ, ф. Департамента народного просвещения, оп. 149, д. 423, л. 211.

[168] Там же, л. 212.

С просьбой об освобождении от платы за обучение студенты должны были обращаться лично к инспектору. Частное репетирование разрешалось университетским начальством только «вполне благонадежным в нравственном отношении при отсутствии со стороны полиции отзывов о неблагонадежности»[169]. Ряд параграфов посвящался нормам поведения студентов. Они обязывались исправно посещать лекции, причем «ни под какими предлогами» не разрешалось выражать одобрение или порицание преподавателям.

В правилах определялись и взыскания, налагаемые на студентов, а именно: а) выговор с занесением или без занесения в штрафную книжку; б) арест не более чем на семь дней; в) предупреждение об отчислении; г) увольнение из университета на 1 год, но с правом немедленного поступления в другое высшее учебное заведение другого города; д) удаление из университета без соответствующего права на 1—2 года; е) увольнение из университета навсегда. Кроме того, студент мог быть лишен стипендии.

Одновременно с «Правилами» была представлена и «Временная инструкция для инспекции за студентами университета»[170]. В ней указывалось, что надзор за студентами «в нравственном и дисциплинарном отношении» вверяется инспектору и его помощникам. Инспектора находились в полном подчинении попечителя учебного округа. Они подбирались попечителем совместно с генерал-губернатором и назначались министром народного просвещения. «Особенному вниманию инспектора (проректора) и его помощников, — говорилось в инструкции, — поручаются студенты, пользующиеся стипендиями казенными или благотворительными, пособиями и какими-либо льготами относительно платы за слушание лекций. Отнюдь не должно быть терпимо, — указывалось далее, — чтобы этими преимуществами и льготами пользовались не только неисправные в каком бы то ни было отношении студенты, но и такие, которые по своему образу мыслей и жизни или своему характеру и наклонностям не способны служить добрым примером для товарищей»[171]. В целях «неослабного наблюдения» за студентами инспектор обязан был вести кондуитные книги.

Анализируя эти «Правила» и «Временную инструкцию»,

---

[169] ЦГИАЛ, ф. Департамента народного просвещения, оп. 149, д. 423, л. 217.

[170] Также за исключением С.-Петербургского.

[171] Там же, лл. 224—225.

надо сказать, что и то и другое было направлено к одной цели — искоренить всякое свободомыслие в высших учебных заведениях. Инспектор студентов становился лицом совершенно независимым от университетского начальства, лицом, наделенным лишь административно-полицейскими функциями. Собственно, «Временная инструкция» воссоздавала в ухудшенном виде прежнего дореформенного инспектора студентов.

5 ноября «Правила» и «Временная инструкция» были утверждены Александром II [172], со следующей «высочайшей» резолюцией: «Надеюсь, что новые правила будут добросовестно исполняться и принесут ожидаемую пользу» [173].

Однако «ожидаемая польза» оказалась небольшой. Студенчество продолжало оставаться «неумиротворенным», а дальнейшее развитие событий привело к необходимости отмены как «Правил», так и «Временной инструкции».

Одновременно с разработкой рассмотренных выше правил и инструкции в Министерстве народного просвещения производилась подготовка нового университетского устава. Основная задача составителей его заключалась в стремлении сузить до минимума университетскую автономию, а также значительно расширить функции попечителя, а следовательно, урезать права ректора и ученого совета.

Так, по уставу 1863 года, и попечителю и ректору в исключительных случаях предоставлялись чрезвычайные полномочия, в проекте эти права были предоставлены только попечителю. «В случаях чрезвычайных, — говорилось в нем, — попечитель уполномочивается действовать всеми способами, хотя бы они и превышали его власть, с обязанностью о подобных действиях своих немедленно доводить до сведения министра». Попечителю предоставлялось право присутствовать на Совете университета, «а в случаях особой важности, — говорилось в проекте, — он может принимать председательство на себя» [174].

Инспекция студентов создавалась в соответствии с «Временной инструкцией». Наблюдение за поведением студентов вверялось инспектору, состоявшему «под непосредственным начальством попечителя». Если ранее право распределения стипендий принадлежало Совету университета, то теперь оно передавалось инспектору. Университетский суд ликвидиро-

---

[172] Предварительно они были согласованы с генерал-губернаторами.

[173] ЦГИАЛ, ф. Департамента народного просвещения, оп. 149, д. 423, л. 209.

[174] ЦГИАЛ, ф. Департамента законов, 1884 г., д. 53, л. 78.

вался. Принцип избрания ректора и деканов сохранялся в измененном виде: ранее ректор избирался на четыре года, по проекту — на два, причем он не мог быть переизбран на второе двухлетие.

Проект устава, лишая университетское начальство власти над студентами, создавал в лице инспекции административно-полицейский орган, получивший широкие права вмешательства в университетскую жизнь. Профессорская корпорация лишалась права воспитывать студентов. Тем самым в результате создания инспекции возникало внутри университета своеобразное «государство в государстве». К тому же вся учебная и научная жизнь университета подпадала в значительную зависимость от попечителя округа.

Таковы основные изменения университетского устава, предусматривавшиеся проектом 1880 года. Проект этот в начале февраля 1880 года был передан в Государственный совет, однако в связи с изменением политического курса под влиянием взрыва в Зимнем дворце рассмотрен не был.

Представленный проект являлся прообразом будущего устава 1884 года, фактически уничтожившего университетскую автономию.

Итак, на протяжении 1878—1879 годов правительство принимает целый ряд мер, направленных на усиление реакции во всех областях государственной жизни. Наряду с мерами, направленными против революционного движения (усиление административно-полицейских репрессий, гонение на печать и высшую школу), правительство стремится «умиротворить» деревню (создание института урядников, борьба со слухами о переделе земли), а также направляет свое внимание на обеспечение спокойствия в городах, организуя конно-полицейскую стражу. Это предполагало не только борьбу с рабочими стачками, но и с политическими демонстрациями. Комплекс мероприятий, предусмотренных Особым совещанием и утвержденных Комитетом министров, являлся крупным шагом в деле установления режима оголтелой реакции. Одной из таких мер явилось учреждение в феврале 1879 года в составе Министерства внутренних дел Главного тюремного управления, сосредоточившего в своем ведении все места заключения гражданского ведомства [175].

---

[175] См. ЦГИАЛ, ф. Департамента законов, 1877 г., д. 3. Следствием этого явилось ухудшение положения политических заключенных. Так, в циркуляре 11 июня 1879 г. говорилось, что в последнее время имели место случаи «не оказания политическими арестантами должного почтения начальствующим лицам при посещении последними тюрем». Далее вме-

Административно-полицейский произвол достиг к концу 1879 года своего апогея. Подмена основных законов исключительными, создание института временных генерал-губернаторов — все это свидетельствовало о политическом кризисе самодержавия.

* *
*

Кризис самодержавной власти, характеризовавшийся невозможностью управлять старыми методами, на первом своем этапе заключался в основном в переходе от обыкновенных законов к исключительным. Однако и на этом этапе делаются попытки пойти на небольшие уступки, рассчитанные на привлечение к решению ряда вопросов представителей господствующих классов.

Подобная мера мыслилась, естественно, при условии сохранения незыблемым принципа самодержавия. Объективно это означало стремление императора расширить социальную базу своей власти. Подобный шаг предпринимался не впервые. Проекты «государственного конституционализма» выдвигались на протяжении XIX столетия неоднократно как средство для предотвращения революционной опасности. Впервые подобный проект был выдвинут в 1809 году М. М. Сперанским в его плане государственных преобразований «Введение к Уложению государственных законов». Сперанский не скрывал, что план его предполагает предотвращение революционных потрясений. «Конституции во всех почти государствах устрояемы были в разные времена отрывками по большей части среди жестоких политических превращений, — говорит Сперанский. — Российская конституция одолжена будет бытием своим не воспалению страстей и крайности обстоятельств, но благодетельному вдохновению верховной власти...» [176].

В 1818 году, когда в Европе вновь образовалось несколько революционных очагов, а внутри России вспыхнуло крупное крестьянское волнение на Дону, Александр I поручает

нялось в обязанность «строгого наблюдения в этом отношении за арестантами, причем потребовать от них исполнения правил тюремного заключения без различия причин содержания арестантов в тюрьме» (ГИАМО, ф. Канцелярии московского генерал-губернатора, оп. 69, д. 29, ч. 1, л. 267). Начальником главного тюремного управления был назначен бывший саратовский губернатор Галкин-Врасский, отличавшийся реакционными воззрениями.

[176] «План государственного преобразования графа М. М. Сперанского». М., 1905, стр. 15.

своему другу, бывшему члену Негласного комитета Новосильцеву разработать проект российской конституции, получившей название «Государственной уставной грамоты Российской империи»[177].

Вначале 60-х годов, точнее в 1863 году, Валуев разрабатывает проект привлечения выборных в состав Государственного совета[178].

Рассмотрим этот проект, имея в виду, что он являлся предметом обсуждения и в изучаемый нами период[179]. В начале записки Валуев говорит об обстановке, сложившейся в стране в связи с восстанием в Польше, указывая, что, возможно, представится необходимым сделать Польше такие уступки, которые еще не предоставлены коренным русским областям.

Далее он переходит к характеристике внутреннего положения в стране. Здесь Валуев говорит о ряде недостатков, в частности в области финансов, путей сообщения, указывает на незавершенность реформ, вследствие чего деятельность отдельных ведомств слабо связана между собой. Он подчеркивает растущее недовольство правительством в высших классах, отмечая при этом преданность их лично императору. «Одна мысль, очевидно, обуяла умы. Она проявлялась различно и усваивала себе различные наименования... но в сущности эта мысль везде одна и та же. Она заключается в том, что во всех европейских государствах разным сословиям предоставлена некоторая доля участия в делах законодательства или общего государственного управления и, что если так везде, то так должно сбыться и у нас»[180].

Валуев замечал, что эту идею весьма искусно использует и революционная пропаганда. Автор записки говорит ниже, что эта мысль содержится в ряде дворянских адресов и будет находить свое выражение и в дальнейшем в постановлениях как дворянских съездов, так и земских собраний. В силу этого Валуев полагал, что постоянно отклонять эти ходатайства невозможно, а если так, «то не лучше ли их предупредить»[181].

Привлечение выборных представителей в Государственный совет Валуев связывал с созданием земства, считая, что

[177] Напечатана в кн. Н. К. Шильдера «Император Александр I. Его жизнь и царствование», т. IV. СПб., 1908, стр. 499—526.

[178] См. «Вестник права», 1905, кн. 9.

[179] В данной главе мы рассматривали лишь проекты, исходившие из правительственных кругов.

[180] «Вестник права», 1905, кн. 9, стр. 228.

[181] Там же, стр. 229.

и призываемые в Государственный совет должны избираться земствами.

Собрание «сословных или земских» представителей в Государственном совете должно было иметь совещательный характер и обсуждать законодательные вопросы, а также рассматривать бюджет, штаты и т. д. Этих представителей предполагалось избирать из всех районов империи, в количестве от одного до трех-четырех от каждой губернии, за исключением Финляндии и Царства Польского. От столиц и крупных городов могло избираться дополнительное число их. Наряду с выборными в состав Государственного совета должны были назначаться и представители государственного аппарата, в том числе и церкви.

Эта записка была составлена Валуевым 13 апреля 1863 года [182] и 15 апреля обсуждалась на совещании у Александра II, представлявшем по существу Совет министров. Как рассказывает Валуев, большинство присутствовавших (Рейтерн, кн. Гагарин, кн. Горчаков, гр. Панин, Блудов, барон Корф) высказалось против его предложений, причем инициатива в этом принадлежала кн. Горчакову. «Государь, — говорит Валуев, — ввиду большинства решил, что теперь ничего не следует делать» [183].

Однако, по-видимому, какая-то надежда на принятие его предложений у Валуева осталась, и он приступил к составлению более детального проекта учреждения Государственного совета. «Проект нового учреждения Государственного совета» [184] представляет собой весьма пространный документ, состоящий из семи глав и 201 параграфа. В приложении к нему дается «Расписание государственных гласных по отдельным губерниям».

В этом проекте подробно рассматривался вопрос об учреждении при Государственном совете Съезда государственных гласных, избранных губернскими земскими собраниями. В состав этого съезда помимо выборных (число которых должно было составлять по одному варианту 151, а по другому — 177 человек) предлагалось назначать и представителей правительственной власти, но не свыше $^2/_5$ от числа выборных. Министры и другие чины правительства могли

---

[182] Как утверждает он в своем дневнике, Александр II 12 апреля 1863 г. «разрешил изложить мои соображения по вопросу о признании в Государственный совет представителей от земства и т. д.» (П. А. Валуев. Дневник 1877—1884 гг., т. I, стр. 217).

[183] Там же, стр. 219.

[184] «Вестник права», 1905, кн. 9, стр. 235—269.

присутствовать на съезде без права решающего голоса. Гласные от земств должны были избираться на три года (первые выборы должны были быть произведены на 1 год). Помимо земства избрание гласных предоставлялось и наиболее крупным городам. Председатель съезда назначался правительственной властью, а два вице-председателя избирались самим съездом. Съезд гласных должен был созываться ежегодно, каждый раз «по высочайшему повелению».

Ряд дел, весьма важных по своему характеру, должен был, согласно ст. 47, рассматриваться в Государственном совете без участия государственных гласных. К ним относились вопросы, связанные с объявлением войны и заключением мира, «дела, требующие в законах, уставах и учреждениях объяснения истинного смысла», сверхлимитные ассигнования и т. д. Кроме того, не подлежали рассмотрению гласных: 1) «дела, кои особенно предоставлены непосредственному докладу министров; 2) дела, кои подлежат соображениям Комитета министров...», 3) а также ряда других комитетов, Сената и, наконец, вопросы, связанные с военным и морским ведомствами. Имея в виду отсутствие четкого разграничения в рассмотрении дел Государственным советом, Комитетом министров и другими высшими органами власти, любое дело могло быть изъято из круга вопросов, рассматриваемых Съездом государственных гласных.

В Общем собрании Государственного совета должны были присутствовать 16 представителей съезда, и в том числе два вице-председателя.

Таково содержание проекта. Мы видим, что он отнюдь не посягал на прерогативы самодержавной власти. Государственный совет по-прежнему оставался бы законосовещательным учреждением, не обладавшим к тому же собственной инициативой. Создание Съезда государственных гласных не изменяло ни на йоту это положение. Вместе с тем образование Съезда государственных гласных, привлекая дворянство к предварительной разработке тех или иных вопросов, удовлетворяло бы чаяния его, находившие свое выражение в многочисленных адресах и постановлениях дворянских собраний. Это полностью соответствовало взглядам самого Валуева, являвшегося сторонником предоставления определенных политических прав дворянству, при сохранении незыблемыми принципы самодержавия.

Второй вариант проекта постигла еще более печальная участь; в конце 1863 года Александр II возвратил проект его автору.

Таким образом, проект Валуева был отвергнут. Нам представляется, что причина этого лежала в изменении обстановки внутри страны. Подавление польского восстания, почти закончившееся к концу 1863 года, спад волны революционного движения во внутренних губерниях России — все это и послужило причиной того, что проект Валуева был забыт.

В 1866 году вел. кн. Константин Николаевич в связи с оппозиционными выступлениями в ряде дворянских собраний составил с помощью государственнного секретаря кн. Урусова записку о привлечении представителей дворянства и земства для обсуждения вопросов, которые правительство сочтет нужным перед ними поставить [185]. «После происшествий, бывших в нынешем году в рязанском и с.-петербургском дворянском собрании, — говорит вел. кн. Константин Николаевич в начале своей записки, — государь император, входя в затруднительное положение дворянства, изволил сам обратить внимание на вопрос о том, что можно для него сделать» [186].

Эти мысли привели великого князя к стремлению изложить ряд общих начал, руководствуясь которыми можно было бы наметить конкретные предложения. Вот эти общие начала.

1) «Для России, в настоящее время и еще надолго, конституционное правление было бы гибельно, потому что оно немедленно обратилось бы в олигархию или анархию». Поэтому необходимо всеми силами поддерживать самодержавие.

2) Недопустимо нарушение существующих сословных привилегий, однако в видах уничтожения исключительности этих привилегий, было бы целесообразно распространить их и на другие сословия.

3) Допущение «известной степени либеральности в формах, составляющих наружную сторону какого-либо мероприятия, не представляет опасности, коль скоро сущность сохранена и удержана в надлежащей неприкосновенности».

4) Отечественному законодательству следует отдать предпочтение перед иностранным (по-видимому, имелись в виду различные формы привлечения господствующих классов к разработке тех или иных государственных вопросов).

---

[185] Эта записка также явилась предметом обсуждения в начале 1880 г., вследствие чего мы рассмотрим ее подробнее, особенно имея в виду то, что она почти не освещена в литературе.

[186] ЦГАОР, ф. Александра III, д. 134, л. 3.

Изложив эти общие соображения, великий князь переходит к характеристике настроений дворянства, недовольного своим положением. Несмотря на периодически возобновлявшиеся конституционные стремления, «дворянство не желает серьезно конституции, потому что оно само сознает ее опасность, и конституционные его намеки служат не чем другим, как выражением его неудовольствия» [187].

По мнению великого князя, осуществить эти чаяния можно «без малейшего прикосновения к священным правам самодержавия», руководствуясь правами, которые содержатся в существующем законодательстве: право заявлять о своих нуждах (le droit de petition) и право избрания депутатов «на случай вызова их правительством для объяснения ходатайств дворянства» [188].

В соответствии с этим вел. кн. Константин Николаевич «строит свой проект», состоящий из 15 пунктов. По этому проекту, дворянские собрания, а также и земские избирают из своей среды по 2—3 депутата. «Правительство оставляет за собою право собирать их, когда и как найдет полезным» [189]. Созываемые депутаты составляют собрания, состоящие при Государственном совете. Депутатские собрания не имеют никакой собственной инициативы и занимаются только теми вопросами, которые им поручает правительство. Значение их чисто совещательное, и действуют они непостоянно. Предусматривалось два депутатских собрания — дворянское и земское. Первое должно было рассматривать заявления и просьбы местных дворянских собраний, второе — земских (пункты 9 и 10). Председательство в обоих депутатских собраниях будет принадлежать членам Государственного совета.

Последние три пункта касались обсуждения рассмотренных собраниями вопросов в Государственном совете. Члены собраний могли приглашаться в Государственный совет «для представления личных объяснений, но при разрешении дел они не присутствуют». Журналы депутатских собраний должны были представляться царю при соответствующей мемории Государственного совета [190].

Таково содержание проекта, далеко не во всем ясного. Однако ясно одно: проект этот не только не посягал на пре-

---

[187] ЦГАОР, ф. Александра III, д. 134, лл. 3—4.

[188] Там же, л. 4.

[189] В проекте говорилось, что собрания могли созываться как в масштабе всей России, так и по отдельным полосам или местностям.

[190] ЦГАОР, ф. Александра III, д. 134, л. 5.

рогативы самодержавной власти, но и не вносил ничего нового в законодательство. Дворянские депутатские собрания уже существовали, но бездействовали. Право земских собраний обращаться с адресами и ходатайствами к царю по тем или иным вопросам также существовало. Таким образом, речь шла лишь о некотором расширении или, точнее, видоизменении того, что уже предусматривалось законом.

Сопоставляя рассмотренный проект с проектом Валуева, надо отметить, что последний был значительно более либерален, допуская в Государственный совет в какой-то степени выборный элемент, притом не только в составе Съезда государственных гласных, но и в Общем собрании Совета.

Как рассказывает вел. кн. Константин Николаевич (по словам Перетца), его проект не получил никакого распространения. «Государь прочел записку, но никогда не говорил со мной о ней, из чего я заключил, что мысли мои не одобряются» [191].

Подобные проекты появляются на свет божий по мере развития кризиса самодержавия [192]. В правящих кругах начинают понимать необходимость реформ и привлечения цензовых слоев населения к их разработке. Эта мысль получает распространение примерно в первой половине 1879 года. Так, 27 апреля Валуев заносит в свой дневник: «Вчера был у меня Абаза [193]. Долгий разговор. Он бьет на представительный элемент, применяясь к моим предположениям 1863 года. Конечно, он при этом думает и о своей роли, — но все-таки он говорит по убеждению, что далее просто по-старому, без некоторых перемен, дело идти не может» [194].

Подобные настроения были присущи не только одному Абазе. 12 июня того же года Д. А. Милютин записывает в своем дневнике: «По возвращении из Крыма [195] я нашел в

---

[191] ЦГАОР, ф. Александра III, д. 134, л. 1.

[192] Как рассказывает Валуев в своем дневнике за 1876 г., уже тогда министр внутренних дел Тимашов, напуганный ростом революционного движения, в страхе говорил ему, что «ввиду хода дел не мешало бы иметь наготове проект в конституционном духе» (П. А. Валуев. Дневник, 1877—1884 гг., т. 2, стр. 392).

[193] А. А. Абаза был в этот период председателем Департамента законов Государственного совета.

[194] ЦГАОР, ф. коллекции Зимнего дворца, д. 2587, кн. 6, л. 75. (В опубликованном тексте дневника, изданном по второму его варианту, фамилия Абазы заменена буквой «А».) Через три дня, в записи за 30 апреля, Валуев говорит о передаче им Абазе своей записки 1863 г. и проекта вел. кн. Константина Николаевича.

[195] Милютин возвратился из Крыма в Петербург вместе с императорской фамилией 28 мая.

Петербурге странное настроение, даже в высших правительственных сферах толкуют о необходимости радикальных реформ, произносится даже слово «конституция»; никто не верует в прочность существующего порядка вещей»[196].

Это понимание необходимости реформ всей системы государственного управления ощущал и он сам. Так, находясь в Крыму, он в конце апреля, ознакомившись со статьей профессора Градовского «Социализм на западе Европы и в России»[197], заносит в дневник ряд мыслей о состоянии государственного аппарата и его организации. «Действительно, — пишет он, — нельзя не признать, что все наше государственное устройство требует коренной реформы, снизу доверху. Как устройство сельского самоуправления, земства, местной администрации, уездной и губернской, так и центральных и высших учреждений — все отжило свой век, все должно было бы получить новые формы, согласованные с великими реформами, совершёнными в 60-х годах. К крайнему прискорбию, такая колоссальная работа не по плечу теперешним нашим государственным деятелям, которые не в состоянии подняться выше точки зрения полицеймейстера или даже городового». Далее Милютин замечает, что правительство в последние годы предпринимает только полицейские меры «вместо того, чтобы действовать против самого корня зла»[198]. Все эти высказывания свидетельствовали о дальнейшем углублении кризиса правительственной власти. Об этом же говорит и записка Милютина «Мысли о необходимых преобразованиях в управлении, в учебной части и в духовенстве»[199], составленная им несколько позднее, осенью 1879 года. Мы не располагаем прямыми данными, являлась ли она предметом обсуждения и был ли с ней ознакомлен хотя бы сам Александр II[200]. Несмотря на это, записка Милютина, представляющая проект государственных преобразований, бесспорно интересна, характеризуя представления о необходимых реформах одного из умнейших министров Александра II.

[196] Дневник Д. А. Милютина, т. 3, стр. 148.

[197] Статья была опубликована в журнале «Речь», 1879, кн. 1—3.

[198] Дневник Д. А. Милютина, т. 3, стр. 139—140.

[199] Эта записка вкратце анализируется нами в биографическом очерке «Д. А. Милютин» (Дневник Д. А. Милютина, т. 1, стр. 57—60).

[200] Нам представляется, что на этот счет надо дать отрицательный ответ, так как никто из представителей высшей бюрократии не говорит о ней в своих дневниках или записках. Мы имеем в виду дневники Валуева, Перетца, Половцова, а также записки одного из ближайших друзей Д. А. Милютина — А. В. Головнина «Материалы для будущих историков» (ЦГИАЛ, ф. Головнина, д. 16).

В начале своей записки[201] Милютин говорит о ненормальном, хаотическом распределении функций между высшими органами власти, всячески усложняющем управление государством[202]. Руководствуясь этим, он намечает ряд преобразований, которые должны распространиться как на центральные, так и на местные органы власти.

Серьезные изменения должны были коснуться Государственного совета. «Государственный совет, — пишет Милютин, — мог бы обратиться в чисто законодательное собрание, если бы откинуть от него Департамент гражданских дел и ввести в состав Совета избирательный элемент земства. Мне кажется, что без всякого опасения какого-либо переворота или ослабления власти можно было бы образовать Совет наполовину из членов по назначению и членов по выбору от губернских земств». Для предварительного обсуждения дел, вносимых в Общее собрание, по его мнению, должны были сохраниться два департамента — Законов и Государственной экономии, а также создаваемые специальные подготовительные комиссии для рассмотрения того или иного вопроса. Решения в Общем собрании Государственного совета должны были приниматься по большинству голосов, причем верховная власть, т. е. император, сохраняла за собой право veto. Таким образом проект Милютина приближал высший законосовещательный орган к западноевропейским законодательным собраниям, не посягая при этом на прерогативы самодержавной власти.

Комитет министров Милютин предлагал преобразовать в Совет министров, во главе которого стоял бы председатель, фактически означающий первого министра.

Серьезные изменения должны были произойти и в Сенате. Милютин указывал, что Сенат имеет двойственное значение: с одной стороны, как высшая судебная инстанция и кассационная палата, а с другой — как высшая инстанция, охраняющая закон. По его мнению, целесообразно было бы либо выделить из Сената судебную часть, образовав специальную Верховную судебную палату, либо, наоборот, сохранить Сенат как высший судебный орган, отделив от него все прочие функции.

В случае создания Верховной судебной палаты Сенат должен был бы превратиться в общего блюстителя законности, решающего окончательно пререкания между разными

[201] Отд. рукописей ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, папка 44, д. 12, лл. 1—18.
[202] Милютин имеет в виду наличие разного рода комитетов, комиссий и особых присутствий.

органами власти, «объявляющего законы и хранящего их»[203]. Вместе с тем Милютин считал в этом случае целесообразным передать Сенату и функции государственного контроля, имея в виду, что государственный контролер не может иметь должного авторитета, состоя членом Комитета министров.

По мнению Милютина, было бы целесообразным вообще ликвидировать Сенат как учреждение, создав вместо него Верховную судебную палату и Верховную контрольную палату. Таким образом Контрольная палата являлась бы и блюстителем закона. Милютин решительно высказывался за ликвидацию всех четырех отделений Собственной е. и. в. канцелярии. Так, I отделение он рекомендовал влить в канцелярию Совета министров, II, кодификационное — в Государственный совет, образовав в его составе специальный кодификационный комитет; III отделение включить в состав Министерства полиции, а IV — частью в Министерство народного просвещения, а из части его, ведающей благотворительными учреждениями, образовать специальное ведомство, включив в него и медицинские учреждения.

Второй раздел записки посвящен реформам местного управления. Характеризуя организацию губернской и уездной администрации, Милютин пишет: «Устройство нашего губернского и уездного управлений представляется в виде мозаики или, лучше сказать, пестрых фигур калейдоскопа, образующихся из случайного совокупления большого числа разноцветных камушек, без всякой основной идеи какой-либо системы. Устройство это, — продолжает он, — есть результат постепенных, в течение долгого времени, преобразований и изменений, совершённых по разным ведомствам, без взаимного соглашения».

Положение усложнялось изолированным существованием земства, являвшегося своеобразным противовесом существующей администрации. Милютин рекомендовал ряд весьма кардинальных реформ. Так, он предлагал поставить во главе губернской администрации лицо самостоятельное, не зависящее ни от одного министерства и назначаемое верховной властью по представлению Совета министров. «Я предложил бы даже, — пишет он, — чтобы провести более резкую черту между старым и новым строем, изменить самое название губернатора и губерний, а принять для всех губерний русское наименование «области» и «областного начальника»[204].

Таким образом, во главе области должен был стоять об-

[203] Отд. рукописей ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, папка 44, д. 12, л. 3.
[204] Там же, лл. 7—8.

ластной начальник, возглавлявший областную палату, подразделенную на отделения соответственно различным министерствам и ведомствам. Наряду с областной палатой в тесной связи с ней должны находиться и земские учреждения, «разделяющие с нею управление губернией».

Уездное управление, по его мнению, должно было представлять собой в миниатюре губернское.

Милютин указывал на необходимость объединения в городах и уездах полиции: «Надобно иметь одну полицию, а не разные сорта полиции». Полиция должна была подчиняться помощнику областного начальника.

В третьем разделе своего проекта Милютин ставил две задачи в области организации учебного ведомства: «Во-первых, расширить, обобщить начальное народное образование, во-вторых, специализировать и дать более прикладной характер образованию среднему и высшему» [205].

Первая задача, по его мнению, должна быть решена массовой подготовкой учителей, «надежных» в политическом отношении, а затем созданием массовой народной школы, носящей не сословный или казенный, а общественный характер. Милютин полагал, что только этим путем можно создать потребное число начальных школ, имея в виду, что за счет государства этого достигнуть нельзя.

Вторая задача заключалась в специализации среднего и высшего образования, придании ему прикладного характера, в отличие от гимназий и университетов, дающих общее гуманитарное образование. Эта задача диктовалась не только интересами целесообразной подготовки специалистов, но и стремлением предотвратить развитие революционных идей среди молодежи.

В этом же разделе Милютин подробно останавливается на ряде вопросов учебного характера; критикует существующую классическую систему образования, в которой преподавание древних языков доведено «до нелепости»; касается учебных планов средних учебных заведений, подготовки учебников и т. д. Все это рассматривается им опять-таки сквозь призму борьбы с увлечениями «всякими легкомысленными политическими теориями и мечтами» [206].

Последний раздел записки посвящен духовенству и содержит в себе рассуждения о мерах, необходимых к повышению его образовательного и материального уровня. В заключение, в связи с вопросом о необходимости улучшить

[205] Отд. рукописей ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, папка 44, д. 12, лл. 8—9.
[206] Там же, л. 13.

обеспеченность духовенства, Милютин делает общий вывод о реформах в области финансов. «Очевидно, — пишет он, — что весь вопрос заключается в уменьшении прямых податей и вообще в преобразовании финансовой и экономической системы. Это, — заключает Милютин, — краеугольный камень всех необходимых в будущем реформ» [207].

Анализируя проект государственных реформ Д. А. Милютина, мы видим, что его предположения шли значительно дальше не только проекта вел. кн. Константина Николаевича, но и Валуева. Весь проект, во всех его разделах, носил объективно буржуазный характер, что особенно наглядно обнаруживается в части, касающейся реорганизации органов власти. Он ставил своей задачей уничтожение архаических, феодальных по своей природе, учреждений и замену их современными, буржуазными.

Проект реформы высших органов власти, разработанный Д. А. Милютиным, намечал относительно четкую систему их. Власти — законодательная, исполнительная и судебная — получали бы довольно стройную организацию. Как уже говорилось выше, Государственный совет приближался бы по своему характеру к законодательным органам западноевропейских государств. Самодержавие при этом оставалось бы неприкосновенным, коль скоро Государственный совет не имел бы законодательной инициативы, а решения его требовали бы утверждения верховной власти.

Проектируемые реформы губернского и уездного управления предусматривали серьезные преобразования, объективный смысл которых также означал известную эволюцию в сторону буржуазных принципов управления. Губернская администрация должна была приобрести независимый от Министерства внутренних дел характер, потеряв тем самым свою полицейскую окраску. Вместе с тем политическая полиция должна была бы утратить свою самостоятельность и подчиниться той же губернской администрации. Проект предусматривал, естественно, расширение прав земства.

Предположения в отношении народного образования носили хотя и охранительный характер, но по своей природе опять-таки буржуазный. Осуществление их способствовало бы развитию начальной школы, принадлежавшей земским органам. Увеличение средних и высших специальных заведений соответствовало интересам социально-экономического развития России.

---

[207] Отд. рукописей ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, папка 44, д. 12, л. 17.

* *
*

К концу года в правительственных кругах все чаще обсуждаются вопросы, касающиеся необходимости реформ. 26 ноября Милютин заносит в дневник следующий разговор с А. А. Абазой: «Он высказывал мысль о совершенной необходимости новых существенных реформ в государстве. Я возражал, что не имею никакой надежды на осуществление в ближайшем будущем какой бы то ни было существенной меры к устранению угрожающего России гибельного положения. Для того нужна полная перемена и в людях и в настроении высшей правительственной сферы» [208].

В начале декабря Милютин ведет разговор на эту же тему с вел. кн. Константином Николаевичем, говоря опять-таки, что надежды на частные реформы у него нет и что для изменения существующей обстановки нужны общие преобразования. «Я высказал великому князю мнение, — пишет Милютин, — что при настоящем общем неудовольствии в России нельзя ограничиться какою-либо одной мерой, и притом такой фиктивной, как предполагаемое, например, привлечение в состав Государственного совета некоторого числа временных делегатов от земства. Что будут делать эти представители земства в Государственном совете, — замечает он, — когда все заботы высшего правительства направлены на усиление мер строгости, когда предоставлен администрации, на всех ее ступенях, полный произвол, когда вся Россия, можно сказать, объявлена в осадном положении» [209]. На эту тему Милютин вел разговоры и с Валуевым [210], и с Головниным.

Весьма интересны в этой связи воспоминания Головнина. Он передает свой разговор с Валуевым на тему о необходимости государственных преобразований. «Осенью 1879 года Валуев говорил Головнину, — пишет последний, — что при нынешних обстоятельствах необходимо вызвать к деятельности охранительные консервативные силы империи и сколько-нибудь удовлетворить потребность образованного общества участвовать в делах, что для этого он намерен осторожным образом возобновить свое предложение 1863 года о призыве в Государственный совет представителей из губерний, причем он надеется на помощь некоторых министров, из коих

[208] Дневник Д. А. Милютина, т. 3, стр. 184. Вторая часть цитаты изложена по первоначальной редакции.
[209] Там же, стр. 187.
[210] Там же, стр. 181, 186.

назвал м[инист]ра в[нутренних] д[ел] и военного гр. Милютина»[211].

Все это говорит о том, что в высших правительственных сферах примерно со второй половины 1879 года начинают вестись упорные разговоры о необходимости определенных уступок. Носителями этих воззрений, за исключением Валуева, отличавшегося весьма своеобразными политическими взглядами, являлись представители либеральной бюрократии: Милютин, Абаза, член Государственного совета Головнин, сенатор Арцимович[212]. Либеральную бюрократию горячо поддерживал и вел. кн. Константин Николаевич.

Толки эти становятся известными и императору, который вначале не определяет своего к ним отношения. Впервые видимый интерес к «конституционным» предположениям Валуева и вел. кн. Константина Николаевича Александр II проявляет в начале января 1880 года. Как рассказывает Валуев в своем дневнике, 9 января Александр II заговорил с ним о его проекте 1863 года, а также прочел ему записку вел. кн. Константина Николаевича. «Его предположения, — замечает Валуев, — у́же, и явно, что узость их в глазах государя составляет достоинство... Государь при том отозвался, — говорит он далее, — что соберет нас после для совещания, конечно при министре внутренних дел, шефе жандармов и проч.». Тут же Валуев замечает, что присутствовавший при этом разговоре наследник престола «явно недоброжелателен всякому органическому изменению status quo, всякий конституционализм считает гибельным»[213].

Как сообщает государственный секретарь Е. А. Перетц в неопубликованной части своего дневника, 13 января к вел. кн. Константину Николаевичу приехал император и повел с ним разговор о его проекте. «Государь, — передает Перетц рассказ вел. кн. Константина Николаевича, — сообщил мне теперь, что желал бы к предстоящему дню 25-летия царствования оказать России знак доверия, сделав новый и притом важный шаг к довершению предпринятых преобразований. Он желал бы дать обществу больше, чем ныне,

---

[211] ЦГИАЛ, ф. Головнина, д. 16, л. 3.

[212] Арцимович, по словам Головнина, в середине января 1880 г. рассказывал ему о предположении ввести в состав Государственного совета нескольких архиереев и губернских предводителей дворянства (ЦГИАЛ, ф. Головнина, д. 16, л. 3). Однако, по-видимому, этот разговор явился результатом слухов, циркулировавших в правительственных сферах, так как ни в одном из других источников подобные предположения подтверждения не получают.

[213] П. А. Валуев. Дневник 1877—1844 гг., стр. 47.

участия в обсуждении важнейших дел»[214]. Далее, рассказывает тот же Перетц, Александр II предложил вел. кн. Константину Николаевичу возглавить Особое совещание в составе наследника престола, Валуева, кн. Урусова, шефа жандармов Дрентельна и министра внутренних дел Макова для рассмотрения обоих проектов: его и Валуева.

Примерно то же пишет в своих воспоминаниях и Головнин[215].

Мы не располагаем данными, которые давали бы возможность ответить на вопрос, что явилось непосредственной причиной, вызвавшей желание Александра II облагодетельствовать своих подданных к 25-летию царствования, однако можно высказать предположения, что и это желание характеризовало наступавший кризис самодержавия, понимание необходимости определенных уступок.

Как утверждает в своем дневнике Валуев, этот вопрос обсуждался на четырех совещаниях.

Первое совещание происходило 21 января в Зимнем дворце под председательством самого императора в обстановке величайшей тайны. Присутствовали вел. кн. Константин Николаевич, наследник престола, кн. Урусов, Дрентельн, Маков и Валуев. «Для лучшего охранения тайны, — пишет Валуев, — все введены первыми коридорными дверьми в библиотеку. Государь, — продолжает Валуев, — предложил общий вопрос к обсуждению. Великий князь генерал-адмирал прочитал свою записку, дополняя изустно разными оговорками, а потом высказался вообще в пользу дела... Была речь о бессословности и о реформах, и о чисто русских, а не заграничных началах, и об английской конституции, и о зем-

[214] ЦГАОР, ф. Александра III, д. 134, л. 1.

[215] ЦГИАЛ, ф. Головнина, д. 16. Головнин сообщает, что вел. кн. Константин Николаевич говорил ему об этом же, но датирует это не 13, а 11 января (л. 1). Наконец, об этом говорит в дневнике и Валуев. Так, в записи за 15 января он сообщает о том, что сего числа к нему заезжал Маков и передавал ему свой разговор по этому же поводу с вел. кн. Константином Николаевичем. «Государь, — замечает Валуев, — имеет в виду нечто к 19 февраля...» (П. А. Валуев. Дневник 1877—1884 гг., стр. 48). 18 января он снова возвращается к тому же вопросу, рассказывая о своем разговоре об этом с вел. кн. Константином Николаевичем. По словам Валуева, он уклонился от выражения своих суждений по этому поводу, заявив, что следует выждать указаний Александра II. «Я только заявил, — пишет он, — что для меня существенно важны следующие три условия: чтобы дело было не мелкое; чтобы совещательное участие в законодательстве было предоставлено лицам, выбранным для того из губерний; и чтобы не было племенных исключений или ограничений. Я выразился так: не гостинодворские начала, а начала всероссийской империи» (там же, стр. 49).

стве и, конечно, о будто бы в прежнее время раздразнившем дворянство крестьянском освобождении и проч. и проч. Кн. Урусов, Дрентельн и Маков в кратких выражениях обнаружили несочувствие. Подробного обсуждения не было, потому что государь с самого начала сказал, что он только ставит вопрос и предоставляет его обсудить предварительно между нами». По словам Валуева, наследник престола сказал, что ничего делать не следует, потому что призванные представители сословий «будут неудобные крикуны, адвокаты и т. п.»[216]. Эти слова наследника, отмечает Валуев, оказали «видимое влияние» на Урусова и Макова.

Второе заседание, под председательством вел. кн. Константина Николаевича, происходило 23 января в Мраморном дворце. О нем подробно рассказывает присутствовавший на совещании Перетц. По его словам, совещание вследствие отсутствия наследника не содержало «решительных суждений», а, как выразился вел. кн. Константин Николаевич, представляло собой предварительную «спевку». В начале совещания великий князь поставил на обсуждение вопрос о предпочтительности одного из двух проектов — его и Валуева, если члены совещания вообще относятся к обсуждаемой мере положительно. Первым выступил Валуев, изложив подробно свой взгляд на привлечение «сил общественных и притом в возможно широких размерах к обсуждению всех или по крайней мере важнейших законодательных дел». Валуев подчеркнул при этом, что в настоящее время он представил императору новую записку, «несколько более развитую в сравнении с первой»[217]. Далее он сказал, что он со своей стороны считает свой проект более соответствующим желаниям общества, нежели предположение вел. кн. Константина Николаевича.

В заключение он заявил следующее: «Я знаю, что мысли мои не разделяются ни Вашим императорским высочеством, ни государем наследником цесаревичем, ни почтенными моими коллегами (Валуев указал на Урусова, Дрентельна и Макова), поэтому, — сказал, он, — мне остается лишь резервироваться, т. е., преклоняясь перед общим несогласием со мною, взять мой проект назад, предоставив себе право возобновить мои предположения тогда, когда они будут иметь более шансов на проведение их в исполнение. Ни на какие уступки я согласиться не могу. Я умел молчать в те-

---

[216] П. А. Валуев. Дневник 1877—1884 гг., стр. 50—51.
[217] ЦГАОР, ф. Александра III, д. 134, л. 8.

чение шестнадцати лет, — закончил свое выступление Валуев, — буду продолжать свое молчание столь же упорно и, может быть, доживу до того времени, когда глас мой будет услышан»[218].

Таким образом, обсуждению совещания подлежала лишь одна записка великого князя. Великий князь в своем выступлении остановился на некоторых изменениях, вносимых им в проект, а именно: во-первых, вместо проектируемых им первоначально двух собраний — дворянского и земского — он предполагает целесообразным создание одного; во-вторых, основной целью собрания должно быть предварительное обсуждение новых законов, а не обсуждение земских или дворянских ходатайств.

Затем выступали Урусов, Дрентельн и Маков. «После некоторого молчания со стороны членов, — рассказывает Перетц, — князь С. Н. Урусов сказал мягким вкрадчивым голосом: «Ваше императорское высочество, не дозволяя себе входить теперь в подробности обсуждения предположений ваших, быть может в существе весьма полезных, я считаю лишь необходимым обратить внимание на то, не будет ли издание их принято со стороны общества за дар или уступку, которые едва ли бы соответствовали достоинству правительства, особенно в настоящую тревожную пору. Не будут ли говорить, что правительство испугалось угроз социально-революционной партии?»[219]. Таким образом Урусов высказался против проекта великого князя. Шеф жандармов Дрентельн сказал примерно то же, что и Урусов. Он также заявил, что, не входя в обсуждение проекта, он полагает, что эта уступка не имеет по существу характера конституционного акта, а потому не удовлетворит чаяния общества. «Одним словом, — заключил он свое выступление, — создались бы для правительства новые нескончаемые затруднения». Маков выступил в том же духе. Вначале он отметил, что привлечение общественных сил к обсуждению законодательных проектов бесспорно весьма полезно и желательно, но вместе с тем заявил, что оно должно быть отсрочено вследствие того ненормального положения, в котором пребывает страна. Далее министр внутренних дел сказал, что сложившаяся обстановка привела к учреждению генерал-губернаторств и расширению функций военных судов. «При таких обстоятельствах, ввиду крайностей, в которые вдаются

---

[218] ЦГАОР, ф. Александра III, д. 134, л. 9.
[219] Там же.

некоторые генерал-губернаторы, можно смело сказать, — заметил он, — что в иных частях империи не существует ни закона, ни правильно устроенного управления»[220]. Руководствуясь этим, Маков полагал более целесообразным первоначально отменить действие чрезвычайных законов, а затем уже приступить к обсуждаемым реформам.

В заключение с пространной речью выступил председатель. Сказав, что он вполне согласен с выступавшими о неудобстве издания проектируемого им закона к 25-летию царствования (о чем, впрочем, и он никогда не думал), вел. кн. Константин Николаевич, возражая своим оппонентам, довольно подробно охарактеризовал положительное значение своего предложения. В поддержку великого князя с небольшим словом выступил и Перетц.

Таким образом, 23 января все участники совещания, за исключением председателя и Перетца, высказались против проекта вел. кн. Константина Николаевича[221].

Третье заседание состоялось 25 января в час дня, опять-таки в Мраморном дворце, на сей раз в присутствии наследника. Об этом совещании также подробно рассказывает Перетц. Совещание началось вступительной речью председательствовавшего вел. кн. Константина Николаевича. Суммируя высказанное 23 января, он заключил, что представленный проект в целом полезен, однако опубликование его к 19 февраля нецелесообразно, и резюмировал: «...проектированные правила, по некоторой доработке их, могут пригодиться в близком будущем: не сегодня, так завтра»[222].

Тотчас же после вел. кн. Константина Николаевича взял слово наследник, решительно заявивший, что он не разделяет высказанного председателем. «По моему мнению, — заявил он, — проекта не нужно издавать ни сегодня, ни завтра. Он есть в сущности начало конституции, а конституция, по крайней мере надолго, не может принести нам пользы. Выберут в депутаты пустых болтунов-адвокатов, которые будут только ораторствовать, а пользы для дела не будет никакой. И в западных государствах, — заявил он, —

---

[220] ЦГАОР, ф. Александра III, д. 134, л. 10.

[221] Валуев в своем дневнике очень кратко говорит об этом совещании, касаясь только своего выступления. Интерпретация его полностью совпадает с изложением Перетца. «Я заявил великому князю, — пишет Валуев, — что ввиду отсутствия необходимого в таких делах единомыслия я считаю мои предположения неосуществимыми в настоящее время и потому от дальнейшего настояния или даже обсуждения отказываюсь». П. А. Валуев. Дневник 1877—1884 гг., стр. 51.

[222] ЦГАОР, ф. Александра III, д. 134, л. 15.

от конституции беда... по моему мнению, нам нужно теперь заниматься не конституционными помыслами, а чем-нибудь совершенно иным».

В подтверждение своей мысли наследник сослался на авторитет датских министров, которые жаловались ему, что благодаря «парламентским болтунам» руководить теми или иными отраслями государственного управления трудно.

После столь решительного заявления наследника председатель попытался возразить, указав, что в большинстве случаев все же будут избирать «умных и полезных людей», а не только адвокатов. На это наследник, в свою очередь, заметил, что подтверждением его мысли служит положение в земских собраниях и городских думах, которые бездействуют вследствие безразличного отношения к ним общества.

Точку зрения наследника поддержал Маков, отметив, что действительно «разные отрасли управления идут несравненно лучше там, где нет земства» [223].

С большой речью выступил Валуев, также поддержавший наследника престола. Во-первых, он заявил, что на основе своего опыта, как бывшего министра внутренних дел, он вполне соглашается с тем, что земские собрания и городские думы действительно бездействуют. «Учреждения эти, — заметил он, — далеко не приносят стране той пользы, которой ожидало от них правительство. Поэтому предоставлять земским собраниям новые, весьма широкие права было бы неблагоразумно». Во-вторых, он поставил вопрос о целесообразности предварительного обсуждения представителями общества законопроектов, руководствуясь тем, что «правительство стоит у нас во всех отношениях выше каких бы то ни было местных представителей... Вследствие того, оно не нуждается в проверке своих предположений и взглядов воззрениями людей, живущих в малых городах или уездах, а потому несравненно менее образованных и развитых. Я желал бы знать, — продолжал он, — какую можно извлечь пользу из того, что скажет по законодательному проекту представитель какого-либо Царевококшайска или Козьмодемьянска?» [224]. Это положение он аргументировал на примере приглашения экспертов в Государственный совет при обсуждении Положения о земстве, а также участия местных представителей в комиссии по рабочему законодательству, в которой он председательствовал.

---

[223] ЦГАОР, ф. Александра III, д. 134, лл. 14—15.
[224] Там же, лл. 15—16.

В силу всего этого Валуев поддержал точку зрения наследника престола о невозможности осуществления проекта вел. кн. Константина Николаевича. «Засим, — заявил Валуев, — если бы по каким-либо иным более важным соображениям верховною властью признано было бы уместным и нужным призвать представителей общества к участию в обсуждении законодательных дел, то к важной этой мере следует приступить не путем некоторого лишь развития и обобщения начал, существующих в нашем именно законодательстве, как ваше высочество изволите полагать, но путем усвоения нами, хотя бы может быть и не вдруг, а постепенно, общих конституционных порядков, составляющих достижение всего образованного мира» [225].

После Валуева выступил кн. Урусов, высказавшись также отрицательно. Следовательно, проект вел. кн. Константина Николаевича на сей раз не встретил ни в ком поддержки. В заключение председатель обратился к наследнику с вопросом, что означают его слова о необходимости заниматься в настоящее время не конституционными проектами, «а чем-либо совершенно иным»? На это вел. кн. Александр Александрович ответил следующее: «Мысль моя очень проста. Я нахожу, что мы находимся теперь в положении почти невозможном. В управлении нет никакого единства, не говоря уже о генерал-губернаторах, из которых некоторые творят бог весть что, я не могу не сказать, что единства нет и между министрами. Все идут вразброд, не думая об общей связи. Мало того, некоторые из них думают больше о

---

[225] ЦГАОР, ф. Александра III, д. 134, л. 16. В фонде Валуева (ЦГИАЛ, д. 198) хранятся две записки, написанные неизвестным почерком без подписи и датированные рукою Валуева «21 января 1880 года», в которых довольно подробно рассматривается целесообразность привлечения к участию в работе Государственного совета в той или иной форме представителей земства и городов. В заключительной части этой записки говорится: «...нельзя не прийти к заключению, что проектированная мера преждевременна, не вполне соображена с своевременным состоянием государства и его ближайшими обязанностями по отношению к обществу и прямо противоречит мерам охранения прерогатив и достоинства верховной власти. Наконец, она создает затруднения для борьбы правительственных органов с подпольным бунтом и угрожает опасностью возбудить повсеместно в различных классах населения агитацию еще более серьезного свойства и менее чем когда-либо желательную не только правительством, но и лучшею частью общества» (л. 77). Во второй записке, весьма краткой, проводится существенная мысль о том, что если уж возникает необходимость привлечения местной общественности, то целесообразнее осуществить это участие в особой комиссии, созданной для рассмотрения тех или иных конкретных вопросов (л. 78).

своем кармане[226], чем о ведомстве, которое им поручено. Мы должны доложить государю о необходимости установить связь в управлении и держаться какой-либо одной общей системы».

Вел. кн. Константин Николаевич заявил о своей полной солидарности по поводу высказанного, подчеркнув, что он всегда возражал против произвола генерал-губернаторов, говоря о невозможности «иметь в государстве несколько почти самодержавных монархов»[227]. Однако, по его мнению, об этом удобнее доложить императору самому наследнику, так как данный вопрос не являлся предметом совещания.

Таким образом, обсуждение проектов вел. кн. Константина Николаевича и Валуева закончилось отклонением их обоих. По поводу совещания наследник престола заносит в свой дневник того числа следующее: «...в 1¼ я отправился к д[яде] Косте на совещание, на котором были: Валуев, кн. Урусов, Маков, Дрентельн и госуд. секретарь Перетц. Рассматривали по приказанию папá записки д[яди] Кости и Валуева о преобразовании Госуд[арственного] совета, учредив при нем собрание депутатов от представителей дворянства, земства и городов. Оба проекта были единогласно отвергнуты по многим причинам, о которых здесь не стану распространяться, так как пришлось бы исписать несколько страниц, а главная причина, что эта мера никого не удовлетворила, еще больше бы запутала наши внутренние дела и все-таки в некотором роде была бы одним из первых шагов к конституции»[228].

Собственно, состав совещания предопределял его результат. За исключением Валуева, о позиции которого мы скажем ниже, все остальные были людьми весьма ограниченными, понимавшими задачи борьбы с революционным движением только в плане усиления репрессий. Важно отметить другое: большинство из них понимало, что меры, предпринятые правительством для борьбы с революционным движением в последние два года, привели не к усилению самодержавной власти, а, наоборот, к ее ослаблению. Введение института временных генерал-губернаторов, наделенных такими обширными правами, привело действительно, как говорил вел. кн. Константин Николаевич, к созданию в стране ряда

---

[226] В примечании Перетц говорит о том, что, вероятно, наследник имеет в виду Грейга и кн. Ливена (ЦГАОР, ф. Александра III, д. 134, л. 17).

[227] Там же, лл. 17—18.

[228] ЦГАОР, ф. Александра III, д. 307, стр. 312—313.

«почти самодержавных монархов». Итак, переход к чрезвычайным мерам привел к ослаблению самодержавия, что достаточно убедительно характеризовало кризис его.

Вернемся к позиции Валуева, представляющейся нам весьма противоречивой. С одной стороны, он являлся сторонником привлечения к рассмотрению законодательных вопросов в Государственном совете «охранительных элементов», т. е., иными словами, дворянства; с другой — он снимает с обсуждения свой проект. Причина этого, представляется нам, заключалась в том, что Валуев понимал неизбежность своего провала и поэтому выступал и против проекта вел. кн. Константина Николаевича. При этом приводимые им аргументы, в выступлении 25 января, по существу были направлены и против его собственного проекта. Разве представители Царевококшайска и Козьмодемьянска не являлись теми «охранительными элементами», которые должны были составить Съезд государственных гласных? Его рассуждения о том, что необходимо идти «по пути усвоения общих конституционных порядков», представляли собой фразу, которая отнюдь не соответствовала его поступкам. Ведь проведение в жизнь проекта вел. кн. Константина Николаевича явилось бы шагом вперед по пути реализации его собственного предложения о созыве Съезда государственных гласных. Остается предположить, что Валуев в данном случае руководствовался личной неприязнью к вел. кн. Константину Николаевичу [229].

Перетц пишет о поведении Валуева: «Я... никогда не считал Валуева ни истинным государственным человеком, ни даже рыцарем чести и своих убеждений, а только придворным, но... неприличие сегодняшней его речи превзошло всякую меру» [230]. Нам представляется это объяснение все же не совсем верным. Валуев был царедворцем, любившим угождать «сильным мира сего», однако, по-видимому, здесь было не столько стремление угодить наследнику, сколько неприязнь к вел. кн. Константину Николаевичу. Через год с

---

[229] Сам Валуев об этом заседании говорит в своем дневнике: «Заседание у великого князя генерал-адмирала привело, но не без труда, к простому отрицательному заключению. Он усиленно пытался провести свою мысль и чуть-чуть не эскамотировал на то согласие цесаревича, — на этот раз присутствовавшего, и промолчание других членов совещания. Но я уперся и не дал совершиться его «tour de prestidigitation». Он мне вообще невыносим» (П. А. Валуев. Дневник 1877—1884 гг., стр. 53). Как мы видим, Валуев здесь не совсем точен. Свою роль он явно преувеличивает.

[230] ЦГАОР, ф. Александра III, д. 134, л. 18.

небольшим Валуев в более сложной обстановке выступил в защиту проекта Лорис-Меликова, зная прекрасно отношение к нему нового императора.

29 января в Зимнем дворце происходило четвертое, последнее совещание, посвященное обсуждению «конституционных» проектов. Председательствовал Александр II, присутствовал также и министр двора гр. Адлерберг. «Вчера, — записывает 30 января в своем дневнике Валуев, — похоронена вновь — надолго ли, не угадываю, — мысль 1863 года... ей прочитаны краткие отходные с теми же оттенками, которые обнаруживались при прошедших совещаниях»[231]. Об этом совещании упоминает в своей памятной книжке и Александр II: «Совещ[ание] с Костей и друг[ими], реш[или] ничего не дел[ать]»[232].

Таким образом, на первом этапе кризиса «конституционные» проекты были отвергнуты.

Если проанализировать эти проекты, то в действительности мы не найдем в них чего-либо конституционного. Однако в условиях сложившейся обстановки реализация их могла бы быть известным шагом к конституции. Все зависело от реального соотношения сил. Ведь Генеральные штаты во Франции не являлись каким-либо органом, ограничивавшим королевскую власть, однако в обстановке революционного подъема 1789 года они объявили себя Национальным учредительным собранием. По-видимому, подобную опасность инстинктивно понимали многие представители царского режима и в том числе даже неумный наследник престола.

* *
*

Рассмотрев правительственную политику конца 70-х годов, сделаем ряд выводов. Эта политика со всей очевидностью говорит о наступившем кризисе самодержавия.

Кризис этот, как уже говорилось выше, являлся следствием ограбления крестьян реформой 1861 года. В конце 70-х годов обстановка в деревне становится напряженной. Недород, а следовательно, и голод, охватившие ряд губерний, массовые слухи о переделе земли, известный рост крестьянских волнений — все это не могло не волновать правительство. На этом фоне революционная борьба народни-

---

[231] П. А. Валуев. Дневник 1877—1884 гг., стр. 54—55.
[232] Запись 29 января. ЦГАОР, ф. Александра II, д. 334, стр. 12.

ков вызывала особый страх в правящих сферах. Кризис самодержавия находил свое выражение, во-первых, в переходе от обычных законов к чрезвычайным и, во-вторых, в понимании необходимости каких-то реформ, расширяющих социальную базу власти.

Однако на данном этапе кризиса правительственная политика характеризовалась не вторым, а первым — непрерывным нарастанием реакции во всех областях государственного управления.

Переход к чрезвычайным законам, нашедший свое выражение в расширении функций военных судов, в ряде других административно-полицейских мер и, главное, в учреждении института временных генерал-губернаторов, не дает правительству никаких положительных результатов. Наоборот, несмотря на все эти меры, террористическая деятельность революционеров получает дальнейшее развитие. К тому же, несмотря на то что учреждение института временных генерал-губернаторов ставило своей целью укрепление самодержавия, фактически это приводило к обратным результатам. Генерал-губернаторы, представлявшие собой своеобразное «государство в государстве», нарушали принцип централизации власти и единства действий. Вполне естественно, что подобная деятельность не могла не ослаблять власти самодержавного императора.

Другим проявлением кризиса являлось понимание многими представителями правительства необходимости расширения социальной базы власти путем привлечения к участию в разрешении ряда вопросов представителей господствующих классов, «охранительных элементов», как выражался Валуев. Вместе с тем ставится вопрос и о реформах органов государственного управления, обнаруживших свою слабость в борьбе с революционным движением.

Важно заметить, что в этот первый период кризиса самодержавия никаких уступок ни в смысле тех или иных социально-экономических мероприятий, ни в отношении расширения деятельности земств и городского общественного управления не предпринималось. Все это ставится на повестку дня лишь по мере дальнейшего углубления кризиса. Для этого потребовалось такое событие, как взрыв в собственном доме императора всероссийского — в Зимнем дворце.

Глава II

ВЕРХОВНАЯ РАСПОРЯДИТЕЛЬНАЯ КОМИССИЯ

Взрыв в Зимнем дворце, организованный С. Н. Халтуриным 5 февраля 1880 года, вызвал полное смятение в правительственных сферах и содействовал дальнейшему углублению кризиса.

«Мы, — записывает в своем дневнике 7 февраля вел. кн. Константин Константинович, — переживаем время террора с той только разницей, что парижане в революции видели своих врагов в глаза, а мы их не только не видим и не знаем, но даже не имеем ни малейшего понятия о его численности... всеобщая паника»[1]. Примерно то же он заносит в дневник несколькими днями спустя: «Неделя прошла со времени ужасного взрыва, а петербургские жители не мало не успокоились, паника та же: все ошалели окончательно, потеряли голову, а нелепых слухов распускается более чем когда-либо»[2]. Об этом говорит и А. А. Киреев, адъютант вел. кн. Константина Николаевича, принадлежавший к консервативным славянофильским кругам. «Всеобщая паника, нагнанная нигилистами, — пишет он в дневнике 15 февраля, — распространяется на все классы, многие уезжают из города, самые фантастические слухи о взрывах»[3].

---

[1] ЦГАОР, ф. вел. кн. Константина Константиновича, д. 16, л. 101.
[2] Там же, л. 108.
[3] Отд. рукописей ГБЛ, ф. Киреевых, д. 8, л. 112. Любопытна реакция Киреева на взрыв в Зимнем дворце: «Не хочется, а приходится сказать, — пишет он, — что зверская попытка 5 февраля помешала разным пагубным конституционным поползновениям и имела хороший результат» (там же, л. 110).

Одной из первых мер, предпринятых правительством непосредственно после взрыва, явилось стремление окончательно задушить общественное мнение. Так, в Министерство внутренних дел были приглашены редакторы и издатели петербургских газет и журналов, где им было заявлено начальником главного управления по делам печати Григорьевым о новых ограничениях прессы. Как рассказывает в своих записках присутствовавший там редактор «Русской старины» М. И. Семевский, Григорьев выдвинул перед собравшимися «самое нелепое и дикое требование, дабы ни единым словом не касаться не только учебной системы, действующей в нашем отечестве, но и вообще всех учебных заведений, подведомственных Министерству народного просвещения». Как утверждает Семевский, это требование было облечено в форму «высочайшего повеления», испрошенного гр. Д. А. Толстым. Тут же было заявлено, также в виде повеления царя, о запрещении касаться внешней политики Германии, в частности русско-германских отношений, «дабы не раздражать Германию неосторожными отзывами о ее политике».

В ответ на это редакторы газеты «Страна» Полонский и журнала «Отечественные записки» Салтыков-Щедрин заявили, что в результате указанных распоряжений создаются невыносимые условия для печати, так как это фактически означало бы запрещение говорить обо всем.

«Итак, — резюмирует Семевский, — Министерство внутренних дел с обычной ему близорукостью и ожесточением накинулось на печать, притащив ее за волосы как непотребную блудницу, вместо того чтобы в ней искать опору и защиту» [4].

В связи с предложением Григорьева того же 6 февраля Главным управлением печати был издан специальный циркуляр, в котором указывалось, что в соответствии с «высочайшим повелением» воспрещалось обсуждение в периодической печати системы образования и ее применения, а также и проекта нового университетского устава [5].

Взрыв в Зимнем дворце, характеризовавший полнейшую неспособность III отделения организовать охрану царской фамилии, вызвал у правительства необходимость разработки ряда новых мер, направленных на борьбу с революционным

---

[4] ИРЛИ (Пушкинский Дом), ф. М. И. Семевского, д. 16, лл. 166—167.

[5] ГИАМО, ф. Канцелярии московского генерал-губернатора, оп. 70, д. 3, л. 31.

движением. Уже 7 февраля Александр II совещался об этом со своим сыном, наследником престола. «Утро все провел у папá, — записывает в своем дневнике в этот день наследник, — много толковали об мерах, которые нужно же, наконец, принять, самые решительные и необыкновенные, но сегодня не пришли еще к результату»[6].

Как рассказывает П. А. Валуев, 8 февраля Александр II созвал совещание, на котором присутствовали наследник престола, он (Валуев), Милютин, Маков, Адлерберг и, наконец, шеф жандармов Дрентельн. На этом совещании наследник «предлагал невозможную верховную следственную комиссию с диктаторскими, на всю Россию распространенными компетенциями, что было бы равносильно не только упразднению de facto III отделения и шефа жандармов, но вообще всех других властей, ныне ведущих политические дела, и притом de juré устанавливалось бы прямое главенство самого государя над следственным диктаторством комиссии и ее председателя. Вероятно, — продолжает Валуев, — подразумевался Трепов и едва ли не он родоначальник мысли»[7]. Александр II отклонил это предложение, и совещание закончилось безрезультатно.

Однако родоначальником этой мысли был не Трепов, а Катков. 7 февраля в передовой статье «Московских ведомо-

---

[6] ЦГАОР, ф. Александра III, д. 307, стр. 321.

[7] П. А. Валуев. Дневник 1877—1884 гг., стр. 59. Утверждение, что Трепов является «родоначальником» мысли о создании Верховной распорядительной комиссии, объяснялось, по-видимому, тем, что в начале февраля он вел в петербургских гостиных разговоры о необходимости учреждения правительственного органа, наделенного чрезвычайными полномочиями. — Так, М. И. Семевский в своих записках, относящихся к началу февраля 1880 г., писал: «В правящих сферах начало назревать сознание, что одними покушениями (по-видимому, репрессиями. — *П. З.*) не восстановится общественный покой, что надо вникнуть в общественные нужды, разъяснить себе недовольство, накипающее в обществе» (ИРЛИ, (Пушкинский Дом), ф. М. И. Семевского, д. 16, л. 165). Далее Семевский рассказывает, как он, сделав 3 февраля визит члену Государственного совета Войцеховичу, застал у него Трепова, который заявил, что «для борьбы с нынешним злом необходимо образование двух комиссий с верховными обширными полномочиями: одна должна без всяких околичностей и стеснительных форм освободить всех тех, кто томится в заключении без... уважительных поводов, действительно виновных наказать сколь возможно скорее, а другая комиссия, также с верховными полномочиями, вошла бы в расследование всех причин недовольства правительством в среде народа» (там же). Эти слова, не являвшиеся, бесспорно, плодом размышлений самого Трепова, характеризовали настроения, царившие в правительственных сферах еще до взрыва 5 февраля. Они свидетельствовали о дальнейшем развитии кризиса правительственной власти.

стей» он писал: «Борьбу с организованной крамолой... необходимо сосредоточить в одной сильной руке: необходимо, чтобы один правительственный орган, облеченный полным доверием государя, имел диктаторскую власть для борьбы со злом. На нем должна лежать вся ответственность и ему должны быть предоставлены все средства действия. Прочие власти должны беспрекословно способствовать ему во всем, что относится к предмету его полномочия. Не вмешиваясь в специальности управлений, в технику разных ведомств, он должен иметь полную свободу действий в делах и вопросах политического свойства. От него должно исходить направление и соглашение действий генерал-губернаторов; ему должны быть предоставлены контроль и проверка и никакие формальности процедуры не должны иметь силы перед его полномочием»[8].

Таким образом, первоначальная мысль о создании Верховной распорядительной комиссии принадлежала Каткову, оказывавшему влияние через Победоносцева на наследника престола.

9 февраля Александр II изменил свое вчерашнее мнение и, созвав во дворец присутствовавших на совещании, а также ряд других лиц, объявил им о создании Верховной распорядительной комиссии и назначении председателем ее графа Лорис-Меликова.

В его памятной книжке за это число имеется следующая запись: «Совещ[ание] решил[или] назнач[ить] Лорис-Мелик[ова] председ[ателем] Верхов[ной] след[ственной] ком[иссии]»[9]. Судя по записи, можно предполагать, что функции Комиссии не были еще достаточно ясны императору.

Наряду с этим того же 9 февраля состоялось заседание Особого совещания «для изыскания мер к лучшей охране спокойствия и безопасности в империи», которое наметило ряд мер в этой области. Предполагалось увеличить штат полиции петербургской, пригородной, а также и в ряде губернских городов, ограничить «по мере крайней возможности» число различного рода публичных собраний, «которые служат местом встречи и сбора для неблагонадежных лиц

---

[8] «Московские ведомости», 7 февраля 1880 г. Надо заметить, что эта мысль высказывалась Катковым еще в апреле 1879 г. в связи с созданием института временных генерал-губернаторов (см. главу первую).

[9] ЦГАОР, ф. Александра II, д. 334, стр. 16. Как утверждает А. Ф. Кони, Лорис-Меликов был предложен на пост председателя Верховной распорядительной комиссии Милютиным. См. А. Ф. Кони. На жизненном пути, т. 3. Ревель — Берлин, б. г., стр. 5.

вообще и в особенности для принадлежащих к учебным заведениям молодых людей обоего пола»[10].

Министру внутренних дел рекомендовалось обратить «особое внимание на тенденциозные статьи в нашей печати, направленные к отвлечению подозрений и чувств негодования публики от той среды, в которой гнездятся злоумышленники, и к возбуждению подозрений против лиц и классов населения, не причастных к революционным злодеяниям»[11]. Для этого рекомендовалось опубликовать «в форме неофициальных сообщений» статистические сведения о лицах, «причастных к политическим преступлениям». Того же числа Валуев представил по поводу намеченных мер всеподданнейший доклад, полностью одобренный Александром II.

Обратимся к вопросу о Верховной распорядительной комиссии. Как рассказывает Валуев, со слов министра двора гр. Адлерберга, создание ее явилось результатом письма, полученного накануне Александром II от наследника[12]. Функции Верховной распорядительной комиссии были сформулированы Валуевым как председателем Комитета министров[13].

---

[10] ЦГИАЛ, ф. Валуева, д. 305, л. 29.

[11] Там же, лл. 29—30. Речь идет об имевших хождение слухах по поводу участия дворян в подготовке цареубийства. По этому поводу 28 февраля 1880 г. был направлен из III отделения начальником губернских жандармских управлений специальный секретный циркуляр. «По поводу преступных событий последнего времени и в особенности среди крестьян, — говорилось в циркуляре, — стали распространяться слухи, что преступные покушения против жизни государя императора составляют результат происков дворян, оставшихся будто бы недовольными крестьянской реформой 19 февраля 1861 года». ЦГИАЛ, ф. Департамента общих дел, Мин. вн. дел, 1880 г., оп. 238, д. 61, л. 24.

[12] П. А. Валуев. Дневник 1877—1884 гг., стр. 60.

[13] «Не только формы учреждения так называемой «Верховной распорядительной комиссии», не только ее основные очертания, не только данное ей наименование, но даже коренная мысль учреждения, — пишет Валуев в примечаниях к своему дневнику,—принадлежит мне. Мысль покойного государя, если ему не подсказанная, то отчасти в нем возбужденная нынешним государем, заключалась собственно в учреждении высшей и общей следственной и исполнительной комиссии по делам государственной охраны. Доказательством служит то, что при первоначальных объяснениях и Маков, и я предполагали, что имелся в виду для начальства в комиссии генерал-адъютант Трепов. Когда покойный государь, — продолжает Валуев, — в совещании 9 февраля назначил гр. Лорис-Меликова, я тотчас сознал возможность, действительного сосредоточения в одних руках высшего ведения всех вышеупомянутых для охраны государевой и государственной безопасности и в тот же день при дополнительном совещании в Комитете министров наметил главные черты предположенного учреждения, а затем написал покойному государю о результате нашего совещания. Я получил 10-го утвердительный отзыв и

Утром 11 февраля, перед назначенным совещанием по поводу определения функций Верховной комиссии, Валуев направил Александру II записку, в которой писал: «В первую минуту я не разделял, быть может и не вполне понял мысли, высказанной государем цесаревичем 8-го числа. Выражение «Следственная комиссия» во мне возбудило опасение. Мне казалось, что сосредоточение следственного производства усложнит дело комиссии до пределов, делающих успех невозможным. Кроме того, я прошу позволения признаться, что предполагал назначение г.-ад. Трепова. При всех его достоинствах, с ним было бы трудно действовать заодно и нынешнему градоначальнику и, быть может, шефу жандармов»[14]. Далее Валуев говорит, что в связи с назначением начальником Верховной комиссии гр. Лорис-Меликова он изменяет свою точку зрения, но вместе с тем он рекомендует придать ей особую форму и соответствующим образом определить ее функции. Программа его состояла из семи следующих пунктов.

«1. Комиссии быть не Верховной следственной, а Верховной распорядительной по всем делам, относящимся до преступлений, имеющих целью ниспровержение государственного порядка, и до революционной пропаганды вообще.

2. Не стеснять лицо, поставленное во главе комиссии, никакими совещательными формами. Члены комиссии от разных ведомств должны только быть помощниками гр. Лорис-Меликова и облегчать доставление сведений от своих ведомств».

В третьем пункте говорилось о том, что на главного начальника Верховной распорядительной комиссии должно быть возложено полновластное право распоряжаться в столице и пригородах, охранение порядка и общественной безопасности. В силу этого градоначальник должен находиться в его полном подчинении. «Без этого условия, — писал Валуев, — не считаю возможным того единства, которое необходимо для охраны особы вашего величества от преступных покушений, для обеспечения общественного порядка и для следственных розысков в столице»[15].

уже 11-го утром представил государю собственноручно мною написанные основные пункты учреждения комиссии». П. А. Валуев. Дневник 1877—1884 гг., стр. 61. Как мы видим, не все здесь полностью соответствует истине. Основная мысль о необходимости создания Верховной распорядительной комиссии была сформулирована довольно четко Катковым.

[14] ЦГИАЛ, ф. Валуева, д. 395, л. 46.

[15] Там же.

Четвертый — седьмой пункты касались предоставления Лорис-Меликову полномочий в административно-полицейской области. Так, в столице ему должно было принадлежать «ведение и направление следственных политических дел». Все местные власти обязаны были исполнять его требования и доставлять ему необходимые сведения. Ему обязаны были оказывать всяческое содействие и другие министерства и ведомства.

Таким образом, если идея создания Верховной распорядительной комиссии принадлежала Каткову, то определение ее характера и воплощение этой идеи в жизнь — Валуеву. Им же и был составлен проект указа о создании Верховной распорядительной комиссии.

Как утверждает Валуев, представленный им проект не претерпел существенных изменений и был положен в основу указа 12 февраля о создании Верховной распорядительной комиссии. Не считая преамбулы, в которой указывалось на необходимость «положить предел беспрерывно повторяющимся покушениям дерзких злоумышленников поколебать в России государственный и общественный порядок»[16], он состоял из одиннадцати пунктов. В первом указывалось о создании Верховной распорядительной комиссии «по охране государственного порядка и общественного спокойствия»; во втором — о составе комиссии (главный начальник и члены комиссии, назначаемые по его «непосредственному усмотрению»). В третьем и четвертом пунктах говорилось о назначении на должность главного начальника гр. Лорис-Меликова и о порядке назначения членов комиссии. В пятом — одиннадцатом пунктах определялись функции Верховной распорядительной комиссии. Они ограничивались исключительно вопросами борьбы с революционным движением. Главному начальнику предоставлялись права главноначальствующего в Петербурге и его окрестностях, т. е. вверялось «прямое ведение и направление следственных дел по государственным преступлениям в С-Петербурге и С-Петербургском военном округе». В связи с этим упразднялась должность с-петербургского генерал-губернатора. Что касается других местностей России, то здесь Верховной распорядительной комиссии принадлежало «верховное направление» указанных выше дел по государственным преступлениям. Все ведомства, не исключая и военного, должны были беспрекословно выполнять требования Верховной распоря-

[16] ПСЗ, 2 собр., т. LV, № 60492.

дительной комиссии «по делам об охранении государственного порядка и общественного спокойствия». Главному начальнику предоставлялось право «делать все распоряжения и принимать вообще все меры, которые он признает необходимыми для охранения государственного порядка и общественного спокойствия как в С-Петербурге, так и в других местностях империи...» [17].

Таким образом, Верховная распорядительная комиссия представляла собой исполнительный орган при диктаторе. В указе ни слова не говорилось о правах членов комиссии. Определение первоначального состава Верховной распорядительной комиссии самим начальником также указывает на то, что члены комиссии были простыми исполнителями его поручений, как это и предусматривал Валуев.

Права, предоставлявшиеся главному начальнику Верховной распорядительной комиссии, были весьма обширны, однако область их была очерчена лишь вопросами борьбы с революционным движением.

В этом же духе было сформулировано постановление Особого совещания о правах генерал-губернаторов, временных генерал-губернаторов и отношении их к Верховной распорядительной комиссии. В этом постановлении, утвержденном императором 29 февраля, указывалось, что права генерал-губернаторов сохранялись в прежней силе, остается также по-прежнему «прямое инстанционное подчинение всех губернских учреждений разных ведомств главным начальствам этих ведомств» [18]. Далее говорилось, что все министры и главноуправляющие сохраняют право ревизии подведомственных им в губерниях учреждений. Что касается отношения генерал-губернаторов к Верховной распорядительной комиссии, то оно заключалось в необходимости сообщать главному начальнику ее, так же как и министру внутренних дел, все сведения, касающиеся «государственных преступлений», и выполнять их распоряжения в этой области.

Все это говорило о том, что права главного начальника Верховной распорядительной комиссии ограничивались лишь одной сферой деятельности — борьбой с революционным движением. Однако в действительности это было не так. Уже с первых дней создания Верховной распорядительной комиссии главный ее начальник понимал свои функции иначе. Об этом прямо говорит Милютин в своем дневнике

---

[17] ПСЗ, 2 собр., т. LV, № 60492.

[18] ЦГАОР, ф. Верховной распорядительной комиссии, д. 329, л. 10.

после беседы с Лорис-Меликовым 10 февраля, т. е. на другой день после заявления Александра II о создании Верховной распорядительной комиссии и назначении его главным начальником: «Гр. Лорис-Меликов понял свою новую роль не в значении только председателя следственной комиссии, а смысле диктатора, которому как бы подчиняются все власти, все министры» [19].

Об этом же говорит и Валуев: «В Комитете присутствовал гр. Лорис-Меликов, он, очевидно, не входит в свою роль, а видит перед собой другую, устроителя по всем частям государственного управления» [20].

Создание Верховной распорядительной комиссии знаменовало собой начало нового этапа кризиса самодержавия. Если в 1879 году, после покушения Соловьева, правительство становится на путь известной децентрализации власти путем введения института генерал-губернаторов, то теперь происходит обратное. Передача всей полноты власти Лорис-Меликову свидетельствует о создании личной диктатуры, о централизации власти. Начальник Верховной распорядительной комиссии становится своеобразным суб-императором. Как первое — учреждение института генерал-губернаторов, так и второе — создание диктатуры Лорис-Меликова — нарушало принцип самодержавия. Это являлось бесспорно показателем его кризиса. Колебания самого Александра II в вопросе создания Верховной распорядительной комиссии, а также та быстрота, с которой, несмотря на все колебания, было принято это решение, говорили об огромном смятении в правительственных кругах.

Уже 15 февраля, т. е. через три дня после создания Верховной распорядительной комиссии, Лорис-Меликов опубликовал воззвание «К жителям столицы», в котором обращался за поддержкой к обществу. «Не давая места преувеличенным и поспешным ожиданиям, — писал он, — могу обещать лишь одно — приложить все старания и умение к тому, чтобы, с одной стороны, не допускать ни малейшего послабления и не останавливаться ни перед какими строгими мерами для наказания преступных действий, позорящих наше общество, а с другой — успокоить и оградить законные интересы его благомыслящей части. Убежден, — продолжал он, — что встречу поддержку всех честных людей, преданных государю и искренно любящих свою родину, под-

---

[19] Дневник Д. А. Милютина, т. 3, стр. 217.
[20] П. А. Валуев. Дневник 1877—1884 гг., стр. 67.

вергшуюся ныне столь незаслуженным испытаниям. На поддержку общества смотрю, как на главную силу, могущую содействовать власти к возобновлению правильного течения государственной жизни...» Жители Петербурга призывались к спокойствию, к тому, чтобы не верить различного рода «злонамеренным» толкам и слухам. «В разумном и твердом отношении населения к настоящему тягостному положению, — заключал свое обращение Лорис-Меликов, — вижу прочный залог успеха в достижении цели, равно для всех дорогой»[21]. Обращение Лорис-Меликова вызвало широкий отклик в прессе, а также большой поток писем-проектов, принадлежавших преимущественно различным должностным лицам, частью анонимных, содержащих в себе различные проекты борьбы с «преступной шайкой нигилистов».

* *
*

Деятельность Лорис-Меликова как диктатора не встречала противодействия и в Аничковом дворце[22]. Министры же были явно недовольны созданием Верховной распорядительной комиссии, усматривая в действиях диктатора посягательства на свои права. «Вот теперь назначен Лорис-Меликов, но и его положение невозможное, если он не сумеет расчистить себе место, — сообщал Победоносцев Е. Ф. Тютчевой в письме от 25 февраля. — С первого же дня все правительство, в лице г.г. министров, встретило его глухим противодействием и самая главная и трудная борьба его будет с этими господами... Если он успеет сначала обойти

[21] «Правительственный вестник», 15 февраля 1880 г.

[22] Это находит свое подтверждение в дневниковых записях вел. кн. Александра Александровича, в которых фиксируются весьма частые совещания его с Лорис-Меликовым, а также содержится и оценка деятельности последнего (ЦГАОР, ф. Александра III, д. 307 и 308, дневник за 1880 г.). Так, 3 марта он записывает о Лорис-Меликове: «Дельно и энергично принялся он за дело, и дай бог ему успеха» (д. 308, стр. 2). Лорис-Меликов часто пишет вел. кн. Александру Александровичу, совещается с ним по важным вопросам. 9 апреля он представляет наследнику престола для предварительного ознакомления проект всеподданнейшего доклада 11 апреля. В препроводительном письме он написал: «С первого дня назначения моего на должность главного начальника Верховной распорядительной комиссии я дал себе обет действовать не иначе как в одинаковом с вашим высочеством направлении, находя, что от этого зависит успех порученного мне дела и успокоения отечества». («Красный архив», 1925, кн. 1, стр. 113). Переписка Лорис-Меликова с наследником престола, а впоследствии с императором Александром III хранится в ЦГАОР, ф. Александра III.

их, потом одолеть и отбросить, тогда дело его сделано. Если нет, то ничего не выйдет, как теперь пророчат г.г. министры. Итак, — заключает он свою мысль, — этот месяц будет временем решительной пробы»[23].

Попытаемся вкратце охарактеризовать личность главного начальника Верховной распорядительной комиссии. Крупный военачальник, боевой генерал, участник ряда кампаний, Лорис-Меликов являлся фактическим руководителем военных действий на Кавказском театре войны в 1877—1878 годы. Решительный и лично мужественный, он достиг на войне ряда крупных успехов. Во время своей долголетней службы на Кавказе он занимал пост начальника Терской области и наказного атамана терского казачьего войска. После войны в начале 1879 года Лорис-Меликов назначается временным астраханским, самарским и саратовским губернатором для борьбы со вспыхнувшей в Астрахани чумой, а после покушения Соловьева, в середине того же года, — харьковским временным генерал-губернатором.

Умный, энергичный, гибкий и к тому же весьма честолюбивый и неискренний, Лорис-Меликов снискал себе авторитет и завоевал популярность среди либеральной части общества[24].

В отличие от других генерал-губернаторов Лорис-Меликов пытался привлечь на сторону правительства оппозиционную, т. е. либеральную, часть общества. Тем самым расширялась социальная база правительственной власти, необходимая ему в первую очередь для борьбы с революционным движением.

Вполне естественно, что подобный взгляд на задачи генерал-губернаторов был значительно шире, а вместе с тем

[23] Отд. рукописей ГБЛ, ф. Победоносцева, картон 449, д. 2, лл. 13—14. В этом же письме Победоносцев, характеризуя Лорис-Меликова как человека умного и хитрого, отметил: «На первый раз он умен тем, что выбрал себе советником единственного человека, которого можно было выбрать, — Каханова, тоже умного и хитрого и знакомого близко со всеми физиономиями нынешнего правительства и со всеми ходами и выходами того гнезда, которое свила себе шайка нынешних правителей» (там же, л. 14).

[24] Лорис-Меликов обладал свойством располагать к себе людей. Даже такой человек, как М. Е. Салтыков-Щедрин, весьма скептически относившийся к деятельности диктатора, встретившись с ним после его отставки за границей, в Висбадене, был им очарован. В своем письме к Лорис-Меликову Салтыков-Щедрин после этого посещения писал: «Скажу Вам совершенно искренно: я всю жизнь свою избегал соприкосновения с лицами высоко стоявшими и только Вы один победили во мне чувство, внушавшее мне эту сдержанность». (Полн. собр. соч., т. XIX, кн. 2. М., 1939, стр. 222).

и опаснее для революционного движения, нежели политика голых репрессий, высылок и казней, проводимая, например, временным одесским генерал-губернатором Тотлебеном руками своего помощника Панютина[25].

Создание Верховной распорядительной комиссии и назначение Лорис-Меликова были приняты в правительственных кругах весьма сочувственно как представителями крайней реакции типа Победоносцева и Каткова, так и либеральными бюрократами круга Милютина и вел. кн. Константина Николаевича. 11 марта Катков писал Александру II по поводу назначения Лорис-Меликова: «Да поможет бог доблестному генералу... вывести наши дела из смуты. Зло, с которым ему прежде всего приходится бороться, имеет острый характер. Опасно медлить раскрытием и искоренением этого зла, но столь же опасна ошибка в диагнозе о врачевании, которая поверхностный недуг может превратить в хронический. Мысль действовать в союзе с обществом — есть мудрая мысль, но для того, чтобы иметь общество на своей стороне, следует искать сойтись с ним не столько во мнениях, сколько в интересах. Нельзя гоняться за мнениями, которые ходят в обществе, — предупреждал он, — особенно в смутную пору, какова нынешняя... История представляет разительные и страшные примеры катастроф, вызванные исканием подладиться к ходячим в обществе мнениям»[26]. Если резюмировать точку зрения Каткова, то она сводилась к признанию необходимости вести беспощадную борьбу с революционным движением, не делая при этом каких-либо уступок. Близкий к реакционным кругам Киреев формулирует свое отношение к назначению Лорис-Меликова несколько проще: «...читаю приказ о Лорис-Меликове, — заносит он в дневнике 15 февраля, — Диктатура полнейшая. Вице-император. Что ж, если настоящему императору не удается сладить с нигилистами, то пусть ладит кто иной. Государю-то, пожалуй, вешать не слишком удобно»[27], — глубокомысленно замечает Киреев.

Иначе реагирует сын вел. кн. Константина Николаевича— Константин Константинович, отражавший настроения своего отца. О назначении Лорис-Меликова он пишет в своем дневнике: «Мне нравятся его образ мыслей и точки зрения, с которыми я познакомился летом, видя его в Харькове... Мне

---

[25] См. главу первую.

[26] Отд. рукописей ГБЛ, ф. Белоголового, картон 6, д. 49. Это письмо было передано Александром II Лорис-Меликову.

[27] Отд. рукописей ГБЛ, ф. Киреевых, д. 8, лл. 111 — 112.

казалось, он не придерживается бессмысленных правил подавить брожение умов посредством всеобщего молчания и не думает одними угрозами и жестокими мерами уничтожить восстание»[28].

Первая точка зрения выражала традиционную политику правительства, характерную примерно для последних 15 лет. Она заключалась в непрерывном усилении реакции, в стремлении елико возможно сузить, обкарнать реформы начала 60-х годов. Борьба «с крамолой» представлялась им лишь в виде репрессий.

Вторая точка зрения, характерная для либеральной бюрократии, исходила из признания необходимости дальнейшего проведения ряда буржуазных реформ, не посягавших, естественно, на прерогативы самодержавия. В деле борьбы с революционным движением либеральная бюрократия также являлась сторонницей усиления репрессий, но наряду с этим она полагала, что одними репрессиями нельзя решить эту задачу. Необходимы также и некоторые реформы, которые, по их мнению, затруднят дальнейшее распространение революционных идей. В условиях кризиса правительственной политики, когда власть оказалась не в состоянии обеспечить свое господство старыми методами, т. е. «управлять по-старому», эта точка зрения становилась определяющей. Назначение главным начальником Верховной распорядительной комиссии Лорис-Меликова было воспринято либеральной бюрократией как начало поворота правительственной политики.

Остановимся на отношении прессы к установлению диктатуры Лорис-Меликова.

Как говорилось уже выше, редактор «Московских ведомостей» в общем сочувственно отнесся к назначению Лорис-Меликова, хотя и предостерегал его от стремления «действовать в союзе с обществом». Однако обращение «К жителям столицы» уже вызывает у «Московских ведомостей» отрицательное отношение. «Нельзя желать всякого содействия, нельзя искать всякого пособничества, — говорится в передовой статье. — От иных пособников да сохранит нас бог... Стараться всем понравиться и всем угодить без разбору — плохой способ приобрести популярность»[29].

Подцензурная либеральная пресса отнеслась к созданию Верховной распорядительной комиссии более чем сочувст-

---

[28] ЦГАОР, ф. вел. кн. Константина Константиновича, д. 16, л. 104.
[29] «Московские ведомости», 17 февраля 1880 г.

венно. «Слава богу! На душе легче стало! — писал «Голос». — Приведенный высочайший указ внесет в сердце русских людей успокоение, в котором они так нуждаются... Нам нужна была уверенность в завтрашнем дне, — продолжала газета, — и при внимательном чтении ее нетрудно усмотреть в указе». Далее в статье говорится в создании комиссии и ее задачах. Особенно подчеркивается, что во главе комиссии ставится Лорис-Меликов: «Это имя само по себе есть уже сила, способная внушить всяческую уверенность»[30]. Обращение Лорис-Меликова к жителям Петербурга вызывает у «Голоса» восторг. «Чем-то новым, успокоительным, для нас необычным веет от приведенных выше слов. Вместо «обязательного постановления» — вовсе уже необязательное для такой власти, как вверенная гр. Лорис-Меликову, воззвание «К жителям столицы»[31].

«Вестник Европы» несколько более сдержанно, но все же положительно отнесся к назначению Лорис-Меликова и к его обращению. «Мы уверены, что наше общество с величайшей признательностью выслушало уже самое воззвание к его сочувствию. Оно выкажет и полнейшую готовность идти навстречу великодушному призыву по тем путям, какие ему будут свыше указаны к тому»[32], — читаем мы в мартовской книжке журнала.

Даже «Отечественные записки», стоявшие на самом левом фланге легальной печати, положительно отнеслись к учреждению Верховной распорядительной комиссии. «Как всегда, в случае чрезвычайных полномочий, предоставляемых одному лицу, — говорилось в журнале, — имя этого лица делает более или менее ясной для всех программу действий, так и в данном случае, раз стало известно, что начальником Верховной распорядительной комиссии назначен гр. Лорис-Меликов, все успокоились, ибо были убеждены, что в руках этого человека дарованные ему верховной властью громадные полномочия послужат никак не к отягчению общества, а к его облегчению и умиротворению...»[33].

Однако в апрельской книжке журнала обнаруживался уже некоторый скепсис в отношении действительного стремления Лорис-Меликова обратиться к содействию общества.

Иную позицию в отношении Лорис-Меликова занимало

---

[30] «Голос», 15 февраля 1880 г., передовая.
[31] «Голос», 16 февраля 1880 г., передовая.
[32] «Вестник Европы», март 1880 г. Внутреннее обозрение, стр. 396.
[33] «Отечественные записки», март 1880 г. Внутреннее обозрение, стр. 127.

издававшееся в Женеве «Общее дело». Оно опубликовало статью Драгоманова «Было бы болото, а черти будут», в которой создание Верховной распорядительной комиссии и назначение Лорис-Меликова оценивались как признак кризиса власти. «Не может быть сомнения в том, — говорилось в статье, — что назначение в самодержавной России соправителя императору явно означает начало разложения императорского самодержавия»[34].

В своем открытом письме к Лорис-Меликову «Соловья баснями не кормят» Драгоманов писал: «...если Вы точно хотите устранения из России того, что Вы называете «преступными действиями, позорящими наше отечество», то устраните в России самодержавие с его спутником — произволом чиновников. Только тогда можно будет говорить о каком бы то ни было дальнейшем преуспеянии отечества. Обдумали ли Вы серьезно то, что Вы писали? Уважаете ли Вы сколько-нибудь то «общество», к которому обращаетесь?»[35]. И далее Драгоманов перечислял меры, которые, по его мнению, должен как минимум осуществить Лорис-Меликов: отмена чрезвычайных законов, ликвидация III отделения, предоставление свободы печати, собраний, а также созыв Земского собора.

Как мы видим, либеральная общественность, за исключением наиболее левой ее части, отнеслась к установлению диктатуры Лорис-Меликова положительно.

В революционной прессе о Лорис-Меликове говорилось неоднократно. «В твердом намерении искоренить крамолу его величество снова пересадил музыкантов своего квартета, — иронически говорилось в передовой первого «Листка Народной воли». — Генерал Гурко в полной опале полетел с места, и спасение России поручено Лорис-Меликову с Верховной распорядительной комиссией в придачу»[36]. Во втором «Листке Народной воли» была помещена специальная статья о Лорис-Меликове, принадлежащая перу Н. К. Михайловского.

«Говорят, — писал он, — что к фигурам Минина и Пожарского... будет в скором времени прибавлена статуя графа Лорис-Меликова. Говорят, что благодарная Россия изобразит графа в генерал-адъютантском мундире, но с волчьим

---

[34] «Общее дело», № 35 (1880 г.).

[35] М. П. Драгоманов. Соловья баснями не кормят. Отдельная брошюра, б. г., б. м.

[36] «Литература партии «Народная воля»», стр. 70, «Листок Народной воли», № 1.

ртом спереди и лисьим хвостом сзади... Лисий хвост многие охотно простят графу, даже, может быть, похвалят за него... но азиатский дипломат не только ловкий человек, он жестокий человек»[37].

Сущность диктатуры Лорис-Меликова, по мнению «Народной воли», заключалась в том, чтобы «сомкнуть силы правительства, разделить и ослабить оппозицию, изолировать революцию и передушить всех врагов порознь...»[38].

Выражением отношения к Лорис-Меликову революционных кругов явилось также и покушение на него, произведенное 20 февраля, т. е. через 8 дней после его назначения. Покушавшийся И. П. Млодецкий, близко связанный с народовольцами, был через день после покушения приговорен военным судом к смертной казни[39]. 22 февраля приговор был приведен в исполнение. В этот день Александр II делает в своей памятной книжке следующую весьма циничную запись: «Млодецкий повеш[ен] в 11 ч. на Семен[овском] плацу — все в поряд[ке]»[40]. В посвященной казни Млодецкого прокламации Исполнительный комитет народной воли писал: «Высшим судьей в этом деле явился Лорис-Меликов, скрепивший смертный приговор за безвредное покушение на его собственную особу. Тяжек нравственный облик этого диктатора — обновителя России»[41]. В прокламации сообща-

---

[37] «Литература партии «Народная воля»», стр. 77, «Листок Народной воли», № 2.

[38] «Литература партии «Народная воля»», стр. 72, «Листок Народной воли», № 1.

[39] Узнав о вынесении смертного приговора Млодецкому, Всеволод Гаршин направил Лорис-Меликову письмо, умоляя сохранить ему жизнь. «Ваше сиятельство, — писал Гаршин, — простите преступника. В вашей власти не убить его человеческую жизнь... и в то же время казнить идею, наделавшую уже столько горя, пролившую столько крови и слез виновных и невинных». «Каторга и ссылка», 1925, кн. 2, стр. 133. «Подлинник письма см. ЦГИАЛ, ф. Канцелярии министра внутренних дел, оп. 1, д. 645, л. 166.) По этому вопросу см. Ю. Г. Оксман. Всеволод Гаршин в дни «диктатуры сердца». «Каторга и ссылка», 1925, кн. 2. См. также публикацию А. Шилова и Г. Лаппо «Письмо Гаршина к Лорис-Меликову от 25 февраля 1881 г....» «Красный архив», 1934, № 3(64) и статью М. И. Хейфеца «В. М. Гаршин и Лорис-Меликов» в сборнике «Вопросы сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России». Изд-во АН СССР, М., 1961.

[40] ЦГАОР, ф. Александра III, д. 334.

[41] «Литература Народной воли», под ред. Б. Базилевского. Paris, 1905, стр. 894.

В брошюре «Конституция графа Лорис-Меликова», изданной в 1893 г. в Лондоне и принадлежащей, по-видимому, перу М. М. Ковалевского, говорится, что Лорис-Меликов пытался спасти жизнь Млодецкого, но потерпел в этом неудачу. «Никакие настаивания не помогли: Александр II,

лось, что покушение было осуществлено без ведома Исполнительного комитета. При этом говорилось, что Млодецкий предлагал свои услуги Исполнительному комитету для совершения того или иного террористического акта, но ответа на свое предложение не получил.

* *
*

Одним из первых шагов Лорис-Меликова явилось подчинение ему III отделения. 26 февраля он представил Александру II всеподданнейший доклад, в котором говорилось, что «объединение всех властей есть единственно верный путь достижения успеха в мерах противу крамолы»[42]. Далее он указывал, что разрозненные действия правительственных властей являются одной из главных причин неуспеха в борьбе с революционным движением, что всякая медлительность в этой области весьма опасна. «Если близкому будущему может и должно принадлежать изучение способов к восприимчивости населения к революционным началам, то все-таки насущная задача первых дней подавить анархические проявления нарушителей порядка, доказать благодетельную для общего спокойствия силу правительственной власти и тем самым отторгнуть от лжеучений колеблющихся»[43]. В заключение излагались меры, долженствующие привести к полному подчинению III отделения власти главного начальника Верховной распорядительной комиссии.

В соответствии с этим докладом, одобренным царем, 3 марта был издан указ о временном подчинении III отделения Лорис-Меликову[44]. Шеф жандармов ген. Дрентельн

недавно сложивший свои полномочия в чужие руки, думал показать пример твердости, настаивая на немедленной казни Млодецкого» (ук. брошюра, стр. 14). Однако это утверждение нам представляется маловероятным.

[42] ЦГАОР, ф. Лорис-Меликова, д. 33, л. 1.

[43] Там же, л. 2.

[44] ПСЗ, 2 собр., т. LV, № 60609, 4 марта ему был подчинен корпус жандармов. Как рассказывает в своих воспоминаниях германский посол Швейниц, 27 февраля (11 марта) к нему приехал Лорис-Меликов и сказал следующее: «Я уже сегодня могу сказать, какого большого успеха достиг для России: император согласился с моим предложением об объединении в моих руках различного рода полиций, которые, к нашему несчастью, действовали даже не параллельно, а в противоречии друг с другом» (Denkwürdigkeiten des Botschafters General von Schweinitz. Zweite Band. Berlin, S. 106). «Я должен Вам признаться, — заявил Лорис-Меликов Швейницу, — что я перед штурмом Карса не был так взволнован, как перед этой аудиенцией» (там же).

был уволен от должности, а исполняющим ее назначен генерал-майор Черевин, один из близких друзей наследника престола, «известный своей наклонностью к веселой жизни»[45], как весьма сдержанно характеризовал его Милютин.

Таким образом, ближайшую свою задачу Лорис-Меликов видел в необходимости усиления репрессий по отношению к революционерам.

Обратимся непосредственно к Верховной распорядительной комиссии. Согласно представлению Лорис-Меликова, в состав ее помимо главного начальника вошли девять членов: обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев, начальник штаба гвардии и Петербургского военного округа ген.-адъютант кн. А. К. Имеретинский, исполняющий обязанности шефа жандармов П. А. Черевин, управляющий делами Комитета министров М. С. Каханов, сенаторы М. Е. Ковалевский, И. И. Шамшин, об.-прокурор Сената П. А. Марков, правитель канцелярии министра внутренних дел С. С. Перфильев и ген.-майор свиты М. И. Батьянов[46]. Необходимо при этом заметить, что два члена Верховной распорядительной комиссии — Победоносцев и Черевин — были весьма близки наследнику престола. Это свидетельствовало о том, что состав ее намечался не без участия вел. кн. Александра Александровича.

Права членов комиссии были весьма неопределенны. По существу они являлись исполнителями поручений главного начальника. В силу этого роль самой комиссии как учреждения была невелика, представляя собой в лучшем случае совещательный орган. Штат Верховной распорядительной комиссии, судя по финансовой смете, был очень невелик. Он состоял из пяти офицеров, прикомандированных из разных частей войск, и двух чиновников, числившихся на службе в Правительствующем сенате[47]. Однако в действительности число лиц, состоявших при Верховной распорядительной комиссии, было значительно больше. Из Сената, Государственной канцелярии, Министерств внутренних дел, Юстиции и других ведомств к ней был прикомандирован приказами главного начальника 21 чиновник, в том числе

---

[45] Дневник Д. А. Милютина, т. 3, стр. 250.

[46] Помимо указанных лиц 2 мая по докладу Лорис-Меликова в состав Верховной распорядительной комиссии был введен начальник Главного управления по делам печати Н. С. Абаза (ЦГИАЛ, ф. Главного управления по делам печати, оп. 20, д. 247, л. 5).

[47] ЦГАОР, ф. Верховной распорядительной комиссии, д. 343, лл. III — 112.

один тайный советник и 5 действительных статских советников[48]. Кроме того, к комиссии были причислены состоявший при Главном штабе ген.-майор Р. А. Фадеев, ген. Е. М. Богданович и полковник Н. М. Баранов[49], направленный Лорис-Меликовым в апреле за границу. Помимо этого, существовала еще личная охрана Верховной распорядительной комиссии, состоявшая из 32 человек: одного секретного агента, двух околоточных надзирателей, девяти жандармов, 11 казаков и девяти городовых[50].

Структура Верховной распорядительной комиссии нам неизвестна, за исключением Особого судебно-политического отделения. «Отделение это, — сообщал Лорис-Меликов в своем всеподданнейшем докладе от 10 ноября 1880 года, — состояло из сенатора Шамшина, одного товарища обер-прокурора Уголовного кассационного департамента, одного бывшего губернского прокурора и двух секретарей Правительствующего сената, нескольких молодых чиновников, прикомандированных для занятий, и потребного количества низших чинов канцелярии»[51].

В этом отделении рассматривались все дела о «государственных преступлениях», поступавшие в Верховную распорядительную комиссию, а также разрабатывались некоторые законодательные предположения, как, например, вопрос о распространении закона 19 мая 1871 года на районы Сибири[52].

Первое заседание Верховной распорядительной комиссии состоялось 4 марта. Говоря о задачах, стоявших перед Комиссией, Лорис-Меликов указал, что «первая из них состоит в том, чтобы принять решительные меры к подавлению наиболее возмутительных действий анархистов; вторая же, более сложная, в изыскании средств врачевания причин, породивших крамолу и поддерживающих ее».

Далее Лорис-Меликов остановился на вопросах, затруднявших, по его мнению, «борьбу правительства с крамолой», а следовательно, разрешение которых должно было являться

---

[48] ЦГАОР, ф. Верховной распорядительной комиссии, д. 367.

[49] Привлечение к работе ген. Фадеева и бывшего капитана 1-го ранга Баранова, креатур наследника престола, еще раз говорило о стремлении Лорис-Меликова обеспечить себе благожелательное отношение в Аничковом дворце (о Баранове см. ниже, гл. IV).

[50] ЦГАОР, ф. Верховной распорядительной комиссии, д.343.

[51] ЦГИАЛ, ф. Департамента общих дел, оп. 241, д. 81, л. 425.

[52] Закон 19 мая 1871 г. передавал ведение следствия по политическим делам органам жандармских управлений, которые должны были производить их при участии прокуратуры.

первоначальной задачей Комиссии. Основным условием успешной борьбы с революционным движением он считал объединение действий всех административных и судебных органов, «призванных к обнаружению и преследованию преступных замыслов и действий и изыскание способов к установлению такого объединения»[53].

Вторая причина, затруднявшая борьбу правительства с крамолой, выражалась «в крайней медленности производства дознаний и дел о государственных преступлениях». Третья и четвертая заключались, как указывал Лорис-Меликов, в недостатках организации административной ссылки и полицейского надзора.

Как административная ссылка, так и политический надзор (гласный и негласный) являлись, по его мнению, мерою нужною в отношении лиц, политически неблагонадежных, если принять ее «с надлежащей осмотрительностью». Однако в действительности было не так. «Нельзя... не отметить, — говорил Лорис-Меликов, — что случаи административной высылки столь часты, что вскоре устройство быта и положения выселенных может сделаться вопросом государственным. Что же касается полицейского надзора, — продолжал он, — то мера эта, имея в основании своем лишь установление наблюдения, в самом деле равносильна лишению или ограничению прав: лицо, находящееся под особым надзором полиции, стеснено в выборе занятий, оно не внушает к себе доверия и заставляет избегать всяких с ним сношений из опасения навлечь на себя незаслуженные подозрения»[54].

Вследствие этого он считал необходимым упорядочить вопрос об административной ссылке и организации полицейского надзора.

Таковы четыре вопроса, решение которых было определено Лорис-Меликовым первоочередным, при этом основным злом признавалось отсутствие единства административно-полицейской и судебной систем.

В дальнейшем состоялось еще четыре заседания Верховной распорядительной комиссии: 11 и 24 марта, 15 апреля и 1 мая.

На заседании 11 марта рассматривалась записка по вопросу о мерах, необходимых для ускорения производства дознаний по «государственным преступлениям», составленная по распоряжению Лорис-Меликова, а также было заслу-

---

[53] «Русский архив», 1915, кн. 12, стр. 221.
[54] Там же, стр. 221—222.

шано сообщение члена Верховной распорядительной комиссии Маркова о состоянии обследованных им совместно с Шамшиным и Батьяновым петербургских мест заключения, в которых содержались политические. При этом отмечалось, что закон 1 сентября 1878 года на практике применяется неверно. «На основании установленных сим законом правил, — указывалось в журнале, — действию их должны подлежать лишь такие случаи, в которых не окажется законных признаков государственного преступления, вызывающих необходимость направления дел к формальному дознанию, а обнаружатся лишь данные о политической неблагонадежности привлеченных к делу лиц, относительно коих может быть применена мера административной высылки по соглашению шефа жандармов с министром внутренних дел. Между тем некоторые рассмотренные членами комиссии дела, произведенные по закону 1 сентября, оказались имеющими чисто уголовный характер и заключающими в себе дознание по обвинениям в таких преступлениях, которые предусмотрены Улож[ением] о нак[азаниях]» [55].

На заседании было доложено о мероприятиях, осуществленных Лорис-Меликовым, в частности сообщен его доклад о мерах к объединению действий губернских властей и чинов жандармского корпуса, а также одобренное им представление с.-петербургского градоначальства об увеличении числа околоточных надзирателей.

На заседании 24 марта главный начальник информировал присутствовавших о представленном им всеподданнейшем докладе по вопросу о порядке направления на утверждение законченных дознаний по делам политическим, в связи с созданием Верховной распорядительной комиссии и подчинением ей III отделения. Кроме того, члены Верховной распорядительной комиссии были ознакомлены с составленной в комиссии запиской об организации секретно-розыскной части по делам политическим в Петербурге.

Комиссия заслушала сообщение члена ее, Маркова, который совместно с Шамшиным и Батьяновым просмотрел дела политических заключенных, содержавшихся в Петербурге, а также разработал меры для ускорения производства дознаний. Одобрив эти предложения, Комиссия вместе с тем пришла к заключению, что «собранные сведения о делах, производившихся в Петербурге на основании правил 1 сентября 1878 года, обнаруживают неоднократно повторяющиеся

---

[55] «Русский архив», 1915, кн. 12, стр. 229.

случаи неправильного применения сих правил, сопряженные с лишением свободы заподозренных в политической неблагонадежности, без достаточных к тому оснований, и принимая в соображение, что подобные случаи, помимо личного материального и нравственного вреда, причиняемого лицам, неправильно арестованным, имеют весьма вредные последствия для государственного порядка, ибо колеблят доверие к действиям правительства, создают недовольных, вызывают раздражение умов и тем самым затрудняют для правительства борьбу с преступной пропагандой».

Комиссия обратила внимание на то, что обыски производятся «нередко без должной осмотрительности, не приводя ни к каким практическим результатам». Далее вопросы касались подчинения тюрем различным ведомствам, а также административной ссылки. На этом же заседании были доложены данные о числе лиц, находившихся под надзором, и составленная по указанию Лорис-Меликова записка о положении поднадзорных. В ней ставился вопрос о пересмотре дел этих лиц с целью освобождения «исправившихся в поведении и нравственности». Наконец, на этом же заседании был сообщен циркуляр главного начальника, разрешавший отменять смертную казнь только «с высочайшего соизволения» [56].

Заседание 15 апреля было посвящено деятельности Главного тюремного управления и С.-Петербургскому дому предварительного заключения. Комиссия пришла к заключению о необходимости подчинения всех мест заключения Главному тюремному управлению (до этого времени Дом предварительного заключения в Петербурге находился в ведении градоначальника, а Вышневолоцкая и Мценская тюрьмы, в которых содержались политические заключенные, — местных губернаторов). Вместе с тем было поручено члену комиссии кн. Имеретинскому ознакомиться с положением в Московской пересыльной тюрьме, а также Мценской и Вышневолоцкой.

На последнем заседании, происходившем 1 мая, было заслушано сообщение кн. Имеретинского о положении в политических тюрьмах Мценска и Вышнего Волочка, а также и в Московской пересыльной. Кн. Имеретинский, на основе ознакомления с делами заключенных, подлежавших административной ссылке, пришел к выводу, что всех их можно подразделить на 5 категорий. К первым четырем категориям принадлежали лица, заслуживавшие административную

---

[56] «Русский архив», 1915, кн. 12, стр. 235 — 238.

ссылку (при этом причисленные ко второй и четвертой категориям должны были быть сосланы не по политическим мотивам). Дела о всех остальных арестантах, подлежавших высылке по распоряжению административной власти, могли быть пересмотрены «с целью изменения или облегчения наложенных на некоторых из них взысканий и даже совершенной их отмены»[57]. Вместе с тем кн. Имеретинский отмечал отсутствие единообразия режима в обследованных им тюрьмах.

Верховная распорядительная комиссия не во всем согласилась с Имеретинским. «При возникших по поводу доклада князя Имеретинского суждениях, — говорилось в журнале,— было высказано, между прочим, что административная высылка является мерою неизбежной для таких лиц, противу которых не может быть приобретено достаточно улик для предания их суду, но оставление которых на месте при ненормальных политических обстоятельствах признается вредным для общественного спокойствия, что хотя при применении ее могут быть отдельные случаи прискорбных ошибок, тем не менее такая возможность не дает прав без вполне достаточного основания подвергнуть пересмотру и проверке дела о всех высылаемых административным порядком лицах, так как подобная общая мера могла бы колебать значение постановлений высшей местной административной власти и подрывать ее авторитет...»[58]. В связи с этим комиссия не приняла предложения Имеретинского.

Таково содержание вопросов, обсуждавшихся на заседаниях Верховной распорядительной комиссии. Анализируя их, можно первоначально сделать вывод, что все важнейшие вопросы, связанные с главной функцией ее — борьбой с революционным движением, являлись предметом обсуждения комиссии. Однако обсуждение, по крайней мере большинства из них, на наш взгляд, носило несколько формальный характер, показанием чего является непродолжительность самих заседаний.

Так, на первое заседание комиссии, на котором были определены ее задачи и намечен план ее деятельности, было затрачено всего два часа. На втором заседании за $2^1/_2$ часа было рассмотрено 10 вопросов; на третьем за 3 часа —

---

[57] ЦГАОР, ф. Лорис-Меликова, д. 36, лл. 68—69. Журнал заседания 1 мая 1880 г. Черновой экземпляр.

[58] Там же, л. 69. Черновые экземпляры всех журналов заседаний Верховной распорядительной комиссии хранятся в ЦГАОР, в фонде Лорис-Меликова, д. 36.

9 вопросов; на четвертом за $2^1/_2$ часа—4 вопроса и, наконец, на пятом — за два часа доклад кн. Имеретинского о состоянии политических тюрем.

* *
*

Итак, главные вопросы, стоявшие перед Верховной распорядительной комиссией в соответствии с ее основной задачей, сводились к следующим: 1) объединение всех жандармско-полицейских и судебных органов для борьбы с революционным движением, 2) ускорение производства дел по политическим преступлениям и 3) пересмотр существующей организации административной ссылки и политического надзора.

Обратимся к первому из них. Основным органом, ведавшим борьбой с революционным движением, являлось III отделение. По данным на август 1880 года, личный состав III отделения состоял из 72 человек, вместе со сверхштатными и вольнонаемными[59]. Помимо этого III отделение располагало определенным числом секретных агентов как внутри империи, так и за границей[60].

III отделение состояло из трех экспедиций и газетной части, игравшей в последнее время большую роль. Первая экспедиция ведала вопросами административной ссылки, общим наблюдением за политическими заключенными, находившимися в Сибири, сношениями с губернскими жандармскими управлениями и рядом других. Она же рассматривала дела о «произнесении дерзких слов» в адрес императорской фамилии. Вторая экспедиция занималась вопросами личного состава отделения, рассматривала прошения о денежных пособиях, подававшиеся либо на имя царя, либо непосредственно в III отделение[61]. Она же разрешала выдачу отдель-

[59] ЦГИАЛ, ф. Канцелярии министра внутренних дел, оп. 1, д. 643, л. 17. Помимо этого три должности были вакантны. Кроме того, в это число не включены шеф жандармов и управляющий III отделением. В указанном деле, лл. 22—24, имеется список служащих III отделения. Среди них значился и агент Исполнительного комитета «Народной воли» Н. В. Клеточников, числившийся сверхштатным чиновником «на правах чиновников для письма» с окладом в 900 руб в год.

[60] Данные о внутренней агентуре не сохранились. Некоторые сведения о заграничной агентуре имеются в финансовой смете III отделения за 1878 г. (ЦГИАЛ, ф. III отделения, секретный архив, оп. 3, д. 570), а также «Ведомости о положении секретных сумм III отд. на 1 июля 1880 г.» (ЦГИАЛ, ф. Лорис-Меликова, д. 100).

[61] Прошения эти в подавляющем большинстве исходили от отставных чиновников, офицеров, их жен, детей и т. д.

ных видов на жительство (т. е. паспортов) лицам женского пола, не обладавшим, как правило, этим правом[62]. Третья экспедиция выполняла функции тайной политической полиции, ведая всем комплексом вопросов, связанных с борьбой с революционным движением.

Газетная часть наблюдала за прессой, занималась вопросами антиреволюционной пропаганды: издавала различного рода «патриотическую» литературу, широко практиковала подкуп прессы. Помимо этого в 1871 году при главном начальнике III отделения, т. е. шефе жандармов, была создана юрисконсультская часть.

За последние годы своего существования деятельность III отделения в связи с ростом революционного движения значительно расширилась. Об этом свидетельствует резкое увеличение сметы секретных расходов в конце 70-х и начале 80-х годов.

Так, ассигнования на секретные расходы в 1877 году составляли 186 877 руб., в 1878 — 251 877 руб.[63], в 1880 — 558 957 руб. Смета секретных расходов на 1880 год распределялась по следующим рубрикам[64]:

Лит. «А» — на охранную стражу — 52 000 руб.
Лит. «В» — передаваемые с.-петербургскому градоначальнику (на агентуру) — 29 000 руб.
Лит. «Г» — передаваемые московскому генерал-губернатору (на агентуру) — 7500 руб.
Лит. «И» — на заграничную прессу — 21 000 руб.
Лит. «О» — на внутреннюю агентуру — 65 000 руб.
Лит. «С» — противодействие пропаганде — 300 000 руб.
Лит. «Х» — заграничную агентуру — 19 000 руб.
Лит. «Ж» — шефская сумма (распределение в качестве дополнительных ассигнований) — 58 377 руб.
Лит. «К» — для передачи киевскому губернскому жандармскому управлению (на агентуру) — 7080 руб.
Итого: — 558 957 руб.

Таким образом, основная часть секретных сумм расходовалась на подкуп прессы и издание всякого рода псевдонародных брошюр[65].

---

[62] Компетенция второй экспедиции определена на основе анализа описей ее дел за 1879 — 1880 г.: 90 с лишним процентов дел относились к ходатайствам о пособиях либо о выдаче отдельного вида на жительство.

[63] ЦГАОР, ф. III отделения, Секретный архив, оп. 3, д. 570, л. 4.

[64] ЦГИАЛ, ф. Лорис-Меликова, д. 100, лл. 1 — 2.

[65] Так, по смете на 1878 г. отпускалось П. А. Валуеву на газету 21 тыс. руб. (ЦГАОР, ф. III отделения, Секретный архив, оп. 3, д. 570, л. 8). Имелась, по-видимому, в виду газета «Отголоски», издаваемая с начала 1879 г. По данным Секретного архива (оп. 1, д. 2225), редактору

Организация жандармских органов в империи определялась законом 9 сентября 1867 года[66]. По этому закону ликвидировалась существовавшая ранее структура корпуса жандармов и устанавливалась новая его организация. Так, корпус состоял из трех жандармских округов: варшавского, кавказского и сибирского, губернских жандармских управлений (в шести северо-западных губерниях создавалось 50 уездных жандармских управлений»[67], жандармско-полицейских управлений на железных дорогах, жандармских дивизионов и конных жандармских команд. Штаты жандармских органов были невелики. Так, штаб корпуса состоял из 12 офицеров и чиновников, одного врача и 23 писарей. Штат губернских жандармских управлений состоял из двух офицеров — начальника управления, адъютанта и двух писарей[68]. От офицеров, переходивших на службу в жандармские органы, требовалось пребывание в войсках не менее пяти лет, а также наличие среднего образования. Однако последнее требование, как мы увидим ниже, далеко не всегда выполнялось. Функции губернских жандармских органов сводились в основном «к наблюдению». Агентурная же сеть, по-видимому, была невелика. По Положению 9 сентября 1867 года начальникам губернских жандармских управлений полагалось в год на секретные расходы 500 руб.[69].

журнала «Сельская беседа» В. В. Кардо-Сысоеву было выделено в 1880 г. из III отделения 5 тыс. руб. (л. 6). В этом же году, по всей вероятности в связи с 25-летием царствования Александра II, Кардо-Сысоев издает брошюру «Царь освободил, а мужик не забыл», распределенную по стране III отделением в количестве 200 тыс. экземпляров (там же, л. 3). Любопытен принцип распределения этого «произведения». Так, больше всего брошюр было направлено в Москву — 25 тыс., в Петербург—20 тыс., в Одессу и Херсон—20 тыс., Владимир—10 тыс., Нижний Новгород — 10 тыс., Киев — 6 тыс., Харьков — 5 тыс., Курск — 5 тыс., в Кострому — 3 тыс., Полтаву — 2 тыс. (там же, л. 7). Таким образом, наибольшее число брошюр, как правило, направлялось в промышленные губернии. Кроме того, III отделение распространяло следующие брошюры: «Жизнь за царя или плен у турок», «На чужой каравай рот не разевай», «Голенький ох, а за голеньким бог», «Всяк Еремей про себя разумей». Все эти брошюры были изданы по 100 тыс. экземпляров и также разосланы по стране. В указанном деле имеется расписка довольно известного шпиона, причастного к литературным кругам, И. Баталина о получении им 1500 руб. на журнал «Народный лист» (там же, л. 7).

[66] ПСЗ, 2 собр., т. XLII, № 44956.

[67] Уездные жандармские управления создавались и в Царстве Польском.

[68] В московском губернском жандармском управлении штат был несколько больше: начальник управления, помощник начальника, адъютант, секретарь и 3 писаря.

[69] ПСЗ, 2 собр. т. XLII, приложение к № 44956.

К концу 70-х годов численность Отдельного корпуса жандармов значительно увеличилась. Так, согласно годовому отчету штаба Отдельного корпуса жандармов, на 1 января 1880 года состав корпуса определялся 521 офицером и 6187 нижними чинами[70]. Из них в трех окружных жандармских управлениях было 9 офицеров и 11 солдат; в губернских жандармских управлениях — 328 офицеров и 2290 унтер-офицеров[71]; в жандармско-полицейских железнодорожных управлениях — соответственно 126 и 2431; наконец, в жандармских строевых частях: в жандармских дивизионах — 53 офицера и 1310 солдат и в конных командах — 5 офицеров и 145 солдат.

По образовательному цензу состав офицеров губернских жандармских управлений и железнодорожных жандармских полицейских управлений был не очень высок. Так, в первых число лиц с высшим образованием составляло 4,56%, во вторых — 3,17%. Без среднего образования в первых — 35,35%, во вторых — 30,4%. Солдатский, точнее унтер-офицерский, состав губернских и железнодорожных жандармских управлений был поголовно грамотным.

Число секретных агентов в губернских жандармских управлениях, судя по ассигнованиям, несколько увеличилось, однако по-прежнему было невелико. Так, на основании ведомости о состоянии секретных сумм III отделения на 1 июля 1880 года, за первое полугодие, на агентуру в губернских жандармских управлениях и пограничных пунктах было израсходовано 50 481 руб., а только на секретную агентуру

---

[70] ЦГАОР, ф. штаба отдельного корпуса жандармов, I отделение, оп. 1, д. 5559, л. 710.

[71] Численно состав отдельных губернских жандармских управлений был различен. Так, например, в тамбовском губернском жандармском управлении было 3 офицера и 14 унтер-офицеров, в том числе и нестроевых, т. е. писарей; во владимирском — 5 офицеров и 35 унтер-офицеров; пензенском — 3 офицера и 17 унтер-офицеров; воронежском — соответственно 3 и 21; Нижнегородском — 4 и 29; пермском — 7 и 40; в харьковском — 6 офицеров и 72 унтер-офицера. Из них в самом Харькове в губернском управлении было 4 офицера: начальник, два помощника и адъютант; кроме того, один помощник в Сумах, другой — в Изюме. Жандармские унтер-офицеры в харьковском губернском жандармском управлении распределялись следующим образом: в Харькове—35, в Сумах—6; Изюме — 4; Змиевском, Старобельском и Купянском уездах — по 4, Ахтырском, Богодуховском, Волчанском, Лебединском и Харьковском — по 2 (данные заимствованы из отчетов начальников губернских жандармских управлений за 1879 г. ЦГАОР, ф. Отдельного корпуса жандармов, I отделение, оп. 1, дд. 5522 и 5523).

при петербургском градоначальнике предполагалось израсходовать в год 90 тыс. руб.[72].

Помимо жандармских органов борьбой с революционным движением занималась еще и полиция (наружная, общая, сыскная), состоявшая в ведомстве Министерства внутренних дел. Особенно велика была разобщенность жандармско-полицейских органов в столице. Так, в С.-Петербурге этими вопросами занимались, во-первых, секретно-розыскная часть III отделения, во-вторых, «Секретное отделение по охранению общественного порядка и спокойствия» при градоначальнике. Кроме того, этим же занималась и общая полиция[73].

В целях координации действий жандармских и полицейских органов в Петербурге Лорис-Меликов принял некоторые меры. 27 марта он сообщал министру внутренних дел Макову: «В видах достижения наибольшего успеха в деле подавления антиправительственного движения в Петербурге, признано мною необходимым выделить из ведения III отделения секретное наблюдение по Петербургу и поручить его ведению с.-петербургского градоначальника...» Однако мера эта не привела к полному устранению III отделения от «борьбы с крамолой» в столице. В этом же отношении указывалось, что «за передачей градоначальству непосредственного наблюдения за городом и производства розысков в оном, III отделение с. е. и. в. по-прежнему сохраняет за собой наблюдение в столице агентурою в различных слоях общества для уяснения общего политического настроения»[74].

Для установления единства действий между жандармскими органами провинции и местными органами Министерства внутренних дел Лорис-Меликов представил Александру II ряд предложений, которые и были утверждены

---

[72] ЦГИАЛ, ф. Лорис-Меликова, д. 100. «Ведомости о положении секретных сумм III отделения с. е. и. в. канцелярии на 1 июля 1880 года». Приложения № 1 и № 4, лл. 3, 6.

[73] Штат с.-петербургской полиции состоял из трех полицмейстеров, 38 участковых приставов, 38 старших помощников их, 15 младших помощников, 231 околоточного надзирателя и 1500 городовых. Кроме того, существовал резерв полиции, состоявший из 15 офицеров и чиновников и 150 городовых (ЦГАОР, ф. Верховной распорядительной комиссии, д. 326, л. 96). По настоянию Лорис-Меликова в 1880 г. штат околоточных надзирателей «для предоставления полиции возможности иметь действительное наблюдение за столичным населением» был значительно увеличен (ЦГАОР, ф. Лорис-Меликова, д. 64, л. 4. Число околоточных надзирателей увеличилось на 200 человек).

[74] ЦГИАЛ, ф. Канцелярии министра внутренних дел, оп. 1, д. 640, лл. 84—85.

10 марта. Жандармские власти обязаны были по всем делам, «относящимся до организации государственного порядка и общественного спокойствия», помимо донесений своему начальству, сообщать их в копии местному губернатору, а в губерниях, входящих в генерал-губернаторства, — генерал-губернаторам. Вместе с тем жандармские власти обязывались действовать в этой области с ведома губернаторов. Губернаторам же предлагалось ставить в известность местные жандармские власти о всех донесениях ему, касавшихся «охранения государственного порядка»[75].

До весны 1880 года никакой координации между губернаторами и жандармскими властями, как правило, не существовало. Об этом говорят ответы губернаторов на конфиденциальное письмо Макова от 6 мая, запрашивавшего о положении дел в данной области. Наиболее подробная характеристика положения в губерниях содержится в ответах черниговского и нижегородского губернаторов, относящихся ко второй половине 1880 года.

«...Жандармское начальство в губерниях, — писал черниговский губернатор, — действовало... не только самостоятельно, но даже совершенно отдельно от губернской администрации и лишь изредка прибегает к содействию исполнительной полиции; общее направление деятельности жандармских управлений и добытые ими результаты оставались для начальников губерний неизвестными... Несмотря на упоминаемое в большинстве случаев соглашение между III отделением и Министерством, параллельные распоряжения по ведомствам делались не всегда и притом не одновременно, бывали даже случаи противоречивых указаний.

Секретные сведения, сообщаемые начальникам жандармских управлений, не доставлялись губернаторам и, наоборот, были примеры получения губернаторами весьма важных секретных сведений о результатах розысков, которые оказывались совершенно неизвестными жандармскому начальству. Имеющиеся у губернаторов списки лиц поднадзорных были совершенно несходны со списками жандармских управлений». Губернатор указывал, что только в тех губерниях, где существуют «личные добрые отношения», имеется некоторая связь между этими ведомствами[76].

[75] ЦГИАЛ, ф. Департамента общих дел, оп. 238, д. 61. Циркуляр министра внутренних дел от 18 марта 1880 г.

[76] ЦГИАЛ, ф. Канцелярии министра внутренних дел, оп. 1, д. 647, лл. 125—126. Более или менее нормальные взаимоотношения с жандармскими властями, судя по отзывам губернаторов, сложились в Калужской, Саратовской и ряде других губерний (см. д. 647).

В письме нижегородского губернатора сообщалось, что в Нижегородской и Ярославской губерниях принятые меры в какой-то степени координируют действия жандармских и полицейских властей, но достигнуть результата возможно «только полным подчинением чинов жандармского корпуса губернаторам»[77].

Это, как мы увидим ниже, являлось, по мнению Лорис-Меликова, необходимым для окончательного решения задачи объединения этих властей.

Одной из мер Лорис-Меликова по усилению политического сыска явилась организация постоянной заграничной агентуры. С этой целью в апреле 1880 года он командирует за границу — в Румынию, Швейцарию и Францию — состоявшего при Верховной распорядительной комиссии полковника Баранова, а в Германию — действительного статского советника Юзефовича, также находившегося в его распоряжении[78].

Как писал Баранов в секретном докладе главному начальнику Верховной распорядительной комиссии, на него были возложены следующие задачи: 1) составить проект создания секретной политической агентуры за границей; 2) собрать сведения о деятельности русской эмиграции; 3) войти в соглашение с некиим Мейером, склонив его к приезду в Петербург, и, наконец, 4) изучить организацию парижской полиции. Последняя задача составила официальную часть поручения.

Наибольшее внимание было обращено Барановым на организацию агентуры в Париже, являвшемся, по его словам, «главной квартирой общей крамолы»[79]. Она была орга-

---

[77] ЦГИАЛ, ф. Канцелярии министра внутренних дел, оп. 1, д. 647, л. 134.

[78] Как сообщал в своем донесении Баранов, в Румынии секретная агентура действовала вполне нормально, в Женеве он полагал необходимым ее организовать с помощью специально присланного из России лица (ЦГАОР, ф. III отделения, секретный архив, оп. 3, д. 711, л. 125). Что касается Юзефовича, то данных о его миссии в деле не имеется.

[79] ЦГАОР, ф. III отделения, Секретный архив, оп. 3, д. 711, л. 10. В докладе, говоря о мерах, которые необходимо принять в отношении русской эмиграции, Баранов писал: «Не знаю, представится ли мне еще случай докладывать что-нибудь, касающееся мер, которые следовало бы принять за границею относительно русской крамолы: я позволяю себе упомянуть здесь о некоторых обстоятельствах, на которые нужно было бы обратить внимание. Все самые ярые радикалы, как Гамбета, Андрие и даже Клемансо, достигнув богатства и положения, становятся оппортунистами и готовы на многое, чтобы, подавя революцию, сохранить и улучшить свое положение» (там же, лл. 13—14). Здесь же Баранов высказывал интересные мысли о целесообразности издания журнала «Le

низована им при парижской префектуре, причем руководителем ее был выделен чиновник секретно-наблюдательной части Мерсье. Наблюдение за деятельностью Мерсье и общее руководство им брал на себя парижский префект Андрие. Все это должно было оставаться в строгой тайне. «Андрие, — писал Баранов в секретной записке Лорис-Меликову, — желает, чтобы о характере организации русской агентуры в Париже и его участии в этом в России было известно лишь его императорскому величеству и главному начальнику Верховной распорядительной комиссии»[80].

В качестве переводчика к Мерсье был определен студент юридического факультета Парижского университета, бывший судебный следователь Ф. Мурашко. Однако эта агентура, как указывал Баранов в одном из последующих донесений Лорис-Меликову, себя не оправдала. «Мерсие, — писал он в докладе от 6 сентября, — в течение 4 месяцев, по два, по три раза в неделю, доставляет мне как отрывочные сведения, так и своды своих наблюдений, но никем не руководимый и не знающий ни русского языка, ни склада русской жизни, он разрабатывает материал, заключающий в себе весьма мало интересного с правительственной точки зрения»[81].

Таким образом, альянс III отделения и парижской префектуры не получил дальнейшего развития.

* *
*

По мнению Лорис-Меликова, для успешной борьбы с революционным движением необходимо было осуществить координацию действий жандармско-полицейских и судебных

Norde», неофициального органа Министерства иностранных дел: «Журналы подобно «Le Norde» совершенно бесполезны. Весьма немного нужно такта и денег, чтобы овладеть массой журналов, влияя на них, но не делая из них всем заведомо купленных органов» (там же, л. 14).

[80] ЦГАОР, ф. III отделения, Секретный архив, оп. 3, д. 711, л. 12.

[81] Там же, лл. 126—127. Руководствуясь тем, что «иностранная пресса по всему миру разнесла весть о полном упразднении III отделения» (там же, л. 127), Баранов предлагал ликвидировать агентуру при префектуре, создав вместо нее секретную агентуру, возглавляемую некиим Савченко, окончившим в свое время Петербургский университет и проживавшим в Женеве. Как писал Савченко в своем письме, по-видимому, полковнику Баранову, он желал стать агентом «по идейным соображениям». «...Я стану не только шпионом, но даже, в случае надобности, и палачом» (там же, л. 50).

органов, устранить непрерывные пререкания между Министерством юстиции и III отделением. Основой пререканий являлось все усиливающееся вторжение жандармских властей в область юриспруденции, что находилось, естественно, в полном противоречии с судебными уставами 1864 года. Начало этому положил закон 19 мая 1871 года. Ведение дознаний по политическим делам он передавал жандармским властям, однако в дознаниях должны были принимать участие представители прокурорского надзора.

По мере роста революционного движения жандармские органы все более и более вытесняли судебные власти. Значительным шагом в этой области явились «высочайше утвержденные временные правила 1 сентября 1878 года».

Эти правила, как указывалось уже выше, предоставляли право чинам корпуса жандармов, а при их отсутствии полицмейстерам и уездным исправникам, арестовывать «лиц, подозреваемых в совершении государственных преступлений или прикосновении к ним, а равно участии в противозаконных сообществах»[82]. Аресты производились без всякого участия судебных органов, включая и лиц прокурорского надзора. К тому же жандармские власти истолковывали закон весьма расширительно, что, естественно, вызывало еще бо́льшие нарекания со стороны судебных органов. Вскоре после образования Верховной распорядительной комиссии Лорис-Меликов поручил Каханову ознакомиться с существом происходившей распри и высказать по этому поводу свое мнение.

В записке, представленной Кахановым 23 марта, подробно излагается положение дел на местах и определяется его отношение к данному вопросу. Он отмечал, что переданное ему дело (содержавшее переписку Министерства юстиции и III отделения по поводу применения закона 1 сентября 1878 года) «представляется в высшей степени поучительным, как заключающее в себе наглядное доказательство существующей розни между ведомствами, которые должны в деле пресечения беспорядков преследовать одну и ту же цель. Рознь эта, — продолжал он, — бесспорно одна из важнейших причин частой непоследовательности принимаемых мер, неправильного применения законов и неуспеха правительственных усилий, а следовательно, отчасти и того затруднительного положения, в котором мы находимся ныне»[83]. В споре Министерства юстиции с III отделением Каханов

[82] ЦГАОР, ф. Лорис-Меликова, д. 60, л. 3.
[83] Там же, д. 44, л. 2.

принимал сторону последнего, хотя вместе с тем и не отрицал фактов неправильного применения закона 1 сентября 1878 года жандармскими органами. Основной причиной подобного положения автор записки считает судебную реформу. «Судебная реформа, — писал Каханов, — опередив своими началами существующие в России порядки и общий уровень развития, создала независимый суд и изменила значение прокуратуры... Новое значение чинов судебного ведомства поставило их вне обычного в России положения служащих. По сему и вследствие естественной реакции прежнему подчинению, судебные чины поняли свое назначение в смысле призвания на реформаторскую деятельность и примкнули сразу не к правительственным рядам, а, если можно так выразиться, к оппозиции, — к недовольным. Прокуратура не отделилась от них, а, за малыми исключениями, ревностно задалась главной целью оградить суд от влияния административных ведомств»[84].

Все это, по мнению Каханова, усугублялось тем, что Министерство юстиции всячески стремится предотвратить вмешательство администрации в деятельность судебных органов. К тому же в назначениях по судебному ведомству, по его мнению, отсутствовала какая-либо система, вследствие чего на должность прокуроров определялись люди, не имеющие для этого данных. «...Не случайно же, — резюмирует он, — прокуратура постоянно усиливает ряды противоправительственных адвокатов». В заключение Каханов указывал, что хотя применение закона 1 сентября 1878 года необходимо ограничить, однако отменить его можно лишь тогда, когда «Министерство юстиции поймет, наконец, свое призвание и сумеет ему удовлетворять»[85].

Лорис-Меликов разделял целиком точку зрения Каханова. Доказательством этому являются, во-первых, многочисленные всеподданнейшие доклады его, в которых он ставил вопрос о недостаточном содействии судебным ведомством делу «борьбы с крамолой».

Записку Каханова Лорис-Меликов передал для ознакомления наследнику престола. Последний писал ему 2 апреля: «Весьма дельно и, к сожалению, справедливо. Желательно было бы показать эту записку государю, чтобы он убедился, до чего ненормально и неправильно направление Министерства юстиции»[86].

---

[84] ЦГАОР, ф. Лорис-Меликова, д. 44, л. 3.
[85] Там же, лл. 5—6.
[86] «Красный архив», 1925, кн. 1(8), стр. 106.

Однако вопрос этот разрешить Лорис-Меликову не удалось. Выступить против судебных уставов, особенно в период кризиса самодержавия, не мог даже такой всесильный диктатор, как главный начальник Верховной распорядительной комиссии. Судебные учреждения, созданные по реформе 1864 года, действительно находились в противоречии с общей системой государственной власти, сохранившей в основном феодальный характер.

Ведомственные пререкания жандармских органов с Министерством юстиции отражали противоречивость самой политической надстройки. В различных областях ее шаг по пути буржуазных преобразований был далеко не одинаков.

* *
*

Рассмотрим второй вопрос — состояние производства дел по «государственным преступлениям». По данным III отделения и Министерства юстиции, по всей империи находилось в производстве на 1 марта 1087 дел [87]. Примерно половина их относилась к лицам, обвиненным по ст. 246 и ст. 248 Уложения о наказаниях («произнесение дерзких слов» в адрес царя и лиц императорской фамилии) [88]. Из этой категории дел лишь немногие, по мнению члена Верховной распорядительной комиссии Маркова, можно было отнести к делам политическим, так как часть их была связана либо просто с оговором, либо с пребыванием в нетрезвом состоянии [89].

---

[87] В III отделении на 1 марта находилось 120 дел; в жандармских управлениях и жандармско-полицейских управлениях железных дорог — 409; по ведомству Министерства юстиции (без Прибалтики, Кавказа и Сибири) — 668. Как указывалось в отзыве министра юстиции, сведения эти «могут быть признаны лишь приблизительно верными». ЦГАОР, ф. Верховной распорядительной комиссии, д. 340, л. 9.

[88] Из 668 дел, находившихся в ведомстве Министерства юстиции, 451 относилось к этой группе (ЦГАОР, ф. Верховной распорядительной комиссии, д. 340, л. 9).

[89] Дела эти по установившейся с XVI в. традиции классифицировались как «государственные преступления». Член Верховной распорядительной комиссии сенатор Марков приводит интересные сравнительные данные о составе лиц, совершивших политические преступления, и лицах, обвинявшихся по ст. ст. 246 и 248 Уложения о наказаниях. Так, в числе первых неграмотных было 5%, в числе вторых — 48%; обучавшихся в высших и средних учебных заведениях в первом случае — 88%, во втором — 9% (ЦГАОР, ф. Лорис-Меликова, д. 71, л. 8). Эти данные говорят о том, что лица, привлекавшиеся по обвинению в «произнесении дерзких слов», далеко не всегда принадлежали к категории революционеров.

По-видимому, руководствуясь этим, Лорис-Меликов и указывал в своем докладе Александру II от 26 июля, что число дел по государственным преступлениям в феврале 1880 года составляло около 500 [90].

Однако такое суждение нельзя считать правильным. Эта категория дел хотя и не свидетельствовала о принадлежности привлекавшихся лиц к революционной борьбе, но бесспорно характеризовала отношение народных масс к существующему строю.

За период деятельности Верховной распорядительной комиссии число находившихся в производстве дел по политическим преступлениям значительно сократилось. Как указывалось выше, при канцелярии Комиссии было создано возглавлявшееся Кахановым Особое судебно-политическое отделение, на рассмотрении которого за время с 18 марта по 21 июля находилось 482 дела. При этом рассмотрено из них было 453 [91]. По данным III отделения, на 1 июля в нем не оставалось ни одного не рассмотренного дела. Лорис-Меликов в всеподданнейшем докладе от 26 июля указывал, что число нерассмотренных дел по государственным преступлениям в империи составляет всего лишь 65 [92]. Однако в действительности число их было значительно больше. Так, по данным того же III отделения, в губернских жандармских управлениях и в жандармско-полицейских управлениях железных дорог, не считая дел по ст.ст. 246 и 248, находилось в производстве к 20 июля 277 дел, а в Министерстве юстиции к 8 августа — 36 [93]. Следовательно, если в высших учреждениях — Верховной распорядительной комиссии и III отделении — число находившихся в производстве дел значительно уменьшилось, то в местных жандармских управлениях оно оставалось почти стабильным [94].

* *
*

Обратимся к третьему вопросу — к мероприятиям в области пересмотра системы административной ссылки и полицейского надзора.

---

[90] ЦГАОР, ф. Лорис-Меликова, д. 64, л. 4.
[91] Там же, д. 340, л. 1.
[92] Там же, д. 64, л. 4.
[93] ЦГАОР, ф. Верховной распорядительной комиссии, д. 340, лл. 8, 11.
[94] Необходимо при этом отметить некоторый рост дел по ст. ст. 246 и 248. Так, к 20 июля по всей империи число их составляло 837 (там же, л. 6).

Административные ссылки производились на основании четырех законоположений. Первое из них относилось еще к 5 декабря 1855 года. По этому закону, изданному по докладу министра внутренних дел, генерал-губернаторам предоставлялось право высылки «порочных людей» из губернии. Однако генерал-губернаторы обязаны были предварительно сообщать об этом министру внутренних дел «с подробным изложением побудительных к тому причин и тех мер взыскания, которым предназначенные к высылке лица были уже подвергаемы» [95]. Окончательно же вопрос об административной высылке решался министром внутренних дел совместно с III отделением.

В 1870 году, в связи со стачкой на Невской бумагопрядильне, действие этого закона было расширено. По докладу министра внутренних дел Александр II предоставил губернаторам право «при первом известии о стачке рабочих на каком-либо заводе или фабрике, не допуская дела до судебного разбирательства, немедленно, по обнаружении главных зачинщиков между фабричными, высылать таковых в одну из назначенных для того губерний» [96]. 30 сентября 1871 года право высылки стачечников было распространено на все виды стачек [97].

Вторым правительственным актом, по которому производилась административная высылка, являлся закон 19 мая 1871 года, изменявший порядок следствия по делам политическим. Закон этот предоставлял право министру юстиции совместно с шефом жандармов в случае отсутствия необходимых улик испрашивать «высочайшее разрешение на прекращение производства или на разрешение оного в порядке

[95] ЦГАОР, ф. Лорис-Меликова, д. 60, л. 2.

[96] Циркуляр министра внутренних дел от 6 июня 1870 г. Цитируется по докладу сенатора Ковалевского главному начальнику Верховной распорядительной комиссии от 22 июля 1880 г. ЦГАОР, ф. Лорис-Меликова, д. 60, л. 2.

[97] Поводом для этого явились стачки извозчиков в Одессе. Вскоре министр внутренних дел в циркуляре от 15 декабря 1871 г. разъяснил, что под словом «стачка» «разумеется не только беспорядок, выражающийся со стороны фабричных или заводских рабочих прекращением занятий по предварительному между ними уговору с целью добиться от хозяев возвышения заработной платы вопреки состоявшемуся письменному или словесному условию, но и всякое соглашение промышленников против потребителей в форме прекращения промысла или возвышения цен на продукты, преимущественно первой необходимости» (ЦГАОР, ф. Лорис-Меликова, д. 60, л. 3). При этом министр вменял губернаторам в обязанность направлять «зачинщиков стачек в административную ссылку в самых крайних случаях и лишь тогда, когда все предварительные меры, направленные к предупреждению зла, не будут иметь успеха» (там же).

административном»[98], т. е. на разрешение ссылки в административном порядке. Третьим законоположением в этой области явились временные правила 1 сентября 1878 года, упоминавшиеся нами уже выше. По этим правилам политически неблагонадежных разрешалось ссылать в административном порядке по соглашению шефа жандармов с министром внутренних дел.

Наконец, последним был указ 5 апреля 1879 года о создании временных генерал-губернаторств. Этот указ предоставлял право высылать в административном порядке лиц, «пребывание которых в тех местах... признавалось вредным»[99]. Таким образом, основанием для этого могли служить лишь умозаключения администрации.

Число административных ссыльных, по данным доклада члена Верховной распорядительной комиссии сенатора Ковалевского, составляло примерно 1200 человек: до 230 человек в Сибири (включая и сосланных по суду) и около 1000 административных ссыльных в различных губерниях Европейской России. Из них временными генерал-губернаторами на основании указа 5 апреля 1879 года было выслано 575 человек, в том числе в Сибирь — 130. Наконец, за время с 1 апреля до середины июля 1880 года было подвергнуто административной ссылке 53 человека, в том числе в Сибирь — 16[100].

Число лиц, находившихся под надзором полиции по политическим делам, по данным журнала заседаний Верховной распорядительной комиссии, составляло по всей России 6790 человек[101]. Однако достоверность этой цифры вызывала сомнение даже у членов Верховной распорядительной комиссии[102]. Если учесть, что в одной и той же губернии у губернатора и у начальника губернского жандармского управ-

---

[98] ЦГАОР, ф. Лорис-Меликова, д. 60, л. 3.

[99] Там же.

[100] ЦГАОР, ф. Лорис-Меликова, д. 60, лл. 6, 8, 27 и 30. Доклад сенатора Ковалевского от 22 июля 1880 г. В действительности же число политических ссыльных было значительно больше. См. ниже, стр. 296.

[101] «Русский архив», 1915, кн. 12. Журнал заседания 24 марта 1880 г. Общее количество поднадзорных, включая уголовных, составляло 31 152 человека.

[102] Там же. Говоря об этих данных, министр внутренних дел Маков в секретном циркуляре губернаторам от 8 апреля 1880 г. также отмечал, что они «вероятно по поверке окажутся неполными» (ЦГИАЛ, ф. Департамента общих дел, оп. 238, д. 61, л. 37).

ления данные о числе поднадзорных были различны, то не удивительно, что цифра эта могла вызывать сомнение[103]. 3 апреля Лорис-Меликов представил Александру II всеподданнейший доклад, в котором излагались меры, долженствующие упорядочить положение в отношении административно-ссыльных и поднадзорных. «Наблюдение за массой политически неблагонадежных лиц, преимущественно сосредоточенных в северных и северо-восточных губерниях империи, оказывается невозможным и невыполнимым по недостатку личного состава полиции в губерниях и неудовлетворительному ее качеству. Отсутствие действительного надзора, — отмечал он, — способствует побегам и укрывательству от наблюдения правительственной власти, постоянно же увеличивающееся число таких лиц, без соразмерного усиления личных и материальных средств полиции и улучшения внутреннего ее достоинства, угрожает в будущем такими последствиями, которые могут придать вопросу о положении политических поднадзорных даже государственное значение». Далее Лорис-Меликов указывал, что среди поднадзорных имеется немало учащейся молодежи. Он отмечал также, что среди поднадзорных есть лица, которые «сознали уже свои заблуждения и последующим поведением не только не вызвали отягчения их участи, но... заслужили одобрительной аттестации наблюдающего начальства»[104]. В связи со всем этим он считал возможным пересмотреть состав поднадзорных на основе представления местного начальства. Эти предложения были одобрены Александром II.

Изучение вопроса о состоянии административной ссылки и системы полицейского надзора было поручено Лорис-Меликовым сенатору Ковалевскому. Во второй половине июля Ковалевский представил начальнику Верховной распоряди-

---

[103] См. отношение черниговского губернатора министру внутренних дел Лорис-Меликову. ЦГИАЛ, ф. Канцелярии министра внутренних дел, оп. 1, д. 647, л. 126. По-видимому, ни в Министерстве внутренних дел, ни в III отделении не было точных данных о числе поднадзорных. В том же докладе Ковалевского имеется указание, что в 1875 г. число политически неблагонадежных в 27 губерниях Европейской России, не считая сосланных за польское движение, составляло лишь 260 человек (ЦГАОР, ф. Лорис-Меликова, д. 60, л. 4). Неполнота этой цифры становится особенно ясной, если учесть, что в 1874 г. значительное число лиц было привлечено к ответственности за политическую пропаганду и большинство их находилось под надзором. Все это свидетельствовало о слабости государственного аппарата, неспособности его бороться с революционным движением, в особенности в условиях нарастания революционного кризиса.

[104] ЦГИАЛ, ф. Канцелярии министра внутренних дел, оп. 1, д. 640, лл. 222 — 223.

тельной комиссии специальный доклад по этому поводу. Он полагал необходимым ограничить права местной администрации в вопросе политической ссылки. «Опыт последних лет ясно показывает, — писал он, — что если административная ссылка возможна, как мера государственная, то лишь в точно определенных границах и притом в случае крайней необходимости, и исполнить эту программу без уклонений и увлечений может только такая коллегия, в которой кроме тех, от которых зависит возбуждение вопросов о высылке, присутствовали бы и другие лица»[105]. С этой целью он рекомендовал учредить при Верховной распорядительной комиссии особое присутствие в составе начальника ее, министров внутренних дел и юстиции (или их товарищей), двух членов Государственного совета и двух сенаторов. Однако мера эта не могла быть реализована, так как Верховная распорядительная комиссия вскоре была упразднена.

Надо сказать, что в административную ссылку нередко отправляли людей без всякого на то основания и на этот счет в самом Петербурге существовала полнейшая неразбериха. Как сообщал Баранов в своем рапорте Лорис-Меликову относительно лиц, подлежащих высылке из столицы, вина их далеко не всегда была определена. «При этом, — писал Баранов, — мнение III отделения настолько разнится, в большинстве случаев, от мнения с.-петербургского градоначальника, что, например, лица, которые, по мнению ген. Зурова, должны быть сосланы в Восточную Сибирь, те же лица, по мнению управляющего III отделением, должны быть оставлены в Петербурге на свободе и даже без учреждения за ними полицейского надзора»[106].

Вскоре после создания Верховной распорядительной комиссии с.-петербургский градоначальник представил Лорис-Меликову списки 113 лиц, подлежащих удалению из столицы. Из этого числа 5 человек, в том числе известный публицист Н. Ф. Анненский и демократически настроенный прогрессивный книгоиздатель Ф. Ф. Павленков, были сосланы в Сибирь, 30 человек высланы из столицы, а в отношении остальных было предложено «ничего не предпринимать»[107].

---

[105] ЦГАОР, ф. Лорис-Меликова, д. 60, лл. 14 — 15.

[106] ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1880 г., оп. 165, д. 327, ч. 1, л. 19.

[107] ЦГИАЛ, ф. Канцелярии министра внутренних дел, оп. 1, д. 640, лл. 134 — 139. Высылка Анненского и Павленкова была произведена без формальных к тому оснований. Тот же Баранов сообщал об этом Лорис-

Лорис-Меликов выступал решительным противником репрессий по отношению лиц, чья вина была недостаточно выяснена. Так, в своем предложении петербургскому градоначальнику от 2 апреля 1880 года он писал: «Из поступающих ко мне дознаний по делам о государственных преступлениях мною усматривается постоянно, что как полиция, так и лица, производящие дознания, приступали часто к обыскам у заподозренных в политической неблагонадежности или без достаточных к тому или оснований, или несвоевременно и потому обыски эти не только часто ничего не обнаруживали, но иногда подают даже повод предполагать, что повели к сокрытию следов преступности заподозренных лиц, преждевременным возбуждением осторожности в их соучастниках. Между тем такое существенное действие разыскивающей власти, каковым представляется обыск, всегда тяжело влияющий на обыскиваемого и окружающих его лиц, должно быть предпринимаемо не иначе как по вполне уважительным поводам и только тогда, когда предварительный розыск привел к совершенному убеждению в необходимости оного»[108].

Анализируя меры, принимавшиеся Верховной распорядительной комиссией в области непосредственной борьбы с революционным движением (координация действий жандармских, полицейских и судебных органов, организация более быстрого рассмотрения дел по государственным преступлениям, пересмотр вопросов об административной ссылке и полицейском надзоре, прекращение необоснованных арестов и обысков), мы видим, что все они были направлены к одной цели — к созданию более эффективной системы репрессий. Однако это бесспорно вместе с тем содействовало ослаблению системы полицейского террора.

В период деятельности Верховной распорядительной комиссии казни не прекратились. Были казнены Млодецкий, покушавшийся на Лорис-Меликова, студент Киевского университета И. И. Розовский, обвинявшийся в хранении и распространении прокламаций, унтер-офицер М. П. Лозинский

Меликову: «Весьма может быть Анненский и Павленков не безучастны в прямом или косвенном содействии антиправительственному движению, но участие это полицейским дознанием не доказано и оба названные лица горячо его отвергают» (ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1880 г., оп. 165, д. 327, ч. 1, л. 31). Далее Баранов ходатайствовал о смягчении им участи и ссылке вместо Сибири в «места не столь отдаленные». Однако ходатайство это увенчалось не очень большим успехом — вместо Восточной Сибири они были направлены в Западную.

[108] ЦГИАЛ, ф. Канцелярии министра внутренних дел, оп. 1, д. 640, л. 225.

за распространение прокламаций и оказание вооруженного сопротивления при аресте[109] и, наконец, члены Исполнительного комитета «Народной воли» А. А. Квятковский и А. К. Пресняков. Роль Лорис-Меликова в последнем деле видна из его шифрованной телеграммы Черевину в Ливадию по поводу смертного приговора, вынесенного по процессу «16-ти». В этой телеграмме, датированной 31 октября, он писал: «Прошу доложить его величеству, что исполнение в столице приговора одновременно над всеми осужденными произвело бы крайне тягостное впечатление среди господствующего в огромном большинстве общества благоприятного политического настроения»[110]. Он рекомендовал ограничиться казнью Квятковского и Преснякова и сообщал, что в обществе ожидается замена смертной казни всем осужденным. При этом приводилось мнение директора Департамента государственной полиции бар. Велио, полагавшего, что эта мера будет иметь «благоприятные последствия». «Не могу скрыть, — писал он, — что заявления эти ставят меня в затруднение высказаться с надлежащей определенностью. Как человек и как государственный деятель я готов был бы присоединиться к мнению большинства, основательно ожидающего смягчения участи осужденных, тем более что это соответствовало бы обнаруживающимся признакам общественного успокоения и в политическом отношении, но, с другой стороны, не могу не принимать в соображение неизбежных нареканий за смягчение приговора, хотя бы они исходили от незначительного меньшинства. Затруднения мои усугубляются тем соображением, что в случае какого-либо нового преступного проявления, будет ли совершена ныне казнь или нет, нарекания за него неминуемо падут на меня, хотя решительное предотвращение или устранение его возможности вне моих сил»[111].

---

[109] Как рассказывает в своих воспоминаниях начальник киевского губернского жандармского управления Новицкий, смертный приговор Розовскому и Лозинскому был конфирмирован и. д. киевского генерал-губернатора ген. Ванновским, а Лорис-Меликов вызывал его, Новицкого, в Петербург для выяснения причин, вызвавших такую строгую меру наказания. При этом Новицкий утверждает, что и тот и другой вооруженного сопротивления не оказывали (В. Д. Новицкий. Из воспоминаний жандарма. М., 1929, стр. 178).

[110] ЦГАОР, ф. Лорис-Меликова, д. 286, л. 1 (копия телеграммы).

[111] Там же, л. 3. Впоследствии он считал эту казнь ошибкой. Так, на указанной копии телеграммы его рукою сделана следующая приписка: «Правительство бывает иногда поставлено в необходимость прибегать к смертной казни, но в данном случае оно, по мнению моему, совершило ошибку. Преступления Квятковского и Преснякова были совершены задол-

Таким образом, ответственность за казнь Квятковского и Преснякова лежит целиком на Лорис-Меликове.

* *
*

Если основной задачей Верховной распорядительной комиссии являлась борьба с революционным движением, то главный начальник видел свое назначение не только в этом. Другая сторона его деятельности, как уже говорилось выше, заключалась «в изыскании средств врачевания причин, породивших крамолу и поддерживающих ее». Это обусловилось не столько субъективными особенностями Лорис-Меликова, сколько сложившейся обстановкой, породившей невозможность управлять по-старому. Лорис-Меликов, стоявший по своему уровню значительно выше Макова, Дрентельна, гр. Толстого и ряда своих коллег, политический кругозор которых был не намного выше уровня околоточного надзирателя, понимал это. Отсюда его апелляция к обществу, а также различные проекты реформ, долженствующие, по его мнению, «выбить почву революционного движения».

5 марта Лорис-Меликов проводит совещание с представителями с.-петербургского городского самоуправления, на котором присутствовали городской голова бар. Корф и четверо гласных (Митьков, Лихачев, Глазунов и Кавос). Помимо главного начальника на совещании находился и член Верховной распорядительной комиссии Каханов. Лорис-Меликов обратился к представителям городского самоуправления с просьбой изложить «с полной откровенностью» их мнение о причинах, вызвавших ряд террористических актов, ставивших своей задачей «поколебать государственный порядок и общественное спокойствие», а также наметить меры, которые будут способствовать прекращению их. «Отзывы городского головы и гласных, — указывалось в журнале заседания, — касались, с одной стороны, общих желательных, по их мнению, мер к ослаблению восприимчивости различных общественных элементов по отношению крайних революционных учений, а с другой — тех вопросов, кои относятся до ограждения порядка в столице» [112]. Не останавливаясь

го до казни, а потому наказание это, нисколько не удовлетворив пожеланиям масс, лишь обозлило только и ожесточило террористов. Желябов в показаниях своих не скрывал этого чувства» (там же).

[112] «Русский архив», 1915, кн. 12, стр. 226.

на первой группе вопросов, Лорис-Меликов обратил внимание совещания на обсуждение мер, «могущих обеспечить спокойствие» в Петербурге.

Высказанные по этому поводу мнения сводились к шести пунктам. Первые три касались административно-полицейских вопросов: необходимости объединения деятельности полицейских органов, более быстрого рассмотрения дел по обвинениям в «государственных преступлениях», а также «более осторожного, чем ныне, отношения власти к предварительным арестам и высылке и к степени виновности или прикосновенности к преступным действиям, особенно учащейся молодежи» [113]. Два последующие — мерам, относящимся к улучшению положения населения. Так, здесь, во-первых, ставился вопрос об «изменении часов торговли продовольствием в интересах низшего класса» и, во-вторых, об оказании помощи нуждающейся учащейся молодежи в приискании заработков и найме квартир. Наконец, в последнем говорилось о дворниках. По мнению присутствовавших, организация силами дворников полицейского наблюдения в столице не дает каких-либо реальных результатов с точки зрения борьбы с революционным движением, а вместе с тем содержание их обходится очень дорого. В заключение совещания Лорис-Меликов заявил, что ряд мер уже намечен Верховной распорядительной комиссией, и попросил представить ему данные о сумме расходов на содержание дворников.

Как мы видим, это совещание с представителями городской общественности свелось к ознакомлению их с задачами Верховной распорядительной комиссии в области непосредственной борьбы с революционным движением и, так же как и обращение к жителям Петербурга, никаких реальных результатов не дало.

Стремление Лорис-Меликова приобрести популярность, завоевать симпатию, в частности среди молодежи, заставляет его предпринять и другие шаги — заняться своеобразной благотворительной деятельностью. Вскоре после своего назначения на должность главного начальника Верховной распорядительной комиссии, в первой половине апреля, он «пожаловал» 2500 руб. на оплату права слушания лекций 100 студентам Петербургского университета. В связи с этим инспектор студентов университета представил в этом

[113] «Русский архив», 1915, кн. 12, стр. 226.

же месяце списки 70 студентов, нуждавшихся в оплате за их обучение [114].

Эти меры носили явно демагогический характер и ставили своей задачей приобретение личной популярности [115].

Понимание необходимости привлечь к борьбе с «крамолой» «благонамеренную» часть общества было присуще не только Лорис-Меликову, но и другим членам Верховной распорядительной комиссии. В этом отношении представляет интерес записка ген. Батьянова. Первая часть ее посвящена борьбе с революционным движением в столице и участию в ней представителей общественности. «Усилия одной администрации, — писал он, — оказались бессильными, чтобы водворить безопасность в столице и очистить ее от злокачественных элементов; необходимо поэтому привлечь к этому делу, через посредство городского самоуправления, самих домовладельцев, надзор которых за проживающими в их домах может оказать весьма существенную пользу, так как они ближе всего стоят к делу. Надзор этот мог бы быть организован на основаниях круговой поруки, т. е. с ответственностью не только за себя, но и за соседа, чем и будет обеспечен не формальный только, не фиктивный, а действительный надзор, ибо домовладельцы будут контролировать бдительность друг друга».

Руководствуясь тем, что полиция «не пользуется симпатиями общества», Батьянов предлагал создать институт выборных органами городского самоуправления участковых попечителей, которые будут пользоваться доверием домовладельцев. «Выборные от города участковые попечители, — писал Батьянов, — объясняли бы домовладельцам значение круговой поруки, они же следили бы за исполнением обязательств, с этим делом связанных; наконец, им же были бы доставляемы домовладельцами те сведения, которые домовладелец не пожелает сообщить непосредственно полиции» [116]. Таким образом, участковый попечитель должен был представлять собой нечто вроде обер-шпиона.

Тут же Батьянов касался и вопроса организации адми-

---

[114] ЦГАОР, ф. Верховной распорядительной комиссии, д. 343, л. 55. На оплату за слушание лекций остальным 30 студентам деньги были выданы уже после ликвидации Комиссии из Министерства внутренних дел 13 сентября (там же, л. 159).

[115] Если бы эти меры ставили своей задачей «умиротворение» студенчества, то Лорис-Меликову было бы достаточно дать указание министру народного просвещения освободить от взимания платы за обучение часть нуждающихся студентов.

[116] ЦГАОР, ф. Лорис-Меликова, д. 84, лл. 1 — 2.

нистративной ссылки «в значительных размерах», рекомендуя для этого остров Сахалин.

Во второй части записки автор говорит о необходимости проведения ряда преобразований, ставящих своей задачей «упрочение потрясенного государственного порядка». Однако, по мнению Батьянова, это могло иметь успех лишь в том случае, «если при обсуждении их (проектов преобразований. — *П. З.*) будут спрошены и выслушаны люди, непосредственно стоящие у дела, практически с ним знакомые». По мнению автора записки, Лорис-Меликов применял уже с успехом «опыт подобной экспертизы», имея, по-видимому, в виду совещание с представителями столичной городской общественности. Батьянов считал, что Верховная распорядительная комиссия должна широко пользоваться этим методом.

Полагая, что в настоящее время наиболее важным вопросом, требующим разрешения, является дело общественного воспитания, Батьянов рекомендовал «вызывать из университетских центров, из среды земства и прочих лиц, наиболее выдающихся по своей солидности и благонадежности. Профессора, земские деятели, именитые граждане — они же отцы — могли бы дать комиссии массу полезных практических указаний по делу о воспитании юношества» [117].

Эти меры, по его мнению, помимо непосредственной пользы делу имели бы и другой результат — обеспечить Верховной распорядительной комиссии полное доверие общества.

Записка Батьянова не дала каких-либо практических результатов, однако она, так же как и мероприятия Лорис-Меликова, характеризовала стремление правительства расширить социальную базу, привлечь на свою сторону определенные круги буржуазных элементов, что также являлось выражением кризиса правительственной политики.

* *
*

Кризис самодержавия привел к определенной консолидации сил правительственного лагеря: и либеральные бюрократы и реакционеры возлагали большие надежды на Верховную распорядительную комиссию и ее главного начальника — Лорис-Меликова. Если в 1879 году правительст-

[117] ЦГАОР, ф. Лорис-Меликова, д. 84, л. 3.

венная политика характеризовалась всемерным усилением реакции, то в 1880 году не только первые, но и вторые начинают понимать «невозможность управлять по-старому», а, следовательно, необходимость определенных уступок.

С другой стороны, террористические действия народовольцев вызывали и у тех и у других стремление к решительному искоренению «крамолы».

В силу этого с различными проектами реформ выступают представители обеих группировок. Советниками Лорис-Меликова становятся не только либеральные бюрократы типа Каханова, но и различного рода реакционеры, такие, как генералы Фадеев и Богданович. Ген.-майор Р. А. Фадеев, как указывалось выше, был даже прикомандирован к Верховной распорядительной комиссии, выполняя при Лорис-Меликове роль своеобразного «ученого консультанта». Отставной ген.-майор Е. М. Богданович, человек весьма сомнительной репутации, авантюрист и жулик, состоявший в течение долгих лет при Министерстве внутренних дел в качестве бесплатного консультанта, также используется Лорис-Меликовым [118].

Обращение Лорис-Меликова за содействием «к благонамеренной части общества» вызвало целый поток различных проектов «спасения России». Подавляющее большинство из них принадлежит перу разнообразных реакционеров: мелкого пошиба чиновников, помещиков, полицейских деятелей и т. д. Среди проектов немалая часть анонимных либо подписанных вымышленными фамилиями вроде «Петра Патриотова». Между ними проект и устав «общества внутренней охраны», представляющего собой организацию «доброхотных шпионов», проект «особой организации сыскной части», проект «всесословной фотографической паспортной системы» титулярного советника Ангелова и т. д. [119].

Необходимо сказать, что все эти проекты, за небольшим

---

[118] Позднее, уже будучи министром внутренних дел, Лорис-Меликов во всеподданнейшем докладе Александру II ходатайствовал об установлении Богдановичу жалованья в размере 4 тыс. руб. в год, «предполагая и впредь возлагать на г.-м. Богдановича исполнение некоторых особых поручений» (ЦГИАЛ, ф. Департамента общих дел, оп. 241, д. 82, л. 105).

[119] Один из авторов проектов «спасения России», некий «ученый управитель» Ржанов из Самары, в избытке верноподданнических чувств прислал Лорис-Меликову помимо своего проекта стихотворение, лишенное каких бы то ни было «художественных» достоинств.

«Вознесем мысль горе, ко храму вкупе припадая,
За родину свою молясь и за царя не уставая:
Да процветает Русь и не погаснет счастия заря
О единении всех братиев вкруг батюшки-царя».

(ЦГИАЛ, ф. Канцелярии министра внутренних дел, оп. 1, д. 645, л. 88.)

исключением, ставили вопрос о необходимости реформ, полагая, что одними полицейскими мерами нельзя «умиротворить страну».

Не ставя задачей анализ всех проектов, направленных на «истребление крамолы», остановимся только на некоторых наиболее интересных. 7 апреля Лорис-Меликову представил записку его ближайший советник ген. Р. А. Фадеев. В прошлом один из издателей реакционной газеты «Русский мир», правая рука фельдмаршала кн. А. И. Барятинского, Фадеев в начале 70-х годов вел активную борьбу против преобразований русской армии [120].

Надо сказать, что Фадеев не обнаруживал глубокого понимания причин роста революционного движения. Так, по этому поводу он писал: «...не подлежит сомнению, что современная русская болезнь, как бы ни были остры и чудовищны некоторые из ее наружных признаков, проистекает исключительно от недоразумений и рассеется сама собой, как скоро накопившиеся недоразумения выяснятся». По его мнению, само существование революционной партии основано на недоразумении, так как «подростки, составляющие ее реальную силу, просто обмануты». На том же недоразумении основано и недовольство большинства образованных слоев населения, так как оно «желает не более как самоустройства в наших домашних делах, не касаясь исконных прав власти» [121]. (В последнем Фадеев, пожалуй, был прав.)

Народные массы, по мнению Фадеева, «вполне благонадежны и ропщут лишь вследствие несовершенства налоговой системы, тяжело отражающейся на состоянии населения. В силу всего этого он полагал, что «наша болезнь несомненно мнимая, напускная» [122].

В другой своей записке, озаглавленной «Мысли без утайки о современном положении русских дел», также направленной Лорис-Меликову, примерно в то же время, Фадеев подчеркивал, что крамолу одними репрессиями уничтожить нельзя. «Высший предел успеха принятых чрезвычайных мер, — писал он, — может состоять в том лишь, чтобы вынудить русскую крамолу к временному краткосрочному затишью, пока она снова соберется с силами».

Переходя к изложению своей позитивной программы, Фадеев указывал, что главным врагом является бюрокра-

---

[120] Об этом см. П. А. Зайончковский. Военные реформы 1860 — 1870 гг. в России. Изд-во МГУ, 1952, стр. 290.

[121] ЦГАОР, ф. Лорис-Меликова, д. 58, л. 8.

[122] Там же, л. 9.

тизм, борьба с которым должна быть первоочередной задачей. «Для возвращения нашему отечеству полного здоровья нужно многое, — писал он, — но для отвращения возможности внезапного перелома, для обеспечения необходимых преобразований, раз навсегда устраняющих опасность, нужно весьма малое — один первоначальный шаг, удостоверяющий русское мнение в решимости верховной власти покончить с обветшалой бюрократической опекой... Такое решение со всем дальнейшим его развитием не только не подорвет, но спасет русское самодержавие, возвращая ему подлинное его значение» [123].

По его мнению, в настоящее время нет надобности «даже в невинных земских соборах царя Алексея Михайловича» [124]. Фадеев полагал вполне достаточным на первый раз образовать губернские комитеты, по примеру существовавших в конце 50-х годов для разработки вопроса об отмене крепостного права. Программа деятельности этих комитетов излагается Фадеевым в двух его записках: рассматриваемой, а также другой, озаглавленной «Дополнительные заметки», представляющей собой дополнение к записке, написанной им еще до образования Верховной распорядительной комиссии, 4 января 1880 года.

В рассматриваемой нами записке эта программа, состоящая из пяти пунктов, излагается весьма лапидарно. Первый пункт ее заключается в разработке мер для борьбы с «крамолой» «совокупностью общественных сил». Второй пункт гласил: «Облегчение и устройство сельских поселений, обремененных ныне сверх сил» [125]. Пункт этот более подробно конкретизируется в «Дополнительных заметках». Фадеев считает нужным пересмотр существующей фискальной системы (подушная подать, паспортная система, налог на соль). Здесь же ставится вопрос о сословной волости, общине и круговой поруке.

Третий пункт говорил о необходимости согласования деятельности правительственных и земских учреждений, хотя бы в пределах губернии; четвертый — о пересмотре «на основании опыта» Положений земского, городового, а также системы судебных учреждений и народного образования.

Наконец, пятый пункт программы Фадеева имел в виду определить взаимоотношения земств как между собой, так и с правительственной властью. «Если современная опорная

[123] ЦГАОР, ф. Лорис-Меликова, д. 58, лл. 21 и 26.
[124] Там же, л. 26.
[125] Там же.

сила русского государства, — писал Фадеев в «Дополнительных заметках», — сможет заключаться только в земстве и не в чем ином, то земства, в ожидании их будущего объединения, должны быть поставлены теперь же в такое отношение к правительству, которое не мешало бы им развиваться в действительную опорную силу»[126]. Подробно рассмотреть этот вопрос должны были губернские комитеты. Мысль Фадеева выражена, на наш взгляд, недостаточно ясно, однако понятна главная ее суть: реформированное на реакционной основе земство должно занять важное место в системе правительственных учреждений.

Фадеев полагал, что до созыва губернских комитетов для разработки программы их занятий необходимо собрать представителей земства, либо председателей губернских земских управ, либо, наконец, специально выборных лиц[127].

По мнению Фадеева, развитие русской государственности должно проходить особым путем, присущим всем славянским народам. «В то время когда московский фабрикант и купец нижегородской ярмарки и почти всякий дельный земец, — писал он, — начинают более или менее сознавать наше естественное направление, люди правительственной среды пишут конституцию для освобожденной русской кровью Болгарии, которой, конечно, желают добра. И что они пишут? Вместо учреждений, вырастающих без посева на всякой славянской почве — владыки или князя и краткосрочной скупщины каждого по своей части, русское правительство дает Болгарии ту самую конституцию, которую офранцуженные заговорщики 14 декабря 1825 года хотели навязать ему самому и от которой оно, к счастию, отделалось картечью»[128].

Таково в основном содержание записок Фадеева. Анализируя их, можно сделать ряд выводов. Во-первых, Фадеев понимает необходимость некоторых уступок, которые, по его мнению, должны содействовать «борьбе с крамолой». Отмена подушной подати, акциза на соль, пересмотр паспортной системы, решение вопросов об общине, круговой поруке, всесословной (по терминологии Фадеева — сословной) волости, организация крестьянских переселений — все эти требования (за исключением последнего, ставившего своей целью сохранение незыблемости помещичьего землевладения) были по своей природе объективно буржуазными, соответствовавшими интересам развития России. В этой части программа

[126] ЦГАОР, ф. Лорис-Меликова, д. 58, л. 6.
[127] Там же, л. 27.
[128] Там же, л. 28.

Фадеева, включая и заботу о незыблемости помещичьего землевладения, целиком совпадала с требованиями либеральной общественности и выражавших чаяния ее в правительстве — либеральных бюрократов. Развитие русской государственности рассматривается Фадеевым в реакционно-славянофильском духе. Планы же его в отношении реформ земства и городских органов общественного управления носят объективно буржуазный характер. Программа Фадеева довольно ясно указывает на тот процесс консолидации правительственного лагеря, который происходил в условиях сложившейся обстановки. Он характеризовался, с одной стороны, «полевением» реакционеров, а с другой — «поправением» в некоторых вопросах либеральных бюрократов.

Обратимся к записке ген. Е. М. Богдановича, датированной 9 марта 1880 года. Богданович говорит о том, что в течение 20 лет исполнял многочисленные поручения Министерства внутренних дел и что ему приходилось немало разъезжать по России. Это обстоятельство дало ему возможность изучить настроения различных слоев населения и судить о средствах к «подавлению крамолы» [129].

Переходя к вопросу о борьбе с революционным движением, он подчеркивает, что «всякие лжеучения, в какой бы форме они ни проявлялись, становятся опасными для общественного порядка только в том случае, если в среде самого общества достаточно подготовилась почва, благоприятствующая развитию вредной пропаганды». По его мнению, такая почва имеется; следовательно, необходимо создать условия, которые сделали бы дальнейшее распространение «лжеучений» невозможным.

«...Для достижения цели, — писал он, — недостаточно пресекать крамолу, в смысле казней и других частных наказаний государственных преступников; необходимо содействовать установлению таких условий жизни, которые могли бы предупреждать всякую возможность успешности лжеучений в России... Одним усилением местных полиций и органов политического надзора нельзя достигнуть цели».

Руководствуясь этим, Богданович считал необходимым наряду с репрессиями принять такие меры, которые подрывали бы почву у «крамолы». Наибольшую опасность он ви-

[129] Последнее путешествие по России Богданович предпринял в конце 1879 г. «для склонения епархиальных начальств к устройству местных церковных кафедр по образцу кафедры Исаакиевского собора», церковным старостой которого он состоял.

дит в деклассированном элементе и в приближающихся к нему различных группах рабочего люда. К ним он относит грузчиков на волжских пристанях, как он называет их — «зимогоров», представляющих собой «беспаспортных отщепенцев», с которыми он познакомился в Рыбинске. Причину появления этой категории людей Богданович усматривает в непомерно высоких поборах с крестьян, вследствие чего они принуждены тайком уходить из деревни, превращаясь тем самым в беспаспортных бродяг.

Подобные категории люмпен-пролетариата Богданович видит и в других городах. «В Москве, — пишет он, — знаменита своими бесчинствами «золотая рота», контингентом которой служат подонки всех слоев общества» [130]. Далее он говорит о полуворовских и просто воровских организациях типа «червонных валетов», существующих не только в Москве, но и в Киеве и в Одессе.

Ниже Богданович переходит к характеристике другой группы населения, представляющей, по его мнению, также опасность: «...ныне спокойное, физически развитое и почти поголовно грамотное заводское население Уральского края может, подобно «зимогорам», обратиться в страшную разрушительную силу, если правительство не примет мер к улучшению его положения». Далее он указывает, что вопрос о рабочем классе «представляется далеко не безопасным даже в Петербурге... Очевидно, нынешние условия жизни не могут удовлетворить эту массу, а потому она представляет почву, достаточно подготовленную для восприятия лжеучений, обещающих «реки медовые и берега кисельные». Резюмируя сказанное выше, он подчеркивал, что число недовольных в России весьма велико во всех ее губерниях, причем оно принадлежит преимущественно «к населению фабричному, заводскому, отхожему и беспаспортному» [131].

Далее Богданович излагает меры, которые, по его мнению, должны улучшить положение масс и тем самым создать преграду для распространения революционной пропаганды. Меры эти подразделяются им на семь пунктов.

В качестве первоочередной задачи он выдвигает амнистию беспаспортных, которая превратит категорию наиболее беспокойного населения в «оседлых работников».

Вторым пунктом программы Богдановича являлось принятие мер для «обеспечения уплаты за труд рабочих». Автор

[130] ЦГИАЛ, ф. Канцелярии министра внутренних дел, оп. 1, д. 646, лл. 5, 7, 17.

[131] Там же, лл. 22 — 24.

считал необходимым «устранить для аферистов возможность эксплуатировать и разорять трудящиеся классы, занимающиеся отхожими промыслами», обеспечить своевременность выдачи заработной платы чернорабочим, установить надзор городских управ «за отношениями между местными предпринимателями и нанимаемыми ими лицами» и, наконец, содействовать образованию рабочих артелей [132].

Третий и четвертый пункты касались развития местных промыслов и организации общественных работ — в целях обеспечения заработком неимущих слоев населения.

Пятый и шестой — говорили (если можно так выразиться, идеологические) о необходимости соответствующего воспитания общества и об организации духовных увещаний, т. е. религиозно-нравственных бесед.

Наконец, последний пункт был посвящен вопросу о расширении прав местной администрации. Автор полагал необходимым представить высшей администрации «право инициативы» в области вопросов, связанных с повышением благосостояния народа, а отсюда и с укреплением его политической благонадежности. К тому же, по его мнению, «местному представителю высшей администрации должно быть дано право в потребных случаях созывать для совещания, под своим председательством, предводителей дворянства, председателей земских управ и городских голов для обсуждения вопросов общественного хозяйства и для изыскания мер к отклонению народных бедствий...». Это, по его мнению, должно «поставить власть в живое общение с населением, вселить в него беззаветное доверие к правительству...» [133].

Мы видим, что автор записки, подобно Фадееву, понимает необходимость известных уступок для предотвращения дальнейшего развития революционной пропаганды. В отличие от Фадеева Богданович уделяет в своей записке основное внимание характеристике положения тех групп населения, которые, по его мнению, представляют наибольшую опасность для правительства. Надо сказать, что основную опасность в этом отношении он усматривает со стороны люмпен-пролетариата и наименее квалифицированных слоев рабочего класса. Последнее обнаруживается достаточно ясно при анализе той части программы, которая касается улучшения положения рабочих. Богданович почти не касает-

---

[132] ЦГИАЛ, ф. Канцелярии министра внутренних дел, оп. 1, д. 646, лл. 32 — 33.

[133] Там же, лл. 56 и 57.

ся положения крестьян, лишь косвенно задевая его там, где идет речь о «беспаспортных». Что касается общей программы реформ, то она вовсе отсутствует у Богдановича. Общим для обеих записок — Фадеева и Богдановича — является признание недостаточности одних репрессивных мер и необходимости известных реформ [134].

Перейдем к предложениям представителей либеральной бюрократии, начав с записки статс-секретаря Государственного совета, тайного советника Рембелинского, датированной 4 марта. Он указывал, что основная задача заключается в «исследовании причин зла», без чего все меры правительства не достигнут цели. Решение этого вопроса, по мнению Рембелинского, невозможно без участия печати. «Без содействия прессы, — писал он, — доступ к участию в коей открыт всякому, достигнуть этой цели нельзя. Большая свобода в суждениях оной может только расположить недовольных в пользу правительства. Высказанное неудовольствие всегда менее опасно, чем неудовольствие затаенное... В наше время, — продолжал Рембелинский, — печать приобрела громадную нравственную силу. Сдерживать ее проявления можно только путем благорасположенного влияния». Далее Рембелинский говорит, что помимо печати необходимо привлечь «для разъяснения причин распространившегося у нас фанатического лжеучения» земские и городские общественные учреждения. По мнению Рембелинского, необходимо большее развитие земского и городского самоуправления, а также привлечение «в той или иной форме общественных сил к совещательному участию в мероприятиях правительства...» [135].

Записка эта не содержит перечня конкретных мер, которые должны быть осуществлены, однако довольно радикально, естественно с позиций либеральной бюрократии, ставит вопрос о привлечении либеральной общественности к обсуждению необходимых преобразований.

[134] Только в одной записке, исключая различные полицейские проекты, не содержится требований каких-либо преобразований. Речь идет о записке посланника в Португалии, тайного советника Глинки. По его мнению, для успешной борьбы с «крамолой» необходимо изменение порядка судопроизводства по отношению к «государственным преступникам», усиление полиции путем привлечения общественных сил, более суровое заключение политических преступников (длительное одиночное заключение, непрерывные повторяющиеся допросы и разного рода лишения) (см. ЦГИАЛ, ф. Канцелярии министра внутренних дел, оп. 1, д. 642).

[135] ЦГИАЛ, ф. Канцелярии министра внутренних дел, оп. 1, д. 642, лл. 67 и 70.

Аналогичные мысли о необходимости предоставления свободы печати высказывает в своей записке и профессор Дерптского университета П. Висковатов.

Наиболее полно и подробно точка зрения либеральной бюрократии изложена в анонимной «Записке о более существенных причинах распространения революционной пропаганды в России и о мерах для прекращения ее». Авторство этой записки легко устанавливается анализом ее содержания и почерка. Принадлежит она А. В. Головнину, бывшему министру народного просвещения, близкому человеку вел. кн. Константина Николаевича.

Головнин тоже говорит о причинах, вызвавших рост революционного движения. К числу их он относит несовершенство государственного управления: «отсутствие в России на практике определенной общей правительственной системы государственного управления и вследствие сего недостаток единства и согласия в действиях отдельных правительственных ведомств» [136]. Главная же причина заключается в крестьянской реформе, не обеспечившей крестьян землей. Недостаточность наделов, несоответствие выкупных платежей стоимости земли, тяжесть налогов, в частности акциз на соль, — все это, по его словам, приводит к возникновению крестьянского пролетариата, т. е. разорению деревни. Одновременно с этим он говорит и о разорении помещиков, о возникновении «помещичьего пролетариата».

Причинами, способствующими росту революционного движения, Головнин считает и несовершенство системы образования, имея при этом в виду реформу средней школы начала 70-х годов, и, наконец, нравственное и материальное положение православной церкви, «особенно нашего белого духовенства».

Меры, необходимые для борьбы с революционной пропагандой, Головнин делит на полицейские и «органические». Первых он не касается, подчеркивая лишь необходимость объединения всех полицейских властей и подчинения их Верховной распорядительной комиссии (что к этому времени уже было осуществлено).

К числу «органических» мер Головнин относит прежде всего установление единой системы государственного управления, т. е. создание высшего правительственного органа, который координировал бы деятельность всех государственных учреждений. По мнению Головнина, нет надобности в

---

[136] ЦГАОР, ф. Лорис-Меликова, д, 52, л. 37.

каком-либо новом органе власти, достаточно реорганизовать Совет министров, «придав ему вполне значение ответственного перед государем императором кабинета» [137].

Наиболее подробно излагает Головнин меры, необходимые для улучшения положения крестьян [138]. К ним он относит следующие: реформу винноакцизной системы, приведшей к ликвидации небольших домашних винокурен; отмену акциза на соль; организацию переселения крестьян; учреждение мелкого кредита для приобретения крестьянами земли и, наконец, реформу податной системы. На этом вопросе автор записки останавливается довольно подробно. «Мы, — пишет Головнин, — ставим эту меру последней потому, что: 1) она может только весьма незначительно убавить крестьянские платежи... 2) прежде чем облагать, надо иметь что облагать и без возможно более правильного земельного размещения крестьян, всякая новая раскладка податей не будет иметь никакого верного, прочного основания. Изменение нынешних поземельных отношений крестьян представляется гораздо более настоятельным и существенным вопросом настоящего, чем какая бы то ни было реформа в финансовом хозяйстве государства: без изменения, устраняющего коренные недостатки этих отношений, — заключал Головнин, — несбыточно мечтать о благих результатах самой правильной податной системы» [139].

Таким образом, основная задача сводилась к обеспечению крестьян землей, что должно было быть осуществлено путем организации переселений и учреждения системы ипотечного кредита.

Следующим пунктом программы являлась реформа в области народного просвещения. По мнению Головнина, «организация правильной училищной системы в России» требовала прежде всего усиления воспитательной роли школы. Школа, по его мнению, должна не только учить, но и вос-

---

[137] ЦГАОР, ф. Лорис-Меликова, л. 52, лл. 37 и 40.

[138] Переходя к этому вопросу, Головнин пишет: «Между крестьянами существует убеждение, что они обделены землей помещиками, чиновниками, обманувшими царя, и что поэтому добровольно или насильно они приобретут недоданную землю» (ЦГАОР, ф. Лорис-Меликова, д. 52, л. 42). Далее он развивает бредовую мысль о том, что стремление революционеров убить царя связано с тем, что «в настоящее царствование крестьяне насилия не употребят из-за благодарности к «царю освободителю». Следовательно, перемена императора вызовет крестьянское восстание.

[139] ЦГАОР, ф. Лорис-Меликова, д. 52, л. 43.

питывать. Говоря о реформе начальной и средней школы, он выдвигал, во-первых, весьма реакционное требование — подчинить начальную школу церкви, т. е. создать систему клерикальных школ. По-видимому, рост революционного движения и сложившийся кризис самодержавия являлись причиной эволюции взглядов Головнина в этом вопросе, так как, будучи министром народного просвещения, он в 1862 году выступал с протестом против представления Синода, требовавшего подчинить все начальные школы церкви.

Наряду с этим Головнин говорит о пересмотре устава о средней школе 1871 года и развитии профессионального образования.

Наконец, в заключение он ставил вопрос об «усилении нравственного влияния духовенства и улучшении материального положения его» [140].

Анализируя программу Головнина, мы видим, что он, в отличие от авторов рассмотренных нами выше записок, правильнее понимал причины роста революционного движения, относя это в первую очередь к крестьянской реформе, не обеспечившей крестьянство землей. В силу этого в своей позитивной части он обращает основное внимание на решение земельного вопроса, предполагая при этом сохранение незыблемости помещичьего землевладения. Естественно, что рекомендуемые Головниным меры не могли дать каких-либо ощутительных результатов.

Изучение рассмотренных выше записок дает основание повторить то положение, которое было высказано нами вначале: кризис самодержавия приводит к сплочению сил правительственного лагеря, вызывая у большинства представителей его понимание необходимости известных реформ, и у всех — требование более решительных мер для борьбы с революционным движением. Одной из таких мер и являлось предложение Головнина превратить начальную школу в клерикальную.

* *
*

Обратимся к проектам-запискам либеральной оппозиции. Наиболее полно чаяния либеральной общественности были выражены в записке «О внутреннем состоянии России», поданной в марте 1880 года Лорис-Меликову группой общест-

[140] ЦГАОР, ф. Лорис-Меликова, д. 52, л. 43.

венных деятелей Москвы. Записку подписали свыше 20 лиц, в том числе С. А. Муромцев, А. И. Чупров, В. Ю. Скалон [141]. Значительная часть записки была посвящена выяснению причин роста революционного движения, а в заключительной ее части излагались меры, долженствующие привести к «умиротворению умов».

В первом разделе записки развивалась мысль о том, что «в отсутствии способов для правильного и свободного выражения недовольства кроется корень болезненной формы борьбы с правительством». Говорилось о тяжелом положении печати, которая лишена возможности выражать общественное мнение, ибо она стеснена в обсуждении проводимых правительством мероприятий, а в случае высказывания ею неугодных ему мыслей — подвергается жестоким репрессиям. «Остается или молчать, или лицемерить, или, наконец, выражаться языком иносказательным, — заявляли авторы записки. — Но такой язык развращает литературу и нередко понапрасну волнует общественное мнение. Когда печать осуждает правительственные мероприятия в узких пределах дозволенного, читатель ищет между строк еще большие скрытые осуждения. Когда же в печати появляется похвала правительству, ей не верят, считая ее лицемерною» [142].

Во втором разделе записки доказывалось, что «никакими репрессивными мерами искоренить зло невозможно.., что меры репрессивные, нисколько не исправляя существующего зла, родят еще новое зло. Меры репрессивные неизбежно сопряжены с произволом власти... Произвол открывает путь к применению правила: «Кто не за нас, тот против нас». В устах административных органов это правило получает особенно опасное значение, потому что объявляет врагами отечества лиц, в самом деле спокойных и полезных, но только не во всем согласных со взглядами администрации».

Авторы записки отмечали, что в последнее время начался поход против интеллигенции, подчеркивая при этом, что «в ней одной сосредоточивается сознательное мышление русского народа» [143]. Наконец, в заключении второго раздела говорилось, что никакие репрессии не в состоянии помешать свободному развитию общественной мысли.

Третий, наиболее обширный раздел записки посвящен выяснению причин крайнего недовольства, порождающего

---

[141] См. С. Муромцев. Статьи и речи, вып. V. М., 1910, стр. 11—38.
[142] С. Муромцев. Ук. соч., стр. 13 — 14.
[143] Там же, стр. 18 — 20.

«современное смутное состояние». Первая причина — неудовлетворенная потребность в общественной деятельности. Стремлению к участию в государственной жизни всячески препятствует административная власть. «Во что бы то ни стало навязывается обществу мысль, что столь обширным государством, как Россия... можно управлять почти исключительно посредством чиновников. Земство систематически подавляется, хотя год от году земские учреждения, в силу естественного закона исторического развития, воспитывают все большее и большее число способных земских деятелей» [144]. Далее излагались примеры, характеризовавшие стремление правительства всячески препятствовать развитию деятельности земских органов, а также желание превратить земство из самостоятельного органа местного общественного управления в учреждение, подчиненное целиком губернским и уездным властям.

Таким образом, «неудовлетворенная потребность общественной деятельности» являлась, по мнению авторов, результатом прежде всего правительственной политики в области земства. Вторую причину, возбуждающую недовольство общества, авторы усматривали в отсутствии гарантии личной неприкосновенности. В записке указывалось, что независимость суда, соблюдение всех положений судебных уставов 20 ноября 1864 года, борьба против необоснованных арестов и обысков — все это является элементарными условиями существования цивилизованного общества: «Ни с какими административными ограничениями суда оно мириться не может. Административные стеснения всегда выражают произвол, обнаруживают, что власть сама не желает повиноваться общим законам, ею же изданным, ищет возможности посягнуть и на независимость суда, и на права лиц, приходящих с ним в соприкосновение. Никакие мотивы не оправдают в глазах общества этого стремления, но всегда оно послужит к ослаблению авторитета самой власти» [145]. Особое внимание уделялось системе административной ссылки, осуществлявшейся без суда и следствия и получившей большое распространение.

Остальные причины, вызывавшие недовольство общества, коренились, по мнению авторов, в состоянии общественного управления, суда, печати, а также средней и высшей школы. Они указывали на непрерывное урезывание прав земства и

---

[144] С. Муромцев. Ук. соч., стр. 23.
[145] Там же.

суда, на систематическую борьбу с прессой, лишающую ее элементарной свободы. По их мнению, это говорило о том, что у правительства, стало быть, «есть, что скрывать от внимания общества». Резюмируя свои мысли о положении прессы, они писали: «В неудовлетворении потребности высказываться откровенно и гласно кроется важный источник современного недовольства, мысль образованного человека по природе своей ищет возможности обмена, взаимного убеждения. Борьба есть естественное состояние идей. Уничтожить этого нельзя без уничтожения самой мысли. Всякая преграда к свободному протесту не ослабит энергии мысли. Напротив, преграды сосредоточат ее и, при невозможности борьбы идейной, создадут борьбу политическую и социальную» [146].

Переходя к вопросу о состоянии средней школы, авторы записки заявляли, что они не ставят своей задачей входить в обсуждение классической системы образования. Основное зло, по их мнению, заключается в том, что система эта введена насильственно. Авторы указывали, что в школе водворился произвол начальства и крайний формализм преподавания. В силу этого ученики не получают как должного образования, так и воспитания.

В области высшей школы они усматривали главное зло в нарушении Министерством народного просвещения устава 1863 года, который, по их мнению, вполне отвечал задачам правильного развития высшего образования в России.

Таков перечень вопросов, вызывавших, по их мнению, недовольство общества. Мы видим, что они касались преимущественно правовых норм, не затрагивая вовсе экономических проблем. Ограбление крестьянства реформой, а отсюда сохранение существенных феодально-крепостнических пережитков в экономике — вот что являлось почвой для нарушения элементарных принципов буржуазного права.

Рассмотрим позитивную программу записки. Излагая вкратце, ее можно сформулировать следующим образом. Для успешной борьбы с революционным движением необходимо возвратиться к политике начала 60-х годов, отменив все реакционные меры, которые были осуществлены позднее и обкорнали, сузили, а в некоторых случаях и ликвидировали «преобразования начала царствования».

Однако наряду с этим авторы записки требовали и другое. Этому-то и посвящен последний ее раздел. «Недоволь-

---

[146] С. Муромцев. Ук. соч., стр. 28—29.

ство, проникающее во все русское общество и обусловленное неправильным направлением всей внутренней политики, — писали они, — может быть устранено лишь мерами общими. Эти меры не в силах предпринять одно правительство. Для сего нужно содействие всего общества. Достаточно бросить даже беглый взгляд на положение нашей страны, чтобы прийти к заключению, что теперь настало время привлечь к деятельности все здоровые ее силы»[147].

После этого вступления говорилось о насущных нуждах государства, в числе которых упоминались тяжелое финансовое положение страны, скудность «производительных сил народа», продовольственные затруднения, начинающийся экономический застой и др. Все эти задачи могут, по мнению авторов записки, быть решены только совместными усилиями государства и общества.

В заключение отмечалось, что Россия «не менее Болгарии созрела для свободных учреждений»[148].

Это требование «земского представительства» являлось не чем иным, как стремлением к конституции. Само по себе такое требование не было чем-либо оригинальным. Оно отражало чаяния широких кругов либеральной общественности, что находило свое выражение и в многочисленных земских ходатайствах.

* *
*

Наиболее полно программа Лорис-Меликова изложена им во всеподданейшем докладе 11 апреля, ранее одобренном наследником престола. Во вступительной части доклада Лорис-Меликов характеризовал обстановку, которая сложилась в России к февралю 1880 года, т. е. к моменту образования Верховной распорядительной комиссии: «Я не мог не сознавать, — пишет он, — что положение дел достигло того предела, далее которого идти некуда... Царь русской земли, повелитель 90 млн. подданных, не мог считать себя безопасным в собственном своем жилище...». Подобная обстановка требовала, по его мнению, и особых мер. «Сама необычайность положения ясно указывала, — говорит он, — что обыкновенных мер недостаточно... Твердо уверенный, что только в тесном союзе с людьми благомыслящими, при их сочувственной помощи, возможно достижение успеха, я в первый

---

[147] С. Муромцев. Ук. соч., стр. 34.
[148] Там же, стр. 38.

же день вступления в новые обязанности обратился к жителям столицы, приглашая их оказать мне поддержку»[149]. Таким образом, по мнению Лорис-Меликова, необходимо привлечение и «благомыслящих людей», т. е. расширение социальной базы, на которую опирается правительство.

Далее в докладе говорилось о том, что было сделано за истекший период Верховной распорядительной комиссией, а точнее ее главным начальником. «...Я, — писал Лорис-Меликов, — посвятил истекшие с того времени два месяца на принятие, с одной стороны, неотложных мер к объединению и усилению охранительной деятельности... с другой — к подробному по возможности изучению разнородных причин, приведших нас к настоящему затруднительному положению, к разъяснению настроения общества... и, наконец, к изысканию тех способов, кои могли бы служить к достижению желаемой цели — восстановлению потрясенного порядка»[150].

Говоря о мерах, принятых для выполнения первой задачи, Лорис-Меликов указывал на координацию им деятельности жандармских органов и полиции, на организацию более быстрого ведения следствий по делам политическим[151], на установление порядка в вопросах административной ссылки, в организации пересмотра дел лиц, находившихся под политическим надзором.

Затем он переходит ко второму вопросу — к выяснению причин, вызвавших рост недовольства, а отсюда и развития революционного движения. Здесь главный начальник видит причину в несовершенстве административной системы, оказавшейся неспособной перестроиться в соответствии с проведенными преобразованиями. «Новые порядки, — пишет он, — создали во многих отраслях управления новое положение для представителей власти, требовавшее других знаний, других приемов деятельности, иных способностей, чем прежде. Истина эта не была достаточно усвоена, и да-

---

[149] «Былое», 1918, кн. 4—5, стр. 154. Подлинник доклада находится в ЦГАОР, в фонде Александра II, д. 674.

[150] Там же, стр 155.

[151] В производстве дознаний по политическим делам принимал непосредственное участие и сам Лорис-Меликов. Так, в дневнике Валуева за 19 мая 1880 г. содержится следующая запись: «Видел у себя гр. Лориса-Меликова, который говорит, что многое раскрывается его допросами и доказывает неумелость прежних следствий» (П. А. Валуев. Дневник 1877—1884 гг., стр. 96). В частности, он «не без успеха» допрашивал землевольца Адриана Михайлова («Красный архив», 1932, кн. 4, стр. 103—112).

леко не все органы власти «заняли надлежащее им место»[152].

Именно в результате всего этого, по мнению Лорис-Меликова, неудовлетворительно протекала реализация крестьянской реформы, а также учреждение новых судов. Духовенство продолжало «коснеть в невежестве», падало значение дворянства, уменьшилась ценность рубля, росли налоги. Этими же причинами объяснялся и тот факт, что «земство, привлекшее сначала лучшие силы местного населения, не могло остаться долго на той же высоте, при отсутствии средств к более широкому исполнению местных задач и при недостатке оживляющей правительственной поддержки»[153].

Таким образом, по мнению Лорис-Меликова, вся беда происходила от недостатков государственного аппарата, не оказавшегося на высоте после осуществления преобразований. Подобная оценка положения внутри страны и причин роста революционного движения не отличалась оригинальностью и была довольно типична для представителей высшей бюрократии.

Прежде чем переходить к изложению своей позитивной программы, Лорис-Меликов пытается вкратце изложить то, к чему стремится русское общество, чего оно ожидает от правительства. «Здесь, — пишет он, — встречаются ожидания того или другого частного улучшения или отдельного облегчения; пожелания о возбуждении усиленной правительственной деятельности к исправлению выразившихся опытом недостатков в различных сферах управления... убеждения о необходимости скорейшего возвращения от чрезвычайных мер к законному порядку; мнения о своевременности коренных изменений в центральных органах правительственной власти». Далее он говорит о жалобах населения на тяжесть соляного налога, круговой поруки и т. д., а также о недовольстве духовенством и о «единогласных упреках тому направлению, которое получило учебное ведомство»[154]. Эти упреки, как указывалось в докладе, исходят от всех слоев населения, начиная от государственных сановников и дворянства и кончая представителями земской и городской общественности.

«Наконец, — писал Лорис-Меликов, — следуют предположения об образовании народного представительства в

[152] «Былое», 1918, кн. 4—5, стр. 156.
[153] Там же, стр. 157.
[154] Там же, стр. 158.

формах, заимствованных с Запада, или на началах древнерусских, или, наконец, призывом представителей земства в состав Государственного совета».

Главный начальник Верховной распорядительной комиссии высказывался категорически против этого последнего пожелания. «По глубокому моему убеждению, — писал он,— никакое преобразование в смысле этих предположений не только не было бы ныне необходимо, но, по совершенной своей несвоевременности, вредно». По мнению Лорис-Меликова, народ об этом не думает и не понял бы этого. «Самая мера, — продолжал он, — имела бы вид вынужденной обстоятельства, и так была бы понята и внутри государства и за границей»[155].

Итак, Лорис-Меликов решительно выступал против каких-либо уступок в этой области, считая их несвоевременными. Вместе с тем он полагал, что для того, чтобы вывести страну из кризиса, необходимо проведение ряда реформ.

Ниже излагались меры, требуемые «для охранения государственного порядка и общественного спокойствия». Эта программа состояла из пяти пунктов. В первом говорилось о необходимости «идти твердо и решительно в деле преследования злоумышленников, но не смешивать с ними людей, виновных лишь в поступках, не имеющих прямого отношения к социально-революционным проявлениям»[156]. Второй касался координации всех органов правительственной власти для борьбы «с преступными лжеучениями». При этом имелось в виду не только объединение деятельности различного рода полиции, но и судебных органов. Таким образом, ставился вопрос о координации полицейских и судебных органов, что имело место лишь в дореформенные времена. В третьем говорилось о необходимости постепенного возвращения «от чрезвычайных мер к законному течению дел».

Наконец, в четвертом и пятом пунктах была изложена программа преобразований. Необходимо «побудить правительственные учреждения и лица к более внимательному отношению к выразившимся насущным потребностям населения и к его представителям. Нельзя не оказывать благорасположенного участия к нуждам духовенства, к деятельности земства, к потребностям городов. Следует дать ход таким предположениям первостепенной важности, кои давно уже намечены... и осуществление коих останавливается в канцеляриях и разного рода комиссиях».

[155] «Былое», 1918, кн. 4—5, стр. 158—159.
[156] Там же, стр. 159.

«К числу их, — продолжал он, — относятся, между многими другими, возвышение нравственного уровня духовенства, реформа податная, дарование прав раскольникам, пересмотр паспортной системы, облегчение крестьянских переселений в малоземельных губерниях, преобразование губернских административных учреждений, установление отношений нанимателей к рабочим, наконец, надлежащее руководство периодической печатью, имеющей у нас своеобразное влияние, не подходящее под условия Западной Европы, где пресса является лишь выразительницею общественного мнения, тогда как у нас она влияет на само его формирование. Полезно и, по моему мнению, необходимо в видах успокоения правильными занятиями возбужденных умов, жаждущих деятельности, привлекать дворянство, земство и города к участию в таких вопросах, которые близко касаются местных нужд. Участие это желательно не предоставлять выборам самих общественных учреждений, но власть всегда может намечать, из среды их наиболее сведущих и благонадежных лиц, труды и знания которых не могут не принести пользы при разработке экономических, хозяйственных и финансовых вопросов, по заранее преподанной программе и в ее пределах» [157].

Наконец, Лорис-Меликов касался ведомства Министерства народного просвещения, точнее, его руководства. «Восстановить, — рекомендовал он, — утраченное учебным ведомством доверие всех сословий и всех слоев общества, конечно не касаясь коренных основ учебной системы. Не колеблясь, докладываю Вам, государь, что необходимые для этого изменения в личном составе управления учебным ведомством будут встречены с величайшим сочувствием всей Россией. Без этих изменений, — продолжал он, — успех принимаемых мер будет парализоваться наслоениями вредных элементов, тревожных для настоящего и грозных для будущего» [158].

Анализируя эту программу, мы видим ее весьма умеренный характер. За исключением вопроса о необходимости изменить политику в отношении земства и городских органов общественного управления, изложенного в докладе в весьма лапидарной и к тому же неясной форме, все остальные являлись предметом многолетнего обсуждения в различных ко-

---

[157] «Былое», 1918, кн. 4—5, стр. 160.
[158] Там же, стр. 160—161.

миссиях и ведомствах. Привлечение «сведущих и благонадежных лиц» для обсуждения тех или иных вопросов, также не было чем-то новым. Из среды дворянства «сведущие люди» приглашались в состав Редакционных комиссий, от земств и городов — при обсуждении Устава о воинской повинности 1874 года. Вопрос об изменениях в учебном ведомстве сводился по существу лишь к предложению сменить министра народного просвещения Д. А. Толстого, «не касаясь коренных основ учебной системы». Однако, несмотря на весьма ограниченный характер мер, намеченных Лорис-Меликовым, сама постановка вопроса о невозможности ограничиваться только одними карательными и полицейскими мерами, о необходимости определенных преобразований имела большое значение, указывая на кризис правительственной политики. Именно наличие кризиса самодержавия, находившего свое выражение в невозможности господствующих классов управлять по-старому, вызывало необходимость определенных уступок, расширения социальной базы правительственной власти. С другой стороны, обострение классовой борьбы обусловливало усиление репрессий и прямое посягательство на независимость судебных органов, т. е. на основу судебных уставов 1864 года. Независимость суда, по мнению Лорис-Меликова, затрудняла борьбу с революционным движением, точнее — расправу с его представителями.

В заключение необходимо остановиться еще на одном вопросе, поставленном во всеподданнейшем докладе 11 апреля. В конце доклада, после перечисления намеченных мероприятий, Лорис-Меликов писал: «Верховная распорядительная комиссия призвана волею вашего величества для охранения государственного порядка и общественного спокойствия. Для столь обширной и сложной задачи она не может и не должна ограничиваться только изысканием и приведением в исполнение мер чисто полицейского характера. Восстановление немедленного порядка и прочное ограничение спокойствия требуют мероприятий государственных, часть которых перечислена выше.

Разработка этих мероприятий, — продолжал он, — будет составлять предмет заботливости подлежащих министерств и других высших установлений. Но возбуждение вопросов, соприкасающихся к очерченной мною программе охранения государственного порядка и общественного спокойствия, и обсуждение своевременности предположенных с этой целью мер долж-

ны входить в круг деятельности Верховной распорядительной комиссии. Затем сношения по сим предметам с подлежащими ведомствами и, в потребных случаях, испрошение указаний вашего императорского величества принадлежали бы к кругу обязанностей главного начальника означенной комиссии»[159].

Таким образом, здесь ставился вопрос о значительном расширении функций Верховной распорядительной комиссии по сравнению с указом 12 февраля. Если ранее вмешательство Лорис-Меликова во все отрасли государственного управления, хотя и санкционировавшееся верховной властью, не предусматривалось законом, то теперь это должно было быть законодательно оформлено. Всеподданнейший доклад главного начальника Верховной распорядительной комиссии был одобрен Александром II, в силу чего диктаторство Лорис-Меликова и было узаконено[160].

Наследник престола более чем положительно отнесся к этому докладу. В своем письме от 12 апреля он писал Лорис-Меликову: «Слава богу. Не могу выразить, как я рад, что государь так милостиво и с таким доверием принял Вашу записку... С огромным удовольствием и радостью прочел все пометки государя, теперь смело можно идти вперед и спокойно и настойчиво проводить Вашу программу на счастье дорогой родины и на несчастье?? министров, которых наверно сильно покоробит эта программа и решение государя, да бог с ними»[161].

* *
*

Реализация второй части программы Лорис-Меликова, изложенной им в докладе 11 апреля, началась с увольнения гр. Толстого с поста министра народного просвещения.

---

[159] «Былое», 1918, кн. 4—5, стр. 161.

[160] На первом листе доклада Александром II была написана следующая резолюция: «Благодарю за откровенность изложения твоих мыслей, которые почти во всем согласны с моими собственными. Вижу с удовольствием, что ты вполне понял тяжелую обузу, которую я на тебя возложил. Да поможет тебе бог оправдать мое доверие» (там же, стр. 154). Кроме того, на полях доклада имеются многократные пометы Александра II, характеризующие одобрение мыслей, изложенных в нем. В частности, против абзаца, касавшегося расширения функций Верховной распорядительной комиссии, на полях написано: «Да».

[161] «Красный архив», 1925, кн. 1(10), стр. 108.

Граф Д. А. Толстой, символизировавший собой реакцию, был весьма и весьма непопулярен среди широких слоев либеральной и либеральствующей общественности, вплоть до сановной среды. Поэтому Лорис-Меликов рассчитывал, что увольнение Толстого будет воспринято чрезвычайно сочувственно и будет рассматриваться как признак изменения правительственного курса.

Это, естественно, способствовало бы и укреплению популярности главного начальника Верховной распорядительной комиссии.

В представлении Лорис-Меликова, недовольство правительственной политикой, вызвавшей рост революционного движения, обусловливалось в значительной мере деятельностью Толстого. «Если случайно занесенный к нам нигилизм, — писал он в октябре 1881 года своему бывшему секретарю А. А. Скальковскому, — принял столь омерзительные формы, то в заслуге этой пальма первенства принадлежит графу Толстому. Жестокими, надменными и крайне неумелыми приемами он сумел вооружить против себя и учащих, и учащихся, и самую семью»[162]. Уже в первые дни после создания Верховной распорядительной комиссии Лорис-Меликов предпринимает, по-видимому, первые шаги для увольнения Толстого. Косвенным подтверждением этого является письмо М. Н. Каткова Александру II, датированное 11 марта, в котором он выражал беспокойство по поводу возможного увольнения министра народного просвещения. «Государь, — писал Катков, — я говорю пред Вами, как пред богом, как на духу. Каковы бы ни были личные свойства графа Толстого, он служил Вам, государь, верой и правдой и ознаменовал себя заслугами, которые внесут его имя в историю Вашего славного царствования. Не личные неудовольствия и не какие-либо ошибки по управлению подняли против него бурю, но твердость и верность, с какими он исполнил свой долг»[163]. Далее он говорил о необходимости скорейшего проведения в жизнь разработанного гр. Толстым проекта преобразования университетов. «Успешным исполнением этой реформы, — указывал Катков, — смута была бы поражена в одном из главнейших своих источников»[164]. Заступничество Каткова, по-видимому, оказало

---

[162] «Каторга и ссылка», 1925, кн. 2, стр. 122.

[163] Отд. рукописей ГБЛ, ф. Белоголового, картон 6, д. 49. На этом письме имеется помета Александра II: «Переговорим об этом».

[164] Там же.

определенное влияние[165]. Казалось бы, что одобрение Александром II всеподданнейшего доклада Лорис-Меликова, в котором ставился вопрос о смене руководства Министерством народного просвещения, должно было решить судьбу Толстого. Однако, учитывая слабоволие императора, способного принимать в одно и то же время, по одному и тому же вопросу диаметрально противоположные решения, Лорис-Меликов для решения вопроса о Толстом привлек и наследника престола.

Свидетельством этого служит письмо главного начальника Верховной распорядительной комиссии вел. кн. Александру Александровичу от 16 апреля. «По некоторым изменившимся обстоятельствам, — писал Лорис-Меликов, — имею честь покорнейше просить ваше высочество повременить объяснением Вашим с государем императором о графе Толстом. Причину этой двухдневной приостановки доложу лично...»[166].

Вместо Толстого, занимавшего также и пост обер-прокурора Синода, были назначены: министром народного просвещения попечитель Дерптского учебного округа А. А. Сабуров, обер-прокурором Синода — К. П. Победоносцев, ближайший друг и наставник наследника престола. Таким образом, помощь вел. кн. Александра Александровича в деле отставки Толстого была должным образом оценена[167]. Отстав-

---

[165] Валуев 18 марта заносит в свой дневник: «Старания гр. Лорис-Меликова сбыть гр. Толстого безуспешны, — до времени. Государю, видно, подана мысль, что гр. Толстой необходим для проведения через Государственный совет нового университетского устава. Податель мысли, вероятно, Катков. По проведению — вероятно, — замечает Валуев, — владимирская лента и увольнение» (П. А. Валуев. Дневник 1877—1884 гг., стр. 76).

[166] «Красный архив», 1925, кн. 1(8), стр. 108. Этот вопрос был решен 18 апреля. «В 1 час дня, — записывает в своем дневнике Валуев 18 апреля, — был граф Лорис-Меликов, и государь, по-видимому, колеблясь еще, спросил его, считает ли он решительно невозможным оставление графа Толстого министром. Граф Лорис-Меликов высказался в прежнем смысле и тогда, по-видимому, окончательная решимость установилась» (П. А. Валуев. Дневник 1877—1884 гг., стр. 87). Вероятно, в этот же день вел беседу с Александром II и наследник престола. Одним из непосредственных поводов к отставке Толстого послужила его ссора с министром внутренних дел Маковым, которого он заподозрил в получении взятки от раскольников. Подробности см. П. А. Валуев. Дневник 1877—1884, гг., стр. 83—87.

[167] В течение 1880 г. отношения Лорис-Меликова и Победоносцева были близкие. Так, в письме к наследнику престола 31 июля Лорис-Меликов писал: «К. П. Победоносцев возвратился третьего дня и рассказывал мне подробности отрадного пребывания своего в Гапсале, всею душою позавидовал ему потому только, что не имею возможности при-

ка Толстого была воспринята весьма сочувственно, за исключением лагеря реакции. «Безумное, дикое ликование тупой толпы, по случаю падения Толстого, продолжается», — заносит 25 апреля 1880 года в свой дневник А. А. Киреев[168].

Увольнение Толстого явилось большой победой Лорис-Меликова, которая досталась ему нелегко. Сам он по этому поводу писал: «После двухмесячных трудов и усилий удалось, наконец, достигнуть смены графа Толстого, этого злого гения русской земли. Радость была общая в государстве. Всем памятно, как в Зимнем дворце целовались у заутрени, приветствуя друг друга словами: «Толстой сменен, воистину сменен»[169]. Таким образом, отставка Толстого встретила сочувственное отношение даже среди части высшей бюрократии.

«Отставка этого министра народного помрачения, — писал Н. К. Михайловский в «Листке Народной воли», — есть действительная заслуга диктатора»[170].

Наряду с отставкой Толстого Лорис-Меликов произвел еще ряд перемен в высшем чиновном мире: начальником главного управления печати назначается либерально настроенный Н. С. Абаза, товарищем министра финансов — профессор Киевского университета Н. Х. Бунге. Назначение Бунге было осуществлено даже без ведома министра финансов Грейга и инспирировалось, по-видимому, председателем Департамента государственной экономии А. А. Абазой, находившимся наряду с военным министром Д. А. Милютиным в весьма близких отношениях и с начальником Верховной распорядительной комиссии.

В этот же период Лорис-Меликов наряду с текущими делами пытается реализовать свою программу в части расширения прав земства. Земской деятельности Лорис-Меликов придавал огромное значение, усматривая в ней надежное средство для противодействия конституционным стремлениям. «Чем тверже и яснее будет поставлен вопрос о всесословном земстве, приноровленном к современным условиям нашей жизни, — писал он в цитированном выше

ехать в Гапсаль». «Красный архив», 1925, кн. 1(8), стр. 114. В начале октября Лорис-Меликов и Победоносцев сопровождают наследника в Крым (ЦГАОР, ф. Александра III, д. 307, л. 51. Дневник, запись за 4 октября 1880 г.).

[168] Отд. рукописей ГБЛ, ф. Киреевых, д. 8, л. 132.

[169] «Каторга и ссылка», 1925, кн. 2, стр. 122. Вопрос об отставке Толстого был решен в страстную пятницу.

[170] «Литература партии „Народная воля"». «Листок Народной воли», № 2, стр. 3.

письме к Скальковскому, — и чем скорее распространят земские учреждения на остальные губернии империи, тем более мы будем гарантированы от стремлений известной, хотя и весьма незначительной, части общества к конституционному строю, столь непригодному для России»[171].

Конкретная программа Лорис-Меликова в области земства подробно изложена им в его письме к министру внутренних дел Макову, сохранившемуся в виде проекта.

В начале этого письма Лорис-Меликов писал: «Я пришел к положительному убеждению, что одни полицейские и карательные меры недостаточны, чтобы вывести Россию из переживаемого ею тяжелого и болезненного кризиса. Одновременно с твердым и систематическим преследованием злоумышленников... необходимы, между прочим, и такие меры, которые, доказывая внимательное и положительное отношение правительственной власти к потребностям народа, сословий и общественных учреждений, могли бы усилить доверие общества к органам правительственной власти и возбудить общественные силы к более деятельной, чем ныне, поддержке администрации в борьбе с пагубными социальными лжеучениями».

Далее он указывал, что из числа этих общественных элементов, которые могут способствовать «к укреплению законного порядка», одно из первых мест занимает земство. «Между тем, — продолжал он, — нельзя не признать, что вследствие невыгодно сложившихся обстоятельств земство, привлекшее к себе сначала лучшие силы местного населения, недолго оставалось на надлежащем высоком уровне. Некоторая неопределенность положения о земских учреждениях по установлению предметов ведения этих учреждений подала повод к недоразумениям с их стороны, к отдельным, стесняющим деятельность земства и, наконец, к недоверчивому отношению правительственных властей к земским учреждениям»[172]. Одним из средств к ликвидации подобного положения, по мнению Лорис-Меликова, является известное оживление земской деятельности, привлечение его к обсуждению некоторых вопросов, «касающихся местных нужд». В силу этого он считает необходимым внести в положение о земских учреждениях ряд дополнений. «Но так как, — указывал главный начальник Верховной распорядительной комиссии, — пересмотр означенного положения в целом его

---

[171] «Каторга и ссылка», 1925, кн. 2, стр. 120.
[172] ЦГАОР, ф. Лорис-Меликова, д. 54, лл. 1—3.

объеме мог бы повлечь за собою некоторые неудобства, возбудив излишние ожидания со стороны земских учреждений, то мне казалось бы сообразнее с указанной целью, если бы Министерство внутренних дел и другие подлежащие ведомства приняли на себя возбуждение вопросов по отдельным статьям Положения о земских учреждениях»[173]. По мнению автора письма, эти предложения могли бы передаваться на рассмотрение земских собраний. Окончательное же обсуждение их должно было бы происходить в особой комиссии, созданной при Министерстве внутренних дел, где могли бы участвовать назначенные этим ведомством представители земства.

Касаясь круга вопросов, которые «без неудобств» могли бы быть возбуждены, Лорис-Меликов относил к ним следующие: предоставить право земствам соседних губерний совместно обсуждать и проводить меры по борьбе с эпидемиями, с вредителями сельского хозяйства и т. д.; разработать мероприятия по вопросу «о более равномерном распределении продовольственных капиталов по губерниям империи»; определить более точно степень участия земств в народном образовании, не ограничивая это лишь хозяйственными вопросами; установить особые сроки для представления губернаторами на рассмотрение соответствующих министерств ходатайств земства; расширить права земства «по оказанию пособий сословиям в исполнение сословных потребностей», в частности установить оплату суточных гласным земств, а также и присяжным заседателям; запретить избрание гласными представителей сельской и волостной администрации, о чем неоднократно ходатайствуют земства; «возвышение значения должности председателей и членов земских управ разъяснением, что права администрации не утверждать по неблагонадежности избранных земством лиц, а равно и удалять их без объяснения причин, не касается собственно этих должностей...»; предоставить право губернским и уездным земским собраниям приглашать на свои заседания посторонних лиц, подобно тому как это разрешается городским думам; запретить председателям и гласным управ принимать подряды и поставки «по предметам земского хозяйства»[174].

Эта программа Лорис-Меликова в области оживления земской деятельности, несмотря на ее умеренный характер,

---

[173] ЦГАОР, ф. Лорис-Меликова, д. 54, л. 2.
[174] Там же, лл. 5 и 10.

бесспорно способствовала бы оживлению работы земства, несколько расширяя поле его деятельности. Она знаменовала собой изменение отношения правительства к земству, которое с момента создания земских органов выражалось в неуклонном стремлении, елико возможно, сузить его деятельность. Расширение сферы земской деятельности, по нашему мнению, являлось той уступкой, которую Лорис-Меликов считал возможным дать, дабы сохранить незыблемым государственный строй самодержавной монархии. Таким образом, и в этот период земство играло ту же роль, что и в шестидесятые годы: отвлечь от конституции. Особенно следует остановиться на том пункте проекта, который предусматривал отмену права администрации не утверждать по неблагонадежности выборных земством лиц. Еще по правилам 1866 года требовалось согласие губернской администрации при определении на земскую службу медицинских работников, страховых агентов и других лиц. В 1879 году, как говорилось выше, на основе решения Особого совещания «для изыскания мер к лучшей охране спокойствия и безопасности в империи» министром внутренних дел было внесено в Комитет министров предложение распространить в виде временной меры эти правила и на представителей выборной земской и городской администрации.

Министр внутренних дел Маков на основе указаний Лорис-Меликова в августе 1880 года снова внес в Комитет министров свое представление по этому поводу, но уже в противоположном смысле, нежели в предшествовавшем году. В представлении по этому поводу он писал, что после издания означенного постановления Комитета министров «не было ни одного случая применения его к кому-либо из лиц, находящихся на службе по выборам». Маков при этом замечал, что «закон этот произвел удручающее впечатление не только в сфере служащих по земским и городским учреждениям, но и между их избирателями» [175].

В соответствии с указанным представлением Комитет министров вынес решение, по которому лица, служащие по выборам, не должны утверждаться губернатором и последний не имеет права их отстранять.

Стремление расширить функции земств, привлечь их к обсуждению тех или иных вопросов, касающихся деятельности местных правительственных учреждений, находит свое выражение и в практических шагах главного начальника

[175] ЦГИАЛ, ф. Комитета министров, д. 4189, ст. 474, л. 35.

Верховной распорядительной комиссии. Так, летом 1880 года возник вопрос о необходимости некоторого изменения Положения об уездных крестьянских учреждениях в связи с обнаруживавшимися в нем недостатками. Министр внутренних дел Маков считал необходимым поручить обсуждение этого вопроса губернским по крестьянским делам присутствиям в соединенном заседании с губернской земской управой. Однако Лорис-Меликов счел, что форма привлечения земства неудачна, присоединившись к мнению председателя Главного комитета об устройстве сельского состояния вел. кн. Константина Николаевича. Последний настаивал, чтобы обсуждение этого вопроса производилось земствами на отдельных заседаниях и при этом губернскими земскими собраниями, а не управами. К тому же предлагалось первоначально обсуждать это на уездных земских собраниях [176].

Мысль Лорис-Меликова о привлечении определенной части населения к обсуждению тех или иных намечаемых преобразований находит свое выражение и в других областях государственного управления. Так, министр государственных имуществ барон Ливен представил главному начальнику Верховной распорядительной комиссии проект созыва как окружных сельскохозяйственных съездов, так и общероссийского сельскохозяйственного съезда при соответствующем министерстве.

Лорис-Меликов, одобрив этот проект, писал в своем отношении к министру государственных имуществ: «Для выполнения возложенной на меня высочайшей волей задачи охранения государственного порядка и общественного спокойствия по глубокому моему убеждению необходимо, в ряде других мер, более внимательное отношение правительственных учреждений и лиц к выразившимся насущным потребностям общества и его представителям. Для этого, а равно в видах успокоения правильными занятиями возбужденных умов, жаждущих деятельности, я нахожу весьма полезным привлекать представителей дворянства, земств и городов к участию в таких вопросах, которые близко касаются их местных нужд» [177]. В заключение Лорис-Меликов еще раз отмечал насущную необходимость подобного мероприятия, указывая при этом, что сельскохозяйственные съезды должны проводиться по строго намеченной программе и притом под контролем администрации.

[176] ЦГАОР, ф. Лорис-Меликова, д. 63, л. 2. Письмо Каханова Лорис-Меликову от 29 июля 1880 г.

[177] ЦГАОР, ф. Верховной распорядительной комиссии, д. 334, л. 1.

Все это достаточно убедительно свидетельствует о том, что политика правительства по отношению к земству стала иной. Если благодаря положению, занимаемому Лорис-Меликовым, Министерство внутренних дел не осмеливалось перечить установлению им нового курса в отношении земства[178], то некоторые сановники относились к нему весьма скептически. Так, Валуев, говоря о Лорис-Меликове, заносит в свой дневник 27 мая: «Он начинает болеть пошибом земских деятелей и связанной с ней дешевой популярностью»[179]. Что касается других вопросов, поставленных Лорис-Меликовым в его докладе 11 апреля, то попытка решения их относится к тому времени, когда Верховная распорядительная комиссия перестала существовать.

* *
*

В течение весны и лета Верховная распорядительная комиссия продолжала свою деятельность в плане рассмотрения вопросов, поставленных перед ней Лорис-Меликовым еще на первом заседании 4 марта. Так, член комиссии сенатор И. И. Шамшин летом ревизовал III отделение, пересматривая дела о лицах, высланных за политическую неблагонадежность. Как рассказывает, со слов Шамшина, в своем дневнике государственный секретарь Е. А. Перетц, в результате этой работы обнаружилось, что многие были сосланы без всяких оснований, а деятельность III отделения в целом произвела на ревизующего крайне неблагоприятное впечатление[180]. «По отзыву Шамшина, — пишет Перетц, — дела III отделения были в большом беспорядке. Часто не находилось в них весьма важных бумаг, на которых основано было все производство. Когда он требовал эти бумаги, отвечали обыкновенно, что их нет; при возобновлении же требования, особенно под угрозой пожаловаться графу Лорис-Меликову, производились розыски и часто находимы были недостававшие листы; иногда оказывались они на дому у того или иного чиновника, иногда в ящиках столов канцеля-

---

[178] Половцов, характеризуя отношение министра внутренних дел Макова к земству, летом 1880 г. писал: «Объезжая Россию, он либеральничал с земствами, которые ненавидит...» ЦГАОР, ф. Половцова, д. 15, стр. 237. Запись 4 августа.

[179] П. А. Валуев. Дневник 1877—1884 гг., стр. 98.

[180] Дневник Е. А. Перетца (1880—1883 гг.). М. — Л., 1927, стр. 3.

рии; раз случилось даже, что какое-то важное производство отыскано было за шкафом»[181].

Однако сама Верховная распорядительная комиссия не собирались: с начала лета вплоть до ее упразднения не было проведено ни одного заседания, но вместе с тем деятельность ее была весьма интенсивна. Главный же начальник ее, как и прежде, руководил правительственной жизнью страны, находясь в зените своего могущества.

Это вполне соответствовало той роли, которая возлагалась на комиссию: быть консультативным органом при диктаторе. Отдельные члены комиссии работали по указанию ее главного начальника. В заседаниях же комиссии Лорис-Меликов, по-видимому, не ощущал надобности[182].

Именно в этот период Лорис-Меликов поставил перед Александром II вопрос о ликвидации Верховной распорядительной комиссии.

По этому поводу 26 июля им был представлен царю всеподданнейший доклад. Во вступительной части доклада давалась характеристика деятельности Верховной распорядительной комиссии в области мер, предпринятых к координации действий жандармско-полицейских органов, для ускорения производства дел по политическим преступлениям[183], а также для упорядочения вопроса об административных

---

[181] Дневник Е. А. Перетца, стр. 4. Как утверждал Шамшин, единственная область деятельности III отделения, поставленная идеально, — это наблюдение за высокопоставленными лицами. «Обо всем этом, — говорит в дневнике Перетц, — не исключая анекдотов, случавшихся в частной жизни министров и других высокопоставленных лиц, докладывалось государю» (там же, стр. 4). Вместе с тем и. д. шефа жандармов Черевин занимался вопросом выяснения характера деятельности мифического «всемирного еврейского Кагала». Так, в секретном циркуляре министра внутренних дел от 6 апреля 1880 г. говорилось: «И. д. главного начальника III отделения с. е. и. в. канцелярии сообщил, что согласно полученным сведениям в члены всемирного еврейского Кагала, учрежденного с целями вполне враждебными для христианского населения, поступили будто бы все евреи капиталисты, внося более или менее крупные денежные взносы, что евреи имеют в своих домах кружки для пожертвований в пользу Кагала и оказывают даже материальную поддержку революционной партии» (ЦГИАЛ, ф. Департамента общих дел Министерства внутренних дел, оп. 238, д. 61, л. 26).

[182] Он весьма часто общался с императором. Судя по памятным книжкам Александра II, в первые месяцы, до переезда его в Царское Село, Лорис-Меликов, за редким исключением, ежедневно имел аудиенцию. Летом же это происходило обычно не реже 2—3 раз в неделю (см. ЦГАОР, ф. Александра II, д. 334).

[183] Как указывает Лорис-Меликов, число находившихся в производстве дел по государственным преступлениям за время деятельности комиссии уменьшилось с 500 до 65.

ссыльных и лицах, находящихся под полицейским надзором.

«Принимая означенные и другие в том же направлении меры, — писал Лорис-Меликов, — комиссия имела постоянно ввиду... возможное ослабление причин, обусловливающих безучастное отношение общества к восстановлению нарушенного порядка. Для достижения этой в высшей степени существенной цели я не упускал ни одного случая к упрочению прирожденных русскому народу верноподданнических чувств к вашему величеству, к усилению доверия общества к правительственным действиям и намерениям восстановить порядок для дальнейшего развития мирным путем внутреннего благосостояния России...» [184]. Далее главный начальник сообщал о мерах, принятых в этой области. Одной из них было его разъяснение генерал-губернаторам, что право помилования приговоренных к смерти является прерогативой «монаршего милосердия» [185]. Характеризуя современное положение в стране, Лорис-Меликов писал: «Я далек от мысли, что преступная деятельность социально-революционной партии прекратилась, а тем более не смею приписывать исключительно трудам комиссии обнаруживающиеся в обществе некоторые благоприятные признаки, свидетельствующие о заметном успокоении умов» [186]. Не предаваясь самообольщению, — продолжал он, — я, напротив, убежден, что вредные для государственного строя проявления социальных учений... могут быть парализованы не в короткий срок, а только продолжительным и вполне соответственным условиям данного государства воздействием правительственных и общественных сил» [187].

Развивая эту мысль, он подчеркивал, что основная задача заключается в том, чтобы отнять «у крамолы» почву для развития революционных идей, что может быть достигнуто соединенными усилиями правительственной власти и общества. Переходя к вопросу о целесообразности существования Верховной распорядительной комиссии, Лорис-Меликов отмечал, что она «не может быть тем постоянным, в государственном строе, органом, который имел бы назначением не только создать, но и поддерживать прочное объединение

---

[184] ЦГАОР, ф. Лорис-Меликова, д. 64, л. 6.

[185] Секретный циркуляр главного начальника Верховной распорядительной комиссии генерал-губернаторам от 26 марта 1880 г. ЦГИАЛ, ф. Канцелярии министра внутренних дел, оп. 1, д. 640, лл. 78—80.

[186] С марта по июль не было совершено ни одного террористического акта.

[187] ЦГАОР, ф. Лорис-Меликова, д. 64, л. 8.

правительственных сил для борьбы с крамолою... деятельность ее, как и всякой исключительной власти, не должна быть продолжительною: иначе она неминуемо нарушит нормальный ход государственного управления, внесет нежелательное смешение в предметы ведения высших государственных учреждений и вызовет ложное представление, как внутри, так и за пределами России, о положении наших дел»[188].

Лорис-Меликов указывал, что, по его мнению, настоящий момент является наиболее удобным для ликвидации Верховной распорядительной комиссии, выполнившей свои ближайшие задачи, а также и для концентрации в одном из органов власти жандармско-полицейских функций. Этим органом должно быть Министерство внутренних дел, которое сосредоточит в своих руках «заведование всею полицией государства».

В связи с этим он полагал необходимым ликвидировать III отделение, передав его функции Министерству внутренних дел. Далее Лорис-Меликов высказывал предположение, что «если бы усиленный круг деятельности Министерства внутренних дел представлялся слишком обширным», то можно было бы без особого вреда для дела отделить от Министерства департаменты — почтовый, телеграфный, духовных дел иностранных исповеданий. «Предполагаемое мною изменение, — писал в заключение он, — сосредоточивая в лице министра внутренних дел заведование всею полициею в государстве, как общею, так и политической, земскими и городскими делами и печатью, предоставит ему, по моему убеждению, действительные средства и возможность, при дружной и благожелательной поддержке со стороны представителей других ведомств, создать твердую власть...»[189]. Действительно, в руках Министерства внутренних дел сосредоточивалась бы вся полнота власти, а глава его превращался бы фактически в своеобразного премьер-министра, а при известных условиях и в диктатора.

Доклад был одобрен Александром II, и 6 августа он подписал указ о ликвидации Верховной распорядительной комиссии. «Следя со дня учреждения Верховной распорядительной комиссии за мероприятиями начальника оной, — говорилось в указе, — мы убедились, что ближайшая цель учреждения комиссии — объединение действий всех властей

---

[188] ЦГАОР, ф. Лорис-Меликова, д. 64, лл. 9—10.
[189] Там же, л. 14.

для борьбы с крамолой, настолько уже достигнута, вполне согласными с видами нашими распоряжениями генерал-адъютанта графа Лорис-Меликова, что дальнейшие указания наши по охранению государственного порядка и общественного спокойствия могут быть проводимы в общеустановленном законом порядке, с некоторым лишь расширением круга ведения Министерства внутренних дел». В связи с этим III отделение упразднялось, а функции его передавались вновь создаваемому Департаменту государственной полиции «впредь до возможности полного слияния высшего заведования полицией в одно учреждение упомянутого Министерства»[190]. Министр внутренних дел одновременно назначался шефом жандармов, причем на него возлагались все функции главного начальника упраздняемой Верховной распорядительной комиссии, а именно — «высшее направление всех следственных по государственным преступлениям дел»[191].

Из состава Министерства внутренних дел выделялись департаменты почт, телеграфа, а также Департамент иностранных исповеданий.

Министром внутренних дел и шефом жандармов назначался Лорис-Меликов, его товарищами — Каханов и Черевин; Министром почт и телеграфа и директором Департамента иностранных исповеданий — Маков[192]. Первоначально

---

[190] ПСЗ, 2 собр., т. LV, № 61279.

[191] Там же. Как говорилось в указе, «впредь до особого указания нашего». В своей записке о необходимости преобразования полиции, датированной 1 августа 1880 г., Лорис-Меликов настаивал на полном слиянии, сверху донизу, жандармских органов с учреждениями Министерства внутренних дел. Так, он полагал необходимым упразднить начальников губернских жандармских управлений, учредив вместо них должность второго вице-губернатора, подчинив ему все жандармско-полицейские органы в губернии (см. ЦГАОР, ф. Лорис-Меликова, д. 65, лл. 19—20).

[192] Министерство почт и телеграфа было создано для того, чтобы как говорит Перетц, «не раздразнить окончательно Макова, который пользуется особенным покровительством Долгорукой, необходимо было сохранить за ним какой-либо портфель, иначе он лишился бы занимаемого им прекрасного помещения на Большой Морской и министерского оклада.., по 26 000 рублей в год» (Дневник Е. А. Перетца, стр. 1). Как говорит тот же Перетц, Лорис-Меликов опасался назначения Макова на этот пост, «потому что начальник этого ведомства имеет в руках своих страшное политическое орудие — перлюстрацию: письма вскрываются, читаются и в случае чего-либо выходящего из общего ряда представляются в подлиннике государю, иногда же из них делаются только выписки — и это самое опасное, так как в извлечении легко представить содержание письма в извращенном виде» (там же, стр. 1—2). Действительно, перлюстрация имела большие размеры. По данным, представленным в 1881 г. министру внутренних дел Игнатьеву и хранящимся в его фонде, в 1880 г. было перлюстрировано в семи крупнейших

Лорис-Меликов предполагал поставить вопрос о ликвидации Верховной распорядительной комиссии позднее, осенью, но некоторые обстоятельства заставили его ускорить это. По свидетельству Перетца, причина заключалась в том, что Лорис-Меликов «опасался усиления Валуева и Макова, которые, желая привлечь на свою сторону общественное мнение, отступили от прежней ретроградной своей политики и испросили разрешение государя заняться пересмотром, в либеральном духе, Положения о земских учреждениях и законов о печати»[193]. Дабы парализовать их влияние, он и вынужден был поспешить с представлением предложения о закрытии Комиссии. Об этом же говорит в своем дневнике и Половцов. «Мимо Л[орис-]Меликова, — пишет он, — [Маков] испросил высочайшее повеление о созвании комиссии для обсуждения законов о печати и комитета для пересмотра, при участии земств, законов о земских учреждениях. Последняя мера представлялась просто опасною... Все это заставило Лорис-Меликова поторопиться мерою, которую он первоначально хотел осуществить в конце года, по возвращении из Ливадии»[194]. Наконец, подтверждение этого мы находим и в письме Лорис-Меликова к наследнику престола от 31 июля. «...Для вящего успеха дела, — писал он, — я имел в виду представить доклад лишь по возвращении вашего из Гапсаля, но некоторые случайные обстоятельства... побудили меня ускорить представлением, дабы вопрос получал окончательное решение до отъезда государя императора в Ливадию»[195].

Ликвидация Верховной распорядительной комиссии изображалась Лорис-Меликовым как стремление добровольно отказаться от диктаторства, от своего положения временщика[196]. Так же это было воспринято и большинством представителей правительственного лагеря. «Со стороны Меликова, — говорил Половцову Черевин, — очень безрассудно

городах страны 363 253 письма и сделано из них 3344 выписки (ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 1494, л. 1). Если еще учесть любовь Александра II к чтению чужих писем, то опасения Лорис-Меликова были вполне реальны. «Император Александр II, — рассказывает в своих воспоминаниях жандармский офицер В. Д. Новицкий, — ...очень интересовался перлюстрацией писем, которые, ежедневно в 11 часов утра, препровождались министром внутренних дел Тимашевым в особом портфеле, на секретный замок запираемом» (В. Д. Новицкий. Из воспоминаний жандарма, стр. 71). После Тимашева портфель, по-видимому, привозил Маков.

[193] Дневник Е. А. Перетца, стр. 1.

[194] ЦГАОР, ф. Половцова, д. 15, стр. 207.

[195] «Красный архив», 1925, кн. 1(8), стр. 112.

[196] См. П. А. Валуев. Дневник 1877—1884 гг., стр. 106.

самого себя из всесильного вожака обращать в рядового министра, власть коего будет парализована властью других ему равных министров»[197]. Киреев также весьма положительно оценивает этот шаг Лорис-Меликова, хотя усматривает в нем то, чего не заметил Черевин. «Лорис-Меликов, — пишет он, — выказывает много такта. Он сам... отказался от своего диктаторского положения и превращается лишь в первенствующего министра. В сущности, — замечает Киреев, — власть его не умалилась, ибо он продолжает дела политические, начатые ранее. III отделение подчиняется ему, но все же диктатура кончена, III отделение уничтожено, все смотрит «либерально»[198]. Киреев был ближе к истине, нежели Черевин, но и он не понял до конца значения ликвидации Верховной распорядительной комиссии. Диктатура Лорис-Меликова сохранилась — она приняла лишь иные формы.

* *
*

Подведем итоги. Создание Верховной распорядительной комиссии являлось результатом кризиса самодержавия, означавшего невозможность управлять прежними методами.

Террористический акт С. Н. Халтурина оказал на правительственные власти огромное влияние и вызвал панику в этой среде. Это событие знаменовало собой наступление нового этапа кризиса самодержавия. Если на первом своем этапе он проявляется в переходе от обычных законов к исключительным, выражением чего являлось создание временных генерал-губернаторств, в передаче дел о государственных преступлениях военным судам, в реакционных мерах в области народного образования, земства и других отраслях жизни, то теперь этого было недостаточно. Новый, вто-

[197] ЦГАОР, ф. Половцова, д. 15, стр. 234—235. Наследник престола также ничего не понял, восприняв этот акт как проявление величайшего благородства Лорис-Меликова. По словам товарища министра народного просвещения Маркова, переданным им Половцову, он сказал следующее: «Не всякий бы на месте Лорис-Меликова решился отказаться от принадлежавшей ему исключительной власти и вступить в общее число равноправных министров» (см. там же, д. 17, л. 59). В своем письме от 3 августа Лорис-Меликову вел. кн. Александр Александрович писал: «Ваш доклад государю прочел я с большим любопытством и удовольствием. Мне уже передавал, по Вашему поручению, К. П. Победоносцев сущность дела, и я вполне разделяю Ваш взгляд на невозможность продолжения существования Верховной комиссии в том виде, как она была до сих пор». «Красный архив», 1925, кн. 1(8), стр. 115.

[198] Отд. рукописей ГБЛ, ф. Киреевых, д. 8, л. 151.

рой этап кризиса требовал не только репрессий, но и определенных уступок.

Вместе с тем на этом этапе кризиса правительство переходит от политики известной децентрализации власти к ее централизации путем установления диктатуры одного лица. Задачам власти на новом этапе кризиса полностью соответствовала программа действий Лорис-Меликова, хотя и ставившая на первый план усиление репрессий в отношении революционеров, но вместе с тем содержавшая в себе и другое: стремление расширить социальную базу власти, а также осуществить ряд реформ, дабы ослабить причины роста недовольства в стране.

Несмотря на то что функции Верховной распорядительной комиссии были строго очерчены указом 12 февраля, поле деятельности ее, а точнее — главного начальника комиссии, было настолько широко, что это означало установление его личной диктатуры.

Сама же комиссия играла весьма скромную роль, члены ее являлись, как это и предусматривал Валуев, исполнителями воли главного начальника.

Всеподданнейший доклад 11 апреля законодательно расширил сферу деятельности комиссии, что опять-таки практически касалось лишь самого Лорис-Меликова. Итак, политический курс, проводимый Лорис-Меликовым и декларируемый им в этом докладе, являлся непосредственным результатом взрыва в Зимнем дворце, вызвавшего всеобщее смятение в правящих сферах. «...Благодаря этой борьбе, и только благодаря ей, — писал В. И. Ленин, имея в виду героическую борьбу народовольцев с правительством, — положение дел еще раз изменилось, правительство еще раз вынуждено было пойти на уступки...»[199]. Именно революционная борьба народовольцев заставила правительство смягчить систему полицейского террора, превратив самого Лорис-Меликова в своеобразного либерального бюрократа.

Развитие кризиса самодержавия влечет за собой консолидацию сил правительственного лагеря, объединенных, с одной стороны, общей ненавистью к революционному движению, а с другой — пониманием необходимости ряда уступок, для сохранения незыблемым государственного здания.

Одной из таких мер, предусматривавшихся как различными кругами цензовой общественности, так и самим Лорис-Меликовым, являлось оживление земской деятельности.

---

[199] В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 36.

Программа правительства, намеченная в докладе, была осуществлена за время существования комиссии лишь в небольшом объеме. Дальнейшая реализация ее протекала в период министерства Лорис-Меликова.

Упразднение Верховной распорядительной комиссии отнюдь не означало ликвидации диктатуры Лорис-Меликова. Ее значение заключалось в том, что диктатура из временной, чрезвычайной превращалась в постоянную. Ликвидация ненавистного всем III отделения также не означала ослабления политического сыска. Наоборот, эта мера приводила к централизации жандармско-полицейских органов в системе одного ведомства — Министерства внутренних дел — и обеспечивала министру значительно бо́льшую власть.

Глава III

МИНИСТЕРСТВО М. Т. ЛОРИС-МЕЛИКОВА

Упразднение Верховной распорядительной комиссии не уменьшило власти Лорис-Меликова. Наоборот. Он стал министром внутренних дел и шефом жандармов, ликвидировав ряд инстанций, мешавших его единовластию. Полиция, печать, местная администрация, земство, городские органы управления — все это было подведомственно ему, министру внутренних дел. В действительности же сфера его влияния была еще шире, охватывая все вопросы управления страной, исключая, пожалуй, лишь одну область — руководство внешней политикой. Эта последняя фактически возглавлялась близким ему лицом — военным министром Милютиным[1]. Влияние Лорис-Меликова распространялось и на область просвещения и финансов, а также на ряд других. По-прежнему по его представлению назначаются и смещаются министры и другие высокопоставленные лица.

Ближайшими единомышленниками Лорис-Меликова являлись Милютин и назначенный впоследствии на пост министра финансов А. А. Абаза. Именно с ними Лорис-Меликов советуется по тем или иным важным государственным вопросам. «Опять, — заносит в свой дневник Д. А. Милютин 11 октября 1880 года, — имел продолжительную беседу с гр. Лорис-Меликовым, который снова советовался со мною

[1] Формально министром иностранных дел оставался А. М. Горчаков, живший почти безвыездно за границей. Исполнявшим обязанности министра иностранных дел был Н. К. Гирс, однако фактически влияние его было невелико.

о разных, имеющихся в виду перемещениях на высшие должности. Кажется, ему удается склонить государя к смене Грейга, поднять снова вопрос об отмене подушной подати, призвать к новой жизни земство и многое другое, о чем за несколько месяцев перед сим нельзя было бы заикнуться. Место министра финансов предложено Абазе...»[2]. Назначение в конце октября председателя департамента государственной экономии Государственного совета А. А. Абазы[3] министров финансов было крупным успехом Лорис-Меликова[4]. Такая важная отрасль государственного управления, как финансы, оказывалась полностью в сфере его влияния. По своим политическим воззрениям Абаза принадлежал к кругу либеральных бюрократов и являлся сторонником дальнейших буржуазных преобразований.

О влиянии на Лорис-Меликова Милютина и Абазы сообщает и Е. М. Феоктистов со слов своего сослуживца, члена совета Главного управления печати Юзефовича — одного из ближайших сотрудников диктатора. «Из разговоров моих с Юзефовичем, — заносит Феоктистов в свой дневник 21 октября 1891 года, — я убедился, до какой степени верно предположение многих лиц, что хотя Лорис-Меликов и был облечен почти диктаторской властью, но действовал далеко не самостоятельно. По словам моего собеседника, всякий раз, когда возникал сколько-нибудь важный вопрос или надо было принять значительную по своим последствиям меру, он спешил к Абазе и Д. А. Милютину, чтобы посоветоваться с ними»[5].

Итак, ближайшими единомышленниками и советниками Лорис-Меликова являлись Милютин и Абаза. Министр народного просвещения Сабуров, личность бесцветная, находился целиком в сфере влияния министра внутренних дел и

---

[2] Дневник Д. А. Милютина, т. 3, стр. 277—278.

[3] А. А. Абаза находился в свойстве с Д. А. Милютиным. Его сестра, Мария Агеевна, была женой Н. А. Милютина.

[4] 19 октября Лорис-Меликов направил Александру II шифрованную телеграмму в Ливадию, из которой ясно обнаруживается роль его в назначении министра финансов: «Всеподданнейше докладываю, — телеграфировал он, — что Абаза согласился принять предложенную должность и выезжает сегодня вечером в Ливадию... Вследствие вчерашнего моего объяснения с Грейгом, вызов его кажется излишним» (ЦГАОР, ф. А. В. Адлерберга, д. 605, л. 13). Лорис-Меликов стремился как можно скорее оформить это назначение. В той же телеграмме он просил императора повелеть Перетцу или Танееву «для выигрывания времени теперь же изготовить проект указов» (там же).

[5] ИРЛИ (Пушкинский Дом), ф. Феоктистова, L9122 II[6] 14, л. 33.

его единомышленников. Наконец, поддерживали Лорис-Меликова и председатель Государственного совета вел. кн. Константин Николаевич и государственный секретарь Е. А. Перетц.

Первоначально весьма и весьма благосклонно относился к Лорис-Меликову наследник престола. «Сегодня, — записывает он в своем дневнике 9 августа 1880 года, — прочли в газетах о назначении гр. Лорис-Меликова министром внутренних дел. Черевин назначен его товарищем; и III отделение и корпус жандармов соединены в Министерство внутренних дел. Это великолепный шаг и давно все его ждали»[6]. Наследник принимает активное участие в организации Лорис-Меликовым сенаторских ревизий, а тот, в свою очередь, всячески способствует назначению наставника цесаревича Победоносцева членом Комитета министров. 15 сентября он писал наследнику о целесообразности включения Победоносцева в состав Комитета министров: «...постоянное участие его в совещаниях Комитета было бы не только желательно, но и весьма полезно. На рассмотрение Комитета министров часто поступают предметы, касающиеся народного образования. Исходя из убеждения, что только в тесной связи школы с церковью заключается залог дальнейшего преуспеяния народного просвещения, основанного на твердых религиозных началах, я нахожу, что присутствие обер-прокурора Святейшего синода при обсуждении подобных вопросов способствовало бы всестороннему и обстоятельному их разрешению»[7]. Бесспорно, что эта мысль излагалась Лорис-Меликовым не столько потому, что присутствие Победоносцева в Комитете министров признавалось им крайне необходимым, сколько вследствие стремления угодить наследнику. Однако надо заметить, что слова министра «о тесной связи школы с церковью», т. е. придание начальной школе клерикального характера, выражали, как говорилось уже выше, его собственную точку зрения. В заключение письма Лорис-Меликов указывал, что ему неудобно ставить об этом вопрос перед императором в силу того, что данный предмет не принадлежит его ведению. Однако в конце концов, в начале октября, он доложил об этом Александру II и добился его согласия. Как говорилось выше, в начале октября Лорис-Меликов сопровождал наследника вместе с Победоносцевым в его поездке в Крым. Но уже к

---

[6] ЦГАОР, ф. Александра III, д. 308, стр. 79.
[7] ЦГАОР, ф. Лорис-Меликова, д. 285, лл. 1—2.

концу года отношения министра с наследником становятся прохладнее[8].

Причина этого, на наш взгляд, заключалась, во-первых, во влиянии на наследника Победоносцева, начавшего враждебно относиться к Лорис-Меликову по мере реализации последним своих реформаторских планов. Во-вторых, на ухудшение отношений вел. кн. Александра Александровича к Лорис-Меликову сказались и весьма дружественные отношения, установившиеся у последнего с морганатической женой императора кн. Юрьевской[9], что, естественно, не могло быть приятно ему, как сыну. Пожалуй, первопричиной явилось именно это.

---

[8] С начала октября в дневнике наследника исчезают упоминания о Лорис-Меликове. Последний значительно реже обращается к нему с письмами. Так, с сентября 1880 г. до начала марта 1881 г. сохранилось лишь одно письмо, точнее короткая записка, Лорис-Меликова к вел. кн. Александру Александровичу, датированная 22 декабря. Примерно к этому же времени относится перемена во взаимоотношениях Победоносцева и Лорис-Меликова.

В самом начале 1881 г. Победоносцев, судя по письму его к Е. Ф. Тютчевой, относится к Лорис-Меликову по меньшей мере недоброжелательно. В письме от 2 января он, характеризуя министра внутренних дел, писал: «Он удивительно быстро создал себе две опоры и в Зимнем дворце и в Аничковом. Для государя он стал необходимостью, ширмой безопасности. Наследнику облегчил подступы к государю и представил готовые ответы на всякое недоумение, арианнину нить из всякого лабиринта. По кончине императрицы он укрепился еще более, потому что явился развязывателем еще более путанного узла в замутившейся семье и добыл еще в силу обстоятельств третью опору в известной женщине» (Отд. рукописей ГБЛ, ф. Победоносцева, д. 4410/1, л. 1).

[9] Как утверждает в своих воспоминаниях Б. Н. Чичерин, Александр II собирался короновать свою морганатическую супругу. С этой целью в Москву в феврале 1881 г. был командирован специалист по церковным вопросам Тертий Филиппов для извлечения из архивов сведений о коронации императрицы Екатерины I. Добыв в Москве архивные сведения для будущей коронации, рассказывает Чичерин, он с торжеством возвращался в Петербург, как вдруг на полпути узнал о событии 1 марта («Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Земство и Московская дума». М., 1934, стр. 118).

О предполагаемой коронации Юрьевской говорит в своих воспоминаниях и вел. кн. Александр Михайлович. Об этом он слышал незадолго до 1 марта 1881 г. от своих родителей. Кроме того, он передает и виденную им лично сцену во дворце, когда Александр II, обращаясь к своему сыну от морганатического брака Георгию, в полушутливой форме сказал: «А не хочется ли, молодой человек, Вам сделаться великим князем?» (Вел. кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний, ч. 1. Приложение к «Иллюстрированной России» за 1933 г. Париж, стр. 53). Эти воспоминания в целом, на наш взгляд, не заслуживают большого доверия. Однако данный факт представляется нам достоверным.

«...Наследник, — заносит в свой дневник Половцов 18 декабря, — сердит на него (Лорис-Меликова. — *П. З.*) за то, что он ухаживает за кн. Юрьевской»[10].

О близости Лорис-Меликова к морганатической жене императора сообщает и она сама. Так, в книге Лаферте, являющейся по существу воспоминаниями Юрьевской, говорится: «Этот выдающийся министр (Лорис-Меликов. — *П. З.*) понимал, каким усердным и выгодным его союзником была княгиня — жена государя»[11].

По-видимому, Лорис-Меликов широко использовал расположение к нему Юрьевской в целях оказания давления на слабовольного императора. Ограниченная и невежественная, Юрьевская бесспорно обладала более сильным характером, чем ее морганатический супруг. Горячо любивший свою молодую жену престарелый Александр II безропотно выполнял ее волю. «Покойный государь, — рассказывает в своем дневнике за 1881 год Д. А. Милютин, — был совершенно в руках княгини Юрьевской...»[12].

Возвратимся к вопросу об отношении к Лорис-Меликову представителей высшей бюрократии. Враждебно относился к Лорис-Меликову бывший министр внутренних дел Маков,

---

[10] ЦГАОР, ф. Половцова, д. 15, стр. 109.

[11] V. Laferté. Op. cit., p. 52.

[12] Дневник Д. А. Милютина, т. 4, стр. 78. Не лишен в этом отношении интереса рассказ министра двора Адлерберга о женитьбе Александра II на Юрьевской. Царь заговорил о своей женитьбе спустя месяц с небольшим после смерти императрицы. Адлерберг, находившийся в весьма дружеских отношениях с императором, всячески его от этого отговаривал. Это, естественно, стало известно Юрьевской. «...Через несколько дней, когда минул 40-й день (со времени смерти императрицы. — *П. З.*), государь ...снова поразил меня, — рассказывает Адлерберг Милютину, — объявив свое решение... совершить обряд немедленно, секретным образом. Я снова пытался отклонить его, представив все неприличие такого поступка до истечения годичного срока после кончины императрицы. Во все время, что я говорил, государь сидел молча, бледный, смущенный, руки дрожали; вдруг он встает и, не сказав ни слова, выходит в другую комнату... вдруг отворяется снова дверь и входит женщина; за нею вижу фигуру государя, который, впустив княжну в кабинет, затворяет за нею дверь... между нами произошла бурная сцена, продолжавшаяся довольно долго. Среди горячего нашего спора дверь в кабинет полураскрылась и показалась голова государя, который кротко спросил, пора ли ему войти. На это княжна с горячностью ответила: — Нет, оставь нас докончить разговор. Государь захлопнул снова дверь и только несколько времени спустя вошел в кабинет, когда сама княжна, излив злобу на меня, вышла из кабинета» (Дневник Д. А. Милютина, т. 4, стр. 78—79). По-видимому, Адлерберг не делал после смерти Александра II из этого большого секрета, так как об этом, с его же слов, рассказывает и Половцов в своем дневнике.

что было вполне естественно. Отношение председателя Комитета министров Валуева было довольно сложным. Валуев видел в Лорис-Меликове соперника и полагал, что он намеревается для полноты власти занять и его пост. Ему претило отношение Лорис-Меликова к земству, его заигрывание с печатью, однако по одному из основных вопросов политического курса Лорис-Меликова — привлечению цензовой общественности к разработке тех или иных реформ, касавшихся различных сторон государственной жизни, — Валуев как автор аналогичного проекта солидаризировался с ним. Но и по этому вопросу взгляды их были неидентичны.

Такова была расстановка сил внутри правительственного лагеря во второй период диктатуры Лорис-Меликова.

* *
*

Программа деятельности Лорис-Меликова была изложена им в начале сентября редакторам наиболее крупных петербургских газет и журналов. Они были приглашены министром внутренних дел для внушения в связи с рядом помещенных в печати статей. «По поводу появившихся в последнее время в некоторых периодических изданиях статей,— писал он Александру II во всеподданнейшем докладе от 20 сентября, — я счел обязанностью пригласить к себе редакторов более значительных газет и журналов для подробного с ними объяснения и для сделания им строгого внушения...» [13].

Действительно, как говорилось в сообщении об этом, помещенном в сентябрьской книжке «Отечественных записок», Лорис-Меликов призвал к себе указанных редакторов «со специальной целью разъяснить им, чтобы они не волновали напрасно общественных умов, настаивая на необходимости привлечения общества к участию в законодательстве и управлении — в виде ли представительных собраний европейских, в виде ли бывших наших древних земских соборов, — что ничего подобного в виду не имеется». Далее, как говорилось в сообщении, министр внутренних дел указал редакторам, что подобные «мечтательные разглагольствования» особенно неприятны ему, потому что все это связывается с его именем. Лорис-Меликов заявил редакторам, что он, как министр, никаких полномочий на этот счет

[13] «Былое», 1917, кн. 4 (26), стр. 36.

не получал, а сам лично этого в виду не имеет» и, будучи твердо убежден, что в настоящее время самое необходимое, чем надобно заняться и на что он обратит все свое внимание и труд, — это дать должную силу новым учреждениям, уже существующим, а также привести в сообразность и гармонию с последними учреждения старого порядка, видоизменив их, насколько то потребуется для этой цели»[14].

Таким образом, по словам Лорис-Меликова, его задача заключалась не в разработке каких-то проектов того или иного представительства, а в утверждении, точнее в восстановлении, прав «новых учреждений», т. е. земского и городского общественного управления, новых судебных органов и установлении тесной связи их с другими коронными учреждениями. По мнению министра внутренних дел, для реализации этой ближайшей программы потребуется, «может быть», от 5 до 7 лет.

Эта «ближайшая программа» конкретизировалась Лорис-Меликовым в пяти пунктах. Первый ее пункт касался земства и других общественных и сословных учреждений. Задача в этой области заключалась в создании условий для нормальной деятельности указанных учреждений, а также в некотором расширении их прав «в тех случаях, когда на опыте в том или другом отделе представленной им законом деятельности окажется недостаток полномочий, необходимых для правильного дела и экономического улучшения местности».

Во втором пункте говорилось о мерах в полицейской сфере. Они должны были привести полицию «к единообразию», т. е. объединить полицейские и жандармские органы, поставить ее «в гармонию с новыми учреждениями, а также обеспечить законность ее действий».

Третий пункт был посвящен предоставлению бо́льших прав губернским и уездным учреждениям в решении ими ряда вопросов.

Четвертый пункт говорил о предстоящих сенаторских ревизиях, необходимость которых мотивировалась стремлением «дознать желания, нужды и состояние населения разных губерний» и «по возможности удовлетворить желания и нужды» его.

Наконец, пятый пункт касался печати. Министр предполагал предоставить печати возможности «обсуждать различные мероприятия, постановления и распоряжения правитель-

[14] «Отечественные записки», сентябрь 1880 г., стр. 140—141.

ства, с тем только условием, чтобы она не смущала и не волновала напрасно общественные умы своими помянутыми мечтательными иллюзиями» [15].

Программа эта была весьма умеренна. Она не предусматривала каких-либо мер, рассчитанных на привлечение к законодательной деятельности представителей общественности и не содержала ничего нового по сравнению с задачами, предложенными Лорис-Меликовым в его апрельском докладе.

Не только демократическая, но и умеренно-либеральная общественность не была удовлетворена этой программой.

В октябрьской и декабрьской книжках «Юридического вестника» в разделе «Разные заметки» была помещена статья С. А. Муромцева, в которой он далеко не восторженно воспринял программу действий министра внутренних дел. «Семи лет, — писал он, — вовсе не требуется для того, чтобы дать земству и другим общественным и сословным учреждениям возможность вполне пользоваться теми правами, которые дарованы им законом. Для этого, — продолжал он, — нужна только твердая решимость исполнять закон и отмена всех секретных и явных циркуляров и иных постановлений, стесняющих его действие... Росчерка пера достаточно для отмены всех постановлений, которые стесняют свободу печати, и для восстановления хотя бы того порядка, который существовал по закону 1865 года. Не потребуется, наконец, при доброй воле, пяти-семи лет для восстановления в полной силе 1 ст. Уст[ава] угол. суд[опроизводства], в силу которой никто не должен быть подвергнут наказанию в порядке, несогласном с судебными уставами. Истинная свобода печати и оживление земства, — заключал С. А. Муромцев, — невозможны, пока существует административный арест и административная ссылка. В высшей степени поразительно, что в программе г. министра не сказано ничего об этом предмете» [16].

По поводу этого заявления Лорис-Меликова М. Е. Салтыков-Щедрин писал П. В. Анненкову 20 сентября: «Вам, вероятно, известно, что Лорис-Меликов созывал всех редакторов и прочел им речь, в которой заявил, что о конституции и думать нечего и распространять конституционные идеи значит производить в обществе смуту. Вот, значит, и либерализм выяснен. Но о том, чтобы полиции действовали в пре-

---

[15] «Отечественные записки», сентябрь 1880 г., стр. 141.

[16] С. Муромцев. Статьи и речи, вып. V, стр. 48 — 49.

делах законности, и о том, чтобы земским учреждениям не препятствовали пользоваться всеми правами, предоставленными законами, — писать можно»[17].

* *
*

Одним из первых мероприятий Лорис-Меликова после упразднения Верховной распорядительной комиссии было назначение сенаторских ревизий, о чем он представил 11 августа Александру II всеподданнейший доклад. В этом докладе он указывал, что сенаторские ревизии издавна служат верным средством для изучения местных потребностей и дают правительству ценные сведения о положении в тех или иных губерниях. Кроме того, «ревизии эти, — указывал министр, — при удачном выборе ревизующих лиц, послужили бы и к выяснению разнообразных воззрений, кои существуют ныне в отношении настроения умов вне столичных центров и пополнению современными данными имеющихся в Министерстве внутренних дел и у шефа жандармов сведений по многим весьма существенным вопросам...»[18]. К ним он относил и предполагаемую реформу губернских административных учреждений, и «способы к прочному объединению полицейских властей», и уяснение причин распространения революционной пропаганды, и изучение влияния репрессий — административной ссылки, а также ряд других. «...Настоящая минута, — писал Лорис-Меликов, — была бы в высшей степени удачной для назначения сенаторских ревизий в шести или семи губерниях различных полос империи. Ревизии эти были бы крайне полезны не только для ведомства Министерства внутренних дел, но, без сомнения, и для других ведомств... Самое назначение ревизий не может, по моему убеждению, не произвести весьма успокоительного впечатления, как новое доказательство высочайшего вашего величества попечения о благе народном»[19].

В соответствии с этим докладом были назначены ревизии в следующих губерниях: в Самарской и Саратовской — се-

---

[17] Н. Салтыков (М. Е. Щедрин). Полн. собр. соч., т. XIX, кн. 2. М., 1939, стр. 170.

[18] ЦГАОР, ф. Лорис-Меликова, д. 87, л. 2. Черновой список всеподданнейшего доклада без указания даты и подписи. Текст доклада частично воспроизводится С. С. Татищевым в его книге «Император Александр II. Его жизнь и царствование», т. II, стр. 543 — 548.

[19] ЦГАОР, ф. Лорис-Меликова, д. 87, лл. 3 — 4.

натор И. И. Шамшин; в Киевской и Черниговской — сенатор А. А. Половцов; в Воронежской и Тамбовской — сенатор С. А. Мордвинов; в Костромской, Казанской (а позднее в Оренбургской и Уфимской) — сенатор М. Е. Ковалевский. Все губернии, намеченные для ревизии, были не промышленными, а сельскохозяйственными; при этом только одна Костромская была нечерноземная. Выбор намеченных к ревизии губерний в какой-то степени говорил о том, какие вопросы в большей мере волновали правительство. Следует отметить, что в большинстве из намеченных губерний (за исключением Костромской и Уфимской) обеспеченность крестьян землей была крайне недостаточной: примерно половина и более всех бывших помещичьих крестьян этих губерний имела душевой надел до трех десятин.

По отдельным из перечисленных губерний (в %):

Саратовской	— 49,3	Воронежской	— 70,1
Самарской	— 44,3	Тамбовской	— 80,6
Киевской	— 82,0	Оренбургской	— 61,8
Черниговской	— 46,7	Казанской	— 47,8 [20]

Надо сказать, что в большинстве этих губерний имела большое распространение народническая пропаганда. Необходимо также отметить, что ни одна из ревизуемых губерний не была промышленной. Это свидетельствовало о том, что рабочему вопросу в этот период еще не уделялось должного внимания.

Лорис-Меликов, придавая предстоящим ревизиям большое значение, отнюдь не ограничивался задачей ознакомления с деятельностью тех или иных местных учреждений.

Разработка инструкции ревизующим сенаторам производилась различными ведомствами и была представлена министром юстиции как генерал-прокурором Сената на утверждение Александра II. Однако в действительности все направлялось Лорис-Меликовым. Именно он, а не генерал-прокурор Сената, т. е. министр юстиции, инструктировал отъезжающих сенаторов. Этот факт, сам по себе не столь уж важный, достаточно ярко характеризовал роль министра внутренних дел как своеобразного премьер-министра [21].

В конце августа Лорис-Меликов выступил перед сенаторами, отправлявшимися на ревизию, со следующей программной речью. «Ревизия ваша, — заявил он, — не будет

[20] «Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России», т. I. СПб., 1880.

[21] Речь Лорис-Меликова воспроизводится нами по дневниковой записи сенатора А. А. Половцова. ЦГАОР, ф. Половцова, д. 15, стр. 11—17.

той простой сенаторской ревизией, какими они бывали прежде: здесь речь идет не о предании суду и отрешении от должности лиц, оказавшихся виновными в каких-либо злоупотреблениях, нет, здесь надо посмотреть, как бы устранить общие неудобства нашего провинциального правительственного порядка, как бы привести к единству, к согласию все то, что, быть может, не всегда в одном направлении было сделано законодательною властью за последнее время. Вступив в управление Министерством в[нутренних] д[ел], — продолжал он, — я вижу, что министру приходится подписывать груду бумаг, что при нем состоят полчища чиновников... для чего мне эти люди? Не могли ли бы они быть более полезными, употребив свою силу на деятельность губернскую?». Лорис-Меликов остановился на вопросе о существовании ужасающей централизации, когда те или иные третьестепенные дела могут быть решены только верховной властью. «...Петербург, — резюмировал он, — все забрал в свои руки». В связи с этим он рекомендовал, ознакомившись с состоянием местной административной системы, продумать вопрос, как бы уменьшить число должностных лиц по различным ведомствам в губернии и «соединить управление в одном соединенном собрании при участии и выборных представителей». Далее Лорис-Меликов коснулся земских вопросов, заявив, что, будучи харьковским генерал-губернатором, он убедился в отрицательном отношении к земству. «Население недовольно земством, которое дорого ему стоит и мало делает, а здесь я увидел, — продолжал он, — что земство просто презренно в глазах главных органов власти...» Заслужило ли оно такую репутацию, задавал он вопрос, и можно ли сделать деятельность земства более плодотворной? «Я знаю, — заявил он, — что есть люди, мечтающие о парламентах, о центральной земской думе, но я не принадлежу к их числу. Эта задача достанется на долю наших сыновей и внуков, а нам надо лишь приготовлять к тому почву» [22].

В заключение министр внутренних дел подчеркнул, что поставленные им вопросы отнюдь не исчерпывают их задачи и не стесняют их деятельности. «От каждого сенатора, — сказал он, — зависит возбудить какой ему угодно вопрос и представить свои вопросы о его разрешении». Речь свою Лорис-Меликов закончил восхвалением Александра II, «который, несмотря на длительное царствование свое, продолжает энергически трудиться на пользу России» [23].

[22] ЦГАОР, ф. Половцова, д. 15, стр. 13 — 15.
[23] Там же, стр. 15—17.

В инструкции отъезжающим на ревизию сенаторам наибольшее место занимали вопросы, относившиеся к ведомству Министерства внутренних дел.

«Обратить особое внимание на те явления местной жизни, — говорилось в инструкции, — кои имеют связь с распространением лжеучений, так и с причинами, содействующими к более легкому восприятию их, и представить возможно полные данные по ревизуемым губерниям, при этом указать по возможности, какие меры могли бы содействовать ослаблению влияния социальных лжеучений» [24]. Далее рекомендовалось выяснить, какое влияние «на настроение умов» оказывают различные репрессии.

Особый пункт инструкции был посвящен необходимости выяснить «настроение умов» крестьянства, в частности о распространении среди них слухов о «черном переделе». Вместе с тем требовалось собрать подробные сведения об экономическом положении крестьян, о причинах «упадка народного благосостояния и нравственности», а также наметить меры к устранению этих причин. В частности, рекомендовалось продумать вопрос об облегчении «крестьянам приобретать землю в полную собственность и способы к облегчению и урегулированию переселений...» [25]. Ревизующие сенаторы должны были детально ознакомиться с состоянием крестьянского общественного управления, а также с местными по крестьянским делам учреждениями.

Большое внимание уделялось земствам. «Ввиду замечаемой несоответственности результатов деятельности земских учреждений тем ожиданиям правительства и общества, коими сопровождалось их открытие, — говорилось в инструкции, — обратить внимание на причины такого явления и вникнуть в изыскание таких мер, кои, не возбуждая надежд к осуществлению ныне центрального представительства земства, могли бы оживить его деятельность и поставить его на соответствующее место в ряду местных учреждений» [26]. Требовалось также изучить состояние городского общественного управления и ознакомиться с санитарным состоянием городов. В инструкции указывалось на необходимость изучения состояния местных правительственных учреждений в целях

---

[24] ЦГАОР, ф. Александра III, д. 600, л. 2. Инструкция представляет литографированный список без подписи и даты. Опубликован с существенными неточностями в «Русском архиве», 1912, кн. 11, стр. 417—429, по списку, хранившемуся в бумагах С. С. Татищева.

[25] Там же, л. 5.

[26] Там же, лл. 7—8.

их реогранизации и объединения деятельности различных ведомств, сокращения числа учреждений и присутствий.

Следовало также наметить пути к объединению на местах деятельности различных полицейских властей, включая жандармское ведомство.

Последние пункты инструкции, касавшиеся ведомства Министерства внутренних дел, были посвящены раскольникам и еврейскому вопросу. В отношении раскольников рекомендовалось «вникнуть в положение раскола и выяснить степень настоятельности тех мер, кои могут быть приняты в видах облегчения существующих относительно раскольников стеснений».

Что касается еврейского вопроса, то сенаторам предлагалось «обратить внимание на характер влияния еврейского элемента и на практическое исполнение действующих о евреях законов» [27].

По судебному ведомству сенаторы должны были ознакомиться с деятельностью коронных и мировых судебных учреждений. Рекомендовалось обратить внимание на состояние прокурорского надзора, на деятельность института присяжных заседателей, посетить места заключения. Предлагалось изучить вопрос о взаимосвязи чинов судебного ведомства с полицией.

Большое внимание уделялось проблемам, относящимся к ведомству Министерства финансов. Необходимо было исследовать вопрос о подушной подати, отмена которой, судя по всеподданнейшему докладу Лорис-Меликова 11 августа, была уже одобрена Александром II. Требовалось уяснить причины накопления недоимок и наметить пути к предотвращению этого, выяснить, насколько паспортная система мешает свободному передвижению населения.

Предлагалось выяснить, в какой мере акциз на соль препятствует употреблять ее в корм скоту и насколько она подешевеет, если акциз будет ликвидирован.

К финансовой группе вопросов относилось и изучение состояния деятельности сельских банков и ссудосберегательных касс с точки зрения влияния этих учреждений на уменьшение ростовщичества в деревне.

Наконец, требовалось ознакомиться с торгово-промышленной деятельностью евреев, имея в виду необходимость изменения в этом вопросе существующего законодательства. Двукратное упоминание инструкции о необходимости изуче-

---

[27] ЦГАОР, ф. Александра III, д. 600, л. 13, 13а.

ния положения евреев свидетельствовало о стремлении правительства внести в существующее законодательство некоторые изменения.

Необходимо было также обратить внимание на положение ремесленников и фабричных рабочих в целях выяснения необходимости издания законов, определяющих продолжительность рабочего дня, а также возрастной ценз. Инструкция также предполагала выяснение вопроса о потребности в техническом персонале. Включение в инструкцию указанных пунктов, казалось бы, должно было повлечь за собой ревизию той или иной промышленной губернии, но, как указывалось выше, этого не произошло. В силу этого выяснение их, по-видимому, не имело первостепенного значения.

Значительное место в инструкции было уделено и ведомству Министерства государственных имуществ. Требовалось ознакомиться с деятельностью местных органов этого министерства и выяснить возможности слияния их с общегубернскими учреждениями; необходимо было собрать сведения об аренде оброчных статей, о состоянии подведомственных министерству учебных заведений и определить, насколько они удовлетворяют потребностям сельского хозяйства; ознакомиться с состоянием лесонасаждений в степных губерниях; выяснить способы обеспечения каменным углем ревизуемых губерний и изучить вопрос о переселениях крестьян. Наряду с этим нужно было установить возможность привлечения земских учреждений к совместной деятельности с органами государственных имуществ по вопросам сельского хозяйства.

Сенаторам вменялось в обязанность, изучив взаимоотношения сельских хозяев и рабочих, наметить меры, которые необходимо осуществить для нормализации этих отношений.

Наконец, последние четыре пункта инструкции обязывали сенаторов ознакомиться с состоянием учебных заведений.

Мы полностью изложили содержание всех 46 пунктов инструкции, имея в виду, что круг вопросов, поставленных в ней, чрезвычайно важен для понимания тех задач, которые ставил перед собой Лорис-Меликов. Они сводились прежде всего к мерам, направленным «на умиротворение» крестьянства. Все они носили, естественно, паллиативный характер, не затрагивая главного — обеспечения крестьян землей за счет помещичьего землевладения. Существенная роль отводилась реорганизации местных губернских и уездных учреждений, при одновременном оживлении деятельности земства и органическом слиянии его с органами коронной власти.

Большое место при этом отводилось вопросам объединения деятельности всех полицейских властей и координации их с судебными органами.

* *

*

Особенно большое внимание Лорис-Меликов уделял упорядочению и укреплению административно-полицейской системы. 10 ноября он представил всеподданнейший доклад «О полном слиянии высшего заведования полицией в одно учреждение — Министерство внутренних дел». Доклад ставил вопрос о слиянии Департамента государственной полиции (бывшего III отделения) и Департамента полиции исполнительной. Этот вопрос, как говорилось уже выше, был предрешен еще в августе докладом начальника Верховной распорядительной комиссии, на основе которого создавался Департамент государственной полиции «впредь до возможности полного слияния высшего заведования полицией в государстве в одно учреждение, упомянутого министерства» [28].

В начале доклада Лорис-Меликов указывал, что, подробно ознакомившись с деятельностью Департамента полиции исполнительной, он считает вполне своевременным безотлагательно осуществить это объединение. Однако он полагал необходимым, чтобы «в ведении нового учреждения остались исключительно дела, имеющие непосредственное отношение к ограждению общественного спокойствия, к утверждению благочиния и пресечению преступлений. Только при этом условии, — писал он, — новое учреждение будет в состоянии всецело посвятить свой труд выполнению своей прямой и существенной задачи». Руководствуясь этим, он считал необходимым все дела, не имевшие строго полицейского характера, передать из Департамента полиции исполнительной в другие департаменты министерства. С этой же целью предлагалось часть дел, рассматривавшихся ранее в III отделении, также передать в Департамент общих дел, либо непосредственно министру. Эти дела касались раскола, нарушений устава о воинской повинности, и, наконец, к ним относились различные жалобы и просьбы частных лиц о пособиях и т. д.

Говоря о личном составе Департамента государственной полиции, министр полагал его ограничить 52 чиновниками

[28] ЦГИАЛ, ф. Департамента общих дел, оп. 241, д. 81, л. 414.

(вместо 128, составлявших штат III отделения и Департамента полиции исполнительной).

«Такое сокращение, — писал министр, — представлялось возможным посредством сосредоточения делопроизводства в руках опытных и способных должностных лиц, доказавших уже и свое усердие и знание дела. Вследствие этого и в видах привлечения в новое учреждение благонадежных и вполне развитых чиновников признавалось бы необходимым... допустить в штате департамента некоторые отступления от общих для других департаментов Министерства внутренних дел норм как по классам должностей, так и по содержанию» [29]. Так, должность директора Департамента государственной полиции вместо IV класса должна была соответствовать III классу, вице-директора — вместо V — четвертому и т. д. Жалованье в соответствии с этим также увеличивалось: для директора вместо 7 тыс. руб. в год — 10 тыс., вице-директора вместо 4 тыс. — 5 тыс. [30].

Представление Лорис-Меликова было утверждено Александром II 15 ноября [31]. Директором Департамента государственной полиции еще в августе был назначен директор Департамента почт и телеграфа барон Велио [32]; вице-директором (в середине ноября) — Юзефович [33].

---

[29] ЦГИАЛ, ф. Департамента общих дел, оп. 241, д. 81, лл. 415, 418.

[30] Там же, л. 417.

[31] Штат Департамента государственной полиции состоял из:
1) директора департамента;
2) вице-директора;
3) чиновников особых поручений — 3;
4) секретарей — 1;
5) журналистов — 1;
6) делопроизводителей — 3;
7) старших помощников делопроизводителей — 10;
8) младших помощников делопроизводителей — 9;
9) казначеев — 1;
10) помощников казначея — 1;
11) начальника архива — 1;
12) помощников начальника архива — 2;
13) чиновников для письма — 18.
Собрание узаконений Российской империи 1880 г., № 112, ст. 802.

[32] Барон Велио в прошлом непосредственного отношения к жандармским органам не имел, если не считать пребывания его на посту губернатора в Симбирске и полуторагодичного управления Департаментом полиции исполнительной в конце 60-х годов.

[33] Вице-директор Департамента полиции не имел никакого отношения не только к жандармским, но и к полицейским органам, будучи до 1879 г. старшим производителем работ по строительству и оценке казен-

Департамент государственной полиции ведал следующими вопросами: «1) предупреждением и пресечением преступлений и охранением общественной безопасности и порядка; 2) делами о государственных преступлениях; 3) организацией и наблюдением за деятельностью полицейских учреждений; 4) охранением государственных границ и пограничных сообщений; 5) выдачей паспортов русским подданным, видов на жительство в России иностранцам, высылкой иностранцев из России, возвращением на родину русских подданных, задержанных за границей по обвинению в различных преступлениях, надзором за соблюдением законов о правах на жительство евреев; 6) наблюдением за изготовлением, хранением, торговлей и транспортом оружия и взрывчатых веществ; 7) наблюдением за всеми видами культурно-просветительной деятельности и утверждением уставов различных обществ, а также рядом других вопросов второстепенного значения»[34]. Таким образом, функции департамента были весьма обширны.

Департамент государственной полиции состоял из трех делопроизводств: распорядительного, законодательного и секретного; распорядительное ведало общеполицейскими делами, включая и финансовые вопросы; законодательное — организацией полицейских учреждений в России и разработкой различных законопроектов в этой области; наконец, секретное выполняло функции политической полиции, т. е. занималось борьбой с революционным движением.

Одновременно с предложением об окончательном слиянии Департаментов государственной полиции и полиции исполнительной Лорис-Меликов представил доклад о создании в Министерстве внутренних дел особого судебного отдела вместо упраздненной юрисконсульской части III отделения. На этот отдел предполагалось возложить, «во-первых, разработку и подготовление к дальнейшему в законном порядке направлению дел о государственных преступлениях» и, во-вторых, выполнение поручений министра внутренних дел «по производству дел министерства, имеющих отношение к судебному ведомству»[35]. Штат судебного отдела предполагался небольшой — всего пять человек. Представление министра было утверждено императором также 15 ноября.

ных оброчных статей в Киевской палате государственных имуществ По-видимому, Лорис-Меликов не хотел, чтобы Департамент государственной полиции возглавлялся чинами корпуса жандармов.

[34] «Свод законов Российской империи», т. I. СПб., 1892, стр. 362.

[35] ЦГИАЛ, ф. Департамента общих дел, оп. 241, д. 81, лл. 428 — 429.

Управляющим особым судебным отделом был назначен обер-прокурор Первого департамента Сената Рычков.

Наряду с этими мерами Лорис-Меликов стремился укрепить административную власть на местах. Того же 10 ноября он представил всеподданнейший доклад «Об увеличении содержания губернаторам и градоначальникам». «Значение губернаторов и градоначальников как главнейших представителей высшей правительственной власти в губернских областях и градоначальствах, — писал он в докладе, — необходимо требует, чтобы служебное положение их во всех отношениях соответствовало бы той степени влияния, какую они должны иметь во вверенных управлению их местностях». Далее он указывал, что, несмотря на все это, жалованье их невелико, составляя для губернаторов 5432 руб. (без квартирных и разъездных). Министр предлагал установить губернаторам оклад от 7 тыс. до 8 тыс. руб. в год (в зависимости от значения губернии), градоначальникам с.-петербургскому и одесскому — по 8 тыс. руб., а керченскому и таганрогскому — по 5 тыс. руб.[36] Александр II утвердил и эти представления[37].

Стремясь к полной ликвидации обособленности жандармского ведомства, министр внутренних дел в специальном циркуляре предложил, чтобы донесения начальников губернских жандармских управлений направлялись не непосредственно в Департамент государственной полиции, а губернатору. «...Принимая во внимание, что в непродолжительном времени должно последовать полное объединение властей и окончательное слияние полиции под высшим управлением одного учреждения, я признаю необходимым, — говорилось в циркуляре, — чтобы отныне начальники жандармских управлений, в ведении которых должны оставаться неизменно по-прежнему все дела, имеющие политический характер, взамен непосредственных донесений своих департаменту, сообщали бы все сведения по сим делам, в видах сокращения излишней и двойственной переписки, исключительно губер-

---

[36] ЦГИАЛ, ф. Департамента общих дел, оп. 241, д. 81, лл. 401, 404 — 405.

[37] Губернаторам в губерниях, отнесенных к 1-му разряду, с 1 января 1881 г. оклад устанавливался без квартирных от 5432 до 9900 руб. в год; в губерниях 2-го разряда, с того же времени, с 4750 до 7504 руб. (ЦГИАЛ, ф. Департамента общих дел, оп. 241, д. 81; лл. 409 — 413). Позднее, в марте 1881 г., по представлению Лорис-Меликова был увеличен оклад временным генерал-губернаторам (харьковскому, киевскому и одесскому) до 24 тыс. руб в год. Этот оклад вдвое превышал жалованье члена Государственного совета.

наторам, которые по получении этих сообщений и по всем вопросам вообще, имеющим характер государственных преступлений, входили бы в непосредственное сношение с Департаментом государственной полиции»[38].

В заключение указывалось, что губернаторы должны заниматься вопросами, «относящимися к ведению чинов жандармского корпуса», непосредственно, не привлекая к этому кого-либо из подведомственных им чиновников.

Этот циркуляр представлял собой серьезный шаг по пути полного подчинения жандармских органов губернаторской власти[39].

В начале 1881 года во главе тюремного ведомства был поставлен один из деятелей реформы 60-х годов — Н. К. Грот. По-видимому, Лорис-Меликова не удовлетворял возглавлявший Главное тюремное управление Галкин-Врасский, которого он был не в силах убрать. Сделано это было в довольно своеобразной форме: Галкин-Врасский оставался на своем посту, а Грот назначался к нему своеобразным «шефом». 21 января 1881 года министр внутренних дел сделал соответствующее представление в Комитет министров, в котором он предлагал поставить Грота во главе тюремного ведомства, имея в виду, что на него возложено составление проектов тюремной реформы. 27 января этот вопрос был решен удовлетворительно.

Первый пункт постановления Комитета министров гласил, что за министром внутренних дел сохраняется общее руководство тюремным ведомством. Во втором же пункте говорилось о предоставлении «в виде временной меры, лично ст. секретарю Гроту: прав и обязанностей министра внутренних дел по званию президента попечительного общества о

---

[38] ЦГИА УССР, ф. Канцелярии киевского генерал-губернатора, оп. 830, д. 121, 1880 г., л. 14, циркуляр № 8363 от 8 ноября 1880 г. Это распоряжение было отменено министром внутренних дел гр. Игнатьевым циркуляром от 9 июня 1881 г. за № 3615.

[39] Это распоряжение, по-видимому, вызвало недовольство жандармских властей. Подтверждением этого является циркулярное письмо директора Департамента полиции барона Велио начальникам жандармских управлений Одессы, Херсона и Екатеринослава от 8 ноября 1880 г. Говоря о новом порядке сношений с Департаментом полиции, Велио писал: «...поставьте себе задачей не только не ослаблять деятельности своей в столь важном деле, как охранение порядка и общественного спокойствия, но еще с большей энергией и твердостью продолжайте исполнение лежащих на Вас... и на вверенных Вам чинах обязанностей, имея в виду, что настоящий порядок ни в коем случае не умаляет значения Вашего в производстве дел по государственным преступлениям» (ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1880 г., д. 737, л. 15[3]).

тюрьмах и по руководству Главным тюремным управлением»[40]. Далее указывалось, что Гроту предоставляется также участвовать с правом голоса в суждениях по тюремным делам в высших государственных учреждениях и заменять министра внутренних дел в Правительствующем сенате и в сношениях со всеми местами и лицами по означенным делам»[41].

* *
*

Экономическое положение народных масс, естественно, привлекало внимание правительства. Наиболее умные представители его понимали, что уровень жизни имеет прямое отношение к росту «крамолы». В силу этого и Лорис-Меликов уделял этому вопросу большое внимание, что находило свое выражение как в практических мероприятиях правительства, так и в проекте государственных преобразований, изложенном им во всеподданнейшем докладе 28 января 1881 года.

Большой интерес для характеристики экономического положения населения представляет доклад товарища министра финансов Бунге, представленный им Александру II во второй половине сентября, вскоре после назначения его на эту должность.

В докладе Бунге дается характеристика положения крестьянства и излагаются пути к его улучшению. Бунге указывал, что если крестьяне в большинстве своем, за исключением отдельных местностей, получили наделы, соответствовавшие «указаниям его величества», то «в течение времени, когда население возросло, в особенности там, где наделы были сравнительно малы или дурного качества, отведенная земля оказалась недостаточной для прокормления крестьян и для доставления им средств к уплате налогов и выкупных платежей. Когда же к этому присоединились неурожаи от климатических причин и от появления вредных насекомых и, наконец, скотские падежи, тогда положение крестьян в целых уездах и даже губерниях сделалось бедственным».

Бунге сообщал, что в силу этого уплата налогов и выкупных платежей в данных районах прекратилась и правитель-

---

[40] ЦГИАЛ, ф. Комитета министров, д. 4161, ст. 33, л. 378.

[41] Там же. Об этом решении Главным тюремным управлением был издан специальный циркуляр за двумя подписями — Грота и Галкина-Врасского (ГАХО, ф. временного харьковского генерал-губернатора, оп. 1, д. 327, л. 1).

ство принуждено принять меры к оказанию продовольственной помощи. В Смоленской губернии недоплаты по выкупным платежам превысили вдвое годовой оклад, в Новгородской губернии — в $1^1/_2$ раза, а в отдельных уездах Черниговской губернии — в 3—5 раз. «Эти бедствия тем печальнее, — писал Бунге, — что для восстановления благосостояния крестьян, потерявших скот и обедневших, недостаточно одного или двух хороших годов, а при малом поземельном наделе самое улучшение материального быта крестьян не может быть прочным» [42].

Значительная часть доклада посвящена мерам, долженствующим улучшить состояние финансов, а следовательно, и положение населения и в первую очередь крестьянства. На первый план Бунге выдвигал переселение крестьян для обеспечения их землей. «...Главное средство для улучшения положения сельского населения, там, где это улучшение оказывается настоятельно необходимым, — пишет он, — заключается в переселении излишнего, не могущего прокормиться населения» [43]. Для этого он настоятельно рекомендовал прекратить раздачу казенных земель как в Европейской России, так и на окраинах, имея в виду сохранение этого фонда для нужд переселяющегося крестьянства.

Переходя к финансовым вопросам, Бунге указывал на первостепенную необходимость отмены двух налогов: подушной подати и соляного налога. Автор подробно останавливается на вреде подушной подати. «Подати и сборы, основанные на подушном исчислении, — писал он, — прикрепляют население к земле, так как обеспечением исправного их поступления служит не доход с наделов, а лицо и заработок последнего. Отсюда вытекает необходимость и в паспортной системе... и в круговой поруке, обязывающей более достаточного платить за бедного». Бунге рекомендовал приступить к «преобразованию подушной системы» путем дифференциации ее в различных районах в зависимости от обременительности [44].

Соляной налог, приносивший государству ежегодно около 14 млн. руб., также отличался «крайней неуравнительностью, как налог, платимый пропорционально не доходу, а числу

---

[42] ЦГАОР, ф. Александра II, д. 673, лл. 5'—6.
[43] Там же, л. 11.
[44] Там же, л. 15. Собственно говоря, вопрос об отмене подушной подати был поставлен еще ранее и уже в начале 1879 г. была образована особая комиссия «для изыскания способов к отмене подушной подати».

душ, принадлежавших к семейству»[45]. Автор записки считает необходимым отмену этого налога как для облегчения наиболее нуждающейся части населения, так и для улучшения скотоводства (наличие налога уменьшало возможность употреблять соль в пищу скоту).

Отмена подушной подати и соляного налога должна была бы быть компенсирована введением ряда других налогов (поземельного с лиц неподатных сословий, подоходного с различных групп населения, налога с капиталов и др.).

Записка товарища министра финансов целиком отражала экономическую программу либеральной общественности, широко излагавшуюся на страницах различных периодических изданий, а также экономических исследований[46]. Объективный смысл выдвигаемых в ней требований означал, во-первых, смягчение земельной нужды крестьянства, не посягая при этом на помещичье землевладение, и, во-вторых, переход от феодальных принципов обложения населения к буржуазным, от подушной системы — к подоходной.

Все это, как мы увидим ниже, целиком разделялось представителями либеральной бюрократии, взгляды которой наиболее полно в этот период выражал Лорис-Меликов[47].

Одной из первых мер министра внутренних дел в финансово-экономической области была отмена соляного налога. В начале октября, во время пребывания в Ливадии, Лорис-Меликов в докладе Александру II развивал мысль о необходимости отмены налога на соль, но, по-видимому, не добился положительного решения. Возвратившись в Петербург, он снова настаивает на этом в своем письме царю от 14 октября. В начале его Лорис-Меликов касается экономических результатов этой меры, выражая мнение, что она, может быть, и не оправдает надежд, возлагаемых на нее экономистами. «Но в отмене соляного налога, — писал он, — независимо [от] денежных интересов, замешаны такие соображения высшего свойства, перед которыми должны умолкнуть все остальные. В убеждении русского народа акциз на соль есть один из наиболее ненавистных налогов. Поэтому отмена его удовлетворит стольким ожиданиям и настолько будет соответствовать всенародному желанию, что одно

---

[45] ЦГАОР, ф. Александра II, д. 673, л. 16.

[46] См. Р. Янсон. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и повинностях. СПб., 1878.

[47] Есть основания полагать, что этот доклад был не только заранее известен министру внутренних дел, но и был в какой-то степени инспирирован им, впрочем так же, как и само назначение Бунге.

нравственное впечатление, произведенное подобной мерой, с избытком вознаградит временную материальную потерю в государственном бюджете». Министр подчеркивал, что император, освободивший народ от крепостного права, должен осуществить и эту меру. «Такая новая милость, — указывал он, — возвещенная с высоты престола, будет встречена искренно неподдельною признательностью со стороны всех сословий и состояний и упрочит союз царя с народом» [48].

Таким образом, Лорис-Меликов рассматривал эту меру прежде всего с точки зрения политической, т. е. борьбы с «крамолой». Он настаивал, чтобы вопрос этот был решен тотчас же, дабы Министерство финансов имело бы время изыскать возможности «для возмещения потери в бюджете» путем мер, рекомендованных Бунге. Дабы развязать себе руки в решении финансовых вопросов, Лорис-Меликов добился, как говорилось выше, в конце октября смены министра финансов С. А. Грейга и назначения на этот пост А. А. Абазы.

При назначении Абазы на пост министра финансов им были получены указания, которыми он должен был руководствоваться в своей деятельности. В них говорилось, что улучшение «финансовой системы» в империи «должно предшествовать всем другим мерам и предположениям, как бы настоятельны они ни оказались» [49]. Мы не знаем, кто являлся инициатором этих «указаний», сообщенных Абазе от имени царя, однако не исключена возможность, что они исходили опять-таки от Лорис-Меликова.

Абаза, приняв пост министра, в свою очередь обратился к Александру II с письмом, в котором излагал условия, необходимые для выполнения «высочайших указаний». «В развитие этой основной мысли, — писал он, — считаю священной обязанностью всеподданнейше доложить о некоторых мерах, без которых все усилия каждого министра финансов не могут, по убеждению моему, привести к указанной Вашим императорским величеством цели, для достижения которой мне представляется необходимым: 1) Возложить на министра финансов, чтобы на точном основании высочайше утвержденных сметных правил никакой расход, в смете не показанный, не был разрешен помимо Государственного совета.

---

[48] ЦГАОР, ф. Лорис-Меликова, д. 297. Письмо Лорис-Меликова Александру II от 14 октября 1880 г., лл. 1 — 2.

[49] Эти «высочайшие указания» приводятся Абазой в его письме к Александру II. Письмо это в копии находится в фонде Александра II. Датировано октябрем (без указания числа) 1880 г. См. ЦГАОР, ф. Александра II, д. 676, л. 1.

2) Возвратиться к определению нормальных смет Военного и Морского министерств...» Абаза при этом указывал на необходимость сочетания потребностей армии и флота с возможностями казны. 3) В связи с тем что финансы находятся в зависимости от внешней политики государства, необходимо определить «по непосредственным указаниям Вашего величества ближайшие сношения между министром иностранных дел и финансов». 4) Имея в виду, что в вопросах государственного хозяйства Министерства государственных имуществ и путей сообщения имеют настолько важное значение, «что для стройного экономического развития страны представляется необходимым не только полное единство направления сих ведомств с Министерством финансов, но и некоторая зависимость в финансовом отношении» [50].

Таковы условия, которые ставил Абаза. В заключение он писал: «Всеподданнейше испрашивая высочайшего Вашего императорского величества утверждения вышеозначенных пунктов, не смею при этом обещать скорого улучшения; напротив, предвижу в ближайшем будущем усиление экономического кризиса, дальнейший упадок курса и неизбежность дефицита» [51].

Назначение Абазы дало возможность Лорис-Меликову осуществить руками министра финансов свою заветную мечту. Последний представил Александру II проект указа об отмене налога на соль, который был 23 ноября им подписан. «Желая в тяжкую годину неурожая... явить вверенному нам божественным промыслам народу нашему новое доказательство наших забот о его благосостоянии, — говорилось в указе, — мы признали за благо отменить акциз, взимаемый с соли с 1 января 1881 года, и соразмерно уменьшить таможенную пошлину с соли, привозимой из-за границы» [52]. В заключение выражалась надежда, что отмена налога не только уменьшит тяготы необеспеченной части народа, но и будет способствовать развитию скотоводства, земледелия и других отраслей народного хозяйства. Характеризуя этот указ, Валуев в своем дневнике замечает с присущим ему сарказмом: «Указ — в тоне манифеста с печатью безграмотности в фразе о призывании благословения «на возлагаемые труды» и с странной примесью упоминовения о боге, о беднейших классах и о скотоводстве» [53].

---

[50] ЦГАОР, ф. Александра II, д. 676, лл. 1 — 2.
[51] Там же, л. 3
[52] ПСЗ, 2 собр., т. LIV, № 61578.
[53] П. А. Валуев. Дневник 1877 — 1884 гг., стр. 129.

Отмена соляного налога была проведена без соблюдения каких-либо формальностей. Этот вопрос не обсуждался ни в Государственном совете, ни даже в Комитете министров[54]. Это вызвало неудовольствие в сферах высшей бюрократии и, как указывает государственный секретарь Е. А. Перетц, стоило государству немало денег. «В подробностях высочайшего повеления по этому делу, — заносит он в свой дневник 5 декабря, — оказывается такой промах, который стоит казне семь миллионов рублей, а между тем грозит разорением мелким солепромышленникам. Акциз за отпущенную в последнее время соль возвращается из казны не тому, кому следовало бы. Крупные солепромышленники, как например купец Блинов, получают даром по миллиону и полтора миллиона рублей; между тем внесенный ими в казну акциз получен ими уже от второстепенных торговцев, приобретших от них соль. Положение же последних критическое»[55].

Что касается других финансовых вопросов, поставленных как ранее самим Лорис-Меликовым, так и Бунге, то они за время пребывания первого на посту министра внутренних дел окончательно решены не были. В общей форме о них ставил вопрос Лорис-Меликов в своем известном докладе императору 28 января 1881 года.

Другой вопрос, сильно тревоживший министра внутренних дел, был продовольственный. В 1880 году неурожай постиг целый ряд губерний, в силу чего положение с продовольствием было весьма напряженным. Это находило свое отражение в докладах Лорис-Меликова царю. «По вопросу об обеспечении народного продовольствия, хотя получаемые до сих пор сведения не могут еще считаться особенно тревожными, — писал он в докладе от 20 сентября, — тем не менее от начальников губерний разных полос России про-

[54] В качестве курьеза интересно отметить, что вопрос «относительно отмены разрешения перевозки соли в склады без предварительной оплаты оной попудными деньгами», являвшийся неизмеримо менее важным, чем отмена соляного налога, был внесен на рассмотрение Комитета министров. См. ЦГИАЛ, ф. Комитета министров, д. 4165, ст. 202. Заседание 31 марта 1881 г.

[55] Дневник Е. А. Перетца, стр. 14. Примерно то же говорит в своих воспоминаниях Б. Н. Чичерин: «Результат был тот, что казна потеряла значительный доход. Народ не почувствовал никакого облегчения, а обогатились крупные солепромышленники, которые вследствие безобразия принятых финансовым управлением мер, получили громадные барыши» («Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Земство и Московская дума», стр. 100). По мнению Чичерина, скоропалительность этой меры была вызвана стремлением приобрести популярность. Подобное суждение, не лишенное, на наш взгляд, оснований, естественно отнести не столько к Абазе, сколько к Лорис-Меликову.

должают поступать ходатайства о выдаче ссуд на обсеменение полей и продовольствие населения. Настоящий вопрос, — продолжал он, — не может не озабочивать меня, так как в некоторых губерниях неурожаи повторяются несколько лет сряду и при новом недороде хлебов положение может осложниться, повлияв на успешное поступление податей и урожая, при подстрекательстве неблагонамеренных людей беспорядком в крестьянском населении» [56]. Это, естественно, не могло не тревожить министра внутренних дел.

Далее Лорис-Меликов указывал, что правительственная помощь в виде продовольственной и денежной ссуды будет недостаточной и потребуется организация общественных работ по строительству железных дорог, шоссе, каналов и других подобных сооружений. Этого же вопроса он касается и в другом докладе, 25 октября. Здесь министр внутренних дел указывает на повсеместное повышение цен на хлеб, имеющее «неблагоприятное последствие, что дает людям неблагонамеренным повод к возбуждению тревоги в умах населения, путем распространения нелепых слухов» [57].

Вместе с тем Лорис-Меликов выражал предположение, что хлебных запасов в стране имеется достаточно, но что они скрываются в расчете на дальнейшее повышение цен.

Особенное беспокойство вызывало у него положение в столице, где цены на хлеб быстро возрастали, достигнув в середине октября 5 коп. за фунт печеного черного хлеба. Еще в сентябре Лорис-Меликов приглашал по этому поводу городского голову, гласных думы, а также градоначальника для разработки мер «к воспрепятствованию дальнейшего возрастания цен на предметы первой необходимости» [58]. В цитированном выше октябрьском докладе министр внутренних дел указывал на необходимость принятия решительных мер для понижения цен на ржаной печеный хлеб. Тут же он сообщал, что получил согласие главного интенданта Военного министерства на предоставление городу заимообразно, на срок в 8 месяцев, 35 тыс. кулей ржаной муки. Лорис-Мелико-

---

[56] «Былое», 1917, кн. 4 (26), стр. 35.

[57] ЦГАОР, ф. Департамента полиции, оп. 249, д. 28, л. 12.

[58] ЦГАОР, ф. Департамента полиции, оп. 166, д. 28, л. 4. Одновременно возросли и цены на мясо. В целях борьбы с «чрезмерным возвышением хлебных цен» с.-петербургской городской думой была создана особая временная комиссия. По-видимому, комиссия выполнила свои функции, так как Лорис-Меликов во всеподданнейшем докладе новому императору Александру III, 4 апреля 1881 г., ходатайствовал о награждении председателя ее и членов (ЦГИАЛ, ф. Департамента общих дел, оп. 241, д. 81, л. 144).

ву действительно вскоре удалось путем «принятия решительных мер» добиться понижения цены на печеный хлеб в Петербурге. Об этом подробно рассказывает в своем дневнике Перетц. «По случаю чрезвычайного возвышения цен на хлеб и муку, — возвышения отчасти искусственного, вызванного стачкою крупных торговцев, — записывает он в дневнике 2 ноября, — Лорис-Меликов пригласил их к себе и уговаривал спустить цены. Торговцы эти возражали, указывая на неурожай во многих губерниях и на другие неблагоприятные обстоятельства. В заключение ими приведен был тот довод, что цены на хлеб и муку не определяются законом и что поэтому нельзя принуждать их к понижению цен. Тогда Лорис объявил им, что говорил до сих пор в качестве министра внутренних дел, обязанного заботиться о народном продовольствии, но если они не хотят внять разумным его доводам, то он будет говорить с ними как шеф жандармов, обязанности которого на него перешли. Нынешние чрезвычайно высокие цены на хлеб, не оправдываемые необходимостью, могут вызвать народные волнения, которые он обязан предупреждать. Поэтому он решительно объявляет всем хлебным торговцам, что [если] они не спустят цен в течение 24 часов, то будут высланы из столицы административным порядком. Речь эта купцам не понравилась, но к цели она привела, так как на следующее утро появилось уже в газетах объявление о том, что в видах пропитания для людей недостаточных такие-то торговцы (Духинов, Полежаев и проч.) понижают цену на муку на столько-то» [59].

---

[59] Дневник Е. А. Перетца, стр. 9. Действительно, в «Ведомостях с.-петербургского градоначальства» было помещено об этом сообщение, перепечатанное в «Правительственном вестнике за 28 октября в разделе «Экстренные известия». В этом сообщении, подписанном группой торговцев-оптовиков, говорилось, что «они, желая содействовать к понижению цен хлеба в столице», устанавливают с 1 ноября цену на куль (в 9 пудов) ржаной муки в 16 руб. — 16 руб 50 коп. По-видимому, хлеботорговцы буквально выполнили приказание министра внутренних дел и понизили цены не с 1 ноября, а немедленно. Так, в телеграмме Александру II от 27 октября Лорис-Меликов сообщал: «...принятыми мерами цена на хлеб в столице понижена хлеботорговцами со вчерашнего дня с 19 до 16 руб. за четверть и ныне имеется уже полное вероятие, что через несколько дней в розничной продаже ржаной хлеб дойдет вместо 5 до 4 копеек за фунт». (ЦГАОР, ф. А. В. Адлерберга, д. 605, л. 15). Валуев неодобрительно отнесся к распоряжению гр. Лорис-Меликова. «По продовольственной части, — заносит он в дневник 11 ноября, — распоряжения Лорис-Меликова на уровне чина поручика, если не корнета, он говорил здешним главным хлеботорговцам в тоне паши, угрожая высылкой, упоминая, как сказывают, о мурманском береге...» (П. А. Валуев. Дневник 1877—1884 гг., стр. 128).

Размеры неурожая по стране были велики. Еще Маков в докладе Александру II о своей поездке по поволжским губерниям в мае — июне 1880 года писал: «Периодически повторяющиеся неурожаи в нашей юго-восточной полосе России, бедствия, поражающие наш юг в виде громадной небывалой прежде массы насекомых, истребляющих хлеба, представляют такое явление, оставлять которое без надлежащего внимания невозможно» [60].

К осени 1880 года положение с продовольствием приняло еще более тяжелый характер. Во второй половине октября Лорис-Меликов поставил об этом вопрос в Комитете министров. Как сообщал министр внутренних дел, требования продовольственных ссуд значительно превышали сумму продовольственного капитала [61]. Лорис-Меликов при этом указывал, что Министерство внутренних дел вообще не располагает более или менее точными данными о продовольственном положении за отсутствием статистики. «...Не только правительственные установления, — говорил он, — не располагают достаточно верными сведениями о количестве урожая хлебов и о степени действительной нужды населения в воспособлении, но и сами земские и городские общественные и сословные учреждения, на обязанности коих лежит составление подобных сведений, не имеют по сему предмету вполне точных определительных данных, так что единственно верными надлежит признать лишь сведения, определяющие количество хлебных запасов в местах складов хлеба и отправления хлебных грузов» [62]. Само собой понятно, что данные эти в весьма слабой степени давали представление о положении с продовольствием. На этом заседании Комитета министров, по представлению Лорис-Меликова, было создано Особое совещание по продовольственной части, состоящее из министров внутренних дел, финансов, путей сообщения и государственных имуществ [63]. Особое совещание решало во-

---

[60] ЦГИАЛ, ф. Комитета министров, журнал Комитета министров за июль 1880 г. Приложение, д. 4108, ст. 469, л. 878.

[61] Как информировал на заседании Комитета Лорис-Меликов, после отпуска утвержденных для ссуд продовольственный капитал составит лишь 3 100 000 руб., в то время как только Самарское земство ходатайствовало о выдаче ему ссуды в сумме 5 500 000 руб. (там же, журнал за октябрь 1880 г., д. 4115, ст. 619, лл. 196 — 197).

[62] ЦГИАЛ, ф. Комитета министров, д. 4115, Особый журнал 12 октября 1880 г., ст. 619, лл. 200 — 201.

[63] Там же, лл. 203 — 204.

просы распределения продовольственных ссуд[64], а также наметило ряд других мер (создание хлебной статистики, меры борьбы с засухой, с хлебным жучком и т. д.).

Одной из мер по оказанию помощи крестьянам было предоставление им арендования на льготных условиях казенных земель. Эта мера, разработанная в Министерстве государственных имуществ, предполагала «в видах поддержания благосостояния крестьянских обществ, поколебленного в некоторых местностях рядом неурожайных годов и других неблагоприятных обстоятельств»[65], предоставление им права аренды казенных земель «независимо от расстояния этих земель от их селений». Однако все это не могло серьезно изменить положения в деревне, так как правительство полностью игнорировало главную причину — те социально-экономические условия, в которых находилось крестьянство. Более ощутимых результатов Лорис-Меликову удалось добиться в Петербурге, что представлялось министру внутренних дел наиболее важным, имея в виду обеспечение спокойствия в столице.

* *
*

Политика министра внутренних дел по отношению к земству не претерпела каких-либо изменений по сравнению с последним периодом деятельности Макова, когда он в этом вопросе, как и в других, шел на поводу у начальника Верховной распорядительной комиссии. Позиция же последнего в этом вопросе нашла свое отражение в конфиденциальном письме его к Макову, относящемся к маю 1880 года[66].

И в период своего министерства Лорис-Меликов по-преж-

---

[64] Продовольственные ссуды выдавались в неполном размере. Так, вместо 5 500 000 руб., испрашиваемых Самарским земством, было отпущено 1 000 000 руб. Только после вторичного ходатайства губернского земского собрания Комитет министров в январе 1881 г. отпустил еще 1 500 000 руб., из которых 900 000 руб. на обсеменение полей. При этом Комитет министров, по предложению Лорис-Меликова, отверг просьбу Самарского земства о сборе средств во всероссийском масштабе в пользу голодающих Самарской губернии. Голодающим крестьянам неурожайных южных уездов Саратовской губернии вместо просимых земством дополнительно 1 735 210 руб. было отпущено 1 200 000 руб., Пензенской дополнительно вместо 450 тыс. — 100 — 150 тыс. руб. См. Особый журнал Комитета министров за 20 января 1881 г., д. 4161, ст. 19, лл. 94 — 123.

[65] Особый журнал Комитета министров за 12 мая 1881 г., д. 4169, ст. 305, лл. 170 — 171.

[66] См. главу вторую, стр. 217—218.

нему стремился расширить сферу деятельности земства, привлечь земские органы к обсуждению ряда местных хозяйственных вопросов.

Так, в циркуляре Министерства внутренних дел по Земскому отделу от 22 декабря, в соответствии с решением Главного комитета об устройстве сельского состояния, предписывалось губернаторам передать на обсуждение губернских по крестьянским делам присутствий и местных земств вопрос о некоторых изменениях в устройстве местных по крестьянским делам учреждений, созданных по закону 27 июня 1874 года. В приложении к циркуляру сообщался круг вопросов, которые рекомендовались к обсуждению [67], а также прилагался подробный свод земских ходатайств по этому поводу. В конце циркуляра предлагалось «разъяснить присутствиям и земству, что, как указано в конце перечня (перечня вопросов, рекомендованных к обсуждению. — *П. З.*), независимо от отзывов по изложенным в оном своде вопросов, могут быть представлены соображения и о других мерах по устройству местных по крестьянским делам учреждений, которые земство или присутствия сочтут полезным для дела» [68].

Этот циркуляр был истолкован рядом земств весьма расширительно, и они сочли возможным обсуждать вопросы, далеко выходящие за рамки закона 27 июня 1874 года [69].

---

[67] Все эти вопросы касались порядка избрания уездного непременного члена, необходимости избрания кандидата на эту должность, а также ответственности, возлагаемой на непременного члена за исправность состояния делопроизводства уездных присутствий, и возложения на него обязанности периодических ревизий волостных правлений. Рекомендовалось также обсудить вопрос о целесообразности обязательного пребывания непременного члена в уездном городе (ГАХО, ф. харьковского временного генерал-губернатора, оп. 1, д. 319).

[68] ГАХО, ф. харьковского временного генерал-губернатора, оп. 1, д. 319, л. 1. Как рассказывает в своих воспоминаниях А. И. Кошелев, «Эти последние слова возбудили в комиссиях и земских собраниях самые ожесточенные и продолжительные прения» («Записки Александра Ивановича Кошелева (1812 — 1883)». Berlin, 1884, стр. 256).

[69] Так, Харьковское губернское экстренное земское собрание приняло 9 июня 1881 г. по этому вопросу, большинством голосов, следующее решение: «1) Упразднить ныне существующие учреждения по крестьянским делам; дела же, подлежащие их ведению, передать как в теперь существующие судебные, хозяйственные и административные учреждения, так и во вновь могущие образоваться, предоставив крестьянским обществам самостоятельное управление. 2) Ходатайствовать перед правительством, чтобы разработка этого вопроса предоставлена была особому съезду из лиц, назначенных правительством, и избранных депутатов от губернских и уездных собраний...» (ГАХО, ф. временного харьковского генерал-губернатора, оп. 1, д. 319, л. 19). Тверское губернское земское собрание в

Большую роль в оживлении земской деятельности сыграла газета «Земство», начавшая выходить 3 декабря 1880 года. Редактором газеты был председатель московской уездной земской управы В. Ю. Скалон, издателем — известный земский деятель А. И. Кошелев. В передовой статье, помещенной в первом номере газеты, говорилось, что «в местном самоуправлении лежит вся будущность нашей страны: в его тесном кругу русское общество приучается к созидательному и разумному заведованию своими делами, в нем пробует и упражняет оно свои силы, в нем выясняются самые насущные его потребности» [70].

Несмотря на все эти меры, способствовавшие оживлению деятельности земств, Лорис-Меликов действовал в этом направлении достаточно осторожно, всячески сдерживая стремление земской общественности к излишней, по его мнению, активности. Несомненный интерес представляет в этом отношении обсуждение в Комитете министров ходатайства Херсонского земства о созыве межгубернских земских съездов, в частности по вопросу о борьбе с хлебным жучком. В своем представлении в Комитет по этому поводу Лорис-Меликов писал: «Ходатайство Херсонского губернского земского собрания о разрешении проектируемых им съездов представителей земства для взаимного обмена мыслей и для принятия однообразных мер по изъявленному предмету на всем пространстве губерний, пораженных жучком, заслуживало бы, кажется, внимания по особым обстоятельствам сего дела.

Я находил бы, однако, — продолжал он, — а) что теперь было бы преждевременно ставить вопрос о съездах, как просит Херсонское земство, а достаточно ограничиться опытом нынешнего года; и б) что для указываемой земством этим цели не представляется необходимости созывать представителей земства по избранию земских собраний, а представлялось бы более осторожным и вполне целесообразным предоставить непосредственно губернским земским управам

июне того же 1881 г., обсуждая данный вопрос, приняло еще более радикальное решение: «Ввиду того, что никакие как частные, так и общие мероприятия или реформы не могут достигнуть цели, поставленной властью, без предварительного рассмотрения этих реформ, выбранными представителями всей русской земли, ходатайствовать о созыве народных представителей в особое совещательное учреждение, при содействии которого только и могут быть успешно выработаны и проведены в жизнь необходимые законодательные меры» (Б. Веселовский. История земства, т. III, стр. 255).

[70] «Земство», 3 декабря 1880 г.

командировать от себя по два или по три лица от каждой губернии в определенное для этого место, с тем чтобы собравшиеся лица составили совещание под председательством местного губернатора...»[71].

Таким образом, Лорис-Меликов не только отрицательно решил вопрос о земских съездах вообще, но и воспротивился привлечению на совещание о хлебном жучке представителей, избранных губернскими земскими собраниями. Однако в разговорах с представителями земской общественности он изображал себя сторонником создания чуть ли не общероссийской земской думы. Об этом рассказывает А. И. Кошелев, вспоминая свои беседы с Лорис-Меликовым, относящиеся примерно ко времени обсуждения вопроса о земских съездах в Комитете министров: «От него узнал я много интересного. На созвание Земской думы он никак не надеялся получить соизволение государя; но он имел в виду собрать общую, довольно многочисленную комиссию от земств, а где таковые еще не образованы, из лиц, приглашенных правительством»[72].

* *
*

Отношение Министерства внутренних дел к печати определялось приведенным выше программным заявлением Лорис-Меликова редакторам столичных газет и журналов в начале сентября. Эта программа несколько расширяла права печати, предоставляя ей возможность обсуждать различные правительственные мероприятия, постановления и распоряжения, не касаясь при этом вопроса о представительных учреждениях. Действительно, период диктатуры Лорис-Меликова характеризуется известным ослаблением цензурного гнета.

В 1880 и начале 1881 года возникает ряд новых органов печати либерального направления: газеты «Земство», «Стра-

---

[71] ЦГИАЛ, ф. Комитета министров, Особый журнал от 10 февраля 1881 г., ст. 73, приложение к журналу, д. 4164, лл. 113—114. В соответствии с заключением Лорис-Меликова было разрешено ряду губернских земств (Бессарабскому, Херсонскому, Екатеринославскому, Таврическому, Харьковскому, Полтавскому, Курскому) командировать «для обсуждения мер к более успешному истреблению хлебного жучка... особых лиц по избранию губернских земских управ» (там же, д. 4163, ст. 73, л. 148). Совещание должно было проводиться в Одессе под председательством градоначальника. Одновременно с совещанием в Одессе было разрешено межгубернское совещание в Харькове по вопросу борьбы с дифтеритом.

[72] «Записки Александра Ивановича Кошелева (1812—1883)», стр. 253.

на», «Одесский листок», «Гласность», «Порядок», «Улей»; выходит вновь орган славянофилов газета «Русь». В это время появляется и ряд либеральных журналов, на страницах которых выступали представители демократической интеллигенции: «Русская мысль», «Земская школа», «Новое обозрение». Все это свидетельствовало об известном оживлении прессы.

Значительно сократились репрессии по сравнению с предшествующими годами[73]. Осенью 1880 года созданное ранее под председательством П. А. Валуева Особое совещание для пересмотра действующих уголовных законов о печати было дополнено по инициативе Лорис-Меликова Кахановым, его ближайшим помощником[74]. Основная задача пересмотра правил о печати заключалась в стремлении передать функции наблюдения за прессой органам юстиции. «Вчера, — заносит в свой дневник 24 октября Валуев, — у меня предварительное совещание по делу о печати. Гр. Лорис-Меликов, Н. Абаза и под конец Каханов. Трудно вообразить апломб и себялюбие графа Лорис-Меликова рядом с полунаивною неумелостью. Ему во что бы то ни стало хочется избавиться от дела с печатью: под фирмою законности он желает все передать Министерству юстиции и подчинить судебному ведомству, причем даже и в отношении к формам суда нет ни одной правильно установившейся мысли и даже ни одного ясного понятия. Он, — замечает Валуев, очевидно, насвистан Абазой и воображает, что сам — автор мелодии, и поет ее, как хитрый артист»[75]. Нельзя принимать всерьез всего ска-

---

[73] По данным «Списка периодических изданий, подвергшихся административным взысканиям в 1865 — 1904 гг.», содержащимся в приложении к книге Вл. Розенберга и Вл. Якушкина «Русская печать и цензура в прошлом и настоящем». СПб., 1905, стр. 193 — 226. В 1880 г. было дано 4 предупреждения и два периодические издания приостановлены. В 1881 г. за первые два месяца взысканий не было (ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 1, д. 171).

[74] 27 октября Валуев направил Александру II в Ливадию по этому поводу телеграмму, в которой сообщал просьбу министра внутренних дел о включении в состав совещания Каханова и оставления в нем бывшего министра внутренних дел Макова (ЦГАОР, ф. А. В. Адлерберга, д. 487). Помимо Каханова и Макова в состав совещания входили: министры внутренних дел, финансов и юстиции, главный управляющий II отд. с. е. и. в. канцелярии кн. Урусов, обер-прокурор св. синода Победоносцев, начальник главного управления печати Н. С. Абаза и сенатор Фриш.

[75] П. А. Валуев. Дневник 1877 — 1884 гг., стр. 122 — 123. Как утверждает А. И. Кошелев, Н. С. Абаза не принимал предложенной ему должности иначе как под условием учреждения комиссии для пересмотра положения по делам печати, с введением в него взысканий по суду за проступки по этой части. «Записки Александра Ивановича Кошелева (1812 — 1883)», стр. 247.

занного Валуевым, памятуя его недоброжелательное отношение к Лорис-Меликову, но фактические сведения, сообщенные им, бесспорно верны.

Первое заседание Совещания происходило 30 октября; на этом заседании рассматривалась представленная Н. С. Абазой записка, излагавшая принципы предполагавшегося преобразования. «Тезис судебного преследования и отклонение Министерства внутренних дел от неприятной обязанности сдерживать печать поставлен так, что он непременно должен одержать верх», — замечает Валуев, характеризуя ее сущность. «Я, — продолжает он, — воздержался на первый раз от всякой аргументации, и только изложил в вступительной речи очерк хода дел печати с 1861 года. Князь Урусов и Победоносцев видят в чем дело и ужасаются, но противиться не могут или не решаются. Маков связан, отчасти, своим собственным неудачным прошедшим и щекотливостью нынешнего положения. Фриш не может не говорить за юстицию, Каханов и Сабуров вторят министру внутренних дел» [76].

Таким образом, расстановка сил внутри Совещания сложилась в пользу предложений Лорис-Меликова. Эти предложения, устранявшие административные органы от вмешательства в дела печати, бесспорно имели положительное значение и были встречены общественностью доброжелательно. 5 ноября состоялось заседание Особого совещания с приглашением представителей столичной периодической прессы: М. М. Стасюлевича, А. А. Краевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. П. Гилярова-Платонова, А. С. Суворина, В. А. Полетика и В. В. Комарова. Как говорит Валуев, они были приглашены «для выслушивания gravamina et desiderata» [77]. Стасюлевич выступил на совещании с обширной речью [78]. Основное содержание ее сводилось к утверждению, что только освобождение прессы от административного произвола и подчинение ее закону обеспечит ей должное положение. «Путь к установлению такого их независимого положения, — говорил он, — один, а именно, между печатью и цензурой должен быть положен закон и суд... на ее (цензуры. — *П. З.*) обязанности останется одно наблюдение, но не осуждение и кара. Пока никаких других средств к установлению порядка в печати не открыто...» [79].

---

[76] П. А. Валуев. Дневник 1877 — 1884 гг., стр. 124 — 125.

[77] Там же, стр. 126.

[78] Речь М. М. Стасюлевича опубликована в кн.: «М. М. Стасюлевич и его современники», т. 1. СПб., 1911, стр. 544 — 549.

[79] «М. М. Стасюлевич и его современники», т. 1, стр. 548. М. Е. Салтыков-Щедрин отнесся к проекту реформы скептически. «...Знаю, знаю, —

В заключение своей речи Стасюлевич выразил надежду, что с проектом разработанных правил будут заранее ознакомлены представители прессы.

После ухода приглашенных публицистов, по предложению Валуева, была создана комиссия для составления проекта новых правил о печати. Председателем ее являлся тот же Валуев. «...Я, — пишет Валуев, — веду дело совсем иначе, чем предполагал его вести в июле. Оказалось, что при данных условиях полная свобода печати предрешена. Остается изыскивать способы и средства сделать ее по возможности менее вредной. Еще вчера министр внутренних дел говорил фразы вроде того, что «печать необходима как воздух» и что при новых законах и помощи суда журналисты будут сидеть в «кутузках» и ходить в «сибирках». Новый министр финансов говорил об «обществе» и законности как журналист. Начальник Главного управления по делам печати — заодно с публицистами. Каханов — адъютант графа Лорис-Меликова, но смышленый и осторожный. Сабуров тянет в ту же сторону. Победоносцев — русский китаец. Князь Урусов еще верит в пользу «внушений», но оппонировать не может. Остается Маков, Фриш и я. С дифференциалами» [80]. Естественно, что представление Валуева о «полной свободе печати» было лишено оснований, интересно здесь одно — его точка зрения. В этом вопросе он был более консервативен, нежели его коллеги по Совещанию.

Было бы неверным представлять, что Лорис-Меликов полагал, что новые правила о печати необходимы только для ослабления цензурного гнета. Если в основу их было положено стремление отказаться от административных мер воздействия, то из этого вовсе не следовало, что печати должна быть дана неограниченная свобода. В этом отношении представляет несомненный интерес письмо Валуева начальнику Главного управления печати Н. С. Абазе от 8 декабря. «Вашему превосходительству известно, — писал

писал он 18 октября П. В. Анненкову, — что есть проект о написании нового устава книгопечатания с устранением административного произвола и заменой его отдачей под суд. Все газеты и журналы по этому поводу лукуют, а в том числе и «Отеч[ественные] Зап[иски]», но я лично так думаю: до сих пор я еще не сиживал в кутузке, а в будущем не знаю. Сдается, что не миновать. Как слышно, судить будут в кассационном де[партамент]е Сената, где сидят люди солидные и к неудобствам кутузки равнодушные. Вы однако ж поразмыслите, каково в перспективе на старости лет видеть кутузку». Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. XIX, кн. 2. М., 1939, стр. 176.

[80] П. А. Валуев. Дневник 1877 — 1884 гг., стр. 127.

Валуев, — что, по мнению министра внутренних дел, Вами разделяемому, столичные газеты изобилуют статьями, которые не могут соответствовать интересам и видам правительства, но что при ныне действующем законодательстве по делам печати правительство не вооружено теми способами действия, которые могли бы если не устранить, то по крайней мере уменьшить это неудобство. С этой целью предположен переход от смешанной системы административных и судебных взысканий к системе более строгих, но исключительно судебных карательных мер»[81].

5 ноября Особое совещание вынесло постановление о создании субкомиссии для выработки основного положения для пересмотра уголовного закона, предусмотрев в нем предполагаемые изменения и дополнения карательных мер по делам печати. Комиссия эта составлялась из председателя совещания и трех членов — кн. Урусова, Фриша и Н. С. Абазы.

При разработке весьма важного вопроса о порядке преследования нарушений цензурных правил в комиссии сразу же обнаружились серьезные разногласия. Все три члена считали необходимым в соответствии с существующим положением рассматривать дела о преступлениях по делам печати в судебных палатах, как это было установлено с конца 1866 года в связи с оправданием с.-петербургским окружным судом сотрудников «Современника»[82]. По мнению трех членов, установление для преступлений и поступков печати суда из трех инстанций «представляется нежелательным и потому, что при этом та или другая предосудительная статья, произведшая при своем появлении неблагоприятное впечатление на публику, при переносе дела из одной инстанции в другую... могла бы возбуждать к себе усиленное внимание общества, а следовательно, приносить вред». Кроме того, Урусов, Абаза и Фриш полагали нецелесообразным сохранять существующую систему рассмотрения разногласий между цензурным ведомством и прокурорским надзором, рекомендуя поручить это Первому департаменту Сената с участием Министерства внутренних дел.

По вопросу о подсудности Валуев занял иную объективно

---

[81] ЦГИАЛ, ф. Валуева, д. 168, л. 11.

[82] В августе 1866 г. петербургский окружной суд оправдал Ю. Р. Жуковского как автора и А. В. Пыпина как редактора за помещение во втором и третьем номерах журнала за 1866 г. статьи «Вопрос молодого поколенья». Петербургская судебная палата отменила приговор, а 12 декабря 1866 г. был издан закон, по которому дела о печати изымались из ведения окружных судов и передавались судебным палатам.

прогрессивную позицию. Он считал необходимым «подчинить преступления и поступки печати общему порядку уголовного судопроизводства, так как отступление в настоящее время от общих начал подсудности нельзя признать удобным и желательным»[83]. Таким образом, руководствуясь сложившейся обстановкой, он полагал возвратиться в этом вопросе к первоначальному порядку, установленному судебными уставами, т. е. к рассмотрению дел о печати окружными судами[84].

По второму вопросу о разрешении разногласий по делам печати между министерствами внутренних дел и юстиции Валуев полагал сохранить старый порядок. По остальным вопросам субкомиссия, придя к единодушному решению, выработала проект основных правил для пересмотра закона о печати. Указанный проект сохранился в фонде Валуева в виде четырех печатных записок: 1) «О правах административной власти, заведующей делами печати». 2) «Основные положения для пересмотра уголовного закона по делам печати». 3) «Перечень предполагаемых изменений и дополнений карательных постановлений о печати». 4) «Основные правила для пересмотра административной части действующих постановлений о цензуре и печати».

В первой записке указывалось, что у административной власти по отношению к печати сохраняются следующие права: 1) разрешение периодических изданий и утверждение ответственных редакторов; 2) воспрещение (с доведением каждый раз до сведения Комитета министров) оглашения или обсуждения в печати тех или иных вопросов; 3) наложение ареста на произведения печати до выхода их в свет; 4) возбуждение вопроса о привлечении к судебной ответственности за нарушение закона о печати и, наконец, 5) получение обязательных экземпляров с каждого выходящего издания до его выхода в свет.

Далее в этой записке говорилось, что все нарушения законов о печати подлежат ведению судебных инстанций. «Установленное действующим ныне законом право наложения административных взысканий отменяется и приостановление и прекращение повременных изданий, а также уничтожение преступных сочинений может последовать лишь по судебному приговору»[85]. Вопрос о подсудности дел о печати

---

[83] ЦГИАЛ, ф. Валуева, д. 168, л. 101.
[84] С участием присяжных заседателей.
[85] ЦГИАЛ, ф. Валуева, д. 168, л. 103.

излагался в двух редакциях в соответствии с двумя указанными выше точками зрения.

Во второй записке говорилось о необходимости, «не выжидая общего пересмотра уложения о наказаниях, приступить к изменению и дополнению тех статей уложения, предусматривающих преступления и проступки по делам печати, изменение и дополнение коих представляется настоятельно необходимым для обеспечения надлежащего преследования злоупотреблений печатным словом»[86]. В связи с этим признавалось необходимым точно определить максимальные сроки заключения: в тюрьме — три года, в крепости — пять лет, наивысший размер штрафа установить три тысячи рублей. Тут же указывалось, что в законе должны быть определены пределы сокращения этих сроков, если суд найдет наличие смягчающих обстоятельств. Наконец, в заключение этого раздела определялся срок для возбуждения судебных преследований, определявшийся для повременных изданий — 6 месяцев, а для остальных — 1 год.

«Перечень изменений и дополнений карательных постановлений о печати» состоял из 19 пунктов. Среди них имелись пункты, касавшиеся кощунства и глумления над христианской религией, а также религиями нехристианскими, господствующими в тех или иных признанных Россией государствах, помещение оскорбительных сведений о лицах императорской фамилии[87], главах иностранных государств, оскорбительных отзывах о существующих в России законах и т. д. Не лишен интереса 12-й пункт перечня, гласивший о наказаниях за «возбуждение вражды между сословиями, племенами и вообще между отдельными частями или классами населения... или между хозяевами и рабочими, а равно возбуждение их к устройству стачек».

Четвертая записка излагала основные положения для пересмотра административной части существующих постановлений. Первый пункт ее гласил о том, что «обе существующие в настоящее время системы цензуры, предварительная и карательная, остаются в силе впредь до дальнейших указаний опыта»[88].

Право постепенного распространения карательной си-

---

[86] ЦГИАЛ, ф. Валуева, д. 168, л. 106.

[87] В четвертом пункте «Перечня» указывалось на запрещение помещения оскорбительных сведений, отзывов и рассуждений о частной жизни и государственной деятельности лиц императорской фамилии начиная с Екатерины II.

[88] ЦГИАЛ, ф. Валуева, д. 168, лл. 107 — 108.

стемы в местностях, в которых введены судебные уставы, предоставлялось министру внутренних дел. От предварительной цензуры освобождались, по желанию редакторов, все периодические издания, выходившие в столицах и в городах, на которые будет распространяться действие карательной системы. Исключению подлежали различного рода «издания для народного чтения».

Освобождавшиеся от предварительной цензуры обязаны были вносить залог от 8 тыс. до 5 тыс. руб. в столице и от 4 тыс. до $2^1/_2$ тыс. в провинции. Норма изданий бесцензурных оригинальных сочинений понижалась до 5 листов, а для переводов — до 10 печатных листов. Издания, имевшие научное, техническое или хозяйственное значение, разрешалось печатать без предварительной цензуры при условии установленного объема. Духовная цензура объединялась с общей путем включения в состав ее представителей духовного ведомства. Иностранная цензура, т. е. цензура присылаемых из-за границы периодических изданий, а также книг, сохранялась в основном по-старому.

Таков проект, разработанный комиссией, возглавляемой Валуевым. Анализируя его, мы видим, что, за исключением введения единой системы преследования за нарушения закона о печати, а именно судебной, никаких других существенных изменений он не вносил. К тому же надо сказать, что наказания за нарушение закона увеличивались. Ликвидация административного вмешательства в дела прессы имела бы, бесспорно, положительное значение, способствуя во всяком случае уменьшению правительственного произвола.

Проект этот был окончательно обсужден Особым совещанием только 28 февраля, т. е. накануне 1 марта. П. А. Валуев в своем дневнике, подробно характеризуя работу комиссии, в одном из своих примечаний, датированном 31 декабря 1881 года, писал: «Весь ход дела по комиссии о печати характеризовал систему гр. Лорис-Меликова и отражал на себе странные особенности официальной современной среды... В составе комиссии министр финансов Абаза был заодно с гр. Лорис-Меликовым и говорил языком «Голоса» и «Нового времени»; Каханов был адъютантом, но осторожным и сдержанным. Министр юстиции и его товарищ не могли отклонять нового законодательного почета, оказываемого или предназначаемого судебной власти. Кн. Урусов лавировал. Победоносцев ужасался и протестовал, но протестовал весьма нерешительно. Маков был бессодержателен; а начальник Главного управления печати Абаза кривил ду-

шой и упражнялся в канцелярских тонкостях, чтобы маскировать задние мысли своих патронов. После второго заседания комиссии (с приглашением журналистов) я убедился в невозможности прийти к каким-нибудь удовлетворительным результатам, а гр. Лорис-Меликов и Н. Абаза вслед за тем убедились, что они меня не могли ни провести, ни сбить с толку. Затем дело тянулось, так сказать, в силу первоначального толчка, но никто в его успех не верил, и после 1 марта никто о нем не упоминал»[89].

Нарисованная Валуевым картина в целом правильна, если не принимать во внимание его оценок, объясняющих действия тех или иных лиц. Оценки эти далеко не объективны. Однако бесспорно одно: Особое совещание представляло собой группу лиц с весьма разнородными стремлениями. Если прибавить еще, что сам император и его камарилья стремились ко всемерному обузданию прессы, то все это сочетать было весьма трудно и в результате ничего реального в смысле изменения законодательства не могло быть сделано. Но при всем этом нельзя не подчеркнуть еще раз, что положение прессы в 1880 — начале 1881 года было значительно лучшим, нежели в предшествующие годы.

* *
*

Осенью 1880 года, находясь в Ливадии, министры военный Милютин и просвещения Сабуров представили Александру II записку о положении в высших учебных заведениях и о необходимых изменениях в университетском уставе. Судя по этой записке, инициатива обсуждения этого вопроса исходила от самого Александра II. Изменение университетского устава являлось частью намеченных Лорис-Меликовым преобразований, изложенных им во всеподданнейшем докладе 11 апреля 1880 года. Непосредственным же поводом разработки

---

[89] П. А. Валуев. Дневник 1877 — 1884 гг., стр. 146 — 147. В своей записке, относящейся к 31 мая 1881 г. и озаглавленной «Отрывочные заметки по вопросу о печати», Валуев писал: «Бывшая комиссия для начертания главных начал нового закона о печати не могла привести ни к какому практическому результату. Министерство в[нутренних] д[ел] было в силу вещей прямым и главным представителем дела, но министерство начало с того, что собственною властью перестало применять прежние силы, не утратившие закон, и продолжало тем, что стремилось передать судебным местам ведение всех вообще дел о проступках и преступлениях печати... Она (т. е. комиссия. — *П. З.*) могла прийти только к канцелярскому концу...» (ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 1444, лл. 1 — 2).

этого вопроса именно в октябре явились происходившие в это время студенческие волнения.

В начале записки давалась характеристика положения в университетах. «По нашему мнению,— писали авторы ее,— в настоящее время это положение едва ли можно признать удовлетворительным. Стекаясь со всех концов России, среди чуждого им населения и часто без всяких средств к жизни, молодые люди ищут сближения и поддержки в товарищеском кружке, а между тем существующие университетские порядки направлены к тому, чтобы противодействовать сближению студентов между собой и даже уничтожить связь их с самим университетом». Далее указывалось, что существующие правила не разрешают никаких студенческих организаций по оказанию помощи необеспеченным студентам, а также запрещают какие-либо собрания, связанные с оказанием этой помощи. «Несмотря на воспрещение,— говорилось в докладе,— сходки, кассы и т. п. существуют, но только в тайне, следовательно вне всякого контроля и надзора».

Это, по мнению министров, таило в себе бо́льшую опасность. Она заключалась в том, что студенты «с вредным направлением», т. е. революционно настроенные, несмотря на малочисленность их, вследствие своей сплоченности могут быть «в каждое время хозяевами университета» [90]. Большинство же студентов, «лучшие и благоразумные», как они именовались в записке, в силу отсутствия какой-либо организации не в состоянии противодействовать меньшинству. «Таким образом,— отмечали Милютин и Сабуров,— правительство лишает себя могущественного и, может быть, единственного способа к подавлению значения дурной части студенчества, отказываясь от влияния на товарищей лучшей части университетских слушателей, а студенческая инспекция и начальство теряют возможность нравственного влияния на молодежь, так как имеют перед собой неустроенную массу, в среде которых не могут опереться на отдельных выдающихся личностей, которые, в свою очередь, могли бы действовать на товарищей».

Следовательно, вопрос о студенческих организациях рассматривался составителями записки лишь в одном аспекте — в аспекте борьбы с распространением революционных идей среди студентов.

Далее в записке говорилось, что запрещение студенческих

[90] ЦГИАЛ, ф. Департамента народного просвещения, оп. 200, д. 25, 1880 г., л. 2. Записка опубликована Г. И. Щетининой в «Проблемах источниковедения», вып. 9. Изд-во АН СССР, М., 1961 г.

сходок, а следовательно, и отсутствие правил созыва их приводят к тому, что «каждая сходка является беспорядочным сборищем всех студентов университета и уже по этому одному представляет сама по себе всегда волнующуюся и всегда готовую на резкие выходки толпу». По мнению Милютина и Сабурова, при легализации сходок они происходили бы в иной обстановке и могли бы быть весьма немногочисленны, так как созывались бы по отдельным группам.

Следствием отсутствия корпоративных студенческих организаций являлось, как указывали авторы, и уничтожение среди студентов чувства товарищества, которое в прошлом являлось «могущественным средством к воспитанию в них чувства честности и достоинства и вообще нравственных начал» [91]. Корпоративный дух товарищества, играющий огромную роль в офицерском корпусе, отмечалось в записке, крайне необходим и учащимся, особенно в настоящее время. Это аргументировалось тем, что большая часть студенчества «выходит из среды почти необразованной и тогда поэтому завещанный им в их семьях нравственный кругозор теряет для них всякий авторитет. Так как университетская жизнь за уничтожением товарищества не может выработать в них нравственных идеалов, то они и остаются без всяких твердых начал в жизни и этим путем и создался тип людей, получивших прискорбную известность под именем нигилистов» [92].

Таким образом, отсутствие корпоративности, а отсюда и чувства товарищества также, по мнению Милютина и Сабурова, приводило к распространению революционной идеологии. Каков же выход из создавшегося положения? По словам авторов записки, их могло быть два. Первый заключался в том, чтобы превратить университеты в своеобразный лекторий, открытый без всяких ограничений для всех желающих. При этом университетские курсы превратились бы в серию публичных лекций, а студенты — в публику. Наблюдение за внешним порядком на лекциях возлагалось бы на полицию. Подобное преобразование, по мнению министров, естественно, снизило бы уровень преподавания, превратив его из научного в популярное. К тому же, замечали они, допуск в университеты большого числа лиц, без какого-либо ограничения, мог бы привести к такому «неустройству», с которым, пожалуй, не справилась бы и полиция. Эта мера привела бы, по их мнению, к ликвидации высшего образования в России.

[91] ЦГИАЛ, ф. Департамента народного просвещения, оп. 200, д. 25. 1880 г., лл. 2—3.
[92] Там же, л. 3.

«Если же этот исход невозможен,— указывалось в записке,— то следовало бы прямо признать бесспорно существующий факт, что студенты имеют между собой общие интересы, общие дела, общую жизнь и общий умственный кругозор, и в таком случае будет правильнее и целесообразнее разрешить открыто то, что студентами делается в тайне.

В сущности,— продолжали они,— все стремления студентов вызваны одною главною причиной — страшною бедностью, которая господствует между ними, и желанием помочь бедным товарищам; поэтому они и хотят устроить кассы, столовые, организованную помощь и т. п., а самые сходки вызываются, большей частью, потребностью обсуждать вопросы, касающиеся этих предметов или относящихся к установлению суда чести над товарищами, роняющими достоинство студентов» [93].

В силу всего этого они и полагали возможным разрешить существовавшие фактически студенческие корпоративные организации, имея особенно в виду, что в двух российских университетах они уже официально существовали [94].

Конкретизируя свою мысль, они считали необходимым разрешить студентам университетов создание касс взаимопомощи, открытие дешевых столовых, организацию помощи в приискании заработка, а также проведения других мероприятий, направленных на оказание помощи нуждающимся студентам. Вместе с тем предполагалось и учреждение суда чести.

В связи с созданием указанных организаций Милютин и Сабуров полагали разрешить студентам «собираться для выбора лиц, уполномоченных заведовать вышепоименованными учреждениями, для обсуждения вопросов, возникающих как по этим учреждениям, так и по тем предметам учебного дела, которые будут предоставлены им университетским начальством». Таким образом, в записке ставился вопрос о разрешении студенческих сходок, ограниченных рассмотрением лишь корпоративных и академических вопросов. К тому же «для обеспечения порядка и дисциплины на этих сходках» в каждом университете должны были быть составлены особые правила. Правила эти могли разрешать созыв сходок только в стенах университета, по курсам или группам, не допуская многочисленности их.

---

[93] ЦГИАЛ, ф. Департамента народного просвещения, оп. 200, д. 25, 1880 г., л. 4.

[94] Имелись в виду Дерптский и Варшавский университеты.

Авторы полагали, что осуществление намечаемых преобразований должно производиться постепенно, соблюдая при этом осторожность. В силу этого они считали ненужным издавать какое-либо распоряжение по данному поводу, а предоставить каждому попечителю в отдельности разрешать эти меры «в тех размерах и с теми гарантиями, какие в каждом отдельном случае окажутся нужными». Тут же ставился вопрос о целесообразности введения студенческой формы, по поводу чего должны были бы высказать свои соображения попечители учебных округов.

Милютин и Сабуров полагали, что эта мера была бы весьма полезна, имея в виду то соображение, «что в большинстве студенческих волнений, как обнаруживалось впоследствии, принимали наиболее выдающееся участие лица, совершенно посторонние университету, и форма, до известной степени, оградила бы самих студентов от этих агитаторов» [95]. Таким образом, форма должна была предотвратить возможность проникновения в университеты посторонних лиц. Вместе с тем в записке указывалось, что введение формы будет способствовать «восстановлению связи и товарищества между студентами и вместе с тем чувства чести и достоинства университетского мундира» [96].

В заключение министры высказывали свое мнение о том, что осуществить предложенные ими меры можно лишь после окончания студенческих волнений.

Анализируя содержание записки и предложенные в ней изменения университетского устава, мы видим, что они были непосредственно вызваны студенческими волнениями осенью 1880 года и представляли собой определенную уступку студенческим требованиям. Эта уступка вместе с тем предполагала и укрепление позиции правительства. По мнению авторов записки, предлагаемые меры, удовлетворяя академические требования студентов, должны были препятствовать распространению в университетах революционной пропаганды. Но в действительности осуществление намеченных мер способствовало бы известной демократизации студенческой жизни и имело бы положительное значение.

Доклад этот был целиком одобрен Александром II, но никаких практических шагов в этой области сразу же сделано не было.

---

[95] ЦГИАЛ, ф. Департамента народного просвещения, оп. 200, д. 25, 1880 г., лл. 4 — 5.

[96] Там же, л. 5.

* *
*

В конце 1880 года советы университетов представили свои мнения о необходимости пересмотра правил о студентах. Эти соображения были высказаны на основе запроса Сабурова от 25 июня 1880 года, предлагавшего правлениям университетов обсудить вопрос о правилах для студентов, утвержденных в конце 1879 года. На основе этих отзывов в Министерстве была составлена специальная записка «О предположениях относительно пересмотра некоторых правил о студентах, составленных на основе отзывов советов университетов» [97].

«Для того чтобы обеспечить студентам возможность спокойных занятий,— указывалось в начале записки,— необходимо поставить их в нормальное положение в тех самых стенах, в которых собирают их общие цели и стремления к образованию». В силу этого ставился вопрос, насколько существующий режим в университетах обеспечивает в них нормальную жизнь, не способствует ли он возникновению студенческих волнений. Вместе с тем говорилось о том, что усиление полицейских мер не приведет ни к чему, если не будет устранена основная причина недовольства студентов.

«Главная причина возобновляющихся волнений,— говорилось в записке,— заключается именно в недостатках устройства студенческого быта в стенах университета... Действующие правила о студентах университетов основаны на том главном начале, что студенты не составляют особой корпорации. Вследствие сего правила эти не допускают никакой формы общения между студентами. Студентам воспрещаются какие бы то ни было коллективные действия... Таким образом,— говорилось далее,— существующие университетские порядки направлены к тому, чтобы противодействовать всякому сближению студентов между собой, ограничивая их отношение к университету лишь слушанием лекций и исполнением различных формальностей полицейского характера» [98]. В записке отмечалось, что, по свидетельству университетов, на практике существующие правила для студентов не выполняются.

Так, Совет С.-Петербургского университета в своем решении по этому поводу говорил следующее: «Немыслимо, чтобы молодые люди, которые ранее в течение нескольких лет сидят

---

[97] Один из экземпляров этой печатной записки находится в фонде Д. А. Милютина (Отд. рукописей ГБЛ).

[98] Отд. рукописей ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, картон 43, д. 27, стр. 1—2.

рядом в той же аудитории, слушают тех же преподавателей, работают в той же лаборатории, кабинете и библиотеке, не чувствовали бы духовного сродства между собой, не имели бы вопросов, близко их всех интересующих, возбуждающих и волнующих их восприимчивую и чуткую натуру».

В силу этого действующие правила для студентов не выполнялись, а корпоративные организации, в частности кассы взаимопомощи, независимо от всего этого существовали. Так, Совет Московского университета в своем решении прямо указывал, что «вспомогательные кассы» существуют в университете более десяти лет, имеют правильную организацию и располагают весьма крупными суммами. Далее в записке говорилось, что подобное положение весьма отрицательно отражается на нравственном развитии молодежи, «приучающейся беспрерывно к различным тайным уловкам, неразрешенным сходкам и другим действиям, составляющим в существе своем нарушение закона» [99].

Таким образом, университеты высказались за отмену существовавших ограничений, являвшихся причиной студенческих недовольств, и заявляли о необходимости пересмотра действовавших правил. Однако это отнюдь не означало, как подчеркивалось в записке, признания студенческой корпоративной организации. «Выраженное ныне в правилах о студентах 1879 года общее начало, по которому студенты университета не составляют особой корпорации, должно и впредь оставаться в полной силе. Надлежит лишь предоставить студентам устройство в среде своей различного рода товариществ, могущих оказывать пособие нуждающимся... а также право составлять собрания как для обсуждения дел по заведованию студенческими учреждениями, так и по некоторым предметам собственно учебного дела» [100].

Как указывалось в рассматриваемой записке, отзывы советов университетов в общих чертах сводились к тому, чтобы разрешить устройство студенческих учреждений и организаций, рассчитанных на оказание помощи нуждающимся товарищам. К ним относились дешевые столовые, кассы взаимопомощи, бюро для приискания работы и т. д. Признавалось целесообразным разрешить организацию литературных вечеров, концертов, спектаклей, а также научных кружков и товариществ «для совместных занятий наукой, литературой и искусством». Вместе с тем не рекомендовалось издание

[99] Отд. рукописей ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, картон 43, д. 27, стр. 2—3.

[100] Там же, стр. 3—4.

специальных правил, предрешающих заранее форму этих организаций, предполагая предоставить это право советам университетов. Предоставление права студентам иметь свои организации вполне естественно должно было вызывать необходимость разрешать собрания для решения дел, связанных с работой этих органов (выбор лиц для руководства этими организациями, обсуждение их деятельности и т. д.).

В записке подробно рассматривались условия созыва собраний. Собрания могли созываться только с разрешения университетского начальства. Дабы собрание «не переходило границ предмета, предоставленного к обсуждению», рекомендовалось присутствие на нем университетского начальства. Созыв собраний должен был производиться в пределах товариществ, кружков, землячеств, а также тех или иных учебных групп. «Собрания целых факультетов, и тем более всего университета,— говорилось в записке,— не должны быть допускаемы ни в каком случае» [101].

В конце записки ставился вопрос о целесообразности организации студенческих судов чести, впрочем с весьма ограниченными правами.

Итак, отзывы советов университетов по существу полностью совпадали с предложением Милютина и Сабурова.

* *
*

29 декабря 1880 года министр народного просвещения Сабуров снова обратился к Александру II с докладом по этому поводу, поставив вопрос о необходимости скорейшего пересмотра существовавших правил для студентов.

В связи с тем что «второе учебное полугодие представляется лучшим временем для изменений в условиях университетской жизни,— писал он,— то было бы желательным ныне же, до возобновления лекций, определить этот порядок, в котором предполагаемые мероприятия могли бы быть введены в университетах» [102].

Так как намеченные реформы университетской жизни должны были коснуться всех высших учебных заведений, Сабуров считал необходимым обсудить в Особом совещании вопрос «о порядке и постепенности, в которых могло бы быть приступлено к осуществлению указаний Вашего император-

[101] Отд. рукописей ГБЛ, ф. Милютина, картон 43, д. 27, стр. 6.
[102] ЦГИАЛ, ф. Департамента народного просвещения, оп. 200, д. 25, 1880 г., л. 8.

ского величества и о тех условиях, которые при этом могли бы служить к обеспечению спокойствия в высших учебных заведениях»[103].

Совещание по университетскому вопросу происходило 5 января 1881 года под председательством Милютина. На нем присутствовали министры: внутренних дел — гр. Лорис-Меликов, финансов — Абаза, народного просвещения — Сабуров, путей сообщения — Посьет, государственных имуществ — кн. Ливен, обер-прокурор Синода Победоносцев, товарищ министра финансов Бунге, начальник Главного управления военно-учебных заведений Исаков и член Государственного совета Делянов.

«Заседание началось,— рассказывает в своем дневнике Милютин,— длинным изустным изложением Сабурова; весьма хорошо развил он те соображения, по которым мы находим необходимым изменить существующие порядки в университетах... Затем и я сказал несколько слов... Также высказал несколько слов в подкрепление наших предложений гр. Лорис-Меликов... Бунге ограничился несколькими частными замечаниями по содержанию записки Сабурова, но Исаков, совершенно для меня неожиданно, высказался против предлагаемых новых мер, и затем все прочие члены совещания, один за другим, в разной степени восстали против них. Сильнее всех напали Делянов и Победоносцев, чего, впрочем, и следовало ожидать. Видя совершенную невозможность прийти к какому-либо соглашению противоположных взглядов, я предложил отложить дальнейшие суждения до другого раза»[104]. Таким образом, по словам Милютина, за представленный проект помимо него и Сабурова выступал лишь Лорис-Меликов.

Об этом заседании подробно рассказывает и Победоносцев в своем письме к Е. Ф. Тютчевой от 9 января. «Первое (заседание.— *Л. З.*),— пишет Победоносцев,— было в крещенский сочельник,— в самую пору водосвятия — длинное, утомительное, раздражающее. Обсуждали дикие, пошлые, безграмотные проекты Сабурова об организации студенческих сходок. Вещь, о которой нельзя даже рассуждать по ее нелепости, подвергается серьезному обсуждению. Это одно уже ужасно... Он уже в октябре представил вместе с Мил[ютиным] свой проект государю, и государь утвердил. Нас теперь собрали рассуждать о том, что уже утверждено. Лор[ис]-Мел[иков] со свойственной ему развязностью высказался сразу в пользу

[103] ЦГИАЛ, ф. Департамента народного просвещения, оп. 200, д. 25, 1800 г., л. 8.

[104] Дневник Д. А. Милютина, т. 4, стр. 13.

проектов. Но и он, вероятно, не ожидал, что остальные выскажутся против. Бунге, Абаза, Делянов, Ливен, Посьет—все в более или менее мягких и уклончивых выражениях. К моему удивлению, и Н. В. Исаков, очевидно приготовившись, высказался очень положительно и толково против. Я, конечно, также и решительнее всех»[105]. Далее Победоносцев сообщал, что еще накануне Бунге, Абаза и Исаков были склонны высказать свое положительное отношение к проекту, но их разубедил Ф. М. Дмитриев, приехавший в Петербург по вызову Сабурова для назначения попечителем С.-Петербургского учебного округа. Анализируя рассказ Победоносцева, мы видим, что с точки зрения передачи фактических событий он мало отличается от рассказа Милютина.

Через несколько дней, 10 января, снова у Милютина, происходило второе совещание по этому вопросу. На этот раз «мы по предварительному соглашению с Сабуровым, гр. Лорис-Меликовым и некоторыми другими из членов совещания,— говорит Милютин,— ограничили вопрос только предположением о преобразовании инспекции студентов и подчинении ее ректору и правлению. Однако ж и при таком ограничении вопроса не избегли мы продолжительных и горячих прений только из желания некоторых членов излить свою желчь на новое Министерство народного просвещения. Опять отличились ядовитыми речами Делянов и Победоносцев. К общему удивлению, Исаков примкнул к этим двум пессимистам, в глазах которых студенчество представляется в виде толпы извергов и негодяев, с которыми ничего не поделаешь... Когда вся желчь была излита, все, кроме одного Делянова, заявили, с некоторыми только оговорками, согласие на предложенную меру и даже вынуждены были признать, что университетскому начальству невозможно поставить в обязанность строго преследовать все то, что запрещалось прежними драконовскими правилами, как-то студенческие столовые, читальни и т. п.»[106].

Следовательно, несмотря на ожесточенные споры, совещание одобрило не только вопрос о преобразовании инспекции студентов, но и в основном согласилось с намеченными Милютиным и Сабуровым мерами относительно изменения действующих правил о студентах.

Милютин в своем дневнике объясняет возникшие на совещании споры, с одной стороны, тем, что среди присутство-

---

[105] Отд. рукописей ГБЛ, ф. Победоносцева, д. 4410/I, л. 6.
[106] Дневник Д. А. Милютина, т. 4, стр. 14 — 15.

вавших имелись сторонники гр. Д. А. Толстого, и, с другой стороны, «слабостью и простодушием» Сабурова. Однако в действительности здесь обнаруживались не столько личные симпатии и антипатии, сколько различные точки зрения на вопросы внутренней политики. С одной стороны, выступали представители реакции — Победоносцев и Делянов, с другой — либеральные бюрократы. И те и другие стремились к одному и тому же: к умиротворению студенчества, к прекращению волнений в высших учебных заведениях. Однако средства для достижения этого им представлялись разные. По словам Милютина, совещания обнаружили всю шаткость положения министра народного просвещения, который сможет сохранить свой пост только до тех пор, «пока будет поддерживаем всемогущим в настоящее время гр. Лорис-Меликовым» [107].

Согласившись с предложениями Милютина и Сабурова, совещание вместе с тем внесло в них ряд поправок.

Победоносцев в своих письмах к Е. Ф. Тютчевой дважды касается дальнейшей работы совещания. 14 января он писал: «С Сабуровым было еще заседание, столь же нелепое. Ужасно подумать, что министр народ[ного] просвещения осел! Но еще ужаснее, что многие этого не понимают или не хотят понять и соглашаются с ним серьезно» [108]. В письме от 26 января он снова возвращается к этому вопросу, но более подробно. «Так вот совещались мы и по студенческим делам — отвратительное совещание. Осел Сабуров и воен[ный] министр Милютин, человек, лишенный всякого идеального начала, соединились вместе в чудовищной нелепости дать студентам какую-то нелепую конституцию, право сходок и выборов. Сабуров говорит нелепейшие речи, и его поддерживают, правда, далеко не все... гр. Лорис-Меликов становится на его сторону: сам говорит, что Саб[уров] дурак, но прибавляет: что же делать? не прогнать же Сабурова?» [109].

Эти письма достаточно ясно определяют отношение Победоносцева к обсуждаемому вопросу.

Итак, споры отражали две линии правительственной политики — реакционную и либеральную. Каждая из них, по тем или иным частным вопросам, рекомендовала свои пути для преодоления кризиса самодержавия. Победила на сей раз либеральная. Это свидетельствовало о том, что на данном

---

[107] Дневник Д. А. Милютина, т. 4, стр. 15.

[108] Отд. рукописей ГБЛ, д. 4410/I, л. 8.

[109] Там же, л. 14. По отзывам ряда современников, Сабуров был действительно ограниченным человеком.

этапе кризиса одни репрессивные меры не могли уже давать эффект.

18 февраля решение Особого совещания было утверждено Александром II в соответствии с предложением большинства [110].

* *
*

Еще 31 января, т. е. до окончательного утверждения Александром II решений Особого совещания, Сабуров внес в Государственный совет представление об организации инспекции, имея в виду указания императора о необходимости скорейшего пересмотра этого раздела университетского устава.

«Для целесообразного устройства инспекции над студентами в университетах,— писал он,— казалось бы желательным положить в основание его (устава.— *П. З.*) два главных начала: 1) инспекция, как составная часть университетского управления, не должна быть выделяема из непосредственного ведения ближайшего начальства университета и 2) организация личного состава инспекции и ее деятельность по исполнению обязанности надзора за студентами должны быть обставлены такими условиями, которые обеспечивали бы самостоятельность, твердость и вообще целесообразность распоряжений инспекции» [111].

Руководствуясь этим, министр народного просвещения считал необходимым в соответствии с уставом 1863 года подчинить инспекцию ректору и правлению университета. Назначение же инспекторов предполагалось осуществить иным порядком, нежели это предусматривалось уставом.

«Избрание на административные должности вообще столь многочисленной коллегией, каковой представляется университетский Совет, по самому существу своему представляет значительные неудобства». По мнению Сабурова, инспектор, работа которого носит преимущественно полицейский характер, должен обладать рядом личных качеств, «тщательная и верная оценка которых возможна лишь при ближайшем знакомстве с лицом, избираемым на должность полицейского характера, а при избрании в несколько десятков человек представляется безусловно невозможной» [112].

---

[110] В памятной книжке его за этот день содержится следующая запись: «в 1/2 11 докл[ад] Сабур[ова] об измен[ении] в унив[е]р[ситетах]». ЦГАОР, ф. Александра II, д. 335.

[111] ЦГИАЛ, ф. Департамента законов, д. 40, 1881 г., л. 8.

[112] Там же, л. 12.

Ввиду этого он предлагал предоставить ректору право рекомендовать кандидатов на замещение должности инспектора попечителю учебного округа с последующим утверждением министром народного просвещения.

Таким образом, в этом вопросе Сабуров отступил от устава 1863 года. Отступал от устава 1863 года министр народного просвещения и в других вопросах. Так, в отличие от указанного выше устава, он рекомендовал инструкцию, определявшую деятельность инспекции, составлять и утверждать не Совету университета, а правлению, состоящему из представителей университетской администрации — ректора, проректоров и деканов факультетов, с последующим утверждением попечителем.

Наиболее же важным отступлением от устава 1863 года было проектируемое Сабуровым расширение прав инспектора. «Это расширение,— писал министр,— представляется необходимым, дабы сосредоточить в его руках все дела по надзору за студентами и давать этим делам, при непосредственных отношениях инспектора к ректору, скорейшее движение» [113].

В проекте значительно сужались по сравнению с уставом 1863 года функции университетского суда. Большая часть дисциплинарных проступков студентов, не подведомственных инспектору, должна была разбираться правлением университета, и только дела «особой важности», по указанию попечителя, должны были подлежать рассмотрению университетского суда. Кроме того, проект предусматривал предоставление правлению университета права рассматривать дела «о столкновениях между студентами как в университете, так и вне стен его», а также дела, «не соответствовавшие понятию о чести и достоинстве студента».

Таково содержание представления министра народного просвещения, внесенного им на рассмотрение Государственного совета. Мы видим, что предложения Сабурова значительно расширяли обязанности инспектора и делали его совершенно независимым от Совета университета. Расширялись также и права администрации (ректора и правления университета) за счет сокращения функций Совета, а также права университетского суда.

Таким образом, его предложения представляли нечто среднее между уставом 1863 года и временной инструкцией, разработанной Толстым. Пожалуй, будет точнее сказать, что

---

[113] ЦГИАЛ, ф. Департамента законов, д. 40, 1881 г., лл. 15—16.

предложения министра были более близки к временной инструкции, нежели к уставу 1863 года.

Представление, разосланное членам Государственного совета, не встретило с их стороны каких-либо серьезных возражений, за исключением барона Николаи. Большинство членов Государственного совета вовсе уклонилось от отзыва [114]. Министр внутренних дел гр. Лорис-Меликов, не делая каких-либо замечаний по существу, в своем отзыве указывал, что «к внесению означенного проекта на рассмотрение Государственного совета с его стороны не встречается препятствий» [115]. Главноуправляющий II отделением с. е. и. в. канцелярии кн. Урусов, соглашаясь с проектом в целом, внес ряд изменений. Так, он полагал, что избрание инспектора должно производиться правлением университета, а составление инструкции ему должно быть предметом ведения Совета университета.

Замечания барона Николаи носили более значительный характер. Во-первых, он возражал против назначения инспектора, настаивая на избрании. По его мнению, неудобство избрания того или иного лица многочисленной коллегией действительно имеет место, однако «истина эта обща для всяких выборов и могла бы не с меньшей верностью быть применима к избранию всех должностных лиц...». По этому вопросу он предлагает компромиссное решение — предоставить Совету право избрания инспектора из числа трех кандидатов, намеченных правлением.

Во-вторых, он решительно выступал против подчинения инспектора лично ректору, а не Совету университета. «Для сколько-нибудь успешной деятельности ректора на почве нравственного влияния на студентов,— писал барон Николаи,— необходимо, независимо от личных достоинств, чтобы он во всех своих с ними сношениях являлся не деятелем единоличным, а выражением нравственного авторитета всей совокупности университетского научного персонала, опираясь во всех случаях на силу этого авторитета. Как скоро он явится единоличной высшей полицейской инстанцией, сила его авторитета будет поколеблена... На него станут смотреть не как на главу академического самоуправления, но как на старшего полицмейстера...».

Николаи выступил также против ограничения функций

---

[114] В деле не имеется отзывов министров юстиции, военного, государственных имуществ и других лиц.

[115] ЦГИАЛ, ф. Департамента законов, д. 40, 1881 г., л. 30.

университетского суда. «...Неудобно,— писал он,— ставить определение компетенции университетского суда в прямую зависимость от административной власти попечителя»[116]. Наконец, он решительно выступал против предложения возложить на правление университета разбор дел о столкновениях между студентами вне университета, а также поступков, несовместимых с честью и достоинством студентов. Барон Николаи указывал, что это находится в противоречии «с духом устава 1863 года».

Таким образом, единственное серьезное возражение на проект Сабурова было сделано бароном Николаи. Заседание соединенных департаментов (Законов и Гражданских и духовных дел) по обсуждению представления Сабурова началось 23 февраля и закончилось 2 мая, т. е. после его отставки и назначения на пост министра барона Николаи[117]. Государственный совет отменил целиком инструкцию 1879 года и восстановил в части надзора за студентами полностью действие устава 1863 года. 26 мая решение Государственного совета было утверждено новым императором.

Отмена инструкции 1879 года Государственным советом и утверждение этого решения новым императором свидетельствовали во-первых, о силе студенческого движения, сделавшего весной 1881 года новый скачок, и, во-вторых, о размерах кризиса правительственной политики. Правительство и после 1 марта, и даже после издания манифеста 29 апреля об укреплении самодержавия не рискнуло далее сохранить те меры, которые были разработаны им в 1879 году.

* *
*

28 января 1881 года Лорис-Меликов представил Александру II всеподданнейший доклад, в котором излагал подробно план намеченных им реформ. В начале доклада он говорил о задачах, поставленных перед ним императором при назначении его министром внутренних дел, подчеркивая, что они сводились «не только к строгому преследованию вредных проявлений социального учения и к твердому упрочению правительственной власти, временно поколебленной прискорбными событиями минувших лет, но главным образом и к возмож-

[116] ЦГИАЛ, ф. Департамента законов, д. 40, 1881 г., лл. 82—83.

[117] Барон Николаи в начале 60-х годов был при Головнине товарищем министра народного просвещения. По своим воззрениям был близок либеральной бюрократии.

ному удовлетворению законных потребностей и нужд населения»[118].

Таким образом, здесь Лорис-Меликов, в отличие от предшествующих докладов, в бытность его начальником Верховной распорядительной комиссии, определял свою задачу не столько в проведении административно-полицейских мер репрессивного характера, сколько в осуществлении мероприятий иного порядка, долженствующих ослабить почву для распространения революционных идей. Далее он указывал, что первые шаги в этом направлении принесли уже свои результаты. «Постепенное возвращение государственной жизни к правильному ее течению,— писал министр,— удовлетворяет в значительной степени внутренним стремлениям благомыслящей части общества и укрепляет временно поколебленное доверие к силе и прочности правительственной власти в России». В докладе подробно перечислялись мероприятия, проведенные Лорис-Меликовым во всех областях правительственной политики, начиная от ликвидации III отделения и кончая отменой соляного налога и изменением отношения к земству. Все эти меры, по его мнению, «оказали и оказывают благотворное влияние на общество в смысле успокоения тревожного состояния оного и возбуждения верноподданнической готовности служить вам, государь, всеми своими силами для завершения великого дела государственных реформ»[119].

Какие же основания имел Лорис-Меликов для высказывания столь оптимистического суждения об общественных настроениях? Остановимся на этом вопросе подробнее. Если иметь в виду либеральную часть общества, то министр внутренних дел был прав. Действительно, политика, проводимая Лорис-Меликовым и сводившаяся в ряде областей государственного управления к значительному смягчению прежнего

---

[118] «Былое», 1918, кн. 4—5, стр. 162. Подлинник хранится в фонде Александра III (ЦГАОР), д. 693. Автором этого доклада был М. С. Каханов. Об этом прямо говорит в своем дневнике А. А. Половцов. В записи за 4 февраля 1882 г. он заносит свой разговор с Каханов по поводу доклада Лорис-Меликова от 28 января: «В основу этих предложений, по заявлению Каханова, легла записка, составленная им под впечатлением заседания, имевшего место у государя в день похорон Мезенцова. На этом заседании, в котором участвовал Каханов, говорились такие дикие и глупые вещи, что, вернувшись домой, Ках[анов] написал записку о своих предложениях касательно борьбы с нигилизмом. Записка эта оставалась без движения до того времени, когда Лорис дал ход существу ее мыслей» (ЦГАОР, ф. Половцова, д. 20, л. 48). Авторство Каханова отмечает и М. И. Хейфец на основе сопоставления отдельных вариантов доклада.

[119] Там же.

реакционного курса, воспринималась этой частью общества бесспорно положительно. Однако едва ли он руководствовался только этим. Расположение «благомыслящей» части общества, т. е. представителей господствующего класса, не было достаточным для утверждения о начавшемся «умиротворении умов». Лорис-Меликов прекрасно понимал это и для подобного суждения у него были другие, более веские основания. Они заключались в том, что с февраля 1880 года по конец января 1881 года, т. е. за 11 месяцев, Исполнительный комитет «Народной воли» не произвел ни одного террористического акта [120]. Более того, данные III отделения, а позднее Департамента полиции не давали прямых указаний на подготовку народовольцами политических убийств. Массовое движение в 1880 году также не обнаруживало каких-либо тенденций к росту, а, наоборот, пошло на убыль. Если 1879 год дает известный рост крестьянских волнений, то в последующий число их было весьма и весьма незначительно. Надо, однако, сказать, что положение в деревне и в 1880 году было напряженным, по-прежнему распространялись слухи о «черном переделе» [121]. Рабочее движение в 1880 году в связи с начавшимся кризисом дает известный спад по сравнению с 1879 годом. К тому же надо иметь в виду, что размеры его были в этот период невелики.

Все это, а главное отсутствие террористических актов давало Лорис-Меликову основания для столь оптимистической оценки. Однако, как известно, Исполнительный комитет «Народной воли» не складывал оружия и подготовка покушения на Александра II по-прежнему продолжалась [122].

Надо сказать, что правительство слабо было осведомлено

---

[120] Собственно после взрыва в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г. было совершено два покушения: одно 20 февраля Млодецким на Лорис-Меликова, второе 4 марта в Киеве Поликарповым на агента полиции Забрамского. Оба покушения не были санкционированы Исполнительным комитетом «Народной воли».

[121] Однако и слухи о переделе земли в 1880 г. распространялись менее, чем в 1879 г. В харьковском генерал-губернаторстве, охватывавшем шесть губерний, по данным секретного делопроизводства временного генерал-губернатора, за 9 месяцев 1879 г. было возбуждено 11 дел о распространении ложных слухов по поводу передела земли, а за 1880 г. — 3; о различного рода других ложных слухов среди крестьян в 1879 г. — 5, в 1880 г. — 1. ГАХО, ф. харьковского временного генерал-губернатора, оп. 2.

[122] Летом 1880 г. в этих целях была заложена мина под Каменным мостом Меркуловым и Тетеркой. См. В. Я. Богучарский. Из истории политической борьбы в 70—80-х годах XIX века. Партия «Народная воля», ее происхождение, судьба и гибель. М., 1912, стр. 51.

о деятельности Исполнительного комитета «Народной воли». Так, во всеподданнейшем докладе 20 сентября Лорис-Меликов сообщал Александру II, что центром революционного движения является Москва: «Продолжительное совещание с местными (т. е. московскими.— *Л. З.*) властями укрепило во мне и прежде существовавшее убеждение, о котором всеподданнейше докладывал вашему величеству, что в данное время центром пропаганды несомненно служит Москва»[123]. Это естественно, не соответствовало действительности. Причину столь слабой осведомленности правительства о работе революционных организаций следует, на наш взгляд, в значительной степени отнести за счет героической деятельности агента Исполнительного комитета «Народной воли» Н. В. Клеточникова, являвшегося чиновником III отделения, а позднее Департамента государственной полиции и сообщавшего Исполнительному комитету об угрожавшей ему опасности[124]. Вместе с тем имел значение и тот факт, что арестовывавшиеся в этот период революционеры после Гольденберга не давали подробных откровенных показаний, что также затрудняло работу политического розыска. Именно в силу всего этого Лорис-Меликов и не имел даже более или менее приблизительного представления о деятельности народовольцев.

Охарактеризовав столь положительно внутриполитическое состояние страны, Лорис-Меликов указывал, что этим необходимо воспользоваться в «видах прочного установления порядка». В этих целях он рекомендовал приступить к осуществлению мер, направленных к завершению «великих реформ», оставшихся незаконченными. Далее в докладе говорилось, что многие вопросы, подлежащие разрешению, в какой-то степени уже разработаны в центральных учреждениях, к тому же сенаторские ревизии, собрав необходимые данные о положении на местах, также окажут несомненную помощь в подготовке намечаемых преобразований. Но «и эти данные,— указывалось в докладе,— при окончательной разработке их, несомненно окажутся недостаточными без практических указаний людей, близко знакомых с местными условиями и потребностями». В связи с этим Лорис-Меликов считал целесообразным привлечь к окончательному обсуждению подготовленных проектов реформ представителей местной общест-

---

[123] «Былое», 1917, кн. 4(26), стр. 34.

[124] Так называемые тетради Клеточникова, содержавшие в себе его сообщения Исполнительному комитету «Народной воли», опубликованы в кн. Архив «Земли и воли» и «Народной воли», под ред. С. Н. Валка. М., 1932.

венности. Вместе с тем подчеркивалось, что это участие «есть именно то средство, какое и полезно и необходимо для дальнейшей борьбы с крамолой».

«Однако чрезвычайно важным,— замечал министр внутренних дел,— является изыскание формы привлечения общественности к работе по подготовке намечаемых преобразований». При этом, так же как и во всеподданнейшем докладе 11 апреля 1880 года, Лорис-Меликов настаивал, что «для России немыслима никакая организация народного представительства в формах, заимствованных с Запада; формы эти не только чужды русскому народу, но могли бы даже поколебать все основные его политические воззрения и внести в них полную смуту, последствия коей трудно и предвидеть». Равным образом он по-прежнему относился отрицательно к созыву земского собора или образованию земской думы, полагая, что «простое воссоздание древнего представительства являлось бы трудно осуществимым и, во всяком случае, опасным опытом возвращения к прошедшему» [125]. Исходя из этого он опять-таки, как и в упомянутом выше докладе, предлагает привлечь к участию в разработке тех или иных преобразований представителей дворянства, земства и городов.

В отличие от предыдущего доклада этот вопрос здесь конкретизировался и подробно развивался. Лорис-Меликов считал необходимым создание в Петербурге временных подготовительных комиссий «наподобие организованных в 1858 году Редакционных комиссий» с тем, чтобы в этих комиссиях вопросы рассматривались с участием представителей земства, а также выборных от крупных городов. Состав комиссий должен был назначаться верховной властью из числа представителей центральных правительственных ведомств, а также назначаемых опять-таки императором «сведущих и благонадежных служащих и неслужащих лиц, известных своими специальными трудами в науке или опытностью по той или другой отрасли государственного управления или народной жизни» [126]. В состав этих подготовительных комиссий предполагалось включить и ревизующих сенаторов. Председатели комиссий должны были назначаться также верховной властью из числа высших государственных деятелей.

Предлагалось создать две комиссии: административно-хозяйственную и финансовую. Каждая из них могла подразделяться на специальные подкомиссии или отделы.

---

[125] «Былое», 1918, кн. 4—5, стр. 163.
[126] Там же, стр. 164.

Круг деятельности административно-хозяйственной комиссии должны были составлять следующие вопросы, относящиеся к ведомству Министерства внутренних дел:

а) реформа местного губернского управления;

б) разработка законопроектов, дополняющих Положения 19 февраля 1861 года;

в) изучение вопросов о способах ликвидации временно обязанного состояния, т. е. перевода крестьян на обязательный выкуп, а также понижении выкупных платежей в тех районах, где они особенно тяжелы;

г) пересмотр земского и городового Положения в целях дополнения и исправления их «по указаниям прошедшего времени»;

д) разработка вопросов, связанных с организацией системы народного продовольствия, в частности с созданием продовольственных запасов;

е) подготовка необходимых мер «по охранению скотоводства».

Таким образом, занятия административно-хозяйственной комиссии можно свести к двум проблемам: 1) реформе местного управления, включая сюда и пересмотр статута общественных организаций, и 2) подготовке законопроектов о крестьянстве, ставящих своей задачей развитие Положений 19 февраля в направлении дальнейшей эволюции деревни по пути капиталистического развития.

Круг занятий второй комиссии (финансовой) был очерчен весьма общо. Деятельность ее должна была включать в себя разработку податного вопроса, вопроса о паспортной системе и др. Лорис-Меликов указывал, что конкретно это должно быть определено царем на основе всеподданнейшего доклада министра финансов, предварительно с ним согласованного.

Обе эти комиссии должны были разработать законопроект, однако лишь «в тех пределах, кои будут им указаны высочайшей волей» [127]. Следовательно, деятельность комиссий строго регламентировалась, и никаких законодательных проектов они не могли подготовить без «высочайших на то указаний».

Однако в соответствующей обстановке эти скромные предложения могли при известных условиях привести к более серьезным уступкам. «Осуществление лорис-меликовского проекта,— писал В. И. Ленин,— могло бы при известных условиях быть шагом к конституции, но могло бы и

[127] «Былое», 1918, кн. 4—5, стр. 164.

не быть таковым: все зависело от того, что пересилит — давление ли революционной партии и либерального общества или противодействие очень могущественной, сплоченной и неразборчивой в средствах партии непреклонных сторонников самодержавия»[128].

Для рассмотрения законопроектов, разработанных в указанных выше комиссиях, Лорис-Меликов полагал необходимым создание общей комиссии. Эта комиссия, возглавлявшаяся лицом, назначенным императором, должна была состоять из членов подготовительных комиссий. Помимо этого, в состав комиссии включались выборные от губерний, в коих введено Положение о земских учреждениях, а также от некоторых значительных городов, по два от каждой губернии и города; причем в целях привлечения «действительно полезных и сведующих лиц» губернским земским собраниям и городским думам должно быть предоставлено право избирать их не только из среды гласных, но и из других лиц, принадлежащих к населению как губернии, так и города[129].

В тех губерниях, где земские учреждения отсутствовали, указанные лица должны были призываться по указанию местных властей, т. е., иными словами, назначаться. Это относилось в первую очередь к национальным окраинам. Продолжительность работы общей комиссии не должна была превышать двух месяцев.

После одобрения общей комиссией законопроектов они должны были передаваться для окончательного рассмотрения в Государственный совет с заключением министра, к ведомству которого относился данный законопроект. «...Для облегчения Государственного совета в предстоящих ему работах,— писал Лорис-Меликов,— быть может, вашему величеству благоугодно будет повелеть призвать и в состав его, с правом голоса, несколько, от 10 до 15, представителей от общественных учреждений, обнаруживших особенные познания, опытность и выдающиеся способности»[130].

Каким путем должны были призываться в Государственный совет эти представители, по назначению или по выбору, остается невыясненным. Боясь, как бы это предложение не было воспринято императором как конституционный проект, Лорис-Меликов подчеркивал, что работа как подготовитель-

---

[128] В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 39.

[129] «Былое», 1918, кн. 4—5, стр. 165. Последнее вызвало, по-видимому, у Александра II недоумение, так как эти слова отчеркнуты карандашом, а на полях поставлен знак вопроса.

[130] «Былое», 1918, кн. 4—5, стр. 165.

ных, так и общей комиссии будет иметь только совещательный характер. «Установление изложенного выше и испытанного уже с успехом порядка предварительной разработки важнейших вопросов, соприкасающихся к интересам народной жизни,— писал он,— не имеет ничего общего с западными конституционными формами. За верховной властью сохраняется всецело и исключительно право возбуждения законодательных вопросов в то время и в тех пределах, какие верховная власть признает за благо указать». Далее говорилось, что «приглашению членов, избираемых общественными учреждениями, будет предшествовать составление нового законопроекта подготовительными комиссиями из чинов правительственных, при участии лишь некоторых особо известных правительству посторонних лиц» [131]. Следовательно, первоначально проект того или иного закона должен быть составлен правительственными чиновниками, а уже затем представляться на обсуждение представителей общественности.

Лорис-Меликов указывал на целесообразность теперь же подготовить материалы, имеющиеся в центральных учреждениях по указанным выше вопросам, и закончить эту работу к сроку окончания сенаторских ревизий. Соответствующие ведомства обязаны были передать эти материалы в подготовительные комиссии «в форме проектов законоположений». Министр полагал, что подготовительные комиссии могли бы приступить к работе осенью текущего, 1881 года, а созыв общей комиссии можно было бы приурочить к началу будущего, 1882 года.

В конце доклада Лорис-Меликов писал: «Позволяю себе повергнуть пред вами, государь, глубокое мое убеждение, что неудовлетворение приведенным выше ожиданиям в настоящее время будет неминуемо иметь последствием если не полное охлаждение, то, по меньшей мере, равнодушие к общественному делу, представляющие,— как указал прискорбный опыт недавно истекших лет, самую удобную почву для успеха анархической пропаганды» [132].

Сопоставляя изложенную программу с предыдущей, содержавшийся в докладе 11 апреля 1880 года, нетрудно обнаружить существенное отличие второй от первой. Если круг намечаемых преобразований был один и тот же, то вопрос о привлечении представителей общественности к подготовке их

---

[131] «Былое», 1918, кн. 4—5, стр. 165.
[132] Там же, стр. 166.

разрешался по-разному. Во всеподданнейшем докладе 11 апреля Лорис-Меликов ставил в весьма осторожной форме вопрос о привлечении представителей местной общественности к разработке тех или иных подготовляемых реформ, причем он рекомендовал привлекать их не путем выборов, а назначением по рекомендации местных властей. В рассматриваемом же докладе вопрос ставился значительно шире. Если способ привлечения представителей общественности в Государственный совет был неясен и можно предполагать, что это должно было производиться путем назначения, то в состав общей комиссии указанные представители должны были избираться.

Почему же в январе 1881 года Лорис-Меликов выдвигает более радикальную программу? Никаких видимых событий не произошло. Не было произведено ни одного нового террористического акта, число крестьянских волнений, а также стачек рабочих становится меньше. В чем же дело? Нам представляется, что причину этого надо искать в общей напряженной обстановке в стране. Несмотря на отсутствие новых покушений, правительство, смертельно напуганное происшедшим, постепенно осознавало необходимость уступок [133]. Это и находило свое выражение в докладах Лорис-Меликова.

Сопоставляя предложения Лорис-Меликова с проектом вел. кн. Константина Николаевича, а также Валуева, мы на-

---

[133] Следствием этих настроений явилась также и записка П. П. Шувалова, относящаяся к февралю 1881 г. В начале этой записки Шувалов говорит о неизбежности введения в России «народного представительства»: «Трудно... себе представить, — пишет он, — чтобы Россия могла бы долго оставаться единственным исключением в семье европейских государств и чтобы она не удостоилась от своего государя того доверия, которое он оказывает своим финляндским подданным или покровительствуемым им славянам» («Красный архив», 1928, кн. 6(31), стр. 121).

Предложение Шувалова сводилось к созданию двухпалатного совещательного органа, состоящего исключительно из выборных. Избрание членов нижней палаты должно было производиться на тех же основаниях, что и земские выборы.

Следовательно, преобладающее большинство членов этой палаты принадлежало бы к представителям цензовой общественности. Выборы депутатов в верхнюю палату предполагалось производить ограниченным числом избирателей. При этом они могли избирать лишь кандидатов, из числа которых должны были верховной властью назначаться члены этой палаты. Таким образом, проект Шувалова был более радикален, нежели предложения Валуева, вел. кн. Константина Николаевича и Лорис-Меликова.

Однако записка эта не содержала никаких конкретных планов проведения указанной реформы в жизнь, относя реализацию ее на неопределенный срок.

ходим большое сходство. По сравнению с запиской вел. кн. Константина Николаевича предложения Лорис-Меликова менее умеренны; сопоставляя же их с проектом Валуева, обнаруживается чрезвычайная близость их. Общая комиссия, проектируемая Лорис-Меликовым, — это не что иное, как валуевский съезд государственных гласных. Примерно одинаково решается в обоих проектах и вопрос о привлечении представителей цензовой общественности в Государственный совет.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть весьма умеренный характер предложений Лорис-Меликова, отнюдь не угрожавших принципам самодержавной власти. Однако, как говорилось уже выше, при известных обстоятельствах эти предположения, как справедливо отмечал В. И. Ленин, могли бы явиться шагом к конституции — конституции весьма робкой, но все же такой, которая способствовала бы известному оживлению политической жизни России, а следовательно, и образованию буржуазных политических партий.

Этот проект государственного конституционализма выглядит особенно убогим по сравнению с планом государственных преобразований М. М. Сперанского, предполагавшим привлечение к общественной жизни широких слоев господствующих классов.

Всеподданнейший доклад Лорис-Меликова подвергся обсуждению в высших правительственных сферах.

3 февраля 1881 года Валуев записывает в свой дневник: «Третьего дня ко мне заезжал Michel Ier. Особенно любезен... Должно было что-нибудь значить. И точно: оказывается, что государю угодно, чтобы я участвовал в совещании... относительно представленной гр. Лорис-Меликовым записки. Ближний боярин мне вчера ее прислал, монумент посредственности умственной и нравственной. При наивно циническом самовосхвалении, при грубом каждении государю и грубом изложении разной лжи, — прежняя мысль о каких-то редакционных комиссиях из призывных экспертов» [134].

Такова оценка предложений Лорис-Меликова Валуевым. Однако, как мы увидим в дальнейшем, она представляла собой «оценку про себя», так как никогда, против этих предложений он не выступал. Скорее это была «оригинальная, красивая фраза», которую любил высказывать Валуев.

Впервые предложения Лорис-Меликова обсуждались на совещании у Александра II 5 февраля. На нем присутствова-

---

[134] П. А. Валуев. Дневник 1877—1884 гг., стр. 142.

ли наследник престола, вел. кн. Константин Николаевич, гр. Адлерберг, гр. Лорис-Меликов, кн. Урусов, Абаза, Валуев и Набоков. На совещании Лорис-Меликов читал свою записку. Как рассказывает Валуев, записка была в основном одобрена. «Дело кончилось всеобщим одобрением предположений министра внутренних дел с обычными неопределенными оговорками насчет «предосторожности «детали» и т. п. и поручением рассмотреть эти детали и установить эти предосторожности в совещании из тех же лиц, кроме государя, под моим председательством,— заносит 5 февраля в свой дневник Валуев. — Michel Ier, — продолжает он, — спросил меня вполголоса, нельзя ли прибавить Сольского, как редактора, — чему я весьма обрадовался, потому что мой личный труд значительно уменьшится»[135]. Таким образом в состав Особого совещания был включен и государственный контролер.

Судя по записям в дневнике Валуева, заседания Особого совещания происходили в Аничковом дворце 9 и 14 февраля. О первом из них Валуев пишет: «...совещание было жалко, но безобидно. Один Абаза понимал дело en grand. Гр. Л[орис]-М[еликов] его до сих пор не понял, хотя и затеял и насвистывал других на известный лад и в известном тоне не помнит тона, в котором он сам насвистал. Всякое разумное суждение было невозможно. Рамки, понятия, формулы — все условно. Истины ни на алтын»[136].

Журнал совещания был составлен 16 февраля и представлен императору. При обсуждении предложений Лорис-Меликова Особое совещание одобрило с некоторыми изменениями проект создания подготовительных и общей комиссий. Совещание высказалось за то, чтобы не предрешать заранее числа подготовительных комиссий и не включать членов их в состав общей комиссии. «Переходя к прочим предположениям о составе общей комиссии,— говорилось в журнале,— совещание находит, что избрание в оную выборных в одинаковом числе (по два) по всем губерниям и значительнейшим городам не соответствовало бы резкому различию в пространстве и особенно в населенности наших губерний и городов. По сему предпочтительнее, казалось бы, определить, что выборные от земских собраний назначаются по одному или по два от губернии; от городских же дум — по два в столицах и по

[135] П. А. Валуев. Дневник 1877—1884 гг., стр. 143.

[136] ЦГАОР, ф. библиотеки Зимнего дворца, д. 2587, кн. VI, л. 189. В опубликованном дневнике Валуева часть фразы отсутствует.

одному в других значительных городах»[137]. Вопрос о призыве в состав общей комиссии представителей Сибири и национальных окраин (Кавказа, Царства Польского) Особое совещание оставляло открытым. Также полагало оно не устанавливать определенного срока работы общей комиссии.

Таковы изменения, которые совещание внесло в предложения в отношении подготовительных и общей комиссий. Однако совещание не утвердило наиболее важный пункт программы Лорис-Меликова — включение в состав Государственного совета 10—15 представителей общественных учреждений, т. е. выборных от земств и городов. По-видимому, этот пункт смущал и самого Александра II, так как против него в докладе Лорис-Меликова был поставлен рукою императора знак вопроса.

Помимо различных лиц, влиявших на царя в смысле противодействия всякого рода реформам, большую роль играл и германский император, пытавшийся также воздействовать в этом отношении на своего племянника. Как рассказывал Александр III, Вильгельм I, узнав о задуманных в России политических реформах, «умолял его (Александра II.— *П. З.*) в собственоручном письме не делать этого; на случай же, если бы дело зашло так далеко, что нельзя отступить и обойтись вовсе без народного представительства, император германский советовал устроить его как можно скромнее, дав представительству поменьше влияния и сохранив власть за правительством»[138].

Таким образом, совещание одобрило ту часть доклада, которая не вносила чего-либо нового в организацию государственной власти. Призыв представителей цензовой общественности для рассмотрения тех или иных вопросов практиковался и ранее, правда в несколько меньшем размере, как это имело место в Редакционных комиссиях, при разработке устава о воинской повинности, закона о найме рабочих.

17 февраля журнал Особого совещания был утвержден Александром II[139]. В конце февраля на основе утвержденно-

---

[137] «Былое», 1918, кн. 4—5, стр. 172.

[138] Дневник Е. А. Перетца, стр. 35. В фонде Александра II указанное письмо не сохранилось.

[139] Как рассказывает Победоносцев, не принимавший участия в совещаниях по обсуждению проекта Лорис-Меликова, наследник престола предложил последнему ознакомить обер-прокурора Синода с этим документом: «При покойном государе, — писал он Е. Ф. Тютчевой 3 марта 1881 г., — было уже три заседания о каком-то совещательном собрании: одно в Зимнем и два в Аничковом дворце. Я не участвовал. Цесаревич не заявлял возражений, но сказал Лорис-Меликову сообщить мне протокол:

го журнала был подготовлен проект правительственного сообщения. В начале сообщения излагалась история создания Верховной распорядительной комиссии, на которую возлагались не только задачи борьбы с крамолой, но и изыскание «тех путей, коими государственная жизнь могла бы быть возвращена к правильному и законному ее течению»[140]. Далее сообщалось о докладе Лорис-Меликова 28 января и поставленных в нем задачах.

«Государь император,— говорилось в проекте сообщения — ...желая явить новый знак монаршего доверия к своим верноподданным... соизволил одобрить основную мысль относительно пользы и своевременности привлечения местных деятелей к совещательному участию в изготовлении центральными учреждениями законопроектов по тем вопросам, которые признаны будут его величеством подлежащими ныне разрешению в видах развития и усовершенствования высочайше предначертанных преобразований»[141]. Ниже сообщалось о созыве в Петербурге временных подготовительных комиссий и последующего обсуждения решения их в общей комиссии с совещательным участием представителей от земства и некоторых значительных городов.

В заключительной части сообщения подробно излагался порядок составления указанных выше комиссий и их права в соответствии с решением Особого совещания.

Утром 1 марта Александр II вызвал к себе в Зимний дворец Валуева, передал ему проект правительственного сообщения и просил высказать по этому поводу свое мнение «и, если я не буду иметь возражений,— рассказывает Валуев в своей «Записке от 1 марта», — созвать Совет министров на среду 4 марта»[142]. Как видно, Валуев тотчас же по возвращении из дворца ознакомился с полученным проектом и заготовил всеподданнейшую записку, в которой сообщал, что проект составлен, по его мнению, «весьма хорошо»[143]. Далее он информировал Александра II о назначении заседания Совета министров на среду 4 марта, в 1 час 30 минут дня.

Однако бомба, брошенная Гриневицким, изменила ход дальнейших событий.

Лорис-Меликов объявил мне о том две недели тому назад и при мне получил протокол, хотел прислать его в тот же день и не прислал до сих пор» («Русский архив», 1907, кн. 2, стр. 90). По-видимому, Лорис-Меликов предвидел возражения со стороны Победоносцева.

[140] «Былое», 1918, кн. 4—5, стр. 174.

[141] Там же, стр. 175.

[142] ЦГИАЛ, ф. Валуева, д. 21, л. 1.

[143] «Былое», 1918, кн. 4—5, стр. 177.

* *
*

Итак, политический курс министра внутренних дел Лорис-Меликова продолжал оставаться тем, что и в первый период его диктатуры. Правительство под влиянием революционного движения в стране вынуждено было пойти на определенные уступки.

Эти уступки находили свое выражение и в отношении применения административно-полицейских мер (хотя это отнюдь не означало отсутствия репрессий), и в политике по отношению к печати, высшей школе, земству.

Вместе с тем необходимо сказать, что по отношению к революционерам Лорис-Меликов придерживался весьма жестоких мер. Так, в циркуляре Министерства внутренних дел по Главному тюремному управлению от 8 октября за № 459 [144] предлагалось высылаемых в Сибирь «государственных преступников» направлять закованными в кандалы, а также, в соответствии с уставом о ссыльных, брить им половину головы. 2 апреля 1881 года по этому же поводу был издан Главным тюремным управлением снова специальный, совершенно секретный циркуляр, в котором говорилось, что, по сообщению генерал-губернатора Восточной Сибири, это требование все же не выполняется, и предлагалось устранить «вышеуказанные отступления» [145].

Осенью 1880 года Лорис-Меликов установил для политических ссыльно-каторжных в Нерчинском округе, находившихся на поселении [146], крайне суровый режим. В своем отношении к генерал-губернатору Восточной Сибири от 20 сентября министр внутренних дел подробно излагает эти новые

---

[144] Данный циркуляр обнаружить не удалось. О нем говорится в секретном циркуляре Главного тюремного управления от 2 апреля 1881 г. за № 63. См. ЦГИА УССР, ф. Канцелярии киевского генерал-губернатора, оп. 831, д. 3, 1881 г., л. 46.

[145] ЦГИА УССР, ф. Канцелярии киевского генерал-губернатора, оп. 831, д. 3, 1881 г., л. 46. В циркуляре при этом указывалось, что к тем из этого разряда преступников, которые до осуждения их были изъяты от телесного наказания, во время следования их к местам заключения, следует применять имеющиеся на этот предмет общие законоположения».

[146] В Нерчинский округ входило пять каторжных тюрем: Карийская, Акатуйская, Зерентуйская, Алгачинская и Мальцевская. Политические каторжники, по-видимому, находились только в Каре. Так, в Карийской каторжной тюрьме, по данным главного тюремного управления, в 1880 г. находилось 60 человек (ЦГАОР, ф. главного тюремного управления, оп. 1, д. 502). Всего, по этим же данным, в Восточной Сибири в том же году находилось 308 человек политических ссыльных, не считая 4121 сосланных за участие в восстании 1863 г. (см. указанное дело).

правила содержания политических ссыльно-каторжных. Так, они должны были находиться все время в оковах, на ночь же — запираться в камерах. «В чрезвычайных случаях, как-то явного сопротивления, замыслов к заговорам,— говорилось в пункте 17 этих правил,— буде никакие благоразумные меры не будут достаточны, заведующий ссыльно-каторжными может употребить холодное и в самой крайности огнестрельное оружие, не ответствуя в таком случае за убитых и раненых»[147]. Женам, сопровождавшим ссыльно-каторжных и жившим вне острога, разрешалось свидание лишь через день. Самым страшным в этих правилах было запрещение всякой переписки[148].

Несмотря на наличие диктатуры, отнюдь не упраздненной в результате ликвидации Верховной распорядительной комиссии, «чрезвычайные меры» и всевозможные репрессии по сравнению с концом 70-х годов применялись значительно реже, что являлось выражением нового этапа кризиса правительственной власти, не имевшей возможности «управлять по-старому», путем голого насилия.

Если на первом этапе кризиса самодержавия, до февраля 1880 года, правительство действовало только путем усиления репрессивных мер, то на втором его этапе это оказалось недостаточным. Оно принуждено было пойти на определенные уступки, стремясь привлечь на свою сторону «благомыслящую», т. е. либеральную, часть общества и осуществить некоторые реформы в экономической области. Вместе с тем репрессии приобрели, если можно так сказать, более «законную» форму. Безудержный произвол генерал-губернаторов и других властей, ослаблявших самодержавную власть, был ограничен.

---

[147] ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, оп. 165, д. 701, 1880 г., лл. 5—6.

[148] С другой стороны, Лорис-Меликов в специальном циркуляре губернаторам от 10 сентября 1880 г. указывал на необходимость гуманного отношения к ссыльным. «...Многие должностные лица, под ближайшим ведением которых находятся ссыльные, — говорилось в этом циркуляре, — часто не только не принимают возможных мер к установлению такого порядка наблюдения и способа обращения с ними, при котором не выходя из пределов закона и справедливости возможно было бы достигнуть правильного отношения ссыльных к правительственным органам и поддержать в них дух повиновения, но, напротив, разными мелочными требованиями, не всегда вызываемыми необходимостью, и неумелым с подобными лицами обращением лишь возбуждают их к частым заявлениям недовольства и даже беспорядкам...» (ЦГИАЛ, ф. Департамента общих дел, оп. 238, д. 61, л. 76). Далее предлагалось «избегать хотя бы малейшего проявления таких ненормальных отношений».

Все это создавало известные возможности для большего простора общественной жизни. Свидетельством этого являются высказывания лиц, отнюдь не являвшихся апологетами Лорис-Меликова. Так, М. Е. Салтыков-Щедрин, характеризуя положение в стране летом 1880 года, писал А. Н. Островскому: «По цензуре теперь легче, да и вообще полегчало. Лорис-Меликов показал мудрость истинного змия библейского: представьте себе, ничего об нем не слыхать и мы начинаем даже мнить себя в безопасности. Тогда как в прошлом году без ужаса нельзя было подумать о наступлении ночи» [149].

Другое свидетельство принадлежит Вере Николаевне Фигнер, сообщаемое ею в своей автобиографии. Говоря об условиях революционной работы в столице в 1880 — начале 1881 года, она пишет: «В самом Петербурге пропаганда, агитация и организация велись в самых широких размерах. Отсутствие полицейских придирок и жандармских облав за этот период очень благоприятствовало работе среди учащейся молодежи и рабочих. Это было время общего оживления и надежд... Но требование цареубийства,— пишет она,— раздавалось громко, потому что политика графа Лорис-Меликова не обманула никого, так как ничуть не изменила сущности отношений правительства к обществу, народу и к партии; граф изменил лишь грубые и резкие формы на более мягкие, но одной рукой отнимал то, что давал другой; предприняв, например, столь прославленное возвращение административно-ссыльных, он сам в то же время широко пользовался этой мерой по отношению к Петербургу; по инструкции 15 декабря 1880 года была изменена к худшему участь карийцев; эта инструкция лишила их, между прочим, такого дорогого права, как право переписываться с родными.

Поэтому общественное мнение в революционном мире требовало продолжения террора и казни как самого царя, так и его лицемерно-либерального приближенного...» [150].

Нет сомнения, что здесь дается в целом правильная оценка режима Лорис-Меликова, но вместе с тем надо отметить, что народовольцы игнорировали те уступки, на которые пошло правительство под непосредственным влиянием их же революционной борьбы. «Революционеры,— писал В. И. Ленин,— никогда не откажутся, конечно, от борьбы за реформы, от захвата хотя бы неважной и частной вражеской позиции,

---

[149] Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. XIX, кн. 2, стр. 158.

[150] «Из автобиографии Веры Фигнер». «Былое», 1917, кн. 4(26), стр. 63—64.

если эта позиция усилит их натиск и облегчит полную победу»[151].

Тот факт, что «Народная воля» в условиях отсутствия массовой революционной борьбы не внесла никаких изменений в свою тактику в связи с реформаторской деятельностью Лорис-Меликова, свидетельствует о недооценке ею изменившихся условий.

Решение задач привлечения народных масс к революционной борьбе с правительством, поставленных Исполнительным комитетом и изложенных в «Подготовительной работе партии»[152], проходило и в дальнейшем могло бы проходить более успешно в условиях лорис-меликовского режима, явившегося порождением их героической борьбы.

Проект государственных реформ, разработанный министром внутренних дел, в отличие от предшествующих его докладов, содержал довольно широкую программу не только административных преобразований, но и экономических мероприятий. Намерение привлечь цензовую общественность к участию в подготовке реформ означало стремление правительства расширить свою социальную базу. Однако и этот, скромный шаг встретил сопротивление в верхах и был утвержден Александром II в урезанном виде.

Надо отметить, что все преобразования в области реорганизации государственного аппарата, как осуществленные, так и намечаемые, носили объективно буржуазный характер. Они были направлены к усилению централизации, к смягчению феодальных черт в системе государственных учреждений.

---

[151] В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 59.
[152] «Литература партии „Народная воля“», стр. 305.

Глава IV

ОТ 1 МАРТА ДО 29 АПРЕЛЯ

Итак, бомбой, брошенной агентом Исполнительного комитета «Народной воли» И. И. Гриневицким, был убит император Александр II. На престол вступил его сын Александр III. Под буквой «А», как предрекал Г. В. Плеханов на Воронежском съезде землевольцев, прибавилась еще одна палочка.

Малообразованный и невежественный, он был человеком ума весьма ограниченного. Даже его апологет гр. С. Ю. Витте, характеризуя своего любимого монарха, писал о том, что он был человеком «сравнительно небольшого образования, можно сказать — он был человеком ординарного образования... у императора Александра III был небольшой ум рассудка, но у него был громадный выдающийся ум сердца»[1].

В отличие от своего слабовольного отца Александр III обладал определенной системой взглядов. Эти воззрения были достаточно примитивны. Они не выходили за пределы уваровской триединой формулы: «православия, самодержавия и народности». Оберегать чистоту «веры отцов», незыблемость принципа самодержавия и развивать русскую народность в патриархально-реакционном понятии этого слова — таковы основные задачи, которые ставил перед собой новый монарх. Надо отдать ему справедливость — он весьма последовательно боролся за эти идеалы с присущей его небольшому уму нетерпимостью. Однако необходимо оказать, что в некоторых вопросах внешней политики он обнаруживал здравый смысл. Впрочем, практичность свойственна и далеко не умным

[1] С. Ю. Витте. Воспоминания, т. I. Соцэкгиз, М., 1960, стр. 408.

людям. В отличие от отца, преклонявшегося перед своим венценосным дядюшкой — Вильгельмом I, Александр III резко изменил внешнеполитический курс. В этом отношении он выгодно отличался от своего отца, предававшего нередко забвению национальные интересы страны, которой он правил. Внешняя же политика нового императора была отнюдь не прогерманской. Однако все это обнаружилось позднее, когда Александр III пришел в себя после происшедшей катастрофы, когда он усвоил, что враждебные ему силы не представляют по крайней мере непосредственной опасности.

* *
*

Убийство Александра II вызвало в первый момент панику и полнейшую растерянность правительственных властей. «В первую минуту можно было ожидать уличных волнений,— рассказывает в дневнике Валуев, — нужно было опереться на войско для охранения порядка. Я на этом настаивал; но как будто не было командующих и штабов. Распоряжения делались, но бессвязно» [2]. Однако опасения были напрасны. Никаких эксцессов антиправительственного характера не было. Наоборот, как рассказывают Д. А. Милютин и А. А. Бобринский, толпа, находившаяся на площади Зимнего дворца, пыталась расправиться с каким-то молодым мужчиной, по внешнему виду похожим на нигилиста [3].

«Улицы,— говорит тот же Валуев,— были полны народа до 10 часов вечера; но потом опустело. Когда я поехал в Аничковый дворец в 11-м часу, с проектом манифеста, Невский был похож на обыкновенный Невский в эти часы» [4].

Однако, несмотря на отсутствие каких-либо антиправительственных волнений и выступлений революционеров, как сам

---

[2] ЦГАОР, ф. коллекции библиотеки Зимнего дворца, д. 2587, кн. VI, л. 197.

[3] Так, Милютин в конце дневниковой записи за 1 марта 1881 г. пишет: «На площади, перед дворцом, было уже много народа. Мне рассказывали о некоторых случаях самоуправства толпы с какими-то неосторожными и слишком откровенными нигилистами. Одного из них толпа хотела повесить на фонаре: он был спасен арестованием в воротах Главного штаба. Подобные же случаи, как говорят, были в других местах, но вообще в городе, — заключает Милютин, — совершенно спокойно и даже тише обыкновенного» (Отд. рукописей ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, папка 3, д. 5, лл. 23—24). В опубликованном тексте дневника эта часть записи отсутствует. См. также воспоминания А. А. Бобринского. «Каторга и ссылка», 1931, кн. 3, стр. 98.

[4] П. А. Валуев. Дневник 1877—1884 гг., стр. 148.

молодой император, так и правительственные власти продолжали оставаться в большом смятении. Смятение это помимо самого акта 1 марта было вызвано еще рядом дополнительных обстоятельств. 2 марта Желябов во время допроса, как говорится в рапорте ген. Комарова, заявил, что «ежели с восшествием на престол е. и. в. государя императора Александра Александровича ожидания партии не исполнят и она встретит такое же противодействие, то не остановится и в будущем прибегать к таким покушениям и против него»[5]. Подобное заявление одного из выдающихся деятелей партии[6] не могло не оказать определенного влияния.

Это заявление приобрело еще большее значение после обнаружения конспиративной квартиры на Тележной улице 3 марта[7], а на другой день — подкопа на Малой Садовой[8]. Наконец 10 марта Исполнительный комитет «Народной воли» направил новому императору письмо, представлявшее собой своеобразный ультиматум[9]. В этом обращении, говоря о современном положении России, Исполнительный комитет писал: «Из такого положения может быть два выхода: или революция, совершенно неизбежная, которую нельзя предотвратить никакими казнями, или добровольное обращение верховной власти к народу»[10]. Так как Александр III не собирался становиться на путь этого «добровольного обращения», то, естественно, перспектива, которую рисовал таинственный и страшный Исполнительный комитет, не могла не вызвать еще большего смятения.

Именно все это заставило отменить немедленный суд над участниками покушения на Александра II. 5 марта Лорис-

---

[5] «Былое», 1918, кн. 4—5, стр. 24. См. также статью и публикацию С. Н. Валка «Вокруг 1 марта 1881 г.». «Красный архив», 1930, т. 3, стр. 176—184.

[6] Роль Желябова как главы партии была хорошо известна правительству. 28 февраля Александр II радостно заносит в свою памятную книжку: «3 важ[ных] арестов, в том числе Желябов» (ЦГАОР, ф. Александра II, д. 335, стр. 22). По словам министра двора гр. Адлерберга, Александр II утром 1 марта говорил ему об аресте Желябова, приписывая этому «большие последствия». ИРЛИ (Пушкинский Дом), ф. М. И. Семевского, д. 16, л. 592.

[7] См. В. Я. Богучарский. Из истории политической борьбы в 70—80-х годах XIX века. Партия «Народная воля», ее происхождение, судьба и гибель, стр. 67—68.

[8] Там же, стр. 76—78.

[9] См. статью Р. В. Филиппова «В. И. Ленин и письмо Исполнительного комитета «Народной воли» от 10 марта 1881 года». Сб. «Вопросы истории», вып. 1. Петрозаводск, 1961, стр. 3—12.

[10] «Литература партии «Народная воля», раздел «Документы», стр. 13.

Меликов представляет всеподданнейший доклад, в котором отказываясь от своей первоначальной мысли о передаче первомартовцев военно-окружному суду, полагал целесообразным судить их Особым присутствием Сената, которое приступило бы к работе после погребения Александра II [11]. Аргументируя необходимость этого, министр внутренних дел писал: «Нельзя не иметь в виду, что казнь преступников может вызвать в оставшихся еще на свободе единомышленниках их, ободренных удачею, стремление к покушениям на драгоценные дни того, чья жизнь составляет ныне вернейший залог в том, что Россия переживет без глубокого органического потрясения настоящую тяжелую годину ее исторического существования. Между тем,— продолжал он,— предстоящее погребение в бозе почившего императора не может не представить особых затруднений в деле охранения державного вождя России от злодейских покушений» [12].

Для характеристики настроений, имевших место в правительственных сферах, представляет несомненный интерес письмо К. П. Победоносцева Александру III. В этом письме, датированном 11 марта, он поучает своего бывшего ученика, какие меры предосторожности он должен принимать, дабы сохранить свою «священную особу». Советы, рекомендуемые Победоносцевым, состоят из пяти пунктов. «1. Когда собираетесь ко сну, — писал он, — извольте запирать за собой двери — не только в спальне, но и во всех следующих комнатах, вплоть до выходной. Доверенный человек должен внимательно смотреть за замками и наблюдать, чтобы внутренние задвижки у створчатых дверей были задвинуты» [13]. Второй пункт касался необходимости проверять перед сном исправность звонков, так как провода могут быть перерезаны. Следующий пункт рекомендовал проверять, также вечером, не проник ли кто-нибудь в царские апартаменты, спрятавшись под мебелью. Наконец, в последних двух пунктах говорилось о целесообразности ночевки одного из адъютантов в ближайших комнатах, а также тщательной проверки окружавших императора людей и немедленного удаления тех, кто внушает какое-либо сомнение.

Опасения возможности покушения на молодого царя разделял далеко не один Победоносцев. «...Мы,— пишет в своем дневнике 3 марта Д. А. Милютин,— сговорились сойтиться с

---

[11] В этом докладе министр внутренних дел полагал целесообразным начать суд на другой день после похорон Александра II.

[12] «Красный архив», 1930, т. 3, стр. 130.

[13] «Письма К. П. Победоносцева к Александру III», т. 1, стр. 318—319.

гр. Лорис-Меликовым и гр. Валуевым, чтобы вместе встретить государя и убедить его не подвергать себя и императрицу случайностям беспрестанными переездами из Аничковского дворца в Зимний и обратно»[14]. Однако, как говорит далее Милютин, им не удалось встретить Александра III, и они решили предоставить это сделать одному Лорис-Меликову. По-видимому, в связи с этим Валуев на другой день возвращается в дневнике к этому вопросу. «Вчера,— говорит он,— 4 марта, писал графу Лорис-Меликову об опасениях насчет переезда их величеств из дворца во дворец и насчет установления, на всякий случай, порядка регентства»[15].

Вращавшийся в великосветских кругах адъютант вел. кн. Константина Николаевича, ген. Киреев, говоря о настроениях в этой среде, пишет: «В умах петербуржцев чепуха, в сердцах смятение и подлый страх. Начинают говорить о том, что с нигилистами не справишься и что действительно уже лучше будет по-ихнему, пусть дадут конституцию»[16].

Едва ли подобные «конституционные» настроения имели широкое распространение, однако само наличие их свидетельствовало также об определенной тревоге и смятении.

Эта тревога за судьбы правящей династии распространилась и за пределы России. Как рассказывает в своих «Воспоминаниях» Швейниц, Бисмарк после убийства Александра II велел ему дважды в день сообщать телеграфно о положении дел в Петербурге. «Если я не получу очередной телеграммы,— писал он Швейницу,— то буду пока считать, что телеграф больше не работает»[17].

8 марта на должность с.-петербургского градоначальника был назначен близкий к новому императору генерал-майор Баранов[18], человек неумный, ловкий жулик и лгун, начавший

[14] Дневник Д. А. Милютина, т. 4, стр. 29.

[15] П. А. Валуев. Дневник 1877—1884 гг., стр. 149. Автор имеет в виду назначение регента на случай убийства Александра III и вступления на престол его тринадцатилетнего наследника Николая Александровича.

[16] Отд. рукописей ГБЛ, ф. Киреева, д. 8, л. 210.

[17] «Denkwündigkeiten des Botschafters General v. Schveinitz», Zweite Band. Berlin, S. 156.

[18] Баранов, в прошлом капитан 1-го ранга, командовал судами «Веста» и «Россия» во время русско-турецкой войны. После заключения мира выяснилось, что реляции его о боевых действиях, за которые он получил георгиевский крест и повышение в чинах, были ложны, и он был публично обвинен в очковтирательстве. В конечном счете Баранов принужден был выйти в отставку; а в 1880 г. его назначили ковенским губернатором. Как утверждает в своем дневнике А. А. Половцов, это назначение было произведено вопреки желанию Лорис-Меликова (ЦГАОР, ф. Половцова, д. 18).

с места в карьер «искоренять в столице крамолу». Назначение Баранова градоначальником было произведено по прямой инициативе Победоносцева, который и предложил его Александру III. В своем письме молодому царю 6 марта Победоносцев, говоря о необходимости замены высших правительственных чиновников новыми людьми, писал: «Здесь в Петербурге люди найдутся авось. Завтра приедет сюда Баранов; еще раз смею сказать, что этот человек может оказать вашему величеству великую службу, и я имею над ним нравственную власть» [19].

Еще ранее, 3 марта, Победоносцев писал царю о том же: «Смею еще напомнить вашему величеству о Баранове. Это человек преданный вам,— я знаю,— и умеющий действовать, когда нужно» [20].

Необходимо сказать, что Баранов в значительной степени способствовал усилению тревоги и смятения в высших правительственных сферах благодаря своим рассказам о раскрытых им заговорах. Характеризуя «кипучую» деятельность Баранова, Победоносцев 15 марта писал своей приятельнице Е. Ф. Тютчевой бывшей фрейлине жены Александра II: «Баранов явился, едва держась на ногах. Со времени назначения он еще не отдыхал ни днем, ни ночью. Ночью происходит у него главная работа. Ну, завтра,— сказал он,— будет страшный день... Готовится покушение на государя и на принца прусского в четырех местах по дороге; в одном месте, на Невском, соберутся люди, переодетые извозчиками, с тем, чтобы открыть перекрестные выстрелы. У него в руках был уже план всех предположенных действий... Теперь из 48 человек, которые должны действовать, 19 у меня в руках. Сейчас еду делать аресты. В эту ночь,— заключил он свой рассказ,— что еще открою — неизвестно». Естественно, что все это, являвшееся по меньшей мере плодом досужей фантазии Баранова, усиливало еще в большей мере тот страх, которым был охвачен самодержец всероссийский. «Представьте положение бедного государя,— писал в этом же письме Победоносцев,— который непременно должен был ехать сегодня в крепость, зная, что на каждом шагу его может ждать смерть».

---

[19] «Письма К. П. Победоносцева к Александру III», т. 1, стр. 317.

[20] Там же, стр. 315. Катков также очень положительно отзывался об этом авантюристе. Так, в своем письме к нему от 24 марта он писал: «Верю, верю Вам, глубокоуважаемый Николай Михайлович, и Вашему уму, и Вашей энергии, и Вашей политической честности (качество очень редкое в эти дни) и Вашей преданности государю» (Отд. рукописей ГБЛ, ф. Каткова, д. 48, л. 159).

Далее Победоносцев сообщал Тютчевой о том, что перед Зимним дворцом, против Салтыкова подъезда, роют по распоряжению Баранова канаву «при этом успели перерезать 17 проволок от мины» [21].

Таким образом, новый градоначальник немало сделал для усиления паники в Петербурге благодаря своему безудержному вранью.

По инициативе Баранова при петербургском градоначальстве создается своеобразный «комитет общественного спасения». «Ввиду целого ряда злодейских замыслов, имевших целью поколебать государственный порядок и окончившихся событием 1 марта,— писал Лорис-Меликов петербургскому градоначальнику,— государь император принял твердую решимость положить предел дальнейшему развитию преступной деятельности злоумышленников... даровать жителям оной (столицы. — *П. З.*) полное спокойствие».

В соответствии с этим предлагалось «призвать к содействию выборных от всего столичного населения, из которых образовать при с.-петербургском градоначальстве временный совет...».

На рассмотрение этого совета градоначальник должен был передавать «меры, принятие которых он считает необходимым в видах ограждения общественной безопасности». Все меры, одобренные советом, должны были принимать «обязательную силу» и приводиться в исполнение, если они не требовали «высочайшего одобрения». Предложения градоначальника, не одобренные большинством совета, не могли проводиться в жизнь.

Далее в отношении излагался порядок избрания совета. Правом голоса пользовалось отнюдь не все население, как об этом декларировалось несколько выше, а лишь домовладельцы и «лица, занимающие на свое имя квартиры в частных или казенных зданиях» [22], а также все владельцы промышленных и торговых заведений, включая собственников лавок. От каждого из 228 околотков, на которые разделялся Петербург, должен был быть избран один выборный. Система выборов была следующей: каждый из имевших право выбора должен был представить письменный «отзыв», содержащий в себе рекомендацию лица, которое он считает наиболее достойным. «Для отобрания таких отзывов,— говорилось в отно-

[21] «Русский архив», 1907, кн. 2, стр. 96.

[22] ЦГИАЛ, ф. Канцелярии министра внутренних дел, оп. 1, д. 1051, лл. 8—9. Это отношение опубликовано в «Правительственном вестнике» 18 марта 1881 г.

шении,— по распоряжению градоначальника образуются особые комиссии по числу околотков»[23]. Комиссии эти должны были составляться из полицейского чиновника, гласного городской думы и двух офицеров или гражданских чиновников, также назначаемых градоначальником.

Выбранным в околотке считался тот, кто получил простое большинство голосов.

Выборные от околотков, собранные в градоначальстве, должны были из своей среды избрать 25 членов совета. Выборы были произведены буквально молниеносно. Цитировавшееся выше отношение градоначальнику было направлено Лорис-Меликовым 18 марта, а 19-го было произведено избрание выборных от околотков.

Характеризуя проведение выборов, газета «Голос» писала: «Поспешность, с которой произведены выборы, и недоумения, неизбежно связанные с этой поспешностью, действительно... привели к результатам, о которых можно только пожалеть. Неприготовленность, в какой были застигнуты избиратели, сказывалась во множестве оригинальных случаев. Так, комиссии, собиравшие голоса, объясняли избирателям, что они могут подавать голос только за лицо, живущее в пределах околотка, а не вне его»[24].

В связи с этим, как рассказывает «Голос», часто избиратели заявляли, что они не знают, за кого же голосовать. Тогда члены комиссии рекомендовали голосовать за лицо по рекомендации полиции. Все это привело к тому, как утверждает тот же «Голос», что «выборы были произведены с нарушением азбучных правил всех избирательных систем»[25].

«Избранные» от околотков были на другой день приглашены на общее собрание, где перед ними выступил Баранов, предложив одобрить две меры, относившиеся «к водворению безопасности в Петербурге». Одна из этих мер касалась организации застав при въезде в город, вторая — устройства наблюдения за приезжавшими по железной дороге. Эта мера предполагала установление правила, по которому все приезжавшие в Петербург обязаны были брать извозчиков на вокзале «через посредство полиции». При этом полиция должна была записывать номер извозчика, а последним вменялось в обязанности запоминать адрес пассажира[26].

---

[23] ЦГИАЛ, ф. Канцелярии министра внутренних дел, оп. 1, д. 1052, л. 9.

[24] «Голос», 21 марта 1881 г. Передовая статья.

[25] «Голос», 22 марта 1881 г. Передовая статья.

[26] Дневник Е. А. Перетца, стр. 53—54.

Характеризуя выступление Баранова перед выборными и предложенные им меры, Милютин в дневнике за 21 марта пишет: «Речь эта до того пошла и бестактна, а предложенные Барановым на первый раз две меры до того непрактичны, что позволительно даже усомниться в уме нового градоначальника. По крайней мере,— продолжает он,— напечатанное в нынешнем номере «Голоса» описание приема депутатов Барановым похоже на злую насмешку над градоначальником и напоминает юмористические рассказы Щедрина» [27].

После одобрения указанных выше мер были произведены выборы членов Временного совета. По-видимому, «выборы» эти не были основаны на выборном начале, так как на обсуждение собравшихся был предложен список, полностью составленный полицией. «Очевидно, что все это была комедия, — пишет в своем дневнике Перетц, — причем члены совета были заранее указаны градоначальником» [28]. 23 марта члены Временного совета представлялись Александру III.

Подавляющая часть избранных принадлежала к чиновной и частью к сановной среде [29]. Среди избранных, особенно в

---

[27] Дневник Д. А. Милютина, т. 4, стр. 46. Описание приема Баранова см. «Голос», 21 марта 1881 г. Первая из одобренных мер — организация застав вокруг города и пикетирование казачьих разъездов — была отменена через несколько дней, так как буквально парализовала нормальную жизнь города, в частности затрудняя доставку продуктов на рынок. Однако Баранов видел в этой абсурдной мере все же определенное положительное значение. Так, на одном из апрельских заседаний градоначальник глубокомысленно заявил: «По поводу этой меры сделано было много укоризн, но в моем понятии она потому уже важна, что дала мне возможность приспособиться к тому, как произвести полное оцепление города, когда это действительно понадобится в будущем времени». ИРЛИ (Пушкинский Дом), ф. М. И. Семевского, д. 16, л. 383.

Вторая мера не получила широкого распространения, также вследствие своей абсурдности.

[28] Дневник Е. А. Перетца, стр. 52.

[29] Членами были избраны: ген.-ад. Трепов, ген.-ад. гр. Воронцов-Дашков, ст. советник Глазунов, председатель столичного мирового съезда тайн. советник Квист, почетный мировой судья Лихачев, кол. асс. гр. Бобринский, ген.-майор Фредерикс, действ. ст. советник Семевский, мировой судья Меншуткин, тайн. советник Ламанский, потомств. почетный гражданин Елисеев, ген.-майор гр. Левашев, коммерч. советник Крундышев, почетный мировой судья ген.-майор Благово, присяжн. поверен. Потехин, ректор университета Бекетов, член Петербургской судебной палаты действ. ст. советник Христианович, член Гос. совета тайн. советник Заблоцкий-Десятовский, ген.-майор Богданович, мировой судья Котомин, ст. советник Краевский, ген.-майор Коростовец, потомств. почетный гражданин Целебеев, тайн. советник Кобеко и действ. ст. советник камергер Жуковский (ЦГИАЛ, ф. канцелярии министра внутренних дел, оп. 1, д. 1051, л. 14). Таким образом, в составе членов было 13 «превосходительств». Кандидатами были избраны: мануфактур-совет-

кандидаты, было также немало и представителей торгово-промышленной буржуазии. Наконец, в составе членов и кандидатов находились и довольно известные представители столичной интеллигенции: ректор университета Бекетов, адвокат Потехин, историк Семевский, журналисты Краевский и Елисеев. Наибольшее число голосов (176 из 228) получил бывший градоначальник ген. Трепов [30].

Состав совета, или, как его называли современники, «бараньего парламента», удовлетворял чаяниям либеральной общественности. Так, газета «Страна» по этому поводу писала: «Назначение Особого совета при градоначальнике, посредством отбора голосов на квартирах, дало такой личный состав, который нельзя не признать удовлетворительным» [31]. Так же положительно отзывался теперь и «Голос».

Деятельность Временного совета началась 22 марта. Первоначально было решено заседания совета, до начала апреля, проводить ежедневно. Однако в действительности это реализовано не было, так как в середине апреля проходило только шестое заседание [32]. Как устанавливает П. Е. Щеголев в своей статье «После 1 марта 1881 года» [33], работа этого совета сводилась к выработке ряда проектов и инструкций [34].

ник Сан-Гали, потомств. почетный гражданин Дурдин, действ. ст. советник Михельсон, тайн. советник Философов, купец Глазунов, полк. Литвинов, ст. советник Путилин, отст. поручик Горсткин, ген.-ад. Глинка-Маврин, мировой судья ст. советник Трофимов, почетный мировой судья Лермонтов, действ. ст. советник Мясоедов, надворный советник Соколов, тайн. советник Винберг, потомств. почетный гражданин Липин, купец Ротин, потомств. почетный гражданин Латкин, купец Банухин, потомств. почетный гражданин Куканов, купец Кобызев, ген.-майор Дитерикс, купец Орловский, ген.-майор Федоров, инженер Котляревский, купец Лев Кениг (там же). Помимо выборных членов в заседаниях совета должны были принимать участие петербургский городской голова и 2-й петербургский комендант свиты ген.-майор Адельсон (там же).

[30] «Голос», 22 марта 1881 г.

[31] «Страна», 22 марта 1881 г.

[32] ИРЛИ (Пушкинский Дом), ф. М. И. Семевского, д. 16, лл. 353—366.

[33] «Былое», 1907, кн. 3, стр. 290—302.

[34] Временный совет разработал записку по вопросу о «причинах беспорядков и волнений среди учащейся молодежи», а также избрал комиссию «об устройстве внутреннего надзора в домах». Эта комиссия выработала 4 проекта: 1) Проект «правил о взыскании по нарушениям правил о порядке объявления полиции о прибывающих и выбывающих в Петербурге». 2) Проект «временных правил общего надзора за домами в Петербурге». 3) Проект «правил для ответственных дворников по полицейским их обязанностям». 4) Проект «правил околоточным надзирателям, специально назначенным для внутреннего надзора за домами» («Былое», 1907, кн. 3, стр. 300).

В первые дни деятельности совета были образованы в составе его две подкомиссии: первая под председательством гр. Воронцова-Дашкова для организации «при особе его величества охранной стражи» и вторая — для создания артели дворников. Как рассказывает Семевский, была, кроме того, создана специальная комиссия «о мерах против ведения подкопов», а также «об определении обязанности полиции и дворников за наружным наблюдением домов» [35].

Одной из первых мер, обсуждавшихся в совете, являлось обеспечение охраны царя во время перенесения тела Александра II в Петропавловскую крепость. С этой целью каждому из членов совета поручалось наблюдение за одним из домов, мимо которого будет двигаться процессия [36].

Для того чтобы представить себе работу Временного совета, приведем повестку одного из его заседаний. Так, на шестом заседании его, 17 апреля, обсуждались следующие вопросы: 1) «правила охранения железных дорог до царских резиденций»; 2) «о мерах к материальному упрочению положения учащейся молодежи в высших учебных заведениях»; 3) зачитывались различные проекты обеспечения безопасности в столице. Все эти проекты были убоги, а в некоторых случаях и просто абсурдны. Так, на заседании рассматривался проект купца Карпова, предусматривавший организацию домовых комитетов, состоящих из владельцев и выборных от квартирантов. Домовые комитеты должны были наблюдать за вновь приезжавшими и выдавать им «домовые билеты» с указанием примет. Полиции же предоставлялось право внезапных осмотров квартир, «делать перекличку живущих и сличать приметы, прописанные в домовых билетах, с натурою» [37].

По-видимому, некоторые члены совета полагали, что деятельность их органа имеет огромное государственное значение. На одном из заседаний (28 апреля) член его, известный авантюрист и враль — ген. Богданович, внес предложение о распространении петербургского «опыта» на другие города империи. Он рекомендовал «ввиду громадной пользы» этого института «войти с ходатайством к правительству об учреждении в каждом губернском городе при губернаторе подобных же советов» [38]. Однако столь «мудрое» предложение поддержано не было, да и само правительство не собиралось этого

[35] ИРЛИ (Пушкинский Дом), ф. М. И. Семевского, д. 16, л. 380.
[36] Там же, лл. 394—395.
[37] Там же, л. 359.
[38] Там же, л. 381.

делать. Деятельность «бараньего парламента», естественно, была бесплодной и в начале лета прекратила свое существование.

Однако создание этого «комитета общественного спасения» представляет большой интерес как свидетельство смятения и паники, охвативших правительственные круги, и в первую очередь самого императора в марте 1881 года. Само по себе обращение к «обществу» говорило о слабости правительства, о неспособности его преодолеть кризис собственными силами. Вместе с тем важно отметить и другое: совет при градоначальнике явился предшественником Священной дружины, особенно его подкомиссия, занимавшаяся охраной царя и руководимая Воронцовым-Дашковым.

Характеризуя положение дел в Петербурге, Валуев сообщает 23 марта в своем дневнике следующее: «Эрратический ход дел продолжается, и от драмы порою переходит к комедии. Окапываются дворцы, запрещают ходить по их панелям; Временный совет при градоначальнике воображает, что он призван управлять полицией и самим градоначальником; министр внутренних дел стушевался и даже не обнаруживает никакого участия в делах охранения или восстановления общественного порядка в столице... Быстро катится шар по наклонной плоскости и надтрескивается. Ко всему нужно быть готовым. Да будет воля господня» [39].

27 марта Александр III без огласки покидает свою столицу и переезжает в Гатчину. Победоносцев сообщает с верноподданнической грустью об этом Тютчевой: «...он (Александр III.— *П. З.*) все-таки в Гатчине. Государь не показывается народу, скрывается, уезжает будто тайком в Гатчину. Как это грустно. Как тяжело должно действовать на народ» [40].

Говоря о впечатлении, которое переезд в Гатчину произвел на петербургское общество (имея, естественно, в виду его сановно-чиновничью часть), Половцов, того же 27 марта, заносит в свой дневник: «В городе говорят: C'est fuite de Varenne...[41]. Сожалеют, что вместо Гатчины не избрана Троицкая Лавра, куда можно ехать говеть для всенародного сведения. В Гатчине,— продолжает он,— будут они жить еще уединеннее, чем в Петербурге, т. е. будут слушаться одних

---

[39] ЦГАОР, ф. коллекции библиотеки Зимнего дворца, д. 2587, кн. VII, лл. 12—13. В опубликованном тексте последние две фразы отсутствуют.

[40] Отд. рукописей ГБЛ, ф. Победоносцева, д. 4410/1, л. 43.

[41] Имеется в виду бегство французского короля Людовика XVI в 1791 г. из революционного Парижа в Варенн.

Победоносцева и Баранова, последний своими шарлатанскими выходками восстановляет против себя всех»[42].

Переезд в Гатчину Александра III свидетельствовал об огромном страхе нового императора перед революционерами. Даже там, в Гатчине, царь чувствовал себя в безопасности только за «семью замками».

Посетивший Гатчину 29 марта, для свидания с императором, тот же Половцов следующим образом характеризует тамошние порядки. «В Гатчине,— пишет он,— беру извозчика и направляюсь ко дворцу, который со всех сторон окружен пешими, конными мундирными и немундирными часовыми. То же самое во дворце, то же самое внутри дворца»[43]. Насколько силен должен был быть страх, охвативший самого Александра III и его ближайшее окружение, чтобы самодержец всероссийский добровольно превратился в гатчинского узника!

Возможно, что переезд в Гатчину был инспирирован градоначальником Барановым в целях большего влияния на запуганного императора. Эта мысль сквозит и в письме Победоносцева к Тютчевой от 31 марта. «Туман. Ничего не видать. Туман окутывает и Баранова. Я не знаю,— пишет обер-прокурор,— что он делает и что замышляет, но в душе у меня нет доверия. Его невозможно оставить одного, без руки, которая держала бы его, а теперь никто его не держит. Он один ездит к государю и говорит ему что хочет. А то, что он мне рассказывает в краткие и редкие минуты, мне не нравится и не внушает мне доверия. Боюсь,— продолжает Победоносцев,— нет ли здесь иного. Запугать юного государя[44] и взять его в руки. Боюсь, самый переезд в Гатчину не в связи ли с той мыслью, чтобы изолировать его? В Гатчину,— замечает он,— ведь и попасть трудно. Это не то, что в Царское Село»[45]. Побег в Гатчину лишний раз характеризовал без-

---

[42] ЦГАОР, ф. Половцова, д. 18, стр. 218.

[43] Там же, стр. 221. Так же характеризует Гатчину и Милютин, посетивший ее 31 марта. «В Гатчине,— пишет он,— поражает приезжего вид дворца и парка, оцепленного несколькими рядами часовых, с добавлением привезенных из Петербурга полицейских чинов, конных разъездов, секретных агентов и проч. и проч. Дворец представляет вид тюрьмы...» (Дневник Д. А. Милютина, т. 4, стр. 51).

[44] Эта юность была весьма относительна — Александру III шел 36-й год.

[45] Отд. рукописей ГБЛ, ф. Победоносцева, д. 4410/1, л. 43. Мысль о необходимости выезда царя в один из пригородов выражал Баранов в письме к Победоносцеву еще 2 марта («Победоносцев и его корреспонденты», т. I, полутом 1. М. — Пг., 1923, стр. 99.

удержный страх молодого императора перед революционерами, свидетельствовал о растерянности и панике, царивших в правительственных кругах. Подтверждением последнего и явилось создание Временного совета при градоначальнике. Кризис самодержавия достиг в этот период своего наибольшего развития.

* *
*

27 марта министр внутренних дел обратился к губернаторам с секретным циркулярным письмом. В нем подчеркивалась необходимость всемерно укреплять веру в царя. Само содержание письма и советы действовать «крайне осторожно» также характеризуют растерянность в правительственных кругах.

В начале циркуляра говорилось о том, что убийство Александра II вызвало «не неизбежные во всякой стране беспорядки, а всеобщее рыдание и выражение искренних верноподданнических чувств» новому императору. Лорис-Меликов подчеркивал, что «священнейшая обязанность верных подданных, а тем более лиц, принадлежащих к составу правительства,— поддерживать эту спасительную для России народную веру» [46].

Дальнейшие строки циркуляра говорили о распространяющихся в народе слухах по поводу убийства Александра II, совершённого якобы дворянами, недовольными отменой крепостного права, слухах о том, что новое царствование принесет за собой его восстановление. Министр внутренних дел обнаруживал большое беспокойство положением в стране, призывая губернаторов к проведению ряда предупредительных мер, направленных к сохранению спокойствия в империи. «Следует действовать,— писал министр,— крайне осторожно, чтобы не возбуждать народного воображения, но пользоваться каждым случаем для объяснения, что благость царева и неиссякаемая любовь его величества к народу всегда присущи русскому государю». В заключение Лорис-Меликов предлагал губернаторам «обращать самое тщательное внимание на всякий отдельный слух и на всякое отдельное нарушение порядка, восстановляя истину соответствующими объяснениями, а нарушенный порядок принятием надлежащих осторожных мер... Я уверен, что ваше превосходительство приложите к делам этого рода все необходимое

[46] «Былое», 1918, кн. 4—5, стр. 185.

внимание и должную осмотрительность и спокойствие, действуя совокупно с многочисленными благонадежными элементами русского общества» [47].

Несмотря на весьма бравурное начало, говорящее о единении народа с царем, письмо проникнуто тревогой и боязнью народных волнений. Именно этим, на наш взгляд, объясняется тот факт, что ни о каких репрессивных мерах Лорис-Меликов не говорит, наоборот, призывает губернскую администрацию к спокойствию, осмотрительности и осторожности.

Единственные репрессии в марте 1881 года, правда в осторожной форме, проводило правительство только в области цензуры. Если в 1880 году число административных мер, принятых в отношении печати, было очень незначительно, а в первые месяцы 1881 года они вовсе отсутствовали, то в марте они уже имели место.

4 марта Лорис-Меликов представил Александру III доклад о вынесении предупреждения газетам «Страна» и «Голос» за передовые статьи, «объясняющие гнусное злодеяние последних дней системою реакции и как возлагающие ответственность за постигшее Россию несчастье на тех из советников царских, кои руководили мерами реакции» [48].

12 марта было возбуждено судебное преследование против газеты «С.-Петербургские ведомости» за передовую статью, в которой содержалось «огульное и непозволительно резкое обвинение всей нашей администрации в том, что она «не занималась» будто бы ничем иным как колоссальным казнокрадством» [49].

16 марта министр внутренних дел представил снова Александру III доклад по вопросам печати. «По возвращении моем сегодня с всеподданнейшего доклада, — писал он, — я осведомился, что на завтрашний день в некоторых редакциях снова заготовлены статьи, вредные в настоящее тревожное время. Поэтому,— продолжал он,— хотя я и докладывал вашему величеству о неудобствах одновременного закрытия трех газет: «С.-Петербургских ведомостей», «Молвы» и «Русского курьера», дозволивших себе напечатать резкого содержания статьи, но ввиду упомянутого сведения я признавал полезным не откладывать меры взыскания и намечал бы сегодня же приостановить на один месяц два издания: «Молву» и «С.-Петербургские ведомости», как газеты, отличающиеся

[47] «Былое», 1918, кн. 4—5, стр. 186.
[48] ЦГИАЛ, ф. Главного управления по делам печати, оп. 1, д. 17, 1881 г., л. 4.
[49] Там же, л. 8.

наиболее резким направлением: первая в смысле крайнего либерализма, а вторая в смысле реакционном»[50]. Что касается «Русского курьера», то Лорис-Меликов полагал возможным ограничиться «личным внушением»[51].

Наконец 24 марта министр внутренних дел представил два всеподданнейших доклада: один о воспрещении розничной продажи газеты «Порядок» и второй о приостановке издания газеты «Смоленский вестник» на 8 месяцев[52]. Число репрессий в отношении органов печати, как мы видим, было велико, особенно если учесть, что с момента прихода Лорис-Меликова на пост министра, т. е. с августа 1880 до марта 1881 года — за 7 месяцев, было дано предупреждение лишь двум газетам. Это также, в свою очередь, характеризовало тревожное состояние правительственных властей.

Итак, в течение первого месяца после убийства Александра II правительство находилось в полном смятении и тревоге. Это находило свое выражение не только в учреждении «бараньего парламента» и других подобных мерах, но главное — в неспособности самого самодержца определить политический курс своего правительства. Следствием этого и явилась борьба правительственных группировок в первые два месяца нового царствования[53].

* *
*

Убийство царя вызвало широкий отклик в отечественной прессе.

«Московские ведомости» в передовой статье от 3 марта призывали к всемерному укреплению власти. «Всякая свобода и самая жизнь поистине человеческая в обществе, — говорилось в газете, — возможны только при условии единой и бесспорной над всякой властью господствующей власти. Ее ослабление неизбежно порождает смуту. По мере того как ослабляется действие законной власти, нарождаются дикие власти, начинается разложение, совершается насилие, колеблются основы всякой нравственности, дух растления овладе-

[50] ЦГАОР, ф. Александра III, д. 532, л. 1.

[51] На этом докладе Александр III наложил следующую резолюцию: «Давно пора» (там же, л. 1).

[52] ЦГИАЛ, ф. Главного управления по делам печати, оп. 1, д. 17, 1881 г., л. 12.

[53] По этому вопросу, как говорилось уже выше, имеется блестящая статья покойного академика Ю. В. Готье. «Борьба правительственных группировок и манифест 29 апреля 1880 г.». «Исторические записки», № 2, стр. 240—299.

вает умами...». Вместе с тем газета выражала уверенность, что в новом царствовании «пора жить своим умом и быть самим собою»[54].

Либеральные органы прессы занимали иную позицию. Наиболее радикально высказывалась газета «Страна». В начале передовой статьи того же 3 марта довольно подробно говорилось о бесцельности реакционных мер, систематически проводимых правительством с 1866 года. Следовательно, по мнению газеты, политика реакции себя не оправдала. Где же выход? «Нет иного выхода,— писала «Страна»,— как уменьшить ответственность главы государства, а тем самым и опасность, лично ему угрожающую от злодеев-фанатиков».

Каким же путем можно этого достигнуть? На этот счет «Страна» высказывалась очень радикально. «Надо устроить,— писала газета,— в правильном общественно-государственном порядке громоотвод для личности главы государства. Надо, чтобы основные черты внутренних политических мер внушались представителями русской земли, а потому и лежали на их ответственности. А личность русского царя пусть служит впредь только светлым, всем сочувственным символом нашего национального единства, могущества и дальнейшего преуспеяния России»[55].

Таким образом, «Страна» рекомендовала в целях обеспечения безопасности царя превратить его «в символ», т. е. лишить реальной власти, наделив правами, аналогичными правам английских королей: царствовать, но не управлять.

«Голос», так же как «Страна», пытался доказать, что реакционные меры не принесли никаких положительных результатов, и высказывал точку зрения о «разделении ответственности». Говоря о задачах, стоящих перед правительством, «Голос» в передовой статье за 4 марта писал: «По-нашему, путь ясен. Должно искать указаний в том, что хотел совершить в бозе почивший император»[56], т. е. осуществлять план преобразований, представленный Александру II Лорис-Меликовым. Другие либеральные газеты так же, впрочем, не так радикально, как «Страна», ставили вопрос о необходимости реформ.

Газета «Земство», оценивая положение в стране, сложившееся после убийства Александра II, говорила о необходимости созыва представителей земства для совещания по воп-

---

[54] «Московские ведомости», 3 марта 1881 г.
[55] «Страна», 3 марта 1881 г.
[56] «Голос», 4 марта 1881 г.

росу о путях выхода из создавшегося положения. «Те вопросы, которые поставлены нашим настоящим, не могут быть разрешены обычным канцелярским путем, без деятельного участия и содействия общества» [57].

Итак, все либеральные газеты считали необходимым привлечь представителей общества к разрешению вопроса о путях выхода из кризиса, наиболее же радикальные ставили вопрос об ограничении самодержавной власти. Исключение в этом отношении составляла славянофильская «Русь», стоявшая на самом правом фланге либерального движения, точнее — на консервативно-либеральных позициях. Характеризуя сложившуюся обстановку, «Русь» писала: «Не о либерализме, не о реакции может быть речь в настоящую страшную минуту, а просто о здравом смысле и о гражданской честности. Нужно проявление твердой, строгой, энергической, грозной и умной власти» [58]. Тут же «Русь» подчеркивала недопустимость каких-либо действий, которые могли бы быть истолкованы как уступки.

Земские собрания также откликнулись на событие 1 марта. Ряд земств представил царю всеподданнейшие адреса с изъявлением своего сочувствия и заявлением о полной поддержке царя и правительства и готовности «пойти на борьбу с крамолой» [59]. В ряде этих адресов содержались призывы к непосредственному единению царя и народа, т. е. созыву «представителей земли» (Рязанское, Тверское и др.) [60].

Убийство Александра II вызвало также появление и ряда записок — проектов «спасения России», исходивших из различных кругов господствующего класса.

Наиболее обширную записку, озаглавленную «Задачи нового царствования», представил в начале марта известный общественный деятель Б. Н. Чичерин. В начале своей записки Чичерин прежде всего пытается доказать, что рост революционного движения отнюдь не является следствием реакционного курса. «Многие,— пишет он,— приписывают печальное состояние русского общества тем реакционным стремлениям, которые в последнюю половину прошедшего царствования получили перевес в правительственных сферах и которые повели будто бы к искажению преобразований. Такой упрек,—

---

[57] «Земство», 18 марта 1881 г.

[58] «Русь», 12 марта 1881 г. Второе особое прибавление.

[59] По данным Б. Б. Веселовского, с адресами к Александру III обратились 31 уездное и 7 губернских земств («История земства», т. III. СПб., 1911, стр. 258—261).

[60] Там же, стр. 260—261.

резюмирует Чичерин,— обличает только крайне поверхностный взгляд на вещи».

Причина, по его мнению, лежит гораздо глубже — она является результатом той быстроты, с которой совершились преобразования в русском обществе. Это положение Чичерин пытается обосновать на примере других стран, в частности Франции. «Всякое общество, внезапно выброшенное из своей обычной колеи и поставленное в совершенно новые условия жизни, теряет равновесие и будет некоторое время бродить наобум» [61]. Вот это привело по мнению Чичерина, к брожению умов. Второй раздел рассматриваемой записки посвящен критике «либеральной программы». «Лекарство», по его мнению, заключается не в предоставлении свободы печати, породившей «Чернышевских, Добролюбовых, Писаревых», не в удовлетворении требований студенчества и не в возвращении политических ссыльных и отмене чрезвычайных мер и восстановлении законного порядка.

Таким образом, Чичерин выступает даже против отмены чрезвычайных законов; правда, при этом он высказывается отрицательно в отношении административного произвола, и делая комплимент, по-видимому, Лорис-Меликову, говорит о признательности «тому государственному человеку, который, взглянув трезвее на вещи, нашел необходимым внести в это дело более осмотрительности, более человеколюбия и более снисходительности к заблудшимся молодым людям» [62].

Чичерин отрицает также и необходимость как административных реформ, так и мер по улучшению положения крестьян. По его мнению, ни увеличение наделов путем переселения крестьян, ни облегчение налогового гнета, ни уравнение податей не могут улучшить положение вещей. В его представлении, крестьянского вопроса вовсе не существует. Это не более как миф, «созданный воображением петербургских либералов не без значительного влияния социалистов». Причина бедности крестьян, в его представлении, заключается в плохой обработке земли, в хищнической организации хозяйства, в пьянстве и семейных разделах. Главную же причину Чичерин видит в наличии общины и круговой поруки. Перечисленные выше причины, за исключением последних, типичны для рассуждения «коробочек», «ноздревых» и «плюшкиных», полагавших, что бедность крестьян происходит не в результате

---

[61] «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. 1, полутом 1, стр. 105—106.

[62] Там же, стр. 108.

сохранения феодально-крепостнических пережитков и в первую очередь помещичьего землевладения, а как следствие «лени и пьянства мужиков».

Выяснив все эти вопросы, Чичерин переходит к проблеме политических реформ. Можно ли в настоящее время, спрашивает он, настаивать «на завершении здания»? «В настоящее время, — утверждает автор записки, — говорить о завершении здания могут только последователи нигилизма или те, которые уже решительно не в состоянии ничего думать и понимать. Теперь,— замечает Чичерин,— всякое ограничение власти было бы гибелью» [63]. Далее в записке говорилось, что в настоящее время основная задача, «злоба дня», заключается в борьбе с социализмом. В ней указывается, что в России эта борьба легче, чем за границей, так как здесь социализм не распространен в массах. Чичерин подчеркивает, что правительство должно решительным образом бороться с революционным движением любыми средствами. «Всякое послабление,— утверждал он,— было бы гибелью: всякое старание держаться пути закона будет признаком слабости».

Таким образом, Чичерин призывал к беспощадной борьбе с социализмом, не считаясь ни с какими нормами закона. Однако все эти меры репрессивного характера, по мысли автора записки, будут недостаточны; необходимо поднять «здоровые *элементы* и обуздать те, которые дают пищу разрушительным силам». Привлечение «здоровых элементов» мыслится Чичерину отнюдь не в виде создания парламента, к чему русский народ, по его мнению, еще не созрел, а в иных, более скромных формах. «Эта цель,— пишет он,— может быть достигнута приобщением выборных от дворянства и земства к Государственному совету. Конечно, — резюмирует он,— для конституционной жизни подобное учреждение было бы недостаточно, но русский народ получит в нем именно то, что ему нужно».

Дальнейшая часть записки посвящена конкретизации данного положения: По мнению автора ее, число выборных членов должно составлять по одному дворянину и по два представителя земства от каждой губернии. Мера эта, как утверждает Чичерин, должна удовлетворить и консерваторов, и либералов. Для первых это означает консолидацию в Государственном совете «охранительных элементов», которые в нем будут составлять большинство; для последних — призыв

---

[63] «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. 1, полутом 1, стр. 110, 113.

выборных: «выражение зарождающейся политической свободы»[64]. При этом он подчеркивал, что замена призыва в Государственный совет выборных приглашением туда выборных экспертов, но не обладающих правом голоса, никого не удовлетворит.

В заключение Чичерин высказал мысль, что России «суждено вступить на конституционный путь»[65], но произойдет это лишь тогда, когда верховная власть увидит в этом необходимость.

Записка Чичерина противоречива по своему содержанию. Основная мысль рассмотренной нами записки заключается в призыве к борьбе с революционным движением всеми средствами, не ограниченными никакими нормами закона. С одной стороны, автор отрицает программу либеральных преобразований социально-экономического характера, с другой — выступает против общины и круговой поруки, т. е. является сторонником развития капитализма в сельском хозяйстве. Выступая против западноевропейских политических форм и являясь противником ослабления самодержавной власти, Чичерин вместе с тем идет в вопросе о привлечении выборных членов в Государственный совет дальше, чем Лорис-Меликов, полагая необходимым ввести более ста человек в высший законосовещательный орган. Последнее говорит о стремлении консолидировать охранительные элементы в Государственном совете, создавая тем самым своеобразную оппозицию справа. Тот факт, что Чичерин передает свою записку Александру III через Победоносцева, признанного лидера реакции, говорит о симпатиях его к консервативным элементам. Все это свидетельствует о том, что Чичерин под влиянием роста революционного движения проделал эволюцию от либерализма, впрочем всегда весьма умеренного, к либеральному консерватизму.

Обратимся к записке сотрудника либерального «Голоса», профессора государственного права Л. Д. Градовского, представленной им Лорис-Меликову. Эта записка является блестящей иллюстрацией того смятения, которое вызвало 1 марта среди либеральных слоев общества.

Основная мысль Градовского заключается в стремлении доказать необходимость создания центральной следственной комиссии для изучения причин, породивших революционное движение. Он не предлагает никаких конкретных мер. По его

[64] «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. 1, полутом 1, стр. 114, 117, 118.

[65] Там же, стр. 120.

мнению, ни путь репрессий, ни путь частичных преобразований не могут привести к желанным результатам. «Правительство,— пишет он,— должно изучить причины смуты, прежде чем принять решительный шаг в ту или другую сторону. Это необходимо сделать теперь же, время не ждет и беда надвигается со всех сторон. Она надвигается со стороны революционной партии... Она надвигается со стороны народных масс, которые, не ведая истинных причин смуты, понимают ее по-своему, складывая всю вину на высшие классы и готовясь начать избиение последних. Что будет тогда,— задает с ужасом вопрос Градовский,— когда оба течения встретятся? Что будет, если в самом деле начнется эта пугачевщина?» [66].

Таким образом, Градовский, в отличие от Чичерина, а также либеральных органов прессы, не выдвигает никакой конкретной программы, хотя и предвидит дальнейший ход событий.

Рассмотрим вкратце еще ряд записок, принадлежащих перу представителей аристократических кругов. К первой из них относится записка А. А. Бобринского, датированная 10 марта. Основная мысль ее заключается, с одной стороны, в том, что в настоящих условиях никакие уступки не могут иметь место, а с другой — в необходимости перехода к тем или иным формам представительства.

Бобринский стремится доказать, что одними репрессивными мерами ничего не достигнешь. «По нашему убеждению,— пишет он,— то время, когда Россия должна быть призвана к совету, настало. Исторический вопрос необходимости того или другого представительства страны — созрел» [67]. При этом главный вопрос, которым должны заниматься выборные,— это борьба с крамолой. «Призвать всю страну для борьбы с цареубийцами — это не уступка. Возложить на лучших людей России задачу отомстить за позор и посрамление 1 марта — это не послабление» [68].

Формы представительства не определяются Бобринским. Необходимость борьбы с революционным движением, с одной стороны, и понимание невозможности ограничиться только репрессиями в обычном их виде, с другой, — таково содержание этих предложений. Бобринский считает нужным привлечь к борьбе с «крамолой» широкие слои охранительных элементов, расширив тем самым социальную базу власти.

---

[66] «Конституция гр. Лорис-Меликова». Лондон, 1893, стр. 29.
[67] «Красный архив», 1928, т. 6 (31), стр. 142.
[68] Там же.

Обратимся к записке гр. П. П. Шувалова[69], относящейся к маю 1881 года. Записка эта более обширна, чем проект Бобринского. Основные мысли, изложенные в ней, можно сформулировать следующим образом: в настоящее время одних репрессивных мер для борьбы с революционным движением недостаточно, необходимо привлечь представителей цензовой общественности — выборных от земства. Шувалов считает необходимым привлечение этих выборных в качестве членов Государственного совета, полагая нецелесообразным, так же как и Чичерин, приглашение экспертов для решения тех или иных вопросов. В отличие от первой записки Шувалова, рассмотренной нами выше, здесь речь идет не о двухпалатной системе представительства. Однако если в первой записке вопрос о введении представительства ставился абстрактно, то во второй — более конкретно[70].

Все рассмотренные нами записки, несмотря на их некоторое различие, имеют много общего.

Во-первых, все они отражают страх и смятение в высших кругах, вызванные убийством Александра II, и, во-вторых, ставят вопрос о привлечении цензовых слоев общества, точнее — представителей земства, к участию в управлении страной, в первую очередь к борьбе с революционным движением.

* *
*

Как говорилось уже выше, Александр II за несколько часов до своей смерти вызвал к себе Валуева и вручил ему

[69] Эта записка является второй редакцией, первоначальная редакция рассматривалась нами в главе третьей.

[70] В начале марта с запиской к царю обратился и маркиз Велепольский, пытавшийся в ней доказать, во-первых, необходимость репрессивных мер, а во-вторых, целесообразность известной децентрализации управления, предоставления отдельным районам страны некоторого самоуправления. «Эта централизация, — писал Велепольский, — содействует заразе, перенося ее зародыши в свободные от нее провинции. Общества еще не задетые, или тронутые в меньшей мере, чувствуя себя политически приниженными, не в силах противопоставить достаточного сопротивления революционным теориям господствующей национальности» («Конституция гр. Лорис-Меликова», стр. 26). Смысл записки Велепольского заключался в стремлении использовать сложившуюся обстановку для получения известной автономии Польши, имея в виду, что там народническое движение не имело распространения. Наконец, следует упомянуть, и о предложении префекта парижской полиции Андрие, рекомендовавшего молодому царю проект манифеста. В этом манифесте царь должен был, с одной стороны, призвать все общество для борьбы с «крамолой» и расправиться с ней, с другой — предоставить определенные конституционные права (см. там же, стр. 32—34).

для просмотра одобренный им проект правительственного сообщения о созыве в Петербурге временных подготовительных комиссий и последующего обсуждения решения их в Общей комиссии с участием представителей от земства и некоторых значительных городов.

Одобрив, в свою очередь, проект сообщения, Валуев в соответствии с указаниями Александра II назначил заседание Совета министров на 4 марта. Вполне естественно, что происшедшие события опрокинули эти планы.

6 марта Лорис-Меликов вручил Александру III всеподданнейший доклад по поводу созыва заседания Совета министров. Одновременно с этим он представил новый проект правительственного сообщения. Этот проект мало отличался от предшествующего. Во втором варианте несколько была сокращена вступительная часть, исключена из нее характеристика деятельности Верховной распорядительной комиссии. В основной части сообщения никаких изменений произведено не было [71].

Заключительная часть нового проекта сообщения была написана вновь. В ней говорилось об убийстве Александра II, о «всенародной скорби» и неуклонном стремлении нового императора «исполнить в точности родительский завет...».

«Руководствуясь таким решением,— говорилось ниже,— его императорское величество высочайше соизволил повелеть принять к точному исполнению изложенную выше священную волю своего державного родителя... При этом его величеству благоугодно было указать министру внутренних дел, что самый порядок опубликования во всеобщее сведение высочайшего по сему предмету повеления был тот же, какой предуказан в бозе почившим императором Александром II» [72].

Александр III одобрил проект сообщения, не назначив, однако, точно дня заседания Совета министров [73]. Казалось бы, молодой царь еще раз подтвердил свое положительное отношение к разработанному Лорис-Меликовым проекту «конституции», первоначально одобренному им в феврале при обсуждении его в Особом совещании.

---

[71] За исключением упоминания о мерах по охранению скотоводства, содержавшегося в перечне мероприятий, которые министр внутренних дел считал необходимым поставить на обсуждение общественности.

[72] «Былое», 1918, кн. 4—5, стр. 180. Копия, подписанная и датированная Лорис-Меликовым, находится в его фонде (ЦГАОР, д. 290).

[73] На первой странице рукою Александра III написано: «Проект составлен хорошо, о созыве Совета министров переговорю с Вами» (там же, стр. 177).

Однако в действительности же это было не так. Александр III всегда отрицательно относился к различного рода проектам привлечения представителей цензовой общественности к решению тех или иных вопросов, усматривая в этом опасность для самодержавия. В этом направлении молодого императора ориентировал и его ближайший советник — обер-прокурор Синода.

6 марта Победоносцев пишет Александру III весьма обширное письмо, где подробно намечает основное направление его политического курса.

«Если,— пишет он,— будут Вам петь прежние песни сирены о том, что надо успокоиться, надо продолжать в либеральном направлении, надобно уступить так называемому общественному мнению, о, ради бога, не верьте, ваше величество, не слушайте. Это будет гибель, гибель России и Ваша: это ясно для меня, как день. Безопасность Ваша этим не оградится, а еще уменьшится. Безумные злодеи, погубившие родителя Вашего,— продолжал он,— не удовлетворятся никакой уступкой и только рассвирепеют. Их можно унять, злое семя можно вырвать только борьбой с ними не на живот, а на смерть, железом и кровью».

Далее он говорит об озлоблении и возбуждении народа (в реакционном смысле этого). Народ, по его словам, подозревает измену, обвиняя в этом приближенных убитого императора, в силу чего нельзя их оставлять на прежних постах. «Простите мне мою правду,— писал Победоносцев.— Не оставляйте графа Лорис-Меликова. Я не верю ему. Он фокусник и может еще играть в двойную игру. Если Вы отдадите себя в руки ему, он приведет Вас и Россию к погибели. Он умел только проводить либеральные проекты и вел игру внутренней интриги... Он не патриот русский. Берегитесь, ради бога, Ваше величество, чтобы он не завладел вашей волей, и не упускайте времени» [74].

Таким образом, Победоносцев рекомендовал молодому императору вступить твердо и безоговорочно на путь реакции, не поддаваясь на уговоры министра внутренних дел.

В своих реакционных планах Победоносцев был не одинок. Среди членов императорской фамилии он находил себе под-

---

[74] «Письма К. П. Победоносцева к Александру III», т. 1, стр. 315—316. В этот же день Александр III прислал Победоносцеву короткую записку, в которой писал: «Благодарю от всей души за душевное письмо, которое я вполне разделяю». («К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. 1, полутом 1, стр. 44). По-видимому, это и был ответ на цитируемое письмо.

держку. Так, в письме к Тютчевой, датированном тем же 6 марта, он писал: «Из церкви я прошел к Сергею и Павлу (братьям царя.— *П. З.*), которые только что приехали[75] разбитые, смущенные, исполненные тревоги... Сергей горячо передавал мне свой ужас от всего, что делал и куда вел в последнее время Лорис-Меликов... и свое опасение, что будет и на что решится государь»[76].

Император Вильгельм I, внучатый дядюшка Александра III, также обратился с советами к своему внуку. В отличие от Победоносцева и других, он не отрицал пользы от созыва народных представителей, но вместе с тем рекомендовал действовать осторожнее.

Так, в данном случае он советовал не вводить всеобщего избирательного права и не допускать парламент к действительному управлению государством. Одновременно с этим Вильгельм I предостерегал от предоставления неограниченной свободы слова и считал лишь возможным установить равноправие вероисповеданий[77].

7 марта Александр III решил созвать Совет министров для обсуждения предложений Лорис-Меликова, назначив его на следующий день — 8 марта, приходившееся на воскресенье. Сохранились многочисленные свидетельства об этом заседании, дающие возможность достаточно точно представить себе его ход[78].

Заседание началось в два часа пятнадцать минут[79] и продолжалось до без четверти пять. На заседании присутствовали 24 лица: император, вел. князья Константин и Михаил Николаевичи, Владимир Александрович, председатель Комитета министров Валуев, министры Лорис-Меликов, Милютин, Сабуров, Адлерберг, Посьет, Ливен, А. А. Абаза, Набоков, Маков, обер-прокурор Синода Победоносцев, главноуправляющий вторым отделением с. е. и. в. канцелярии Урусов, государственный контролер Сольский, управляющий Морским

---

[75] Вел. кн. Сергей и Павел Александровичи 1 марта находились за границей и возвратились, узнав об убийстве отца.

[76] «Русский архив», 1907, кн. 2, стр. 91 — 92.

[77] «Конституция гр. Лорис-Меликова», стр. 31. Указанное письмо в фонде Александра III (ЦГАОР) отсутствует.

[78] Свидетельства Милютина, Валуева, Перетца, изложенные в их дневниках; Лорис-Меликова — в записи историка и журналиста В. А. Бильбасова («Былое», 1918, кн. 4—5, стр. 185—193. Подлинник записи Бильбасова хранится в отделе рукописей Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина); Победоносцева — в его письме к Е. Ф. Тютчевой от 11 марта 1881 г. («Русский архив», 1907, кн. 5. Подлинник в Отд. рукописей ГБЛ, в ф. Победоносцева).

[79] П. А. Валуев. Дневник 1877 — 1884 гг., стр. 151.

министерством Пещуров, товарищ министра иностранных дел Гирс, члены Государственного совета гр. Баранов, гр. Строганов, Мансуров, принц Ольденбургский и Перетц.

Заседание открыл Александр III, изложивший вкратце историю вопроса, и заключил свое выступление следующими словами: «Предваряю вас, что вопрос не следует считать предрешенным, так как и покойный батюшка хотел, прежде окончательного утверждения проекта, созвать для рассмотрения его Совет министров»[80]. Тем самым предоставлялись широкие возможности для обсуждения вопроса.

После своего выступления царь предложил Лорис-Меликову прочесть его предложения, т. е. доклад 28 января, а также оба проекта правительственного сообщения (составленных до и после 1 марта). Во время чтения записки, излагавшей достигнутые успехи в результате уступок, Александр III прервал Лорис-Меликова, сказав: «Кажется, мы заблуждались». Как рассказывает Бильбасов со слов Лорис-Меликова, чтение этих документов продолжалось более часа.

Первым в прениях выступил гр. Строганов. «Предполагаемая вами мера,— заявил он, обращаясь к Александру III,— по моему мнению, не только несвоевременна при настоящих обстоятельствах, требующих особой энергии со стороны правительства, но и вредная. Мера эта вредна потому,— продолжал он,— что с принятием ее власть перейдет из рук самодержавного монарха, который теперь для России безусловно необходим, в руки разных шалопаев, думающих не о пользе общей, а только о своей личной выгоде». Речь Строганова прерывалась репликами Лорис-Меликова. Свое выступление он закончил словами: «Путь этот ведет прямо к конституции, которой я не желаю ни для вас (т. е. царя.— *П. З.*), ни для России...» На это император сказал: «Я тоже опасаюсь, что это первый шаг к конституции»[81].

После Строганова с большой речью выступил Валуев, заявив, что он не разделяет этих опасений. «Предполагаемая мера, — сказал он, — далека очень от конституции. Она имеет целью справляться с мнением и взглядами людей, знающих более, чем мы, живущие в Петербурге, истинные потребности страны и ее населения...»[82]. Далее Валуев подробно остано-

[80] Дневник Е. А. Перетца, стр. 32. Ход заседания излагается нами в основном по записи Перетца, как более подробной и, на наш взгляд, более объективной. В тех случаях, когда свидетельства других лиц расходятся с изложением Перетца либо содержат в себе какие-либо новые детали, мы используем также и эти источники.

[81] Там же, стр. 32 — 33.

[82] Там же, стр. 34.

вился на истории вопроса, заявив, что он являлся первым инициатором подобного предложения, сделанного им еще в 1863 году в несколько иной форме. Таким образом, на сей раз Валуев целиком поддержал лорис-меликовский проект.

В таком же духе выступил и Милютин. «Предлагаемая вашему величеству мера,— сказал он,— по моему мнению, совершенно необходима и необходима именно теперь. В начале каждого царствования новый монарх, для пользы дела, должен заявить народу свои намерения и виды относительно будущего». Милютин подробно охарактеризовал внутреннюю политику предшествующего царствования, подчеркивая необходимость проведения в жизнь предложений министра внутренних дел. «Ваше величество,— заключил он,— не о конституции идет у нас теперь речь. Нет ее и тени. Предлагается устроить на правильных основаниях только то, что было и прежде... Теперь предстоят важные законодательные труды по окончании сенаторских ревизий. Естественно, что для успеха дела необходимо сообразить их всесторонне, т. е. не с канцелярской только или бюрократической точки зрения. Ввиду этого... я позволяю себе горячо поддержать предложение графа Лорис-Меликова» [83].

После Милютина выступал министр почт и телеграфа Маков, относившийся к Лорис-Меликову, как уже говорилось выше, отрицательно. В начале своей речи Маков сказал, что предложения Лорис-Меликова стали ему известны только сейчас, в силу чего он не мог их продумать. «Но сколько я мог понять из записки, прочитанной министром внутренних дел,— заявил он,— основная его мысль — ограничение самодержавия. Доложу откровенно, что я, с моей стороны, всеми силами моей души и моего разумения решительно отвергаю эту мысль. Осуществление ее привело бы Россию к гибели... Кроме того, по долгу совести я считаю себя обязанным высказать, что не в такие минуты, как те, которые, к несчастью, переживаем мы, возможно заниматься проектами об ослаблении власти и об изменении формы правления, благодетельной для отечества» [84].

Вслед за Маковым взял слово Абаза, посвятивший в значительной степени свое выступление опровержению сказанного Маковым. В заключение Абаза сказал, что «предлагаемая графом Лорис-Меликовым мера представляется мне, как министру финансов, совершенно необходимою...» [85].

---

[83] Дневник Е. А. Перетца, стр. 34—35.
[84] Там же, стр. 36.
[85] Там же, стр. 37.

Лорис-Меликов в своем слове пытался доказать, что предложенные им меры необходимы для успокоения общества, подчеркивая при этом, что медлить нельзя.

С обширной речью выступил на заседании Победоносцев. «Ваше величество,— заявил он,— по долгу присяги и совести я обязан высказать Вам все, что у меня на душе. Я нахожусь не только в смущении, но и в отчаянии. Как в прежние времена, перед гибелью Польши, говорили «Finis Polonia», так теперь едва ли не приходится сказать и нам «Finis Russiae».

При соображении проекта, предлагаемого на утверждение ваше, сжимается сердце. В этом проекте слышится фальшь, скажу более: он дышит фальшью...».

Победоносцев, подобно Строганову и Макову, утверждал, что меры, предлагаемые Лорис-Меликовым, означают введение конституции по примеру Западной Европы. «Конституции, там существующие,— заявил он,— суть орудие всякой неправды, орудие всяких интриг». Далее он развивал мысль о том, что Россия сильна самодержавием, олицетворяющим собой неразрывную связь царя с народом. Победоносцев подверг беспощадной хуле все реформы, осуществленные в первой половине 60-х годов, имея в виду в первую очередь земство и новые судебные уставы. «И когда, государь, предлагают вам учредить по иноземному образцу новую верховную говорильню? — задал вопрос Победоносцев.— Теперь, когда прошло лишь несколько дней после совершения самого ужаснейшего злодеяния... когда по ту сторону Невы, рукой подать отсюда, лежит в Петропавловском соборе не погребенный еще прах благодушного русского царя, который среди белого дня растерзан русскими же людьми... В такое ужасное время, государь,— сказал он в заключение,— надобно думать не об учреждении новой говорильни, в которой произносились бы новые растлевающие речи, а о деле. Нужно действовать» [86].

Эта речь произвела на присутствовавших и особенно на самого царя сильное впечатление. Об этом говорят все участники заседания, оставившие после себя какие-либо воспоминания. «Но все сказанное Строгановым, Маковым, Посьетом,— пишет в дневнике Д. А. Милютин,— было бледно и ничтожно сравнительно с длинной иезуитской речью, произнесенной Победоносцевым: это было уже не одно опровержение предложенных ныне мер, а прямое, огульное порицание всего, что было совершено в прошлое царствование; он осмелился

[86] Дневник Е. А. Перетца, стр. 38—40.

назвать великие реформы императора Александра II преступной ошибкой. Речь Победоносцева, произнесенная с риторическим пафосом,— заключает Милютин,— казалась отголоском туманных теорий славянофильских; это было отрицание всего, что составляет основу европейской цивилизации. Многие из нас не могли скрыть нервного вздрагивания от некоторых фраз фанатика-реакционера» [87].

После выступления Победоносцева снова взял слово Абаза, заявив, что речь обер-прокурора представляет собой «обвинительный акт» против всего того, что было осуществлено за последние четверть века. Министр финансов доказывал, что убийство Александра II отнюдь не является результатом тех или иных реформ, а развитие социалистических идей возникло отнюдь не только на русской почве. В заключение Абаза остановился на осуществленных и предполагаемых финансовых реформах, подчеркивая в связи с этим целесообразность привлечения представителей «образованных классов» к обсуждению тех или иных вопросов государственного управления.

С обширной речью в примирительном тоне выступил государственный контролер Сольский. Он заявил, что по существу серьезных разногласий между большинством Совета и Победоносцевым нет, так как никто не думает об ограничении самодержавия и введении конституции. «Не конституция, не ограничение власти нужны нам теперь,— сказал Сольский,— нам нужна, напротив того, власть сильная, энергическая, неограниченная, какой она была до сих пор на Руси. Одним словом, нам нужно самодержавие. Но вместе с тем необходимо,— продолжал он,— чтобы самодержавная власть могла действовать сознательно, основываясь на познании действительных народных нужд» [88].

Таким образом, государственный контролер выступал в защиту предложений Лорис-Меликова. Далее он говорил, что все высказываемые опасения не имеют под собой каких-либо оснований, так как в любом случае правительство всегда сможет воздействовать на привлеченных к обсуждению лиц, имея к тому же в виду, что они будут людьми умеренных воззрений. «Опасения и притом напрасные у нас не новость», — сказал Сольский. В заключение он еще раз остановился на выступлении Победоносцева, заявив, что речью своей он всех расстроил, представив настоящее положение в весьма мрачных красках, и вместе с тем не сделал никакого позитивного

[87] Дневник Д. А. Милютина, т. 4, стр. 35.
[88] Дневник Е. А. Перетца, стр. 41.

предложения. «В конце своей речи Константин Петрович,— заявил Сольский,— справедливо сказал, что во времена, подобные настоящим, нужно действовать. Нам предложен план действий. Если он не хорош, то нужно заменить его другим, но ограничиваться одной критикой и оставаться неподвижным — невозможно» [89].

Путаную речь, по утверждению Перетца, произнес после Сольского министр путей сообщения Посьет [90], заявивший, что предложенные Лорис-Меликовым меры несвоевременны и могут быть приняты революционерами за уступку.

Весьма двусмысленно выступил председатель Департамента законов кн. Урусов. С одной стороны, он как будто бы в принципе одобрял предложение министра внутренних дел, подчеркивая, что правительство должно «искать себе помощи в содействии представителей общества...», понимая под этими представителями «лучших людей» страны. С другой стороны, он заявил о том, что «из рассматриваемого проекта нельзя вынести убеждения, что представители земства и городов будут именно такие люди» [91]. Поэтому он рекомендовал пересмотреть предложения министра внутренних дел в Комитете министров.

За предложения Лорис-Меликова высказались также Сабуров [92] и Набоков.

---

[89] Дневник Е. А. Перетца, стр. 43. В характеристике выступления Сольского между интерпретацией Перетца и Милютина существует некоторая разница. Так, Милютин, говоря о выступлении Сольского, пишет: «Сольский высказал смелую мысль, что армия чиновников составляет менее твердую опору самодержавия, чем представители всех сословий населения». (Дневник Д. А. Милютина, т. 4, стр. 35). Перетц же приписывает эту мысль Сабурову: «В настоящее время, — заявил Сабуров, — правительство опирается в своих действиях собственно на одних чиновников, т. е. на людей хотя и образованных, но дышащих исключительно петербургским воздухом и усваивающих себе взгляды и убеждения газет, не всегда верные и не всегда соответствующие истинным потребностям государства. Нужно выслушать и людей другой стороны. Мнения их во многом не согласны с газетными статьями. Люди земские, особенно за Москвой, думают совершенно иначе, чем петербургские деятели. Они несравненно более консервативны и самостоятельны, а потому представляют, несомненно, более твердую опору для правительства». (Дневник Е. А. Перетца, стр. 43).

[90] Милютин также неодобрительно отзывался об этой речи, говоря о «пошлых нападках» Посьета «на прогресс», (Дневник Д. А. Милютина, т. 4, стр. 35).

[91] Дневник Е. А. Перетца, стр. 43.

[92] Валуев характеризует речь Сабурова отрицательно. «Сабуров, — пишет он, — произнес полуидиотическую речь за это предложение (Лорис-Меликова. — П. З.) и даже глядел полуидиотом во все время заседания...» (П. А. Валуев. Дневник 1877—1884 гг., стр. 153).

Принц Ольденбургский и управляющий Министерством государственных имуществ кн. Ливен поддержали предложение кн. Урусова о передаче обсуждаемых предложений в Комитет министров. В конце заседания выступили великие князья в ответ на обращение к ним Александра III. Большую речь произнес вел. кн. Константин Николаевич в защиту предложений Лорис-Меликова. Как утверждает Перетц, в конце своей речи великий князь генерал-адмирал присоединился к предложению Урусова и принца Ольденбургского, руководствуясь тем, что на совещании обнаружились «разные мнения» [93]. Вел. кн. Владимир Александрович в своем выступлении заявил: «...нынешнее положение наше — невозможное. Из него необходимо выйти. Нужно сделать или шаг вперед, или шаг назад. Я убежден, что назад идти нельзя, поэтому надо сделать шаг вперед. На это нужно решиться. Если против меры, предложенной гр. Лорис-Меликовым, и были возражения, то, как оказывается, возражения возникли собственно в отношении к подробностям, а не относительно к основной мысли» [94]. В силу этого он полагал возможным пересмотреть проект. Однако отвергать его не следует. Вел. кн. Михаил Николаевич воздержался от оценки обсуждаемых предложений, так как, по его словам, он еще не ознакомился с ними детально.

Перед закрытием заседания гр. Строганов обратился к царю с заявлением о том, что он также не возражает против обсуждения предложенного проекта в Комитете министров. Князь Урусов же, уточняя свое предложение, выразил мысль о целесообразности обсуждения рассматриваемого предложения первоначально небольшой комиссией, а затем уже в Комитете министров. Император тут же на это согласился, предложив председательство в комиссии гр. Строганову. Однако последний отказался, и никаких конкретных решений по созыву комиссии принято не было.

На этом заседание было закрыто, и Александр III поблагодарил всех за участие.

Итак, большинство выступавших — 9 человек (Абаза, Валуев, Лорис-Меликов, Милютин, Набоков, Сольский, Сабу-

---

[93] Дневник Е. А. Перетца, стр. 45. Ни Милютин, ни Валуев об этом предложении вел. кн. Константина Николаевича не говорят. Валуев характеризует это выступление очень кратко: «Великий князь генерал-адмирал был себе верен, т. е. и думал и говорил полуправду или неправду» (П. А. Валуев. Дневник 1877—1884 гг., стр. 153). Милютин же лишь подчеркивает защиту им предложений Лорис-Меликова (Дневник Д. А. Милютина, т. 4, стр. 36).

[94] Дневник Е. А. Перетца, стр. 45.

ров, вел. князья Константин Николаевич и Владимир Александрович) высказались за обсуждаемое предложение. Активно против выступили четверо (Строганов, Победоносцев, Посьет и Маков). Князь Урусов, принц Ольденбургский и князь Ливен не выразили четко свои взгляды, предложив еще раз обсудить представленный проект.

Каков же результат заседания Совета министров? Участникам его это представлялось по-разному. Валуев ничего не говорит о его решениях. Это дает основание полагать, что, по мнению председателя Комитета министров, такого не состоялось. Милютин же и Перетц оценивают результат его иначе. «Итак,— говорит Милютин,— государь решил снова пересмотреть предложения гр. Лорис-Меликова, сперва в особом немногочисленном совещании... а потом в Комитете министров. Такой ход дела показался нам довольно успокоительным после испугавшей нас громовой речи Победоносцева. Тем не менее,— заключает он,— мы вышли из зала совещания в угнетенном настроении духа и нервном раздражении» [95].

Е. А. Перетц примерно так же, даже, пожалуй, несколько в более оптимистическом тоне, оценивает результат заседания. «Лорис,— заносит он в дневник 9 марта,— очень недоволен исходом вчерашнего заседания. По-моему, он неправ: исход очень хороший, цель почти достигнута; конечно, дело не увенчалось тут же полным успехом, но разве такие серьезные вопросы когда-либо разрешаются в одном заседании?» [96]. Тут же он говорит, что вел. кн. Константин Николаевич доволен результатом заседания Совета министров, а также сообщает о назначении председателем комиссии по пересмотру предложений Лорис-Меликова вел. кн. Владимира Александровича. В действительности же никакого решения по этому поводу принято не было. Тот же факт, что было высказано предположение о создании комиссии для пересмотра предложений Лорис-Меликова, свидетельствует лишь о стрем-

---

[95] Дневник Д. А. Милютина, т. 4, стр. 36 — 37.

[96] Дневник Е. А. Перетца, стр. 47. В записи Бильбасова, со слов Лорис-Меликова, результат заседания излагается фантастически. «Итак, господа, — заявил Александр III, — большинство высказались в том смысле, чтобы предложение о созыве подготовительной комиссии из выборных всех сословий, для блага государства, проведено в исполнение. Я согласен с большинством и желаю, чтоб указ отнес эту новую реформу к памяти нашего родителя, которому она принадлежит. Министр внутренних дел изготовит указ согласно замечаниям, нами сделанным» («Былое», 1918, кн. 4—5, стр. 193). Мы не можем окончательно решить вопрос, кто в этом виноват: Лорис-Меликов или Бильбасов, но во всяком случае это не соответствует действительности.

лении отложить решение этого вопроса на неопределенный срок.

Какова же была точка зрения самого Александра III? Как мы видели, он не высказал своего суждения, однако ряд обстоятельств дает возможность определить его мнение. Внутренне царь был против проекта Лорис-Меликова. Подтверждением этому помимо общей системы взглядов молодого императора служит, на наш взгляд, следующее. Во-первых, приглашение в Совет министров двух наиболее активных противников предложений министра внутренних дел — Победоносцева и Строганова [97]. Во-вторых, поведение самого царя на заседании Совета министров, в частности его реплики, в одной из которых он выражал опасение, что «предложенная мера является шагом к конституции». Тот же факт, что заседание закончилось безрезультатно, вовсе не говорит об отсутствии определенной точки зрения у его председателя, Александра III. Царь был бесспорно целиком на стороне Победоносцева и Строганова [98], однако высказать свою точку зрения он не мог. Слишком велик был его страх перед неведомым будущим. Очень неясно представлялось ему реальное соотношение благоприятствующих и враждебных ему сил, и, наконец, он был страшно напуган событием 1 марта.

Именно это обстоятельство и определило тот факт, что, несмотря на отрицательное отношение Александра III к лорис-меликовскому проекту, все же никакого решения принято не было.

Характеризуя обстановку в это время, В. И. Ленин писал: «Если говорить не о том, что могло бы быть, а о том, что было, то придется констатировать несомненный факт *колебания* правительства. Одни стояли за решительную борьбу с либерализмом, другие — за уступки» [99].

[97] Ни Победоносцев, ни гр. Строганов не являлись членами Совета министров и были приглашены по личному распоряжению царя (см. П. А. Валуев. Дневник 1877 — 1884 гг., стр. 151). При этом надо сказать, что Строганов был приглашен по прямому настоянию Победоносцева. «Позовите к себе старика гр. С. Строганова. Он человек правды, старый слуга ваших предков, — писал Победоносцев Александру III 6 марта, —... нет другого человека, с кем было бы благоприятнее Вам иметь совет в эту страшную минуту» («Письма К. П. Победоносцева к Александру III», т. 1, стр. 616).

[98] Подобного мнения придерживается и Валуев. Так, в примечании к записи за 9 марта, составленном в конце 1882 г., он пишет: «Хотя государь и предоставил всем высказаться, сам не высказываясь, но ясно было, что его личное мнение уже установилось на точке зрения Победоносцева, заранее объяснившегося и согласившегося с гр. Строгановым» (П. А. Валуев. Дневник 1877 — 1884 гг., стр. 154).

[99] В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 39.

После заседания 8 марта положение в течение долгого времени продолжало оставаться неопределенным. В высших правительственных сферах окончательно оформились две противодействующие друг другу силы: группа либеральной бюрократии — Лорис-Меликов, Абаза, Милютин [100] и группа представителей реакции во главе с Победоносцевым.

При этом надо сказать, что влияние Лорис-Меликова падает, а Победоносцева и его группы возрастает. Так, австро-венгерский посол гр. Кальноки в своем конфиденциальном донесении министру иностранных дел Гаймерлею от 9(21) апреля 1881 года, характеризуя положение Лорис-Меликова, писал: «Недавно еще всемогущий граф Лорис-Меликов, известный всем своей ловкостью, пользовавшийся доверием всей России, а также Европы, еще продолжает быть министром внутренних дел, однако он окончательно потерял почву под ногами. Каждый знает, что в ближайшее время он должен пасть, и потому показывает ему спину; он потерял авторитет, и это парализует деятельность такого важного учреждения, как Министерства внутренних дел, где в течение нескольких недель ничего не делается» [101].

Влияние же Победоносцева становится все больше и больше. Не говоря уже о встречах с царем (число которых, к сожалению, нам не удалось установить), он все чаще обращается к Александру III с письменными советами, число ко-

---

[100] Председатель Государственного совета вел. кн. Константин Николаевич не участвовал в дальнейшей борьбе. Его участь уже фактически решилась в начале марта. Назначение Баранова, изгнанного генерал-адмиралом в свое время из флота, петербургским градоначальником достаточно убедительно характеризовало отношение Александра III к своему дяде. Уже в середине марта Половцов со слов Абазы заносит в свой дневник сообщение о предполагаемом увольнении вел. кн. Константина Николаевича от всех его должностей (ЦГАОР, ф. Половцова, д. 18, стр. 208—209). Отношение к нему Александра III было буквально нетерпимым, что достаточно ясно обнаруживается из письма к царю вел кн. Владимира Александровича. «Сегодня, после панихиды, — пишет он 22 марта, — д[ядя] Костя очень интересовался знать, примешь ты его завтра с докладом... Если позволишь мне выразить мое мнение, то разреши ему явиться к себе: доклад будет происходить при двух свидетелях, следовательно никакого tête á tête и опасаться тебе нечего» (ЦГАОР, ф. Александра III, д. 738).

Валуев также не играл какой-либо заметной роли в этой борьбе. Как он утверждает в своем дневнике, его роль фактически закончилась заседанием 8 марта. «С того дня,— пишет он,— моя роль председателя Комитета министров сохранилась по форме, но прекратилась по существу, вне стен Комитета» (П. А. Валуев. Дневник 1877 — 1884 гг., стр. 154. Примечание к записи за 9 марта 1881 г.).

[101] Wiener Haus Hof und Staatsarchiv. Ministerium des Aussen. P. A. X. 76 — I.

торых постепенно возрастает. Важно отметить, что лишь в одном из писем он касается вопросов, относящихся непосредственно к его ведомству [102].

Наряду с этим появляются новые лица, влияние которых быстро растет. Не говоря уже о Баранове, оказывавшем на молодого императора, как уже упоминалось выше, серьезное влияние благодаря сочиняемым им рассказам об успешной борьбе с «крамолой», на сцену приходят и другие люди: гр. Н. П. Игнатьев, гр. И. И. Воронцов-Дашков.

Крупный дипломат в прошлом, беззастенчивый лгун в прошлом и настоящем, Игнатьев начинает пользоваться расположением Александра III.

Все без исключения современники, различных взглядов и направлений, характеризуют Игнатьева самым безудержным лгуном, что, впрочем, полностью соответствовало действительности. «Кому в России,— писал в своих «Воспоминаниях» Е. М. Феоктистов,— не известна была печальная черта его характера, а именно необузданная, какая-то ненасытная потребность ко лжи? Он лгал вследствие потребности своей природы, лгал, как птица поет, собака лает, лгал на каждом шагу без малейшей нужды и расчета, даже во вред самому себе» [103]. Это была натура, в этом отношении весьма близкая по свойствам своего характера гоголевскому герою Ноздреву либо барону Мюнхгаузену.

После заключения Сан-Стефанского мира Игнатьев занимал довольно скромный пост временного нижегородского генерал-губернатора, учреждаемый на время ярмарки. Находясь в Петербурге, он в начале нового царствования начинает приобретать влияние в высших сферах, опять-таки благодаря Победоносцеву. В цитированном нами выше письме обер-прокурора Синода от 6 марта к Александру III он писал о представителях высшей бюрократии: «Ваше величество, я их

---

[102] В январе Победоносцев написал Александру III 4 письма, в феврале — 2, в марте — 9, а в апреле — 12 («Письма К. П. Победоносцева к Александру III», т. 1; «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. 1, полутом 1).

[103] Е. М. Феоктистов. За кулисами политики и литературы. М., 1929, стр. 199. По-видимому, эта страсть ко лжи была фамильной, так как ею был одержим и его родной брат Алексей Павлович (отец автора воспоминаний «Пятьдесят лет в строю»). Говоря о различии, существовавшем в этом отношении между братьями, жандармский полковник Новицкий в своих воспоминаниях писал: «В разговорах один из слушателей спросил: какая разница между братьями Игнатьевыми; ответ последовал, что первый — все врет, а второй — иногда только говорит правду» (В. Д. Новицкий. Из воспоминаний жандарма, стр. 66).

всех вижу и знаю, каких грошей они стоят. Изо всех имен смею назвать вам разве гр. Николая Павл[овича] Игнатьева. Он имеет еще здоровые инстинкты и русскую душу, и имя его пользуется доброй славой у здоровой части русского населения — между простыми людьми. Возьмите его на первый раз, но кого-нибудь верного надо бы взять немедленно»[104].

Уже в середине марта влияние Игнатьева начинает ощущаться. Так, 16 марта Милютин, занося в дневник свой разговор с Лорис-Меликовым, пишет: «Он (т. е. Лорис-Меликов.— *П. З.*) высказывает серьезные опасения со стороны реакционной партии, которая начинает образовываться около Победоносцева. К нему льнут всякие личности, желающие всплыть по новому течению. В числе таких, к удивлению, и гр. Ник. Павл. Игнатьев»[105]. Об авторитете Игнатьева в глазах нового императора говорит и Половцов. 19 марта он пишет в дневнике, со слов Абазы, о том, что решено первый вакантный портфель министра предоставить Игнатьеву[106].

Нам представляется, что причина столь быстрого выдвижения этого представителя «здоровых инстинктов» заключается в том, что высказываемые им воззрения гармонировали со взглядами царя.

В фонде Игнатьева хранится его записка, датированная 12 марта, излагающая программу правительственной деятельности. Содержание этой записки весьма созвучно взглядам Победоносцева и Александра III.

«Все сознают,— начинает свою записку Игнатьев,— важность настоящей минуты: первые шаги нового царствования, столь необычно начавшегося, имеют решающее нравственное значение... Настоящее положение нестерпимо; из него должен быть найден выход». И тут же Игнатьев прямо говорит о недопустимости каких-либо уступок: «Нежелательны реформы или изменения, которые могут быть истолкованы как уступки

---

[104] «Письма К. П. Победоносцева к Александру III», т. 1, стр. 316—317. По-видимому, в качестве этого «верного человека» и был взят Баранов.

[105] Дневник Д. А. Милютина, т. 4, стр. 40. Ниже Милютин, со слов Лорис-Меликова, говорит об образовании и другой «партии», группирующейся вокруг Петра Андреевича Шувалова, бывшего шефа жандармов, а затем посла в Англии, а также и о Баранове, занявшем «влиятельное положение». Однако «вреднее всех,— по мнению Лорис-Меликова,— может оказаться Победоносцев, который, злоупотребляя авторитетом старого учителя перед бывшими учениками, подносит молодому царю одну записку за другой со своими фарисейскими поучениями и незуитскими советами» (там же).

[106] ЦГАОР, ф. Половцова, д. 18, стр. 209.

или мера, принятая под впечатлением мученической кончины царя-освободителя». По мнению Игнатьева, необходимо прежде всего принять меры, дабы обеспечить безопасность царской фамилии. «Самое значение правительства следует утвердить на народной, нравственной основе, соответственным выбором людей и несомненным направлением их деятельности»[107]. Для утверждения правительства на соответствующей основе, по мнению Игнатьева, необходимо: а) крайняя бережливость в расходах, б) помимо намеченных совещаний с земскими людьми по вопросу финансовых и административных преобразований «надлежало бы спросить мнение земли по самому настоятельному и общественному вопросу: есть полное основание предполагать, что касательно борьбы с крамолой земские люди, правильно спрошенные, отзовутся более решительным образом, чем это делали прежние советники царя...»[108]. Смысл сего заключался в предложении организовать борьбу с крамолой на широкой «народной» основе, путем всемерного поощрения различного рода доносов. Об этом прямо говорилось в конце цитируемой записки. «Большинство спокойного населения, — писал Игнатьев, — уклоняется от всяких сношений с полицией и от сообщения о готовящихся преступлениях или опасных личностях. Необходимо, — продолжал он, — воспользоваться настоящей минутой всеобщего негодования, чтобы изменить этот неудобный и опасный взгляд общества. Очевидно, что для исправления настоящего опасного положения нужно изменить соответственным образом закон о недоносителях... Следует предоставить широкую возможность сообщать необходимые данные без вызова к следствию и суду. Еще бо́льшую пользу для дела нужно ожидать от проявляющегося стремления общества самому содействовать охранению порядка... живым участием самих жителей, через выборных старост и сторожей, в охране порядка и наблюдении за проживающими в известном околотке»[109]. Таким образом, рекомендовалась организация огромной армии доносчиков и провокаторов.

Однако квинтэссенция программы, рекомендуемой Игнатьевым, заключалась не в этом. Деятельность правительства, по его мнению, сможет быть успешной лишь в том случае, если ему удастся освободиться от некоторых явлений общественной жизни, сгубивших «лучшие начинания» царствования Александра II.

---

[107] ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 1437, л. 1.
[108] Там же, л. 2.
[109] Там же, лл. 5—6.

«В Петербурге,— писал Игнатьев,— существует могущественная польско-жидовская группа, в руках которой непосредственно находятся банки, биржа, адвокатура, большая часть печати и другие общественные дела. Многими законными и незаконными путями и средствами они имеют громадное влияние на чиновничество и вообще на весь ход дел.

Отдельными своими частями эта группа соприкасается и с развившимся расхищением казны и с крамолой... Проповедуя слепое подражание Европе, люди этой группы,— продолжает Игнатьев,— ловко сохраняя свое нейтральное положение, очень охотно пользуются крайними проявлениями крамолы и казнокрадства, чтобы рекомендовать свой рецепт лечения: самые широкие права полякам и евреям, представительные учреждения на западный образец. Всякий честный голос русской земли усердно заглушается польско-жидовскими криками, твердящими о том, что нужно слушать только «интеллигентный» класс и что русские требования следует отвергнуть как отсталые и непросвещенные» [110].

Эта реакционно-шовинистическая концепция, противопоставлявшая буржуазные формы общественной жизни «исконно русским», патриархальным началам, зиждущимся на феодально-крепостнической основе, импонировала воззрениям молодого царя и его идейного руководителя — Победоносцева.

В качестве ближайшей практической меры Игнатьев рекомендовал царю переехать временно в Москву или ее окрестности и там созвать редакционные комиссии для составления законоположений, касающихся местных учреждений, а также обсуждения ряда финансовых мер. «Начало царствования в Москве,— писал он,— под охраной преданного народа, при живой работе с земскими людьми, оставит неизгладимый след на все начинающееся царствование» [111].

---

[110] ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 1437, л. 3.

[111] Там же, л. 4. Эта же мысль о созыве «земских людей» содержится и в другой записке Игнатьева «Ближайшие задачи наступающего царствования», относящейся также к марту 1881 г. и переданной автором гр. Лорис-Меликову. В этой записке гр. Игнатьев писал: «Теперь, казалось бы, самая удобная минута призвать к содействию правительству земских людей и предложить им на предварительное обсуждение все те проекты реформ, которые ждет с таким нетерпением вся Россия. Вопросу минуты, вопросу борьбы с крамолой советы земских людей, конечно, оказались бы в высшей степени полезными и, смею думать, что в тот день, когда государь увидел бы себя окруженным этими новыми, но зато самыми естественными советниками, он бы лучше, чем когда-либо, сознал, что между крамолой и людьми русской земли нет ничего общего» (ЦГАОР,

Анализируя содержание этой записки в целом, мы можем сделать следующие замечания. Во-первых, вся записка, проникнутая реакционно-шовинистическим духом, направлена была против лорис-меликовского курса. Она полностью соответствовала взглядам реакционной правительственной группировки, возглавлявшейся Победоносцевым. Во-вторых, в записке нетрудно обнаружить славянофильские идеи круга Аксакова, призывавшие к возрождению старинных форм общения царя с «землей» в виде подобия земских соборов. Возникает вопрос: с какой целью писал Игнатьев рассмотренную нами записку? Нам представляется бесспорным, что она предназначалась для молодого императора. Мы не располагаем данными, которые подтверждали бы тот факт, что записку эту читал Александр III. Однако косвенные свидетельства того, что царь был осведомлен о взглядах Игнатьева, имеются. В дневнике Валуева, в записи за 21 апреля 1881 года, содержится следующая фраза: «Государь сказал о графе Игнатьеве, что хорошо, что он у дел, потому что «настоящий коренной русский» [112]. Едва ли эту фразу надо понимать лишь в буквальном смысле этого слова.

Именно это и привело к назначению Игнатьева в двадцатых числах марта на пост министра государственных имуществ. Как рассказывает Перетц, назначение Игнатьева министром было рекомендовано, как ни странно, Лорис-Меликовым [113].

Наряду с Игнатьевым выдвигается и гр. И. И. Воронцов-Дашков, в прошлом близкий Александру III человек. Как уже говорилось выше, он возглавлял подкомиссию по охране царя во Временном совете градоначальника и в начале апреля назначается начальником императорской охраны. Это по существу предопределяло назначение его на пост министра императорского двора.

ф. Игнатьева, д. 1492, л. 6). Далее Игнатьев указывал, что избрание земских представителей надо бы было предоставить губернским земским собраниям. Избранные земские представители, по мнению автора записки, должны были принимать участие в работе Государственного совета. Весьма интересно, что против фразы о земских представителях рукою Игнатьева написано: «Изменил несколько свои воззрения на этот счет при ближайшем знакомстве с управлением и земствами в Министерстве внутренних дел». Нужно отметить, что предложения Игнатьева о созыве земских людей, несмотря на то что они исходили из реакционно-шовинистических воззрений их автора, были очень близки по существу проектам Лорис-Меликова.

[112] П. А. Валуев. Дневник 1877 — 1884 гг., стр. 161.

[113] Дневник Е. А. Перетца, стр. 57.

Оценивая положение при дворе Воронцова-Дашкова, австро-венгерский посол гр. Кальноки в донесении своему министру иностранных дел от 9(21) апреля писал: «Граф Воронцов пользуется большим личным расположением царя, и это положение доверенного лица пролагает ему дорогу для замены гр. Адлерберга, однако это место он не будет занимать долго. Гр. Воронцов будет у его величества таким верноподданным слугой, каким граф Адлерберг был для покойного императора» [114].

Такова была расстановка сил в правительственных сферах в марте — апреле 1881 года. Необходимо при этом сказать, что наибольшее влияние на Александра III в этот период оказывал Победоносцев.

* *
*

Если роль Лорис-Меликова значительно уменьшилась и его диктатура закончилась 1 марта, то было бы неверным представлять себе, что он превратился в министра, не пользующегося никакой властью и влиянием. Лорис-Меликов попрежнему de facto выполняет роль премьера. Он еще оказывает бесспорно влияние на перемены, происходившие в правительственных сферах. Так, во второй половине марта было уничтожено и включено в состав Министерства внутренних дел, не без влияния Лорис-Меликова, Министерство почт и телеграфа и иностранных исповеданий [115]. Тем самым в руках министра внутренних дел оказывалось такое серьезное политическое орудие, как перлюстрация писем.

---

[114] Wiener Haus Hof und Staatsarchiv. Ministerium des Aussen. P. A. X. 76 — I.

[115] Как утверждают Перетц и Половцов, увольнение Макова было связано с вопросом о перлюстрации писем. По одной версии Маков явился к царю с докладом по поводу порядка перлюстрации, и молодой император, посоветовавшись с Лорис-Меликовым, решил ликвидировать Министерство почт и телеграфа (Перетц). По другой, сообщенной Половцовым, дело обстояло несколько иначе: «На днях, — заносит он 18 марта в свой дневник, — Маков явился к государю с выписками из писем. Государь сказал ему, что если есть что-нибудь политическое, то надо сообщить министру внутренних дел, и что он, государь, никаких чужих писем читать не желает» (ЦГАОР, ф. Половцова, д. 18, стр. 205). Якобы в связи с этим случаем и состоялось увольнение Макова. Милютин рассматривает упразднение Министерства почт и телеграфа как результат личного нерасположения царя к Макову (Дневник Д. А. Милютина, т. 4, стр. 41). Наконец, Валуев полагает, что причиной увольнения Макова явилось разногласие его с Александром III по униатскому вопросу (П. А. Валуев. Дневник 1877 — 1884 гг., стр. 158).

Буквально через несколько дней происходит увольнение министров народного просвещения и государственных имуществ. Эти перемены, намечаемые, как утверждает Перетц, еще до 1 марта, осуществлялись также не без влияния Лорис-Меликова[116]. Однако инициатива увольнения Сабурова, судя по конфиденциальному письму Лорис-Меликова Милютину, принадлежала Победоносцеву[117]. Не говоря уже о весьма ограниченных способностях Сабурова, он был скомпрометирован данной ему публично пощечиной студентом Папием Подбельским 8 февраля 1881 года на акте в Петербургском университете[118]. Как рассказывает Милютин со слов Лорис-Меликова, Александр III хотел назначить министром народного просвещения, по-видимому, опять-таки по совету Победоносцева, Делянова, однако министр внутренних дел отговорил его. Министром народного просвещения вместо Сабурова назначается барон Николаи, которого рекомендовал царю в одном из писем также и Победоносцев[119].

Лорис-Меликов, согласно указанию царя, объявляет Сабурову «высочайшее» решение об отставке, передает главноуправляющему I отделением с. е. и. в. канцелярии распоряжение о подготовке указов об этом, а также и о назначении Николаи. Все это, естественно, выходило за рамки компетенции министра внутренних дел.

По представлению Лорис-Меликова, в начале апреля на пост директора Департамента государственной полиции вместо барона Велио назначается прокурор Петербургской судебной палаты В. К. Плеве. Рекомендуя его на эту должность, министр внутренних дел писал: «Служебные и нравственные качества г. Плеве служат достаточным ручательством, что и в новую сферу деятельности он внесет ту же энер-

---

[116] Дневник Е. А. Перетца, стр. 54.

[117] Отд. рукописей ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, папка 68, д. 6, письмо от 4 марта 1881 г.

[118] См. статью «Папий Подбельский». «Каторга и ссылка», 1929, кн. 52.

[119] По-видимому, после устранения кандидатуры Делянова возникло предположение (возможно, исходящее и от Лорис-Меликова) назначить министром Николаи. В связи с этим Александр III предложил Победоносцеву переговорить с бароном Николаи. Победоносцев в своем письме к императору одобрительно отзывается об этой кандидатуре (см. «Письма К. П. Победоносцева к Александру III», т. 1, стр. 319—321). Узнав о назначении Николаи, Катков пришел в ужас. «Сейчас получил известие о назначении вместо Сабурова барона Николаи, — пишет он Н. М. Баранову. — Правда ли это?.. Неужели мы и теперь будем бродить в потемках и на такие важные посты назначать людей на авось и без толку?» (Отд. рукописей ГБЛ, ф. Каткова, д. 48, л. 159. Письмо от 24 марта 1881 г.).

гию и разумное отношение к делу, каким постоянно отличалось его служение по ведомству судебному»[120]. Ниже он сообщает, что Каханов и Черевин полностью одобряют эту кандидатуру.

Как говорилось уже выше, назначение Игнатьева министром государственных имуществ, по словам Перетца, было также осуществлено не без влияния Лорис-Меликова[121]. Наконец, в рассматриваемый период происходят еще перемены, не только не зависевшие от министра внутренних дел, а являвшиеся результатом противоположного Лорис-Меликову влияния. Речь идет об уходе как с поста председателя Государственного совета, так и с ряда других должностей вел. кн. Константина Николаевича, наметившемся уже во второй половине марта. Кроме того, увольняется креатура Лорис-Меликова — начальник Главного управления печати Н. С. Абаза, а на его место назначается кн. П. П. Вяземский.

Таковы изменения, происшедшие в высших правительственных сферах в первые недели после вступления на престол Александра III.

Как мы видим, Лорис-Меликов и после 1 марта играет все же определенную роль в назначении тех или иных государственных деятелей, хотя эта роль становится неизмеримо меньшей, нежели раньше. Тот факт, что распоряжения о смене и назначении министров передаются через Лорис-Меликова, также свидетельствует о том, что он рассматривался не только как министр внутренних дел, а как нечто большее. Ему даются царем щекотливые поручения, которые отнюдь не касались его компетенции. Так, в начале апреля он ведет по поручению Александра III переговоры с Юрьевской о переезде ее из Зимнего дворца, а также по вопросу о подаренном ей Александром II капитале в 3 млн. 400 тыс. руб., которые она решила положить в Государственный банк на имя своих детей[122].

Сохранение Лорис-Меликовым определенного влияния и власти объяснялось отнюдь не симпатиями Александра III, а той политикой выжидания, которую принужден был проводить находившийся в смятении и тревоге молодой царь.

---

[120] ЦГИАЛ, ф. Департамента общих дел, оп. 241, д. 82, л. 225.

[121] Роль Лорис-Меликова в назначении Игнатьева косвенно может быть подтверждена и тем, что предложение главноуправляющему I отделением с. е. и. в. канцелярии о подготовке соответствующего рескрипта было передано через Лорис-Меликова (ЦГИАЛ, ф. I, отделения с. е. и. в. канцелярии, оп. 3, д. 950).

[122] См. письмо Лорис-Меликова Александру III от 10 апреля 1881 г. «Красный архив», 1925, кн. 1 (8), стр. 124 — 125.

Неясность дальнейшего обусловливала и поведение боровшихся группировок. «Обсудив совершенно келейно настоящую постановку дел,— пишет Милютин в дневнике 16 марта,— мы с Лорис-Меликовым пришли к тому заключению, что оба должны еще некоторое время оставаться в выжидательном положении, пока не выяснится, который из двух противоположных путей будет выбран императором» [123]. Далее Милютин говорит о том, что в случае победы партии Победоносцева ни он, ни Лорис-Меликов не останутся на своих постах и выйдут в отставку [124].

Однако, несмотря на неясность будущего, Лорис-Меликов не отступал от политического курса, изложенного в докладе 28 января и защищавшегося им на заседании 8 марта.

В этом отношении большой интерес представляет разговор министра внутренних дел с Половцовым, изложенный последним в своем дневнике. Этот разговор состоялся 26 марта и, как свидетельствует Половцов, был продолжителен. Излагая мысли Лорис-Меликова, он пишет: «Прежде всего необходимо одномыслящее министерство, которое одно, без выборных представителей, ничего сделать не может. Взяв клочок бумаги,— говорит Половцов,— Лорис делает такой рисунок:

Одномыслящее министерство
1) утверждение власти
2) преобразование школ
3) закон о печати
4) понижение выкупных платежей
5) преобразование системы налогов
6) выборные [125]

Между этими двумя полюсами,— продолжал он,— министрами и выборными должны быть разработаны эти пять, стоящих теперь на очереди вопросов» [126].

---

[123] Дневник Д. А. Милютина, т. 4, стр. 40.

[124] Там же. Несколько ниже, в записи за то же число, Милютин говорит об аналогичном разговоре его и Лорис-Меликова с вел. кн. Константином Николаевичем (там же, стр. 40—41).

[125] Слова «одномыслящие» и «выборные» обведены были Лорис-Меликовым чертой.

[126] ЦГАОР, ф. Половцова, д. 18, стр. 216. Как говорит далее Половцов, присутствовавший при разговоре Каханов останавливает Лорис-Меликова, говоря, что в этих пяти вопросах есть такие, кои нельзя «предоставить разрешению выборных от земства, как ,напр[имер] преобразование администрации или изменение законов о печати. Лорис с ним не соглашается, очевидно, не имея определенной и твердой мысли в своих несколько смутных предположениях» (там же, стр. 216—217).

Таким образом, на первый план выдвигалась необходимость образования «одномыслящего» министерства. Однако царь не предпринимал никаких шагов, продолжая оставаться в состоянии неопределенности в части своей дальнейшей политики. В конце марта Половцов, получив аудиенцию в Гатчине, ведет с Александром III довольно откровенный разговор. «Я привык говорить вам правду, — заявил Половцов, — и потому и сегодня считаю долгом сказать вашему величеству, что враги ваши имеют и выработанную программу и определенный образ действия, но что, к сожалению, в правительстве ничего подобного нет... Необходимо, чтобы около Вас, государь, собрались люди, согласные в своих видах, которые, в случае получения одобрения Вашего, приводили бы в действие обдуманный план».

В ответ на это молодой император по существу ничего не ответил, заявив лишь, что до сих пор министры таковы, что с ними советоваться не стоит. «В итоге,— резюмирует Половцов,— этот разговор произвел на меня очень грустное впечатление... очевидно, что он находится в полной нерешительности...» [127].

* *
*

Единственным шагом, сделанным в области реализации программы Лорис-Меликова, было обсуждение вопроса о понижении выкупных платежей. Данный вопрос был внесен министром финансов Абазой в Государственный совет в конце марта и обсуждался в Главном комитете об устройстве сельского состояния еще в ноябре 1880 года. На этом заседании Абаза заявил о необходимости понижения выкупных платежей в нечерноземных губерниях, где эти платежи «по их величине совершенно уже не соответствуют ничтожной ценности земли» [128]. Это особенно сильно проявлялось в Смоленской, Псковской и некоторых уездах Владимирской, Тамбовской и Черниговской губерний. Министр финансов указывал, что причина этого заключается в том, что при определении размера повинностей принята была в соображение «не одна лишь ценность земли, но оценен, так сказать, и личный труд крестьянина, но при таком определении размера повинностей, — отмечал Абаза, — с каждым годом разница между

[127] ЦГАОР, ф. Половцова, д. 18, стр. 223, 225.
[128] ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, оп. т. XV, д. 28, 1881 г., стр. 3.

ним и действильною ценностью земли делается все более и более значительною»[129].

Вопрос этот не был окончательно решен Главным комитетом, и в начале 1881 года министр финансов создал для рассмотрения его специальную комиссию под председательством сенатора К. И. Домонтовича[130].

В течение февраля и марта комиссия детально рассмотрела вопрос о местностях, в которых должны быть понижены выкупные платежи, а также определила размеры предполагаемого понижения. Так, эту меру комиссия предлагала осуществить в 13 нечерноземных губерниях: Владимирской, Вологодской, Калужской, Костромской, Псковской, Могилевской, Московской, Новгородской, Олонецкой, Петербургской, Смоленской, Тверской, Ярославской, а также в нечерноземных частях губерний Вятской, Казанской, Нижегородской, Орловской, Пензенской, Пермской, Рязанской, Тамбовской, Тульской и Черниговской. Наибольшее понижение, от 40 до 56%, предполагалось провести в Олонецкой, Смоленской, Новгородской, Черниговской, Московской, Петербургской, Тверской; наименьшее — в Казанской, Ярославской, Вологодской и Пермской (от 21 до 23%). По отдельным уездам понижение намечалось еще большее. Так, в уездах Варнавинском и Ветлужском Нижегородской губернии, Тихвинском Новгородской оно должно было составить 60—65%. В других уездах (Рыбинском Ярославской и Болховском Орловской губернии) понижение проектировалось лишь в размере 7,5—10%. В среднем по всем местностям, в которых предполагалось проведение понижения, оно должно было составить 35%[131]. 30 марта Абаза внес этот вопрос на обсуждение Государственного совета.

В своем представлении министр финансов сообщил, что он согласен с мнением комиссии. Вместе с тем он касался и вопроса об обязательном выкупе крестьянами своих наделов в нечерноземных губерниях. «Обращаясь к вопросу об обяза-

---

[129] ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, оп. т. XV, д. 28, 1881 г., л. 2. При этом Абаза указывает, что «есть губернии, именно черноземные, в которых разница эта выразилась в пользу плательщика, так как ценность земли учетверилась, даже упятерилась» (там же, лл. 2—3).

[130] Комиссия состояла из председателя Центрального статистического комитета П. П. Семенова-Тян-Шанского, управляющего Земским отделом Ф. Л. Барыкова и председателя С.-Петербургской земской управы кн. И. А. Горчакова.

[131] ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, оп. т. XV, д. 28, 1881 г., лл. 16, 18.

тельном выкупе наделов крестьянами нечерноземных местностей,— говорилось в представлении,— министр финансов считает прежде всего нужным объяснить, что необходимость этой меры обусловливается предположенным понижением выкупных платежей. Оставление временнообязанных крестьян, число коих в 1881 году доходит до 837 500 душ, при чрезмерно высоких оброках, вдвое, местами почти втрое выше уменьшенных выкупных платежей крестьян-собственников, окружающих их селения, могло бы повести к недоразумениям и ропоту со стороны оброчных крестьян».

По мнению Абазы, для предупреждения этого есть только один путь — осуществить выкуп временнообязанными крестьянами своих наделов в возможно короткий срок, а именно к 1 января 1883 года. Вместе с тем министр полагал необходимым распространить эту меру и на тех временнообязанных крестьян, «которые в смешанных (по качеству почвы) уездах, в смежности с крестьянами, водворенными на нечерноземных малоценных землях, за которые выкупные платежи будут понижены, пользуются хорошими ценными наделами, дабы предупредить и с их стороны недоразумения в случае оставления их в обязательных отношениях к помещикам» [132].

В отношении же крестьян черноземных губерний Абаза также считал необходимым поставить вопрос об обязательном выкупе, установив точно срок, но не позднее чем через пять лет, т. е. в 1886 году.

Таким образом, мера, предлагаемая Абазой, ставила своей задачей, во-первых, приведение в соответствие со стоимостью земли выкупных платежей, во-вторых, перевод крестьян на обязательный выкуп. Как та, так и другая меры имели буржуазный характер. Объективное значение их было направлено на уменьшение феодально-крепостнических пережитков.

Лорис-Меликов в своем отзыве, одобряя предложение министра финансов, подчеркивал большое политическое значение этой меры. «От местных властей,— писал он,— доходят сведения, что в народе появляются уже нелепые, может быть, злонамеренно распространяемые слухи, будто дарованные крестьянам в прошлое царствование права и милости будут от них отобраны. Необходимо успокоить умы и укрепить в народе уверенность в продолжении монаршего попечения о его нуждах» [133].

---

[132] ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, оп. т. XV, д. 28, 1881 г., лл. 24 — 25.

[133] Там же, л. 106.

Вместе с тем министр внутренних дел предлагал ряд существенных дополнений. Во-первых, он считал необходимым распространить также понижение выкупных платежей на пять степных губерний (Оренбургскую, Уфимскую, Самарскую, Астраханскую и Ставропольскую). Во-вторых, переход на обязательный выкуп всех временнообязанных крестьян провести повсеместно одновременно.

Кроме того, он рекомендовал еще и другие меры. Они касались, во-первых, обеспечения малоземельных крестьян землей (предоставления кредита для покупки земель, упрощения оформления этих сделок, аренды казенных земель, организации переселений). Во-вторых, он ставил вопрос об облегчении условий выхода из общины. Помимо того, Лорис-Меликов предлагал «в возможной скорости» разработать и составить проект правил по следующим вопросам: а) о разрешении сельским обществам отказываться от владения участками выкупленной ими земли с передачей их в казну, б) об облегчении либо вовсе полной отмене круговой поруки и в) об отмене стеснительных для крестьян правил, касающихся временных отлучек их из общества [134].

Анализируя дополнения, внесенные министром внутренних дел, мы видим, что они содержали в себе целую сумму мероприятий, способствовавших развитию капитализма в деревне. Меры эти полностью соответствовали либеральной программе, рассчитанной на некоторое улучшение положения крестьянства [135]. Действительно, все это бесспорно означало бы шаг вперед по пути буржуазного развития деревни в условиях сохранения незыблемости помещичьего землевладения.

6, 7 и 20 апреля представление министра финансов обсуждалось в соединенном присутствии Департаментов законов и государственной экономии совместно с Главным комитетом об устройстве сельского состояния. Соединенное присутствие одобрило представление Абазы с дополнением Лорис-Меликова о введении обязательного выкупа повсеместно с 1 января 1883 года. Вместе с тем признавалась необходимость обсуждения и проведения в жизнь мер, предложенных министром внутренних дел. Так, Соединенное присутствие рекомендовало министрам внутренних дел и финансов по согласованию с другими ведомствами разработать и внести в Государственный совет «в возможно непродолжительном времени»

---

[134] ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, оп. т. XV, д. 28, 1881 г., лл. 117 — 118.

[135] См. Р. Янсон. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1877.

соображения по следующим вопросам: «1) об облегчении существующего порядка выхода крестьян из общества, равно приписки к обществу и перечисления из одного общества в другое; 2) об отмене стеснений для крестьян при отлучке из общества; 3) об облегчении или отмене круговой поруки, без нарушения, впрочем, основ общинного владения там, где оно существует; 4) о дозволении сельским обществам отказываться от владения участками выкупленной земли с передачей сих участков в распоряжение казны; 5) об облегчении существующего нотариального порядка и издержек для совершения крепостных актов на покупаемые крестьянами земли; 6) об условиях предоставления казенных свободных земель малоземельным крестьянам и облегчения им способов к водворению на казенных землях; 7) об облегчении для крестьян возможности пользоваться кредитом для покупки земли»[136].

Следовательно, все предложения Лорис-Меликова, касавшиеся рекомендованных им дополнительных мер, были приняты полностью. Лишь в пункте, касавшемся облегчения или отмены круговой поруки, говорилось о необходимости сохранения «основ общинного владения», что отсутствовало в предложениях министра внутренних дел.

Как рассказывает в дневнике Перетц, Лорис-Меликов в своем выступлении снова, как и в отзыве на представление Абазы, подчеркнул политическое значение понижения выкупных платежей. Министр внутренних дел заявил, что «желательно обнародовать предполагаемый закон в возможно непродолжительном времени, так как в разных местах, между прочим в Бежецком и Весьегонском уездах Тверской губернии, злонамеренными людьми распространяется между крестьянами слух, что нынешний государь по наущению помещиков, хочет вновь закрепостить людей»[137]. Далее он сказал, что в связи с этим были случаи нападения крестьян на помещиков.

27 апреля вопрос о понижении выкупных платежей рассматривался в Общем собрании Государственного совета, при этом мероприятия, принятые Соединенными департаментами, не встретили каких-либо возражений, за исключением второстепенного вопроса о размере выкупных платежей. По этому

---

[136] ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, оп. т. XV, д. 28, 1881 г., л. 203. Наряду с этим Соединенное присутствие приняло решение о сложении недоимок выкупных платежей, накопившихся к 1 июля 1881 г. по тем селениям крестьян-собственников, «для коих эти платежи будут понижены» (там же).

[137] Дневник Е. А. Перетца, стр. 59 — 60.

вопросу с возражениями выступил бывший министр внутренних дел А. Е. Тимашев, полагавший необходимым выдавать помещикам выкупные платежи в размере 100% капитализированного оброка[138], так как иначе нарушился бы принцип частной собственности. «Да не будет упрека впоследствии, — заявил он,— что в Государственном совете не нашлось ни единого голоса в защиту собственности...»[139]. Однако это предложение принято не было. Тимашев рьяно поддерживал также предложение о необходимости отмены круговой поруки и указывал на необходимость ликвидации общинного землепользования. «Что такое общинное пользование землей? — спрашивал он.— Это непреоборимое препятствие... ко всякому преуспеванию в материальном благосостоянии крестьян... Общинное владение есть препятствие ко всякому правильному хозяйству»[140].

Общее собрание без изменений утвердило решение Соединенных департаментов.

В действительности же дело обстояло не столь гладко. Против решения Общего собрания возникла влиятельная оппозиция, состоявшая из Победоносцева, Игнатьева и Островского.

Как видно из переписки Игнатьева с Победоносцевым, последний собирался выступить на заседании Общего собрания, изложив свою личную точку зрения. С ней солидаризировались Игнатьев и Островский. Однако 27 апреля Победоносцев не явился на заседание Государственного совета, отправившись к царю в Гатчину. «Все дело было перепорчено Вашим отсутствием и выступлением Тимашева,— пишет в этот же день Игнатьев Победоносцеву... Дело кануло в воду. Было заявлено, что вы хотели говорить, и председатель громко вызывал Вас, спрашивая, почему Вы не приехали. Мне кажется,— продолжал он,— что ничто не помешает случайно отсутствующему — не по своей воле — члену Государственного совета заявить письменно свое мнение, прося приложить к

---

[138] По Положению о выкупе помещик получал ссуду в размере 75—80% капитализированного оброка, а остальные 20—25%, при условии двустороннего соглашения о переходе на выкуп, крестьяне обязывались вносить помещику в виде дополнительных платежей (подробнее см. нашу книгу «Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 года». Соцэкгиз, М., 1958). В связи с введением обязательного выкупа помещик, естественно, терял дополнительные платежи.

[139] ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, оп. т. XV, д. 28, 1881 г. Приложение, л. 263.

[140] Там же, лл. 257—258.

журналу, представленному на высочайшее воззрение. Если Вы расположены идти по этому пути, то я с удовольствием пришлю Вам записку [141], как материал. Мы с Островским и Стояновским ждали чьего-либо заявления, чтобы выступить» [142].

По-видимому, руководящая роль в этой оппозиции принадлежала Победоносцеву и он должен был начать атаку, но его отсутствие, кстати сказать отнюдь не вынужденное [143], нарушило их планы.

Посетив на другой день, 28 апреля, Перетца, Победоносцев сказал ему, что его предложение заключалось в том, «чтобы теперь утвердить обязательный выкуп, а затем только главные начала понижения выкупных платежей, передав в дальнейшую разработку дела министрам при участии экспертов» [144].

* *
*

Период борьбы правительственных группировок можно подразделить на два этапа: первый — с начала марта до начала апреля и второй — с начала апреля до конца месяца. Первый период характеризуется полным разрывом отношений представителей одной группировки с другой, наступившим после заседания 8 марта; второй — проходит под знаком кажущегося примирения, что нашло свое наиболее полное выражение в совещании 21 апреля.

Итак, после заседания 8 марта какие-либо отношения между Лорис-Меликовым, Абазой и Милютиным, с одной стороны, и Победоносцевым — с другой, совершенно прекратились [145]. Характеризуя эти отношения, Перетц говорит в своем

---

[141] Об этой записке, составленной, по всей вероятности, либо Игнатьевым, либо кем-нибудь из близких ему лиц, говорится дважды в письмах к нему Победоносцева (ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 3679, лл. 15, 19).

[142] «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. 1, полутом 1, стр. 86.

[143] См. ниже, стр. 370.

[144] Дневник Е. А. Перетца, стр. 67.

[145] После заседания 8 марта Победоносцев посылает Лорис-Меликову письмо, в котором он пытается сохранить с министром внутренних дел личные отношения. Так, он писал: «В возбуждении нынешнего утра не пришлось сказать с Вами ни слова, достопочтеннейший Михаил Тариелович! Но мне было бы очень прискорбно, когда бы слова, сказанные мною сегодня в заседании, оставили в Вас чувство личного против меня неудовольствия». («Былое», 1918, кн. 4 — 5, стр. 180). Далее он говорит о различии их политических воззрений и необходимости выражать свои взгляды «по крайнему разумению своей совести и рассудка» (там же).

дневнике: «Лорис и Абаза, вследствие заседания 8 марта, не подают руки Макову и Победоносцеву и почти не говорят с ними. По моему мнению, они неправы. Нельзя считать политических противников прямыми врагами. Можно не сочувствовать их взглядам, даже не любить их, но необходимо,— заключает он,— соблюдать правила приличия и вежливости!» [146].

Анализируя запись Перетца, человека, по своим политическим воззрениям стоявшего близко к Лорис-Меликову и Абазе, а не к Победоносцеву, и сопоставляя ее с письмом обер-прокурора Синода к министру внутренних дел, надо полагать, что инициатива в разрыве принадлежала либеральной группировке.

В первой половине апреля положение несколько изменилось: Лорис-Меликов встречается с Победоносцевым и ведет с ним продолжительную беседу. Кто явился инициатором этой встречи — сказать трудно, так как каждая из сторон пыталась приписать инициативу в этом противоположной. Так, Милютин говорит, что первый шаг был сделан Победоносцевым. «Победоносцев, несмотря на свое влияние во дворце,— говорит он в дневнике 15 апреля,— чувствует, по-видимому, неловкость своего положения, он приезжал к Лорис-Меликову с объяснениями, уверяя, что его роль в пресловутом совещании 8 марта понята в превратном смысле» [147].

Победоносцев же изображает это иначе. В своем письме к Тютчевой от 10 апреля, характеризуя свои отношения с «триумвиром», писал: «Верите мне, милая, что у меня такое чувство, как будто я живу с сумасшедшими. А они меня считают за безумца. С 8 марта ни Лорис, ни Абаза, ни Милютин не говорят со мною, избегают меня и боятся. Слышу их отзывы, что со мною говорить невозможно, что я человек не из 19-го, а из 16-го столетия. Положение невозможное. С Лорисом, впрочем, молчание прервалось в среду [148]. Баранов был фактором, он приехал ко мне сказать, что Лорис умоляет меня приехать, вызывая на объяснение. Я и говорил с ним целый вечер, и разумеется, он остался чем был и я — чем был. Тем не менее надо, однако, чтобы министры как-нибудь хоть сговорились вместе, как быть и что делать». Ниже Победоносцев говорит о том, что Александр III решил собрать всех министров во вторник [149] для того, «чтобы в его присутствии мы разо-

[146] Дневник Е. А. Перетца, стр. 51.
[147] Дневник Д. А. Милютина, т. 4, стр. 55.
[148] Т. е. 8 апреля.
[149] Т. е. 14 апреля.

брались в своих недоразумениях и несогласиях и установили общую политику»[150]. Нам представляется в конечном счете несущественным, кому принадлежала инициатива примирения, тем более что этот шаг был сделан под влиянием сложившейся обстановки, вследствие понимания и той и другой стороной необходимости действовать. Пожалуй, скорее всего вопрос о совместных действиях министров был поставлен самим царем, постепенно оправлявшимся от страха, в котором он пребывал в течение всего марта[151].

Это находит свое подтверждение и в представленном Лорис-Меликовым царю докладе, в котором он излагал задачи, стоящие перед правительством. В начале этого доклада, датированного 12 апреля, министр внутренних дел говорит о высказанном ему Александром III желании «вскоре созвать особое совещание для установления будущей правительственной программы и для указания того, что предстоит делать и как делать»[152].

Рассмотрим этот доклад, представляющий, на наш взгляд, большой интерес. В нем изложены почти те же вопросы, которые ставились и ранее, в докладе 28 января, и перечислялись Лорис-Меликовым в его разговоре с Половцовым в марте. Однако, в отличие от этого, они изложены здесь гораздо подробнее, к тому же некоторые из них поставлены впервые.

Переходя к задачам, стоящим перед правительством, Лорис-Меликов намечает девять пунктов, относящихся к различным сторонам государственного управления.

Первый, второй и шестой касаются административных реформ. В первом Лорис-Меликов полагает необходимым в целях создания на местах «твердой и стройной власти» объединить жандармские и полицейские органы в губерниях, подчинив их губернаторам. При этом он предполагал укомплектовать жандармскими унтер-офицерами должности урядников.

Второй — касался преобразования местной администрации. В целях упрощения и удешевления аппарата местной власти Лорис-Меликов предлагал «по возможности объединить действия разных административных учреждений и устранить ныне возникающие между ними пререкания». Руководствуясь этим, он рекомендовал сократить число при-

---

[150] Отд. рукописей ГБЛ, ф. Победоносцева, д. 4410/1, л. 49.

[151] Процесс первомартовцев внес некоторое успокоение в правительственных сферах. Исполнительный комитет «Народной воли» не реагировал какими-либо действиями на казнь Желябова и его товарищей. Это, бесспорно, свидетельствовало о слабости революционеров.

[152] «Былое», 1918, кн. 4 — 5, стр. 180 — 181.

сутственных мест и соответственно чиновников и «усилить власть местной администрации для окончательных разрешений заурядных текущих дел...» [153]. Наконец, министр внутренних дел считал необходимым точно определить отношение административных учреждений как к судебным, так и общественным.

В шестом пункте говорилось о необходимости пересмотреть Положение 27 июня 1874 года, касавшееся организации учреждений, ведавших крестьянами, а также преобразовать «возбуждающее постоянные нарекания общественное крестьянское управление».

К этому кругу вопросов непосредственно примыкал и пункт пятый, касавшийся необходимости пересмотра некоторых сторон земского и городского Положений. «Устроить более равномерное между различными классами населения распределение представительства в земских и городских учреждениях и обеспечить правильный порядок производства выборов» [154],— писал Лорис-Меликов. Далее он говорил о расширении деятельности этих органов в решении «местных хозяйственных дел», а также о необходимости точно определить отношение земства и городских органов управления к административным властям.

Три пункта — седьмой, восьмой и девятый — касались крестьянства. Первый был озаглавлен «Меры к устранению хозяйственного расстройства крестьян». В нем излагались мероприятия, полностью соответствовавшие предложениям министра внутренних дел, изложенным в его отзыве на представление Абазы в Государственный совет по поводу понижения выкупных платежей.

В восьмом пункте говорилось об организации народного продовольствия. Здесь предполагалось восстановить истощенные продовольственные запасы, дабы избежать огромных затрат, которые пришлось произвести в последнем 1880/81 году.

Девятый относился к вопросам преобразования налоговой и паспортной систем.

«Отменить,— говорилось в нем,— подушную подать и пересмотреть состоящую в связи с нею паспортную систему. Организовать, взамен отменяемых, новые налоги на всесословных и более справедливых основаниях» [155].

---

[153] «Былое», 1918, кн. 4 — 5, стр. 181.
[154] Там же, стр. 182.
[155] Там же.

Наконец, два пункта — третий и четвертый — были посвящены вопросам просвещения и печати.

В первом из них излагалась довольно подробно программа реформ как высшей, так средней и начальной школы. При этом все предложения в этой области преследовали в основном охранительные цели. Так, рекомендовалось дать университетам устройство, «удовлетворяющее интересам ученой и учебной деятельности, но обеспечивающее также и интересы общественного порядка». Здесь же говорилось об организации материальной помощи учащимся, а также о необходимости обратить внимание на более равномерное распределение высших учебных заведений, «дабы устранить излишнее скопление массы молодежи в столице». В отношении среднего образования предлагалось пересмотреть программу гимназий, соразмерив ее с силами учеников, «чтобы уменьшить массу вредных для себя и для общества недоучек». (По-видимому, имелась в виду существовавшая классическая система, решительным противником которой был Лорис-Меликов.) Руководствуясь тем, что существующая система среднего образования оказывается «слишком обременительной для недостаточных родителей», министр внутренних дел рекомендовал ввести новый тип 6—7-летней школы, дающей законченное профессиональное образование.

Далее говорилось о развитии грамотности и подготовке с этой целью учителей. Таким образом, Лорис-Меликов настаивал на значительном расширении начального образования. В заключении этого пункта указывалось на целесообразность подчинения школ одному ведомству, а также необходимость точно определить отношение общественных учреждений (земства и городских общественных органов) к школе.

Четвертый пункт касался вопросов «регулирования законом Положения о печати». Здесь предлагалось «безотлагательно и окончательно» решить вопрос о печати и положить конец существующему «неудовлетворительному порядку». Лорис-Меликов полагал необходимым точно определить законом права и обязанности печати, «обеспечить ей гласность и спокойное обсуждение общественных вопросов, но прекратить безнаказанное возбуждение страстей и глумление над личностями, практикуемое с корыстной целью некоторыми органами печати» [156].

Все эти задачи, за небольшим исключением, носили объективно буржуазный характер, и реализация их означала бы

---

[156] «Былое», 1918, кн. 4 — 5, стр. 181.

шаг по пути дальнейшего превращения России в буржуазную монархию.

Изложив задачи, стоящие, по его мнению, перед правительством, Лорис-Меликов переходит ко второй части доклада, именуемой «Необходимые условия для выполнения предстоящих правительству задач». Эти условия, в представлении министра внутренних дел, должны определяться двумя обстоятельствами. Во-первых, для этого нужно «единство правительства и программы внутренней политики» и, во-вторых, «привлечение общественных представителей к предварительной разработке и выполнению реформ». Говоря о первом условии, Лорис-Меликов указывал на отсутствие как единства в действиях отдельных министров, так и программы действий. «При такой разнородности центрального правительства,— писал он,— нельзя надеяться установить порядок на местах, и распри между министерствами будут служить лучшей пищей антиправительственной оппозиции». В силу этого он полагал необходимым создание однородного правительства. «Министры должны договориться между собой по важнейшим вопросам и установить общую программу внутренней политики, безусловно обязательную для каждого из них. Отдельной власти министра,— продолжал он,— представляются лишь частные распоряжения, но нельзя допускать, под собственной ответственностью министра, отступление от программы, которое может затруднить целое правительство».

В важных случаях вопросы должны рассматриваться в Совете министров, который имеет право требовать от руководителей ведомств соответствующих объяснений. Автор доклада при этом подчеркивал, что эта программа, естественно, должна быть утверждаема царем, который вносит в нее необходимые изменения или заменяет «личный состав министров новыми, но тоже однородными» [157].

Второе условие, необходимое для успешного выполнения стоящих перед правительством задач, заключается в привлечении «выборных представителей общественных учреждений» к обсуждению тех или иных подготовляемых законопроектов. При этом Лорис-Меликов указывал, что не все вопросы должны обсуждаться с участием этих выборных представителей. Так, обсуждение реформы в области реорганизации полиции, а также изменение закона о печати должны производиться без их участия, другие же вопросы будут требовать участия этих представителей «не во всем объеме».

---

[157] «Былое», 1918, кн. 4—5, стр. 183.

«Выбора вопросов, подлежащих обсуждению с участием общественных представителей, равно как и степени и формы этого участия,— писал он,— я не предрешаю. Это должно войти в общую программу и зависеть от утверждения верховной власти; но заранее следует предвидеть, что с многими важнейшими вопросами, особенно экономическими, центральная бюрократия, без опроса и участия лиц, ближе знающих народные нужды и разнообразие местных условий, не в силах будет справиться»[158]. Ниже министр внутренних дел приводил примеры того, как многие вопросы благодаря этому не разрешаются уже долгие годы (о паспортах, крестьянских переселениях).

Лорис-Меликов подчеркивал, что это привлечение представителей общественных органов ни в коей мере не ограничивает принципа самодержавия, так как будет носить исключительно совещательный характер. Говоря о существующем порядке вещей, он отмечал, что и в настоящее время многие меры принимаются под влиянием общественного мнения (газет, записок частных лиц, решений отдельных земских собраний). Однако подобное мнение является «отрывочным, случайным», и законы, принятые под его влиянием, часто оказываются негодными. «Правильное же признание общественных представителей, — писал министр внутренних дел, — дает возможность власти до утверждения закона наперед узнать действительное общественное мнение и избавит ее от последующих изменений, а общество оградит от законодательных сюрпризов и, удовлетворяя его стремлению к общественному служению, возбудит в нем чувство солидарности с правительством и нравственной ответственности за издаваемые законы».

В заключение в докладе говорилось о необходимости обсудить вопрос о привлечении в широких размерах общественных организаций к большему участию в осуществлении на местах некоторых предстоящих мер, как-то в организации переселений, кредита и других связанных с положением крестьянства вопросов. Это, по мнению Лорис-Меликова, во-первых, дало бы возможность несколько сократить число местных чиновников и, во-вторых, «установить солидарную с правительством ответственность общества за самый ход преобразований»[159].

Таково содержание доклада 12 апреля. Как уже говорилось выше, в нем более конкретно, нежели ранее, излагалась

[158] «Былое», 1918, кн. 4 — 5, стр. 183.
[159] Там же, стр. 184.

программа необходимых реформ, при этом вопрос о реорганизации полицейских органов в губерниях ставился впервые. Впервые в столь прямой форме ставился и вопрос об однородном правительстве. По-видимому, опыт истекших полутора месяцев, характеризовавшийся борьбой правительственных группировок, вызывал настоятельную необходимость подобной постановки вопроса. В более общей форме ставился вопрос о привлечении представителей общественных учреждений. Однако более категорически подчеркивалась необходимость их выборности[160].

В целом же доклад 12 апреля являлся дальнейшим развитием программы, намеченной Лорис-Меликовым[161]. Необходимо еще раз подчеркнуть, что все предлагаемые министром внутренних дел меры не посягали на нарушение прерогатив самодержавной власти, хотя осуществление их имело бы прогрессивное значение и при некоторых условиях, как говорил В. И. Ленин, могло бы быть известным шагом к конституционным преобразованиям.

Как в области реорганизации государственных учреждений, средней и начальной школы, так и в предложениях, касавшихся крестьянства, программа эта носила буржуазный характер и способствовала бы более быстрому развитию капитализма. Необходимо отметить, что Лорис-Меликов, несмотря на изменившуюся после 1 марта обстановку, по-прежнему стремится реализовать намеченную им программу.

Представление Лорис-Меликовым доклада царю не составляло тайны. «В городе, — заносит в свой дневник 16 апреля Перетц, — ходят слухи, что им (т. е. Лорис-Меликовым. — *П. З.*) возбужден вопрос о необходимости единства в управлении. Средством к этому предполагается им если не назначение министров исключительно из лиц одного направления... то по крайней мере необходимость совещаться между министрами — предварительно предложению государю какой-либо важной меры»[162].

---

[160] В докладе 28 января ставился лишь вопрос о выборности членов общей комиссии.

[161] Нам представляется, что и этот доклад, как и предыдущий (28 января), был подготовлен Кахановым. В подтверждение этой мысли напомним запись в дневнике Половцова о его разговоре в конце марта с Лорис-Меликовым. Присутствовавший при нем Каханов обращал внимание министра, что не все предполагаемые им проекты реформ могут быть рассматриваемы выборными от земства. К таким вопросам он относил административные реформы и закон о печати (см. выше, стр. 343). Буквально такие мысли повторены и в докладе.

[162] Дневник Е. А. Перетца, стр. 61.

Независимо от этого, еще в начале апреля, в Петербурге распространился слух об издании манифеста, в котором будет заявлено о реформах, носящих конституционный характер. Об этом, задним числом, сообщал Победоносцев Александру III в письме от 23 апреля: «Многие были уверены, что 15-го, потом 17-го числа произойдет и объявится нечто необыкновенное. Поднялись вновь толки о представительстве...» [163].

Эти сведения, сообщаемые обер-прокурором Синода, отнюдь не являлись вымыслом, рассчитанным на запугивание царя. Об этом сообщает и австро-венгерский посол в своем донесении министру иностранных дел от 9(21) апреля: «В последние дни везде говорят, что на Пасху, которая наступает в это воскресенье (т. е. 12 апреля. — *П. З.*), должен быть издан манифест к русскому народу, в котором царь дает торжественное обещание в ближайшем будущем провести предположенные реформы как в области администрации, так и другие» [164].

Мы не располагаем сведениями о том, как реагировал Александр III на доклад Лорис-Меликова, однако непосредственным результатом его, по-видимому, явилось решение царя созвать совещание министров 21 апреля. По крайней мере уже 17-го Лорис-Меликов передал Милютину решение Александра III о созыве совещания и его составе. Говоря об этом, министр внутренних дел сообщил, что на нем будут присутствовать он, Абаза, Милютин, Игнатьев, Николаи и Победоносцев. Кроме того, приглашается вел. кн. Владимир Александрович. Как утверждает Милютин, царь наотрез отказал Лорис-Меликову пригласить на это совещание Валуева и Урусова [165]. «Предположенное совещание, — резюмирует Милютин, — вызвано весьма серьезными объяснениями Лорис-Меликова с государем о необходимости так или иначе выйти, наконец, из настоящей неизвестности и замкнутости» [166].

На созыве совещания настаивал и Победоносцев, который по этому вопросу имел продолжительную беседу с министром внутренних дел. «Вчера, — писал он царю 15 апреля, —

---

[163] «Письма К. П. Победоносцева к Александру III», т. I, стр. 328.

[164] Wiener Haus Hof und Staatsarchiv. Ministerium des Aussen. P. A., X. 76 — I.

[165] Помимо этих лиц среди приглашенных на совещание отсутствовали председатель Государственного совета вел. кн. Константин Николаевич, министр юстиции Набоков и ряд других лиц.

[166] Дневник Д. А. Милютина, т. 4, стр. 55.

я провел целый вечер в объяснении с графом Лорис-Меликовым, и рад, что мог, наконец, говорить с ним. Сегодня он, конечно, доложит вашему величеству вновь о крайней необходимости установить как можно скорее в общем совещании те начала, которыми должно руководствоваться новое правительство в своей деятельности» [167].

Обратимся к вопросу о составе совещания. Кто же в данном случае воздействовал на царя? На этот вопрос мы не можем дать исчерпывающий ответ. Однако бесспорно, что Победоносцев имел к нему некоторое отношение. По крайней мере по его настоянию на совещание был приглашен министр юстиции Набоков. Об этом он просит Александра III в одном из писем. Настаивая на своей просьбе, он писал: «Доколе Набоков остается министром юстиции и будет продолжать ездить с докладами к вашему величеству, — нравственное положение его при таком исключении из общего совещания, станет невыносимо, и, что всего важнее, авторитет его власти относительно подчиненных будет разрушен, что должно отразиться вредом на действие целого ведомства, столь существенно важного в общем государственном механизме».

Подчеркивая необходимость приглашения Набокова, Победоносцев писал ниже: «Я знаю, что в таком же смущении, по поводу сего распоряжения, находится и гр. Лорис-Меликов, но он не решается беспокоить ваше величество новым представлением» [168].

Анализируя письмо, точнее — последнюю из приведенных фраз, мы можем полагать, что первоначальное представление о составе приглашаемых на совещание было сделано Лорис-Меликовым. Из этого представления были исключены, как мы знаем, Валуев, Урусов и Набоков. Возможно, впрочем, высказать и другое предположение о том, что состав приглашаемых на совещание был намечен Лорис-Меликовым совместно с Победоносцевым 14 апреля. Это предположение имеет под собой веское основание. Ведь недаром Лорис-Меликов совещался с Победоносцевым целый вечер накануне своего доклада царю по поводу созыва министров. При этом надо отметить, что министр внутренних дел и обер-прокурор Синода пришли в этом вопросе к полному соглашению, о чем свидетельствует письмо Победоносцева царю, поддержи-

---

[167] «Письма К. П. Победоносцева к Александру III», т. 1, стр. 325.
[168] Там же, стр. 326—327. Как видно, Лорис-Меликов информировал Победоносцева о ходе подготовки совещания.

вающее ходатайство Лорис-Меликова о созыве совещания. Не случайно также, что Победоносцев был информирован об отклонении кандидатуры Набокова.

Несмотря на договоренность Лорис-Меликова с Победоносцевым о созыве совещания, направление, а также и результаты его были неясны для представителей либеральной группировки. В силу этого они тщательно готовятся к 21 апреля. Как рассказывает Милютин, накануне он и Лорис-Меликов приехали к Абазе для того, чтобы наметить линию поведения. Говоря об этом, Милютин пишет: «Гр. Лорис-Меликов очень разочарован; не предвидит ничего хорошего. Абаза советует завтра не вдаваться в обсуждение каких-либо частных вопросов, а стараться на первый раз установить правильное положение и круг деятельности министров, приняв за основание то убеждение, что сильная власть, столь необходимая при настоящих обстоятельствах, может быть проявлена единственно при том условии, если государь окружит себя министрами, к которым имеет полное доверие и через которых мог бы действовать без всякого посредствующего влияния. Очевидно, — замечает он, — здесь подразумевается зловредное влияние во все дела Победоносцева и других закулисных личностей. Я, — говорит Милютин, — со своей стороны добавил, что кроме личного доверия государя необходимо еще другое условие: чтобы министерство было однородное... Но все эти соображения наши могут разлететься в прах, если совещание получит иное направление и затронуты будут какие-либо частные вопросы дня» [169].

И в этом Милютин был прав: обсуждение того или иного конкретного вопроса могло бы сразу разрушить все, что было достигнуто в области примирения борющихся группировок, примирения, кстати сказать, призрачного.

Готовился к совещанию и Победоносцев, стремясь завербовать себе союзника в лице Игнатьева. Так, 20 апреля, накануне совещания, обер-прокурор Синода пишет Игнатьеву: «Зовут нас завтра в Гатчину, а что же там будем говорить, я право не знаю. Лорис-М[еликов] хотел было созвать сходку, а теперь уклоняется. Сговориться бы с вами» [170]. Далее он сообщает, что весь вечер будет дома, и просит заехать к нему.

Таким образом, обе стороны готовились к гатчинскому свиданию.

---

[169] Дневник Д. А. Милютина, т. 4, стр. 56 — 57.
[170] ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 3679, л. 14.

Большой интерес для характеристики взгляда Милютина на задачи, стоящие в области внутренней политики, представляет его записка «Мысли, необходимые на случай нового совещания».

В записке этой автор, во-первых, характеризует правительственную политику последних двадцати лет, во-вторых, пытается определить сущность «нигилизма» и причины его распространения и, наконец, в-третьих, излагает программу правительственных мер, которые, по его мнению, должны способствовать прогрессу России, а следовательно, и привести «к умиротворению умов». Говоря о первом вопросе, Милютин писал: «Главная злоба дня — конечно, есть революционное подпольное движение — так называемый нигилизм. Борьба с этой опасной заразой составляет главную заботу правительства уже многие годы — почти 20 лет. В течение этого тяжелого времени принимались все меры, какие только можно было придумать для прекращения и искоренения заразы. Никак нельзя сказать, — замечает он, — чтобы правительство чем-либо было стеснено в принятии самых экстренных мер... у нас постоянное осадное положение; правительству всегда развязаны руки. Правительство наше облечено неограниченной властью; в его руках все оружие; администрация местная всесильна... В особенности в широком размере была развита административная ссылка, затем аресты, суд и обыкновенный, и военный, и особый и, наконец, казнь» [171].

Однако все эти меры, как утверждает Милютин, не принесли никаких результатов, наоборот, итогом всего этого явилось 1 марта. Таким образом, политика эта оказалась бесцельной.

Далее он пытается определить сущность «подпольного движения», сопоставляя его с западноевропейским социалистическим движением. Между русским революционным движением и западноевропейским, по его мнению, большое различие. Различие это, пишет Милютин, заключается в том: «1) что в Европе социализм принял формы политического, почти научного учения, у нас же — это сумасбродное, дикое стремление к разрушению всего существующего; и 2) что в Европе социальное движение охватывает массу рабочего населения, руководимого людьми с высшим политическим образованием; у нас же — это шайки недоучившихся юношей

[171] Всесоюзная библиотека им. В. И. Ленина. Записки Отдела рукописей, вып. 2. М., 1939, стр. 26. Подлинная рукопись хранится в Отд. рукописей ГБЛ, ф. Милютина, картон 43, д. 27.

фанатизированных, увлеченных несколькими горячими головами». Если западноевропейское социалистическое движение оценивается в этих словах Милютина более или менее верно, то природа революционного движения в России представляется ему превратно и в достаточной степени упрощенно. Однако он не может не признать, что эти «шайки недоучившихся юношей» поддерживают широкие слои населения, не сочувствующие существующему государственному строю.

В чем же причина этого и что необходимо сделать, дабы изменить подобное положение? По мнению Милютина, «единственное к тому средство — есть решительное движение вперед в смысле улучшения политического и экономического строя государства» [172]. Следовательно, единственный путь для избавления от революционного движения есть путь реформ. Данная точка зрения полностью соответствовала взглядам либеральной общественности, находившим свое выражение, прежде всего на страницах газет этого направления.

Переходя к мерам, долженствующим изменить существующий порядок вещей, Милютин на первый план ставит крестьянский вопрос. По его мнению, за истекшие 20 лет, после отмены крепостного права, положение крестьянства не улучшилось «на столько, на сколько можно было ожидать», но даже во многом стало хуже.

На второй план Милютин выдвигает необходимость реформы в области земства, поставленного правительством в придавленное, приниженное положение. Далее говорится о том, что в настоящее время нет ни одного ведомства, которое не вызывало бы недовольства населения. При этом указывается, что наибольшие нарекания вызывает Министерство народного просвещения. Резюмируя все сказанное, Милютин отмечает, что «весь строй государственный требует непременно обновления», подчеркивая при этом, что «тут не может быть и речи о конституции либо о чем-либо похожем на ограничение самодержавия». Необходимо лишь, замечает он, восстановить доверие к деятельности правительства, а также и уважение к власти.

В заключение предлагается конкретный план мероприятий, которые должны быть осуществлены правительством. Итак, «1) поднятие земства, привлечение его к содействию правительственным органам, даже объединение его с ними как в местной сфере, так и в центральной. Известное участие земства даже в законодательных работах, не имеющее ничего

[172] Записки Отд. рукописей, вып. 2, стр. 27—28.

похожего на народное представительство, было бы действительнейшею мерою для того, чтобы все принимаемые высшей властью законодательные меры были встречаемы в населении с сочувствием, а не с ропотом и критикой, и 2) серьезное преобразование в устройстве органов центрального правительства и местного управления»[173].

Эти вопросы Милютин считает «главными», «органическими». Одновременно с ними он полагал необходимым образование особой коллегии с привлечением представителей земства для разработки крестьянского вопроса во всех его отношениях. После решения этих вопросов, по мнению военного министра, должен возникнуть целый ряд других, которые надо разрабатывать первоначально также в особых комиссиях с участием земской общественности и затем в Государственном совете также совместно с представителями земства. При этом Милютин отмечал, что эти мысли целиком совпадают с предложениями Лорис-Меликова, одобренными Александром II[174].

В качестве общего резюме в записке подчеркивалось, что в настоящее время, «после страшного события 1 марта и с начала нового царствования, необходимо действовать еще решительнее, чем предполагалось, и в более широкой рамке»[175].

Таким образом, Милютин полагал, что убийство Александра II не должно служить препятствием для проведения намеченных реформ, а, наоборот, преобразования должны получить еще большее развитие. Эта мысль не является оригинальной — она получила большое распространение также в либеральных органах печати.

Рассмотренная записка бесспорно представляет интерес для понимания политических воззрений ее автора в период после 1 марта, автора, являвшегося одним из представителей либерального триумвирата. Она характеризует полное совпадение взглядов Лорис-Меликова и Милютина.

* *
*

Источники, освещающие ход совещания 21 апреля, носят как мемуарный, так и эпистолярный характер. К первым от-

[173] Записки Отд. рукописей, вып. 2, стр. 28—29.

[174] Милютин не совсем точен: Александр II, как говорилось выше, не утвердил предложение Лорис-Меликова об участии в Государственном совете представителей земства.

[175] Записки Отд. рукописей, вып. 2, стр. 29.

носятся дневники Милютина, Перетца и Валуева; ко второй — письмо Победоносцева к Тютчевой от 27 апреля. Собственно говоря, из мемуарных источников наибольшее значение имеют записи Милютина, являвшегося непосредственным участником совещания, в то время как Перетц заносит сведения о нем со слов Абазы. Достоинством же изложения Перетца по сравнению с Милютиным является полнота рассказа. Валуев сообщает об этом событии также со слов Абазы в более общей форме.

Наконец, Победоносцев достаточно распространенно говорит о нем в письме Тютчевой. Таким образом, наиболее достоверными источниками являются записи Милютина и сообщение Победоносцева, чем мы и будем в основном руководствоваться при изложении данного вопроса.

На совещании присутствовали Александр III, Лорис-Меликов, Абаза, Милютин, Игнатьев, Николаи, Набоков и Победоносцев. Кроме того, в нем принимал участие и вел. кн. Владимир Александрович.

Из Петербурга в Гатчину все ехали в одном вагоне, но, как рассказывает Победоносцев, «все сидели по углам. Мои неприятели не говорили со мной, а лишь между собой» [176].

Совещание открыл Александр III «заявлением своего желания выслушать мнения наши о том, какие меры следует принять теперь же и какую программу для дальнейших действий» [177]. Как утверждают Милютин и Победоносцев, первым выступил Лорис-Меликов [178], в духе своего доклада настаивая на необходимости ряда преобразований. В том же плане высказался и Милютин. После него говорили Игнатьев, Абаза, Набоков и Николаи, поддержавшие в общем министров внутренних дел и военного. Последним выступил Победоносцев. «К удивлению нашему, — пишет Милютин, — он заговорил совсем иным языком, чем в достопамятном собрании 8 марта; он даже начал было с того, что разделяет высказанные всеми прочими мнения о необходимости дальнейших улучшений в государственном строе; но вслед за тем сбился на свои нравоучения и прочел проповедь о правде, честности, ответственности и т. д.» [179]. Однако в общем речь

[176] «Русский архив», 1907, кн. 2, стр. 98. Как видно, Лорис-Меликов пытался скрыть от своих единомышленников факт примирения с Победоносцевым.

[177] Дневник Д. А. Милютина, т. 4, стр. 57.

[178] Перетц же говорит, что Победоносцев выступил первым.

[179] Дневник Д. А. Милютина, т. 4, стр. 58. Победоносцев в указанном выше письме излагает свою речь несколько иначе: «Я заявил, — пишет он,— что нельзя не согласиться в общем смысле со всем, что говорили

Победоносцева не носила агрессивного характера. Выступление обер-прокурора вызвало все же возражения среди присутствовавших. В конце заседания вел. кн. Владимир Александрович предложил создать центральную следственную комиссию по делам о «государственных преступлениях», однако этот вопрос был отложен.

В заключение Александр III выразил желание, чтобы министры собирались по мере надобности для обсуждения вопросов правительственной политики, в целях выработки единства взглядов, а следовательно, и действий. Царь предложил в ближайшее время обсудить наиболее неотложные вопросы с тем, чтобы для окончательного решения их созвать снова совещание под своим председательством.

Результат совещания представлялся либеральной группировке весьма положительным. «...Сегодняшнее совещание, — пишет Милютин, — оказалось успешнее, чем мы ожидали. В нем выказалось совершенно непривычное для нас единство в общем взгляде министров: даже Победоносцев — и тот приложил все старания, чтобы сгладить резкий диссонанс, отделявший его от всех прочих коллег... Во всяком случае, — заключает он, — можно надеяться, что нынешнее совещание повлияет благотворно на направление мыслей молодого императора» [180]. Абаза расценивал результаты еще более радужно. Так, по словам Перетца, «Абаза считает, что наступило полное торжество Лориса и его». По мнению Абазы, Победоносцев был уничтожен, «истерт в порошок» [181]. На возвратном пути обер-прокурор, по словам Абазы, подошел к нему и Лорис-Меликову, выразив сожаление по поводу недоразумений с заседанием 8 марта. Победоносцев также не отрицал улучшения отношений между министрами, но изображает это несколько иначе: «Как только мы вышли из комнаты, точно очарование спало. Между министрами показалась внезапная оттепель. Абаза едва не бросился на шею ко мне: как рад, что недоразумение кончилось. Точно именинный праздник. Пошли завтракать, стали рассказывать анекдоты» [182].

остальные о единодушии, о доверии, о необходимости организовать многое дезорганизованное; но надо иметь в виду потребность настоящей минуты: все ждут и находятся в томительной неизвестности; ждут, чтобы правительство заявило себя решительно действиями, не оставляющими сомнения в том, чего оно хочет и чего никак не допустит» («Русский архив», 1907, кн. 2, стр. 98).

[180] Дневник Д. А. Милютина, т. 4, стр. 59.

[181] Дневник Е. А. Перетца, стр. 65.

[182] «Русский архив», 1907, кн. 2, стр. 99.

Результат же совещания представляется обер-прокурору Синода несколько иным, нежели Абазе. «Они ехали туда в страхе, не прогонят ли их, — пишет он в этом же письме, — вернулись в торжестве невообразимом и стали говорить, что одержали блестящую победу. Над кем это? Надо мною или над государем? Пароль дан такой, что я посрамлен, и победа одержана надо мною» [183].

Таким образом, Победоносцев отнюдь не признавал своего поражения. Вместе с тем он был прекрасно осведомлен о настроениях своих противников. В этом же письме Тютчевой он рассказывает о настроениях в великосветских гостиных и интерпретации министра внутренних дел о результатах прошедшего совещания. «Едва приехал домой Лорис, — пишет он, — как дамы (о, эти дамы!) с волнением, сидевшие в гостиных, посылают спрашивать его: что? Елис[авета] Павл[овна], бывшая Эйлер, пишет ему: «Знаем, что Вам некогда, но скажите два слова: победили Вы?» Он пишет: да, и отсылает записку» [184]. Итак Лорис-Меликов и его единомышленники торжествовали победу.

Однако не все представляли себе результаты совещания в таком радужном свете. Так, не бывший на совещании Валуев, после посещения его Абазой, подробно рассказавшим ему о событиях 21 апреля, приходит к другим выводам. «Из всего этого оказывается, по моему мнению, — резюмирует председатель Комитета министров, — что мы только вступили в новый круг недоразумений... Государь не имеет ясного понятия о том, что желалось и что решено» [185].

Однако это было не совсем так, как представлялось Валуеву. Правда, Александр III не сделал никаких возражений Лорис-Меликову и его единомышленникам, но из этого нельзя было делать вывод, что направление внутриполитического курса было по-прежнему неясно царю.

* *
*

Совещание 21 апреля произвело на императора неприятное впечатление. Уже в этот же день он пишет об этом Победоносцеву. «Сегодняшнее наше совещание, — писал царь, — сделало на меня грустное впечатление. Лорис, Милютин и Абаза положительно продолжают ту же политику и хотят, так или иначе, довести нас до представительного правитель-

[183] «Русский архив», 1907, кн. 2, стр. 99.
[184] Там же.
[185] П. А. Валуев. Дневник 1877 — 1884 гг., стр. 162.

ства, но пока я не буду убежден, что для счастья России это необходимо, конечно этого не будет, я не допущу». Далее в письме более конкретно определялось отношение Александра III к «представительству». «Странно слушать умных людей, — писал он, — которые могут серьезно говорить о представительном начале в России, точно заученные фразы, вычитанные ими из нашей паршивой журналистики и бюрократического либерализма.» В конце письма Александр III с радостью подчеркивал, что его брат, Владимир, так же как и он, «не допускает выборного начала». Наконец, в заключение царь еще раз обрушивался на своих министров, «которые сами себя обманывают» [186].

В этом письме, недостаточно грамотном с точки зрения русского языка, были поставлены все точки над «и». Император не только для себя определил пути своей внутренней политики, но и сообщал свои мысли вождю реакционной группировки.

Итак, уже 21 апреля судьба Лорис-Меликова, Милютина и Абазы складывалась совершенно иначе, нежели это представлялось им самим.

Совершенно справедливо утверждает Ю. В. Готье, что в этом письме «можно видеть первую фазу зарождения манифеста 29 апреля» [187].

Чем же объяснить тот факт, что Александр III вышел, наконец, из состояния полной нерешительности, в которой он пребывал с 1 марта? Отсутствие новых террористических актов, а также каких-либо массовых выступлений бесспорно способствовало определенному успокоению молодого императора. Та грозная сила, которая возвела его на престол, в действительности оказывалась не такой всемогущей и вездесущей, как это представлялось вначале. В этом отношении большой интерес представляет дневниковая запись Милютина за 9 апреля, содержащая рассказ Лорис-Меликова о результатах допроса ряда вновь арестованных народовольцев. «Показания их, — пишет Милютин, — подтверждают предположение, что в речах Желябова и его сотоварищей было много хвастовства и преувеличения; что эта партия, так называемая «террористическая», вовсе немногочисленна и не богата денежными средствами; что сила ее заключается лишь в характере и энергии немногих вожаков ее» [188].

Мы не собираемся анализировать справедливость слов Ло-

---

[186] «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. 1, полутом 1, стр. 49.
[187] «Исторические записки», т. 2, стр. 287.
[188] Дневник Д. А. Милютина, т. 4, стр. 54.

рис-Меликова, хотя в целом они бесспорно соответствовали истинному положению вещей; нас в данном случае интересует другое. Бесспорно, что эти соображения были доложены Лорис-Меликовым царю, и они не могли, в свою очередь, не оказать на него определенного влияния. Таким образом, во второй половине апреля Александр III несколько «отошел», оправившись от страха, которым он был охвачен после убийства Александра II. Что же касается системы взглядов молодого царя, то они были весьма определенны, и в силу этого, как только начал проходить страх, он попытался сразу же определить свою линию.

Обратимся к Победоносцеву. Прежде всего надо сказать, что его политика примирения ни в коей степени не означала отказа от своих реакционных воззрений. Ясно, что это был маневр, и только маневр. Примирение с Лорис-Меликовым и лояльное поведение на совещании 21 апреля представлялись обер-прокурору Синода, по-видимому, необходимыми. Возможно, что здесь имело место стремление Победоносцева представить себя в роли человека, способного пойти на уступки, дабы тем самым дезориентировать своих врагов.

Письмо Александра III вызвало, естественно, у Победоносцева стремление немедленно использовать эти настроения своего монарха, однако действует он при этом очень осторожно. 23 апреля, т. е. через день после получения рассмотренного выше письма, Победоносцев направляет царю обширное послание, в котором довольно пространно говорит о совещании 21 апреля и состоявшемся на нем примирении. Только в середине письма он касается заветной своей мысли: «Смею думать, ваше императорское величество,— пишет Победоносцев,— что для успокоения умов в настоящую минуту необходимо было бы от имени вашего обратиться к народу с заявлением твердым, не допускающим никакого двоемыслия. Это ободрило бы всех прямых и благонамеренных людей. Первый манифест был слишком краток и неопределителен»[189]. Ниже Победоносцев советует царю приехать в Петербург, имея в виду, что безвыездное пребывание в Гатчине порождает различные «невероятные» слухи. Никаких прямых выпадов против Лорис-Меликова, а также его программы в письме нет. Таким образом, Победоносцев действует очень осторожно, отнюдь не рекомендуя прямо царю определенного плана действий, ограничиваясь лишь советом о необходимости издания манифеста. При этом содержание этого манифеста не раскрывается.

[189] «Письма К. П. Победоносцева к Александру III», т. 1, стр. 328.

Следующее письмо Победоносцев направляет Александру III 25-го, написав его, по-видимому, накануне[190]. В этом письме обер-прокурор Синода касается непосредственно Лорис-Меликова, выражая беспокойство по поводу совещаний, происходящих у представителей либеральной группировки. Далее с тревогой говорит он о попытках министра внутренних дел воздействовать и на вел. кн. Владимира Александровича. Тут же он сообщает, что все «безумные» люди, ожидающие конституцию, проклинают его, Победоносцева, за противодействие. Только в конце содержатся строки, посвященные непосредственно интересующему его вопросу. «Вчера,— пишет он,— я писал вашему величеству о манифесте и не отстаю от этой мысли. Состояние нерешимости не может длиться — в таком случае оно будет гибельно. А если принять решение, то необходимо высказаться. Я сижу второй день,— продолжает Победоносцев,— обдумывая проект манифеста, посоветуюсь с графом С. Г. Строгановым и представлю на Ваше усмотрение. Да благословит бог решение Ваше»[191].

В данном письме Победоносцев действует более решительно, стремясь навязать Александру III свои помыслы. В этом отношении интересна последняя фраза цитируемого нами выше отрывка, в которой он восхваляет царя за его решение, подразумевая под ним, по-видимому, издание манифеста[192].

Наконец 26 апреля Победоносцев направляет в Гатчину проект написанного им манифеста, сопровождая его обширным посланием.

В нем содержится уже прямая атака на императора. «Спешу представить вашему величеству выработанную мною редакцию манифеста, в коей каждое слово мною взвешено. По моему убеждению,— подчеркивает Победоносцев,— редакция эта совершенно соответствует потребности настоящего времени. Вся Россия ждет такого манифеста и примет его с восторгом, разумеется, кроме безумных людей, ожидающих конституцию... Вы изволите усмотреть,— продолжает он,— что тут с намерением выражена твердая воля охранять самодержавную власть — самое существенное, после чего должны уже замолкнуть толки, что сегодня или завтра явится кон-

[190] В нем автор говорит: «Вчера я писал вашему величеству о манифесте». Указанное письмо было датировано 23-го; следовательно, это письмо написано 24-го.

[191] «Письма К. П. Победоносцева к Александру III», т. I, стр. 330—331.

[192] Мы не располагаем никакими данными, которые говорили бы о том, что Александр III поручил Победоносцеву писать манифест. Нам представляется, что этого не было.

ституция...»[193]. Тут же сообщается, что гр. Строганов полностью одобрил текст манифеста. Вместе с тем Победоносцев не рекомендует знакомить кого бы то ни было с проектом его. «Дело ясное до очевидности само по себе». Призванные же для обсуждения проекта советники, по мнению автора письма, начнут отговаривать царя, полагая нецелесообразным его издание.

Обер-прокурор Синода обращается к своему бывшему ученику довольно категорично. «Итак, если Ваше величество подлинно имеете,— в чем я не сомневаюсь,— твердую волю не допускать учреждений безумных, гибельных для России,— замечает он, — умоляю Вас, не остановитесь заявить свою волю всенародно»[194].

Здесь все сказано с предельной ясностью. Если в первых двух письмах Победоносцев действовал весьма осторожно, то в этом он идет «ва-банк» и... выигрывает.

На другой день, 27-го, Александр III в 12 часов дня направляет в Петербург обер-прокурору Синода телеграмму следующего содержания: «Одобряю вполне и во всем редакцию проекта. Приезжайте ко мне завтра в 2 часа переговорить подробнее»[195].

Победоносцев торжествовал свою победу. Получив телеграмму и не дождавшись «завтрашнего дня», Победоносцев помчался в Гатчину, несмотря на заседание Общего собрания Государственного совета, в котором обсуждался вопрос о понижении выкупных платежей.

Как говорилось уже выше, на этом заседании Государственного совета Победоносцев должен был выступить против решения Соединенного присутствия департаментов по вопросу о выкупных платежах, однако радость его была настолько велика, что он пренебрег им. Перед отъездом в Гатчину он пишет Игнатьеву записку, в которой сообщает о своей поездке в Гатчину, «где государь именно сегодня[196] желает иметь от меня объяснение по одному интересующему его делу моего ведомства»[197].

---

[193] «Письма К. П. Победоносцева к Александру III», т. 1, стр. 331.

[194] Там же, стр. 332.

[195] «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. 1, полутом 1, стр. 50.

[196] Выделено нами. — *П. З.*

[197] ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 3679, л. 17, письмо от 27 апреля. Это письмо опровергает имеющую широкое распространение версию о том, что Игнатьев принимал участие в подготовке манифеста. В этот же день Победоносцев посылает записку и государственному секретарю Перетцу о том, что в связи с вызовом в Гатчину он не может присутствовать на заседании в Государственном совете (Дневник Е. А. Перетца, стр. 67).

Здесь, как мы видим, Победоносцев умудрился солгать дважды: во-первых, его «именно сегодня» никто не приглашал в Гатчину и, во-вторых, приглашался он отнюдь не по делам его ведомства, т. е. Синода.

Свидание в Гатчине было удачным. На другой день Перетц посещает Победоносцева, который при встрече еще раз выразил свое сожаление по поводу отсутствия на заседании Общего собрания Совета в связи с вызовом его в Гатчину. По поводу своего посещения и приема его Победоносцевым Перетц замечает: «Хотя Константин Петрович был со мною и сегодня, как и всегда, вообще внимателен и любезен, тем не менее во всем его существе было что-то такое, чего до сих пор я в нем не замечал, — некоторая важность и чувство собственного достоинства» [198]. По-видимому, Победоносцева распирало от счастья и уважения к самому себе. Самым тяжелым при этом было то, что он должен был быть «нем как рыба».

Получив проект манифеста, Александр III показал его министру двора Адлербергу, а также послал его своему брату вел. кн. Владимиру Александровичу. «Я долго об этом думал, а министры все обещают своими действиями заменить манифест,— писал царь брату,— но так как я не могу добиться никаких решительных действий от них, а между тем шатание умов продолжается все более и более, то я решил обратиться к К. П. Победоносцеву составить мне проект манифеста [199], в котором высказано было бы ясно, какое направление делам желаю я дать и что никогда не допущу ограничения самодержавной власти, которую нахожу нужным и полезным России» [200].

В то же время, когда Победоносцев праздновал свою победу, противная ему группировка также находилась еще под влиянием своих «успехов», достигнутых 21 апреля. Как рассказывает в дневнике Перетц, он, после посещения его Победоносцевым, решил зайти к Абазе и поделиться с ним своими подозрениями по поводу недоброжелательных высказываний обер-прокурора Синода в отношении Лорис-Меликова, увязывая это с его поездкой в Гатчину. Это подозрение было вызвано тем, что Победоносцев в разговоре с Перетцем якобы бросил фразу о необходимости смены Лорис-Меликова (по-

[198] Дневник Е. А. Перетца, стр. 67.

[199] Таким образом, Александр III лгал собственному брату, говоря о том, что инициатива в издании манифеста принадлежала ему.

[200] «Конституция гр. Лорис-Меликова». Лондон, 1893, стр. 34. Копия письма содержится также в дневнике Е. М. Феоктистова. ИРЛИ (Пушкинский Дом), 9122, L11° 14, л. 12.

видимому, он все-таки не выдержал). Однако министр финансов не придал этому значения. «Не думаю,— ответил Абаза.— Еще нет недели со времени совещания... Тогда Победоносцев был разбит наголову, и если государь призывал его вчера к себе, то, конечно, не по какому-либо государственному вопросу» [201].

Такова была обстановка, точнее, таковы были настроения «сторон» накануне 29 апреля.

Вечером 28 апреля на Фонтанке, в кабинете Лорис-Меликова, было созвано совещание министров (своеобразного «кабинета» в отличие от Комитета министров) в составе Лорис-Меликова, Милютина, Абазы, Игнатьева, Набокова, Победоносцева и вел. кн. Владимира Александровича, т. е. всех тех лиц, которые принимали участие в гатчинском совещании 21 апреля. На совещании обсуждалось четыре вопроса [202]. Первым — предложение вел. кн. Владимира Александровича о необходимости создания высшей центральной следственной комиссии, о чем говорил он в Гатчине. «Предложение это,— пишет Милютин,— было совершенно разбито объяснениями гр. Лорис-Меликова и Набокова: оба они указывали на прискорбные результаты подобных комиссий, которые неоднократно учреждались и в прежние времена и которые ныне сделались совсем ненужными при настоящем объединении прежних разнородных полицейских учреждений и прекращении прежнего антагонизма между полицейскими и судебными учреждениями» [203].

Второй вопрос касался функций Департамента государственной полиции «в связи с предположением о некоторых мероприятиях для устройства на прочных основаниях предупредительной полиции» [204]. Этот вопрос, как утверждает опять-таки Милютин, был решен положительно с некоторыми изменениями по сравнению с представлением. Третий вопрос относился к соображениям по поводу пересмотра некоторых частей Положений о земстве и городских органах управления; четвертый — ходатайств земских собраний в отношении мер о положении крестьянства.

Эти последние вопросы вызвали наиболее оживленные прения. Однако и здесь удалось достигнуть соглашения отно-

---

[201] Дневник Е. А. Перетца, стр. 68.

[202] Повестка дня совещания опубликована в кн. «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. 1, полутом 1, стр. 50.

[203] Дневник Д. А. Милютина, т. 4, стр. 61.

[204] «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. 1, полутом 1, стр. 50.

сительно пересмотра некоторых разделов Положений о земских и городских учреждениях, а также законодательной разработке поднятых земствами вопросов о мерах по улучшению положения крестьян. Даже «щекотливый» вопрос о привлечении земских деятелей к законодательным работам в общей форме был одобрен присутствовавшими, за исключением обер-прокурора Синода, который «опять начал доказывать вред выборного начала вообще, опасность привлечения «местных сил» и допускал только разве вызов экспертов, по назначению самого правительства» [205].

В силу того что точка зрения Победоносцева резко отличалась от суждений других присутствовавших, вел. кн. Владимир Александрович предложил в виде компромиссной меры «на первый раз» ограничиться приглашением с мест «небольшого числа известных правительству дельных и вполне благонадежных людей» [206] для обсуждения вопроса о порядке привлечения земских деятелей к рассмотрению некоторых законопроектов, которые правительство сочтет нужным им предоставить. Это решение и было принято [207]. На этом совещание и прекратило свою работу в первом часу ночи [208].

После окончания совещания члены его узнали от министра юстиции об опубликовании на следующий день манифеста. «Такая неожиданная новость,— пишет Милютин,— поразила

---

[205] Дневник Д. А. Милютина, т. 4, стр. 62.

[206] Там же.

[207] Победоносцев характерезует это совещание в двух фразах, в которых он говорит, что все споры велись вокруг «учреждения quasi-конституционного». Отд. рукописей ГБЛ, ф. Победоносцев, д. 4389/3, л. 2. Опубликовано с неточностями в кн.: «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. 1, полутом 1, стр. 51.

[208] «Немыслимо, — говорит Милютин, — было продолжать спор после того, что рассказал нам великий князь: в самое утро злополучного дня 1 марта покойный император, утвердив своею подписью представленный доклад секретной комиссии и выждав выхода Лорис-Меликова из кабинета, обратился к присутствовавшим великим князьям с такими словами: «Я дал свое согласие на это представление, хотя не скрываю от себя, что мы идем по пути к конституции». Затрудняюсь объяснить,—продолжает Милютин, — что именно в предположениях Лорис-Меликова могло показаться царю зародышем конституции; но понятно, что произнесенные им незадолго до мученической кончины вещие слова должны были глубоко запасть в мысли обоих молодых царевичей и приготовить почву к восприятию ретроградных теорий Победоносцева, Каткова и комп.» (Дневник Д. А. Милютина, т. 4, стр. 62). Отдельные детали в этом рассказе неточны. Так, утверждение о том, что Александр II 1 марта подписал представленный Особым совещанием доклад, неверно, так как таковой был подписан им 17 февраля. По-видимому, эта неточность допущена самим Милютиным при редактировании дневника, так как в первоначальном варианте это утверждение отсутствует.

нас как громом: какой манифест?.. Кем изготовлен? С кем советовался государь? Сконфуженный Победоносцев объявил, что это произведение его пера...»[209]. Итак, тайное сделалось явным. Лорис-Меликов, Милютин и Абаза негодовали, особенно в связи с результатами совещания в Гатчине, на котором царь заявил о необходимости «полного согласия и единства» между министрами, в целях чего рекомендовалось им согласовать между собой наиболее важные вопросы. «Гр. Лорис-Меликов и А. А. Абаза,— говорит Милютин,— в сильных выражениях высказывали свое негодование и прямо заявили, что не могут оставаться министрами. Я присоединился к их мнению. Набоков, Игнатьев, барон Николаи, хотя сдержаннее, также высказали свое удивление. Победоносцев, бледный, смущенный, молчал, стоя как подсудимый перед судьями»[210].

По-видимому, Победоносцев чувствовал себя в эту минуту неважно. Говоря об этом он в цитировавшейся нами выше заметке об этом совещании пишет: «Минута драматическая. Я поспешил уехать. Любопытно,— продолжает он,— что после этого многие отворачивались от меня и не подавали руки»[211].

Политика примирения, инициатором которой был Победоносцев, принесла ему свои результаты. Однако появление манифеста, естественно, не было обусловлено «стратегией» обер-прокурора Синода. Для этого потребовались другие, более серьезные обстоятельства, которые удачно были использованы Победоносцевым.

Обратимся к содержанию манифеста. В первой части его говорилось об условиях вступления на престол и характеризовалась политика Александра II. Во второй — определялся внутриполитический курс. «...Посреди великой нашей скорби глас божий повелевает нам стоять бодро на деле правления в уповании на божественный промысел, с верою в силу и истину самодержавной власти, которую мы призваны утверждать и охранять для блага народного от всяких на нее поползновений»[212]. Таким образом, основная задача царствования должна была заключаться в сохранении чистоты принципов самодержавной власти. Тем самым всякие надежды на привлечение представителей общества к участию в законосовещательных учреждениях должны были быть

[209] Дневник Д. А. Милютина, т. 4, стр. 62.
[210] Там же, стр. 63.
[211] Отд. рукописей ГБЛ, ф. Победоносцева, д. 4389/3, л. 2.
[212] ПСЗ, 3 собр., т. 1, № 118.

оставлены, хотя это формально отнюдь не нарушало принципа самодержавия.

В заключение манифест призывал «всех верных подданных служить нам и государству верой и правдой к искоренению гнусной крамолы, позорящей землю русскую, к утверждению веры и нравственности, к доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения и водворению порядка и правды в действия учреждений, дарованных России благодетелем ее, возлюбленным нашим родителем»[213].

Манифест этот, написанный в духе елейно-риторической фразеологии, торжественно провозглашал о том, что никаких уступок самодержавие не сделает. И в этом его сущность.

Отсутствие массового движения в стране, а также новых террористических актов, слабость либеральной оппозиции — все это дало возможность Александру III открыто провозгласить реакционный курс в области внутренней политики.

По меткому определению Д. А. Милютина, программа, провозглашенная в манифесте, представлялась реакцией «под маской народности и православия»[214].

Так это воспринималось и посторонними наблюдателями. Германский посол Швейниц 30 апреля говорит в своих Воспоминаниях о возможности создания «Особой комиссии по безопасности (Algemeine Sicherheit — Kommissionen) и образования реакционного министерства во главе с деятелем типа Петра Шувалова»[215].

Однако провозглашение этой программы не означало ее немедленной реализации. Осуществление ее стало возможным лишь тогда, когда правительство окончательно пришло в себя.

* *
*

Опубликование манифеста вызвало бурю восторга в реакционных кругах общества. «Московские ведомости» в передовой статье за 30 апреля писали: «Теперь мы можем вздохнуть свободно. Конец малодушию; конец всякой смуте мнений. Пред этим непререкаемым, пред этим столь твердым, столь решительным словом монарха должна наконец поникнуть многоглавая гидра обмана. Как манны небесной народное чувство ждало этого царственного слова. В нем наше спасе-

[213] ПСЗ, 3 собр., т. I, № 118.
[214] Дневник Д. А. Милютина, т. 4, стр. 40.
[215] «Denkwürdigkeiten des Botschafters General v. Schweintz». Zweite Band, S. 162.

ние: оно возвращает русскому народу русского царя самодержавного»[216].

Либеральная печать делала хорошую мину при плохой игре: замалчивая реакционную сущность манифеста, акцентируя внимание на словах, которые могли создавать иллюзию, что правительство Александра III не отказывается от проведения дальнейших реформ. «Россия с должным благоговением выслушает и прочтет высочайший манифест, которым верховная власть ободряет и обнадеживает нас в эти дни тяжких испытаний, — говорилось в передовой газете «Порядок». — Россия теперь знает свое будущее: в действии учреждений, дарованных ей покойным государем императором, будут водворены «порядок и правда», а это одно уже само по себе облегчит достижение и прочих целей, обозначенных манифестом. Приводится на память, — продолжала газета, — еще и то, что покойный государь император «не столько строгими велениями власти, сколько благостью ее и кротостью совершил величайшее дело своего царствования»[217].

В таком же духе писала и «Страна», выражая свои надежды на реформистскую деятельность Александра III еще более определенно. «Само собой разумеется,— говорилось в передовой статье,— что верховная власть не отказывается при этом от новых преобразований, какие ею будут признаны необходимыми. Итак,— заключала «Страна»,— дело преобразований, предпринятое покойным государем, освященное его памятью, должно продолжаться»[218].

Таким образом, в этом случае либералы ограничились попыткой если и не обмануть самих себя, то, во всяком случае, сделать вид, что они не понимают действительную сущность манифеста.

Издание манифеста немедленно вызвало изменения в составе правительства. Уже 29-го прошение об отставке было направлено царю Лорис-Меликовым, а 30-го — Абазой. Обе отставки были тотчас же приняты. Как утверждает Валуев, Александр III на прошении Абазы написал: «Сожалею, что вы не нашли более приличного повода»[219].

На пост министра внутренних дел был назначен Н. П. Игнатьев, по образному выражению Валуева, умудрявшийся стоять «разными ногами в разных лагерях»[220]. Министром же

---

[216] «Московские ведомости», 30 апреля 1881 г.
[217] «Порядок», 30 апреля 1881 г.
[218] «Страна», 30 апреля 1881 г.
[219] П. А. Валуев. Дневник 1887—1884 гг., стр. 164.
[220] Там же.

финансов назначается Бунге, являвшийся ранее товарищем министра. «Я,— заносит Милютин в дневник 1 мая,— решаюсь также оставить свой пост, но, по совету друзей, мне было бы неуместно связать свое удаление с инцидентом манифеста» [221].

12 мая Милютин обращается к царю с просьбой об отставке, которая была принята. Преемником Милютина был назначен неумный и малообразованный ген. Ванновский, являвшийся в период русско-турецкой войны начальником штаба Рущукского отряда, которым командовал будущий император [222].

* *
*

Итак, 1 марта явилось наивысшим моментом кризиса самодержавия, вызвав смятение и полную растерянность в правящих сферах. Однако убийство Александра II, потребовавшее колоссальной работы всей партии «Народная Воля», заслонившее собой все остальные отрасли ее деятельности, не принесло ничего в смысле каких-либо политических реформ. Подготовка к данному акту не дала народовольцам возможности полностью использовать то смягчение полицейского террора, которое было вызвано их же деятельностью. Несмотря на известные успехи Исполнительного комитета, достигнутые в области работы среди фабрично-заводского населения столицы и создания военной организации, народовольцы не смогли использовать эти силы для поддержания события 1 марта. Не хватило у них сил и для продолжения террористической борьбы непосредственно после убийства Александра II. Уже в предшествующие месяцы перед 1 марта и особенно после цареубийства Исполнительный комитет «Народной воли» оказался совершенно обескровленным.

Если убийство Александра II и не привело к каким-либо политическим преобразованиям, то тревога и растерянность были настолько сильны, что новый монарх в течение почти двух месяцев не был способен определить курс своей внут-

---

[221] Дневник Д. А. Милютина, т. 4, стр. 65.

[222] Увольнению Милютина и назначению Ванновского австро-венгерский посол гр. Кальноки посвящает специальное донесение своему патрону — Гамерлею. В нем он подробно рассматривает деятельность Милютина в области внешней политики, подчеркивая его антинемецкую ориентацию. Характеризуя отношение в военных кругах к назначению Ванновского, он писал: «Его назначение военным министром в высших военных кругах—Военном министерстве и Генеральном штабе—принято неблагосклонно» (Wiener Haus Hof und Staatsarchiv. Ministerium des Aussen, P. A., X. 76—II).

ренней политики. Именно этим и обусловливалась борьба правительственных группировок, длившаяся в течение марта и апреля.

Отсутствие последующих террористических актов и массовых выступлений, а также крайняя умеренность либеральной общественности — все это дало возможность Александру III, с помощью Победоносцева, выступить с манифестом об утверждении самодержавия.

«...Революционеры исчерпали себя 1-ым марта,— писал В. И. Ленин,— в рабочем классе не было ни широкого движения, ни твердой организации, либеральное общество оказалось и на этот раз настолько еще политически неразвитым, что оно ограничилось и после убийства Александра II одними ходатайствами» [223].

Однако манифест 29 апреля отнюдь не означал окончательного установления реакции. Этого правительства, даже в тех условиях, не могло еще сделать. Речь шла лишь о том, что Александр III решительно отказался от каких-либо политических реформ и взял курс на сохранение самодержавия в незыблемом виде. Реакция пришла позже, для перехода к ней требовалось время.

---

[223] В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 40.

Глава V

МИНИСТЕРСТВО Н. П. ИГНАТЬЕВА

В начале мая министром внутренних дел был назначен гр. Н. П. Игнатьев.

Характеризуя обстановку в стране, В. И. Ленин писал: «...правительство Александра III, даже после выступления с манифестом об утверждении самодержавия, не сразу еще стало показывать все свои когти, а сочло необходимым попробовать некоторое время подурачить «общество» [1]. Это объяснялось тем, что оно продолжало бояться своих явных и тайных врагов, подразумевая под ними и революционных народников, и движение масс, имея в виду напряженное положение в деревне [2]. Все это не давало возможности правительству перейти непосредственно к реакции.

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 5., стр. 41 — 42.

[2] К тому же на юге России (в Киевской, Екатеринославской, Черниговской, Полтавской, Херсонской, Волынской губерниях) происходили еврейские погромы. Они были направлены против средней и мелкой еврейской буржуазии, преимущественно сельской. Движение это всячески поддерживалось и разжигалось представителями местной администрации. Так, начальник киевского губернского жандармского управления Новицкий в своих воспоминаниях писал: «Трехдневному погрому в Киеве и распространению его по уездам евреи безусловно обязаны были киевскому генерал-губернатору... Дрентельну, который до глубины души ненавидел евреев и дал полную свободу необузданным толпам «хулиганов» и днепровских «босяков», которые громили открыто еврейское имущество, магазины и лавки, базары и даже на его глазах и в присутствии войск, в наличии находившихся и вызванных для прекращения беспорядков» (В. Д. Новицкий. Из воспоминаний жандарма, стр. 180—181. См. также ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 3605, письмо Павлова к Игнатьеву). Однако эти погромы вызывали у правительства серьезные опасения, имея в виду, что это движение в любой момент могло перекинуться с евреев на помещиков.

Н. П. Игнатьев был наиболее подходящим государственным деятелем для этого переходного периода. Демагог и лгун, по своим воззрениям, кстати довольно сумбурным, он тяготел к реакционерам. В силу этого Игнатьев и был удачным кандидатом на пост министра внутренних дел. Как выражались современники, «диктатура сердца» сменилась «диктатурой улыбок».

Воззрения министра внутренних дел были вообще примитивны. Так, например, он вовсе не представлял себе причин, вызвавших к жизни революционное движение в России. В своей доверительной беседе с австро-венгерским послом Кальноки он следующим образом объяснял ему это явление. «Я Вам скажу одну вещь, которую не люблю говорить всем,— сказал мне граф Игнатьев,— пишет посол в своем очередном донесении министру иностранных дел.— Хотите Вы знать, что составляет почву для тайной организации нигилистов? Это поляки и евреи» [3],— глубокомысленно изрек он.

Помимо всего этого министр внутренних дел был просто нечист на руку в самых обыденных делах, как об этом свидетельствовали многие современники [4].

Мы не располагаем какими-либо прямыми данными, позволяющими нам решить вопрос, кто же именно проявил инициативу, рекомендовав Игнатьева на пост министра. Нам представляется, что это, по-видимому, было сделано самим Александром III с одобрения Победоносцева. Судя по письму обер-прокурора Синода царю от 4 мая, царь советовался с ним об этом [5].

[3] Wiener Haus Hof und Staatsarchiv. Ministerium des Aussen. P. A. X. 76 — II. Донесение от 24/12 августа 1881 г.

[4] См. ЦГАОР, ф. Половцова, д. 18, стр. 273 — рассказ Каханова; д. 20, л. 48 — отзыв Дондукова-Корсакова. См. также Дневник Е. А. Перетца, стр. 125. Л. Клячко (Львов), журналист, сотрудник газеты «Речь», в своих воспоминаниях («Повесть прошлого». Л., 1929), не отличающихся, на наш взгляд, в целом большой достоверностью, сообщает, что Игнатьев неоднократно получал взятки от известного банкира барона Гинцбурга (см. ук. воспоминания, стр. 137—141). Нам представляется, что в этой части сведения Л. Клячко могут быть признаны заслуживающими доверия.

[5] Так, 4 мая, когда Игнатьев еще не был официально назначен, Победоносцев писал царю по этому поводу следующее: «Боюсь еще, как бы граф Игнатьев не разошелся с Барановым, если они не поймут друг друга. Это будет бедствие и Игнатьев останется без рук в деле первой важности» («Письма К. П. Победоносцева к Александру III», т. 1, стр. 339). Эта фраза, на наш взгляд, говорит, во-первых, о том, что по поводу назначения Игнатьева у Александра III происходил предварительный разговор с Победоносцевым (иначе непонятно слово «еще»). Во-вторых, что инициатива не принадлежала Победоносцеву, имея в виду, что Баранов был его ставленником.

Если Победоносцеву и не принадлежала пальма первенства в деле возведения Игнатьева на лоно министра внутренних дел, то уже с первых дней своего министерства он оказывается под сильным влиянием синодального обер-прокурора. Победоносцев в буквальном смысле слова направляет Игнатьева по самым различным вопросам деятельности Министерства. Ему присылает министр многочисленные свои проекты, он порой просто поучает Игнатьева. Так, в своем письме, датированном 26 июня 1881 года, Победоносцев вещал: «...впереди работа великая. Но чтобы не была она праздная, одно, верьте мне, необходимо: ясное солнце правды; без него туман не рассеется. Туман не рассеется туманом. Надобно возненавидеть зло по библейскому слову, совершенною ненавистью. Надо, чтобы не было смешения между светом и тенью, между Христом и сатаной, между ей-ей и ни-ни. Надобно,— резюмирует он,— того духа, который вооружил Илью Фесвитянина на лжепророков, который вложил Христу в руки бич выгнать сквернителей из храма!» [6].

За время пребывания Игнатьева на посту министра Победоносцевым было направлено ему 79 писем, касавшихся тех или иных вопросов, связанных с деятельностью Министерства внутренних дел.

Сближение с Победоносцевым, как уже говорилось выше, началось у Игнатьева в последние дни апреля, на почве единства взглядов по вопросу о понижении выкупных платежей. И близость эта продолжалась почти вплоть до его отставки. (Собственно, помимо Победоносцева министр внутренних дел был еще связан с одним из своих коллег — с Островским, министром государственных имуществ.) Почти на всем протяжении пребывания на посту министра Игнатьев пользовался непререкаемым авторитетом у Александра III. С помощью Победоносцева ему удалось в конце 1881 года выйти победителем из борьбы с Черевиным, другом царя, пытавшимся прибрать к своим рукам, в качестве главного начальника императорской охраны, как Департамент полиции, так и корпус жандармов [7]. Это говорило о бесспорном влиянии и силе министра внутренних дел.

Однако надо еще раз сказать, что это влияние и сила в значительнейшей степени обусловливались отношением к нему Победоносцева. На протяжении рассматриваемого нами в настоящей главе периода, т. е. до середины 1882 года, авто-

[6] ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 3679, л. 32.

[7] Заметим, что за спиной Черевина стоял министр двора гр. Воронцов-Дашков.

ритет Победоносцева был огромен [8]. И пока Игнатьев слушался его, он был непоколебим.

Надо заметить, что обер-прокурор Синода, поддерживая Игнатьева, отнюдь не был им очарован. Так, в своем письме к Тютчевой от 20 декабря 1881 года он, говоря о министре внутренних дел, писал: «Вот беда наша, гр. Игнатьев человек не из чистого металла... Он весь сплетен из интриги и лжет и болтает невероятно. Поверите ли Вы, что кроме его выставить в настоящую минуту некого. Сойди это имя с горизонта, тьма настанет, выставят разве гр. П. А. Шувалова. Это будет конечная погибель. Оттого хватаешься за него, за лгуна, которому ни в чем нельзя поверить.. Я чувствую,— продолжал он,— что это человек, которого не проймешь никакой правдой, но чувствую гибель, когда он уйдет» [9].

Одним из ближайших помощников Игнатьева становится Каханов, исполнявший при нем, так же как и при Лорис-Меликове, роль «ученого еврея при губернаторе».

Период министерства Игнатьева характеризуется широким распространением различного рода провокаций, доносов и предательств. Именно в это время получает свое развитие деятельность жандармского подполковника Судейкина, ведавшего полицейским сыском в Петербурге [10]. Характеризуя эту атмосферу, Головнин в начале января 1882 года писал Милютину: «Мания доносов распространяется во всех слоях общества. Я получаю анонимные письма с доносами на моих лакеев, в том, что они говорят обо мне дурно» [11].

---

[8] За это время нам известен лишь один случай, когда Александр III не пошел за Победоносцевым; это вопрос об организации Крестьянского банка (см. ниже, стр. 427—428). Впоследствии влияние Победоносцева на царя постепенно начинает падать. Это объясняется, на наш взгляд, тем, что он не имел никакой позитивной программы, ограничиваясь лишь критикой существующего с позиций ортодоксального самодержавия. Как говорил о Победоносцеве старик гр. С. Г. Строганов, он «всегда отлично знает, что не надо, но никогда не знает того, что надо» (В. П. Мещерский. Мои воспоминания, ч. III. СПб., 1912, стр. 66).

[9] Отд. рукописей ГБЛ, ф. Победоносцева, д. 4410/1, л. 139. Александр III, даже при своем небольшом уме, не мог не видеть, что его первый министр лгун. Однако, по словам вел. кн. Алексея Александровича, царь думал, «что он врет только в мелких делах, но государь ошибается, — замечает великий князь, — потому, что Игнатьев врет в крупных делах столько же, сколько и в мелких» (ЦГАОР, ф. Половцова, д. 20, стр. 62).

[10] См. статью А. Прибыловой-Корба «Сергей Петрович Дегаев». «Былое», 1906, кн. 4, стр. 1 — 17 и там же «Дегаевщина» (Материалы и документы), стр. 18 — 54.

[11] Отд. рукописей ГБЛ, ф. Милютина, папка 61, д. 34.

Все это было не случайно и являлось следствием политики самого Игнатьева, являвшегося сторонником системы провокаций и широко разветвленного шпионажа. Одной из мер в этой области являлся его проект политической амнистии, по которому предавались «забвению преступления и проступки всех лиц, которые, увлекшись противогосударственными лжеучениями, навлекли на себя преследование властей и, скрываясь от такового, бежали за пределы отечества, или, не оставляя отечества, проживают под чужими именами и с подложными документами» [12].

Амнистии не подлежали лишь лица, принимавшие непосредственное участие в покушениях на Александра II [13]. Эта чудовищная провокация не была приведена в исполнение вследствие противодействия Победоносцева, принимавшего этот проект за «чистую монету» и выражавшего опасение, что подобная мера преждевременна. «...Эту меру, — писал он, — я считаю злом и фальшивою, вредною и опасною мерой» [14].

Другим проектом Игнатьева, ставившим своей задачей создание массовой армии шпионов, являлось предложение «О главных основаниях внутренней охраны» [15]. Этот проект предусматривал организацию «артели» «под надзором и с пособием от казны». «Артель» должна была состоять из дворников, швейцаров. В нее должны были входить «вообще все приставленные для присмотра к частным общежитиям и казенным жилым недвижимым имуществам» [16]. Для поступления в члены «артели» требовался либо залог, либо рекомендация. По проекту, домохозяева имели право принимать на должность швейцаров и дворников только членов этой «артели». Для наблюдения за этой армией шпионов предполагалось создание института обер-шпионов, именовавшихся «ин-

---

[12] ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 1471, л. 1.

[13] В проекте говорилось, что «амнистии будут подлежать лишь те лица, которые кроме совершения ими государственного преступления не оказываются виновными ни в одном из общих преступлений, за исключением тех случаев, когда совершение общего преступления было обусловлено способом приведения в исполнение государственного или же служило для соучастия оного» (там же, л. 1). Как мы видим здесь, Игнатьев проявлял «трогательную заботу» о революционерах, амнистируя их в совершении уголовного преступления, если они вынуждены были его осуществить «для исполнения государственного».

[14] «Былое», 1924, кн. 27—28, стр. 63, письмо Победоносцева от 1 ноября 1881 г.

[15] ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 1472. Писарский список без подписи и даты.

[16] Там же, л. 2.

спекторами» и находящихся на иждивении государства. Все эти проекты отражали стремления министра внутренних дел создать обстановку массовых провокаций и шпионажа, в которой он чувствовал себя как рыба в воде.

* * *

Получив приглашение на пост министра внутренних дел, Игнатьев еще до своего официального назначения составляет специальный документ, в котором провозглашалось основное направление правительственной политики. Этот проект 3 мая, поздно вечером, он представляет Победоносцеву. На другой день, ознакомившись с присланным, обер-прокурор делает ряд замечаний, т. е., иными словами, редактирует игнатьевский проект. При этом он дает ряд существенных советов: «Думаю,— пишет он,— что всего приличнее форма циркуляра от М[инистерст]ва внутренних дел, как указание губернаторам. Заявление от всех министерств форма небывалая и едва ли приличная. Безличная форма объявления в Прав[ительственном] вестнике тоже имеет недостатки: тогда надобно больше разработать изложение и дать более определенные указания» [17].

Так возник известный игнатьевский циркуляр губернаторам 6 мая. В этом циркуляре, опубликованном во всех газетах, в витиевато-демагогическом тоне разъяснялись задачи правительства в соответствии с манифестом 29 апреля. «Призванный в настоящее трудное время... к управлению Министерством внутренних дел,— говорилось вначале,— я долгом считаю поставить вас в известность о взгляде правительства на современное внутреннее положение. В высочайшем манифесте минувшего 29 апреля предначертан путь, которым правительство, при содействии всей земли намерено следовать к единой высокой цели — величию и благу России».

Далее довольно подробно объяснялись причины развития революционного движения, приведшего к убийству Александра II. По мнению Игнатьева, цареубийство нужно объяснить не только злой волей ближайших непосредственных виновников, но и системой воспитания, чуждой религиозных и нравственных начал, бездействием властей, равнодушием «к общему благу со стороны многих административных и общественных деятелей» и их корыстным отношением «к государственному и общественному достоянию» [18]. Таким образом, Игнатьев

[17] «Былое», 1924, кн. 27 — 28, стр. 53.
[18] «Правительственный вестник», 6 мая 1881 г.

не указывал ни на одну из действительных причин, вызвавших революционное движение. В этом отношении он стоял значительно ниже Лорис-Меликова, хотя и тот был далек от правильного понимания причин, породивших это явление [19].

Переходя к задачам, стоящим перед правительством, Игнатьев указывал, что первая заключается в «искоренении крамолы» при содействии «общественных сил» страны. Тут же говорилось и об антиеврейских беспорядках, которые приписывались влиянию революционеров. «Движение против евреев, — писал Игнатьев, — проявляющееся в последние дни на юге, представило печальный пример того, как люди, преданные престолу и отечеству... впадают в своеволие и самоуправство и действуют сами того не понимая, согласно замыслам крамольников [20]. Подобные нарушения порядка не только должны быть строго преследуемы, но и заботливо предупреждаемы».

Вторая задача формулировалась еще более общо и касалась вопросов морально-этических. Так, Игнатьев говорил о «снисходительном отношении общества к незаконным способам наживы». Ссылаясь на манифест, Игнатьев писал: «Царское слово указывает на неотложную необходимость устранения этих явлений.. хищение должно быть пресекаемо и преследуемо везде...» [21]. Подобное толкование манифеста 29 апреля было, как мы видим, весьма расширительным, так как ничего подобного в нем не говорилось.

Далее, опять-таки довольно пространно, развивалась мысль «о водворении порядка и правды в действиях учреждений, дарованных Александром II», по-видимому, имея в виду земские, городские учреждения и судебные органы. Декларировалось, что все эти затруднения будут ликвидированы «при дружных усилиях правительства и общества». При этом подчеркивалась «бескорыстная» роль дворянства, особенно в деле земской деятельности.

Заключительная часть циркуляра содержала вполне конкретное обещание, что права, «дарованные» земству и городским сословиям, останутся в полной неприкосновенности.

---

[19] Более правильно определил причины, вызвавшие революционное движение, А. В. Головнин, видевший их в неудовлетворительности реформы, не обеспечившей крестьян землей (см. главу вторую).

[20] Однако позднее в докладе о деятельности Министерства внутренних дел, представленном Александру III 15 марта 1882 г., он писал: «Подробные исследования народной расправы (sic.— *П. З.*), произведенные на местах, ясно доказали, что беспорядки эти не имели никакой связи с социалистическим движением» (ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 1452, лл. 30—31).

[21] «Правительственный вестник», 6 мая 1881 г.

Здесь же излагалась, правда в весьма общей форме, программа в отношении крестьянского вопроса. «Крестьянство,— говорилось в циркуляре, — ...должно не внимать вредным слухам и пребывать в полной уверенности, что ему не только сохраняются дарованные свобода и права, но что правительство озабочено возможным облегчением лежащих на нем тягостей и улучшением его общественного устройства и хозяйственного быта».

Наконец, говорилось о стремлении правительства «установить правильные способы, которые обеспечили бы наибольший успех живому участию местных деятелей» [22] в решении стоящих задач.

Таково содержание этого циркуляра, носящего официозно-декларативный характер и рассчитанного на широкую известность. В нем не сказано ничего конкретного, правительственная программа изложена в общих туманных фразах, не дающих возможности составить представления о будущей деятельности Министерства внутренних дел. Собственно это и требовалось Игнатьеву.

Пресса отнеслась к циркуляру в основном положительно. Реакционные и либеральные газеты оценивали выступление министра внутренних дел по-своему, стремясь видеть в нем то, чего они желали.

Так, «Московские ведомости» в статье от 7 мая писали: «Читая этот циркуляр, мы чувствуем себя дома, в родной среде, среди русского народа... Будем прежде всего русскими, верными духу и истории нашего отечества, и откажемся от воздухоплавательных опытов в правительственном деле» [23]. В понимании Каткова, «родная среда» означала незыблемость самодержавного образа правления и решительный отказ от всякого рода реформ конституционного порядка, которые он и именовал «воздухоплавательными опытами».

Либеральный «Порядок» подчеркивал, что содержание циркуляра свидетельствует о том, что «правительство твердо сознает необходимость стоять на почве не одного сохранения, но и развития дарованных населению прав... и что общественная деятельность, общественное участие в судьбах страны будет пользоваться надлежащим простором» [24].

«Земство» также полагало, что задача, поставленная в циркуляре, «близка к той, которая была намечена во время

---

[22] «Правительственный вестник», 6 мая 1881 г.
[23] «Московские ведомости», 7 мая 1881 г.
[24] «Порядок», 7 мая 1881 г.

министерства гр. Лорис-Меликова»[25]. При этом газета подчеркивала, что в циркуляре не дается ответа «на большую часть занимающих общество вопросов»[26], а также не определяются средства, какими правительство полагает действовать.

Весьма сдержанно оценивал циркуляр Игнатьева «Голос», отмечая, что он «в существенном своем содержании воспроизводит и развивает общие начала, выраженные в высочайшем манифесте 29 апреля»[27].

* *
*

Для характеристики деятельности Игнатьева могут служить его записки, излагающие правительственную программу. Ценность их заключается в том, что они, в отличие от циркуляра 6 мая, не носят официального характера и, естественно, не предназначались для публикации. Однако в них отсутствует изложение одного из важнейших разделов политики Игнатьева — вопросов борьбы с революционным движением. Записки эти, по-видимому, относятся ко второй половине 1881 года.

Рассмотрим одну из них, наиболее полно излагающую эту программу. Начинает ее Игнатьев с недостатков, существующих в государственном аппарате. «Нет сомнения,— пишет он,— что хищение казенного имущества существует во многих ведомствах». В силу этого он полагает необходимым «совместными усилиями» выработать меры для борьбы с этим злом. В форме вопроса он говорит о привлечении к этому обсуждению «местных выборных людей».

Вторым злом он считает «медлительность в разрешении дел, особенно тех, которые касаются интересов нескольких ведомств»[28].

Таким образом, основное зло в государственном аппарате Игнатьев видит в казнокрадстве и бюрократизме, особенно обнаруживающихся в решении междуведомственных вопросов.

Далее он касается «сведущих людей». По мнению министра внутренних дел, привлечение их к решению ряда вопросов дало хорошие результаты. В силу этого он считает целесообразным рассмотреть вопрос о применении этого способа обсуждения и впредь.

---

[25] «Земство», 13 мая 1881 г.
[26] Там же.
[27] «Голос», 7 мая 1881 г.
[28] ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 1458, л. 1. Писарский список, см. также и другую записку. Там же, д. 1457.

Следующий раздел, наиболее обширный, касается задач в области образования. «Ряды нигилистов,— говорится в записке, — пополняются воспитанниками высших учебных заведений. Необходимо изменить условия, вызывающие этот печальный факт». Изменение этих условий должно заключаться, во-первых, в пересмотре уставов высших учебных заведений, во-вторых, в усилении надзора за учащимися и, в-третьих, в уничтожении «тех приманок, как-то: казенные стипендии, права на гражданский чин и проч., которые искусственно привлекают молодежь в высшие школы». Наконец, Игнатьев говорит о реформах в области средней и начальной школы, заключающихся в создании мужских и женских профессиональных школ, а также развития школ грамотности в сельских местностях.

Последний раздел записки касается вопросов экономического порядка. «Поднятие и упрочение народного благосостояния составляет, — говорит Игнатьев, — главнейшую заботу государства»[29]. Характеризуя экономическое состояние страны, он пишет: «Промышленность находится в плачевном состоянии, ремесленные знания не совершенствуются, фабричное дело поставлено в неправильные условия и много страдает от господства теории свободной торговли и случайного покровительства отдельных предприятий».

Программа мероприятий экономического характера заключалась в следующем: а) составить «нормальные» условия для различных промышленных предприятий, эмиритальных сберегательных касс; б) изменить железнодорожные и таможенные тарифы, дабы «дать перевес внутреннему производству над иностранными»[30]; в) «правильно организовать поощрение русской производительности»; г) организация мелкого краткосрочного кредита для крестьянского хозяйства путем создания сети сельских банков под общим контролем правительства. Наконец, Игнатьев полагал необходимым обеспечить сохранение общины.

Если же проанализировать содержание рассмотренной нами записки, то большая часть намечавшихся в ней мер носила объективно буржуазный характер. К ним относятся и меры в области создания профессиональных школ в городах и школ грамотности в деревне, а главным образом меры, касающиеся экономического развития страны. Вместе с тем

[29] ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 1458, л. 2.
[30] Там же, лл. 2 — 3.

здесь мы видим и стремление к сохранению общины, что, естественно, не могло способствовать развитию капитализма.

Особо следует остановиться на вопросе о «сведущих людях». Привлечение «сведущих людей», назначаемых самим правительством, являлось демагогическим приемом, рассчитанным на то, чтобы противопоставить эту меру стремлениям земской общественности участвовать в разработке тех или иных реформ.

* *
*

Три последующих циркуляра Игнатьева, относившихся также к маю, в отличие от первого, имели деловой характер и были посвящены политике правительства в крестьянском вопросе.

Второй из них, носивший наиболее общий по своему содержанию характер, датированный 23 мая, был посвящен предложению губернаторам объехать подведомственные им губернии для предотвращения «возбуждения умов». «Вам надлежит, — говорилось в циркуляре, — обратить главное внимание на опасные слухи о разделе земель, дополнительных наделах, «черном переделе» и т. д.». Тут же еще раз подчеркивалось, что «повторение беспорядков, подобно бывшим в южных губерниях при разгроме евреев, не может быть терпимо и должно быть предупреждаемо принятием заблаговременно соответственных мер» [31].

Министр внутренних дел рекомендовал избегать обнародования каких-либо обращений к крестьянам, дающих, как показал опыт, «возможность неправильного и неблагоприятного» толкования их.

Первый же, относившийся к 22 мая, касался продажи крестьянского скота за недоимки. «Неурожаи и падежи последних лет, — говорилось в циркуляре, — значительно сократили количество крестьянского скота. Дальнейшее сокращение оного неминуемо отразилось бы крайне вредно как на хозяйстве, так и на самих средствах существования крестьянской семьи, в особенности детей... Правительство,— указывалось далее, — решилось временно, впредь до улучшения хозяйственных и платежных условий, по возможности освободить крестьянский скот от продажи по всем казенным недоимкам и взысканиям» [32]. В циркуляре указывалось, что продажа скота может производиться в исключительных случаях только с санкции уездного по крестьянским делам

[31] ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 1443, л. 35.
[32] Там же, л. 30.

присутствия, когда это не влечет за собой разорения крестьянского хозяйства. То, что в первый месяц вступления в должность министра Игнатьев принужден был издать подряд три циркуляра, относящихся к крестьянству, бесспорно говорило о напряженном положении в деревне.

В подтверждение этого приведем конфиденциальное письмо Игнатьеву орловского губернатора Боборыкина, относящееся к лету 1881 года. «На поставленный мною вопрос, — писал он, — надеются ли г.г. предводители с настоящими нашими общественными и сословными силами при настоящем устройстве административных, сословных и крестьянских учреждений, а также при настоящем положении духовенства среди крестьянского населения иметь успех в борьбе с людьми, враждебными настоящему государственному строю, которые несомненно пользуются всем, чтобы смущать и волновать население, также полагают ли они возможным успокоить народ и прекратить в нем все похотения на землю, все ожидания новых милостей от царя в виде земли, сбавок платежей, прекращения оброков и т. п., — все присутствовавшие единогласно и положительно отвечали, что наличных средств для успешной борьбы недостаточно. Явившаяся давно в народе мысль о переделе земли есть последствие его тяжелого экономического положения — положения, располагающего крестьян к тревожному волнению и вере в ложные слухи»[33]. О напряженном положении в деревне свидетельствовали и другие факты.

Третий циркуляр, изданный 26 мая, касался вопроса перехода крестьян на выкуп. В нем указывалось, что в связи с обсуждением в Государственном совете вопроса о переводе оставшихся временнообязанных крестьян на обязательный выкуп, слухи об этом проникли в общество и потому могут возникнуть стремления предупредить это путем перевода крестьян на четвертной даровой надел. «Опыт минувших лет показал, — говорилось в циркуляре, — что большинство крестьян, перешедших на даровой надел, дошло до такой степени нищеты, что земства вынуждены оказывать им ежегодные пособия на прокормление, и со стороны самих крестьян возникают ходатайства о переселении их на казенные земли с пособием от правительства».

---

[33] ЦГИАЛ, ф. Канцелярии министра внутренних дел, оп. 1, д. 680, л. 3. Необходимо заметить, что имеющиеся в указанном деле донесения тамбовского, полтавского, воронежского и калужского губернаторов оценивают положение в деревне более оптимистично.

Министр внутренних дел подчеркивал, что накануне перевода на обязательный выкуп особенно нежелательно подобное «легкомысленное обезземеливание себя крестьянами»[34]. Все это говорит также хотя и косвенным образом о тревожном положении в деревне, о желании правительства избегнуть всякого рода эксцессов.

Наконец 3 июня в секретном циркуляре губернаторам сообщалось, что вследствие поступавших ходатайств об оставлении на местах войск на летнее время и «в предупреждение могущих произойти беспорядков» Игнатьев по согласованию с военным министром получил санкцию царя на предоставление права командующим войсками по требованию губернаторов отменять лагерные сборы. При этом он рекомендовал губернаторам не злоупотреблять этими возможностями, имея в виду важность летних сборов для боевой подготовки войск. Министр внутренних дел считал целесообразным ставить вопрос об отмене лагерных сборов лишь тогда, когда все «иные предупредительные меры окажутся недостаточными для предотвращения беспорядков».

В заключение Игнатьев предлагал губернаторам совместно с епархиальными архиереями, губернскими предводителями дворянства и представителями земства «организовать разумное воздействие на сельское население со стороны приходского духовенства [и] всех имеющих с ними ближайшее соприкосновение должностных лиц, а также и влиятельных в данной местности дворян, земских деятелей, землевладельцев с целью противодействовать распространению в среде крестьян нередко превратных суждений о явлениях государственной жизни вообще, в частности же относительно предстоящих будто бы изменениях в поземельных отношениях»[35].

Все это бесспорно свидетельствовало об усилении напряженного положения в деревне. В чем же причина этого? Нам

---

[34] Московский областной исторический архив (ГИАМО), ф. Канцелярии московского генерал-губернатора, оп. 71, д. 3. Циркуляр 26 мая 1881 г.

[35] ЦГИА УССР, ф. Канцелярии киевского генерал-губернатора, оп. 831, д. 3, 1881 г., л. 57. Мы не располагаем данными, в каких губерниях были отменены лагерные сборы. Нам известно лишь ходатайство владимирского губернатора Судиенко московскому генерал-губернатору о необходимости оставления в Шуйском уезде на летнее время 11-го Псковского полка «в целях предосторожности», имея в виду, что там «при значительном развитии фабричной промышленности сосредоточена масса рабочих» (ГИАМО, ф. Московского генерал-губернатора, оп. 71, д. 3). Надо заметить, что в Шуе была, кроме того, расположена уездная команда.

представляется, что наряду с общими условиями, порождавшими крестьянское движение, известное значение имело и вступление на престол нового императора. Вера в царя, характеризовавшая крестьянскую идеологию, обусловливала обычно особую надежду на «царские милости» в начале нового царствования. Так было при воцарении и Николая I, и Александра II. То же наблюдалось и в прошедшие времена.

Таким образом, было бы неверно считать, что после 29 апреля правительство чувствовало себя совсем уверенно.

Характеризуя положение в деревне в своем докладе царю 15 марта 1882 года, Игнатьев писал: «Нет сомнения, что в среде крестьян сильно бродят толки о переделе земель и вообще неопределенное ожидание благ, независимых от их усилий и труда, нельзя отрицать опасности подобного рода ожиданий, но, чтобы не преувеличивать их значение, нужно иметь в виду, что они уже давно держатся в народе и сами по себе еще не представляют серьезной опасности». Далее он сообщал, что за истекшие 10 месяцев нигде не возникало «нарушений порядка», кроме Воронежской и Тамбовской губерний, где вследствие «нелепых слухов» произошли затруднения в период уборки урожая. «От прочих губернаторов в ответ на циркуляр 23 мая, — продолжал он, — последовали успокоительные ответы»[36]. Так писал Игнатьев весной 1882 года. В середине же 1881 года положение представлялось иным. В силу этого он и уделял такое внимание положению в деревне.

* *
*

Одним из вопросов, занимавших наибольшее место в деятельности Игнатьева, были меры, касавшиеся укрепления административно-полицейского аппарата, а также направленные к «охранению» существующего политического режима, т. е. самодержавия. Именно эта сторона деятельности Игнатьева наиболее полно отражала постепенный переход правительства к реакции.

Одной из первых мер, проектировавшихся министром внутренних дел, были предложения по очищению государственного аппарата от различных оппозиционных «либеральствующих» элементов, позволяющих себе критику правительства. Так, по-видимому, вскоре после своего назначения на пост министра внутренних дел Игнатьев представляет Александру III записку, касающуюся антиправительственных настроений, получивших широкое распространение в бюро-

[36] ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 1452, л 2.

кратических сферах[37]. В начале ее автор говорит о «критическом» настроении, охватившем русское общество[38]. «С течением времени, — пишет Игнатьев, — клевета и насмешки над правительственными мерами и лицами перешли в эпидемическую критику всех правительственных действий, всех государственных лиц, критика, в свою очередь, повела к подрыву правительственного обаяния и уважения к властям»[39].

Вполне естественно, что подобное положение говорило, во-первых, о непопулярности правительственной политики и, во-вторых, об отношении к лицам, осуществлявшим эту политику. В период кризиса самодержавия все эти настроения значительно усиливались.

«К несчастью, необходимо сказать, — продолжал Игнатьев, — что во главе лиц, нанесших тяжелые удары авторитету власти, находились все сановники, за исключением самих министров и покуда они были министрами». Далее автор записки говорит о том, что этот «политический яд» из гостиных высшей бюрократии получил широкое распространение в первую очередь среди младшего поколения этих же бюрократов. «Наклонность к крайним суждениям и политической распущенности у отцов, — замечает Игнатьев, — всегда воспитывает детей в радикальных убеждениях». По мнению министра внутренних дел, «редкий современный русский чиновник не осуждает правительство и начальство и редкий не считает себя вправе действовать по своим личным убеждениям». В первом Игнатьев был прав. Недовольство действиями правительства получило большое распространение, что и обусловливало оппозиционные настроения среди чиновничества. Во втором — едва ли. Нет слов, среди чиновников могли быть люди, стремившиеся действовать «по личному убеждению», однако они были все же исключением. Для массы чиновников, так же как и для лакеев, характерно другое: ругать за глаза господ, но вместе с тем беспрекословно выполнять их волю. Руководствуясь своей ошибочной точкой зрения, автор записки говорит, что на большую часть чиновников «нельзя смотреть иначе, как на действительных инициаторов революционного движения»[40].

---

[37] ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 1489. На первом листе рукой Александра III написана следующая фраза: «Умно и хорошо составлена записка, а главное, что все это чистейшая правда к сожалению». Записка без подписи и даты.

[38] Игнатьев имеет в виду в первую очередь привилегированную часть общества.

[39] ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 1489, л. 2.

[40] Там же, лл. 2—3, 8.

Исходя из этого, Игнатьев полагает, что успешная борьба с революционным движением невозможна до тех пор, пока будет существовать эта «чиновная крамола». Следовательно, необходимо в первую очередь искоренить эту «крамолу». По мнению министра внутренних дел, осуществление этой меры должно начаться изданием специального манифеста. Так как «расстройство администрации и глумление над властью... началось с высших чиновничьих кругов Петербурга и пошло отсюда в провинцию, — пишет Игнатьев, — отсюда же и нужно начать лечение болезни, подтачивающей наши силы и здравый смысл». Автор полагает, что меры по обузданию высшей бюрократии «будут встречены всей Россией, за исключением петербургской (читай: либеральной.— *П. З.*) прессы, с истинным удовольствием».

«Увольнение от службы нескольких сановников вслед за несдержанными разговорами и осуждениями правительства, — пишет он, — было бы мерой достаточной для того, чтобы произвести потрясающее впечатление на всех служащих»[41]. Игнатьев аргументирует свою мысль тем, что большинство фрондирующих чиновников ведет себя так главным образом потому, что это модно в высшем свете.

Подобное утверждение, естественно, абсурдно. Оппозиционное движение, своеобразным выражением чего и была чиновничья фронда, являлось, как и всякое общественное движение, результатом недовольства определенных классов или классовых групп теми или иными действиями правительства либо существующей системой в целом.

В заключение Игнатьев рекомендовал возложить наблюдение «за политическим направлением» всех служащих в России на министра внутренних дел. По его мнению, «заражающая болтовня» должна быть «вырвана с корнем».

По-видимому, к этому же времени относится и составленный им же проект указа об очищении государственного аппарата от неблагонадежных чиновников[42].

Не останавливаясь на преамбуле этого проекта, излагающей, правда в других словах, мысли, содержащиеся в рассмотренной выше записке, обратимся к существу его. Первый пункт проекта гласил о том, что в течение трех месяцев все государственные учреждения, начиная с высших и кончая уездными, должны быть очищены от неблагонадежных элементов.

---

[41] ЦГАОР, ф. Игнатьева д. 1489, лл. 10—11.

[42] Проект указа представлен писарским черновым списком без подписи и даты (ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 1488).

Второй — определял признаки неблагонадежности. «Все служащие без различия звания не могут быть терпимы на государственной службе, если они: а) будут признаны неблагонадежными в политическом отношении, б) дозволят себе критиковать или разбирать правительственные распоряжения не во время и не на месте, указанных законами, в) будут стремиться изменять сущность законов или отданных им приказаний в зависимости от личных убеждений, не согласных с действующими положениями и распоряжениями начальств».

Наконец, третий пункт касался того, кто должен определять увольнение в отставку того или иного лица. Это возлагалось на единоличное решение министров, губернаторов и начальников центральных и губернских учреждений.

Последующие пункты детализировали предыдущие. Самостоятельный интерес представляли пункты шестой и седьмой, касавшиеся лиц судебного ведомства. Так, первый из них предлагал министрам внутренних дел и юстиции внести на рассмотрение Сената «проект отношений, которые могли бы быть установлены между губернаторами и прокурорами, с тем, однако, условием, чтобы прокуроры не были изъяты из-под контроля губернаторов в политическом отношении» [43]. Таким образом, проект предусматривал фактическое подчинение лиц прокурорского надзора административной власти губернаторов.

Седьмой пункт касался судей, точнее наблюдения за деятельностью лиц судебного ведомства. «Не посягая на действие закона о несменяемости судей», говорилось в проекте, министру юстиции предлагалось обратить на это внимание, и в случае, если то или иное лицо «не будет отвечать государственным целям и нуждам», предлагать ему либо изменить свой образ действий, либо выйти в отставку. В противном случае предавать их суду. Формально, действительно, проект указа не посягал на закон о несменяемости судей, однако фактически это являлось бы посягательством на независимость суда, имея в виду, что суд над чиновниками, обвиняемыми в должностных преступлениях, должен был происходить без участия присяжных заседателей.

Рассмотренный проект указа характеризовал собой стремления Игнатьева усилить административный произвол, что в свою очередь отражало общие реакционные тенденции правительства.

Реализация данного проекта означала бы установление

---

[43] ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 1488, лл. 1 — 2.

административно-полицейской опеки Министерства внутренних дел над всеми другими ведомствами и вместе с тем увеличивала бы административный произвол начальствующих лиц вообще.

Однако проект не мог быть реализован, так как это означало бы публичное признание факта неблагонадежности государственного аппарата. На это не мог пойти и Александр III. Вот почему он, одобрив представленную Игнатьевым записку, все же счел, по-видимому, целесообразным не давать ей хода.

Распространение массовых оппозиционных настроений среди чиновничества всех иерархических ступеней характеризовало не только данный кризис правительственной политики, но более глубокие органические пороки режима. Подобное состояние государственного аппарата свидетельствовало о неизбежной обреченности политического строя России.

Обратимся к вопросам состояния полицейских органов. В мае 1881 года под председательством ген. Черевина была создана комиссия для преобразования полиции, однако после трехмесячной работы она ни к каким положительным выводам не пришла[44]. Несмотря на это, кое-какие шаги в этой области были сделаны Игнатьевым.

В отличие от Лорис-Меликова новый министр внутренних дел являлся противником полного подчинения жандармских органов на местах власти губернаторов. Так, 9 июня 1881 года был издан циркуляр, отменявший установленный Лорис-Меликовым порядок о запрещении местным жандармским органам сноситься непосредственно с Департаментом государственной полиции[45]. В этом циркуляре предлагалось начальникам жандармских управлений «о всех более важных нарушениях общественного порядка и спокойствия доносить непосредственно Департаменту государственной полиции, независимо от словесных или письменных сообщений об означенных происшествиях начальникам губерний, обер-полицмейстерам и градоначальникам»[46].

---

[44] Как мы узнаем из письма Победоносцева к Александру III, в комиссии дебатировалась мысль об изъятии не только жандармских органов, но и полиции из ведения губернаторской власти. Предполагалось, что полиция будет подведомственна жандармскому управлению. Против этого резко выступил в своем письме Победоносцев («Письма К. П. Победоносцева к Александру III», т. 1, стр. 345).

[45] См. гл. III, стр. 247—248.

[46] ЦГИА УССР, ф. Киевского генерал-губернатора, оп. 831, д. 3, 1881 г., л. 216.

Этот циркуляр имел большое значение. Он восстанавливал независимость жандармских органов в губернии от губернатора, являвшегося высшим представителем Министерства внутренних дел. Мероприятие это проводилось Игнатьевым весьма настойчиво. Так, в октябре он издает по тому же поводу вторичный циркуляр, в котором, повторяя содержание предшествующего, писал: «Между тем до настоящего времени вместо таких непосредственных уведомлений продолжают поступать из некоторых местностей сообщения губернаторов»[47]. Министр внутренних дел еще раз подчеркивал, что распоряжение Лорис-Меликова в этом отношении отменяется.

Свою точку зрения на организацию и взаимоотношение жандармских и полицейских органов Игнатьев изложил в особой записке, хранящейся в его архиве[48]. «...Полиция, хотя и подчинена одному лицу, все же осталась раздвоенною на жандармскую и общую», — замечает в начале ее автор. Далее он выражает ту же мысль, что и в циркуляре, о нецелесообразности объединения органов полиции и корпуса жандармов снизу. «Объединение, — говорит он, — неудобно начинать снизу, так как объединенная местная полиция оказалась бы под двойным начальством Корпуса жандармов и Департамента полиции»[49]. По мнению Игнатьева, это объединение должно быть осуществлено сверху. «Сведения о том, что может нарушить спокойствие государства, — пишет он, — должны стекаться в один центр, из одного же центра правительственной деятельности должны исходить все меры по предупреждению и пресечению преступных деяний. Такая организация, — заключает он, — одна в состоянии дать административной деятельности достаточную силу»[50].

Таким образом, признавая необходимость объединения полицейских и жандармских органов власти, Игнатьев вместе с тем нарушал этот принцип. По-видимому, тем самым он хотел завоевать популярность жандармских властей, воспринявших подчинение губернаторской власти крайне отрицательно.

---

[47] ЦГИА УССР, ф. Киевского генерал-губернатора, оп. 831, д. 3, 1881 г., л. 216.

[48] Записка эта представляет собой писарский список без подписи и даты. Совпадение основных мыслей, изложенных в записке, с рассмотренным выше циркуляром дает основания полагать, что записка эта принадлежит Игнатьеву.

[49] ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 1458, л. 5.

[50] Там же.

В конце 1881 года, совершенно неожиданно для Игнатьева, возник вопрос о фактическом изъятии из ведения Министерства внутренних дел Департамента государственной полиции и Отдельного корпуса жандармов. Вопрос этот был поставлен в связи с назначением генерала Черевина главным начальником императорской охраны[51]. Черевиным был представлен царю проект, по-видимому, получивший первоначальное одобрение, о непосредственном подчинении ему, как начальнику охраны, Департамента полиции и Корпуса жандармов. Формально они должны были оставаться в ведении Министерства внутренних дел. Говоря об указанном проекте, Игнатьев в записке, представленной им по данному поводу, писал: «Смысл редакции (проекта. — *П. З.*) таков, что Департамент государственной полиции и Корпус жандармов, оставаясь в Министерстве внутренних дел, подчиняются начальнику охраны, который не подчинен министру внутренних дел. Если бы проект осуществился, — замечает он, — это было бы равносильно восстановлению упраздненного III отделения, но в значительно худшем виде»[52].

В связи с появлением этого проекта мы считаем возможным высказать одно предположение. Нам представляется, что мысль о передаче Департамента полиции и Корпуса жандармов в непосредственное ведение начальника императорской охраны принадлежала вновь назначенному министру императорского двора гр. Воронцову-Дашкову. Последний был не только непосредственным начальником Черевина, но и его близким другом. Вместе с тем Воронцов-Дашков являлся и одним из руководителей «Священной дружины»[53]. Таким образом, и полиция и жандармские органы оказались бы фактически в ведении этой «добровольной организации».

Вполне естественно, что проект, лишавший министра внутренних дел реальной власти, был принят Игнатьевым отрицательно. По-видимому, в связи с этим противная ему сторона пыталась добиться его отставки. Так, в ноябре в

---

[51] До этого времени он являлся товарищем министра внутренних дел, который непосредственно ведал как Департаментом государственной полиции, так и Корпусом жандармов.

[52] ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 1459, л. 4.

[53] Мы не считаем необходимым освещать в данной монографии деятельность упомянутой организации, не оказывавшей непосредственного влияния на внутреннюю политику. Данная тема является предметом специального исследования. Нам представляется, что «Священная дружина» помимо своей основной задачи являлась своеобразной оппозицией справа. На тему о «Священной дружине» написана работа историком М. К. Лемке. Рукопись ее хранится в Пушкинском Доме.

Петербурге распространяются подобные слухи. Об этом Победоносцев сообщает царю в своем пространном письме от 20 ноября. «Вот уже три дня, — пишет он, — как упорно держится и распространяется с силой повсюду слух о том, что на днях последует перемена в Министерстве внутренних дел и что граф Игнатьев уходит. Третьего дня об этом говорили в гостиных и рассказывали целую историю о неудовольствии, выраженном Вашим величеством графу Игнатьеву. Вчера и сегодня об этом серьезно говорили между собой министры; известие перешло на биржу и произвело крайнее смущение... Стало быть, — резюмирует Победоносцев, — есть что-то нетвердое и шаткое в положении правительственных лиц, когда министр внутренних дел и начальник государственной полиции чувствует себя нетвердым по поводу слуха, неизвестно откуда возникшего»[54]. Слух этот, естественно, возник не «неизвестно откуда», а распространялся определенными кругами, близкими Воронцову-Дашкову и Черевину.

В середине декабря царь, по-видимому, согласился с проектом Черевина и прислал Игнатьеву по этому поводу записку. В ответ на это министр внутренних дел направил в свою очередь царю письмо и записку, в которых доказывал нецелесообразность и вред передачи Департамента полиции и жандармских органов в ведение начальника императорской охраны. «Единственным основанием для восстановления видоизмененного и усиленного III отделения, — писал Игнатьев, — могло бы быть большее доверие к начальнику охраны, нежели к министру. Но при таком условии всего проще назначить министром лицо, имеющее счастье пользоваться полным доверием Вашего величества»[55]. В силу этого он и просил царя сохранить существующую систему единства власти, сменив, если нужно, министра внутренних дел. Таким образом, Игнатьев пошел ва-банк. Однако на сей раз он победил. Посредником выступил Победоносцев, который, судя по его письму к Игнатьеву, был у царя в тот же день[56]. Победа Игнатьева была полной. 21 декабря ему был дан благодарственный рескрипт.

Мы не располагаем данными, которые дали бы нам возможность ответить на вопрос о том, что же заставило Александра III изменить свое первоначальное решение. Бесспор-

---

[54] «Письма К. П. Победоносцева к Александру III», т. 1, стр. 357.

[55] ЦГАОР; ф. Александра III, д. 809, л. 2.

[56] ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 3679, лл. 91—92. Письмо от 20 декабря 1881 г.

но одно — влияние Победоносцева. Как видно, он доказал царю опасность такого шага, как изъятие в данных условиях из ведения министра внутренних дел органов объединенной полиции.

Итак, проект Черевина был отвергнут, все осталось по-старому.

* *
*

Рассмотрим мероприятия, направленные на «охранение» существовавшего политического режима.

Наиболее крупным из них явилось «Положение о мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия». Для подготовки этого законопроекта во второй половине мая была создана особая комиссия под председательством Каханова в составе членов: Черевина, Плеве, Казем-бека, Зурова, петербургского градоначальника Баранова и московского обер-полицеймейстера Козлова.

30 июля министр внутренних дел внес разработанный комиссией проект для рассмотрения Комитетом министров. В своем представлении Игнатьев указывал, что убийство Александра II «не смогло не вызвать особой заботливости об устранении причин недостаточно успешной правительственной деятельности по искоренению крамолы»[57]. Автор представления доказывал, что одной из важных причин в этой области является «отсутствие должного единства направления в исключительных мерах, принимавшихся для противодействия социально-революционному движению». Далее он подробно развивал это положение, характеризуя те полномочия, которые предоставляются генерал-губернаторам по указу 5 апреля 1879 года, одновременно с тем подчеркивая, что центральные органы власти подобных полномочий не имеют. Игнатьев отмечал, что отсутствие таких полномочий настолько ограничивает действия властей, что они бывают нередко вынуждены превышать пределы своих прав, «чем несомненно деморализуются как сами полицейские чины... так равно и граждане — постоянные свидетели нарушения законного порядка со стороны правительственных органов». К тому же несогласованность всякого рода распоряжений по борьбе с революционным движением свидетельствует, по мнению министра внутренних дел, «о колебаниях

---

[57] ЦГИАЛ, ф. Комитета министров. Приложения к журналу за август 1881 г., д. 4181, ст. 517, л. 2.

правительства в выборе средств для борьбы с крамолой, что создало в результате сложные и потому не вполне удобные приемы управления»[58].

В силу всего этого и решено было приступить к пересмотру и согласованию всех существующих временных узаконений с тем, чтобы, во-первых, составить правила, расширяющие полномочия полиции в деле борьбы с революционным движением, и, во-вторых, разработать положение о чрезвычайных мерах «к ограждению государственного порядка и общественного спокойствия». Игнатьев указывал, что представленный комиссией проект им одобрен, однако в него внесен ряд поправок и редакционных исправлений[59].

Судя по письму Плеве, Департамент государственной полиции был крайне заинтересован в скорейшем утверждении Положения. «...С 1 сентября, — писал он Игнатьеву 17 июля, — по моему мнению, придется осуществить некоторые меры нового Положения, а следовательно, настанет крайняя надобность поторопиться с его утверждением»[60].

4 августа проект Положения об усиленной и чрезвычайной охране рассматривался в Комитете министров. На заседании, длившемся $3^1/_2$ часа, представленный проект был утвержден с некоторыми поправками. Судя по письму Победоносцева к Игнатьеву, эти поправки были в основном сделаны министром юстиции Набоковым и касались прав административных властей в отношении увольнения неугодных чиновников. «...Вчера, — пишет Победоносцев Игнатьеву, — получил от Мансурова (управляющего делами Комитета министров. — *П. З.*) новую редакцию статей охранного положения. Я весьма недоволен ею... Посмотрите, что они сочинили по поводу замечаний Набокова... По-моему, это нелепость и противоречие смыслу всего положения»[61].

---

[58] ЦГИАЛ, ф. Комитета министров. Приложения к журналу за август 1881 г., д. 4181, ст. 517, лл. 2 — 4.

[59] В представленном проекте предлагалось две степени чрезвычайного положения: а) «Положение нарушенного спокойствия» и б) «Положение угрожающей опасности». По мнению Игнатьева, «термины эти могут служить источником некоторого смущения и вызывать недоразумения, в особенности среди массы малоразвитого населения» (там же, л. 6). Он наименовал их следующим образом: 1) «Положение об усиленной охране», 2) «Положение о чрезвычайной охране».

[60] ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 3675. Письмо от 17 июля 1881 г.

[61] ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 3679, лл. 43 — 44. Письмо от 9 августа 1881 г. Судя по ответному письму Игнатьева, Победоносцев принимал непосредственное участие в редактировании Положения об усиленной и чрезвычайной охране. См. «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. 1, полутом 1, стр. 87 — 88.

Итак, Комитет министров утвердил представление Игнатьева, однако временно, сроком на три года. Это мотивировалось тем, что «Положение о чрезвычайных мерах по существу своему в некоторых частях подлежит утверждению в законодательном порядке». В силу этого Комитет министров счел необходимым рассматривать представленный проект «как временное мероприятие». Тем самым, как говорилось в решении, министру внутренних дел предоставлялось возможным вносить «по указаниям опыта отдельные в законодательном порядке представления по некоторым особым предметам, значащимся в Положении, как-то: об усилении прав полиции в местностях, не объявленных в исключительном положении, а также относительно изменения существующего порядка административной высылки» [62].

В действительности же дело было совершенно в ином. Этот вопрос по своему характеру и значению не только «в некоторых своих частях», а в целом подлежал рассмотрению в законодательном порядке, т. е. в Государственном совете. Правительство, боясь встретить там оппозицию, решило рассмотреть этот вопрос в Комитете министров, менее многочисленном и более послушном. Продление же срока действия указанного Положения могло уже «в законном порядке» осуществляться Комитетом министров.

Рассмотрим содержание этого Положения, опубликованного 8 сентября. Как уже говорилось выше, «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» предполагало объявление тех или иных местностей империи на «исключительном положении», которое значительно расширяло пределы власти административно-полицейских органов.

Состояние усиленной охраны должно было вводиться, «когда общественное спокойствие в какой-либо местности будет нарушено преступными посягательствами против существующего государственного строя или безопасности частных лиц и их имуществ, или подготовлением таковых так, что для охранения порядка применение действующих постоянных законов окажется недостаточным...» [63].

Состояние же чрезвычайной охраны вводилось тогда,

---

[62] ЦГИАЛ, ф. Комитета министров, журнал за август 1881 г., д. 4180, ст. 517, лл. 21 — 22. Комитет министров предоставлял министру внутренних дел представить на утверждение царя проект указа, определяющий местности, которые будут признаны необходимыми объявить на исключительном положении.

[63] ПСЗ, 3 собр., т. I, № 350, ст. 6, пункт «а».

«когда такими (приведенными выше. — *П. З.*) посягательствами население известной местности будет приведено в тревожное настроение, вызывающее необходимость принятия исключительных мер для безотлагательного восстановления нарушенного порядка»[64]. Как мы видим, основания для объявления той или иной местности на «исключительном положении» были сформулированы таким образом, что предоставляли широкие просторы для толкования этого закона. Никаких конкретных определений, обусловливавших данную меру, в Положении упомянуто не было. Право объявления местности на положении усиленной охраны предоставлялось министру внутренних дел, в губерниях, входящих в состав генерал-губернаторств, — генерал-губернаторам. Положение же чрезвычайной охраны вводилось решением Комитета министров, утверждаемым царем по представлению министра внутренних дел.

По прошествии года со времени введения Положения об усиленной охране и шести месяцев — чрезвычайной срок действия этих мер мог быть продлен решением Комитета министров опять-таки по представлению министра внутренних дел.

Итак, объявление тех или иных районов страны на «исключительном положении» решалось довольно просто. Особенно это следует сказать о Положении усиленной охраны. Подобная мера осуществлялась единолично не только министром внутренних дел, но и отдельным генерал-губернатором. Последнее, естественно, ослабляло принцип централизации власти, усиливая самостоятельность этих администраторов.

Генерал-губернаторам, а там, где они отсутствовали, — губернаторам и градоначальникам, в период введения Положения об усиленной охране предоставлялось право издания обязательных постановлений «по предметам, относящимся к предупреждению нарушения общественного порядка и государственной безопасности...»[65]. Нарушение этих постановлений рассматривалось указанными лицами в административном порядке, причем они имели право подвергать виновных штрафу до 500 руб. или аресту до трех месяцев.

Помимо этого, указанные администраторы имели право «воспрещать всякие народные, общественные и даже частные собрания, ...делать распоряжения о закрытии всяких вообще торговых и промышленных заведений как срочно, так и на

[64] ПСЗ, 3 собр., т. I, № 350, ст. 6, пункт «б».
[65] Там же, ст. 15.

все время объявления Положения усиленной охраны... и воспрещать отдельным личностям пребывание в местностях, объявленных в Положении усиленной охраны»[66].

Генерал-губернаторам, а в губерниях, где они отсутствовали, министру внутренних дел предоставлялось право передачи отдельных дел «о преступлениях, общими уголовными законами предусмотренных, когда они признают это необходимым в видах ограждения общественного порядка и спокойствия, для суждения их по законам военного времени»[67]. При этом они имели право требовать рассмотрения всех этих дел при закрытых дверях. К тому же, вопреки всем принципам независимости суда, этим лицам предоставлялось право требовать от органов прокуратуры «предоставления для просмотра, на срок не свыше двух недель, каждого отдельного следственного производства или дознания, не переданного еще в судебное установление»[68]. Это предопределяло, естественно, возможность давления административных органов не только на ход судебного следствия, но и на решения суда, имея в виду, что генерал-губернаторам принадлежало право утверждать приговор.

Наконец, губернаторы и градоначальники должны были утверждать поступающих на все должности по земским и городским органам общественного управления и судебно-мировым установлениям[69], а также требовать увольнения служащих этих учреждений, если они будут признаны неблагонадежными[70].

Начальникам полиции и руководителям жандармских управлений предоставлялось право задерживать, на срок не более двух недель «всех лиц, внушающих основательное подозрение в совершении государственных преступлений или в прикосновенности к ним, а равно в принадлежности к противозаконным сообществам»[71]. Им разрешалось также

---

[66] ПСЗ, 3 собр., т. I, № 350, ст. 16. Высылка в определенную местность без права выезда оттуда разрешалась «не иначе как по предварительному сношению с министром внутренних дел» (там же) на основе особого порядка, излагавшегося в конце рассматриваемого закона.

[67] Там же, ст. 17.

[68] Там же.

[69] ПСЗ, 3 собр., т. I, № 350, ст. 20. Независимо от этого губернатору предоставлялось право и в обычных условиях утверждать поступающих на службу чиновников, помимо лиц судебного ведомства (см. Свод законов изд. 1876 г., т. 2, ч. 1, ст. 511).

[70] На мировых судей, а также лиц, служивших по выборам в земстве и органах городского общественного управления, эта мера не распространялась.

[71] ПСЗ, 3 собр., т. I, № 350, ст. 21.

«во всякое время» производить обыск «во всех без исключения помещениях, фабриках и заводах» и налагать арест на всякого рода имущество. Таков перечень прав, предоставляющихся местной администрации в условиях объявления Положения усиленной охраны.

Анализ этих полномочий говорит о том, что они полностью возрождали права временных генерал-губернаторов, фактически несколько уменьшенные после взрыва в Зимнем дворце. Положение об усиленной охране бесспорно ослабляло принцип централизации власти, усиливая административный произвол.

Это вместе с тем характеризовало и продолжавшийся кризис самодержавия, колебания и шатания правительства. Введение института временных генерал-губернаторов усиливало децентрализацию власти. Создание же Верховной распорядительной комиссии и установление диктатуры Лорис-Меликова, наоборот, укрепляли централизацию власти. Положение об усиленной охране снова ослабляло принцип централизации.

Рассмотрим правила о Положении чрезвычайной охраны. Прежде всего надо сказать, что все статьи Положения усиленной охраны сохраняли полностью свою силу в условиях чрезвычайной охраны.

Помимо этого, генерал-губернатор или, в тех местностях, где он отсутствует, главноначальствующий, назначенный верховной властью, наделялся сверх того дополнительно целым рядом широких полномочий. Так, ему предоставлялось право: а) подвергать в административном порядке заключению в тюрьме или крепости сроком на три месяца или штрафу до 3000 руб.; б) устранять от должностей чиновников всех ведомств, включая и судебное[72], а также и лиц, служащих по выборам и в сословных, городских и земских учреждениях; в) приостанавливать периодические издания на время чрезвычайного положения; г) закрывать учебные заведения сроком до одного месяца. Кроме того, он мог приостанавливать и закрывать очередные собрания сословных, земских и городских органов, а в случае необходимости разрешать внеочередные.

Таким образом, генерал-губернатор или главноначальствующие в условиях чрезвычайного положения наделялись огромными полномочиями, создававшими возможности вмешательства не только во все решительно области управления и суда, но и общественной жизни.

[72] За исключением лиц первых трех классов.

Один из разделов рассматриваемого закона был озаглавлен «Правила для местностей, не объявленных в исключительном положении». Руководствуясь элементарным смыслом, казалось бы, что они относятся ко всей остальной территории государства, не объявленной на положении ни усиленной, ни чрезвычайной охраны. Однако в действительности имелось в виду введение особых правил, представлявших собой нечто среднее между обычным, нормальным состоянием и положением усиленной охраны.

«Одновременно с объявлением какой-либо местности в одном из видов исключительного положения, — говорилось в законе, — могут быть введены, по особым каждый раз указаниям высочайше утвержденного положения Комитета министров, в некоторых точно определенных смежных губерниях и областях или даже во всех остальных местностях государства, следующие правила»[73]. Эти правила предоставляли полиции и жандармским органам, так же как и в условиях усиленной охраны, право подвергать подозреваемых в политических преступлениях лиц обыску и предварительному аресту, но в данном случае на срок не более семи дней. Губернаторам, градоначальникам присваивалось право утверждения и увольнения лиц, служащих в земских и городских органах управления, а также и судебно-мировых, как это предусматривалось Положением об усиленной охране. Наконец, в районах, «не объявленных на исключительном положении», ряд дел по согласованию министров внутренних дел и юстиции мог передаваться военному суду.

Таким образом, помимо «нормального, общего состояния властей» вводилось три особых его состояния: а) для местностей, не объявленных на исключительном положении; б) для местностей, объявленных на Положении усиленной охраны, и, наконец, в) для объявленных на Положении чрезвычайной охраны.

В последнем разделе закона излагались правила об административной ссылке. Вопрос о ссылке разрешался Особым совещанием из четырех членов — двух от Министерства внутренних дел и двух от Министерства юстиции, под председательством товарища министра внутренних дел. Срок ссылки определялся от одного до пяти лет[74].

---

[73] ПСЗ, 3 собр., т. I, № 350, ст. 28.

[74] В примечании к ст. 33 указывалось, что лица предназначенные к административной ссылке, могли находиться под арестом «впредь до разрешения вопроса о высылке их». Это давало возможность содержать указанных лиц в заключении довольно длительное время.

Таково содержание «Положения о мерах к охране государственного порядка и общественного спокойствия», представлявшего собой, по словам В. И. Ленина, «фактическую российскую конституцию»[75]. Это Положение, утвержденное Комитетом министров в виде временной меры, просуществовало «временно» около 36 лет, т. е. вплоть до Февральской революции 1917 года. Издание этого Положения характеризовало не только кризис самодержавия, находившийся, кстати сказать, на ущербе, но и непрочность всей политической системы в целом. Оно означало серьезное посягательство на независимость суда, на ту область политической надстройки, которая являлась наиболее буржуазной.

Как уже говорилось выше, директор Департамента государственной полиции был крайне заинтересован в более быстром утверждении Положения. Так, Плеве в цитированном уже нами письме к Игнатьеву ставил вопрос о практическом его применении. «Итак, — писал он, — возникает вопрос, в каких размерах его применять, следует ли остаться при тех предположениях, которые я имел случай докладывать вам лично и которые намечали для Петербурга принятие самых крайних мер. Чрезвычайное же положение второй степени (состояние нарушенного спокойствия)[76] готовить для Московской, Харьковской, Полтавской, Курской, Киевской, Варшавской, Черниговской, Саратовской, Самарской, Херсонской с Одессой, Екатеринославской с Таганрогом губерниям или же необходимо будет, по утверждении Положения в Комитете, вызвать генерал-губернаторов и решать дальнейшие меры по совещанию с ними»[77].

Стремление ввести состояние чрезвычайной охраны в Петербурге и усиленной — в 11 губерниях свидетельствовало бесспорно, во-первых, о продолжавшихся смятении и тревоге, царивших в правительственных сферах, и о напряженном положении в стране, во-вторых. Нам представляется, что первое играло здесь бо́льшую роль, чем второе. Ведь никаких видимых оснований, например, для объявления в Петербурге состояния чрезвычайной охраны не было. Едва ли были какие-либо основания для введения состояния усиленной охраны в большинстве указанных губерний. Однако это все же произошло.

4 сентября того же 1881 года был подписан именной, данный Сенату, указ «Об издании Положения о мерах к ох-

[75] В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 396.
[76] Имеется в виду состояние усиленной охраны.
[77] ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 3675. Письмо 17 июля 1881 г.

ранению государственного порядка и общественного спокойствия и объявлении некоторых местностей империи в состоянии усиленной охраны»[78].

Указ начинался подробным вступлением, в котором излагались причины, заставившие правительство пойти на эту меру. В самом начале этого вступления, занимавшего, кстати сказать, более половины всего текста указа, говорилось об убийстве Александра II, показавшем, что «действие постоянных законов, сообразных с обычным состоянием мирного общежития, недостаточно для охранения порядка и спокойствия, нарушаемых прискорбными событиями чрезвычайного свойства». Далее указывалось на незыблемость «основных начал великих преобразований минувшего царствования» и подчеркивалось, что «правильное и спокойное действие учреждений... составляет наиболее прочный залог благоденствия и преуспеяния дорогого нашего отечества».

В указе далее отмечалась «печальная необходимость допустить на время чрезвычайные меры преходящего свойства для водворения полного спокойствия и для искоренения крамолы»[79]. Вопреки очевидности заявлялось, что, в отличие от прежних разновременно изданных узаконений, в Положении четко очерчиваются пределы полномочий административных начальств.

После столь пространной преамбулы объявлялось о введении состояния усиленной охраны в Петербургской, Московской, Харьковской, Полтавской, Черниговской, Киевской, Волынской, Подольской, Херсонской и Бессарабской губерниях. Помимо этих десяти губерний состояние усиленной охраны вводилось в крымских уездах и городе Бердянске Таврической губернии, городе Воронеже и уезде, Ростове-на-Дону и Мариуполе Екатеринославской губернии, а также одесском, таганрогском и керчь-еникальском градоначальствах. По сравнению с проектом Плеве, таким образом, произошли некоторые изменения. Так, Петербургская губерния была объявлена в состоянии не чрезвычайной охраны, а лишь усиленной. Не было распространено состояние усиленной охраны в Саратовской, Самарской, Курской губерниях и лишь частично в Екатеринославской и Таврической. Наоборот, в губерниях Бессарабской, Волынской и Подольской, где это не предусматривалось Плеве, положение усиленной охраны было введено.

---

[78] ПСЗ, 3 собр., т. I, № 382.
[79] Там же.

Имело ли правительство основания для подобной меры? Нам представляется, что на этот вопрос, как мы уже говорили выше, надо ответить отрицательно. Несмотря на сохранение напряженного положения в деревне, никаких крупных массовых выступлений крестьян не происходило. Рабочие стачки, получившие сравнительно большой размах в конце 70-х годов в Петербурге, под влиянием наступившего кризиса, резко сокращаются. Деятельность народовольцев после 1 марта также не давала оснований для этого.

Таким образом, никакой непосредственной угрозы над правительством не нависло[80].

Следовательно, объявление состояния усиленной охраны в ряде местностей объяснялось все еще царившим смятением и растерянностью властей в результате убийства Александра II, а также установлением реакционного курса правительственной политики.

Помимо объявления состояния усиленной охраны в рассматриваемом указе в статье второй говорилось, что статьи 28—31 Положения 19 августа распространяются на все местности Российской империи. Эти статьи касались именно «местностей, не объявленных в исключительном положении», в которых разрешалось проводить в жизнь ряд административных мер, предусмотренных для состояния усиленной охраны. Следовательно, вся Россия объявлялась либо на исключительном положении, либо на полуисключительном.

Наконец, в указе отмечалось, что порядком рассмотрения дел об административной высылке в районах, объявленных на исключительном положении, следует руководствоваться временно во всех местностях России.

Итак, Положение 14 августа 1881 года получало в той или иной степени всероссийское распространение. В заключительной части указа подчеркивалась преданность народов России самодержавной власти. «Мы остаемся в неизменной уверенности, что и в переживаемые отечеством нашим трудные дни, — говорилось в указе, — неразрывное единение всех сословий верноподданного народа русского с верховной властью, в утверждении правды, порядка и закона пребудет надежнейшим залогом народного блага, непрестанное попе-

---

[80] В какой-то степени можно говорить лишь о формальных основаниях введения состояния усиленной охраны для некоторых южных и юго-западных губерний. Здесь, как известно, весной 1881 г., в большинстве своем с молчаливого одобрения местных «административных начальств», происходили массовые еврейские погромы.

чение о коем... мы полагаем единственным основанием всех намерений и начинаний наших»[81]. Известно исстари: когда правительство осуществляло какую-либо меру, направленную против народа, оно неустанно объяснялось ему при этом в любви, подчеркивая, что эта мера обеспечивает его благо.

Непосредственно примыкавшим к Положению 14 августа явился закон о полицейском надзоре, изданный 12 марта 1882 года и определявший условия жизни административно ссыльных. Так, у ссыльных по прибытии их на место отбирался вид на жительство, т. е. паспорт, взамен которого ему выдавалось свидетельство на право проживания в назначенной для того местности. Поднадзорный не имел права отлучаться с места ссылки[82]. Полиции предоставлялось право входа в квартиры поднадзорных в любое время и производства там обысков. Поднадзорный не мог находиться на государственной службе, а также заниматься педагогической и публичной деятельностью. Он обязывался получать у губернатора разрешение на избранный им вид деятельности. Не имевшим средств полагалось от казны определенное пособие, сумма которого не указывалась.

Министр внутренних дел мог лишать поднадзорных права непосредственного получения корреспонденции. В таком случае это осуществлялось через полицию или жандармское управление. Таким образом, вся жизнь находившегося под полицейским надзором ссыльного подлежала мелочной регламентации.

Все рассмотренные нами меры, направленные «к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», хотя и не вызывались непосредственной необходимостью борьбы с революционным или массовым движением, но обусловливались страхом перед ним. В силу этого правительство ставило своей задачей не только укрепить государственный аппарат, но и расширить пределы его власти.

* *
*

К числу мер, направленных к усилению реакции, необходимо отнести и цензурную политику. На протяжении пребывания Игнатьева на посту министра внутренних дел было

[81] ПСЗ, 3 собр., т. I, № 382.

[82] Временные отлучки «по особо важным делам» разрешались в пределах уезда — начальником местной полиции, губернии — губернатором, в другие губернии — министром внутренних дел.

наложено 16 административных взысканий на различные органы печати[83]. В этой области, пожалуй, более, чем в других, сказывалось влияние Победоносцева, пытавшегося непрестанно воздействовать на Игнатьева начиная с момента вступления его на пост министра. «...Невозможно ничему положить доброго начала, — пишет Победоносцев в письме от 21 мая, — покуда не будут обузданы газеты»[84]. Далее он обращает внимание министра на «возмутительную» статью в «Голосе». На другой день, 22 мая, он снова возвращается к тому же вопросу. «...Обратите внимание на прилагаемый список. Трудно сказать, чем отличается язык фельетона от выражений в прокламациях «Земли и воли», — говорит Победоносцев, имея в виду фельетон в харьковской газете «Южный край». — Извольте заметить, однако, — продолжает он, — что все это дозволено цензурой и что здесь целый полк чиновников, наблюдающих за провинциальной печатью»[85].

Когда в июне 1881 года Александр III в сопровождении Игнатьева отправлялся в Москву, Победоносцев наставительно рекомендовал ему не допускать к царю представителей прессы. «Сделайте милость, — писал он, — не пускайте к нему там журналистов, кроме Каткова. Он один достойный уважения и преданный разумный человек. Все остальные — сволочь или полоумные»[86]. Запрещение на полгода либерального «Голоса» вызывает у Победоносцева чувство большой радости. «...Наконец я вижу, — пишет он Игнатьеву на другой день после закрытия газеты, 26 июля, — что остановили «Голос». Обнимаю Вас сердечно, гр. Николай Павлович, только ради бога не спускайте...»[87].

Победоносцева возмущает открытие новых газет, в частности предполагаемого издания Сувориным «Русского дела». По этому поводу он опять-таки наставляет Игнатьева. «Или мало еще лжи и разврата распространяется у нас существующими журналами и газетами?.. — вопрошает Победоносцев. — К чему, как не к усилению этого зла, может послужить открытие новых?.. Между тем беспрестанно читаем о

---

[83] ЦГИАЛ, ф. Главного управления по делам печати, оп. 1, д. 17, лл. 30 — 75; д. 18, лл. 1 — 14. Взыскания эти состояли из предупреждений, воспрещения розничной продажи и приостановления издания сроком до шести месяцев.

[84] «Былое», 1924, кн. 27 — 28, стр. 54.

[85] Там же, стр. 55.

[86] Там же, стр. 57.

[87] Там же.

разрешении новых газет»[88]. Тут же в шовинистически-погромном тоне он популярно разъясняет министру внутренних дел, что представляют собой в настоящее время газеты.

Все это говорит о том, что реакция в лице Победоносцева придавала большое значение борьбе с прессой.

Весной 1882 года Игнатьев разрабатывает проект создания Верховной комиссии по делам печати. В проекте доклада, хранящегося в его фонде, он прежде всего стремится доказать, что существующее законодательство о печати крайне затрудняет действенную борьбу с «вредным направлением» прессы. Так, он говорит, что в настоящее время единственной возможностью закрыть тот или иной орган печати является представление министра внутренних дел в Первый департамент Сената. Однако воспользоваться этим правом министр может только после объявления изданию трех предостережений, «то есть после того, как издание успело уже принести значительный вред, который едва ли, к тому же, может быть вполне оценен Первым департаментом, не имеющим возможности следить за направлением журналистики». В связи с этим он считал необходимым создать новый орган — Верховную комиссию по делам печати в составе министров внутренних дел, народного просвещения, обер-прокурора Синода и «членов, назначаемых по особым высочайшим повелениям». Комиссия эта должна была давать разрешения на открытие новых «духовно-нравственных и политико-литературных изданий», а также и рассматривать вопросы о запрещении их. По мнению Игнатьева, «решения Верховной комиссии, как высшего коллегиального учреждения, несомненно могли бы иметь на общество и на печать несравненно большее влияние, чем единоличные мероприятия, исходящие от имени министра внутренних дел и генерал-губернаторов»[89].

Как нам представляется, дело заключалось не только в заботе «о большем влиянии на общество», сколько в создании условий для быстрой и решительной расправы с неугодными правительству органами прессы.

Проект Игнатьева был одобрен его наперсником Победоносцевым. Так, в письме от 9 мая 1882 года последний писал: «На днях изволите получить от меня официальный ответ на сообщение Ваше по цензурному делу. А покуда спе-

---

[88] «Былое», 1924, кн. 27—28, стр. 71, письмо 14 февраля 1882 г.

[89] ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 1462, лл. 1 — 2, 5. Писарский список без подписи и даты.

шу сказать, что я совершенно согласен с Вашими предположениями и даже несколько расширил бы компетенцию предполагаемой комиссии...» [90].

Большой интерес представляет ответное письмо Игнатьева, в котором он делится с обер-прокурором своими мыслями о способе создания закона о печати. «Очень рад, — пишет он, — что Вы хотя по предположениям об изменении в цензурном деле со мной согласны. Изолгалась печать совсем, — сетует Игнатьев. — Такого закона о печати, как в России нужно было бы, в Государственном совете не проведешь при существующем отрицательном направлении во всем. А потому приходится удовлетворяться исправлением существующего порядка — хотя бы в виде временной меры. Крика будет много и тут, но лишь бы дело спорилось» [91], — бодро замечает Игнатьев. Однако увольнение его с поста министра внутренних дел не дало ему возможности осуществить эти «временные исправления». Временные правила о печати были утверждены Александром III 27 августа 1882 года в результате решения Комитета министров. В основу их был положен рассматривавшийся нами выше проект Игнатьева. Издание их являлось одним из проявлений реакционного курса, провозглашенного 29 апреля. Российское самодержавие в пореформенный период нередко прибегало к изданию различного рода «временных правил», нарушавших собственное законодательство.

* *
*

Другим проявлением реакции явились «Временные правила о евреях». Поводом для издания этих правил были события весны 1881 года — еврейские погромы, проходившие в ряде южных губерний, как уже говорилось выше, в основном при полном попустительстве местных властей.

19 октября 1881 года был образован при Министерстве внутренних дел Комитет о евреях под председательством товарища министра Готовцева. В состав комитета входили профессор полицейского права Андреевский, чиновники Бестужев-Рюмин, Воейков, кн. Церетелев и ряд губернаторов (с.-петербургский, таврический, ковенский, полтавский, мин-

[90] «Былое», 1924, кн. 27 — 28, стр. 75.

[91] «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. 1, полутом 1, стр. 258. Письмо не датировано. Являясь ответом на письмо Победоносцева от 9 мая, надо полагать, что оно относится к периоду от 10 до 15 мая 1882 г.

ский, волынский). Вместе с тем были созданы на местах, в губерниях[92], комитеты для рассмотрения еврейского вопроса, которые должны были передать свои суждения в Комитет о евреях.

Заседания Комитета проходили 20, 27, 30 января и 2 февраля 1882 года. Антисемитское движение в 1881 году на юге России проявлялось в борьбе против еврейской сельской буржуазии (кабатчиков, лавочников, арендаторов). Надо сказать, что местное начальство всячески поощряло это. Основную массу погромщиков составляли люмпен-пролетарские элементы, как, например, это было в месте наибольших беспорядков — в Киеве. Комитет о евреях в своем решении признал необходимым осуществить четыре «временные» меры, носившие крайне реакционный характер. Так, первая из них предусматривала запрещение евреям права жительства вне городов и местечек, «предоставив таковое евреям-ремесленникам лишь в усадьбах землевладельцев, а в селениях не иначе как под условием согласия на сие сельских обществ». Вторая мера касалась запрещения евреям строить и приобретать дома вне городов и местечек; третья — запрещала «владеть и пользоваться землей под видом покупки, аренды, принятия в залог и управления оною лично или по договоренности вне городов и местечек»[93]. И, наконец, четвертая воспрещала евреям питейную торговлю в селах.

Все эти меры, за исключением четвертой, касавшейся исключительно буржуазных элементов, являлись чрезвычайно жестокими, предполагая выселение евреев с мест, где жили их родители, деды и прадеды. Имея в виду что в губерниях черты оседлости проживало в сельских местностях значительное количество евреев, это должно было коснуться массы населения. Вместе с тем нетрудно обнаружить, что объективный смысл рассматриваемых предложений означал устранение конкуренции еврейской буржуазии, хотя естественно, что члены Комитета отнюдь не выражали непосредственного беспокойства о судьбе местных кабатчиков, лавочников и арендаторов христианского вероисповедания, а исходили из своих общих реакционно-шовинистических воззрений.

Министр внутренних дел, одобрив эти предложения, несколько их изменил и дополнил. Так, он полагал вовсе запре-

---

[92] Местные комитеты создавались на основе «высоч. повеления» 22 августа 1881 г. в тех губерниях, где проживало значительное число евреев.

[93] ЦГИАЛ, ф. Комитета министров, Журнал за апрель 1882 г., д. 4234, ст. 333, лл. 474, 479—480.

тить ремесленникам-евреям проживание в сельских местностях независимо от отношения к этому местного населения. Дополнение же Игнатьева носило характер неприкрытой заботы о местных христианских кабатчиках и лавочниках: «Торговля в воскресные и двунадесятые у христиан праздники, — говорилось в нем, — евреям воспрещается, причем соблюдается тот порядок, что торговые помещения, закрытые в еврейские праздники, должны быть равномерно закрыты и в христианские» [94].

Таким образом Игнатьев проявлял «трогательную заботу» о еврейских лавочниках, предлагая им праздновать не только свои, но и христианские праздники.

3 марта 1882 года министр внутренних дел представил эти предложения в Комитет министров, хотя по своему характеру они подлежали обсуждению в Государственном совете. Представление было направлено для ознакомления и заключения ряду министров и встретило с их стороны в основном отрицательное отношение.

Резко высказался против предполагаемых мер министр финансов Бунге. «Надлежит сознаться, — писал он в своем отзыве, — что предлагаемые меры не могут не возбуждать, при самом правильном исполнении их, весьма существенных возражений, особенно при том условии, что они предполагаются к осуществлению немедленно и не как органический закон, а в виде временных правил, хотя правила эти должны применяться к сотням тысяч людей, имеющих весьма обширные торговые сношения и сделки и с участью которых связаны в большинстве случаев интересы христианского населения» [95].

Далее министр финансов говорит, что правительство уже неоднократно пыталось применять по отношению к евреям крутые меры, но отказывалось от них в связи с их экономической нецелесообразностью. Вместе с тем он указывает, что практическое осуществление этих мер приведет ко всякого рода безобразиям (подкупам, попойкам и т. д.). «При таком положении, — продолжал Бунге, — неблагонамеренные лица могут еще с большим удобством воспользоваться подобным распоряжением и вызвать еще сильнейшие беспорядки. Необходимо прибавить, — замечал он, — что возвращение в города евреев, проживающих в селениях, может поставить в затруднительное положение не только переселенцев, но и

[94] ЦГИАЛ, ф. Комитета министров. Приложение к журналу за апрель 1882 г., д. 4235, ст. 333, л. 542.

[95] Там же, лл. 586—587.

жителей городов и самое местное начальство, так как оно должно будет озаботиться приютом их. В заключение, — продолжал министр финансов, — настоящая весьма крутая мера несомненно причинит еще бо́льшие затруднения для правительства и усложнит в политическом отношении положение государства, создавая массу недовольных лиц не только между евреями, но и между прочим населением, имевшим торговые сношения с ними...» [96].

При этом Бунге решительно настаивал на том, что «во всяком случае» подобные меры не могут быть предприняты без рассмотрения их в Государственном совете, т. е. в законодательном порядке. Итак, министр финансов весьма решительно выступил против предложения Игнатьева. Министр государственных имуществ также по существу высказался против. Не останавливаясь на вопросе о процессуальной процедуре обсуждения данного проекта, он соглашался, что предлагаемые Игнатьевым меры вытекают «из действительной потребности дела». «Но вместе с сим, — замечал он, — нельзя не желать, чтобы проведение этих мер в исполнение последовало с меньшими насилиями, с возможным спокойствием и с возможным ограничением страданий десятков тысяч душ, хотя бы и евреев».

При этом он отмечал, что рекомендуемые Игнатьевым меры, по его мнению, «не вполне соответствуют этой последней потребности» [97].

Таким образом, даже антисемит Островский считал невозможным осуществление представленного Игнатьевым проекта.

Решительным противником предложений Игнатьева явился также и министр юстиции Набоков. Он считал, что меры эти нельзя рассматривать вне общей связи с решением еврейского вопроса в целом. По мнению министра юстиции, это должно было проходить только в законодательном порядке, т. е. явиться предметом обсуждения Государственного совета.

Набоков усматривал в реализации предложений Игнатьева и политическую опасность. «...При современном состоянии умов, вызывающем необходимость особой осторожности при издании правительственных мероприятий, — писал Набоков, — выселение евреев из деревень, с лишением их права владения и пользования всяким имуществом, расположенным в сих местностях, могло бы увеличить число недовольных, не

[96] ЦГИАЛ, ф. Комитета министров, д. 4235, Приложение к журналу за апрель 1882 г., лл. 592—593.
[97] Там же, л. 597.

только в среде еврейского населения, но также и в коренном населении, ибо, без сомнения, лишение указанных выше прав евреев поставит нередко в затруднительное положение тех лиц, с которыми они вошли в обязательные либо иные по имуществу отношения»[98]. Министр юстиции полагал, что меры, предлагаемые Игнатьевым, тяжело отразятся на экономическом положении значительной части населения губерний, расположенных в черте оседлости.

В заключение Набоков еще раз обращал внимание на «весьма серьезные затруднения», которые могут возникнуть в результате массового выселения десятков тысяч людей, особенно при условии «их противодействия».

Итак, все министры, представившие свои отзывы на предложения Игнатьева, высказались против них. Обсуждение этого вопроса в Комитете министров также не встретило сочувствия присутствовавших. Как сообщал Головнин Милютину, все члены Комитета выступили против предложений министра внутренних дел[99]. Главным противником Игнатьева выступал тот же Бунге, доказывавший, что предлагаемая мера будет иметь гибельное значение. Против Игнатьева выступил также и Сольский. Отмечая недопустимость бездействия властей во время погромов, председатель Комитета министров Рейтерн в своем резюме заявил: «Нужно защищать всякого от всяких незаконных посягательств. Сегодня травят и грабят евреев. Завтра перейдут к так называемым кулакам... потом может очередь дойти до купцов и помещиков. Одним словом, при подобном бездействии властей, — заключил он — возможно ожидать в недалеком будущем развития самого ужасного социализма»[100].

В заключительном слове сам Игнатьев уже не настаивал на мерах, им рекомендованных, ограничившись предложением запретить в будущем евреям селиться в сельских местностях и не выдавать им там патентов на право торговли вином, не разрешать приобретать вне городов недвижимого имущества и т. д.[101]. Однако даже и эти меры не были полностью приняты Комитетом.

---

[98] ЦГИАЛ, ф. Комитета министров, д. 4235, л. 607.

[99] Отд. рукописей ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, папка 61, д. 35. Письмо от 30 апреля 1882 г.

[100] Дневник Е. А. Перетца, стр. 133. Это заседание Комитета министров подробно описано в данном Дневнике, стр. 130—133.

[101] Как сообщает Л. Клячко, Игнатьев получил за отказ от своих первоначальных предположений от барона Гинцбурга взятку в размере 100 тыс. руб. См.: Л. Клячко (Львов). Повести прошлого. Л., 1929, стр. 141.

Решение Комитета министров распадалось на две части. В первой говорилось о недопустимости антиеврейских беспорядков, о том, что правительство «должно ныне же твердо заявить во всеобщее сведение, что всякое насилие над личностью евреев и их имуществом находящихся под охраною общих для всего населения законов, ...что правительство не остановится перед мерами самой крайней строгости для подавления беспорядков против евреев...» [102]. Во второй — о мерах, которые должны оградить «интересы местного населения». В виде временной меры, «до общего пересмотра в установленном порядке законов о евреях», рекомендовалось запретить евреям селиться вне городов и местечек, за исключением существующих земледельческих колоний. Далее предлагалось, опять-таки временно, приостановить засвидетельствование купчих крепостей, закладных, арендных договоров на землю, а также воспретить торговлю вином в воскресенье и праздничные дни. Кроме того, устанавливался ряд других ограничений на торговлю евреев вином.

Это решение было утверждено царем 3 мая. Как мы видим, Игнатьеву не удалось реализовать свой проект. Даже в Комитете министров, реакционном по своему составу, проект встретил дружную оппозицию. Сам Александр III также не поддержал своего министра внутренних дел, несмотря на свою зоологическую ненависть к евреям [103].

В чем же причина? Она заключается, на наш взгляд, отнюдь не в положительном отношении к судьбе евреев. Тот факт, что правительство не пошло на эту меру, свидетельствовал о боязне последствий ее, последствий не столько экономических, хотя и они играли свою роль, сколько политических. Несмотря на то что в течение года после убийства Александра II и не произошло каких-либо серьезных событий, страх перед их возможностью был все же велик. Ведь 9 лет спустя, в других условиях правительство не остановилось перед выселением из Москвы нескольких тысяч евреев, невзирая на все отрицательные последствия этой меры.

---

[102] ЦГИАЛ, ф. Комитета министров. Особый журнал 20 и 27 апреля 1882 г., д. 4234, ст. 333, лл. 490—491. Опубликовано в сокращенном виде в ПСЗ, 3 собр., т. II, № 834.

[103] Император был противником какого-либо улучшения положения евреев, глубокомысленно полагая, «что если судьба их печальна, то она предначертана евангелием». Подобное изречение, как рассказывает Е. М. Феоктистов, лично видел «высочайше начертанным» на письме барона Гинцбурга, ходатайствовавшего в 1890 г. об улучшении положения евреев в России. ИРЛИ (Пушкинский Дом), ф. Е. М. Феоктистова, L 9122 11б 54. Дневниковая запись за 22 февраля 1891 г., л. 26.

Вместе с тем надо заметить, что первая часть решения, осуждающая антиеврейские беспорядки, отнюдь не носила демагогического характера. Правительство действительно боялось их, полагая, как уже говорилось выше, что они смогут обернуться не только против евреев. Всякое массовое движение, даже основанное на реакционно-шовинистической почве, вселяло страх в правительственные круги. «...В глубине души, — заявил Александр III генералу Гурко, — я ужасно рад, когда бьют евреев, и все-таки не надо допускать этого» [104].

* *
*

Деятельность Игнатьева выражалась не только в осуществлении реакционных мер. Наряду с этим было проведено и ряд иных.

К ним, во-первых, относятся реформы экономического характера, являвшиеся, правда в неполной степени, реализацией предложений в этой области Лорис-Меликова. Все они носили объективно-буржуазный характер.

Во-вторых, мы имеем в виду мероприятия политического характера. Правительство не могло в этот период перейти к прямой, неприкрытой реакции. Слишком велик был еще страх, вызванный предшествующими событиями. В силу этого оно должно было еще некоторое время «подурачить «общество» [105], как говорит В. И. Ленин. Одни из мер, как, например, приглашение «сведущих» людей, носило явно выраженный демагогический характер. Другие, как политика в отношении к земству, созыв Кахановской комиссии, хотя и не обладали столь неприкрытым свойством, однако по своему объективному значению были направлены к той же цели.

Обратимся к правительственным мероприятиям экономического характера. 9 мая Александр III рассмотрел журнал Общего собрания Государственного совета от 27 апреля. Он утвердил решение о переводе временнообязанных крестьян на выкуп, а также как общую сумму ежегодного понижения выкупных платежей в 9 млн. руб., так и сложения недоимки по этим платежам в сумме 14 млн. руб. Однако царь предложил еще раз обсудить распределение суммы понижения по отдельным губерниям и уездам в совещании министров внутренних дел, финансов и государственных имуществ с

[104] ИРЛИ (Пушкинский Дом), ф. Е. М. Феоктистова, L 9122, 11 б 54. Дневниковая запись за 21 января 1891 г., л. 8.
[105] В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 42.

участием экспертов, приглашенных по их выбору. Совещание должно было провести работу таким образом, чтобы заключение его поступило в Государственный совет после летних каникул.

Таким образом, решение царя полностью совпадало с точкой зрения Победоносцева и его единомышленников [106]. Заседания Особого совещания министров с участием 13 земских экспертов [107] проходили в течение июня. При рассмотрении вопроса о распределении суммы понижения по отдельным губерниям эксперты единогласно пришли к заключению о необходимости распространить понижение выкупных платежей не только на нечерноземные губернии, но и на всю Россию, исключая лишь западные губернии, где был осуществлен обязательный выкуп в 1863 году [108]. Эксперты также единогласно пришли к заключению об увеличении суммы ежегодного понижения с 9 млн. до 12 млн. руб.

Однако в вопросе «относительно главных оснований понижения выкупных платежей, так и самого способа понижения» голоса экспертов разделились. По мнению большинства экспертов (Галагана, Дмитриева, Калачова, Колюпанова, Самарина и кн. Щербатова), выкупные платежи «должны быть рассматриваемы как такие платежи, которыми выкупается не рента за землю, а вотчинно-личная повинность, носящая государственный характер... Выкупные платежи, не будучи ни рентой за землю, ни повинностью, лежащей на имуществе, должны быть соразмерены не с одной только доходностью земли, к которой платеж этот приурочен, а с податными силами крестьян, определяемыми всей совокупностью признаков, свидетельствующих о степени их благосостояния» [109].

Это мнение выражало откровенно крепостническую точку зрения Д. Ф. Самарина, выступавшего уже не раз с тезисом о том, что выкупные платежи не имеют никакого отношения к стоимости земли, а представляют собой совокупность крестьянских повинностей, носящих «государственный характер». Руководствуясь этим, большинство экспертов и полагало произвести понижение в размере 20% общей сум-

[106] См. гл. IV, стр. 348—350.

[107] Предводителей дворянства и председателей земских управ. Состав этих экспертов зависел от выбора министра внутренних дел.

[108] По мнению экспертов, в западных губерниях это понижение должно было коснуться только тех крестьян, которые перешли на выкуп до издания закона 1863 г.

[109] ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, оп. т. XV, д. 104, ч. I, 1881 г., лл. 42—43.

мы выкупных платежей по всей России, за исключением девяти западных губерний [110].

Независимо от общего понижения большинство экспертов считало необходимым произвести специальное дополнительное понижение выкупных платежей в отдельных районах России, находящихся в исключительно неблагоприятных условиях. На это они полагали необходимым 3 млн. руб.

Меньшинство же экспертов (Горчаков, Оленин, Наумов, Шаталов), наоборот, полагало, что выкупные платежи имеют прямое отношение к ценности земли. Руководствуясь этим, они считали, что «прежде всего выкупные платежи должны быть приведены в соответствие с выгодами, получаемыми крестьянами от их земельных наделов в каждой губернии, обремененной непосильными платежами (на что потребовалось бы до $8^1/_2$ млн.), и только после приближения, далеко не полного, но все-таки более справедливого, таких местностей к другим, находящимся в сравнительно лучших земельных условиях, должно быть сделано процентное понижение (10%) всех выкупных платежей по всей России» [111].

Вторая точка зрения решала вопрос о понижении выкупных платежей более справедливо, имея в виду приведение их в соответствие с действительной ценностью земли.

По вопросу о сложении недоимок по выкупным платежам между экспертами разногласий не произошло. Все они считали необходимым распространить эту меру в одинаковой степени на всю Россию. Особое совещание трех министров поддержало точку зрения большинства. В соответствии с этим оно и приняло решение. Так, на ежегодное понижение выкупных платежей определялось 12 млн. руб. Из этой суммы свыше 7 млн. руб. должно было быть израсходовано на общее понижение, а именно: в размере 1 руб. с надельной души на территории всех губерний, на которые распространялось «Великороссийское положение о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости». В Полтавской, Харьков-

---

[110] Необходимость понижения выкупных платежей по всей России признавалась необходимой большинством экспертов и по политическим соображениям. «Облегчение выкупных платежей, — говорилось в журнале заседания, — является первым актом нового царствования, направленным к улучшению материального благосостояния крестьян. Если бы при этом значительная часть России была обездолена, то впечатление этой меры на массу народонаселения едва ли было бы удовлетворительно...» (ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, оп. т. XV, д. 104, ч. I, 1881 г., л. 43).

[111] Там же, л. 44.

ской и Черниговской губерниях выкупные платежи должны были быть снижены на 16%.

«Остающуюся за этим общим понижением сумму, около пяти миллионов рублей сер., — говорилось в заключении Особого совещания, — употребить на добавочное дальнейшее понижение во всех тех местностях, где крестьяне вследствие расстройства быта нуждаются в особом понижении»[112].

Сведения об этом должны были доставляться земскими органами и рассматриваться в губернских земских собраниях.

В октябре вопрос о понижении выкупных платежей на основе заключения Особого совещания рассматривался в Соединенном присутствии Главного комитета об устройстве сельского состояния и Департаментов законов и государственной экономии.

При обсуждении этого вопроса большинство высказалось за предложения Особого совещания[113] и только четыре члена (гр. Э. Т. Баранов, А. П. Заблоцкий-Десятовский, К. К. Грот и Н. И. Стояновский) настаивали на приведении выкупных платежей в соответствие со стоимостью и доходностью земли, т. е. полагали необходимым понизить их в первую очередь в нечерноземных губерниях, как это предполагалось ранее.

В Общем собрании, происходившем 30 ноября, 7 и 21 декабря, вопрос о способах понижения выкупных платежей вызвал снова большие споры.

В первом заседании мнение меньшинства в Соединенном присутствии поддержало 11 членов[114], а большинства — тридцать четыре члена[115], два же члена, А. В. Головнин и

---

[112] ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, оп. т. XV, д. 104, ч. I, 1881 г., л. 49.

[113] М. Х. Рейтерн, Н. Ф. Метлин, Ф. М. Новосильский, Д. Н. Набоков, Д. М. Сольский, Г. П. Небольсин, Н. П. Игнатьев, Е. И. Бреверн, Б. П. Мансуров, М. Н. Островский, М. Е. Ковалевский, Н. Х. Бунге.

[114] А. А. Суворов, Э. Т. Баранов, А. В. Адлерберг, А. П. Заблоцкий-Десятовский, М. Н. Любощинский, К. К. Грот, Ф. П. Корнилов, Л. С. Маков, Н. И. Стояновский, И. И. Воронцов-Дашков, В. М. Маркус.

[115] Вел. князья Михаил Николаевич, Владимир Александрович, Е. В. Путятин, Н. Ф. Метлин, А. И. Гильденштубе, Ф. М. Новосильский, В. П. Титов, А. И. Вергин, А. А. Баранцов, М. Х. Рейтерн, Ф. Л. Гейден, А. Е. Тимашев, П. А. Шувалов, В. А. Долгоруков, А. П. Николаи, Д. Н. Набоков, С. А. Танеев, Д. М. Сольский, Б. П. Мансуров, М. С. Каханов, П. Н. Клушин, Е. Н. Старицкий, В. Д. Философов, М. Н. Островский, К. П. Победоносцев, М. Е. Ковалевский, П. С. Ванновский, Н. Х. Бунге, Н. К. Гирс, Г. П. Небольсин, Н. В. Исаков, Н. П. Игнатьев, К. И. Пален, Е. И. Бреверн.

присоединившийся к нему С. А. Грейг, выступили с особым мнением; заключавшимся в том, чтобы «способы распределения предназначенной на этот предмет суммы между отдельными местностями и селениями и вообще подробности настоящего дела следует обсудить вновь по получении затребованных Министерством внутренних дел сведений о степени хозяйственного расстройства бывших помещичьих крестьян»[116]. Таким образом, Головнин предлагал по существу начать обсуждение способа понижения выкупных платежей вновь.

В заседании 7 декабря расстановка сил оказалась уже другой. Особое мнение Головнина поддерживали уже пятнадцать человек[117]. Соответственно уменьшился численный состав «большинства» с 34 до 27 и «меньшинства» с 11 до 5. Наконец, в заседании 21 декабря во время чтения журнала Общего собрания «меньшинство» заявило, что присоединяется к точке зрения Головнина. Итак, в последний момент в Общем собрании расстановка сил была такова: двадцать семь членов высказывались за понижение выкупных платежей согласно с предложением Особого совещания министров, а двадцать членов считали целесообразным снова вернуться к обсуждению вопроса о способах понижения выкупных платежей.

28 декабря 1881 года Александр III утвердил мнение большинства членов Государственного совета: тем самым обнародовался закон и о переводе крестьян на обязательный выкуп, решенный еще весной 1881 года[118].

Переводя крестьян на обязательный выкуп, правительство вместе с тем проявляло заботу и о помещиках, стремясь компенсировать их за потерю ими возможности получить дополнительный платеж. В этом отношении представляет интерес всеподданнейший доклад Игнатьева от 24 декабря, сохранившийся в его фонде. В этом докладе он, подчеркивая необходимость охраны прав «верного русского дворянства» и сохранения за ним «первенствующего в стране значения», ставил вопрос о необходимости поддержать мелких и средних помещиков. По его мнению, именно эта часть дворянства

---

[116] ЦГИАЛ, ф. Главного комитета об устройстве сельского состояния, оп. т. XV, д. 104, ч. II, 1881 г., л. 246.

[117] А. В. Адлерберг, М. И. Любошинский, Ф. П. Корнилов, В. М. Маркус, В. П. Титов, А. Е. Тимашев, К. И. Пален, П. Н. Клушин, В. Д. Философов, Н. К. Гирс, С. А. Грейг, А. В. Головнин, К. Н. Посьет, А. А. Ливен, А. М. Дондуков-Корсаков.

[118] ПСЗ, 3 собр., т. I, № 575, 576, 577.

представляет собой «всего более сохранившее связи со страною и служащее вернейшею опорою порядка и орудием правильного управления ею». Руководствуясь этим, он предлагал оказать пособие помещикам, владевшим менее 300 ревизских душ, принимая при этом в расчет сумму недоимок оброка, числившегося за его бывшими крепостными, а также и размер понижения выкупных платежей. «Если в таких поместьях, — писал он, — недоимки велики, взыскание их малонадежно и помещик желает от них отказаться, получив взамен деньгами на руки, то представлялось бы справедливым оказать ему денежное пособие, не достигающее 20% с полной выкупной ссуды»[119]. Этот доклад был одобрен царем[120], однако практического значения он не получил. Вопрос о пособии помещикам был решен позднее, в мае 1883 года, в иной форме. По этому закону, изданному в период коронации, помещики, крестьяне которых переводились на обязательный выкуп, получали пособие в размере $^1/_{12}$ выкупной ссуды[121].

Несмотря на то что выкупные платежи и не были приведены в соответствие со стоимостью земли, мера эта, так же как и введение обязательного выкупа, имела известное значение в смысле ускорения процесса развития капитализма в деревне.

Если процесс экономического развития требовал введения обязательного выкупа, то непосредственной причиной этой меры, так же как и понижения выкупных платежей, явилась возникшая в стране обстановка, и в первую очередь то напряженное состояние в деревне, которое сложилось в этот период. Что касается других мер в отношении крестьянства, предложенных Лорис-Меликовым и принятых как Соединенным присутствием, так и Общим собранием Государственного совета, то они либо вовсе не получили своего дальнейшего развития, либо в большинстве своем были осуществлены в ублюдочной форме. К ним относится издание закона об аренде земель и переселениях, открытие Крестьянского банка и отмена подушной подати.

---

[119] В отношении же крупных землевладельцев Игнатьев полагал нецелесообразным оказывать им какую-либо помощь, имея в виду, что «они сами уклонились от исполнения желания в бозе почившего государя императора и за недополучение 20% с избытком вознаградили себя оброком в течение 20 лет» (ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 1582, л. 10).

[120] На первом листе имеется резолюция Александра III: «Я тоже разделяю Ваше мнение».

[121] ПСЗ, 3 собр., т. III, № 1584.

Так, 22 мая было утверждено Александром III решение Комитета министров «О предоставлении крестьянским обществам, в виде временной меры, некоторых льгот по арендованию земель»[122]. Этот закон разрешал крестьянам снимать с торгов в аренду казенные земли, «не стесняясь расстоянием их от селений», а также представлять вместо денежного залога мирские приговоры.

Закон этот имел весьма ограничительное распространение и никоим образом не мог оказать никакого существенного влияния на уменьшение земельной нужды крестьян.

Такой же характер имел и закон о переселениях. 30 июня в Комитете министров были рассмотрены «Временные правила о переселениях крестьян на свободные земли». Если ранее переселение разрешалось только малоземельным крестьянам, то теперь это право предоставлялось крестьянам всех категорий. Главным образом имелись при этом в виду крестьяне, получившие дарственный надел, представлявшие в своем большинстве наиболее обездоленную часть крестьянства. Устанавливался размер надела высший или указный, но не более 8 десятин на ревизскую душу. Плата за землю определялась в соответствии с существующими ценами оброка казенных земель. На берегу Волги, невдалеке от Сызрани, создавалась переселенческая контора. Решение это Комитет министров считал необходимым не опубликовывать, чтобы не вызвать массового переселения крестьян[123]. Министерству государственных имуществ предоставлялось право давать разрешения на переселения, не руководствуясь формальным положением крестьянской семьи. Позднее вопрос о переселениях рассматривался «сведущими людьми», но никакого практического результата это не имело.

Рассмотрим вопрос о создании Крестьянского поземельного банка[124].

20 мая 1881 года Александр III предложил разработать вопрос «Об облегчении крестьянам возможности пользоваться кредитом для покупки земель»[125].

---

[122] ПСЗ, 3 собр., т. I, № 189.

[123] ЦГИАЛ, ф. Комитета министров, журнал, за июнь 1881 г., д. 4173, ст. 448. В полном собрании законов «Временные правила» не опубликованы.

[124] Вопрос этот подробно рассматривается В. А. Вдовиным в его исследовании «Крестьянский поземельный банк» (Госфиниздат, М., 1959). В силу этого данная реформа освещается нами кратко, в основном по указанной работе.

[125] ЦГИАЛ, ф. Департамента государственной экономии, 1882, д. 164, л. 2. Цит. по работе Вдовина, стр. 26.

К середине декабря был разработан первоначальный проект положения о Крестьянском банке. Вопрос этот рассматривался комиссией в Министерстве финансов. Проект был подписан тремя министрами: внутренних дел, финансов и государственных имуществ. Он предполагал создание Крестьянского банка при Главном выкупном учреждении, под эгидой его председателя. Ссуды должны были выдаваться как отдельным крестьянам-домохозяевам, так и сельским обществам в целом и товариществам, составленным из тех же крестьян-домохозяев. Последним, впрочем, лишь при условии выселения преимущественно в пределах данного уезда. Отдельным домохозяевам ссуды предполагалось выдавать лишь в том случае, если в данном обществе отсутствовало общинное землепользование, и притом лишь тем, кто не имел полного надела земли. Размер ссуды устанавливался в 80% продажной стоимости. Срок кредитования мог быть двояким: на $24^1/_2$ и $34^1/_2$ года.

Проект предполагал сохранение существовавших форм землепользования, о чем прямо говорилось в представлении трех министров. Так, в нем отмечалось, что содействие банка «не должно обращаться в косвенное средство к изменению существующих способов владения землей; порядок производства ссуд следует применять к установившимся условиям землевладения, не колебля общинного пользования там, где оно существует» [126]. Руководствуясь тем же, предполагалось, что ссуда не будет превышать суммы, необходимой для приобретения земли в количестве, не превышающем размера высшего надела, установленного для данной местности.

Как справедливо отмечает В. А. Вдовин, разработанный проект не отвечал интересам тех, для кого он был предназначен — малоземельных и безземельных крестьян. Это объяснялось и установлением высокого процента за просрочку платежа (12% годовых) и большими доплатами в размере 20%, которые крестьяне обязаны были вносить при покупке.

Представленный в Государственный совет проект, как обычно, был направлен на предварительное заключение его членов и вызвал ряд критических замечаний, на основе которых он и был несколько видоизменен. Понижался размер ссуды с 80 до 75%. Одновременно с этим сумма ссуды на одну наличную мужскую душу определялась в зависимости от формы землевладения. Конкретизировалось понятие

---

[126] В. А. Вдовин. Ук. соч., стр. 28.

«товарищество», а также условия приобретения земли всем обществом и т. д.

В середине февраля исправленный проект положения был возвращен в Государственный совет. Обсуждался он в Соединенном присутствии двух департаментов: законов и государственной экономии совместно с Главным комитетом об устройстве сельского состояния. Заседания Соединенного присутствия происходили 20 и 25 февраля и 4 марта 1882 года.

При обсуждении данного вопроса в Соединенном присутствии двое членов Государственного совета, Мансуров и Шувалов, выступили против внесенного проекта, усматривая в нем опасность для сохранения дворянского землевладения. По их мнению, сам принцип выдачи ссуд на приобретение земли будет содействовать «пагубным ожиданиям крестьян насчет дополнительного надела землей»[127]. Открытие же банка, по их мнению, «равносильно принципиальному разрешению государством вопроса громадной важности о ненадобности существования в России всякой крупной собственности»[128].

Таким образом, организация Крестьянского поземельного банка, по мнению Мансурова и Шувалова, не отвлечет крестьян от мысли получить дополнительные наделы земли, а, наоборот, будет способствовать этому. Большинство же членов Соединенного присутствия высказалось за организацию Крестьянского банка, внося в проект ряд изменений. Это касалось всего того, что могло бы, в представлении крестьян, связывать открытие банка с предполагаемым якобы изменением существующих размеров крестьянских наделов. Так, они высказывались против выдачи ссуд в зависимости от наличного земельного обеспечения крестьян. Также считалось нецелесообразным открывать банк при Главном выкупном учреждении. При обсуждении вопроса в Общем собрании Государственного совета, 26 апреля, 12 членов поддержали точку зрения Шувалова и Мансурова. Среди них главную роль играл Победоносцев.

По этому поводу он писал Игнатьеву: «...я сам желал бы потопить Крестьянский поземельный банк: я считаю его фальшивым учреждением, одним из звеньев той фальшивой цепи, которую заплела политика Л[орис]-Меликова — Абазы, — соляной налог, выкупные платежи, миллионы,

---

[127] В. А. Вдовин. Ук. соч., стр. 31.
[128] Там же.

платимые в Госуд[арственный] банк и Крестьянский банк. Это трата даром государственных денег и внесение в народное сознание начал развращающих»[129].

Судя по началу письма, Игнатьев, по-видимому, делал какие-то «авансы» на этот счет Победоносцеву[130]. Однако в Общем собрании министр внутренних дел не поддержал своего наставника.

В Общем собрании происходили горячие прения. Вместе с Победоносцевым выступал и ряд представителей реакции: А. Е. Тимашев, гр. Д. А. Толстой, Т. И. Филиппов и др. Характеризуя существо споров в Общем собрании, Валуев писал: «Все вертелось на том, будто бы обещание кредита на покупку земли отобьет у крестьян надежду на «черный передел» и их граждански воспитает»[131].

В результате обсуждения проекта учреждения Крестьянского поземельного банка в Общем собрании Александру III было представлено два мнения: большинства — за создание банка и меньшинства — против. Утверждено было первое. В ходе рассмотрения проекта в Общем собрании он подвергся снова ряду изменений. Из него было исключено все, что могло вселять в крестьян мысль о возможности получить дополнительно землю к существовавшему наделу. Вместе с тем были несколько облегчены условия покупки земли: разрешалась рассрочка взноса доплаты, уменьшался процент за просрочку ссуды. Если сама по себе идея создания Крестьянского поземельного банка была буржуазна, обеспечивая условия для более быстрого развития капитализма, то в данных конкретных условиях организация его в первую очередь предусматривала заботу о продаже дворянами своих земель. Товарищ министра государственных имуществ Куломзин, излагая в воспоминаниях разговор по поводу учреждения Крестьянского банка с Д. А. Толстым, являвшимся противником его организации, пишет: «...я считаю это учрежде-

---

[129] «Былое», 1924, кн. 27—28, стр. 71.

[130] 13 апреля Половцов заносит в дневник свой разговор с Игнатьевым по поводу его политики в крестьянском вопросе вообще и отношении к созданию Крестьянского банка в частности. «...Его политика, — пишет Половцов, — вполне консервативная, потому что он желает всеми силами умножить число землевладельцев в России, что прямо сломить общину трудно ввиду сложившегося в обществе убеждения о ее пользе, но что к увеличению числа крестьян-собственников он, Игнатьев, идет другим путем, путем кредита, а для этого учреждает поземельный банк» (ЦГАОР, ф. Половцова, д. 20, стр. 70). Как мы знаем, Игнатьев неоднократно заявлял себя сторонником общины. Вследствие этого трудно установить, когда же он лгал. По-видимому, все же Половцову.

[131] П. А. Валуев. Дневник 1877—1844 гг., стр. 196.

ние, — заявил он, — спасением разорившихся дворян из пасти ростовщиков, они будут в состоянии продажей части их имущества спасти остальное»[132]. Так оно в действительности и было.

В заключение данного раздела рассмотрим вопрос об отмене подушной подати. Вопрос «О замене подушной подати другими налогами» был внесен в Государственный совет министром финансов Бунге 29 марта 1882 года[133]. Собственно вопрос об отмене этого налога, носившего чисто феодальный характер, был поставлен давно. Еще в 1876 году по предложению Рейтерна была создана для рассмотрения этого вопроса особая комиссия под председательством вел. кн. Константина Николаевича. Однако война помешала ее работе.

Снова возвратились к этому вопросу по окончании русско-турецкой войны, когда в 1879 году по докладу министра финансов Грейга была образована под его председательством междуведомственная комиссия. Комиссия эта пришла к заключению о необходимости замены подушной подати тремя налогами: 1) подоходным в размере 3% с чистого дохода, 2) усадебным и 3) личным, взимаемым по 1 руб. со всех лиц мужского пола от 18 до 55 лет.

Вопрос об отмене подушной подати ставился также и Лорис-Меликовым и составлял часть его экономической программы.

Итак, министр финансов считал необходимым осуществить постепенную отмену подушной подати, составлявшей по государственной росписи на 1882 год 58 793 358 руб.[134]. Он полагал, что введение государственного подоходного налога (во всех его разновидностях) даст около 70 млн. руб., восполнив с лихвой ущерб от отмены подушной подати. Руководствуясь этим, он предлагал отменить повсеместно подушную подать. Меру эту Бунге рекомендовал осуществить в течение 8 лет, начиная с будущего года. Взимание подати с наименее обеспеченных слоев населения прекратить с 1883 года и тогда же сложить недоимку по этому налогу.

Представление министра финансов было передано для рассмотрения Особому совещанию в составе Рейтерна, гр. Баранова, Сольского, Игнатьева, Островского и Бунге.

---

[132] В. А. Вдовин. Ук. соч., стр. 35.

[133] ЦГИАЛ, ф. Департамента государственной экономии, 1882 г., д. 173.

[134] Там же, лл. 14—15.

Совещание одобрило предложение Бунге, внеся в него некоторые изменения.

Соединенное присутствие департаментов Законов, Государственной экономии, а также и Главного комитета об устройстве сельского состояния рассматривало это представление в заседаниях 8 и 21 апреля. Соединенное присутствие утвердило предложение Особого совещания, за исключением вопроса о сложении недоимки, полагая, что это может повлиять на исправное поступление не отмененных еще остальных платежей. 3 мая 1882 года Общее собрание одобрило решение Соединенных департаментов, отметив при этом, что отмена подушной подати «не есть в строгом смысле милость, а мера государственная, обусловленная необходимостью упразднить систему податей, задерживающую развитие народного благосостояния»[135].

Однако обсуждение данного вопроса было в Общем собрании довольно оживленным. Так, Победоносцев и Манасуров выступали против отмены подушной подати; Грейг, напротив, настаивал на немедленной, а не постепенной отмене ее[136].

18 мая решение Общего собрания было утверждено императором[137].

Таковы меры экономического характера, осуществленные в период министерства Игнатьева. Все они в большей или меньшей степени носили буржуазный характер. Проведение их помимо общих экономических причин было, бесспорно, ускорено кризисом самодержавия.

* *
*

Обратимся наконец к мерам политического характера, в какой-то степени являвшимся продолжением прежнего либерального курса. Деятельность Игнатьева в этой области носила в той или иной мере демагогический характер, наиболее же откровенной в данном отношении была затея с призывом «сведущих людей». Внешне это выглядело как реализация в какой-то степени предложений Лорис-Меликова о привлечении цензовой общественности к рассмотрению проектов тех или иных государственных реформ. В действи-

---

[135] Отчет по Государственному совету за 1882 г. СПб., 1884, стр. 53.
[136] Дневник Е. А. Перетца, стр. 133.
[137] ПСЗ, 3 собр., т. II, № 887, 889.

тельности же приглашение «сведущих людей» было чисто демагогическим трюком.

Первоначальное приглашение их произошло весной, во второй половине мая, для обсуждения вопроса о понижении выкупных платежей. 13 избранных самим Игнатьевым экспертов принадлежали к предводителям дворянства и земским деятелям, довольно реакционным по своим политическим взглядам. Достаточно сказать, что большинство их, как говорилось уже выше, поддержало крепостническую точку зрения Д. Ф. Самарина. Собственно, приглашенные «сведущие люди» подтвердили точку зрения Игнатьева, Победоносцева и Островского на способ понижения выкупных платежей.

Министр внутренних дел остался очень доволен этим «удачным опытом» и решил его расширить. Осенью, точнее в двадцатых числах сентября, была организована вторая сессия «сведущих людей» для обсуждения питейного и переселенческого вопросов. На сей раз состав их равнялся 32 человекам [138]. В составе их помимо предводителей и председателей земской администрации были и просто помещики и даже костромской купец Морокин, и «представитель» крестьянства — волостной старшина Ростовского уезда Ярославской губернии Костров. По открытии сессии Игнатьев произнес полную демагогии речь, в которой уверял, что «сведущие люди» призваны для того, «чтобы самые жизненные вопросы не были решаемы без выслушивания местных деятелей» [139].

Сессия эта, как и следовало ожидать, не принесла никаких реальных результатов, хотя и продолжалась около месяца. Так, по вопросу питейному сессия после двухнедельного обсуждения пришла к заключению о необходимости сокращения числа питейных заведений, о замене кабаков харчевнями, а также признала за сельскими обществами юридическое право открывать питейные заведения [140].

Другой мерой, носившей либеральную направленность, было создание так называемой Кахановской комисии. 4 сентября 1881 года Игнатьев представил царю доклад о необходимости разработки реформы губернских учреждений.

---

[138] Состав сведущих людей см. ЦГИАЛ, ф. Канцелярии министра внутренних дел, оп. 2, д. 971, л. 166 и «Правительственный вестник», 25 сентября 1881 г.

[139] «Правительственный вестник», 25 сентября 1881 г.

[140] ЦГИАЛ, ф. Канцелярии министра внутренних дел, оп. 2, д. 968, лл. 40—43.

«Административное устройство, установленное при существовании крепостного права, при действии старых судов, при правительственном заведовании земско-хозяйственными делами, — писал Игнатьев, — очевидно, не может уже удовлетворять своему назначению»[141]. Далее он указывал, что сенаторские ревизии, закончившиеся к этому времени, собрали данные о потребностях местного управления, а в Министерство внутренних дел поступило с мест большое число различных предложений о преобразовании крестьянских учреждений.

«В этих видах, — резюмировал министр внутренних дел, — ...я полагал бы весьма полезным учредить ныне особую, под председательством доверенного лица, принадлежащего к составу высшего государственного учреждения и вполне опытного в делах управления, комиссию»[142]. Председателем комиссии Игнатьев рекомендовал Каханова, которого незадолго до этого он заменил на посту товарища министра. В состав комиссии предлагалось ввести представителей различных ведомств, а также сенаторов, ревизовавших губернии. Наконец, он считал целесообразным привлекать также и «местных сведущих людей» для ознакомления их с составленным проектом. Доклад этот был одобрен Александром III.

Спустя полтора месяца, 19 октября, Игнатьев представил по этому вопросу царю новый доклад, который был посвящен вопросу «о направлении деятельности» учреждаемой комиссии. В начале этого доклада он ставит вопрос о необходимости «с возможной по свойству дела точностью» определить как предмет деятельности, так и способы выполнения этой задачи. По мнению автора, подготовку реформы можно осуществить только «при условии одновременного соображения всего строя местного управления и согласования оного с делами правительства и потребностями общественными»[143]. Таким образом, Игнатьев полагал приступить к разработке проекта реорганизации всей системы уездного и губернского управления. «Без пересмотра положений о сих учреждениях, — писал он, — невозможно достижение предположений высочайше одобренной... цели комиссии — устройства местных административных учреждений вообще, с усилением разрешающей на месте власти, сокращением числа отдельных учреждений и стесняющих местную власть формально-

[141] ЦГИАЛ, ф. Департамента общих дел, оп. 241, 1881 г., д. 83, л. 211.
[142] Там же, л. 213.
[143] Там же, л. 277.

стей, а также привлечением земства к участию в местном управлении и с точным обозначением его прав, обязанностей и ответственности»[144]. Александр III также одобрил и этот доклад[145].

Казалось бы, организация комиссии и ее направленность свидетельствовали о том, что правительство хотя бы в данном вопросе продолжает реформаторскую деятельность. Это впечатление особенно усиливалось тем, что во главе всего был поставлен либеральный бюрократ Каханов, фактический автор лорис-меликовских проектов реформ.

Мы не имеем оснований для утверждения, что создание Кахановской комиссии являлось со стороны Игнатьева сознательным демагогическим приемом, однако объективно он бесспорно был таковым. Тот факт, что подобная мера была одобрена Александром III, на наш взгляд, свидетельствует об известных еще колебаниях правительственного курса, являвшегося выражением не изжитого в полной мере кризиса самодержавия.

Деятельность Кахановской комиссии началась со второй половины ноября. На протяжении ноября — января был разработан детальный план работы, утвержденный в апреле 1882 года Комитетом министров[146]. Однако уже с первых шагов работы комиссии становится ясно, что ничего существенного ей не дано будет сделать. Так, Половцов 23 января 1882 года заносит в свой дневник следующий разговор с Кахановым: «Захожу к Каханову, который сообщает мне, что в заседании накануне[147] товарищ Игнатьева Готовцев[148] заявил, что комиссия не должна заниматься вопросом о полиции, которой будет мимо ее рассмотрен и внесен в Государственный совет. На это присутствовавшие заявили, что остается лишь закрыть комиссию. Еще также Готовцев заявил, что не должно расширять прав земству в ущерб власти Министерства»[149].

---

[144] ЦГИАЛ, ф. Департамента общих дел, оп. 241, д. 83, л. 277.

[145] На первом листе доклада рукой Александра III; «Одобряю» (там же, л. 275).

[146] Деятельность комиссии началась 20 ноября. В заседаниях 20 ноября 1881 г. и 22 и 26 января 1882 г. ею был выработан план занятий. 6 и 13 апреля рассматривался в заседаниях Комитета министров, см. ЦГИАЛ, ф. Комитета министров, д. 4234, ст. 280. Особый журнал 6 и 13 апреля 1882 г. Проект плана занятий см. там же, д. 4235, ст. 280.

[147] Т. е. 22 января.

[148] Товарищ министра внутренних дел, назначенный на эту должность вместо Каханова.

[149] ЦГАОР, ф. Половцова, д. 20, стр. 42.

Таким образом, создание Кахановской комиссии означало по существу такой же демагогический трюк, как и приглашение «сведущих людей», имея в виду, что всерьез заниматься вопросами местного управления она не имела возможности.

* *
*

В заключение остановимся на политике в отношении земства. Основную задачу своей деятельности в этом вопросе Игнатьев видел в борьбе против политических тенденций земства, что находило свое выражение в различного рода ходатайствах, получивших после 1 марта большое распространение.

Однако борьба с этим проводилась в относительно мягких формах и не влекла за собой каких-либо серьезных взысканий. Так, после выступления Тверского губернского земского собрания с ходатайством о созыве выборных со всей России министр внутренних дел обратился с циркуляром к губернаторам, указывая, что «такого рода ходатайства не должны быть вовсе опротестовываемы, так как они по самому существу своему наперед уже опротестованы законом и на точном основании ст. 13 и ст. 14 правил о порядке производства дел в общественных и сословных учреждениях не подлежат ни исполнению, ни дальнейшему производству».

По мнению Игнатьева, «такой способ отклонения незаконных заявлений земства представляется наиболее целесообразным, что устраняет вторичное их обсуждение, которое неминуемо последовало бы за протестом»[150]. Таким образом, Игнатьев разрешал вопрос довольно кардинально, предложив просто игнорировать ходатайства, содержащие в себе «незаконные» требования.

На протяжении 1881 года Министерство внутренних дел неуклонно руководствовалось этим циркуляром и только в одном случае приняло полуадминистративные меры[151].

---

[150] Цит. по докладу Игнатьева Александру III, относящемуся к концу декабря 1881 г. ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 1542, л. 4. Сам циркуляр нам обнаружить не удалось. Помимо Тверского «незаконные заявления» имели место в Херсонском, Псковском губернских и Смоленском и Уржумском уездных собраниях.

[151] Имеется в виду случай в Хвалынском уездном собрании Саратовской губернии. Председателю этого собрания было предложено выйти в отставку, а председателю губернской земской управы, сделавшему в качестве гласного незаконное «заявление», не баллотироваться на эту должность (там же).

Подобное либеральное отношение к «крамольным ходатайствам», естественно, свидетельствовало о слабости и нерешительности правительства, пребывавшего еще в состоянии кризиса.

Общий взгляд на земские учреждения изложен Министерством внутренних дел в цитированном нами выше докладе. В начале его Игнатьев характеризует историю взаимоотношений правительства и земства. «Земские учреждения, — пишет он, — вскоре после своего возникновения стали с разных сторон подвергаться неосновательным нареканиям и неодобрительным отзывам, вследствие чего определенный законом круг их деятельности был понемногу стесняем, а предоставленное им право ходатайства о своих нуждах не всегда достигало цели». Далее он говорит, что в конце 70-х годов «стеснение земской деятельности достигло крайних пределов», а в 1880 году произошел крутой поворот в отношении правительства к земству.

По мнению Игнатьева, «естественным последствием» этого изменения явилось нарушение некоторыми земствами предела своих прав, «вторжение, так сказать, в область государственного управления в виде разнообразных ходатайств и адресов о созыве земского собора, выборных от всех земств и т. п.». Ниже он отмечает, что политика по отношению земства в будущем не вызывает сомнений и должна определяться содержанием манифеста 29 апреля.

Игнатьев подчеркивал, однако, что добиваться этого нужно не путем резких мер, а таким отношением, «которое без крутых мер дало бы возможность удержать земства в пределах их законных прав»[152]. Это положение он подробно развивает на примере упомянутого выше циркуляра и своего взаимоотношения с земствами.

Итак, в земском вопросе Игнатьев занимал весьма умеренную позицию, которая свидетельствовала о боязни правительства идти в данное время на решительный разрыв с либералами. Вместе с тем отношение Игнатьева к земству, на наш взгляд, определялось и его славянофильскими симпатиями. Как видно, Александр III не разделял в вопросе о земстве взглядов своего министра. В силу этого он не одобрил доклад, а ограничился резолюцией: «Читал».

---

[152] ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 1542, лл. 1—3.

* *
*

Обратимся к деятельности правительства в области народного просвещения.

Почти одновременно с циркуляром Игнатьева от 6 мая выступил с обращением к попечителям учебных округов и недавно назначенный на пост министра народного просвещения барон Николаи. В обращении более или менее ясно определялась позиция нового министра в отношении учебного ведомства. Так, в вопросах жизни высшей школы барон Николаи исходил из устава 1863 года, полагая, что «твердое установление на почве законности отношений ученой корпорации к университету и его слушателям должно послужить вернейшим залогом постепенного восстановления тишины и полного возвращения к тем условиям правильной научной жизни, которые одни могут обеспечить успех их деятельности»[153]. Министр подчеркивал необходимость общения средней школы с семьей, а также участия общественности в руководстве теми средними учебными заведениями, которые содержатся на их счет. Определенно и ясно излагалась программа в отношении начальной школы, в которой большое место уделялось училищным советам.

«Для совокупности действий правительства и местного представительства, — говорилось в циркуляре, — существуют училищные советы; значение и права их должны быть уважаемы. Директора и инспектора народных школ должны являться агентами заботливости правительственной, а не стеснения самостоятельности общественной; сию последнюю они обязаны уважать и поощрять»[154].

Все это говорило о том, что Николаи являлся сторонником либерального курса в области народного просвещения. Характеризуя этот циркуляр, газета «Страна» с удовлетворением отмечала, что программа нового министра народного просвещения представляет собой «прямое осуждение политики гр. Толстого на всех училищных ступенях»[155].

Действительно, позиция барона Николаи на всем протяжении его недолгого существования как министра[156] характеризовалась антитолстовским направлением. Как говорилось уже в третьей главе, Николаи занимал более решительную позицию в деле отмены инструкции 1879 года, нежели

[153] «Страна», 10 мая 1881 г. Циркуляр от 5 мая, № 5562.
[154] «Страна», 10 мая 1881 г.
[155] «Страна», 12 мая 1881 г.
[156] Он был назначен 24 марта 1881 г. и уволен 16 марта 1882 г.

его предшественник Сабуров, и главным образом по его инициативе Государственный совет в начале мая полностью отменил ее. Таким образом, Николаи удалось добиться полного восстановления действия университетского устава 1863 года.

Однако это объяснялось в действительности не столько действиями министра народного просвещения, сколько колебаниями правительственной политики и после 29 апреля. Смятение, охватившее правительственные верхи в результате убийства Александра II, еще не прошло, и именно в силу этого царь утвердил мнение большинства членов Государственного совета.

Утвердив 26 мая решение Общего собрания Совета, восстановившее действие устава 1863 года, император за день до этого предпринимает меру диаметрально противоположную. 25 мая он учреждает специальную комиссию под председательством И. Д. Делянова, правой руки Толстого в бытность его министром просвещения, для выработки правил в отношении усиления надзора за учащейся молодежью[157]. Этот противоречивый шаг являлся следствием продолжавшегося кризиса самодержавия, находившего свое выражение, как уже говорилось выше, в колебаниях правительственного курса.

Непосредственным поводом к созданию указанной выше комиссии явилась записка, поданная в мае царю, по-видимому Игнатьевым[158]. «Нигде в мире, — говорится в начале этой записки, — высшие учебные заведения не приобретали в такой мере рассадника политических преступников, как у нас. Почти все цареубийцы и значительно бо́льшая часть привлеченных за государственные преступления принадлежат к слушателям высших учебных заведений. Ни в одной стране

[157] В состав комиссии входили: директор Департамента государственной полиции Плеве, директор Строительного училища Бернгардт, попечитель Петербургского учебного округа Дмитриев, представитель Главного управления военно-учебных заведений Лалаев, директор Департамента земледелия и сельской промышленности Министерства государственных имуществ Вешняков, инспектор Института путей сообщения Коковцев и директор Московского технического училища профессор Архипов.

[158] Черновой экземпляр указанной записки без подписи и даты, написанной писарским почерком, хранится в фонде В. К. Плеве. ЦГАОР, ф. 586, д. 22. На первом листе рукой Плеве написано: «Записка, представленная государю императору в мае 1881 г. и послужившая поводом к учреждению Деляновской комиссии». Как видно из текста цитируемой записки, она имеет в виду и комментирует текст какой-то иной записки, которая, по-видимому, прилагалась к ней в виде приложения.

при таком неустройстве низших и ремесленных школ, — продолжает автор, — не встречается такая легкость в получении высшего образования на казенный или общественный счет» [159].

Исходя из этого, автор указывает, что «в борьбе с крамолой нельзя упускать из вида устройство высших учебных заведений: необходимо энергическими мерами помешать повторению, совершившихся с Подбельским и Рысаковым, т. е. превращению лучших учеников средних школ в полгода в опасных фанатиков и преступников».

Руководствуясь всем этим, автор рекомендовал следующие меры: а) ограничить число стипендий, а также перевести часть их из столичных университетов в провинциальные; б) в Петербурге «временно» принимать в высшие учебные заведения только лиц, имеющих «средства к своему содержанию, или таких, которые представляют поручителей за их благонадежность» [160]. При этом отмечалось, что меры эти целесообразно провести с таким расчетом, чтобы к началу будущего учебного года они были бы осуществлены.

Ниже автор касается состояния низшей и средней школы, указывая, что вся училищная система направлена к тому, чтобы «обучающегося выводить из его среды и, делая его непригодным к его прежнему занятию, возбуждать в нем желание тянуться далее из низшей школы в среднюю, из средней в высшую». Автор указывает, что в России не существует учебных заведений, имеющих практический, прикладной характер, отвечающих потребностям различных слоев общества.

Затем в записке говорится о необходимости изыскать более действенные способы удаления из столицы молодых людей, чем существующая в настоящее время система административной ссылки. Далее отмечалось, что неблагонадежная в политическом отношении молодежь не имеет возможности найти заработок на месте высылки. По мнению автора, наиболее целесообразной будет отдача этой «учащейся молодежи в солдаты в Туркестанский военный округ. Если же этого не удастся осуществить, то он рекомендует «устроить рабочие дома с участками земли, где обучать содержащихся к труду и обучать их ремеслам, а потом водворять их по окончательном исправлении, вне городов, в особых поселках отдаленных губерний» [161].

---

[159] ЦГАОР, ф. Плеве, д. 22, л. 1.
[160] Там же, л. 2.
[161] Там же, лл. 3—4.

Это предложение, как мы знаем, не являлось откровением. Еще весной 1878 года подобный проект дебатировался в Особом совещании. Правда, надо отдать справедливость автору записки, он делал в этом отношении еще «шаг вперед». Если в проекте 1878 года предусматривалось возвращение исправившихся в высшее учебное заведение, то теперь им предназначалась вечная ссылка.

В заключении записки автор, подводя итог всему сказанному, предлагал создать комиссию для обсуждения мер, могущих предотвратить рост революционного движения в высших учебных заведениях.

Так, рекомендовалось обсудить вопрос об устранении «искуственных приманок молодых людей к высшему образованию», т. е. установить преграды для поступления в высшие учебные заведения представителям демократических слоев общества.

Предлагалось также перевести некоторые высшие учебные заведения из Петербурга в другие города. Это предложение было также не ново: еще в 60-е годы гр. С. Г. Строганов рекомендовал размещать в разных городах даже отдельные факультеты столичных университетов. Наконец, еще два пункта, первый и четвертый, касались наблюдения за студентами. Рекомендовалось установить регистрацию студенческих квартир и следить как через полицию, так и через инспекцию и хозяев квартир «за действительным занятием квартир и за происходящими переменами». Последний пункт рекомендовал установить такой порядок «занятий студентов и надзора за ними, чтобы в числе студентов оставались лишь люди действительно занимающиеся»[162]. Остальных же предлагалось высылать на родину. Вместе с тем говорилось о целесообразности ликвидации института вольнослушателей, «за исключением особо уважительных случаев». Таковы соображения, содержавшиеся в рассматриваемой записке. Все они носят репрессивно-полицейский характер и не содержат в себе чего-либо принципиально нового, повторяя те предложения, которые делались в 1878—1879 годах.

Помимо рассмотренной выше записки на Александра III оказывала в этом отношении влияние и реакционная общественность, в первую очередь Катков. Примерно в это же время он направляет царю обширную по объему записку, посвященную состоянию университетов. В отличие от рассмотренной выше Катков освещает и подвергает критике

---

[162] ЦГАОР, ф. Плеве, д. 22, л. 4.

внутреннюю организацию университетов. «Если такое положение наших университетов, — пишет он, — продлится еще некоторое время, если правительство будет по-прежнему оставаться в бездействии и неведении того, что там творится, если оно будет закреплять над беспрерывно возрастающей массой учащейся молодежи власть революционной партии, то государство в скором времени очутится в действительной опасности».

Скорбя о том времени, когда в университетах царили школьные порядки, когда «университетские аудитории были как бы высшими классами гимназии», Катков полагает все же, что к этому возврата быть не может. В силу этого он рекомендует ряд мер, которые усилили бы правительственное влияние в университетах. Одна из них заключалась в предложении создать особые комиссии для приема у студентов выпускных экзаменов, дающих им права. Комиссии, по его мнению, должны создаваться министерствами. Мера эта, естественно, ставила своей задачей выпускать из университетов лишь политически благонадежных лиц. Собственно этого, на наш взгляд, не скрывает и сам Катков. «Эта мера, — пишет он, — освободит профессорские коллегии от несвойственного им политического характера. О каком политическом характере экзаменов можно говорить, если не иметь в виду указанной выше цели? Эта же мера, по мнению Каткова, приведет к тому, что профессор «будет обязан преподавать то, что требуется правительством, и в том смысле, объеме и силе, как установлено в программах»[163]. Таким образом, мера эта, с одной стороны, должна была носить откровенно полицейский характер, а с другой — облегчать преподавание в университетах в ортодоксально-правительственном духе.

Катков выступает также против профессорской автономии, предоставленной университетским уставом 1863 года. «Профессорские коллегии, — говорит он, — должны быть освобождены от несвойственных им административных и судебно-полицейских обязанностей, которые напрасно отвлекают их от дела науки...». Он является противником также и выборности профессуры и ректора. Все это имело определенную цель — стремление ликвидировать всякую самостоятельность университетов.

Даже такую меру, как создание института приват-доцентуры и развитие соревнования в чтении лекционных курсов,

---

[163] Отд. рукописей ГБЛ, ф. Каткова, д. 46, л. 26.

меру объективно бесспорно прогрессивную, Катков стремится использовать опять-таки в своих реакционных целях. Говоря об учреждении приват-доцентуры, он отмечает то, что она открывает «возможность всякому благонадежному и способному ученому... рядом с лекциями штатных профессоров преподавать свою науку на основании экзаменационных программ, причем студентам предоставляется выбор того или другого преподавателя...»[164]. Смысл этого ясен: «благонамеренный ученый», читающий курс в соответствии с тем, что будет спрашиваться министерскими комиссиями, должен иметь успех у студенчества.

Эта записка, таким образом, ставила своей целью добиться пересмотра устава 1863 года, что и являлось заветной мыслью как Толстого, так и самого Каткова.

Итак, в конце мая по докладу Игнатьева была создана междуведомственная комиссия под председательством Делянова. Тот факт, что комиссия была образована без согласия министра народного просвещения, а к тому же и без его участия, говорит несомненно о непрочности положения Николаи.

Заседания комиссии происходили 22, 27 и 30 июня. Если, с одной стороны, на деятельность комиссии бесспорно оказывала влияние как записка Игнатьева, так и реакционная пропаганда Каткова, то, с другой — на решения ее пытается воздействовать и либеральная общественность.

Группа либеральных общественных деятелей, членов комиссии Временного совета при петербургском градоначальнике, — Бекетов, Семевский, Ламанский, Лихачев, Потехин и Истомин — представили специальную записку[165].

В начале ее авторы отмечали, что «анархическая пропаганда» получила действительно большое распространение среди студенчества, что происходит, по их мнению, от бедности студентов и пустоты студенческой жизни. Авторы приводили данные, характеризующие необеспеченность студенчества[166] и недостаточность оказываемой им помощи.

---

[164] Отд. рукописей ГБЛ, ф. Каткова, д. 46, лл. 26—27.

[165] Во главе этой группы стоял бывший ректор Петербурского университета Бекетов.

[166] Так, в Петербургском университете из 1825 студентов 835 человек, т. е. 45,7%, имели удостоверение о бедности; из 1168 студентов Технологического, Горного и Института путей сообщения 533, или 45,6%, имели эти удостоверения. Из 452 слушательниц Высших женских врачебных курсов было не более 100 обеспеченных (А. Георгиевский. Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков. СПб., 1890, стр. 83).

Касаясь «пустоты жизни» студентов, они полагали, что основная причина этого заключается в отсутствии общения между ними, что и толкает их к организации всякого рода недозволенных кружков и обществ. Вместе с тем авторы обращали внимание, что недовольство студентов происходит и от отношения к ним администрации, рассматривавшей студенчество «как массу людей неблагонадежных».

Исходя из всего этого, члены комиссии Временного совета считали необходимым: «1) способствовать устройству дешевых столовых и квартир для учащейся молодежи, 2) просить министра внутренних дел о разрешении учащемуся юношеству товариществ для самопомощи и самообразовании... 3) устройство более рациональных способов раздачи стипендий и пособий с помощью частных патронатов над стипендиатами и товарищеских касс между студентами...», 4) помимо этого они полагали необходимым создание широкой сети профессиональных школ, которые, «не отрывая учащегося от его родной среды, давали бы потребную сумму утилитарных знаний, непосредственно приложимых к трудовой жизни»[167].

Вполне естественно, что все эти предложения были отвергнуты Деляновской комиссией.

Решения, принятые комиссией, мало чем отличались от отмененных в мае Государственным советом правил 1879 года. В основе своей они ставили целью всемерное усиление власти попечителя, предоставление ему права вмешиваться в дела университетов. «...Попечитель во всех случаях, — говорилось в первом пункте решения комиссии, — когда распоряжения Совета и ректора представляются недостаточными для обеспечения порядка, имеет право: а) требовать, чтобы университетская инспекция ежедневно доносила ему о состоянии университета, б) давать ей по своему усмотрению указания и предписания и в) подвергать виновных студентов взысканиям и наказаниям, не исключая увольнения и исключения их из университета и не стесняясь правилами, указанными в уставе относительно меры и порядка их наложения». Таким образом, как и в правилах 1879 года, инспекция фактически подчинялась бы не ректору и Совету университета, а попечителю учебного округа.

Руководствуясь опять-таки стремлением усилить роль попечителя, комиссия сочла необходимым производить выда-

[167] А. Георгиевский. Ук. соч., стр. 84—85. Материалы Деляновской комиссии. См. ЦГИАЛ, ф. Департамента народного просвещения, № 733, оп. 149, д. 552, 1881 г.

чу стипендий студентам с его утверждения. «В видах устранения искусственного привлечения в высшие учебные заведения не обладающих ни выдающимися способностями, ни особенным призванием или прилежанием бедняков»[168] рекомендовалось сократить число стипендий, особенно в столичных университетах. В целях уменьшения числа студентов предлагалось исходить при приеме их из вместимости аудиторий, что, естественно, должно было сократить численность учащихся. Комиссия считала целесообразным зачислять в число студентов в первую очередь учеников гимназий данного округа. Вольнослушателями рекомендовалось принимать лиц, состоящих на государственной службе либо имеющих документ об окончании полного курса среднеучебных заведений. И те и другие должны были представлять свидетельство о политической благонадежности.

Для облегчения надзора за студентами предлагалось ввести форменную одежду.

Категорически запрещалась, на территории университета, организация читален, столовых, а также различного рода сходок «и других публичных собраний, не имеющих научного характера». Разрешалась лишь организация студенческих общежитий, находящихся «под бдительным надзором инспекции»[169].

Следующие пункты решения комиссии касались установления полицейского надзора за студентами, а также обязательного согласования между ведомствами мер, предпринимаемых в этом отношении. Наконец, последний, двенадцатый пункт касался высшего женского образования. В нем говорилось об организации внутреннего распорядка на высших женских курсах и «более бдительном за ними надзоре»[170].

Как мы видим, все эти предложения не представляли собой чего-либо оригинального: все это было почерпнуто из арсенала гр. Толстого и фигурировало в первый период кризиса самодержавия.

Однако председатель комиссии Делянов, несмотря на реакционность принятых ею решений, не согласился с ними. По его мнению, все эти меры были лишь паллиативами и не могли внести каких-либо серьезных изменений. Он требовал большего, считая необходимым преобразовать университеты в соответствии с проектом гр. Толстого, представленным им в Государственный совет 6 февраля 1880 года. Ввиду того

---

168 А. Георгиевский. Ук. соч., стр. 79.
169 Там же, стр. 81—82.
170 Там же, стр. 85—86.

что устав 1863 года был только что восстановлен «во всей его силе», Делянов не имел, по его мнению, права «предложить мер более действительных, как те, которые изложены в журнале комиссии, и не имел права коснуться тех основ университетской жизни, в которых... кроется корень зла; между тем только изменение сих основ может, по убеждению моему, — писал он, — поставить наши университеты в условия более мирного и безмятежного существования».

Таким образом, Делянов открыто выступал против устава 1863 года в целом, полагая необходимым немедленно заменить его другим — реакционным. Вместе с тем он указывал на наиболее важные, по его мнению, изменения существующего устава. Так, Делянов полагал возложить на попечителя ответственность «за порядок и благоустройство университета во всех отношениях»[171]. Иными словами, он настаивал на полном и неограниченном подчинении университетов попечителю. Далее Делянов требовал ослабления «зависимости профессоров друг от друга», что означало фактически ликвидацию выборности в университетах. «Только при этом условии, — писал он, — попечитель и министр будут действительно начальниками — первый во вверенном ему университете, второй во всех университетах империи».

Делянов прямо ставил вопрос об усилении контроля над профессурой, дабы «правительство имело бы полную возможность узнавать тех, кому поручается столь влиятельная должность».

Переходя к разделу о студентах, он считал необходимым, во-первых, установить твердую «независимую власть над ними, власть не избираемую, а назначаемую правительством». «Инспектор и его помощники, — писал он, — суть лица, коим поручен нравственно-полицейский надзор за студентами. Они должны быть, так сказать, очами и ушами правительства...». При этом Делянов в качестве образца приводил организацию инспекции по уставу 1835 года.

Во-вторых, он требовал «озаботиться улучшением личного состава студенчества посредством уничтожения искусственного привлечения в высшие учебные заведения»[172]. С этой целью предлагалось отменить право на классный чин, предоставляемый при окончании университета, а также установить преграды для «казенной и частной благотворительности», т. е. ограничить получение стипендий. С целью уменьшить

---

[171] А. Георгиевский. Ук. соч., стр. 87.
[172] Там же, стр. 88—89.

наплыв в высшие учебные заведения Делянов, так же как и его противники из либерального лагеря, рекомендовал развитие профессионального образования.

Наконец, подобно Каткову, он указывал на необходимость создания особых комиссий для приема экзаменов, предоставляющих студентам юридические права.

В заключение Делянов еще раз указывал, что только подобными решительными мерами «возможно привести наши университеты в нормальное положение и обратить их из рассадников политической агитации в рассадники науки»[173].

Журналы комиссии и особое мнение ее председателя были представлены Александру III и одобрены им. Меры же, выработанные в отношении надзора за студентами, царь, согласно мнению комиссии, приказал дать на заключение министров, в ведении которых находились высшие учебные заведения. Вместе с тем он высказал мысль, что правила надзора за студентами следовало бы ввести в действие до начала учебного года. Департамент государственной полиции с своей стороны добивался также того, чтобы результаты комиссии были реализованы к началу занятий.

«Что касается до учебного вопроса, — писал Плеве Игнатьеву 17 июля, — то ввиду крайне медленного движения доклада Деляновской комиссии нельзя ожидать, что начало учебного года с 1 сентября застанет полицию и учебное начальство подготовленными к дисциплинированию молодежи; казалось бы, отсрочка учебных занятий в высших учебных заведениях до 1 октября и даже до 1 ноября весьма желательна»[174]. 14 августа Игнатьев собрал у себя представителей ведомств, которым подчинялись высшие учебные заведения, по вопросу о мерах надзора за студентами. Большая часть мер, намеченных Деляновской комиссией, как утверждает Георгиевский, была реализована всеми ведомствами, за исключением основного Министерства народного просвещения, упорно сопротивлявшегося этому[175].

В октябре Николаи, по возвращении своем в Петербург после длительной поездки по России для ознакомления с состоянием учебных заведений, представил свой отзыв на решения Деляновской комиссии. В нем Николаи решительно раскритиковал это решение.

Так, он выступил противником усиления власти попечителя. По вопросу сокращения числа стипендий министр на-

---

[173] А. Георгиевский. Ук. соч., стр. 91.
[174] ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 3675.
[175] См. А. Георгиевский. Ук. соч., стр. 93.

родного просвещения полагал, что целесообразнее это было бы осуществить путем повышения требований к стипендиатам, а не в результате установления какого-либо определенного процента их. Николаи считал также нецелесообразным «установление какой-либо постоянной нормы университетских слушателей, сообразно с вместительностью аудиторий»[176], полагая это несправедливым и не отвечающим интересам науки и учащейся молодежи. Вместе с тем он возражал и против предложенного порядка зачисления в университеты, дающего преимущества лицам, окончившим гимназии в данном учебном округе. Не соглашался также он и с решением вопроса о вольнослушателях. Введение форменной одежды, по мнению Николаи, нецелесообразно, так как это свидетельствовало бы о признании студенчества особой корпорацией. Наконец, несогласен был министр и с пунктом, касавшимся запрещения сходок, собраний и т. д., считая его неудачно сформулированным. Таким образом, Николаи возражал по существу по всем вопросам.

Ознакомившись с отзывом Николаи, Александр III предложил рассмотреть его в Особом совещании под председательством Игнатьева, в составе министров народного просвещения, финансов, государственных имуществ, путей сообщения и военного. Это совещание состоялось 20 января на квартире у Игнатьева.

Нам не удалось обнаружить журнала этого заседания, отсутствующего в фондах Игнатьева, Александра III и в фондах Министерства народного просвещения, вследствие этого мы можем говорить о результатах его на основе лишь косвенных источников. Так, А. В. Головнин в одном из своих писем Милютину, говоря о положении дел в Министерстве народного просвещения, писал: «В этом совещании (имеется в виду совещание 20 января. — *П. З.*) несколько раз Николаи был поставлен в какое-то положение подсудимого, не соглашался на многие меры, которые считал крутыми и несправедливыми, и остался при особом мнении»[177].

Таким образом, в вопросах университетской жизни Николаи оставался на иных позициях, продолжая отстаивать устав 1863 года.

В такой же степени он проводил либеральную политику в вопросах средней школы. Так, в своем письме к Головнину

---

[176] ЦГИАЛ, ф. Департамента народного просвещения, оп. 149, д. 552, 1881 г., л. 34.

[177] Отд. рукописей ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, папка 61, д. 35, письмо от 2 апреля 1882 г., л. 3.

от 4 марта 1882 года министр народного просвещения, касаясь положения в ней, писал: «Под крепость нашего напускного классицизма нужно подводить мины, а не пытаться брать ее штурмом»[178]. В начале 1882 года в Министерстве народного просвещения начали проводиться подготовительные работы по пересмотру устава, программ реальных училищ, а также и мер по развитию технического образования в связи с передачей большинства технических учебных заведений из Министерства финансов[179].

Николаи решил привлечь к обсуждению вопроса о реальных училищах представителей цензовой общественности, своеобразных «сведущих людей». Однако на сей раз это напугало сторонников реакции. 16 января 1882 года Победоносцев в пространном письме к Александру III с ужасом сообщает об этом, рассматривая действия Николаи чуть ли не как крамолу, реализацию программы Лорис-Меликова. «...Положено, — пишет он, — приступить к пересмотру устава реальных училищ и гимназии[180] в комиссии, составленной из чинов разных министерств, с участием представителей земств и общественных городских управлений, то есть с привлечением к делу учебного порядка элементов бродячих и беспорядочных. Из каких элементов составлено будет это собрание, можно судить по следующему примеру. Городские думы — московская и здешняя — выбрали от себя: первая — проф. Герье, известного московского агитатора и оратора, а здешняя — редактора «Голоса» г. Краевского, владельца газеты, которая не переставала и не перестает смущать родителей и воспитателей самыми безумными и разнузданными статьями об учении»[181].

Победоносцев умоляет царя «в видах охранения общественного спокойствия» не допустить открытия намечаемой комиссии. Он не удовлетворяется этим и обращается к Игнатьеву с такой же просьбой. «Если оно (т. е. собрание комиссии. — *П. З.*) начнется завтра, — пишет Победонос-

---

[178] Отд. рукописей ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, папка 61, д. 34. Цит. по выписке из письма, направленного Головиным Милютину.

[179] Все эти меры были одобрены Александром III на основе всеподданнейшего доклада министра народного просвещения от 5 декабря. См. всеподданнейший доклад «О комиссии по пересмотру устава и программы реальных училищ». Сборник постановлений по Министерству народного просвещения, т. VIII. СПб., 1892, № 129.

[180] Победоносцев допускает некоторую неточность: вопрос о пересмотре устава гимназий не ставился.

[181] «Письма К. П. Победоносцева к Александру III», т. 1, стр. 366.

цев, — положение не поправить и будет смута великая»[182]. В борьбу против «крамольной меры» включаются Игнатьев и Островский. Вечером того же числа Победоносцев получает от Игнатьева успокоительное письмо, в котором он сообщает ему, что «государь прислал мне через Островского приказание приостановить съезд комиссии — в ответ на письмо мое, посланное сегодня утром взамен личного доклада»[183].

Как рассказывает Головнин в своем письме Милютину, Николаи, узнав об этом, направился в Гатчину, где передал царю свою записку, заявив, что, если комиссия будет отложена, он принужден будет покинуть министерство. Александр III решил несколько уступить. В качестве посредника для переговоров с Николаи он избрал того же Победоносцева. Судя по письму последнего, было решено в случае непреклонной позиции Николаи назначить министром Делянова, а Николаи, в свою очередь, на место первого[184].

На сей раз уступил и Николаи. «Я говорил с ним как бы сам от себя, — сообщает Победоносцев, — передавая о впечатлении, которое осталось в мысли у вашего величества после вчерашнего объяснения с ним. Вы изволили сказать мне, что никак нельзя было убедить его... Но сегодня я уже не нашел в бароне Николаи такого упорного расположения[185]. В качестве компромисса он считал возможным согласиться на устранение от участия в работах комиссии Герье и Краевского.

С этим и согласился царь. Как писал Головнин Милютину, Николаи получил от Александра III разрешение открыть занятия комиссии без участия в ней упомянутых выше лиц. Кроме того, царь запретил публиковать в прессе сообщения о работе комиссии. Однако в дальнейшем этот вопрос не получил никакого развития, да и судьба самого Николаи была уже предрешена.

В борьбу против Николаи вступает и Катков. «Недавно,— пишет он царю 7 февраля 1882 года, — имел я счастье лично с полной откровенностью высказаться перед вашим величеством о нынешнем положении дел в Министерстве народного

---

[182] ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 3679, л. 98. Письмо от 18 января 1882 г.

[183] «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, полутом I, стр. 84.

[184] Делянов был главноуправляющим IV отделения с. е. и. в. канцелярии.

[185] «Письма К. П. Победоносцева к Александру III», т. I, стр. 368. Письмо датировано в ночь с 22 на 23 января.

просвещения и единственно верном в настоящее время, по моему убеждению, выходе из затруднения. Спасите, государь, — взывал Катков, — мудрым самодержавным решением, спасите в этих детях и юношах будущее Вашего царствования»[186]. Речь шла, естественно, о замене министра.

В середине марта Победоносцев по поручению Александра III посещает Николаи и ведет с ним переговоры об уходе с поста министра и назначении его на место Делянова. «Он, — сообщает Победоносцев, — понимая затруднительность своего положения, готов оставить свой пост совершенно спокойно». Вместе с тем Николаи отказался от назначения его главноуправляющим IV отделением с. е. и. в. канцелярии. «Итак, — замечает Победоносцев, — комбинация, которую Ваше величество имели в виду, не удается»[187].

Несмотря на это, через несколько дней Николаи был назначен председателем Департамента законов Государственного совета, а Делянов — министром народного просвещения[188]. В этой области реакция восторжествовала полностью.

Сделаем ряд выводов. Политика в области просвещения, проводимая Николаи, являлась продолжением лорис-меликовского курса и носила объективно-буржуазный характер. Это являлось известным диссонансом с точки зрения общей направленности правительственного курса после 29 апреля. Тот же факт, что эта политика была еще в какой-то мере терпима, свидетельствует о том, что правительство во главе с Александром III не чувствовало себя настолько уверенным, чтобы перейти к открытой реакции.

* *
*

Рассмотрим вопрос о попытке Игнатьева созвать земский собор, завершившей его деятельность на посту министра внутренних дел.

---

186 ЦГАОР, ф. Александра III, д. 823, л. 10.

187 «Письма К. П. Победоносцева к Александру III», т. 1, стр. 375—376.

188 Увольнение Николаи было связано в какой-то степени и с любимовской историей. Друг Каткова профессор Московского университета Любимов в 1877 г., зная, что его забаллотируют, добился через своего приятеля утверждения его министерством в этой должности сроком, как обычно, на 5 лет без избрания Советом университета. На запрос попечителя Московского учебного округа в начале 1882 г., как поступить с Любимовым в связи с окончанием пятилетнего срока, Николаи ответил, что ему следует баллотироваться. Это вызвало новое недовольство Александра III, который прислал ему письмо Любимова с резолюцией: исполнить его просьбу, т. е. утвердить без баллотировки.

Как рассказывает он в своих «Воспоминаниях», впервые разговоры о земском соборе велись с Александром III еще в бытность его наследником, в Крыму, в Ливадии. Это, по-видимому, относится к 1876 году (когда Игнатьев, будучи послом в Турции, вызывался Александром II для переговоров). Далее он тут же сообщает, что разговор на эту тему был возобновлен с молодым царем в начале марта 1882 года, когда выяснилось, что коронация ввиду беременности императрицы откладывается до весны 1883 года. «...Я напомнил его величеству мои беседы с ним о земских соборах и сказал, что самое благоприятное время для возобновления исторического предания — день коронации... Государю эта мысль как будто улыбнулась, и я, с соизволения его величества, принялся за составление проекта манифеста, обдумывая все подробности осуществления этого великого исторического подвига. При последующих еженедельных докладах моих,— продолжает он, — мы часто возвращались к беседе о соборах, и государь относился к этому благосклонно и даже сочувственно»[189].

Нам неизвестно содержание этих разговоров, но аргументы в пользу необходимости созыва земского собора, выдвигавшиеся Игнатьевым во время его бесед с царем, в какой-то степени можно восстановить по его записке, посвященной этому вопросу. Записка эта представляет частью писарский список, частью автограф, не датированный и не подписанный ее автором.

В начале записки Игнатьев указывает, что Россия в настоящее время находится «на перепутье» и дальнейшее развитие ее государственной жизни возможно тремя путями. Первый путь — путь усиления репрессий. По мнению автора записки, этот путь не приведет ни к каким положительным результатам. «Более сильное проявление административных мер, большее стеснение печати и развитие полицейских приемов заставят только недовольство уйти глубже». По мнению Игнатьева, это в конце концов приведет к необходимости пойти на уступки «общественным требованиям».

Второй путь — путь уступок, также неприемлем. «Путь уступок, каким бы образом они ни были обусловлены, ... будет всегда роковым. В какой бы форме уступки не были сделаны, нет сомнения, что каждый новый шаг, ослабляя правительство, будет самою силой вещей вынуждать последующие уступки»[190]. Игнатьев указывает на огромную опас-

[189] ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 161, лл. 6—7.
[190] Там же, д. 1527, лл. 1—2.

ность этого пути, заключающуюся в том, что в этом случае преобладающее влияние в общественной жизни страны займет интеллигенция.

«Русская интеллигенция, — писал он, — вмещает в себе всего более опасных, неустойчивых элементов, а потому представляется несомненным, что ее участие в делах всего скорее приведет к ограничению самодержавия, что для России несомненно станет источником вечной смуты и беспорядков». Таким образом, резюмирует Игнатьев, оба эти пути ведут к одному результату и оба они гибельны для России.

Единственно правильный, «спасительный» путь — это возвращение к старине, к «исторической форме общения самодержавия с землею — земским соборам». Отмечая, что самодержавие является единственной, свойственной России, формой правления, Игнатьев указывал, что «нельзя, однако, закрывать глаза на несовершенство того его вида, который довел нас до настоящего положения». Оно заключалось, по его мнению, в оторванности царя от народа вследствие преграды, установленной между ними чиновничеством. Вследствие же этого царь и не может знать правды. «Не уступая ничего из своей власти, самодержавец, созывая собор, найдет верное средство узнать истинные нужды страны и действия своих собственных слуг». Таким образом, собор должен примирить все противоречия и положить конец великой смуте. «Когда царь и земля войдут в непосредственное общение, — указывал Игнатьев, — отпадут все недоразумения и опасения» [191].

Таково содержание записки о земском соборе, положения которой, по-видимому, и развивал министр внутренних дел в своих беседах с Александром III.

* * *

Как рассказывает Игнатьев, 30 марта 1882 года он составил проект манифеста о созыве собора и 12 апреля представил его царю. По его словам, Александр III одобрил представленный ему текст «и даже тронут был при чтении. Государь меня благодарил, сказав, что в изложении манифеста я отгадал его мысли и выразил как раз то, что ему хотелось бы сказать созванным на собор» [192]. Во время этого разгово-

[191] ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 1527, лл. 3—7.
[192] Там же, д. 161, л. 7.

ра с царем, 12 апреля, шла речь о числе представителей на соборе, которое определялось Игнатьевым в три тысячи человек. Тут же говорилось и о помещении, в котором должен был заседать собор. По мнению автора проекта, это должно было происходить во вновь построенном, но еще не освященном храме Христа Спасителя.

Таким образом, судя по «Воспоминаниям» Игнатьева, он совершенно самостоятельно, без какого бы то ни было влияния со стороны, разработал конкретный план созыва земского собора, не говоря уже о том, что сама мысль о созыве собора в 1883 году принадлежала ему лично.

В действительности дело обстояло далеко не так. В фонде Игнатьева сохранилось письмо к нему И. С. Аксакова, датированное 10 января 1882 года. В начале этого письма Аксаков писал: «Моя искренняя вера в Вас, как единственного человека, который... является представителем национального исторического направления, побуждает меня просить Вас... нет, не просить, а настаивать, чтобы Вы прочли со вниманием мое письмо и улучили бы час-два времени для конфиденциальной беседы с подателем сего Павлом Дмитриевичем Голохвастовым». Далее Аксаков останавливается на характеристике настроения умов, указывая на существующую опасность, которую неспособны предотвратить намеченные правительством меры. По его словам, основная опасность заключалась в том, что все политические течения начиная от аристократов и кончая нигилистами, стремятся к конституции. Но «дать конституцию царь не может: это было бы изменой народу, предательством». Это по мнению Аксакова, привело бы к гибели Россию. Однако «есть выход из положения, способный посрамить все конституции в мире, нечто шире и либеральнее их и в то же время удерживающее Россию на ее исторической, политической и национальной основе. Этот выход — земский собор с прямыми выборами от сословий: крестьян, землевладельцев, купцов, духовенства.

Теперь представляется к этому повод — коронация. Присутствие тысячи выборных от крестьян заставит, без всякого иного понуждения, смолкнуть всякие конституционные вожделения и послужит лишь к всенародному перед всем светом утверждению самодержавной власти в настоящем народном историческом смысле. Как воск от огня, — восклицал Аксаков, — растают от лица народного все иностранные, либеральные, аристократические, нигилистические и тому подобные замышления»[193]. Далее автор указывал, что, как

[193] ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 2258, лл. 15, 17.

только будет объявлено царем о предстоящем созыве собора, так всякая опасность для императора исчезнет — он спокойно сможет ехать в Москву, никого не боясь, так как нигилизм будет «мигом парализован».

Охарактеризовав значение собора, Аксаков переходит в письме к практическим вопросам его организации. «Но что такое земский собор? Как его устроить? Вот для этого и посылаю к Вам П. Д. Голохвастова, уже 15 лет лелеющего в себе эту мысль и разработавшего ее во всех подробностях, которые им изложены даже письменно» [194].

Таким образом, мысль о созыве земского собора в период коронации была внушена Игнатьеву Аксаковым. Больше того, план созыва собора был намечен Аксаковым с Голохвастовым. Тот факт, что Игнатьев в своих воспоминаниях о земском соборе ничего не говорит о роли Аксакова и Голохвастова, отнюдь не опровергает это. В действительности Игнатьев в значительной степени являлся рупором аксаковско-голохвастовских идей, которые к тому же, надо сказать, он и пытался использовать в своих личных интересах. Все это становится ясным из переписки Аксакова и Голохвастова, сохранившейся в фондах Пушкинского Дома [195].

Как сообщал Голохвастов Аксакову, Игнатьев зачислил его чиновником особых поручений при министре [196]. Фактическое назначение Голохвастова — быть консультантом при министре по делам земского собора — первоначально было обставлено весьма конспиративно. Об этом не знал даже довольно близкий министру человек — правитель его канцелярии Воейков. Для отвода глаз Голохвастов писал статьи в орган министерства «Сельский вестник».

В течение января—февраля Игнатьев всерьез не занимался земским собором. Как сообщал Голохвастов Аксакову, министр умудрился даже потерять проект созыва собора, переданный ему в январе Голохвастовым. «...Во-первых, —

---

[194] ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 225, л. 17.

[195] Эта весьма откровенная переписка велась через специальных нарочных — артельщиков либо пересылалась через особо доверенных лиц. Письма эти должны были уничтожаться. Так, в одном из писем Голохвастов писал: «И, пожалуйства, дорогой Иван Сергеевич, как это письмо, так и предыдущее, тоже привезенное Вам артельщиком Вашим, сожгите. Опасно не только для лиц, но и для дела опасно хранить такие письма» (ИРЛИ (Пушкинский Дом), д. 11056, XVII с. 17, письмо от 9 мая). Эта переписка опубликована с купюрами в «Русском архиве», 1913, кн. I — II.

[196] По данным личного дела Голохвастова, приказ о назначении его чиновником особых поручений при министре состоялся 12 марта. ЦГИАЛ, ф. Департамента общих дел, оп. 51, д. 40, л. 8.

писал Голохвастов в письме от 2 марта, — он потерял мою записку... о выборах на земский собор и о перемене ценза и просит меня снова написать ее». И тут же сообщал: «Что серьезного о з[емском] соборе на уме у него, покамест ничего или немного»[197]. Следовательно, лишь не ранее середины марта Игнатьев занялся этим вопросом.

Обратимся к рассмотрению планов созыва собора. Эти планы в наиболее конкретной их форме сохранились в виде записок о земском соборе в фонде Игнатьева и представлены черновыми набросками, его автографами[198]. В начале одной из записок, являющейся первоначальным вариантом, развивается в аксаковском духе мысль о том, что манифест о созыве собора приостановит революционное движение, а созыв его вовсе пресечет нигилизм. «Задачи собора, — по мнению автора записки, — двояки: а) выяснить у земских представителей их настроения — «мысли», б) передать через представителей на соборе народу свою царскую волю, «сообщить свое государево слово всей земле, всему народу и обществу»[199]. Однако на предполагаемом соборе наиболее важное значение, по его мнению, должна играть вторая задача. Осветив это, автор останавливается на вопросе о том, как обеспечить представительство крестьян на соборе таким образом, «чтобы крестьянские выборные могли, возвратясь с собора в свои округи, передать там всем и каждому, что сами от самого царя слышали: про нерушимость во веки власти самодержавной, про неотъемлемость земли, как общинной от крестьян, так и господской, или чьей бы то ни было и пр. и т. п.».

По мнению его, нельзя делегировать от крестьян в качестве их представителей на собор земских гласных, избранных по третьей крестьянской курии. Не все гласные здесь являлись крестьянами, а если и были таковыми, «то чуть ли не одни кулаки и кабатчики».

Таким образом, выборы от крестьян должны произво-

---

[197] ИРЛИ (Пушкинский Дом), д. 11056, XVII с. 17. Письмо П. Д. Голохвастова И. С. Аксакову, 2 марта 1882 г.

[198] Из того факта, что все расчеты о созыве земского собора представлены автографами Игнатьева, вовсе не следует, что он был их автором. Так, в своем письме к Аксакову от 27 апреля 1882 г. жена Голохвастова писала: «Все, что муж писал и пишет, гр. Игнатьев выдавал и выдает за свое собственное. Отсюда и переписывание собственноручно всех бумаг, манифеста, например, по пяти раз после каждой поправки маловажной. И это при его страшном недостатке времени», — восклицает Голохвастова («Русский архив», 1913, кн. I, стр. 103 — 104).

[199] ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 1533, л. 3.

диться «нарочито на собор прямо от крестьян всеми большаками и обязательно из самих выборщиков, пожалуй даже из наличных...» Избирательный округ, или, как его называет автор записки, окру́га, должна, по его мнению, определяться не административной единицей — волостью, не числом избирателей, а пространством. Имея в виду что радиус крестьянских сношений, «на котором лучших людей все, хоть по наслышке, довольно знают: верст 20, т. е. длинника и перечника по 40, квадратных 1600 верст»[200]. На севере или в степных районах, где крестьяне привыкли к большим расстояниям, избирательная окру́га устанавливалась в 3600 кв. верст. Исходя из этого расчета, и определялось число представителей от крестьян (от 47 внутренних губерний Европейской России, не считая Польши, Финляндии и Прибалтики) не более 2000 человек.

Второй группой представителей должны были явиться личные землевладельцы по одному либо по два от уезда, что составляло бы для 47 внутренних губерний 475 или 950 человек. Впрочем, тут же автор записки выражает сомнение в необходимости избрания такого большого числа представителей от дворян, полагая возможным ограничиться тремя от губернии, что составило бы 141 человека. «Маловато, положим, против 2000 крестьян, — рассуждает он, — но ведь где не большинство решает, там число не при чем... Какие бы то ни были дела собора, 140 землевладельцев за глаза, и от лишних 800 проку будет мало, а тесноты много больше». Высказавшись столь решительно за ограничение дворянских представителей тремя от губернии, автор в конце концов все же склоняется к выборам от уезда, полагая, что избранные таким путем будут более консервативны. «...В чаду политической атмосферы губернского города, — заключает он, — земство изберет не в собор, а в états géneraux»[201].

Выборы от уездных землевладельцев должны были производиться так же, как и в уездные земские собрания. Требуемый же для выборов в земство земельный ценз должен был быть уничтожен. «...Отменить разницу мелко и крупнопоместного ценза и minimum мелкопоместности, чтобы единицы, десятки, сотни десятин были все равно: полный ценз, но только ежели при земле есть усадебная оседлость и хозяйство в ходу»[202].

---

[200] ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 1533, лл. 3 — 5.
[201] Там же, лл. 11—12.
[202] Там же, л. 8

Вполне естественно, что помещики, живущие в деревне, да еще к тому же мелкопоместные, представляли собой элемент консервативный, лишенный обычно каких-либо либерально-конституционных стремлений.

Представителями городского населения должны были быть только купцы, избираемые от всех гильдий сообща. «Но почему же призывать не вообще от горожан, а исключительно от купцов, — вопрошает автор. — На это две причины: одна про себя, другая про всех. Про себя то, что из горожан одно купечество благонадежно. Про всех же то, что, как бы широко ни понимать слово земщина, но городская земщина исконно городская — одни торговцы. Торговые интересы общерусские и в этом смысле земские. Остальные горожане разночинцы. Их интересы как людей каких угодно, но как горожан местно-городские...»

Таким образом, земский собор должен состоять из представителей трех сословий: крестьян, дворян и купцов, избранных на основе прямых выборов.

Остановимся на выборах представителей от Сибири, Польши, Финляндии и других окраин. Этот вопрос решается в записке альтернативно. «...Почему же не призвать на собор от Сибири, от Польши и прочих окраин?», — говорится в записке. «От Сибири потому, что далеко, а хорошо бы, если время дозволит. Но так как там нет опасности народного восстания... то нет и надобности призывать оттуда в таком множестве» [203]. Далее указывается, что неплохо было бы призвать на собор представителей от Польши, Финляндии, прибалтийских губерний. «Отовсюду, — замечает автор записки, — немногих, конечно, и непременно крестьян в большем числе и особыми от прочих выборами».

В заключении еще раз говорится о невозможности избрания на собор представителей от земств и городов: «Призывать же от нынешних земских и городских, с конституционной Европы перенятых, на представительстве основанных, местных говорилен: выйдет центральная говорильня, вроде европейских, да еще велик русский бог — коль только говорильня» [204].

Текстологический анализ записки говорит о том, что она представляет собой рассуждение по поводу какого-то проекта созыва собора, дополненного и измененного автором записки. Приведем несколько примеров: так, в разделе о выбо-

---

[203] ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 1533, лл. 13—14.
[204] Там же, лл. 14—15.

рах землевладельцев имеется следующая фраза: «Поправка моя вот чем»[205], и далее приводятся соображения по поводу нецелесообразности установления земельного ценза. В разделе о выборах купцов говорится: «Про купеческие выборы не имею замечаний»[206].

Бесспорно, что проект, рассматриваемый и дополняемый Игнатьевым, принадлежал Голохвастову.

Обратимся к другому черновому наброску о составе земского собора, детализирующему рассмотренные выше положения. В начале этого наброска, являющегося также автографом Игнатьева, говорится о принципах созыва собора: «...земский собор собирается бессрочно по призыву государеву, когда и для каких дел государю угодно... Просить о созыве собора имеют право земские самоуправления не ниже уездных и городские»[207]. Далее излагается подробный расчет созыва представителей на собор. Рассмотрим его.

1. Крестьян

а) от уездов Европейской России (без прибалтийских губерний, Финляндии и Польши):

от	277	уездов	по 2	— 554[208]
от	109	»	по 3	— 327
от	35	»	по 4	— 140
от	29	»	по 5	— 145
от	18	»	по 6	— 108
от	8	»	по 7	— 56

Итого от 476 уездов Европейской России — 1330 крестьян (без окраин)

б) от 14 уездов прибалтийских губерний по 1	—	14
в) от 85 уездов Царства Польского по 1	—	85
г) от 44 уездов Финляндии по 1	—	44
д) от 65 уездов кавказских по 1	—	65
е) от 49 уездов Сибири и Туркестана	—	412
Итого крестьян	—	1950

[205] ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 1533, л. 8.
[206] Там же, л. 13.
[207] Там же, л. 50.
[208] В рукописи ошибочно 454.

2. Прочих сословий

а) от 476 уездов 47 губерний Европейской России (без окраин) по 2 землевладельца	— 952
б) от тех же губерний губернских предводителей дворянства	— 47
в) от тех же губернских городов и 20 уездных, имеющих более 25 тыс. жителей городских	— 67
г) нарочито выборных от столиц 3 и от 12 лучших городов по одному	— 18
д) купеческих, мещанских, ремесленных старшин Москвы, Петербурга, Одессы, Риги, Варшавы, Гельсингфорса	— 18
е) от 3 прибалтийских губерний, 10 Царства Польского и 8 губерний Финляндии — итого 21 губернии по 1 представителю землевладельческого, по 1 представителю торгового сословия, т. е. по 2 человека от губернии	— 42
ж) от 12 кавказских и 13 губерний Сибири и Туркестана, т. е. от 25 губерний по 2 представителя землевладельцев, — по 2 торгового сословия, т. е. по 4 человека от губернии	— 100
Всего прочих сословий	— 1244

Кроме того, предполагалось пригласить несколько сотен человек «высших сановников церкви и правительства»[209]. Таким образом, общее число представителей должно было составлять около 3500 человек[210].

В другом черновом наброске этот расчет несколько иной. Общее число представителей увеличивается до 4000 человек. Это увеличение происходит главным образом за счет крестьян внутренних губерний, количество которых определяется в 1831 человека (включая и 3 прибалтийские губернии), а также за счет небольшого увеличения сословных представителей от губернских городов (предводителей дворянства, городских голов, купеческих, ремесленных старшин) (вместо 150—235 человек). Число высших сановников церкви и правительства определяется цифрой «не более 236»[211].

Анализируя эти расчеты, мы видим, что они полностью подтверждают и детализируют положения, развивавшиеся в

[209] ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 1533, л. 52.
[210] Вместо «3400», указываемых в итоге вследствие допущенной выше ошибки в подсчете.
[211] ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 1533, л. 71.

рассмотренной выше записке. Свыше 50% (а по второму варианту — свыше 60%) представителей собора должны были составлять крестьяне. Процент представительства из национальных районов был значительно ниже,

Дабы продемонстрировать политическое единство собора, единение всех народов России с царем, т. е. избежать каких-либо оппозиционных выступлений, Игнатьев считал необходимым рассадить порознь представителей тех или иных национальностей. «Ввиду многочисленности присутствующих и для сохранения порядка, а также для предупреждения нежелательных проявлений со стороны поляков, финляндцев или наших либералов, — писал Игнатьев в своих «Воспоминаниях», — ...я полагал разместить членов на тридцати столах, так что в каждом было бы не более как около ста человек, что доставило бы возможность выбранному председателю легко справиться с ходом обсуждения и руководить им... Распределение по столам было мною обдумано и сообразжено с целью оградить исключительно русские интересы и подготовить благополучное окончание соборных совещаний. Финляндцы были распределены на трех столах, а поляки на четырех между чисто русскими людьми» [212].

Так должно было осуществляться на практике единение всех народов России с ее самодержцем.

По мнению Игнатьева, повестка дня собора должна была быть намечена Кахановской комиссией, т. е. касаться реформы местного управления (в частности, должен был обсужден вопрос о характере волости) [213]. Однако никакого делового обсуждения на соборе не предвиделось. «На случай, что собор стал бы затягиваться и не доставил окончательного решения на предложенные вопросы, — говорит в «Воспоминаниях» Игнатьев, — предполагалось, что его величество повелит на последнем общем заседании перед закрытием собора избрать комиссию из не более как тридцати или сорока членов, которая будет продолжать разрабатывать указанные государем вопросы, в Петербурге, при Государственном совете, куда предложения комиссии и должны поступать для окончательного обсуждения прежде представления его величеству на утверждение... Таким образом, — резюмирует он, — сложилась бы, без потрясения устоев, русская самобытная конституция, которой позавидовали бы в Европе и которая заставила бы умолкнуть наших псевдолиберал и

---

[212] ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 161, л. 7.
[213] Там же, д. 1533, л. 29.

нигилистов»[214]. Итак, «российская самобытная конституция» не посягала никоим образом на прерогативы самодержавия. Игнатьев (а может быть, точнее, Голохвастов) успешно усвоил в этом отношении опыт императора Наполеона I, его незадачливого племянника, а также Бисмарка.

Анализ рассмотренных материалов дает полное основание для утверждения, что созыв земского собора, по крайней мере данного, мыслился Игнатьевым лишь в демагогических целях — демонстрации «единения царя с народом», что должно было способствовать укреплению в крестьянстве веры в царя. Эти соображения и обусловливали консервативный состав собора — «большаков, хозяев и гильдейцев», т. е. глав патриархальных крестьянских семей, дворян-помещиков, живших в деревне, и купцов.

Таким образом, цель собора 1883 года была весьма конкретна, представляя собой простой демагогический трюк.

* *
*

Итак, 12 апреля 1882 года, как утверждает Игнатьев, Александром III был в общих чертах одобрен проект манифеста о земском соборе. 15 апреля, после доклада, Александр III сказал Игнатьеву, что «он внимательно прочел манифест, находит его прекрасным»[215], но просит его несколько сократить и представить к следующему докладу как новую редакцию его, так и проект специального рескрипта на имя министра внутренних дел, представляющего собой инструкцию по вопросу о выборах. Все это было представлено Игнатьевым царю 20 апреля и, как он утверждает, одобрено. По мысли министра внутренних дел, опубликование манифеста должно было быть приурочено к 6 мая, т. е. к двухсотлетнему юбилею со дня последнего земского собора — 6 мая 1682 года.

Однако в действительности дело шло не так гладко. Как писал Голохвастов Аксакову 29 апреля, «государь все еще не говорит ни да, ни нет. Игнатьев все еще почти уверен (всегдашнее слово его об этом), что к 6-му манифест будет подписан»[216].

Стремясь добиться успеха, Игнатьев пытается привлечь на свою сторону императрицу, оказывавшую большое влия-

---

[214] ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 161, л. 7. Заседание собора должно было продолжаться, как утверждает Игнатьев, не более трех недель.
[215] Там же, л. 8.
[216] ИРЛИ (Пушкинский Дом), д. 11056, XVII с. 17.

ние на своего недалекого супруга. «Он (т. е. Игнатьев, — *Л. З.*), — писал в этом же письме Голохвастов, — вчера был в Гатчине и совершенно будто бы (по словам Воейкова) убедил государыню, что Варфоломей Коченов[217]... и Катков врут, что их происки против з[емского] собора (Любимов, говорят, писал государю) глупы и даже недоброкачественны; что от собора она Марией Антуанеттой не будет». Далее Голохвастов сообщал, что Игнатьев несколько дней тому назад, по-видимому, готовясь к беседе с Марией Федоровной, консультировался у него по вопросам Французской революции и, в частности, о Национальном собрании «и кое-что кратко записывал на бумажку». Здесь же Голохвастов сообщал и об истинных стремлениях «поборника земского собора». «Да, цель Игнатьева, — писал он, — премьерство. Узнал я это так: он заказал Воейкову записку о земск[ом] соборе, что это совсем не конституция и т. д., а вывод: что перед лицом з[емского] собора необходимо единомысленное министерство, а не какое теперь: кто в лес, кто по дрова»[218]. Этот документ было поручено составить одному из чиновников особых поручений, кн. Шаховскому, который, не будучи в состоянии справиться с этим, принужден был обратиться для консультации к Голохвастову. «Я научил, сколько было для дела надобно, а про министерство будущего Биконсфильда зарубил себе на носу... И этот же Игнатьев, — восклицает Голохвастов, — при мне намедни плакал, растроганный моими речами о земском соборе»[219].

По словам Голохвастова, Игнатьев предполагал создать земскособорную канцелярию при министре внутренних дел, сделав правителем ее Д. Ф. Самарина.

Черновые проекты манифеста, а также рескрипта первоначально были составлены Голохвастовым и подправлены в канцелярии министерства. Интересно отметить, что Игнатьев попросил Голохвастова написать проект устава собора, на что последний ответил решительным отказом. «Устав, писанный, т. е. печатный, — заявил он, — дело конституционное, ведущее ко всяким препирательствам о параграфах, вместо совещания о делах. Соборный устав — вот вам, и написал: быть з[емскому] собору по старине по всей воле государевой»[220].

---

[217] Псевдоним Любимова.
[218] ИРЛИ (Пушкинский Дом), д. 11056, XVII с. 17.
[219] Там же. Письмо от 29 апреля 1882 г.
[220] ИРЛИ (Пушкинский Дом), д. 11056, XVII с. 17. Письмо от 29 апреля 1882 г.

Таким образом, для славянофилов было неприемлемо все, что сколько-нибудь хотя бы отдаленно напоминало конституцию. Это достаточно ярко характеризует их реакционные позиции.

Чем меньше оставалось времени до 6 мая, тем больше нервозности обнаруживал и Аксаков. В своем письме к Голохвастову от 27 апреля, отправленном специальным нарочным, он просил срочно сообщить, как обстоит дело с обнародованием манифеста 6 мая, дабы в этот день мог выйти специальный номер «Руси», посвященный собору. «Ради бога, ответьте мне поскорее и обстоятельнее на это письмо. Если нужно ускорить ответ, то велите артельщику ехать почтовым или даже курьерским, а не пассажирским поездом. Я... очень серьезно взволнован, как и подобает ввиду решающего великого события. Это ведь последняя ставка: пропади она — выйдет fiasco, спасения более нет»[221].

Рассмотрим проект манифеста, подготовленного к 6 мая. «Моля бога, да укажет нам стези правды и помянув дни древние и поучаясь примерами великих предков наших царей всея Руси самодержцев, — говорилось в начале окончательно отредактированного проекта, — за благо рассудили мы: предстоящее торжество священного венчания и миропомазания нашего на царство совершить перед собором высших иерархов церкви православной, высших членов правительства, высших избранников дворянства и городов и нарочито выборных от земли»[222]. Далее определялся срок созыва собора, намечавшегося на Пасху 1883 года, а также устанавливалась норма представительства согласно рассмотренным выше расчетам. Нормы представительства для Сибири, Польши, Финляндии, прибалтийских губерний, областей Средней Азии, а также казачьих областей в манифесте не устанавливались. На этот счет говорилось, что выборы будут производиться по особым указаниям, данным министру внутренних дел.

[221] ИРЛИ (Пушкинский Дом), д. 11052, XVII с. 17. Голохвастов разработал специальный шифр для сообщения Аксакову о подготовляемом манифесте. Так, в цитированном нами выше письме от 29 апреля он писал: «Если телеграфирую Вам: «Пришлите экипаж к почтовому Дмитриевич», значит: пришлите в Петербург нарочного, так чтобы 6-го мог он уехать к Вам». Если же: «Экипаж не высылайте до новой телеграммы»— значит: теперь подписан манифест не будет. Без слов «до новой телеграммы» — значит: дело вовсе покинуто». ИРЛИ (Пушкинский Дом), д. 11056, XVII с. 17.

[222] «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. I, полутом 1, стр. 261. Опубликован с копии, представляющей автограф Победоносцева (Отд. рукописей ГБЛ, ф. Победоносцева, д. 4391).

В манифесте указывалось, что «как в старину земские соборы собирались государями к священному венчанию царскому, но иногда и для возвещания воли государевой самим государем всей земли в лице ее выборных лучших людей, или для выслушивания государем прямо от выборных о местных нуждах и вообще для совещания государя со всей землей, так и отныне будет»[223]. Манифест был датирован 6 мая.

В это время Игнатьев усиленно готовится к опубликованию манифеста. Среди черновых набросков его о земском соборе мы находим заметку, относящуюся к 3 мая, т. е. буквально почти накануне намеченного дня опубликования манифеста. Беспокоясь о том, как бы в иностранной печати созыв земского собора не был рассмотрен как конституционный акт, он записывает следующее: «Приготовить телеграммы в наши посольства или прямо иностранные редакции, дабы верно был назван земский собор с первого же раза. По-французски Consil nationale, conseil nationale — слабей, бесцветней, но лишь бы не успели обозвать з[емский] собор революционно-историческим термином assemblée nationale. По-немецки Landtag, Reichstag, Reichsrat стали конституционными названиями. Остается Volkstag»[224]. Все это свидетельствует о полной уверенности Игнатьева в успехе задуманного им дела. Однако в действительности все оказалось иначе.

Несмотря на то что подготовка манифеста проводилась в глубокой тайне, вопрос этот получил огласку. Как рассказывает в своих воспоминаниях Феоктистов, он узнал об этом от Островского — министра государственных имуществ, которому, в свою очередь, поведал об этом еще в начале апреля И. Н. Дурново, только что назначенный товарищем министра внутренних дел. Дурново был детально информирован о земском соборе и сообщил Островскому все детали, вплоть до роли в этом деле Аксакова и Голохвастова[225]. Трудно точно установить, кто, в свою очередь, рассказал об этом Дурново, однако есть немало оснований для предположения, что тайна вышла из кругов Министерства внутренних дел.

Если вначале Игнатьев не посвящал никого, кроме Голохвастова, в свои планы, то в апреле вся канцелярия министра внутренних дел была в курсе событий. Не только прави-

---

[223] «К. П. Победоносцев и его корреспонденты», т. 1, полутом 1, стр. 262.

[224] ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 1533, л. 29.

[225] См. Е. М. Феоктистов. Воспоминания, стр. 204 — 211.

тель канцелярии Воейков, но и ряд других лиц были привлечены к работе по составлению и редактированию различного рода записок, относящихся к предполагаемому созыву собора. Как указывалось выше, к составлению одной из записок был привлечен чиновник особых поручений кн. Шаховской, родной брат которого был женат на дочери Каткова. Все это создавало возможности для широкой информации. В первых числах мая Игнатьев, как рассказывает Голохвастов, пытался привлечь на сторону земского собора министра императорского двора гр. Воронцова-Дашкова, но первоначально терпит фиаско. Министр двора очень сухо отнесся к этой затее [226]. Правда, через несколько дней он изменил свою позицию. Об этом подробно повествует Голохвастов Аксакову в письме от 6 мая. Как рассказывает Голохвастов, четвертого утром в министерство к Воейкову явился некий Фадеев, поведавший ему «великую тайну». Фадеев сказал, что «на Воронцова со всех сторон налегают, чтобы он противодействовал собору: но Воронцов-де вчера заявил, что он будет за собор, но только за настоящий, о каком он постоянно думает с осени (т. е. со свидания со мной 8 сентября). Фадеев же указал и на предлог (преобразование «Священной дружины»), по которому Воронцов сегодня же 4-го вечером, сам-друг, с Бобби Шуваловым, может быть у Игнатьева, [а] потом останется с Игнатьевым одним. Так и исполнилось» [227]. Не все здесь, по-видимому, точно. Мы оставляем на совести Голохвастова уверения о влиянии, оказанном им на Воронцова, вследствие которого последний и продолжал «постоянно» думать о «настоящем» соборе. Важно здесь другое: переговоры Игнатьева с Воронцовым по вопросам земского собора и «Священной дружины». По-видимому, соглашение состоялось, и министр внутренних дел дал свое согласие на сохранение «Священной дружины» при условии поддержки Воронцовым и его окружением идеи земского собора. Как утверждает там же Голохвастов, Игнатьев настоятельно, но безуспешно домогался у царя приглашения Воронцова на совещание по вопросу о созыве собора.

О затее Игнатьева созвать земский собор вел разговоры со своими приближенными и Александр III, и в первую очередь со своим наставником — Победоносцевым, которому и

---

[226] ИРЛИ (Пушкинский Дом), д. 11056, XVII с. 17.

[227] Там же. Эта «тайна» была рассказана Фадеевым Воейкову в ответ на весьма прозаическую услугу последнего: помощь в получении в Министерстве внутренних дел того же числа причитающихся Фадееву суточных и подъемных в размере 500 руб.

передал в начале мая, по-видимому, четвертого, проект манифеста. «3-го веч[ером] государь телеграммой вызвал Победоносцева, к полудню 4-го, в Петергоф, — сообщает Голохвастов Аксакову в письме 6 мая. — Игнатьев тотчас узнал это через полицию. 3-го вечером написал Поб[едоносцеву] длинное письмо, прося у него свидания 4-го утром. Поб[едоносцев] отвечал, что встает поздно и до утреннего поезда времени иметь не будет. Теперь он вернулся из Петергофа и, судя по времени, очевидно не хочет приехать к Игнатьеву»[228]. Таким образом, четвертого царь, вероятно, и передал проект манифеста Победоносцеву.

Проект манифеста произвел на Победоносцева впечатление разорвавшейся бомбы. В этот же день, поздно вечером, он пишет Александру III письмо, в котором говорит о тех ужасных последствиях, которые может иметь созыв земского собора. «Прочитав эти бумаги, — пишет Победоносцев, — я пришел в ужас при одной мысли о том, что могло бы последовать, когда бы предположение графа Игнатьева было приведено в исполнение... Если воля и распоряжение перейдут от правительства на какое бы то ни было народное собрание — это будет революция, гибель правительства и гибель России».

В этом же письме Победоносцев сообщал еще об одном источнике информации, посредством которого он узнал о подготовляющемся земском соборе. «Я узнал сегодня, — писал он в этом же письме, — что Аксаков прислал сюда, к гр. Игнатьеву, Голохвастова, издавна занимающегося историей земских соборов... Этот Голохвастов прибежал ко мне сегодня ночью в ужасе: услышав, что гр. Игнатьев пускает уже дело в ход теперь же и что на днях могут появиться акты, он испугался и в волнении обдумывал уже, как найти доступ к Вашему величеству — умолять Вас остановить это дело»[229].

Так описывает визит Голохвастова Победоносцев. Голохвастов же освещает его иначе, пожалуй правдоподобнее. Как говорилось уже выше, 4-го вечером у Игнатьева в министерстве были Воронцов-Дашков и Бобби Шувалов. Голохвастов вечером также был приглашен в министерство и ожидал распоряжений у правителя канцелярии. Половина одиннадцатого Воейков был вызван к Игнатьеву, который передал через него Голохвастову о необходимости ехать к

---

[228] ИРЛИ (Пушкинский Дом), д. 11056, XVII с. 17.
[229] «Письма К. П. Победоносцева к Александру III, т. I, стр. 379—381.

Победоносцеву[230]. Разговор с Победоносцевым излагается Голохвастовым так: «Победоносцев тотчас же принял меня, сказав с первого слова, что ему ни минуты времени нет говорить о чем бы то ни было, ни сегодня, ни завтра... Надолго ли в Петербурге? — спросил Победоносцев, — Я тут уже около двух месяцев. Служу у Игнатьева чинов[ником] особ[ых] поруч[ений]. — А, так вот оно!.. Ну, слушайте же, Вы себе набили голову глупостями, такими же, как и Аксаков. Сбиваете с толку таких пустомель и ветрогонов, как Игнатьев; знаю о чем идет дело; слышать ни о чем не хочу (и зажал себе уши): собор та же конституция — пагуба России. Помолитесь богу, чтоб он вразумил Вас, киньте этого лгуна и враля Игнатьева и уезжайте в воскресенье»[231].

Совет в отношении отъезда в воскресенье (дело происходило во вторник) Голохвастов воспринял отрицательно, после чего аудиенция быстро закончилась. На прощание Победоносцев еще раз подтвердил, что собор ни теперь, ни позднее не будет созван. Этот рассказ, на наш взгляд, более соответствует истине, нежели факты, сообщаемые Победоносцевым. В самом деле, какой смысл был Голохвастову бегать к Победоносцеву жаловаться на Игнатьева и просить приостановить созыв земского собора?

Узнав о позиции Победоносцева и колебаниях императора, Игнатьев начинает вербовать себе сторонников. Так, 5 мая, как свидетельствует Феоктистов, он явился к Островскому и рассказал ему о своих планах по поводу созыва земского собора[232]. Островский высказал опасения, как бы это мероприятие не имело неприятных последствий. На это Игнатьев сказал: «Да что же тут важного?.. — Поймите, что хочется только устроить как можно более пышную обстановку, это будет не более как декорация... Конечно, на соборе найдется немало болтунов, да к чему приведет их болтовня? Ведь тотчас после коронации все мы, правительственные лица, уедем в Петербург, они останутся одни, поболтают и разойдутся...»[233]. Островский, не разделив воззрений Игнатьева, довел на другой же день все это до сведения Победонос-

---

[230] Еще ранее шел вопрос об этом визите с целью убедить Победоносцева в необходимости созыва собора. По-видимому, посылка Голохвастова была известна и Воронцову.

[231] ИРЛИ (Пушкинский Дом), д. 11056, XVII с. 17.

[232] Нужно сказать, что Игнатьев в своих «Воспоминаниях» вовсе умалчивает об этом факте. По его словам, только 8 мая он впервые узнал о колебаниях Александра III по этому вопросу.

[233] Е. М. Феоктистов. Воспоминания, стр. 208.

цева [234]. Так информировал Островский своего друга Феоктистова. В действительности же Островский занял более сложную позицию. Как сообщал Игнатьев Голохвастову, «он (Островский. — *П. З.*) всею душою будет за собор настоящий» [235]. Но вместе с тем заявил, что если будет подписан манифест без обсуждения этого вопроса министрами, то он подаст в отставку. Примерно то же он заявил и лично Голохвастову во время свидания с ним 8 мая. «Был вчера у Островского, — пишет Голохвастов Аксакову, — он не противник, но сторонник весьма условный». Далее Голохвастов сообщает, что, по мнению Островского, необходимо, во-первых, все это зрело обсудить и, во-вторых, «правительству подтянуться и спеться» [236]. Трудно сказать, действительно ли Островский был сторонником созыва собора при известных условиях, либо это был маневр, рассчитанный на то, чтобы выведать все у противной стороны.

8 мая Игнатьев представляет царю записку, в которой доказывается, что созыв земского собора отнюдь нельзя рассматривать как уступку. «Для той части общества, — писал здесь Игнатьев, — которая считает необходимым для России обращение к политическим формам Западной Европы, созыв земского собора не только не будет какой-либо уступкой, а, напротив, ясным доказательством, что верховная власть твердо намерена не ступать на этот ненародный и ложный путь» [237]. Тут же Игнатьев подробно развивает мысль, что если бы собор состоял из выборных от земств и городов, то действительно мог бы быть опасным, однако состав этот совершенно иной: его представители «суть элементы самые охранительные, преданные существующему порядку... отсутствие публичности заседаний и гласности ставят предполагаемый собор вне всяких опасений за его вполне мирный и успешный исход» [238]. По-видимому, эта записка не оказала

---

[234] «Письма Победоносцева к Александру III», т. 1, стр. 383.

[235] ИРЛИ (Пушкинский Дом), д. 11056, XVII с. 17. Письмо Голохвастова Аксакову от 6 мая 1882 г. Остается неизвестным, что понимал Островский под «собором настоящим». Имея в виду его реакционные воззрения, надо думать, что под этим понятием подразумевалось более узкое собрание охранительных элементов.

[236] Там же. Письмо от 9 мая 1882 г.

[237] ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 1528, л. 5. На первом листе этой записки написано: «Читано государю императору 8 мая». Тот факт, что эта записка была представлена царю 8 мая, опровергает утверждение Игнатьева о том, что только 8 мая он узнал о колебаниях царя по поводу созыва собора.

[238] Там же, л. 9.

какого-либо влияния на Александра III, так как отношение его к этому вопросу не изменилось [239].

Стремясь добиться положительного разрешения вопроса о земском соборе, Игнатьев вербует себе сторонников. Одним из таких явился прокурор С.-Петербургской судебной палаты, впоследствии министр юстиции Н. В. Муравьев. Им, через Игнатьева, была передана Александру III записка о необходимости созыва земского собора как средства ликвидации революционного движения. В этой записке Муравьев подробно пытается доказать, что созыв собора приведет в полнейшее расстройство все революционные силы и заставит их сложить оружие. Резюмируя все сказанное, он в заключение писал: «Таким образом, созванием земского собора крамола будет обессилена, источники ее закрыты и почва под ней подорвана» [240]. Надо сказать, что и эта записка не оказала на молодого царя никакого влияния. На первом листе ее имеется весьма красноречивая надпись рукой Александра III: «Жалкая иллюзия!» [241].

Если действия Игнатьева и его сторонников не имели каких-либо реальных результатов, то противники его действовали более энергично. Как рассказывает Игнатьев в «Воспоминаниях», 10 мая вечером Островский направил с курьерским поездом в Москву, к Каткову, Феоктистова [242]. Целью

---

[239] Александр III не мог уже относиться к Игнатьеву с полным доверием, памятуя резко отрицательное отношение его ко всякой идее, напоминавшей даже в какой-то степени об умалении принципа самодержавия. К тому же и члены императорской фамилии уже не скрывали от царя своего отрицательного отношения к его министру внутренних дел. Так, вел. кн. Владимир Александрович писал Александру III 15 марта 1882 г. из Вены: «Милый Саша, по долгу совести не могу умолчать, с какой презрительной нелюбовью относятся все как здесь, так и повсюду ко всем деяниям Игнатьева» (ЦГАОР, ф. Александра III, д. 738, л. 25.)

[240] ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 1530, л. 15. Записка без подписи и даты. На первом листе рукою Игнатьева: «Записка Николая Валерьяновича Муравьева (прокурора с.-петербургской судебной палаты), представленная министром внутренних дел его величеству». В начале этой пометы тоже рукою Игнатьева «1882 май м[есяц]».

[241] Там же, л. 1.

[242] Отношения Островского и Феоктистова были довольно сложны. Поэт Д. Д. Минаев охарактеризовал их в экспромте, сочиненном по поводу назначения несколько позднее Феоктистова на пост начальника Главного управления по делам печати:

Островский Феоктистову
На то рога и дал,
Чтоб ими он неистово
Писателей бодал.

Цит. по вступительной статье Ю. Г. Оксмана к упоминаемым выше «Воспоминаниям» Е. М. Феоктистов, стр XXIII.

поездки Феоктистова была информация Каткова о планах Игнатьева в отношении созыва собора. Результатом этой информации явилась передовая статья в «Московских ведомостях». Надо отдать справедливость Каткову, статья была написана быстро: 11-го утром Феоктистов явился в Москву, и в этот же день она была сдана в набор, а 12-го появилась в газете. «Вообразим себе, — писал Катков, — что в настоящую минуту, при теперешнем положении дел и настроении умов, кто-либо из влиятельных лиц возымел бы мысль, под каким бы то ни было предлогом, созвать то, что эвфемистически называется «земским собором», якобы для поддержания власти в ее борьбе с крамолой, не была бы такая мысль, даже негласно в спорах власти сказанная, торжеством крамолы?» Далее Катков утверждает, что это «сборище» ни к чему хорошему привести не сможет.

В заключение Катков отмечал, что это требование земского собора исходило всегда из революционного лагеря. «Когда известного преступника Нечаева, по произнесении над ним приговора, выводили жандармы из зала судебного заседания, — говорилось в передовой статье, — он кричал неистово — «земский собор», «земский собор». Того же требовал и Желябов. Спрашивается, кто в своем смысле оказался бы вернее своему делу, Нечаевы и Желябовы, или те фантастические, предполагаемые нами блюстители государственных интересов, которые тоже крикнули бы «земский собор»?» [243].

Несмотря на то что фамилия Игнатьева здесь названа не была, все точки над «и» были поставлены. Прибегает к печати и Игнатьев. 14 мая в суворинском «Новом времени» появляется небольшая статья под заголовком «Пропущенный юбилей», инспирированная, по-видимому, Игнатьевым. Основная мысль этой статьи, посвященной двухсотлетию 1682 года, заключалась в том, чтобы доказать, что земские соборы ни в коем случае не означали какое-либо умаление царской власти. «Ненадобно, однако, думать, — говорилось в статье, — что практика земских соборов была определена в какие-нибудь точные юридические формы. Точные юридические определения были не в духе людей Московского государства. Цари нуждались в содействии Русской земли, они пользовались им в форме соборов, но никто не думал закрепить это содействие в какие-либо определенные нормы закона» [244].

[243] «Московские ведомости», 12 мая 1882 г.
[244] «Новое время», 14 мая 1882 г.

Несмотря на существовавшее запрещение публиковать в печати статьи о земских соборах, полемика по этому вопросу разгорелась. 22 мая этому посвящает свою передовую статью аксаковская газета «Русь», выступая в ней против рассмотренной выше передовой статьи Каткова. «Если, — писал Аксаков, — Нечаев и Желябов «требовали» земского собора, так это доказывает только одно, что они слышали звон, да не знали откуда, что они не прочли никогда ни одного соборного акта и не имели о соборе никакого понятия» [245]. 23 мая вновь откликнулся на этот вопрос Катков в своей передовой статье. Таким образом, вопрос о созыве земского собора получил широкую огласку.

Еще 11 мая Валуев заносит в свой дневник следующее: «Вчера были Мансуров и Маков. Первый сказал, что у Игнатьевых поговаривают об уходе; второй, что слышал от Клушина, будто Игнатьев — Аксаков сделали попытку к созыву земского собора, но что Победоносцев помешал и представленная государю записка у него осталась» [246].

Увидев, что под влиянием Победоносцева — Каткова Александр III всерьез воспротивился созыву собора, Игнатьев решил также отступиться от своего плана, стремясь во что бы то ни стало избежать обсуждения этого вопроса на каком-либо совещании. Об этом он прямо говорит в своих «Воспоминаниях». «...Я, — пишет он, — написал письмо государю, убеждая не созывать совещания, а выждать личного моего доклада. Его величество возвратил мне тотчас письмо с надписью «хорошо» [247]. Однако давление Победоносцева было весьма сильным: об этом, по словам Феоктистова, он лично говорил с царем, этому он посвящает 25 мая специальное письмо, которое, по-видимому, и решило вопрос о совещании.

В этом письме Победоносцев писал: «Смею доложить Вашему величеству, что оставлять долее в неизвестности этот предмет и предложения министра внутренних дел под сомнением — крайне неудобно. Все уже знают об этом и говорят... Необходимо вывести это дело в присутствии его на чистоту, чтобы при нем высказались откровенно о всем безумии этого предприятия другие лица, призванные доверием вашего величества» [248]. Тут же Победоносцев писал, что Игнатьев продолжает еще настаивать на созыве собора.

---

[245] «Русь», 22 мая 1882 г.
[246] П. А. Валуев. Дневник 1877 — 1884 гг., стр. 197.
[247] ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 161, л. 39.
[248] «Письма К. П. Победоносцева к Александру III», т. 1, стр. 385.

Вечером 26 мая Игнатьев получил телеграмму от царя с просьбой прибыть в Петергоф на следующий день утром. Совещание под председательством царя происходило днем 27 мая в Петергофе. На нем присутствовали: председатель Комитета министров Рейтерн, министр государственных имуществ Островский, обер-прокурор Синода Победоносцев, министр народного просвещения Делянов и, наконец, Игнатьев.

Для ознакомления с ходом совещания мы располагаем двумя источниками: а) воспоминаниями Игнатьева, б) рассказом Островского в интерпретации Феоктистова. Надо сказать, что фактический ход совещания освещается в обоих источниках более или менее одинаково.

Совещание открыл Александр III, заявивший, что необходимо окончательно и раз навсегда решить вопрос о земском соборе. После этого слово было предоставлено Игнатьеву. Как рассказывает Островский, Игнатьев стал уверять, что он отнюдь не представлял себе земского собора как постоянно действующий орган, а хотел «только возвысить характер торжества», но этому помешала печать, исказив его истинные намерения. «В длинном объяснении, — пишет Феоктистов, — граф Николай Павлович заботился только о том, чтобы выпутаться из неприятной для него истории, но это, положительно, ему не удавалось. Государь дважды прерывал его словами «Это не так», «Это неправда»[249].

Далее, по настоянию Победоносцева царь, вынув из своего стола проект манифеста и рескрипта на имя министра внутренних дел, предложил автору их прочесть эти документы. После этого все присутствовавшие начали выступать против этих проектов. Особенно резким было выступление Островского. Игнатьев в весьма пространном слове пытался доказывать, что созыв земского собора единственно правильная мера, долженствующая внести успокоение. «Государь, — пишет Игнатьев, — с неудовольствием и в раздраженном тоне перебил меня и сказал, что доверие его ко мне было полное и неограниченное до моего возбуждения вопроса о соборе, который я преследую с непонятною настойчивостью». Император при этом решительно заявил, что «согласия своего на созыв собора он не дает»[250]. В заключение царь, правда в безличной форме, сказал, что «кто из министров не согласен с разработанной программой, тот должен, очевидно, оставить свой пост»[251]. Таким образом, на сове-

[249] Е. М. Феоктистов. Воспоминания, стр. 209 — 210.
[250] ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 161, лл. 73 —74.
[251] Там же, л. 74.

щании был не только решен вопрос о соборе, но и предрешена отставка Игнатьева. 30 мая министром внутренних дел был назначен гр. Д. А. Толстой. Это назначение знаменовало собой начало длительного периода самой оголтелой и разнузданной реакции.

* *
*

Министерство Игнатьева просуществовало несколько более года, оно характеризует собой завершающий этап кризиса самодержавия. Переход к реакции, провозглашенный манифестом 29 апреля, не мог быть осуществлен непосредственно. Слишком велико было еще смятение правящих кругов в результате события 1 марта. Правительство не представляло себе еще окончательно сил своих грозных врагов. Обстановка в деревне, несмотря на незначительное число крестьянских выступлений, оставалась напряженной. Все это требовало завуалированного перехода к реакции.

Эту роль мог выполнить с наибольшим успехом гр. Н. П. Игнатьев, прожженный лгун и демагог, политический шулер дурного тона. Начиная от циркуляра 6 мая, определявшего задачи, стоявшие перед Министерством внутренних дел, до проекта созыва земского собора, все мероприятия Игнатьева, за исключением реакционных, носили демагогический характер. Наибольшее значение среди реакционных мер имело Положение об усиленной и чрезвычайной охране. Издание этого Положения свидетельствовало о решительном шаге правительства по пути реакции. Вместе с тем оно говорило о непрочности всей политической системы в целом, необходимости постоянно прибегать к исключительным законам. Министерство Игнатьева, объективно прикрывавшее собой переход к политике открытой реакции, не могло существовать длительный период. Провал затей с созывом земского собора мог только несколько ускорить падение этого министерства, имевшего временный, переходный характер. Идея созыва земского собора в аксаковско-игнатьевском духе была реакционной. Она ставила своей задачей укрепление самодержавия путем демагогического трюка, долженствовавшего знаменовать собой «единение царя с народом». Однако объективно, независимо от воли его организаторов, земский собор даже в таком ублюдочном виде мог бы при известных условиях привести к иным результатам. Вот почему такие непреклонные и вместе с тем умные сторонники самодержавия, каким был Победоносцев, решительно выступали против созыва земского собора.

Заключение

Кризис самодержавия, возникший в конце 70-х годов, являлся составной частью нараставшей революционной ситуации. Причины, вызвавшие это, были связаны с характером реформы 1861 года, сохранившей в значительной степени феодально-крепостнические отношения. Нищенские в условиях существовавшей культуры земледелия наделы, тяжесть выкупных платежей и различного рода податей и сборов, а также наличие общины, сковывавшей развитие производительных сил, — все это крайне тяжело отражалось на положении основной массы населения — крестьянства. К тому же развитие капитализма, получившее после реформы мощный толчок, вызывает к жизни новый вид противоречий между трудом и капиталом.

В сфере политической надстройки феодальные пережитки также занимают большое место. Буржуазные реформы 60—70-х годов означали лишь «шаг по пути превращения России в буржуазную монархию» [1]. Государственный же аппарат в целом продолжает сохранять феодальную природу.

Спад «волны» общественного возбуждения и революционного натиска [2], наступивший в конце 1863 года, дает правительству возможность постепенного перехода к реакционной политике. Выстрел Каракозова послужил поводом к этому переходу, к установлению откровенно реакционного курса.

Наряду с экономическими причинами политическая реакция также оказала влияние на нарастание революционной ситуации.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 95.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 30.

Если отмена крепостного права ослабила в некоторой степени противоречия между крестьянами и помещиками, то все же не разрешила их, — грабительский характер реформы обусловил нужду и бедствия многомиллионных масс крестьянства. Следствием всего этого являются крестьянские волнения, не прекращавшиеся и после реформы.

Напряженная обстановка, сложившаяся в деревне в конце 70-х годов, была вызвана общим ухудшением положения крестьянства и распространением слухов о «черном переделе». Эти слухи, выражавшие собою наивно монархические иллюзии крестьянства, являлись следствием войны 1877—1878 годов.

Наряду с некоторым ростом крестьянских волнений в 1878—1879 годах усиливается и стачечное движение. Во второй половине 70-х годов создаются первые рабочие организации, не получившие, однако, сколько-нибудь значительного распространения.

Выразителями интересов крестьянства выступают революционные демократы-народники. Это движение приобретает в конце 70-х годов характер борьбы за политические свободы. Оно происходило в условиях напряженной обстановки, сложившейся в деревне, и некоторого роста стихийных крестьянских волнений. Именно героическая борьба народников явилась непосредственной причиной, вызвавшей растерянность правительственных кругов. Однако нельзя забывать, что сама по себе борьба народников являлась лишь выражением настроений крестьянства; она как в фокусе отражала недовольство его существующим положением, стремление к ликвидации феодально-крепостнических пережитков. Политический кризис самодержавия не достиг бы такой глубины, если бы правительство не боялось соединения стихийной борьбы крестьянских масс с политической борьбой революционных народников. Именно в этом оно усматривало главную опасность, что и обусловливало его огромное внимание к крестьянскому вопросу.

Огромное влияние на нарастание революционной ситуации, а следовательно, и кризиса самодержавия, как одной из составных частей ее, оказала война 1877—1878 годов. Во-первых, война приводит к ухудшению положения народных масс. Во-вторых, она развенчивает ореол самого Александра II и его приближенных как действиями на театре войны, так и дипломатическими неудачами, едва не приведшими к европейской войне. Значительно усиливается либеральная оппозиция.

Кризис самодержавия нарастает примерно с весны 1878 года и заканчивается в середине 1882 года. Признаками данного кризиса являлись: 1) невозможность управлять народными массами на основе обычного законодательства, средствами существующего государственного аппарата; 2) понимание необходимости определенных экономических и политических уступок. Отсюда переход от обыкновенных существующих законов к исключительным и учреждение новых органов государственной власти: Особых совещаний для выработки мер по борьбе с революционным движением, а также института временных генерал-губернаторов, представлявших собой подобие римских проконсулов. Отсюда же колебания правительственной политики и разработка различного рода проектов реформ. Эти признаки характерны для всего периода кризиса. Однако на различных этапах его преобладает тот или другой из них.

Кризис самодержавия можно подразделить на ряд этапов: первый этап — с весны 1878 до февраля 1880 года; второй — с февраля 1880 до 1 марта 1881 года; третий — с 1 марта до 29 апреля 1881 года; четвертый — с мая 1881 до середины 1882 года.

Первый этап кризиса характеризуется некоторым ростом крестьянских выступлений и распространением массовых слухов о переделе земли. Вместе с тем наблюдается и рост выступлений рабочих, преимущественно в столице. Этот этап, наиболее продолжительный, можно, в свою очередь, подразделить на три периода. Первый из них начинается с марта до августа 1878 года. Ряд террористических актов на юге России, стачки в Петербурге и, наконец, процесс Веры Засулич, а также демонстрация перед зданием окружного суда в связи с оправданием ее — все это вызывает у правительства необходимость образования в самом конце марта Особого совещания для изыскания мер по борьбе с революционным движением. Репрессивные меры, рекомендованные в данном случае Особым совещанием, не посягали еще на коренное нарушение существующих законов. Это свидетельствовало о том, что кризис не получил еще своего полного развития.

Второй период данного этапа начинается с августа 1878 года и продолжается до начала апреля 1879 года. Меры, принятые в этот период, уже посягают на основу судебных уставов. Передача военно-окружным судам дел о вооруженном сопротивлении революционеров, разработка правил 1 сентября 1878 года, предоставлявших жандармским орга-

нам широко применять административную высылку, — все это являлось прямым нарушением судебных уставов. Не случайно, что это нарушение касается той области политической надстройки, которая приобрела наиболее буржуазный характер.

В данный период у правящих классов еще отсутствует понимание необходимости определенных уступок — реформ экономического и политического характера. Это опять-таки говорит о том, что кризис далеко еще не достиг своего полного развития.

С апреля 1879 года наступает третий период. Он характеризуется учреждением института временных генерал-губернаторов, разделением части России на своеобразные проконсульства. Создание этого института не укрепило самодержавия, а, наоборот, ослабляло его. В данный период репрессивные меры достигают своего апогея.

В это время появляются уже первые признаки понимания необходимости известных уступок с целью расширить социальную базу самодержавия путем привлечения на сторону правительства представителей либеральной общественности. Первым обнаруживает понимание этого наиболее умный из генерал-губернаторов — Лорис-Меликов.

В конце 1879 года такие настроения проникают в высшие правительственные сферы. Результатом этого является обсуждение в начале 1880 года проектов вел. кн. Константина Николаевича и Валуева. Однако все эти проекты были отклонены по непосредственному настоянию наследника престола.

Второй и третий этапы кризиса знаменуют его наивысшее развитие. Второй этап можно опять-таки подразделить на два периода: Первый — с февраля по август 1880 года и второй — с августа 1880 по март 1881 года.

В феврале 1880 года создается Верховная распорядительная комиссия во главе с Лорис-Меликовым, наделенным правами своеобразного субимператора. В отличие от первого этапа кризиса, характеризовавшегося известной децентрализацией власти в лице генерал-губернаторов, в данный период наблюдается обратный процесс — концентрация власти в руках одного лица. Права генерал-губернаторов несколько уменьшаются.

Наряду с сохранением политики беспощадной борьбы с революционерами наблюдается значительное ослабление полицейского террора, изменение правительственной политики в отношении к земству, печати, университетскому вопросу

и т. д. Это изменение правительственного курса было прямым результатом героической борьбы народовольцев, а отнюдь не являлось следствием политики самого диктатора. Именно дальнейшее развитие кризиса превращает самого Лорис-Меликова в своеобразного либерального бюрократа.

Ликвидация Верховной распорядительной комиссии и назначение ее начальника министром внутренних дел усиливали власть Лорис-Меликова. Упразднение III отделения, создание Департамента государственной полиции и концентрация жандармско-полицейских органов в составе Министерства внутренних дел укрепляли карательные органы власти.

Проект «конституции», выдвинутый Лорис-Меликовым в его докладе 28 января 1881 года, ставил своей задачей расширить социальную базу власти путем привлечения цензовой общественности к обсуждению тех или иных подготовляемых реформ. Несмотря на свой ублюдочный характер, этот проект при своем осуществлении способствовал бы росту политической активности буржуазных слоев общества, тем самым подготавливая почву для создания легальных политических партий. Сам по себе проект Лорис-Меликова не посягал на принцип самодержавной власти, однако в условиях сложившейся обстановки он при определенном соотношении сил мог явиться началом утверждения парламентской системы в России.

Ослабление полицейского террора создавало определенные условия для ведения массовой революционной работы. Однако Исполнительный комитет «Народной воли» не использовал этой благоприятно сложившейся обстановки, созданной героической борьбой самих народовольцев. Несмотря на широкую программу привлечения народных масс к революционной борьбе, изложенную Желябовым в его «Подготовительной работе партии», Исполнительный комитет сконцентрировал почти всю свою энергию на подготовке убийства Александра II. Вследствие этого деятельность народовольцев среди рабочих столицы, а также развитие военной организации партии не получили большого распространения.

Третий этап кризиса, характеризующий его апогей, начинается с 1 марта и длится до конца апреля 1881 года. Это период наибольшего смятения и растерянности правительства. Убийство Александра II вызвало буквально панику в правительственных кругах. Если бы убийство царя было поддержано каким-либо массовым выступлением или военная организация «Народной воли» осуществила какие-либо действия, правительство принуждено было бы пойти на уступки.

Это могло бы привести к установлению конституционных форм правления, хотя бы и в урезанном виде. Однако ничего этого, как известно, не произошло. Народовольцы буквально исчерпали себя убийством царя. Партия оказалась обескровленной как в результате этого события, так и в процессе подготовки его. Лучшие руководители Исполнительного комитета — Александр Михайлов, Желябов, Перовская — выбыли из строя. Других же сил, способных на борьбу, не было. Буржуазия была слаба и нереволюционна, в силу чего не могла возглавить стихийного крестьянского движения, бывшего к тому же незначительным по своим размерам. Рабочий класс представлял собой еще «класс в себе», и также еще не был способен выступить на борьбу с самодержавием.

В течение почти двух месяцев Александр III не решался высказать вслух свои реакционные политические идеалы. В течение этого времени происходила борьба правительственных группировок — либеральной и реакционной. Отсутствие массовых выступлений в городе и в деревне, а также каких-либо новых акций со стороны народовольцев — все это позволило Александру III и его реакционным помощникам во главе с Победоносцевым выступить с манифестом 29 апреля. Но опубликование его отнюдь не означало того, что кризис самодержавия закончился.

С этого момента наступает четвертый, завершающий этап кризиса. Этап, означающий переход к реакции. Главным деятелем этого переходного периода являлся гр. Н. П. Игнатьев.

С одной стороны, принимается ряд откровенно реакционных мер, как-то «Положение об усиленной и чрезвычайной охране», «Временные правила о евреях»; с другой — делаются либеральные шаги, часть которых, впрочем, носит откровенно демагогический характер. К ним относится приглашение «сведущих людей», представляющее собой, по сути дела, комедийно-демагогический трюк, создававший видимость привлечения общественных сил к разработке реформ.

Созыв Кахановской комиссии для подготовки реформы местных учреждений хотя и не носил столь комедийного характера, однако объективно служил тем же целям. Правительство в этот период еще продолжает терпимо относиться к земской общественности, давая ей даже некоторые, впрочем туманные, обещания в смысле расширения сфер ее деятельности. Терпимо относится правительство и к либеральному курсу Министерства народного просвещения.

В этот же период осуществляется ряд реформ экономического характера, реализующих, хотя и в урезанном виде,

программу, намеченную Лорис-Меликовым. Перевод крестьян на обязательный выкуп, отмена подушной подати и ряд других мер носили объективно-буржуазный характер и, бесспорно, способствовали более быстрому развитию капитализма. Все это свидетельствовало о том, что кризис самодержавия еще не изжил себя.

Наконец, заключительный акт комедийного спектакля Игнатьева — попытка созыва земского собора — также говорил о том же.

Увольнение Игнатьева, несколько ускоренное его демагогической затеей, и назначение Толстого означали преодоление в основном кризиса правительственной политики. Однако «остаточные явления» этого кризиса не давали еще долгое время Толстому перейти к оголтелой реакции. Это стало возможным примерно в 1885 году, когда с помощью А. Д. Пазухина министр внутренних дел смог сформулировать свою реакционную программу действий.

ПРИМЕЧАНИЯ

Примечание 1

Крестьянские волнения за десятилетие с 1875 по 1884 год (по губерниям)

Губернии	Годы										Итого	Из них подавлено войсками
	1875	1876	1877	1878	1879	1880	1881	1882	1883	1884		
Виленская	2	2	—	1	3	1	1	2	1	5	18	9
Витебская	2	—	—	1	1	—	1	—	2	2	9	3
Волынская	—	1	1	—	1	—	—	2	1	—	6	1
Воронежская	1	—	—	2	1	1	—	—	1	—	6	1
Вятская	—	—	1	—	1	3	1	2	2	1	11	1
Владимирская	—	—	—	3	8	—	—	—	1	—	12	1
Вологодская	1	—	—	—	—	—	—	1	3	—	5	—
Гродненская	—	2	2	2	1	—	—	1	2	2	12	4
Донская область	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	2	2
Екатеринославская	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	2	2
Казанская	—	—	—	1	1	—	—	—	1	—	3	1
Калужская	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	—
Киевская	1	1	1	1	2	—	—	1	4	1	12	6
Ковенская	—	1	—	1	5	1	2	2	1	—	13	4
Курская	2	—	—	—	—	—	1	1	—	—	4	
Курляндская	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	2	2
Лифляндская	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	2	1
Минская	1	4	1	2	2	1	3	3	2	4	23	3
Могилевская	—	—	—	—	—	—	4	5	1	—	10	3
Московская	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	2	—
Нижегородская	—	1	1	—	1	—	—	—	—	2	5	—
Новгородская	—	1	—	—	2	1	—	—	—	2	6	—
Обл. войска Польского	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	2	—
Оренбургская	—	1	—	4	1	—	—	—	—	—	6	—
Орловская	2	2	—	—	—	—	—	2	2	1	9	4
Пензенская	—	—	—	2	3	—	—	—	1	1	7	2
Пермская	—	—	—	1	2	1	—	—	1	1	6	—

Продолжение

Губернии	Годы										Итого	Из них подавлено войсками
	1875	1876	1877	1878	1879	1880	1881	1882	1883	1884		
Подольская	—	1	1	1	—	—	—	2	18	29	52	7
Полтавская	1	—	—	—	—	—	—	—	4	7	12	5
Псковская	—	—	—	1	3	1	—	—	2	5	12	1
Рязанская	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	1
С.-Петербургская	—	1	—	—	—	—	—	1	1	2	5	1
Саратовская	—	—	—	—	1	—	—	—	1	1	3	—
Смоленская	—	—	1	1	—	1	—	—	—	—	3	—
Таврическая	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	1
Тамбовская	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—
Тифлисская	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—
Тверская	1	—	—	1	—	—	—	—	—	1	3	—
Тульская	—	1	—	—	1	—	—	—	1	—	3	2
Харьковская	1	—	—	—	—	—	—	—	1	2	4	2
Херсонская	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	2	1
Черниговская	—	—	—	2	3	2	1	1	2	3	14	3
Уфимская	—	—	—	—	1	—	1	1	—	2	5	—
Ярославская	—	—	—	1	—	—	—	—	—	2	3	—
Кутаисская	1	2	—	—	—	—	—	—	—	—	3	3
Ставропольская	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	1
Эстляндская	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	2	—
Итого	17	23	9	31	46	13	17	29	62	81	328	80

Примечание 2 к стр. 8.

1875 г.

1) ЦГИАЛ, ф. Министерства юстиции, 1875 г., оп. 72, д. 1782, лл. 12—21; 2) ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1875 г., д. 69, лл. 9—10; 3) там же, лл 105 — 106; 4) там же, д. 98, лл. 16 — 17; 5) там же, лл 47—49; 6) там же, лл. 39 — 43; 7) ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, 4-е дел-во, 1875 г., оп. 53, д. 132; 8) ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, 4-е дел-во, 1876 г., оп. 53, д. 26, лл. 1—2; 9) ЦГИАЛ, ф. Министерства юстиции, 1875 г., оп. 73, д. 2429, лл. 765 — 766; 10) ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1875 г., д. 79, лл. 20 — 21; 11) ЦГИАЛ, ф. Министерства юстиции, 1875 г., оп. 73, д. 2052, л. 1; 12) ЦГАОР, ф. III отделения, 1 экспедиция, 1875 г., д. 82, лл. 1—5; 13) ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1875 г., д. 27, л. 43; 14) ЦГИАЛ, ф. Министерства юстиции, 1875 г., оп. 73, д. 2429, лл. 549, 551; 15) там же, л. 207; 16) ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, 4-е дел-во, 1875 г., оп. 53, д. 159, лл. 1 — 2; 17) ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1875 г., д. 72, лл. 52—56.

1876 г.

1) ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1876 г., д. 8, лл. 58 — 59; 2) там же, л, 80; 3) ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1877 г., д. 21, лл. 1 — 2; 4) ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1876 г., д. 32, лл. 86 — 87; 5) там же, д. 31, лл. 40 — 43; 6) там же, д. 87, л. 13; 7) там же, л. 33; 8) ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, 4-е дел-во, 1876 г., оп. 53, д. 53, лл. 1—2; 9) там же, лл. 22—23; 10) ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1876 г., д. 7, л. 114; 11) там же, л. 113; 12) там же, д. 81, лл. 4—5; 13) ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, 4-е дел-во, 1876 г., оп. 53, д. 49, лл. 1 — 3, 5; 14) ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1876 г., д. 77, л. 15; 15) там же, д. 56, лл. 20 — 21; 16) там же, л. 59; 17) там же, д. 64, лл. 27 — 30; 18) там же, д. 10, лл. 61 — 62; 19) там же, д. 24, лл. 15, 19 — 20, 22 — 27, 102 — 105; 20) там же, лл. 49 — 50, 52 — 53, 56; 21) ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1875 г., д. 86, лл. 40 — 43; 22) ЦГИАЛ, ф. Министерства юстиции, 1875 г., оп. 72, д. 17, лл. 2—21; 23) там же, оп. 74, д. 1023.

1877 г.

1) ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1877 г., д. 21, л. 48; 2) ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, 4-е дел-во, 1874 г., оп. 53, д. 155, лл. 20—32; 3) ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1877 г., д. 47, лл. 22—23; 4) там же, лл. 57—58; 5) ЦГИАЛ, ф. Канц. Мин. вн. дел,

1877 г., оп. 2, д. 13, лл. 1 — 2; 6) ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1877 г., д. 81, лл. 3 — 4; 7) ЦГИАЛ, ф. Министерства юстиции, 1877 г., оп. 75, д. 1081, лл. 1 — 5; 8) ЦГИАЛ, ф. Министерства юстиции, 1875 г., оп. 72, д. 1782, лл. 2 — 21; 9) ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, 4-е дел-во, 1878 г., оп. 53, д. 94, лл. 1 — 3.

1878 г.

1) ЦГИАЛ, ф. Земского отдела Мин. вн. дел, 4-е дел-во, 1878 г., оп. 53, д. 8, лл. 8 — 10; 2) ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1878 г., д. 13, лл. 7—8; 3) там же, д. 83, лл. 2—4; 4) там же, д. 18, лл. 40—41; 5) там же, лл. 44 — 47; 6) там же, д. 47, лл. 42 — 45; 7) ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, 4-е дел-во, оп. 53, д. 78, лл. 1 — 4; 8) ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1878 г., д. 42, лл. 1—5; 9) ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1878 г., д. 33, лл. 104 — 107; 10) ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, 4-е дел-во, 1878 г., оп. 53, д. 119, л. 18; 11) там же, д. 16, л. 1; 12) ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1878 г., д. 84, лл. 37—38; 13) ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, 4-е дел-во, 1878 г., д. 81, лл. 1 — 2; 14) ЦГИАЛ, ф. Министерства юстиции, 1878 г., оп. 76, д. 4457, л. 173; 15) ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1878 г., д. 102, л. 15; 16) там же, д. 91, лл. 23 — 24; 17) ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, 4-е дел-во, 1878 г., оп. 53, д. 4, лл. 1 — 4; 18) ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1878 г., д. 152, лл. 42 — 55; 19) ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1878 г., д. 37, лл. 156 — 159; 20) там же; 21) там же; 22) ЦГИАЛ, ф. Канц. Мин. вн. дел, оп. 2, д. 1083, лл. 13—37; 23) ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1879 г., д. 222, л. 10 — 20; 24) ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, 4-е дел-во, 1873 г., д. 130, лл. 9 — 12; 25) ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1878 г., д. 180, лл. 2 — 3; 26) ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, 4-е дел-во, оп. 53, д. 94, лл. 1—3; 27) ЦГИАЛ, ф. Министерства юстиции, оп. 77, д. 2141, лл. 2 — 3; 28) ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, 4-е дел-во 1878 г., оп. 53, д. 119, л. 18; 29) ЦГИАЛ, ф. Министерства юстиции, оп. 77, д. 1707, л. 8; 30) ф. Земского отдела, 4-е дел-во, оп. 53, 1870 г., д. 116, л. 85.

1879 г.

1) ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1879 г., д. 19, л. 17; 2) там же, л. 59; 3) там же, лл. 124 — 130; 4) там же, д. 56, л. 55; 5) там же, д. 37, лл. 98—99; 6) там же, лл. 100—103; 7) там же, лл. 156 — 159; 8) там же, д. 39, лл. 98 — 99; 9) там же, д. 20, л. 73. 10) там же, д. 83, лл. 28—29; 11) ЦГИАЛ, ф. Министерства юстиции, 1879 г., оп. 77, д. 222, лл. 58 — 59; 12) там же, д. 2328; 13) ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, 4-е дел-во, 1879 г., оп. 53, д. 1, лл. 53 — 54; 14) ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1879 г., д. 60, лл. 22, 48 — 51, 64 — 65, 71, 73 — 75; 80, 82—84, 87, 90, 93—160, 161; 15) там же, д. 38 лл. 5—8; 16) ЦГИАЛ, ф. Департамента полиции исполнительной, 1879 г., оп. 40, д. 666, лл. 23 — 24; 17) там же, л. 63; 18) там же, лл. 9 — 10; 19) там же, л. 58; 20) ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1879 г., д. 21, лл. 85 — 86; 21) там же, лл. 146 — 147; 22) ЦГИАЛ, ф. Министерства юстиции, 1879 г., оп. 77, д. 223, лл. 2 — 6; 23) ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1879 г., д. 222, лл. 10 — 15; 24) там же, д. 146, лл. 1 — 2; 25) там же, д. 51, лл. 3 — 4; 26) там же, д. 170, лл. 16 — 23; 27) ЦГИАЛ, ф. Министерства юстиции, 1879 г., д. 1153, лл. 5 — 6; 28) ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, 5-е дел-во, 1878 г., оп. 53, д. 119; 29) ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1879 г., д. 37, лл. 156—159; 30) там же; 31) там

же; 32) ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, д. 30, л. 77; 33) там же, д. 78, лл. 85, 88—91, 97—99; 34) ЦГИАЛ, ф. Канц. Мин. вн. дел., 1882 г., оп. 2, д. 7, лл. 14, 55; 35) ЦГИАЛ, ф. Министерства юстиции, оп. 77, д. 5507, лл. 21—56; 36) ЦГИАЛ, ф. Министерства юстиции, оп. 77, д. 1830, л. 1; 37) ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1879 г., д. 75, лл. 86—87, 114; 38) ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1879 г., д. 78, лл. 109—110; 39) ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, 4-е дел-во, 1879 г., оп. 53, д. 1, лл. 105—111; 40) ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1879 г., л. 146, лл. 190—192; 41) ЦГИАЛ, ф. Министерства юстиции, оп. 78, д. 4048; 42) там же, оп. 77, д. 1707, л. 8; 43) там же, д. 222, лл. 20—21; 44) там же, л. 51.

1880 г.

1) ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, 4-е дел-во, 1879 г., оп. 53, д. 1, лл. 244—246; 2) там же, д. 19, лл. 124—130; 3) ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, 4-е дел-во, 1879 г., оп. 53, д. 1, лл. 274—275; 4) там же, лл. 27—28; 5) ЦГИАЛ, ф. Министерства юстиции, 1880 г., оп. 78, д. 8360, лл. 1—4; 6) ЦГАОР, ф. III отделения, 3 экспедиция, 1880 г., д. 91, лл. 13—14; 7) ЦГИАЛ, ф. Департамента полиции исполнительной, оп. 41, 1880 г., д. 78, лл. 10—15; 8) ЦГИАЛ, ф. Земского отдела, 4-е дел-во, 1879 г., оп. 53, д. 130, лл. 9—10: 9) ЦГИАЛ, ф. Министерства юстиции, 1880 г., оп. 79, д. 6538, л. 2; 10) там же, д. 5904, лл. 1—4; 11) там же, д. 5507, лл. 12—15.

1881 г.

«Крестьянское движение в России 1881—1889 гг.». Сборник документов. М., 1960. Документы № 1—4, 6, 7, 9—15, 18—21.

1882 г.

Там же. Документы № 22, 24—52.

1883 г.

Там же. Документы № 54—70, 72—82, 84, 89—96, 98—105, 108—110, 112.

1884 г.

Там же. Документы № 115—122, 124—131, 133—162, 164—171, 172—176, 178, 179.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Публикация документов производится по современной орфографии. Знаки препинания расставляются согласно существующим правилам. Явные описки исправляются без оговорок. Слова, смысл которых неясен или неточен, оговариваются под строкой «так в подлиннике». Пропущенные и недописанные слова дописываются в квадратных скобках. Комментарии помещаются под строкой. В отличие от имеющихся в публикуемых документах подстрочных примечаний, помеченных звездочками, комментарии обозначаются цифрами. Пометы на полях воспроизводятся также под строкой.

ВСЕПОДДАННЕЙШИЙ ДОКЛАД МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ 22 ДЕКАБРЯ 1881 ГОДА (Подлинник) *

Преследуя с неслыханным постоянством свою преступную цель, террористы мало задавались вопросом, что последует за цареубийством. Зная благоговение и привязанность русского народа к своему верховному вождю, злоумышленники не сомневались, что убийство государя послужит призывом к беспорядкам и всеобщему восстанию, которое облегчит и ускорит им достижение преступных замыслов.

Невзирая на глубочайший ужас и негодование, которое возбудило во всем населении злодеяние 1-го марта, чаяниям крамольников не суждено было осуществиться. Не только не произошло никакой ожидаемой ими смуты, но даже возникшие, без участия злоумышленников, еврейские беспорядки на Юге не принесли пользы их преступному делу. Силою событий, они принуждены были убедиться, что все их продолжительные усилия и упорство, весь вред и разлад, которые они пытались вносить и вносили в русскую жизнь, мало чем подвинули к вожделенной для них развязке **. После 1-го марта крепнувшие в конце прошлого царствования конституционные стремления известного кружка лиц особенно обострились и силились выплыть наружу, найти себе внешнее выражение. В Петербурге утверждалось открыто, что будь ранее подписан указ о редак-

* В верху первого листа помета рукой Александра III карандашом: «Если что не программа правительства, то я уже решительно не понимаю, чего желать большего. Главное не смущаться, а идти правительству дружно и прямо по положенному пути в последние месяцы А[лександр]. г. Гатчино 27 декабря 1881 г.».

** Фраза «Силою событий, они принуждены были убедиться... мало чем подвинули к вожделенной для них развязке» отчеркнута карандашом.

ционных комиссиях, в которых чиновные мечтатели видели начало ограничения самодержавия, не последовало бы и цареубийства. Это же время казалось особенно благоприятным для всех ненародных стремлений, для обособления отдельных народностей и вероисповеданий всех, кроме русской народности и православия: поляки и немцы, униаты и евреи спешили выражать свои верноподданнические чувства, выговаривая себе разные льготы и права. Некоторая часть печати настойчиво заявляла о правах и требованиях известного кружка своих единомышленников вопреки искреннему желанию и требованию народа соблюсти неприкосновенность самодержавного начала, на котором одном зиждутся все его упования.

Державное слово 29 апреля положило предел этой неустойчивости и разладу. Месяц спустя после 29-го апреля были впервые призваны сведующие люди, чтобы сказать свое слово по одному из вопросов, быть может, и искусственно поставленному* на первую очередь, но уже разноднятому и ждавшему своего решения.

Все конституционные вожделения тем скорее стали замирать, что возбуждены и подогреты они были искусственно, редкие заявления отдельных земств, повторяющиеся и доселе, не могут считаться выражением действительного мнения страны. Даже среди тех, кто еще минувшею весною думал найти настоящий устой[1] в представительстве, произошла, после твердого царского слова, резкая перемена в понятиях; в них стало крепнуть сознание, что ограничение самодержавия немыслимо и невозможно.

Второй призыв сведущих людей, в большем против прежнего числе, укоренил убеждение в том, что подобное участие общества в работе правительства есть единственно возможное в настоящее время и несомненно плодотворное**.

Лицам, призванным к управлению после 29 апреля, предстояло работать при весьма трудных условиях. 15-ть лет, следовавших за преобразовательною деятельностью прошлого царствования, не содействовали к дальнейшему развитию новых начал, насажденных рукою преобразователя. Благодаря господствовавшему направлению в корне изменился дух многих начинаний; рядом с полезным и необходимым возникло много вредного, много наносного, хищение и отрицание действительных потребностей народа шли в последнее время рука об руку.

Печать, ставшая на ходули и выделывавшая искусственное общественное мнение, создавала в то же время на каждом шагу новые затруднения власти, тормозила ее действия. Беспорядки на Юге обнаружили язву еврейского вопроса, которая настоятельно требует быстрого врачевания. Полиция и все местное управление, поставленные крайне неправильно, еще более обнаруживали, что авторитет власти поколеблен и что она бессильна.

---

* Слова «искусственно поставленному» подчеркнуты карандашом и на полях против них помета рукой Александра III: «Верно». Помета заверена министром внутренних дел: «Собственною его величества рукою начертано карандашом «Верно». Генерал-адъютант Игнатьев».

[1] Так в подлиннике.

** Фраза: «Второй призыв сведущих людей... есть единственно возможное в настоящее время и несомненно плодотворное» — отчеркнута карандашом и против на полях рукой Александра III: «Этого мало кто понял и мало убеждены!» Помета заверена министром внутренних дел: «Собственною его величества рукою начертано карандашом: «Этого мало кто понял и мало убеждены». Генерал-адъютант Игнатьев».

В истекшие семь месяцев:

1. Обсуждались, при участии сведущих людей, вопросы о понижении выкупных платежей, ныне рассмотренные в Государственном совете, о противодействии неумеренному употреблению вина и упорядочении переселений.

2. Введено положение об охране.

3. Организована секретная полиция в Петербурге, а в Москве приступлено к ее устройству.

4. Учреждены: а) Комиссия для устройства местного управления, находящаяся под председательством статс-секретаря Каханова. Комиссия из сенаторов, представителей от разных ведомств и вызванных сведущих людей имеет выработать стройный проект местного управления, обнимающий губернские и уездные административные учреждения и соответственные изменения в крестьянском управлении и в городских и земских учреждениях, работая на основании материалов, имеющих[ся] в министерствах, собранных сенаторскою ревизиею, а также и земствами по вопросу о переустройстве крестьянских учреждений и пользуясь силами людей, близко знакомых с действительным положением дел. Комиссия эта соединяет все условия для успешного разрешения возложенной на нее задачи. Но окончание ее трудов, по самому характеру их, нельзя ожидать скоро. Комиссия ныне занята выработкой программы ее дальнейших работ, и б) еврейский комитет, имеющий выработать законы и правила, необходимые для того, чтобы положить предел существующим неправильным отношениям между коренным населением и евреями, которые служат постоянным источником беспорядков и извращают правильное течение хозяйственных отношений. Комитет, имевший уже несколько заседаний, не мог, однако, достаточно подвинуть свои занятия ввиду замедления в представлении трудов местных комиссий. Так как еще настоящею зимою должны быть утверждены хотя временные правила, необходимые для устранения самых вопиющих злоупотреблений и для обеспечения общественного порядка, то приняты меры для ускорения присылки трудов местных комиссий и приступлено к составлению проекта временных мер.

5) Облегчены арендование казенных земель и покупка лесов крестьянскими обществами.

6) Внесен в Государственный совет проект банка для покупки крестьянами земель.

7) В деле устройства административно-ссыльных сделан серьезный шаг учреждением комиссии для определения срока высылки, которая ныне уже пересмотрела значительное число дел. Предпринятое устройство колоний ссыльных вызвало пожертвования, достигающие ныне до цифры 75 т[ыс.] рублей.

Сделанное и начатое, конечно, не должно заслонять того, что еще предстоит сделать.

Наряду с заботами о необходимых улучшениях в отдельных отраслях управления на правительстве лежит священная обязанность блюсти за строгим охранением спокойствия, при котором лишь возможно действительное преуспеяние страны и именно в последнее время сделаны весьма серьезные открытия.

Темные силы могли крепнуть и развиваться лишь благодаря отсутствию дружного и вполне единодушного действия лиц, стоящих во главе правительственных учреждений. Успех борьбы с внутренними врагами отечества зависит прежде всего от неизменной твердости, последовательности, веры в свое дело и единство действия в носителях правительственной власти. Строгое охранение порядка, уверенность в неуклонности и незыблемости принятых правительством оснований внесет в население

твердость духа, успокоит умы. Нет сомнения, что зло, копившееся столь долгое время, сразу исчезнуть не может.

К числу неблагоприятных условий настоящего времени, значительно осложняющих осуществление отдельных мероприятий, надо отнести также то неудовольство, которое возбуждают в многих самые благие предначертания правительства. Искоренение хищений, сокращение мест, доставляющих вознаграждение несоответственное труду, почин в разрешении еврейского вопроса — все эти начинания затрагивают множество частных интересов, которые вызывают противодействия усилиям власти. Сверх того замечается недоверие к начинаниям правительства, происходящее от причин иного свойства. Около 15 лет борьба с крамолой и сокращение расходов занимали преобладающее место во всех заявлениях о намерениях и целях правительства. А наряду с этим непроизводительные расходы возрастали, происходила раздача казенных земель, крамола укреплялась и совершала неслыханные злодеяния. Вполне понятно отсюда это недоверие к правительственным начинаниям, и оно может уступить только твердому убеждению, что существует не только на словах, но и на деле непреклонная власть, которая не убоится во имя государственной пользы пренебречь частными интересами и не отступит от раз предначертанного плана действий.

Ныне переживается наиболее тревожное время. По мере того как придется переходить к окончанию и осуществлению начатого, тревога будет утихать, недовольство ослабляться *. Успешное завершение некоторых начинаний даст веру и силу терпеливо ожидать осуществления остальных.

Но залог действительного успеха заключается лишь в том, чтобы, продолжая идти по намеченному пути и, завершая те вопросы, которые самою жизнию поставлены на очередь, воздержаться до времени от возбуждения новых задач и сосредоточить все внимание на том, что прежде всего должно быть разрешено для обеспечения спокойствия и благоденствия России **.

Из тех вопросов, которые ныне наиболее озабочивают правительство, самый настоятельный — это устройство внутреннего управления преимущественно с его полицейской стороны.

В мае месяце учреждена была комиссия под председательством свиты Вашего величества генерал-майора Черевина, для преобразования полиции. После трехмесячного труда она не пришла к определенному выводу, который мог бы быть представлен на утверждение законодательным порядком. Неуспех работы, кроме некоторых случайностей, объясняется тем, что объединение полиции, предположенное указом 6 августа, совершилось лишь в лице одного министра внутренних дел; вся же полиция, хотя и подчинена одному лицу, все же осталась раздвоенною на жандармскую и общую. Объединение неудобно начиная снизу, так как объединенная местная полиция оказалась бы под двойным начальством — корпуса жандармов и Департамента государственной полиции. Несравнен-

---

* Абзац: «Ныне переживается наиболее тревожное время. По мере того, как придется... недовольство ослабляться...» — отчеркнуть карандашом. Против него на полях рукой Александра III: «Дай бог!». Помета заверена министром внутренних дел: «Собственною его величества рукою начертано карандашом: «Дай бог!». Генерал-адъютант Игнатьев».

** Фраза. «Но залог действительного успеха... для обеспечения спокойствия и благоденствия России» — отчеркнута карандашом и на полях рукой Александра III: «Совершенно справедливо». Помета заверена министром внутренних дел: «Собственною его величества рукою начертано карандашом: «Совершенно справедливо». Генерал-адъютант Игнатьев».

но правильнее вести это объединение сверху, сблизив, таким образом, корпус жандармов с Департаментом государственной полиции. Так как преобразование полиции настолько настоятельно, что оно не может быть отсрочено до окончания сложных трудов комиссии статс-секретаря Каханова, то переустройство местной полиции надлежит возложить на объединенное учреждение государственной полиции, на основаниях, изложенных в особой записке.

Сведения о том, что может нарушить спокойствие государства, должны стекаться в один центр, из одного же центра правительственной деятельности должны исходить все меры по предупреждению и пресечению преступных деяний. Такая организация одна в состоянии дать административной деятельности достаточную силу.

Опытом доказано, что дело не в исключительной, почти безграничной власти одного лица, как было при Верховной распорядительной комиссии, не в чрезвычайных полномочиях, предоставленных генерал-губернаторам. Такого рода власть бессильна, если не располагает достаточными орудиями действия. Одно лишь разумное и твердое сплоченное внутреннее управление, опирающееся на местные охранительные силы, при отсутствии всяких изъятий из общего порядка даст власти надлежащую крепость и влияние. Здравые выражения общественной совести, каков приговор по делу Мровинского, Теглева и Фурсова, конечно, более содействуют возвращению к правильному порядку, чем всякие крутые меры[2].

При установлении строгой законности и ответственности в управлении примкнут к правительственной деятельности все люди порядка, справедливо встревоженные настоящим положением дел и ныне теряющие свои благородные усилия почти бесплодно. Сочетание сил и их сосредоточение — такова, в двух словах, задача предполагаемого устройства.

Другой существенный вопрос — крестьянский, разумея здесь выкупное, переселенческое и питейное дело и устройство кредита для крестьян. При участии сведущих людей он находится на пути к своему правильному разрешению. Не выходя из настоящей формы приглашений и отнюдь не давая сведущим людям какого-либо не свойственного им значения, возможно будет, однако, в видах большого обеспечения правильности их вызова, предоставить губернским земским собраниям, городским думам, мануфактурным советам и биржевым комитетам указать на лица, в числе от двух до четырех, из которых некоторые, по усмотрению или по очереди, могли бы быть приглашаемы правительством, ввиду того что местные учреждения удостоверяют их близкое знакомство с делом. Правительство не будет стесняться этими указаниями, призывая и других лиц, которых считает полезными, но, пользуясь ими, может найти людей не только действительно знакомых с делом, но и пользующихся доверием своей местности.

Третий вопрос, требующий настоятельного разрешения, — это водворение строгого порядка в учебных заведениях и правильное направление их деятельности. Это можно достигнуть главнейшим образом существенными изменениями в господствующих ныне условиях образования. Тре-

---

[2] Речь идет о суде над должностными лицами: старшем технике с.-петербургского градоначальства ген.-майоре Мровинском, приставе спасской части с.-петербургской полиции статском советнике Теглеве и Фурсове (чиновнике петербургского градоначальства), обвинявшихся в необнаружении ими подкопа на М. Садовой улице. См. ЦГАОР, ф. Департамента полиции, 3-е делопроизводство, 1881, д. 79, ч. 3, лл. 9—10; ч. 4, л. 176.

буется коренная реформа преимущественно высших учебных заведений, коих устав долгое время не подвергался пересмотру и ныне не вполне соответствует задачам просвещения и охранения порядка. В последние годы в университетах (и других высших учебных заведениях), при особенно усиленном наплыве учащихся, заметно ослабла дисциплина и вместо строгого отношения к преподаванию и требовательности в соответственных успехах от слушателей господствуют послабление и нерешительность, побуждающие студентов к незаконным поступкам и требованиям. Брожение молодых людей вызывается также и тем, что их силам не дается правильного исхода. Благодаря льготам по воинской повинности, преимуществам для гражданской службы, доставляемым дипломом, и множеству казенных стипендий, они искусственно привлекаются к высшему образованию, которое им не всегда под силу, и выходят людьми, непригодными к серьезному труду и не находящими себе никакого дела. Необходимо создание таких учебных заведений, которые подготовляли бы к практической деятельности и тем отвлекали от университетов и других высших учебных заведений посредственность, лишенную обеспечения. Рядом с насаждением таких практических школ, потребующим много времени, необходимы меры административные, которые должны состоять главным образом в усилении надзора, в строгом соблюдении закона и в выборе людей, понимающих ту среду, в которой им придется действовать.

Четвертый вопрос, подлежащий разрешению, — это обеспечение народной производительности и торговли достаточной таможенной охраною и оборотными средствами. По этому предмету была представлена подробная записка. Это даст возможность, даже беспокойной части современного общества, найти себе производительное занятие; в соединении же с облегчением сбережений и обеспечением старости [с] помощью эмеритальных касс и других учреждений удастся значительно увеличить число людей, прямо заинтересованных в охранении порядка и спокойствия. Всего более затруднится при этом вербовка новых членов партии разрушения, которой среди людей довольных и занятых нелегко будет находить себе послушные орудия.

Но успешное разрешение поставленных вопросов требует неизменной последовательности. Колебания и перемены делают все спорным и сомнительным и способны только вносить непоправимый разлад и неустойчивость в нынешнее и без того весьма тревожное положение *.

Генерал-адъютант ИГНАТЬЕВ

22 декабря 1881 год

ЦГАОР, ф. Игнатьева, д. 1455, лл. 1 — 17.

ЗАПИСКА МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ОБ ОТНОШЕНИИ К ЗЕМСТВУ. БЕЗ ПОДПИСИ И ДАТЫ. ПОДЛИННИК. ПИСАРСКИЙ ПОЧЕРК. ПОМЕТЫ РУКОЙ АЛЕКСАНДРА III **

Земские учреждения вскоре после своего возникновения стали с разных сторон подвергаться неосновательным нареканиям и неодобрительным отзывам, вследствие чего определенный законом круг их деятель-

* Абзац: «Но успешное разрешение поставленных вопросов... в нынешнее и без того весьма тревожное положение» — отчеркнут карандашом, и на полях рукой Александра III: «В этом вся суть». Помета императора заверена министром внутренних дел: «Собственною его величества рукою начертано карандашом: «В этом вся суть». Генерал-адъютант Игнатьев».

** На первом листе рукой Александра III: «Читал». В начале этого

ности был понемногу стесняем, а предоставленное им право ходатайства о своих нуждах не всегда достигало цели; в большинстве случаев ходатайства эти или не получали дальнейшего хода, или были отклоняемы.

В конце 1870-х годов стеснение земской деятельности дошло до крайних пределов, чем несомненно было вызвано в самом местном населении некоторое охлаждение к земскому делу.

В 1880 году встречается крутой поворот в отношениях Министерства внутренних дел к земству. В заявлениях своих министерство не только стремилось восстановить земское положение в его полной силе, но даже и расширить его. Так, наприм[ер], разрешены были съезды представителей земств нескольких губерний в Харькове и Одессе по вопросам о дефтерите и жучке.

Циркуляром бывшего министра внутренних дел от 28 декабря прошлого года передан был на рассмотрение земств вопрос о переустройстве крестьянских учреждений, причем предложена была настолько широкая программа для его обсуждения, что земства как бы приглашались выйти за пределы предоставленных им прав [1].

Естественным последствием этого нового отношения министерства к земству было нарушение некоторыми отдельными собраниями пределов своих прав, вторжение, так сказать, в область государственного управления, в виде разнообразных ходатайств и адресов о созыве земского собора, выборных от всех земств и т. п.

Ввиду ясно выраженной в манифесте 29 апреля высочайшей воли не могло представляться сомнения относительно способа действия Министерства внутренних дел по отношению к подобного рода незаконным ходатайствам, и предстоял лишь выбор пути для отклонения, а равно и для уменьшения их в будущем.

В 15-летней истории земства представлялось достаточно примеров крутого отношения не только к земским ходатайствам, но и к отдельным земским деятелям, которые почему-либо навлекали на себя неудовольствие администрации. Но опыт указал, что результатом подобного отношения к земству было значительное ухудшение состава земских деятелей без всякой пользы для правительства и с явным вредом для дел, вверенных заботливости земства. Поэтому надлежало избрать такое отношение правительства к земству, которое без крутых мер дало бы возможность удержать земства в пределах их законных прав.

Вследствие сего, когда поступило сведение о первом случае нарушения Хвалынским, Саратовской губернии, собранием предоставленных ему прав, министерство вызвало в Петербург председателя уездного собрания и председателя губернской земской управы, сделавшего, в качестве гласного, незаконное заявление, и по надлежащем внушении предложило председателю уездного собрания выйти в отставку, а председателю управы не баллотироваться вновь на ту же должность. Когда же по ближайшем разъяснении дела оказалось, что председатель собрания был почти вынужден к своему незаконному поступку тем влиянием, какое имел на него председатель управы, то через три месяца признано было возможным разрешить ему вновь баллотироваться на должность предводителя дворянства.

листа вверху помета заверена министром внутренних дел: «Собственною его величества рукою начертано карандашом: «Читал» 22 декабря 1881 года. Гатчино. Генерал-адъютант Игнатьев».

[1] В действительности циркуляр по данному вопросу был издан 22 декабря 1880 г.

Затем, когда в текущем году Тверское губернское земское собрание постановило ходатайствовать пред правительством о созыве выборных со всей России, министерство разъяснило немедленно же циркулярно всем губернаторам, что такого рода ходатайства не должны быть вовсе опротестовываемы, так как они по самому существу своему наперед уже опротестованы законом, и, на точном основании 13—14 ст. правил о порядке производства дел в общественных и сословных учреждениях, не подлежат ни исполнению, ни дальнейшему производству. Такой способ отклонения незаконных заявлений земства представляется потому наиболее целесообразным, что устраняет вторичное их обсуждение, которое неминуемо последовало бы за протестом.

Далее, все последующие заявления земств были решаемы на основании вышеупомянутого циркуляра. Таким заявления имело место в Херсонском и Псковском губернских и Смоленском и Уржумском уездных собраниях. Заявления эти нигде, по-видимому, не возбуждали серьезного сочувствия земств и оставление их без последствий не вызывало никаких неудобств.

По всем этим незаконным заявлениям не признавалось нужным привлекать кого-либо к ответственности или принимать какие-либо административные меры взыскания. Но следует, очевидно, устранять все поводы к повторению подобных заявлений. До настоящего времени не было принято ни одной административной меры, кроме указанной выше, которая была вызвана крайне предосудительным характером деятельности председателя губернской земской управы.

Но, с другой стороны, строго наблюдая за тем, чтобы земство не выходило из предоставленной ему законом деятельности, Министерство внутренних дел приняло меры к тому, чтобы в пределах местных интересов земства могли действовать возможно самостоятельно.

В административной практике сохранилось много приемов 15-тилетней рутины. Ходатайства земства лежали неразобранными, губернаторы желали опротестовать совершенно законные постановления земства, если они почему-либо могли казаться неприятными администрации. Ныне этому делу дано довольно определенное направление. Живое общение со сведущими людьми дало возможность подвинуть многие ходатайства; начатая ревизия делопроизводства Министерства укажет на причину задержки остальных и поможет устранить ее.

Судя по всем поступающим из губерний сведениям, искусственно возбужденное стремление к представительным учреждениям проявляется всего сильнее в Петербурге и в тех городах, где земские деятели случайно находятся под влиянием некоторых столичных газет или кружков.

Население желает работы и водворения порядка. Ежедневно поступающие заявления ясно доказывают, что земские учреждения и местные деятели пользуются часто гораздо меньшим доверием, чем органы правительственные.

Так как у нас не может быть никакой борьбы или антагонизма между высшею властью и зарождающимися местными учреждениями, то указанное отношение местного населения, конечно, не может существенно изменить взглядов правительства на земство.

Опыт доказывает, что должности, наприм[ер], мировых судей, членов присутствия и проч[ие] по выбору замещаются едва ли не удовлетворительнее, чем по назначению от правительства. При определении сих членов от короны в меньшем числе губерний в общем замечается более жалоб и неудовольствий, нежели в тех губерниях, где они замещаются по выбору. Затруднение значительно возросло бы, если бы правительство во всех губерниях вынуждено было назначать. Земство в этом, как и во многих

других случаях, сделалось и еще в большей мере сделается серьезным помощником власти в деле местного управления.

Самый антагонизм правительства и земства чисто искусственный; в провинциях чувствуется безлюдие в то же время, как в столице много молодых полезных сил не могут найти себе применения. В этом отношении предстоит сделать полезные преобразования.

Надлежало бы восстановить закон, действовавший при императоре Николае I, в силу которого молодые люди, окончившие курс в высших учебных заведениях, не могут поступать в центральные учреждения иначе как прослуживши несколько лет в местных *.

Настоящею осенью несколько земских собраний, как бы по общему соглашению представляя свои заключения о переустройстве крестьянских учреждений, ходатайствуют о том, чтобы для окончательного рассмотрения были приглашены лица, избранные от земства.

В последнее время в таком смысле высказались: Смоленское уездное собрание; Казанское, Херсонское, Новгородское, и Владимирское губернские земские собрания. Хотя все эти заявления, по точному смыслу земского положения, должны быть признаваемы незаконными, но все они изложены в форме общего пожелания; нельзя оставить без внимания следующие облегчающие обстоятельства: и в прежнее время, когда правительством передавались на обсуждение местных учреждений отдельные дела для дальнейшего их рассмотрения в центральных учреждениях, приглашались иногда избранные от местных дворянств или земств лица. Затем самая постановка вопроса в циркуляре бывшего министра внутренних дел давала надежду земствам, что, спрашивая по такой широкой программе, им дадут возможность избрать выборных для защиты и разъяснения в Комиссии под председательством статс-секретаря Каханова высказанные мнения.

Судя по полученным сведениям, нет основания сомневаться, что большая часть земств будет весьма счастлива, если высказанное желание было исполнено; но следует принять в соображение, что подобные заявления проходили в собраниях далеко не единогласно, что значительная часть гласных, частью для строгого охранения законности, несочувственно существу таких заявлений, возражали или оставались при особом мнении.

Ввиду настоящих условий земской деятельности представлялось бы правильным, не придавая преувеличенного значения подобным заявлениям, оставлять их без последствий, но принять в соображение отдельные, особенно резкие, заявления, каковы, наприм[ер], Новгородское и Владимирское, и если будет основание ожидать их повторения, назначать, на точном основании закона, особых председателей губернских собраний там, где губернский предводитель не в состоянии удержать собрания в пределах закона.

Ныне, ввиду возбужденных Новгородским собранием прений о неправильности вызова сведущих людей без участия земства, приглашенный из Новгорода действительный статский советник Костливцев к новому сроку вызова 10 февраля не получит приглашения.

ЦГАОР, ф. Н. П. Игнатьева, д. 1542, лл. 1 — 10.

---

* Фраза: «Надлежало бы восстановить закон... прослуживши несколько лет в местных» — отчеркнута карандашом и против нее на полях рукой Александра III написано: «Это весьма желательно». Помета заверена министром внутренних дел: «Собственною его величества рукою начертано карандашом: «Это весьма желательно». Генерал-адъютант Игнатьев».

БИБЛИОГРАФИЯ*

Энгельс Ф. Исключительный закон против социалистов в Германии. Положение в России. — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, стр. 157 — 158.

Энгельс Ф. Послесловие к работе «О социальном вопросе в России». — Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 22, стр. 438 — 453.

Ленин. В. И. Гонители земства и Аннибалы либерализма. — Соч., т. 5, стр. 21 — 72.

Ленин В. И. Крах II Интернационала. Соч., т. 26, стр. 209—265.

ИСТОЧНИКИ

а) Официально-документальные материалы

Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Тт. 53—55. (1878 — 1880 гг.) СПб., 1880 — 1884.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Тт. 1—2. (1881 — 1882 гг.) СПб., 1885 — 1886.

Отчет по Государственному совету (за 1878—1882 гг.). СПб., 1880 — 1884.

Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел (за 1878 — 1879 гг.). Собр. и изд. Д. Чудовский. СПб., 1880.

Сборник циркуляров Министерства внутренних дел за 1880—1884 гг. Сост. и изд. Д. В. Чичинадзе. СПб., 1886.

Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Тт. 7 — 8. (1877 — 1883.) СПб., 1883 — 1892.

Сенаторские ревизии 1880 года. — «Русский архив», 1912, № 11, стр. 417 — 429. (Доклад министра внутренних дел Александру II от 11 августа 1880 г. и «Особое наставление сенаторам, назначенным... для производства общей ревизии в губерниях: Казанской, Костромской, Воронежской, Тамбовской, Киевской, Черниговской, Саратовской, Самарской». В наставлении содержатся неточности. Документы из бумаг С. С. Татищева.)

Крестьянское движение в России в 1881 — 1889 гг. Сб. документов.

---

* Настоящая библиография не является исчерпывающей. Кроме того, отдельные статьи, включенные позднее в книги, в библиографию не помещены.

Под ред. А. С. Нифонтова и Б. В. Златоустовского. Соцэкгиз, М., 1960. 964 стр. (1881 — 1882 гг., стр. 39 — 129).

Хроника социалистического движения в России. 1878 — 1887. Официальный отчет. М., 1906. 364 стр.

Рабочее движение в России в XIX веке. Сб. документов и материалов. Т. 2. 1861 — 1884. Ч. 2. 1875 — 1884. Госполитиздат, М., 1950. 779 стр. (1878 — 1882 гг., стр. 213 — 508).

Селиверстов Н. Д. и Дрентельн А. Р. Доклады ген.-лейт. Селиверстова и ген.-ад. Дрентельна Александру II. (Август — декабрь 1878 г.) — «Красный архив», 1931, т. 6(49), стр. 112—143.

Дрентельн А. Р. Доклады ген.-ад. А. Р. Дрентельна Александру II. (Апрель — ноябрь 1879 г.) Сообщ. П. Е. Щеголев. — «Красный архив», 1930, т. 3 (40), стр. 125 — 175.

Голицын Н. В. Конституция графа Лорис-Меликова. Материалы для ее истории. — «Былое», 1918, № 4 — 5, стр. 125 — 186. (Помимо обширной вводной статьи публикуются следующие документы: доклады М. Т. Лорис-Меликова Александру II и Александру III от 11 апреля 1880 г., 28 января, 6 марта и 12 апреля 1881 г.; Журнал Особого совещания, созванного 16 февраля для обсуждения предложений Лорис-Меликова; проекты правительственного сообщения; записка П. А. Валуева Александру II от 1 марта 1881 г.; проект письма Лорис-Меликова Валуеву от 2 февраля 1881 г.; его же — Д. М. Сольскому от 5 февраля 1881.; письмо К. П. Победоносцева Лорис-Меликову от 8 марта 1881 г.; записка Д. А. Милютина Лорис-Меликову от 14 марта 1881 г.; записка Лорис-Меликова наследнику престола от 26 февраля 1880 г.; заметка Лорис-Меликова от конца апреля 1881 г. Проект правительственного сообщения о созыве подготовительных комиссий опубликован впервые М. М. Ковалевским в его брошюре «Конституция графа Лорис-Меликова», изданной в Лондоне в 1893 г. Часть документов опубликована в журн. «Русский архив», 1916, № 1 — 3, стр. 5 — 31.)

Гр. Лорис-Меликов и имп. Александр II о положении России в сентябре 1880 г. — «Былое», 1917, № 4 (26), стр. 34 — 38. (Доклад Лорис-Меликова от 20 сентября 1880 г. с пометами Александра II.)

Всеподданнейший доклад гр. П. А. Валуева и документы, к Верховной распорядительной комиссии 1880 г. касательные. — «Русский архив», 1915, № 11 — 12, стр. 216 — 248. (Доклад Валуева от 27 февраля 1880 г. о предположениях Особого совещания; Журнал Верховной распорядительной комиссии за 4, 11 и 24 марта 1880 г.; Журнал Совещания главного начальника Верховной распорядительной комиссии с представителями С.-Петербургского городского общественного управления; доклад Лорис-Меликова Александру III от 11 апреля 1881 г. (Вариант).)

Адриан Михайлов и гр. М. Т. Лорис-Меликов. Сообщ. И. Н. — «Красный архив», 1932, т. 4 (53), стр. 127 — 138. (Письмо Адриана Михайлова на имя Лорис-Меликова, его же прошение на то же имя; доклад Лорис-Меликова Александру II и другие документы.)

Щетинина Г. И. Новый документ по истории внутренней политики России эпохи второй революционной ситуации. (Проект А. А. Сабурова — Д. А. Милютина по университетскому вопросу. 1880 г.) — В кн.: Проблемы источниковедения. Вып. 9. Изд-во АН СССР, М., 1961, стр. 3 — 14. (Текст проекта, стр. 11 — 14.)

Процесс шестнадцати террористов (1880 г.). Под ред. и с примеч. В. Бурцева. СПб., 1906. 236 стр. (Русская историческая библиотека № 3.)

Речь вел. кн. Константина Николаевича 6 апреля 1881 г. (Публ. А. Попельницкого). — «Голос минувшего», 1915, № 2, стр. 208 — 216.

(Речь на заседании соединенных департаментов Государственного совета по вопросу о понижении выкупных платежей.)

К делу 1 марта 1881 года. Неизданные доклады графа Лорис-Меликова, В. К. Плеве, А. В. Комарова. Публ. П[авла] Щ[еголева]. — «Былое», 1918, № 4 — 5, стр. 12 — 69.

Вокруг 1 марта 1881 г. Сообщ. С. Валка. — «Красный архив», 1930, т. 3 (40), стр. 176—184. (Доклады министра внутренних дел Александру III от 2 и 5 марта 1881 г.; записка Александра III от 5 марта 1881 г.; письмо А. А. Герке В. К. Плеве от 28 июня 1881 г.; прошение Геси Гельфман от 23 июня 1881 г.; показания И. П. Емельянова от 22 апреля 1881 г.)

После первого марта 1881 г. Предисл. и публ. С. Валка. — «Красный архив», 1931, т. 2 (45), стр. 147 — 164. (Циркуляры министра внутренних дел губернаторам от 27 марта и 23 мая 1881 г., донесение тамбовского губернатора министру внутренних дел от 15 июля 1881 г.; предписание министра внутренних дел тамбовскому губернатору от 21 июля 1881 г.)

Показания первомартовцев. (Из актов предварительного следствия.) — «Былое», 1918, № 4 — 5, стр. 230 — 310.

Процесс 1 марта 1881 года. СПб., 1906. 262 стр.

Общество «Священной дружины». «Отчетная записка» за 1881—1882 гг. Предисл. П. А. Садикова. — «Красный архив», 1927, т. 2 (21), стр. 200 — 217.

Четыре уставных документа «Народной воли». Публ. и предисл. Б. С. Интенберга. — «Исторический архив», 1962, № 3, стр. 132 — 139.

б) Дневники и воспоминания

Белоголовый Н. А. Граф Михаил Тарнелович Лорис-Меликов. 1878 — 1888. — В кн.: Белоголовый Н. А. Воспоминания и другие статьи. Изд. 4. СПб., 1901, стр. 156 — 193, прил., стр. I — X.

Бобринский А. А. Воспоминания (1880—1881 годы). С предисл. и примеч. М. Мурзановой. — «Каторга и ссылка», 1931, кн. 3 (76), стр. 73 — 129.

Богданович А. В. Три последних самодержца. Дневник. М.—Л., 1924. 503 стр. (Дневник за 1879 — 1881 гг., стр. 11 — 62.)

Валуев П. А. Дневник. 1877 — 1884. Пер. и примеч. В. Я. Яковлева-Богучарского и П. Е. Щеголева. Пг., 1919, VI, 311 стр.

Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1 (1849—1894). Детство. Царствования Александра II и Александра III. Соцэкгиз, М., 1960, LXX, 555 стр.

Государственное заседание 8 марта 1881 года. — «Русский архив», 1906, № 7, стр. 445 — 448. (Современная запись со слов одного из участников заседания. По характеру изложения близка к рассказу Лорис-Меликова В. А. Бильбасову. «Былое», 1918, № 4—5.)

К истории лорис-меликовской «конституции» (Заседание Совета министров 8 марта 1881 г.). Предисл. А. Сергеева. — «Красный архив», 1925, т. 1 (8), стр. 132 — 152. (Из дневника вел. кн. Константина Николаевича, стр. 151 — 152.)

Кони А. Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич. «Academia», М. — Л., 1933. 585 стр.

Кони А. Ф. Граф М. Т. Лорис-Меликов (отрывочные воспоминания). — «Голос минувшего», 1914, № 1, стр. 181 — 202.

Кошелев А. И. Записки Александра Ивановича Кошелева (1812—1883 годы). С 7-ю прил. Berlin, 1884. XII, 272 стр. (гл. 7—8, стр. 239—271).

Кропоткин П. А. Поправка к дневнику В. Н. Смельского (письмо в редакцию). — «Голос минувшего», 1916, № 4, стр. 111—112.

Мещерский В. П. Мои воспоминания. Ч. 2—3. СПб., 1898—1912.

Милютин Д. А. Дневник. Тт. 3—4. Ред. и примеч. П. А. Зайончковского. М., 1950 (Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина. Отдел рукописей). Т. 3. 1878—1880, 324 стр.; т. 4. 1881—1882; 203 стр.

Новицкий В. Д. Из воспоминаний жандарма. Ред. П. Е. Щеголева, предисл. А. Б. Владимирова, примеч. Л. М. Добровольского. «Прибой», Л., 1929. XII, 288 стр.

Пантелеев Л. Мои встречи с гр. М. Т. Лорис-Меликовым. — «Голос минувшего», 1914, № 8, стр. 97—109.

Перетц Е. А. Дневник Е. А. Перетца, государственного секретаря (1880—1883). Предисл. А. Е. Преснякова. Текст подготовил к печати А. А. Сергеев. Госиздат, М.—Л., 1927. X, 171 стр. (Сокращенное изложение хода заседания Государственного совета 8 марта 1881 г. опубликовано в журн. «Былое», 1906, № 1, стр. 194—199.)

Смельский В. Н. Священная дружина (из дневника ее члена). — «Голос минувшего», 1916, № 1, стр. 222—256; № 2, стр. 135—163; № 3, стр. 155—176; № 4, стр. 95—110; № 5—6, стр. 86—105.

Совет министров 8 марта 1881 года. Рассказ гр. Лорис-Меликова В. А. Бильбасову. Предисл. Б. Э. Нольде. — «Былое», 1918, № 4—5, стр. 187—193.

Строганов С. А. Из дневника графа С. А. Строганова. (Март 1881 г.) Сообщ. Н. Павлова. — «Дела и дни», 1920, кн. 1, стр. 426—429.

Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. Дневник. (Вып. 2.) 1855—1882. Пер. Е. В. Герье. Вступит. статья и примеч. С. В. Бахрушина. М., 1929, 259 стр.

Феоктистов Е. М. Воспоминания. За кулисами политики и литературы. 1848—1896. Ред. и примеч. Ю. Г. Оксмана. Вводные статьи А. Е. Преснякова и Ю. Г. Оксмана. «Прибой», Л., 1929. XXIX, 428 стр. (гл. 5—6, стр. 162—238).

Фигнер В. Е. Полное собрание сочинений в шести томах. Т. 1. Запечатленный труд. Ч. 1. Изд. О-ва политкаторжан, М., 1930. 424 стр. (гл. 7—14, стр. 150—310).

Чичерин Б. Н. Воспоминания. Земство и Московская дума. «Север», Л., 1934. 372 стр.

Laferté V. Alexandre II. Détails inédits sur la vie intime et sa mort. Paris, 1882. 219 p. (Составлено на основе воспоминаний Е. М. Юрьевской.)

Schweinitz, von. Denkwürdigkeiten des Botschafters General v. Schweinitz. B. 2. Berlin (1927). 479 S. (1878—1882 гг., стр. 1—219.)

ПИСЬМА

Вождь реакции 60—80-х годов (письма Каткова Александру II и Александру III). — «Былое», 1917, № 4 (26), стр. 3—32.

Переписка П. Д. Голохвастова с И. С. Аксаковым о «Земском соборе». — «Русский архив», 1913, № 1, стр. 93—111.

Гаршин В. М. Неизданное письмо. (М. Т. Лорис-Меликову от 25 февраля 1880 г.) — «Красный архив», 1934, т. 3(64), стр. 143—144.

Гаршин В. М. (Письмо М. Т. Лорис-Меликову от 21 февраля

1880 г.) — В кн.: Гаршин В. М. Полное собрание сочинений. Т. 3. Письма Ред. статьи и примеч. Ю. Г. Оксмана. «Academia», М. — Л., 1934, стр. 207.

П. Д. Голохвастов о Русском государственном строении и Земском соборе. Сообщ. Н. В. — «Русский вестник», 1905, кн. 2, стр. 745 — 762. (Извлечения из записок и писем К. П. Победоносцеву и И. С. Аксакову.)

Гр. Лорис-Меликов и Ф. Ф. Павленков. Сообщ. Б. Федоров. — «Голос минувшего», 1919, № 1 — 4, стр. 169 — 174. (письмо политического ссыльного Лорис-Меликову от 23 августа 1880 г.).

Лорис-Меликов М. Т. Исповедь графа Лорис-Меликова (письмо Лорис-Меликова А. А. Скальковскому от 14 октября 1881 г.). Сообщ. С. Шпицер. — «Каторга и ссылка», 1925, кн. 2 (15), стр. 118 — 125.

Первые недели царствования императора Александра Третьего. Письма К. П. Победоносцева Е. Ф. Тютчевой. — «Русский архив», 1907, № 5, стр. 89 — 102.

Переписка Александра III с гр. М. Т. Лорис-Меликовым (1880 — 1881 гг.). — «Красный архив», 1925, т. 1 (8), стр. 101 — 131.

Письма Победоносцева к Александру III. Т. 1. «Новая Москва», М., 1925. XVI, 448 стр. (Центрархив).

Письма К. П. Победоносцева к гр. Н. П. Игнатьеву (примеч. Р. Кантор). — «Былое», 1924, № 27 — 28, стр. 50 — 89.

К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки с предисл. М. Н. Покровского. Т. 1. Novum regnum. Полутом 1 (1878 — 1883). М. — Пг., 1923. XIV, 439 стр.

Салтыков-Щедрин М. Е. Полное собрание сочинений. Т. 19. Письма. Кн. 2. (1876—1884). М., 1939. 580 стр. (Письма А. Н. Островскому от 25 июня 1880 г. (стр. 158), П. В. Анненкову от 2 и 22 октября 1880 г. (стр. 169 — 170, 175 — 177), М. Т. Лорис-Меликову от 2 сентября 1881 г. (стр. 221—222).)

ПУБЛИЦИСТИКА

Драгоманов М. П. Было бы болото, а черти будут! — «Общее дело» (Женева), 1880, № 35, стр. 7—12.

Драгоманов М. П. Либерализм и земство в России. Genève, 1889, 64 стр.

Драгоманов М. П. Соловья баснями не кормят. Письмо к генералу Лорис-Меликову. Женева, 1880. 8 стр.

[Ковалевский М. М.]. Конституция графа Лорис-Меликова. Лондон, Фонд русской вольной прессы, 1893. 4, 43 стр. В брошюре М. М. Ковалевского помимо проекта правительственного сообщения по поводу намеченной реформы (стр. 36 — 41), приложенной к докладу Лорис-Меликова Александру III от 6 марта 1881 г., опубликован ряд материалов из бумаг Лорис-Меликова, относящихся к вопросу о намеченных реформах: извлечения из записок С. С. Полякова, Б. Н. Чичерина, А. Д. Градовского, маркиза Велепольского, префекта парижской полиции Андриэ и письмо Вильгельма I к Александру III. Проект правительственного сообщения опубликован также Н. В. Голицыным вместе с рядом других документов в журн. «Былое», 1918, № 4—5.

То же. Берлин, 1904. 117 стр. (Стр. 97 — 117: «К характеристике гр. М. Т. Лорис-Меликова» (из его частных писем 1882 — 1885 гг.). Перепеч. из «Освобождения», 1904, № 25. Со вступит. заметкой за подписью: кн. Гр. Волконский.)

То же. Лондон — Петербург, «Свободная мысль», б. г., 80 стр.

Конституционные проекты начала 80-х годов XIX века (записки П. П. Шувалова и А. А. Бобринского). — «Красный архив», 1928, т. 6 (31), стр. 118 — 143.

«Конституционные» проекты царствования Александра II. Публ. К. Л. Берманьского. — «Вестник права», 1905, т. 35, кн. 9, стр. 223—291. (Записка П. А. Валуева и проект нового учреждения Государственного совета (1863 г.); записка вел. кн. Константина Николаевича (1866 г.); доклад Лорис-Меликова Александру II от 28 января 1881 г.)

Лорис-Меликов М. Т. Сущность и значение конституции. Лондон, 1901. 53 стр.

То же. — «Всемирный вестник», 1907, № 10, стр. 1 — 24.

Милютин Д. А. Конспект речи Д. А. Милютина (составленный им самим). 1881. Апрель. Мысли, набросанные на случай нового совещания.— В кн.: Записки Отдела рукописей Всес. б-ки им. В. И. Ленина. Вып. 2. М., 1939, стр. 26 — 29.

Муромцев С. Статьи и речи. Вып. 5. В области политики и публицистики (1880 — 1910.) М., 1910. 142 стр.

Несколько слов по поводу вопросов злобы дня. — «Отечественные записки», 1880, т. 252, № 9, разд. VIII, стр. 140 — 142 (сообщение о беседе Лорис-Меликова с редакторами столичных газет и журналов).

1 марта 1881 года. Прокламации и воззвания, изданные после цареубийства. С предисл. Н. С. Тютчева. Госиздат, Пг., 1920. 26 стр.

Скалон В. Ю. По земским вопросам. Очерки, обозрения, заметки. I. В переходное время 1880 — 1882. СПб., 1905. 353 стр.

Стасюлевич М. М. Речь... в Комиссии по пересмотру закона о печати 1880 года. — В кн.: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Т. I. СПб., 1911, стр. 544 — 549.

Шувалов П. П. Конституционная записка графа П. П. Шувалова (к истории русского освободительного движения в 80-х годах XIX столетия). Публ. И. Д. Шишманова. — «Вестник Европы», 1913, № 8, стр. 136—166.

Периодические издания 1878—1882 гг.

«Московские ведомости», газета. Ред. М. Н. Катков.

«Русь», газета (Москва). Изд.-ред. И. С. Аксаков.

«Голос», газета (С.-Петербург). Изд.-ред. А. А. Краевский и В. А. Бильбасов.

«Земство», газета (Москва). Изд.-ред. В. Ю. Скалон.

«Русские ведомости», газета (Москва). Изд.-ред. Н. С. Скворцов.

«Вестник Европы», журнал (С.-Петербург). Изд.-ред. М. М. Стасюлевич (см. разд. «Внутреннее обозрение»).

«Страна», газета (С.-Петербург). Изд.-ред. Л. Полонский.

«Порядок», газета (С.-Петербург). Изд.-ред. М. М. Стасюлевич.

«Отечественные записки», журнал (С.-Петербург). Изд. А. А. Краевский, ред. М. Е. Салтыков-Щедрин (при соредакторстве Н. К. Михайловского и Г. З. Елисеева) (см. разд. «Внутреннее обозрение»).

«Русская мысль», журнал (Москва). Изд. В. М. Лавров, ред. В. М. Лавров и С. А. Юрьев (см. разд. «Внутреннее обозрение»).

«Общее дело», газета (Женева). Ред. А. Х. Христофоров и Н. А. Белоголовый.

Революционная журналистика семидесятых годов. 2-е прил. к сб. «Государственные преступления в России», издающимся под ред. Б. Базилевского (В. Богучарского). Б. м. и г., 312 стр. (Русская исто-

рическая библиотека № 7). («Земля и воля!. Социально-революционное обозрение», № 1—5; «Листок Земли и воли. Революционная хроника», № 1—6.)

«Литература партии „Народная воля“». 3-е прил. к сб. «Государственные преступления в России», изд. под. ред. Б. Базилевского (В. Богучарского). Вып. 1—2. СПб., 1907. (Русская историческая библиотека № 9—10.) Вып. 1, 286 стр., вып. 2, 346, III стр. («Народная воля. Социально-революционное обозрение», № 1—9; «Листок Народной воли», 1880, № 1—3; 1881, № 1; «Рабочая газета», № 1—3; программные документы, прокламации и другие материалы).

Литература партии «Народная воля» [Изд. 2]. Под ред. А. В. Якимовой-Диковской и др. Изд. О-ва политкаторжан. М., 1930. 336 стр. (Периодические издания. Документы.)

ЛИТЕРАТУРА

а) До 1917 г.

Богучарский В. Я. Из истории политической борьбы в 70—80-х годах XIX века. Партия «Народная воля», ее происхождение, судьбы и гибель. М., 1912, IV, 483 стр.

Веселовский Б. История земства. Т. 3. СПб., 1911, 709 стр. (гл. 11—12, стр. 226—288).

Георгиевский А. Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков. СПб., 1890. VI, 302 стр.

Корнилов А. А. К истории конституционного движения конца 70-х и начала 80-х годов. — «Русская мысль», 1913, кн. 7, стр. 25—46.

Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. Ч. 3. Изд. 2. М., 1918. 331 стр. (лекции 36—39, стр. 193—239, 265—293).

Корнилов А. А. Общественное движение при Александре II (1855—1881). М., 1909. 263 стр. (гл. 23—24, стр. 230—260).

Неведенский С. Катков и его время. СПб., 1888. 569 стр. (гл. 12, стр. 511—548).

Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902. СПб., 1902, 785 стр. (гл. 7—8, стр. 480—698).

Розенберг В. и Якушкин В. Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. Статьи. М., 1905. 251 стр.

Середонин С. М. Исторический обзор деятельности Комитета министров, Т. 3. Ч. 1—2. СПб., 1902 (к столетию Комитета министров). Ч. 1. 358 стр. (гл. 1, стр. 1—158). Ч. 2. 315 стр. (гл. 5, стр. 1—93).

Татищев С. С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. Т. 2. Изд. 2. СПб., 1911. XX, 672 стр. (гл. 32—34, стр. 535—609).

Тихомиров Л. Конституционалисты в эпоху 1881 года. Изд. 3, пересмотр. М., 1895. 109 стр.

Шишманов И. Д. К вопросу о роли графа П. П. Шувалова в конституционном движении 80-х годов. — «Вестник Европы», 1914, кн. 1, стр. 197—221; кн. 2, стр. 183—198.

Щеголев П. Е. Из истории «конституционных» веяний в 1879—1881 гг. — «Былое», 1906, № 12, стр. 262—284.

б) После 1917 г.

Батова Е. И. Крестьянское движение в «великорусских» губерниях в период революционной ситуации 1879—1880 гг.— «Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та», 1958, т. 13, стр. 62—99 (Данные о размере крестьянских волнений спорны. Так, за 1881—1882 гг. они значительно преувеличены по сравнению с данными сборника «Крестьянское движение в России в 1881—1890 гг.». М., 1960).

Валк С. М. Внутренняя политика 80-х и начала 90-х годов.— В кн.: История СССР. Россия в период победы и утверждения капитализма (1862—1894). На правах рукописи. М., 1951, стр. 910—937. (Ин-т истории АН СССР. Материалы к обсуждению.)

Вдовин В. А. Крестьянский поземельный банк (1883—1895). Госфиниздат, М., 1959. 107 стр.

Волк С. С. Программные документы «Народной воли» (1879—1882 гг.).— «Тр. Ленингр. отд. Ин-та истории АН СССР», вып. 5. Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.— Л., 1963, стр. 375—473.

Горякина В. С. «Рабочий вопрос» в России в период революционной ситуации 1879—1881 годов.—«Вопросы истории», 1963, № 6, стр. 35—46.

Готье Ю. В. Борьба правительственных группировок и манифест 29 апреля 1881 г.— «Исторические записки», 1938, т. 2, стр. 240—299.

Готье Ю. В. К. П. Победоносцев и наследник Александр Александрович. 1865—1881.— В кн.: Сборник (Публ. б-ки им. В. И. Ленина), № 2. М., 1928, стр. 107—134.

Крикунов В. П. Крестьянское движение на Северном Кавказе в период революционной ситуации в России в 1879—1881 годах.— «Уч. зап. Кабардинск. гос. пед. ин-та», 1955, вып. 7, стр. 57—72.

Оксман Ю. Г. Всеволод Гаршин в дни «диктатуры сердца».— «Каторга и ссылка», 1925, кн. 2(15), стр. 126—135.

Тарле Е. В. Кн. Бисмарк и цареубийство 1 марта 1881 года. По неизданным документам.— «Былое», 1919, № 14, стр. 19—29.

Твардовская В. А. Кризис «Земли и воли» в конце 70-х годов.— «История СССР», 1959, № 4, стр. 70—73.

Твардовская В. А. Организационные основы «Народной воли».— «Исторические записки», 1960, т. 67, стр. 103—144.

Филиппов Р. В. В. И. Ленин о письме Исполнительного комитета «Народной воли» от 10 марта 1881 г.— В кн.: Вопросы истории. Сб. статей. Вып. 1. Петрозаводск, 1961, стр. 3—12.

Фирсов Н. Н. Александр Второй. Личная характеристика (частью по неизданным царским дневникам).— «Былое», 1922, № 20, стр. 116—134.

Фирсов Н. Н. Александр III. Личная характеристика (частью по его неизданным дневникам).— «Былое», 1925, № 1, стр. 85—108.

Фирсов Н. Н. Победоносцев. (Опыт характеристики по письмам.)— В кн.: Фирсов Н. Н. Исторические характеристики и эскизы. Т. 3. Казань, 1926, стр. 5—45.

Хейфец М. И. Архивные материалы М. Т. Лорис-Меликова (К истории второй революционной ситуации в России.) — «Исторический архив», 1959, № 1, стр. 193—203.

Хейфец М. И. Вторая революционная ситуация в России (конец 70-х — начало 80-х годов XIX века). Кризис правительственной политики. Изд-во МГУ, 1963. 240 стр.

Широкова В. В. К вопросу об оценке деятельности «Народной воли».— «Вопросы истории», 1959, № 8, стр. 47—62.

в) Литература на иностранных языках

Heilbronner H. Alexander III and the reform plan of Loris-Melikov.— «The Journal of modern history», 1961, No. 4, pp. 384—397.

Heilbronner H. The Russian plague of 1878—79.—«Slavic Review», 1962, v. 21, No. 1, March, pp. 89—112.

Leroy-Beaulieu A. L'empereur Alexandre II et la mission du nouveau tsar.— «Revues des deux mondes», 1881, t. 44, 1 avril, pp. 647—670.

Leroy-Beaulieu A. L'empire des tsars et les russes. T. 2. Troisième édition, revue et augmentée. Paris, 1893. 432 p.

Leroy-Beaulieu A. La Russie sous le tsar Alexandre III.—«Revue des deux mondes», 1882, t. 51, 15 mai, pp. 375—404.

Steinmann F., Hurwicz E. Konstantin Petrowitsch Pobjedonoszew, der Staatsmann der Reaktionen unter Alexandre III. Königsberg und Berlin, 1933. 281 S.

Venturi F. Il populismo russo. Vol. 1—2. Torino, 1952. Vol. 1, XVII, 633 p.; vol. 2. 635—1194 p.

Vogüé E.-M. de Le général Loris-Mélikof. Dernies mois du règne de l'empereur Alexandre II. — В кн.: Vegüé E.-M. de Spectacles contemporains. Paris, 1891, pp. 225—274.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абаза Александр Агеевич 32, 69, 130, 136, 137, 216, 230, 231, 252—254, 257, 268, 277, 278, 293, 325, 327, 329, 331, 333, 334, 336, 344, 345—348, 350, 351, 353, 358, 360, 364—367, 371, 372, 374, 376, 427.

Абаза Николай Саввич 165, 216, 262, 263, 264, 265, 268, 269, 342

Адельсон Николай Осипович 309

Адлерберг Александр Владимирович — граф, — 146, 150, 152, 234, 293, 325, 340, 371, 422, 423

Аксаков Иван Сергеевич 16, 40, 339, 452—454, 460, 462—467, 470

Александр I — 124

Александр II — 15, 18, 21, 23, 25, 26, 29, 31—36, 38, 41, 42, 46—50, 59, 61, 66, 68, 69, 71—73, 75, 79, 81, 84, 85, 89—91, 94, 98, 106, 108, 112, 119, 122, 126, 127, 130, 131, 137—139, 146, 150—153, 156, 159, 163, 164, 175, 182, 183, 185, 193, 213, 214, 215, 222, 224, 226, 227, 231—235, 238—240, 242, 245, 247, 249, 251—254, 256, 257, 262, 269, 273, 276, 277, 280, 283, 285, 286, 289, 290, 292—295, 299—305, 310, 313, 315—317, 322, 323, 328, 329, 337, 342, 363, 368, 373, 374, 376—378, 383—385, 392, 400, 408, 409, 418, 437, 450, 474, 477

Александр III до 1881 (наследник престола вел. князь Александр Александрович) 6, 19, 25, 26, 28, 30, 31, 33—35, 37—39, 42, 47—49, 57, 69, 91, 112, 138, 139, 141—145, 150—153, 157, 165, 215, 227, 232—234, 255, 294, 300—305, 308, 311—315, 317, 320, 323—328, 331—336, 339—342, 344, 351, 352, 358—360, 364—372, 375, 376, 378—382, 385, 392, 393, 396, 399, 411, 413, 418, 419, 423—425, 428, 432—435, 439, 445—451, 460, 464, 465, 466—468, 470, 471, 478, 485, 486, 488, 490, 491, 493

Александр Михайлович—вел. князь—233

Алексей Александрович — вел. князь — 382

Алексей Михайлович — царь — 195

Ангелов 193

Андрие 48, 177, 178, 322

Андреевский Иван Ефимович 413

Анненков Павел Васильевич 237, 264

Анненский Николай Федорович 186, 187

Апухтин Александр Львович 64—65

Архипов Иван Павлович 437

Арцимович Виктор Андреевич 137

Бакунин Александр Александрович 18

Бакунин Павел Александрович 18

Банухин (по-видимому, Петр Митрофанович) 309

Баранов Николай Михайлович 166, 177, 178, 186, 187, 304, 305—308, 312, 334—336, 341, 351, 380, 400

Баранов Эдуард Трофимович — граф — 69, 326, 422, 429

Баранцов Александр Алексеевич 422

Барыков Федор Лаврентьевич 345

Барятинский Александр Иванович — князь — 194

Баталин И. А. 173

Батьянов Михаил Иванович 165, 168, 191—192

Бекетов Андрей Николаевич 308, 309, 441

Белоголовый Николай Андреевич 40, 48, 49

Берманьский 30

Бернгард Рудольф Богданович 437
Бестужев-Рюмин Николай Николаевич 413
Биконсфильд (Бенджамин Дизраэли) 461
Бильбасов Василий Алексеевич 37, 90, 325, 326, 332
Бисмарк Отто Эдуард Леопольд — князь — 304, 460
Благово Сергей Степанович 308
Блинов 254
Блудов Дмитрий Николаевич — граф — 126
Бобринский Александр Алексеевич — граф — 42, 301, 308, 321—322
Боборыкин Константин Николаевич 390
Богданович Евгений Васильевич 42, 43, 166, 193, 197—199, 200, 308, 310
Богучарский (Яковлев) Василий Яковлевич 23, 32, 50, 51, 73
Бреверн Егор Иванович 422
Бунге Николай Христианович 25, 216, 249—252, 254, 277, 278, 377, 415—417, 422, 426, 429, 430

Валк Сигизмунд Натанович 26, 27, 52, 57
Ваксман С. 26
Валуев Петр Александрович—граф—22, 23, 26—29, 31—33, 35, 37, 51, 53, 59, 60, 64, 69, 72, 73, 76, 77, 85, 86, 88, 91, 97—100, 102, 104, 106, 111, 115, 116, 125—128, 131, 135—147, 150, 152—156, 172, 208, 215, 221, 226, 228, 235, 253, 256, 262—266, 268, 269, 291—295, 301, 304, 311, 322, 323, 325, 326, 327, 330, 331, 333, 334, 339, 340, 358, 359, 364, 366, 376, 428, 470, 476
Ванновский Петр Семенович 188, 377, 422
Вдовин Виталий Александрович 425, 426
Велепольский Сигизмунд Александрович — граф — 42, 48, 322
Велио Иван Осипович — барон — 188, 245, 248, 341
Веригин Александр Иванович 422
Веселовский Борис Борисович 81, 317
Вильгельм I, Фридрих Людвиг 294, 301, 325
Вешняков Владимир Иванович 437
Винберг (по-видимому, Федор Федорович) 309
Висковатов Павел Александрович 201
Виташевский Николай Алексеевич 58
Витте Сергей Юльевич — граф — 300
Виттен Вера и Елена 70
Виттенберг Соломон Яковлевич 93
Владимир Александрович — вел. князь — 34, 49, 85, 325, 331, 332, 334, 358, 364, 365, 367, 369, 371—373, 422, 468
Вогюе (Vogüé) Ежен-Мельхиор 47
Воейков Дмитрий Иванович 413, 461, 464, 465
Войцехович Алексей Иванович 150
Волховский Феликс Вадимович 48, 50
Воронцов-Дашков Илларион Иванович — граф — 308, 310, 311, 335, 339, 340, 381, 398, 399, 422, 464, 465
Вяземский Павел Петрович—князь—342

Гагарин Павел Павлович — князь — 126
Газенкамф Михаил Александрович 16
Гайдебуров Павел Александрович 90
Галаган Григорий Павлович 420
Галкин-Врасский Михаил Николаевич 124, 248, 249
Гамбетта Леон-Мишель 177
Гамерлей Генрих Карл 30, 334, 340, 358, 377
Гаршин Всеволод Михаилович 163
Гейден Федор Логвинович — граф—422
Герье Владимир Иванович 447, 448
Гиляров-Платонов Никита Петрович 263
Гильденштубе Александр Иванович 422
Гинцбург Гораций Осипович — барон — 380, 417, 418
Гирс Николай Карлович 230, 326, 422, 423
Глазунов Иван Ильич 189, 308
Глазунов 309
Глинка Дмитрий Григорьевич 200
Глинка-Маврин Борис Григорьевич 309
Гольденберг Григорий Давидович 286
Голицын Иван Михайлович — князь — 91
Голицын Николай Владимирович — князь — 25, 51

Головнин Александр Васильевич 31, 37, 40, 42, 131, 136, 137, 138, 201—203, 382, 385, 417, 422, 423, 446—448
Голохвастов Дмитрий Павлович 37, 40, 452—454, 457, 460—467
Голохвастова 454
Гольцов Виктор Александрович 18
Горсткин 309
Горчаков Александр Михайлович — св. князь — 126, 230
Горчаков Иван Александрович — князь — 345, 421
Готовцев Дмитрий Валерьянович 413, 433
Готье Юрий Владимирович 52, 315, 367
Градовский Александр Дмитриевич 42, 48, 131, 320—321
Грейг Самуил Алексеевич 76, 98, 104, 105—107, 111, 118, 216, 231, 252, 423, 429, 430
Григорьев Василий Васильевич 90, 149
Гриневицкий Игнатий Иоахимович 295, 300
Грот Альфред Федорович 91
Грот Константин Карлович 248, 249, 422
Грюнвальд Константин Константинович 30
Гурко Иосиф Владимирович 89, 98, 114, 162, 419

Давиденко Иосиф Яковлевич 93
Далаго Венидикт Васильевич 26
Делянов Иван Давидович 61, 117, 119, 277—279, 341, 437, 441, 443—445, 448, 449, 471
Дитерихс Федор Карлович 309
Дмитриев Федор Михайлович 278, 420, 437
Добролюбов Николай Александрович 318
Долгорукая Е. М. — княгиня — см. Юрьевская
Долгоруков Владимир Андреевич — князь — 98, 422
Домонтович Константин Иванович 345
Дондуков-Корсаков Андрей Михайлович — князь — 380, 423
Достоевский Федор Михайлович 35
Драгоманов Михаил Петрович 162
Дрентельн Александр Романович 22, 83, 85, 89, 98, 105—107, 118, 138—140, 144, 150, 164, 189, 379
Дробязгин Иван Васильевич 93
Дубовской Николай Никанорович 35
Дурдин 309
Дурново Иван Николаевич 463
Духинов 256
Екатерина I 233
Екатерина II 267
Елисеев (по-видимому, Григорий Захарович) 308, 309
Епанешников Иван Васильевич 52, 53

Желябов Андрей Иванович 17, 36, 189, 302, 352, 367, 469, 470, 477, 478
Жуковский Петр Владимирович 308
Жуковский Юрий Галактионович 265

Заблоцкий-Десятовский Андрей Парфенович 308, 422
Забрамский 285
Засулич Вера Ивановна 20, 45, 58, 59, 61, 69, 70, 475
Зуров Александр Ельпидифорович 186, 400

Игнатьев Алексей Алексеевич 335
Игнатьев Алексей Павлович—граф—335
Игнатьев Николай Павлович—граф—6, 26, 28, 31, 36, 37, 39, 40, 46, 225, 335—339, 342, 349, 350, 358, 360, 364, 370, 372, 374, 376, 379—400—402, 407, 410—413, 415—419, 422—424, 426—437, 441, 445—457, 459—472, 478, 479, 485, 486, 488, 490, 491, 493
Игнатьев Павел Николаевич—граф—69
Имеретинский Александр Константинович — князь — 165, 169, 170, 171
Исаков Николай Васильевич 277, 278, 422
Истомин 441

Кавос (по-видимому, Цесарь Альбертович) 189
Кавелин Константин Дмитриевич 15
Казем-Бек Александр Александрович 400
Калачов Виктор Васильевич 420

59-2

Кальноки Густав Зигмунд — граф — 30, 334, 340, 358, 377, 380
Каракозов Дмитрий Владимирович 473
Кардо-Сысоев В. В. 173
Карпов (по-видимому, Яков Карпович) 310
Катков Михаил Никифорович 32, 40, 44, 89, 115, 150, 151, 153, 154, 159, 214, 215, 305, 341, 373, 386, 411, 439—441, 445, 448, 449, 461, 464, 468—470
Каханов Михаил Семенович 21, 28, 68, 158, 165, 179, 180, 182, 189, 193, 220, 225, 262, 263, 264, 268, 284, 342, 343, 357, 380, 382, 400, 422, 432, 433, 487
Квист Оскар Ильич 308
Квятковский Александр Александрович 188, 189
Кениг Лев 309
Киреев Александр Алексеевич 31, 34, 35, 53, 148, 159, 216, 227, 304
Клемансо Жорж 177
Клеточников Николай Васильевич 171, 286
Клушин Павел Николаевич 422, 423, 470
Клячко (Львов) Л. 380, 417
Кобеко Дмитрий Фомич 308,
Кобызев 309
Ковалевский Михаил Евграфович 28, 165, 183—185, 239, 422
Ковалевский Максим Максимович 45, 48, 49, 163
Ковальский Иван Мартынович 58, 75
Козлов Александр Александрович 400
Козлов Николай Илларионович 64,
Коковцев Константин Константинович 437
Колюпинов Нил Петрович 420
Комаров Александр Владимирович 302
Комаров Виссарион Виссарионович 263
Кони Анатолий Федорович 59, 151
Константин Константинович — вел. князь — 31, 35, 148, 159
Константин Николаевич—вел. князь— 29, 33, 34, 35, 37, 69, 115, 128—130, 135—141, 143—145, 148, 159, 201, 220, 232, 291—293, 304, 325, 331, 332, 334, 342, 343, 358, 429, 476
Корндорф Ирина Иосифовна 6
Корнилов Александр Александрович 49, 50
Корнилов Федор Петрович 422, 423
Коростелин Владимир Анатольевич 55
Коростовец (по-видимому, Владимир Иванович) 308
Корф Модест Андреевич — барон — 126
Корф — барон — 189
Костров 431
Котляревский Михаил Михайлович 58
Котляревский (по-видимому, Павел Николаевич) 309
Котомин Илья Алексеевич 308
Коченов Варфоломей см. Любимов Николай Алексеевич
Кошелев Александр Иванович 259—262
Кравчинский (Степняк) Сергей Михайлович 59, 75
Краевский Андрей Александрович 44, 263, 308, 309, 447, 448
Кривой Василий Семенович 14
Кропоткин Дмитрий Николаевич — князь — 83
Крундышев (по-видимому, Степан Иванович) 308
Куканов Егор Федорович 309
Куломзин Анатолий Николаевич 428

Лавров Петр Лаврович 45
Лалаев Матвей Степанович 437
Ламанский Евгений Иванович 308, 441
Латкин 309
Лаферте (Laferté) Виктор 38, 53, 234
Левашев Владимир Васильевич 308
Лемке Михаил Константинович 398
Ленин Владимир Ильич 7, 16, 45, 46, 228, 288, 292, 298, 333, 357, 378, 379, 407, 419
Лермонтов Геннадий Васильевич 309
Леруа Болье (Leroy-Beaulieu) Анатоль 46, 47
Ливен Андрей Александрович — князь — 144, 220, 257, 277, 278, 325, 331, 332, 423
Лизогуб Дмитрий Андреевич 93
Линдфорс А. Ф. 18

Липин Иван Яковлевич или Михаил Пантелеимонович 309
Литвинов М. И. 309
Лихачев Владимир Иванович 189, 308, 441
Логовенко Иван Иванович 93
Лозинский Милетий Платонович 187, 188
Лопатин Герман Александрович 45
Лорис-Меликов Михаил Тариелевич — граф — 20, 22—28, 32—40, 42—54, 56, 89, 96, 97, 116—120, 146, 151—154, 156—169, 175, 177, 178, 179—182, 185—191, 192—194, 203, 207—240, 242—249, 251—258, 260—265, 268, 269, 277—279, 282—299, 302, 304, 306, 307, 313—316, 318, 320, 323—334, 336, 338—344, 346—348, 350—360, 363, 364—369, 372—374, 376, 385, 387, 396, 397, 405, 419, 424, 427, 429, 430, 447, 476, 477, 479
Любимов Николай Алексеевич 449, 461
Любощинский Марк Николаевич 422, 423
Людовик XVI 311

Майданский Лейба (Лев) Осипович 93
Маков Лев Савич 61, 68, 72, 73, 76, 85, 90, 92, 98, 102, 105, 108—111, 137—142, 144, 150, 152, 175, 176, 189, 215, 217, 219, 220, 225, 226, 234, 257, 258, 262—264, 325, 327, 328, 332, 340, 351, 422, 470
Малинка (Малинко) Виктор Алексеевич 93
Мансуров Борис Павлович 326, 401, 422, 427, 430, 470
Мария Александровна — императрица — 91, 233
Мария-Антуанетта 461
Мария Федоровна — императрица — 450, 461
Маркс Карл 44
Марков Павел Алексеевич 28, 165, 168, 181
Маркус Владимир Михайлович 422, 423
Мезенцов Николай Владимирович 20, 59, 60, 65, 69, 72, 73, 74, 75, 80, 284
Мейер 177
Меншуткин Василий Михайлович 308
Мержанова Леонида Михайловна 70
Меркулов Василий Аполлонович 285
Мерсье 178
Метлин Николай Федорович 422
Милютина Мария Агеевна 231
Милютин Дмитрий Алексеевич — граф — 23, 24, 27, 29, 31—33, 37, 40—42, 46, 53, 69, 72, 73, 75, 79, 83, 85, 86, 89, 90, 98, 105, 130—137, 150, 151, 155, 159, 165, 216, 230, 231, 234, 269—273, 276, 277, 278, 279, 301, 303, 304, 308, 312, 325, 327—334, 336, 341, 343, 350, 351, 358, 360—365—367, 372—374, 375, 377, 382, 417, 446—448
Милютин Николай Алексеевич 231
Минаев Дмитрий Дмитриевич 468
Минин Кузьма Минич 162
Митьков 189
Михаил Николаевич — вел. князь — 69, 325, 331, 422
Михайлов Александр Дмитриевич 478
Михайлов Адриан 208
Михайловский Николай Константинович 50, 162, 216
Михельсон Мориц Ильич 309
Млодецкий Ипполит Иосифович 36, 48, 163, 164, 187, 285
Мордвинов Семен Александрович 239
Морозов Николай Александрович 17
Морокин 431
Муравьев Николай Валерианович 468
Мровинский Константин Осипович 489
Мурашко Ф. 178
Муромцев Сергей Александрович 43, 204, 237
Мясоедов Петр Александрович 309

Набоков Дмитрий Николаевич 73, 76, 77, 86, 107, 113, 268, 293, 325, 330, 331, 358, 359, 360, 364, 372, 374, 401, 416, 417, 422
Наполеон I Бонапарт 460
Наполеон III 460
Наумов Д. А. 421
Небольсин Григорий Павлович 422
Нечаев Сергей Геннадиевич 469, 470
Николаи Александр Павлович 282, 283, 341, 358, 364, 374, 422, 436, 437, 441, 445—449

Николай Александрович — вел. князь — 304
Николай Николаевич — вел. князь — 69
Николай I 392
Никонов 58
Новицкий Василий Демьянович 188, 226, 335, 379
Новосильцев Николай Николаевич 125
Новосильский Федор Михайлович 422
Нольде Борис Эмануилович — барон — 48

Оксман Юлиан Григорьевич 468
Оленин Н. П. 421
Ольденбургский Петр Георгиевич — принц — 69, 326, 331, 332
Орловский 309
Островский Михаил Николаевич 349, 350, 381, 416, 422, 426, 429, 431, 448, 463, 466—468, 471
Островский Александр Николаевич 298

Павел Александрович — вел. князь— 325
Павленков Флорентий Федорович 186, 187
Павлов (по-видимому, Платон Васильевич) 379
Пазухин Александр Дмитриевич 479
Пален Константин Иванович—граф — 59, 60, 61, 69—72, 76, 422, 423
Панин Виктор Никитич — граф — 126
Панютин Степан Федорович 93, 95, 159
Перетц Егор Абрамович 30, 31, 33, 34, 37, 51, 130, 131, 137—141, 144, 145, 221, 222, 225, 226, 231, 232, 254, 256, 308, 325, 326, 330—332, 339—342, 348, 350, 351, 357, 364, 365, 370, 371
Перовская Софья Львовна 478
Перфильев Степан Степанович 165
Петрункевич Иван Ильич 18
Пещуров Алексей Алексеевич 326
Пиллар фон Пильхау Анна Карловна 91
Писарев Дмитрий Иванович 318
Плансон А. А. 18
Плеве Вячеслав Константинович 27, 29, 341, 400, 401, 407, 408, 437, 445
Плеханов Георгий Валентинович 300
Подбельский Папий Павлович 341, 438
Победоносцев Константин Петрович 32, 33, 39, 42, 151, 157—159, 165, 215, 216, 227, 232, 233, 262, 264, 268, 277—279, 294, 295, 303, 305, 306, 311, 312, 320, 324, 325, 328—332, 333—336, 338—341, 343, 344, 349—351, 358—360, 364—366, 368—374, 378, 380—384, 396, 399—401, 411—413, 420, 422, 427, 428, 430, 431, 447—449, 462, 464—466, 470—472, 478
Пожарский Дмитрий Михайлович — князь — 162
Пойда Дмитрий Павлович 11
Полежаев 256
Полетика Василий Аполлонович 263
Поликарпов 285
Половцов Александр Александрович 31, 34, 41, 85, 131, 221, 226, 227, 234, 239, 284, 304, 311, 312, 334, 336, 340, 343, 344, 352, 357, 428, 433
Полонский Леонид Александрович 149
Посьет Константин Николаевич 257, 277, 278, 325, 328, 330, 332, 423
Потехин Павел Антипович 308, 309, 441
Пресняков Александр Евгеньевич 33
Пресняков Андрей Корнеевич 48, 188, 189
Путилин (по-видимому, Василий Дмитриевич) 309
Путятин Евфим Васильевич 422
Пыпин Александр Николаевич 265

Рейнштейн Николай Васильевич 83
Рейтерн Михаил Христофорович 126, 417, 422, 429, 471
Рембелинский Николай Михайлович 200
Ржанов 193
Родичев Федор Измайлович 18
Розовский Иосиф Исаакович 187, 188
Ротин 309
Рубинштейн Николай Григорьевич 35
Рысаков Николай Иванович 438
Рычков Николай Дмитриевич 247

Сабуров Андрей Александрович 215, 231, 263, 264, 269—273, 274,

276—281, 283, 325, 330, 331, 341, 437
Савицкий 92
Савченко 178
Салтыков (Щедрин) Михаил Евграфович 40, 56, 90, 149, 158, 237, 263, 298, 308
Самарин Дмитрий Федорович 420, 431, 461
Сан-Галли Франц Карлович 309
Селиверстов Николай Дмитриевич 74, 76
Семевский Михаил Иванович 37, 90, 95, 149, 150, 308—310, 441
Семенов-Тян-Шанский Петр Петрович 345
Сергей Александрович — вел. князь— 325
Сергеев Александр Александрович 33
Скалон Василий Юрьевич 43, 204, 260
Скальковский Александр Аполлонович 40, 214, 217
Скобелев Михаил Дмитриевич 13
Соколов (по-видимому, Аркадий Федорович) 309
Соловьев Александр Константинович 22, 156, 158
Сольский Дмитрий Мартынович 293, 325, 329, 330, 331, 417, 422, 429
Сперанский Михаил Михайлович — граф — 124, 292
Старицкий Евгений Павлович 422
Стасюлевич Михаил Матвеевич 44, 263
Степняк-Кравчинский см. Кравчинский
Стояновский Николай Иванович 350, 422
Строганов Сергей Григорьевич — граф — 326, 328, 331—333, 369, 370, 382, 439
Суворин Алексей Сергеевич 263
Суворов Александр Аркадьевич —св. князь — 422
Судейкин Григорий Порфирьевич 382
Судиенко Иосиф Михайлович 391

Танеев Сергей Александрович 231
Татищев Сергей Спиридонович 49, 50, 238, 241
Теглев Павел Павлович 489
Тетерка Макар Васильевич 285
Тимашев Александр Егорович 59, 65, 67, 79, 130, 226, 349, 422, 423, 428
Титов Владимир Павлович 422, 423
Толстой Дмитрий Андреевич—граф— 6, 51, 57, 59, 98, 104, 105, 111, 119, 149, 189, 212—216, 279, 281, 428, 436, 437, 441, 443, 472, 479
Тотлебен Эдуард Иванович—граф — 21, 30, 89, 93, 94, 95, 108, 113, 159
Трепов Федор Федорович 58, 150, 152, 153, 308, 309
Трофимов Александр Иванович 309
Тютчева Екатерина Федоровна 33, 39, 157, 233, 277, 279, 294, 305, 306, 311, 312, 325, 351, 364, 366, 382

Урусов Сергей Николаевич—князь— 29, 59, 69, 98, 105, 128, 138—140, 143, 144, 262—265, 268, 282, 293, 325, 330—332, 358, 359

Фадеев 464
Фадеев Ростислав Андреевич 42, 43, 166, 193—197, 199, 200
Феоктистов Евгений Михайлович 115, 231, 335, 371, 418, 463, 466—469, 471
Федоров Николай Павлович 309
Фигнер Вера Николаевна 57, 298
Филиппов Тертий Иванович 233, 428
Философов Владимир Дмитриевич 86, 309, 422, 423
Фредерикс Николай Петрович — барон — 308
Фриш (по-видимому, Эдуард Васильевич) 262—265, 268
Фурсов Василий Васильевич 489

Халтурин Степан Николаевич 148, 227
Хейфец Михаил Исаевич 52—56, 284
Христианович Сергей Филиппович 308

Целебеев 308
Церетелев Петр Николаевич — князь — 413

Чайковский Петр Ильич 35
Черевин Петр Александрович 69, 165, 188, 222, 225, 227, 342, 381, 396, 398, 399, 400, 488

нышевский Николай Гаврилович 318
тков Михаил Иванович 95
ерин Борис Николаевич 40, 42, 48, 233, 254, 317—322
аров Сергей Федорович 93
ров Александр Иванович 18, 43, 204

мшин Иван Иванович 165, 166, 168, 221, 222, 239
алов 421
ковской Алексей Николаевич — князь — 464
йниц (Schweintz) Ганс Лотарь 64, 304, 375
алов Бобби см. Шувалов Павел Петрович
алов Павел Петрович — граф — 0, 41, 291, 322, 464, 465

Шувалов Петр Андреевич — граф — 22, 34, 83, 336, 375, 382, 422, 427

Щеголев Павел Алексеевич 26, 32, 73, 309
Щербатов Александр Алексеевич — князь — 420
Щетинина Галина Исидоровна 270

Юрьевская (Долгорукова) Екатерина Михайловна — св. княгиня — 36, 38, 53, 225, 226, 233, 234, 342
Юрьевский Георгий Александрович 233
Юзефович Владимир Михайлович 177, 231, 245

Эйлер Елизавета Павловна 366
Энгельс Фридрих 17, 44, 45

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора 5
Введение 7
Глава I. Усиление политической реакции в конце 70-х годов . . 58
Глава II. Верховная распорядительная комиссия 148
Глава III. Министерство М. Т. Лорис-Меликова 230
Глава IV. От 1 марта до 29 апреля 300
Глава V. Министерство Н. П. Игнатьева 379
Заключение 473
Примечания 480
Приложения 485
Библиография 494
Указатель имен 503

Петр Андреевич Зайончковский

КРИЗИС САМОДЕРЖАВИЯ
НА РУБЕЖЕ 1870—1880 годов

Тематический план 1964 г. № 99

Редактор А. И. Гуковский
Переплет художника И. С. Клейнарда
Технический редактор Г. И. Георгиева

Сдано в набор 6/XI 1963 г.
Подписано к печати 2/VII 1964 г.
Л-111527 Формат 60×90/16
Физ. печ. л. 32,0
Уч.-изд. л. 33,13 Изд. № 535
Зак. 747 Тираж 5000 экз.
Цена 2 р. 20 к.

Издательство Московского
университета
Москва, Ленинские горы
Типография Изд-ва МГУ
Москва, Ленинские горы